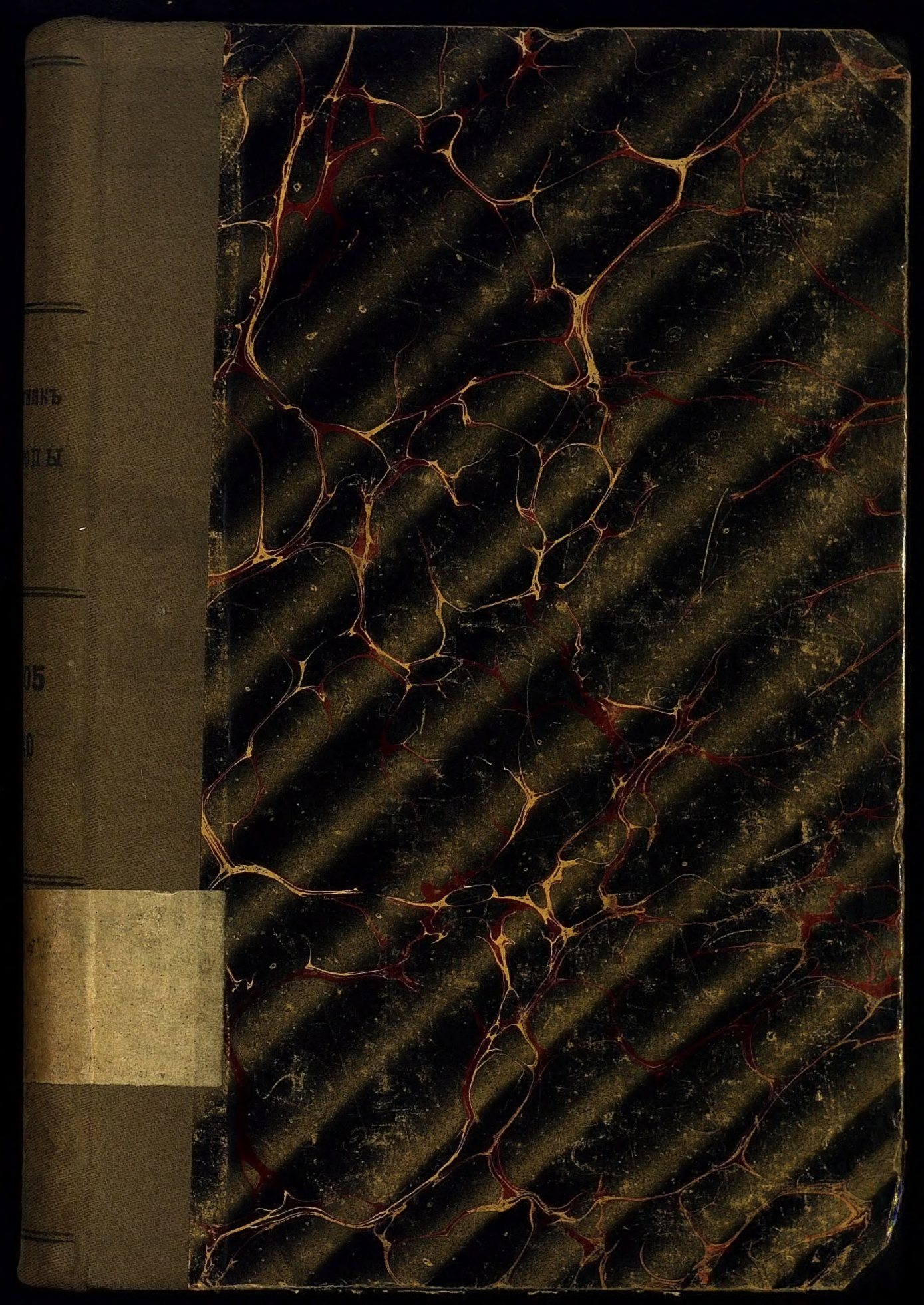
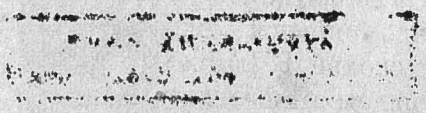


ющихъ отъ невѣрующихъ. Человѣкъ,
ью и человѣкъ, живущій одной плотью—н
разныя существа! Я нахожусь въ обществ
жившихъ свое счастіе въ наслажденіи бога
, достиженіи почестей. Они боятся смерт
огаются они при видѣ больного, при вид
, даже при извѣстіи, что въ городѣ есть по
знь. Страхъ этотъ томитъ ихъ ежечасно.
проходитъ въ суетномъ исканіи призрачнаг
кивотныхъ наслажденій. И теперь я см
.. Ты, осужденный на страшную смерть,
я духомъ! Ты болѣзнь и силенъ. Ты идешь н



К

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

15337

т. 5

СОРОКОВОЙ ГОДЪ. — КНИГА 10.

Московский ... Библиотека имени И. З. Сурикова ... Красно-Пресн.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

ОКТЯБРЬ, 1905.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

КНИГА 10-я. — ОКТЯБРЬ, 1905.

стр.

I.—ИЗЪ ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ ГР. А. К. ТОЛСТОГО: I. Письма Ивана Аксакова.—II. Письма гр. Владиміра Соллогуба 441

II.—„ЗАПИСКИ" О СИРІИ И ПАЛЕСТИНѢ.—**В. Теплякова** 448

III.—МАХРОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ.—Повѣсть.—I-VIII.—**В. И. Б—ной** 480

IV.—ПАСХА НА КАПРИ.—Очерки изъ жизни современной Италіи.—I-IX.—**Л. Рускина** 517

V.—ПОЛЯ.—Изъ воспоминаній орловскаго помѣщика Михаила Ивановича Пущинскаго.—**Графини А. А. Толстой** 559

VI.—ИЗЪ ПОѢЗДКИ ВЪ САРОВЪ.—Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.—I-IV.—**Л. Е. Оболенскаго** 588

VII.—ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ. Романъ.—Paul Adam, „Le Serpent noir".—I-II.—Съ франц. **З. В.** 630

VIII.—ТВОРЧЕСТВО И. С. ТУРГЕНЕВА, ПРОЦЕССЪ ЕГО И ПРІЕМЫ.—**П. Гутьяра** 681

IX.—ВЪ РОЗОВОМЪ ЦВѢТѢ.—Разсказъ.—W. Weigand, Novellen: Anselm der Hartheimer.—I-VII.—Съ нѣм. **О. Ч.** 699

X.—„СКЕРЦО" НА ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ.—**А. М. Жемчужникова** . . . 731

XI.—ХРОНИКА.—Народное представительство и правовой порядокъ.—**Л. З. Слонимскаго** 736

XII.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ оффиціальной „Коммиссіи о центрѣ".—**Д. Рихтера** 745

XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею.—Общіе результаты мира.—Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте.—Старые грѣхи нашей международной политики . . . 780

XIV.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—I. Бельтовъ, За двадцать лѣтъ.—II. Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II.—III. І. Табурно, Правда о войнѣ.—IV. Танъ, Стихотворенія.—V. Оптимистъ, Въ ожиданіи.—VI. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.—**Евг. Л.**—VII. Ремесла и промыслы Херсонской губерніи.—VIII. А. А. Кауфманъ, Переселеніе и колонизація.—IX. А. Кофодъ, Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ.—X. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.—А. Ф. Волковъ, Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ.—**В. В.** Новыя книги и брошюры 795

XV.—НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.—Robert Dreyfus. La Vie et les prophéties du comte de Gobineau.—**З. В.** 834

XVI.—ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЫБОРОВЪ.—Письмо въ Редакцію.—**В. И. Герье** 846

XVII.—ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.—Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.—Экономическая программа съѣзда.—Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію" Россіи?—Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье.—Перемѣна въ положеніи нашей высшей школы.—Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей.—Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожая.—Постановленіе с.-петербургскаго дворянства.—Нѣсколько печальныхъ фактовъ 848

XVIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.—А. Ѳ. Кони, Судебныя рѣчи, изд. 4-ое.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, изд. В. К. Николая Михайловича.—Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи, изд. п. р. В. В. Стасова.—Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 7-я: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.—В. Я. Стоюнинъ, Пушкинъ, 2-е изданіе.

XIX.—ОБЪЯВЛЕНІЯ.—I-IV; I-XII.

Подписка на годъ, полугодіе и послѣднюю четверть 1905-го года.
(См. условія подписки на послѣдней страницѣ обертки.)

050
В96

ИЗЪ
ДРУЖЕСКОЙ ПЕРЕПИСКИ
ГР. А. К. ТОЛСТОГО

15337
Московский Совет Красно-Пресн. р. Библиотека имени И. З. Сурикова.
ПРОВЕРЕНО 1928 г.

Отъ Редакціи.

На дняхъ, 28-го сентября, исполнилось тридцать лѣтъ со времени смерти гр. Алексѣя Константиновича, но память о немъ и до сихъ поръ хранится не въ одномъ кружкѣ друзей поэта и почитателей его таланта; интересъ къ его произведеніямъ также не ослабѣлъ въ обществѣ,—но и до настоящаго времени нѣтъ сколько-нибудь обстоятельной его біографіи. Остается продолжать собраніе матеріаловъ для такой біографіи. Въ нашемъ журналѣ появлялись по временамъ очерки и воспоминанія, имѣвшіе отношеніе къ той или другой сторонѣ жизни поэта, и, сверхъ того, было напечатано довольно значительное собраніе писемъ гр. А. К. къ друзьямъ [1]). Мы поставлены въ возможность дополнить нынѣ этотъ матеріалъ письмами друзей поэта къ нему, имѣющими чисто литературный интересъ, такъ какъ въ этихъ письмахъ содержатся отзывы о его произведеніяхъ въ самое время появленія ихъ въ свѣтъ [2]).

---

[1]) См. 1) въ 1895 году: окт., 628; ноябрь, 158; дек., 616; 2) въ 1897 году: апр., 592; май 261; іюнь, 606; іюль, 93 стр.

[2]) Всѣ эти письма весьма обязательно доставлены редакціи С. П. Хитрово, которой принадлежатъ оригиналы.

I.

Письма Ивана Аксакова.

19 марта 1858. Москва.

Вчера вечеромъ получилъ я письмо ваше, любезнѣйшій графъ. Желаніе ваше будетъ исполнено. Деньгамъ, получаемымъ за ваши стихотворенія, буду я вести особый счетъ и буду употреблять ихъ на дѣла общественной и *политической* благотворительности, напр. устройство школы въ Сараевѣ (въ Босніи) и т. п. Изъ стихотвореній, въ вашемъ письмѣ помѣщенныхъ, очень хорошо *второе и третье*, т.-е. „*Какъ селянинъ*, когда грозятъ", „Войны тяжелые удары" и „Западъ гаснетъ вдали блѣднорозовой". Послѣднее очень граціозно и могло бы весьма появиться въ „Бесѣдѣ",—но что же дѣлать, вы уже назначили его для „Вѣстника".

„*Западъ* гаснетъ, меркнетъ" и т. п. выраженія весьма приличны „Бесѣдѣ"; вы ихъ встрѣтите у насъ и въ прозѣ! Ну, да это шутка.

А первое—„Галифаксъ"—должно признаться—мнѣ не совсѣмъ понутру. Странно какъ-то становиться подъ *одно* знамя, чтобы отстаивать *чужое* знамя. Положимъ, что вы относитесь къ Галифаксу совершенно объективно, становитесь на его точку зрѣнія. Но стихи могутъ ввести въ заблужденіе и заставить предположить въ васъ сочувствіе къ такой странной личности.

Я просто считаю это стихотвореніе—въ настоящемъ его видѣ, безъ выраженій вашего собственнаго на этотъ предметъ воззрѣнія—*вреднымъ*.

Вашъ авторитетъ можетъ поощрить многихъ слабодушныхъ и породить *перевертней*. Они не поймутъ вашего стихотворенія и употребятъ его во зло.

Пожалуй, еще М. Н. М*** подпишетъ ихъ подъ свой портретъ. Знаете что? Я и вторымъ-то стихотвореніемъ не очень доволенъ, т.-е. не стихомъ, а содержаніемъ. Вы даете совѣтъ не мужественный, „хоронить подъ темною рѣчью восторженное слово". Нѣтъ, не хорошо, не держи свѣтильника подъ столомъ, а дерзай, обличай, гласи, проповѣдуй, воюй, не смотря ни на что. Я готовъ допустить ваше стихотвореніе въ смыслѣ горькой ироніи, но иронія-то эта не слишкомъ сильна.

Въ настоящее время (1858 г.) въ Россіи полезнѣе проповѣдывать твердость убѣжденій,—пусть она будетъ и пристрастна даже,—чѣмъ juste milieu—всегда подозрительное. Вообще, лю-

безный графъ, вы имѣйте въ виду, что ни „Р. Бесѣда“, ни „Парусъ“ не могутъ, не желаютъ, по крайней мѣрѣ, относиться къ помѣщаемымъ ими стихотвореніямъ безразлично, равнодушно.

Всѣ прочіе журналы въ этомъ отношеніи поступаютъ иначе. Нынѣче—„Богу свѣчу, завтра—чорту свѣчу“. Они правы съ своей точки зрѣнія, относясь къ стихамъ только съ художественной стороны; но мы желаемъ, чтобы каждая строка нашего журнала била въ извѣстную цѣль, пѣла въ общемъ хорѣ, дѣйствовала благотворно на читателя. Исполняется ли это нами—другой вопросъ, но таково желаніе „Р. Бесѣды“, такъ я намѣренъ дѣйствовать въ „Парусѣ“. Я вообще буду гораздо строже къ стихамъ, чѣмъ „Р. Бесѣда“. Съ 1-го октября я буду издавать „Парусъ“. Вспомните объ этомъ, Алексѣй Константиновичъ, и, не покидая „Р. Бесѣды“,—примите участіе въ моемъ изданіи. Благодарю васъ за хлопоты по моей просьбѣ о статьяхъ, касающихся раскола; можетъ быть, они и увѣнчаются успѣхомъ.

Прощайте. Крѣпко жму вашу руку. Отецъ мой былъ очень тронутъ вашимъ участіемъ и поручилъ мнѣ выразить вамъ искреннюю его благодарность.

Онъ очень любитъ ваши стихи. Ему теперь лучше. Братъ вамъ дружески кланяется.

Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

15 августа. 1859. Москва.

Любезнѣйшій графъ,—у васъ легкая рука въ дѣлѣ благотворенія. Вашимъ сербамъ повезло, какъ нельзя лучше. Вслѣдствіе статьи Серно-Соловьевича и подписки, открытой при редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“, собрано въ ихъ пользу болѣе 300 руб. сер.; въ Калугѣ встрѣтили они, по ихъ выраженію, „Давыдовича“ (Ивана Давыдовича Делянова), въ Москвѣ взялъ ихъ подъ свое покровительство „Максимычъ“ (Осипъ Максимовичъ Бодянскій—профессоръ).

Тутъ же и министръ пріѣзжалъ, и ихъ приняли въ гимназію на казенный счетъ, какъ пансіонеровъ, т.-е. они будутъ одѣты, обуты, кормлены и обучаемы на счетъ казны. Въ университетъ они поступить прямо не могутъ—недостаточно приготовлены. Эти 300 руб. имъ теперь почти и не нужны, а эта сумма пригодится имъ впослѣдствіи, когда поступятъ они въ университетъ, гдѣ больше казенныхъ студентовъ, т.-е. живущихъ и содержимыхъ на счетъ казны не имѣется. Къ этимъ деньгамъ можетъ быть присоединена и сумма, слѣдующая вамъ за „Дамаскина“ и

прочія стихотворенія. Но главная цѣль моего письма заключается въ просьбѣ—прислать стиховъ.

Вѣрно, вы написали еще лѣтомъ,—быть не можетъ, чтобы вы не написали! Въ васъ, благодаря Богу, еще бьетъ живой ключъ поэзіи; это не то, что во мнѣ, въ которомъ онъ давно изсякъ, и въ которомъ, какъ Моисеемъ въ скалѣ, онъ былъ выбитъ скипетромъ покойника ****. То-есть, главный источникъ вдохновенія во мнѣ было—негодованіе. Теперь уже не негодуется такъ сильно, и — съ Музой гнѣвною моею теперь надолго я умолкъ. — Да и вообще трудно отрицательное перестроить на положительное.

Пожалуйста—дайте стиховъ. Мнѣ очень нужно,—для „Бесѣды". Что вы подѣлывали все это время,—что намѣрены дѣлать, и когда думаете быть въ Москвѣ?

Крѣпко обнимаю васъ. Весь вашъ Ив. Аксаковъ.

Москва. 15 ноября 1861 г.

Послалъ я вамъ карточку или нѣтъ?

Если послалъ, такъ вы мнѣ эту возвратите. Если же нѣтъ, то примите.

Успѣхъ вашего экспромпта или пѣсни — таковъ, что начинаетъ пугать и цензоровъ, и меня. Цензора пропустили безъ малѣйшаго замедленія, но публика подхватила ее, выучила наизусть, увидала въ ней намеки на современное положеніе, на разрѣшеніе крестьянскаго вопроса, и—въ восторгѣ. Говорятъ, третьяго дня, въ Дворянскомъ Клубѣ дворяне то-и-дѣло повторяли: „Палкою, матушка, палкою", или: „Дѣтушки, матушка, дѣтушки" и т. д.

Ѣдете ли вы въ Опекунскій Совѣтъ—та же исторія: чиновники, сдавая деньги, подписывая билеты, твердятъ про себя: „Кашицу, матушка, кашицу", „Сорная, матушка, сорная" и пр... О Петербургѣ еще не имѣю свѣдѣній.

Цензоровъ я утѣшаю тѣмъ, что ваше имя стоитъ *en toutes lettres*—и что вы ихъ въ обиду не дадите.

Такъ-то, мой милый графъ. Передовая статья въ № 5 можетъ быть непонятна вамъ; она направлена противъ вступительной лекціи Чичерина и его извѣстной теоріи. Въ 6 № будетъ о Польшѣ: вымучилъ у цензуры.

Кажется, тутъ все сказано, что можно было сказать.

Прощайте. Обнимаю васъ. Вашъ Ив. Аксаковъ.

II.

Письма графа Владиміра Соллогуба.

1866 г., 18 февраля.

Я долженъ, дорогой Толстой, сказать вамъ нѣсколько словъ о вашемъ „Князѣ Серебряномъ", котораго я только-что прочелъ. Это, повидимому, трудъ знанія и воображенія.

Критики, которые не могутъ простить вамъ вашъ титулъ графа,—свиньи!.. Теперь вѣдь это извѣстная манера, которая скоро исчезнетъ, а вашъ трудъ не исчезнетъ.

Я жалѣю, что не познакомился раньше съ вашей рукописью. Но, безспорно, есть одинъ пробѣлъ: послѣ освобожденія царевича княземъ, надобно бы сдѣлать вставку, хотя бы въ формѣ народной старинной пѣсни, которую можно было бы написать даже нотами, не прерывая разсказа.

Здѣсь нападаютъ на конецъ—на посольство, но я съ этимъ вполнѣ несогласенъ: конецъ довершаетъ картину. Я бы скорѣе сказалъ, что характеръ женщины, ея любовь, ея внутренняя борьба, недостаточно разработаны. Въ вашемъ сочиненіи такъ много разнообразныхъ обстоятельствъ и положеній, которыя можно было бы гораздо больше развить...

Вашъ трудъ черезчуръ роскошенъ, слишкомъ сильно пылаетъ, точно фейерверкъ, который не позволяетъ вамъ отдохнуть ни одной минуты. Но, разумѣется, я провозглашаю, что это прекрасно написано и несомнѣнно артистическій трудъ,—а въ наше время это—чрезвычайно рѣдкая вещь.

Всѣ сцены съ Грознымъ и переодѣваніе шута написаны съ большой силой и чистымъ драматическимъ стилемъ. Мнѣ пришло въ голову, что вашъ жанръ—драматическій, и что вамъ бы слѣдовало попытать свои силы на этомъ поприщѣ.

Дидактическое спокойствіе описаній,—которыя въ сущности составляютъ самое большое достоинство и самый большой недостатокъ нашей литературы,—совсѣмъ не подходитъ къ вашему пылкому воображенію. Вамъ нужно движеніе и рѣзкія, сильныя положенія.

Въ театрѣ, гдѣ намъ даютъ пяти-актную стоячую воду, рѣдкое достоинство, которымъ вы обладаете, выдѣлится сильно и ярко.

Когда вы покорите ваше *я—я* театра—вы признаете всю необходимость возрастающаго интереса, неожиданныхъ приключеній, развязки, симметріи и общаго единства,—и тогда вы заставите вашего Пегаса шагать à la haute école по вашему вдохновенію. Умоляю васъ не сердиться за мою „Grobheit"—грубость... Вы меня бы этимъ глубоко огорчили.

Я вѣрю въ вашу будущность, но я бы хотѣлъ, чтобы вы украсили ваши комнаты только послѣ окончанія постройки дома въ стилѣ св. Петра въ Римѣ.

Теперь я все сказалъ. Если вы хотите продолжать эту переписку, пришлите мнѣ вашъ сценарій, также какъ я вамъ прислалъ мой. Я его прокритикую—и тутъ-то я васъ поймаю! Теперь припадаю къ ножкамъ графини, и чувствую, что очень былъ бы счастливъ опять побывать въ маленькой „Пустынькѣ", которая кажется мнѣ обѣтованной землей.—Вашъ преданный—В. Соллогубъ.

Дерптъ. 1868 г., 23 февраля.

Я ожидалъ вашего отвѣта, дорогой мой Корнейль, и прошу вашего позволенія быть grob (грубымъ). Существенные недостатки не могутъ быть ни системой, ни убѣжденіемъ, ни даже точкой зрѣнія. Глупо говорить автору: отчего вы выбрали такой сюжетъ, а не другой?—Глупо говорить живописцу: отчего вы пишете корову, а не Мадонну?—Но совершенно логично разбирать произведеніе съ точки зрѣнія требованій искусства, прежде чѣмъ отвестись къ образу мыслей художника, или критика.

Такъ, напримѣръ, если художникъ наставитъ лицъ другъ на друга на одномъ планѣ, не принимая въ соображеніе гармоничное размѣщеніе всѣхъ лицъ, необходимое для цѣльности и оконченности картины, мы признаемъ въ немъ манеру писать, какъ писали нѣмцы, до Альбрехта Дюрера,—но онъ никогда для насъ не будетъ Рафаэлемъ.

Шекспиръ великъ не своими рубленными сценами, но по развитію нѣкоторыхъ положеній, нѣкоторыхъ характеровъ. Почему же вы любите Шиллера, если вы не хотите слѣдовать его простотѣ и субъективному развитію первоначальной идеи, которую онъ выбралъ?

Вы говорите мнѣ, что я долженъ васъ судить съ вашей точки зрѣнія—и по вашему плану. Но я не вижу вашей точки зрѣнія и я не открылъ вашего плана.

Можетъ быть, это моя вина,—но я очень старался!..

Для того, чтобы дать себѣ отчетъ, что такое планъ, я набросалъ кое-какъ эскизъ сценарія. Я вамъ ихъ двадцать напишу на тотъ же сюжетъ. Они будутъ плохи,—я согласенъ,—будутъ плохіе планы, но все-таки будутъ планы. Отсутствіе плана, или остова, не есть планъ или остовъ.

Вотъ въ этомъ и есть ваша слабая сторона, какъ и у всѣхъ русскихъ, и въ этомъ-то вы никогда не захотите уступить. Я вамъ не предлагалъ контуры, линіи, а набросалъ дѣйствія, на которыя вы наложили бы ваши краски. Ваши же наброски

недостаточны, повѣрьте мнѣ на слово. Именно въ „Грозномъ", который есть историческій трудъ, а не драма, и еще менѣе—трагедія.

Я не оспариваю достоинства вашего труда,—но отымите весь престижъ mise-en-scène, новизны, исторіи, науки и даже намековъ, также и особеннаго благоволенія, которое было оказано... останется достаточно по отношенію вопроса искусства, но слишкомъ мало, чтобы обойтись безъ всего остального. Вообразите себѣ—„Грозный" на сценѣ въ Нижнемъ или Ромнахъ...

Поймете ли вы, что я гораздо болѣе интересуюсь вами, чѣмъ самимъ собой?

Я бы хотѣлъ, чтобы вы написали такую пьесу, которую можно было бы играть въ сараѣ—и чтобы она заставила забыть о мизерной обстановкѣ. Въ этомъ и есть тріумфъ *генія*, а вы лишь говорите о неустойчивости вашей точки зрѣнія.

Я ненавижу *мой* маленькій талантъ, но я страшно люблю театръ, сцену, рампу...

Я имъ желаю всѣ успѣхи, всевозможное благополучіе, и поэтому готовъ моей слабой рукой чинить перья талантливымъ людямъ, если бы я только могъ передать имъ всю мою опытность и мои убѣжденія.

Драма есть самая высшая форма литературы, но ей нужна сцена, также какъ для проповѣдей—каѳедра. Я позволю себѣ еще одно замѣчаніе: мнѣ бы хотѣлось видѣть въ васъ больше *Толстого* и менѣе—*Русификатора*.

По моему, вы впали въ ту же ошибку, какъ Глинка, который хотѣлъ писать во что бы то ни стало—„du Русское", вмѣсто того, чтобы просто отдать себя въ руки вдохновенія.

Національность сама себя заявитъ, *безъ того, чтобы за ней гнались*... Я думаю, что въ искусствѣ слѣдуетъ идти вслѣдъ за искусствомъ, а не управлять имъ, такъ какъ искусство—*внѣ насъ и сильнѣе насъ*. Вотъ все, что я хотѣлъ вамъ сказать съ полною искренностью.

Но это нисколько мнѣ не мѣшаетъ васъ горячо поздравить съ тѣмъ, что вы написали *очень прекрасную вещь* (не въ обиду будь сказано лающимъ на всякую аристократію).

Если вы захотите мнѣ написать словечко, адресуйте въ Дерптъ, гдѣ находится мое гнѣздо.

Весною поѣду куда-нибудь искать здоровья, и, можетъ быть, мы встрѣтимся гдѣ-нибудь. Вѣрьте моей очень искренней симпатіи.—В. Соллогубъ.

„ЗАПИСКИ“

о

СИРІИ и ПАЛЕСТИНѢ

Предисловіе.

Авторъ „Записокъ о Сиріи и Палестинѣ“ [1]), Викторъ Григорьевичъ Тепляковъ—поэтъ и писатель сороковыхъ годовъ, современникъ и другъ Пушкина, Жуковскаго и другихъ корифеевъ нашей литературы. Онъ родился 15 августа 1804 г., въ тверской губерніи, и первоначальное образованіе получилъ въ московскомъ Благородномъ университетскомъ пансіонѣ, бывшемъ въ то время лучшимъ подготовительнымъ учебнымъ заведеніемъ. Окончивъ въ Благородномъ пансіонѣ полный курсъ наукъ, В. Г. Тепляковъ поступилъ юнкеромъ въ павлоградскій гусарскій полкъ. Военная служба ввела его въ кружокъ офицеровъ, изъ которыхъ многіе учились въ германскихъ университетахъ. Тутъ онъ познакомился со многими причастными къ дѣлу 14 декабря 1825 г. Свободное отъ службы время молодой офицеръ посвящалъ изученію русской и иностранной литературы, записавшись въ то же время въ одну изъ масонскихъ ложъ. За знакомство съ декабристами и участіе въ масонствѣ В. Г. Тепляковъ былъ заключенъ въ Петропавловскую крѣпость, въ которой пробылъ недолго, такъ какъ заболѣлъ и былъ переведенъ въ военный лазаретъ. Впослѣдствіи, по выздоровленіи, его отпра-

[1]) „Memoire sur la Syrie et la Palestine“. 1839.

вили на покаяніе въ Александро-Невскую лавру. Въ концѣ 1826 г. В. Г. Тепляковъ письменно обратился къ императору Николаю Павловичу и просилъ разрѣшить ему переѣхать, по причинѣ разстроеннаго здоровья, на югъ. Просьба была уважена, и В. Г. Тепляковъ отправился на жительство въ Херсонъ, гдѣ первое время былъ подъ надзоромъ полиціи. Въ 1827 г. его постигло несчастіе: онъ былъ ограбленъ и ограбленъ злоумышленниками. Отчаянное положеніе заставило В. Г. Теплякова вторично отправить всеподданнѣйшее письмо. Императоръ Николай Павловичъ простилъ его и разрѣшилъ поступить на государственную службу, которую онъ и началъ въ таганрогской таможнѣ. Однако, служба по таможенному вѣдомству не удовлетворила его, и уже на слѣдующій годъ онъ былъ опредѣленъ въ штатъ новороссійскаго и бессарабскаго генералъ-губернатора, гр. Воронцова, при которомъ состоялъ до 1835 г. чиновникомъ особыхъ порученій. Служба В. Г. Теплякова при гр. Воронцовѣ связана съ непрерывными командировками; такъ, напр., въ 1838 г. онъ ѣздилъ на Кавказъ, затѣмъ занимался на югѣ Россіи археологическими разысканіями памятниковъ древности, причемъ съ тою же цѣлью, въ 1839 г., былъ командированъ въ Болгарію. Результатомъ послѣдней поѣздки были, собранные имъ для одесскаго музея, остатки старины и рядъ писемъ, изданныхъ впослѣдствіи отдѣльно книгою. Въ 1834—35 г. В. Г. Тепляковъ совершилъ поѣздки въ Константинополь, Малую Азію и Грецію. По возвращеніи въ Россію, онъ былъ причисленъ, въ концѣ 1835 г. къ азіатскому департаменту министерства иностранныхъ дѣлъ, а въ 1836 г., по Высочайшему повелѣнію, былъ прикомандированъ къ константинопольской миссіи. Оставаясь на этомъ посту, В. Г. Тепляковъ посѣтилъ Грецію, Египетъ, Сирію и Палестину. Въ концѣ 1839 г. В. Г. Тепляковъ разстался съ Константинополемъ и, по пріѣздѣ въ Петербургъ, былъ зачисленъ на службу по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, но, не получивъ испрашиваемой имъ у министерства командировки на Западъ съ цѣлью ученыхъ изслѣдованій, вышелъ въ отставку и въ маѣ 1840 г. уѣхалъ въ Парижъ, гдѣ въ 1842 г. и скончался. Онъ былъ похороненъ на Монмартрскомъ кладбищѣ.

Первые литературные опыты В. Г. Теплякова были напечатаны въ альманахахъ и др. повременныхъ изданіяхъ; въ 1833 г. вышли отдѣльнымъ изданіемъ его „Письма изъ Болгаріи“; въ 1834 г. появилось отдѣльное изданіе: „Стихотворенія Виктора Теплякова“; въ 1836 г. были изданы „Оракійскія Элегіи“, появленіе которыхъ привѣтствовали Пушкинъ, Жуковскій и Дмитріевъ.

В. Г. Тепляковъ владѣлъ почти всѣми новѣйшими языками, въ томъ числѣ и турецкимъ. Въ свое время онъ представилъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ рядъ талантливыхъ проектовъ и записокъ о внутреннихъ дѣлахъ и финансахъ Турціи. Его изслѣдованія Востока и замѣтки о древней Мидіи и Ѳракіи нашли себѣ оцѣнку со стороны такого знаменитаго оріенталиста, какъ Клапротъ.

Между прочимъ, въ 1840 г. В. Г. Тепляковъ, письмомъ отъ 3-го апрѣля, обратился къ кн. А. Н. Голицыну, котораго просилъ—препровождаемыя при означенномъ письмѣ записки „повергнуть къ стопамъ Его Императорскаго Величества". Въ препроводительной къ запискамъ бумагѣ писалъ: „Окончивъ порученіе, возложенное на меня относительно Востока, имѣю честь представить прилагаемые при семъ результаты:

1) „Записка о Сералѣ";

2) „Подробности о реставраціи античныхъ памятниковъ въ Аѳинахъ въ концѣ 1836 г. и началѣ 1837 г.";

3) „Бѣглый взглядъ на правительство и на современную столицу Греціи";

4) „Записки о Сиріи и Палестинѣ" (1-я и 2-я части).

„Конечно,—добавлялъ авторъ настоящихъ трудовъ,—не мнѣ указывать на важность всѣхъ этихъ наблюденій, сдѣланныхъ на мѣстѣ и затрогивающихъ въ большинствѣ случаевъ современные политическіе интересы". Письмо къ кн. А. Н. Голицыну и приложенныя къ нему „Записки" съ препроводительной бумагой написаны безукоризненнымъ французскимъ языкомъ. Въ числѣ такихъ записокъ была и „Mémoire sur la Syrie et la Palestine", которую В. Г. Тепляковъ закончилъ въ 1839 г. Въ этомъ трудѣ авторъ даетъ много интересныхъ, и для нашего времени, свѣдѣній. Онъ затрогиваетъ одну изъ наиболѣе важныхъ эпохъ въ жизни Египта и даетъ яркое освѣщеніе такой исторической личности, какъ Мегметъ-Али. Съ именемъ послѣдняго было связано небывалое развитіе политическаго могущества Египта. Этотъ талантливый правитель создалъ изъ своего государства европейски-цивилизованную страну". По разнымъ причинамъ эти „Записки" не могли быть до настоящаго времени напечатаны; не появились до сихъ поръ въ свѣтъ и слѣдующіе труды Теплякова:

1) „Coup d'oeil sur le gouvernement et la capitale actuelle de la Grèce", 1837 г.

2) „О возобновленіи аѳинскихъ памятниковъ древности въ концѣ 1836 г. и въ началѣ 1837 г.". Аѳины 1837 г.

3) „Aperçu sur l'état actuel de la Syrie par le colonel Dahamel (Division de la Syrie)".

4) „О торговлѣ Турціи“ (Гагемейстерова записка).

5) „Эксплорація Константинополя“.

6) „Записка объ учрежденіи при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ должности для научнаго изслѣдованія Турціи“.

7) „Нѣсколько словъ о заливѣ Бургасъ“.

Г. П. Тепляковъ, внукъ автора вышеназванныхъ трудовъ, предоставилъ намъ всѣ эти документы, не утратившіе, какъ мы замѣтили выше, своего интереса и въ настоящее время.—Н. Олферьевъ.

I.

Въ настоящую минуту мнѣ представляется возможнымъ лишь въ бѣгломъ очеркѣ коснуться своихъ наблюденій, вынесенныхъ мною изъ поѣздки по Сиріи и Египту.

Я покинулъ Константинополь 25-го марта 1839 г., и 26-го того же мѣсяца нашъ пароходъ „Рамзесъ“ прошелъ Дарданеллы и на слѣдующій день утромъ бросилъ якорь передъ Смирной, на осмотръ которой я посвятилъ цѣлый день. 28-го марта мы возобновили свой путь и послѣ продолжительнаго плаванія остановились вблизи острова Сира. Адмиралъ Канарисъ и нѣсколько австрійцевъ явились привѣтствовать г. Стюрмера, который покинулъ нашъ пароходъ въ тотъ же вечеръ. Благодаря любезному содѣйствію нашего консула, я получилъ на островѣ Сира, въ карантинномъ зданіи, хорошую комнату. Это одолженіе со стороны русскаго консула сильно облегчило мое пребываніе на островѣ, такъ какъ я попалъ сюда въ то время, когда здѣсь свирѣпствовали сильные вѣтры, поднимавшіе громадныя волны, отъ которыхъ страдали жалкіе прибрежные бараки, обычное мѣстопребываніе несчастныхъ путешественниковъ. Двѣнадцать дней заключенія на островѣ Сира прошли въ размышленіяхъ надъ безцѣльностью въ этой мѣстности карантина, вслѣдствіе ежедневныхъ сообщеній съ сосѣдними островами, и вообще надъ невозможностью установить строгія санитарныя мѣры на берегахъ Греціи, которая ведетъ безпрерывныя торговыя сношенія съ Албаніей, Ѳессаліей, Азіей, Египтомъ и наконецъ съ тѣмъ безчисленнымъ множествомъ турецкихъ и арабскихъ острововъ, которые ее окружаютъ. Однако, на этотъ разъ мнѣ посчастливилось. Французскій пароходъ, совершающій рейсы до Александріи, долженъ былъ придти 9-го апрѣля, а срокъ моего карантина истекалъ только на слѣдующій день. Мѣстныя власти сдѣлали мнѣ снисхожденіе и сократили мое плѣненіе на цѣлыя

сутки, что дало мнѣ возможность быть въ Египтѣ десятью днями раньше моего предположенія. Зачумленная тогда Александрія вдругъ установила строжайшій карантинъ на всѣ провепансы изъ Константинополя, который совершенно чистъ отъ всякой заразы. Эта мѣра вполнѣ доказываетъ, что лица и торговля, вполнѣ равнодушныя къ политической ненависти государствъ, часто находятся подъ непосредственнымъ ея давленіемъ.

Передъ отъѣздомъ съ острова Сира, я получилъ отъ г. Прокешъ, австрійскаго министра-резидента въ Аѳинахъ, письмо, которое затрогивало политическіе вопросы того времени. Надо замѣтить, что личность египетскаго вице-короля Мегмета-Али извѣстна г. Прокешу болѣе чѣмъ кому-либо изъ европейцевъ, а потому не лишнимъ сдѣлать здѣсь дословную выписку изъ его письма, адресованнаго на мое имя.

„Вы — писалъ австрійскій министръ-резидентъ — отправляетесь въ Египетъ въ чрезвычайно интересную минуту, такъ какъ нынѣ положеніе дѣлъ этого государства таково, что безусловно ведетъ къ неминуемому кризису. Дѣйствительно, сумѣй султанъ послѣ Кутайской конвенціи смириться съ своими плачевными обстоятельствами и установить дружелюбныя отношенія, то, пожалуй, возможно было бы, съ помощью державъ, смирить мятежнаго вице-короля и поставить его въ должное подчиненіе. Теперь же врядъ ли угрозы удержатъ Мегмета-Али, и тѣмъ болѣе, что онъ имѣетъ за себя мотивы, болѣе или менѣе оправдывающіе его образъ дѣйствій. Такъ, напримѣръ, онъ убѣжденъ въ превосходствѣ своей военной силы надъ турецкой; онъ питаетъ большія надежды на разномысліе державъ и увѣренъ, что оно помѣшаетъ послѣднимъ энергически противодѣйствовать его широкимъ планамъ. Кромѣ того, предчувствуя конецъ своей земной жизни, вице-король, какъ мнѣ кажется, сильно озабоченъ установить за своей семьей, хотя бы силой оружія, то, что онъ пріобрѣлъ своей усердной тридцатилѣтней работой... Я буду польщенъ узнать ваше мнѣніе, провѣренное наблюденіями на мѣстѣ, по вопросамъ, затронутымъ въ настоящемъ письмѣ. Я, между прочимъ, безусловно убѣжденъ въ томъ, что представленія русскаго консула въ Александріи окажутъ сильное вліяніе на образъ дѣйствій египетскаго вице-короля и тѣмъ болѣе, что ему не столь страшны угрозы морскихъ державъ, которыя, конечно, въ состояніи ему повредить, сколько страшна одна мысль — встрѣтиться съ русскими войсками или въ Малой Азіи, или на берегахъ Босфора“.

На третій день нашего плаванія на горизонтѣ показалась

Александрія съ своими низкими песчаными берегами, съ своей башней Марабу на югѣ, съ Помпейской колонной въ центрѣ и съ дворцомъ паши, расположеннымъ на перешейкѣ, который соединяетъ континентъ съ древнимъ островомъ Фаросъ. Этотъ городъ производитъ впечатлѣніе настоящей страны солнца и своимъ характеромъ отличается отъ остальныхъ древнихъ городовъ Востока. Бѣлые дома, окруженные высокими арабскими стѣнами, красуются среди стройныхъ пальмъ. Иностранныя суда обыкновенно вводятся въ александрійскую гавань египетскимъ кормчимъ, такъ какъ входъ въ послѣднюю изобилуетъ скалами. Капитанъ нашего парохода лично повелъ послѣдній и, преодолѣвъ рядъ препятствій, благополучно вошелъ въ гавань. Мы бросили якорь и стали вблизи другихъ двѣнадцати пароходовъ, которые украшали кругообразную гавань стараго порта, вызывая мысль о величіи и могуществѣ этого единственнаго морского порта Египта. Въ Александріи почти на каждомъ шагу вы сталкиваетесь съ нищетой, которую терпятъ мѣстные аборигены-арабы, что, впрочемъ, не мѣшаетъ этимъ послѣднимъ отличаться отъ турокъ своей живою и шумною веселостью. Между прочимъ, здѣсь женщины показываются на улицахъ не иначе какъ закутанными съ головы до ногъ въ голубые саваны, и видъ этихъ мистическихъ фигуръ заставляетъ ваше воображеніе сравнивать ихъ съ древними муміями. Арабскій кварталъ названнаго города есть не что иное, какъ мѣсто обездоленныхъ; европейскій же кварталъ—наоборотъ, такъ какъ по красотѣ своихъ зданій вполнѣ достоинъ занять мѣсто рядомъ съ лучшими улицами европейскихъ городовъ. Здѣсь вы встрѣчаете роскошные магазины, комфортабельныя гостинницы и огромные склады для храненія товаровъ, которые распродаются лишь въ розницу на городскихъ базарахъ. Въ общемъ, названный кварталъ существуетъ исключительно для иностранцевъ. Европейское общество, живущее въ Александріи, болѣе объединено, и время-препровожденіе болѣе пріятно, чѣмъ въ Константинополѣ; здѣсь существуютъ два драматическихъ театра: итальянскій и французскій, которые служатъ хорошимъ развлеченіемъ для иностранной публики. Особенное вліяніе на правительственныя сферы и на общественное мнѣніе Египта имѣютъ русское, англійское и австрійское консульства. Количество жителей Александріи колеблется отъ 40 до 45 тыс. Это—смѣсь восточныхъ націй. По разноплеменности своихъ жителей этотъ городъ не уступаетъ Константинополю. Что же касается колоніи европейцевъ, то увѣряютъ, что она съ каждымъ годомъ растетъ. Подсудность европейцевъ своимъ

консуламъ и ихъ свобода является яркимъ контрастомъ съ полнымъ закрѣпощеніемъ туземцевъ, что̀ служитъ непримиримымъ началомъ между полноправными и безправными жителями названнаго города. Здѣшняя городская полиція безусловно выше константинопольской. Здѣсь обязательна ежедневная чистка улицъ и всѣ дома занумерованы. Изъ 100 мечетей, нѣкогда созданныхъ изъ развалинъ стараго города, нынѣ уцѣлѣло лишь 15. Въ продолженіе 7 или 8 мѣсяцевъ въ году Александрія служитъ мѣстопребываніемъ египетскаго вице-короля, причемъ телеграфные проводы быстро передаютъ его приказанія въ Каиръ. Этотъ городъ представляетъ собою единственный египетскій портъ, въ который направляются всѣ продукты государственной монополіи, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ выпускать эти товары на мѣстные рынки. Здѣшній торговый трибуналъ заслуживаетъ особеннаго вниманія, такъ какъ управляется первымъ министромъ Египта—Бохосъ-Беемъ. Замѣчу, что частная торговля совсѣмъ не пользуется расположеніемъ правительства, за исключеніемъ нѣкоторыхъ торговыхъ домовъ, которые заручились покровительствомъ самого вице-короля, этого главнѣйшаго негоціанта Египта. Увѣряютъ, что въ этой странѣ существуютъ двадцать различныхъ мѣръ и вѣсовъ, кромѣ мѣръ и вѣсовъ монопольной системы, причемъ практикуется масса всякихъ исключеній изъ установленныхъ правилъ, и въ результатѣ — обогащеніе однихъ и разореніе другихъ. Подобное ненормальное положеніе можетъ быть объяснено лишь тѣмъ, что само правительство однимъ покровительствуетъ, къ другимъ относится равнодушно. Говорятъ, что вице-король Египта и его министръ Бохосъ-Бей склонны смотрѣть на состояніе, пріобрѣтенное въ Египтѣ, какъ на свою собственность,—что̀, впрочемъ, подтверждается массой примѣровъ,—а отсюда вытекаетъ, во всемъ замѣчаемая, неувѣренность туземныхъ жителей къ своему будущему. За послѣдніе годы своего правленія Мегметъ-Али нѣсколько отступилъ отъ своей строго монопольной системы, съ цѣлью содѣйствовать развитію сельскохозяйственной промышленности страны. Такъ, напримѣръ, онъ предпринялъ въ текущемъ году рядъ положительныхъ измѣненій въ податяхъ съ земельной собственности. Но, несмотря на эти благодѣтельныя начинанія, дороговизна всѣхъ продуктовъ, въ особенности съѣстныхъ, въ Египтѣ поразительна. Все, что̀ было когда-либо говорено хорошаго относительно всѣмъ извѣстнаго александрійскаго арсенала, на самомъ дѣлѣ ниже настоящей его оцѣнки. Этотъ арсеналъ—твореніе Мегмета-Али—всего болѣе озабочиваетъ пашу, а потому на поддержаніе и развитіе

названнаго учрежденія направлены всѣ усилія. Александрійскій арсеналъ снабжаетъ въ настоящее время могущество египетскаго вице-короля всѣми необходимыми для того элементами.

Осмотрѣвъ верховный совѣтъ, „Machonera Guehadié“, на обязанности котораго лежитъ надзоръ за дѣятельностью арсенала, я отправился въ послѣдній. Генералъ-инспекторъ верховнаго совѣта любезно предложилъ мнѣ двухъ офицеровъ, которые давали мнѣ объясненія при осмотрѣ арсенала. Трудно передать то впечатлѣніе, которое я вынесъ послѣ внимательнаго изученія разнохарактерныхъ мастерскихъ этого грандіознаго учрежденія. Здѣсь вырабатывается все,— начиная отъ простого гвоздя до самыхъ сложныхъ корабельныхъ инструментовъ. Работы производятся подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ учителей-арабовъ, которыми Мегметъ-Али замѣнилъ европейскихъ инструкторовъ, оставивъ послѣднихъ при арсеналѣ въ очень незначительномъ количествѣ. Здѣсь не наблюдается владычества палки, столь распространеннаго по всему Египту, и это необходимо отнести къ тому, что главнымъ руководителемъ этого дѣла является самъ Мегметъ-Али, который, конечно, при своемъ огромномъ умѣ нашелъ къ поднятію производительности рабочей силы другой, болѣе гуманный и цѣлесообразный способъ. Я никогда не забуду той благородной гордости, которая выражалась на лицахъ рабочихъ и ихъ учителей, когда они выслушивали мои похвалы. Конечно, одно это могло бы много говорить въ пользу ума и способности арабовъ, еслибы только эти люди, представляющіе собою полный контрастъ съ остальнымъ населеніемъ Египта, не находились подъ вліяніемъ такого человѣка, какъ Мегметъ-Али. Между прочимъ, не лишнее отмѣтить то обстоятельство, что всѣ путешественники по Египту почему-то имѣютъ обыкновеніе противопоставлять гордость и лѣнь турокъ—рвенію и заботливости араба, хотя, въ сущности, дѣло не въ этомъ, такъ какъ арабы—такіе же люди, какъ и всѣ прочіе,—но турки, дѣйствительно, считаютъ себя какими-то аристократами и настолько, что самый послѣдній изъ нихъ кичится происхожденіемъ своимъ отъ одного изъ товарищей Османа. Турки лишены способности подражанія, но они—отличные администраторы. Въ Египтѣ вы въ состояніи наглядно сравнить административныя способности турка и араба: порядокъ, дисциплина, частное и общественное спокойствіе царятъ въ той провинціи, которою управляетъ турокъ; анархія и распря, переходящія иногда въ настоящую гражданскую войну,—подъ управленіемъ араба. Это—то, въ чемъ я положительно убѣдился къ концу моей поѣздки по названной странѣ.

Все необходимое для флота, включая сюда и такія вещи, какъ, напримѣръ, предметы роскоши, бронзовыя украшенія, обстановка каютъ, не уступающая европейской, и т. п.,—все это вырабатывается въ 23 мастерскихъ александрійскаго арсенала. Какъ исключеніе представляетъ собой только одна египетская артиллерія, которая снабжается издѣліями, привозимыми изъ Англіи и Франціи. Лѣсные матеріалы доставляются обыкновенно въ Александрію изъ Малой Азіи и Тріеста. Въ арсеналѣ выдѣлываются единственные въ своемъ родѣ крученые канаты, достигающіе длиною 1.000 футовъ и болѣе. Вышесказанное—краткій, но точный отчетъ, провѣренный мною на мѣстѣ, о производительности указаннаго учрежденія. Что касается личнаго состава, то число штатныхъ мастеровъ, не считая офицеровъ и интендантовъ, доходитъ до 5.069 человѣкъ; нештатныхъ, включая сюда турецкихъ, коптскихъ и арабскихъ писцовъ, достигаетъ 580 душъ; кромѣ того, въ арсеналъ привлечено отъ 2.000 до 3.000 каторжниковъ, которые исполняютъ самыя тяжелыя работы. Штатные мастеровые, въ томъ числѣ офицеры, интенданты и европейскіе инструкторы, получаютъ одного жалованья до 140.000 піастровъ въ мѣсяцъ, причемъ стоимость содержанія ихъ достигаетъ 200.000 піастровъ. Не-штатному контингенту, какъ-то: переводчикамъ и писцамъ (турецкимъ, коптскимъ и арабскимъ) выплачивается до 50.000 піастровъ. Однимъ словомъ, одинъ только персоналъ обходится египетскому правительству до 390.000 піастровъ въ мѣсяцъ, что̀ равняется 97.500 рублямъ. Такимъ образомъ, богатство страны, потъ и кровь ея жителей превращаются въ средство защиты государства. Что̀ хорошаго въ этомъ—это другой вопросъ, но нельзя отрицать, что александрійскій арсеналъ—верхъ совершенства.

Послѣ осмотра арсенала, я былъ приглашенъ на военный корабль „Асса № 6“. Надо замѣтить, что всѣ египетскія военныя суда, кромѣ своего имени, отличаются другъ отъ друга еще своимъ особымъ нумеромъ. Къ тому, что̀ уже извѣстно о флотѣ Мегмета-Али, я могу добавить только немногое. Корабли и ихъ экипажи—въ превосходномъ состояніи и вполнѣ на высотѣ своего призванія. Блескъ и роскошь ихъ украшенія идутъ рука въ руку съ крайней заботливостью о поддержаніи опрятности на судахъ. Каюта адмирала на „Асса № 6“ вся краснаго дерева, которое украшено рѣзьбой, бронзой и позолотой. По своей красотѣ эта каюта смѣло могла бы служить отличнымъ будуаромъ для новой Ninon de Lenclos. Экипажъ „Асса № 6“ выглядѣлъ молодцевато, хотя бо̀льшая часть его—дѣти отъ 10 до 14 лѣтъ, причемъ иногда

встрѣчаются и девятилѣтніе матросы: признакъ тяжелаго усилія правителя Египта создать морскую силу, которая могла бы сокрушить могущество Стамбула. Офицеры экипажа „Асса № 6“—молодые, энергичные арабы. Вообще, египетскій флотъ (количество матросовъ котораго, исключая офицеровъ, достигаетъ до 18.653 человѣкъ), принадлежащій странѣ, обладающей только однимъ военнымъ портомъ, прямо указываетъ на ту цѣль, къ которой стремится правитель Египта.

Торговый флотъ Египта плохо развивается и суда его идутъ обыкновенно не далѣе „les bogaz de Rozette et de Damiette, ou jusqu'à l'Atféh“. Въ Александріи—двѣ гавани, одна изъ нихъ извѣстна подъ названіемъ Новой (въ древности—Эвностскій портъ) и построена на востокъ отъ острова Фаросъ. Она плохо защищена и подвергнута вѣтрамъ, но въ ней недавно устроенъ отличный маякъ, замѣнившій собою прежній извѣстный маякъ Фаръ. Новая гавань до 1813 года была убѣжищемъ кораблей всѣхъ христіанскихъ государствъ, но нынѣ она совершенно покинута. Напротивъ, Старая гавань, которая расположена на западъ отъ города, украшена флагами всѣхъ націй. Вывозъ товаровъ изъ Египта, какъ полагаютъ, съ трудомъ приближается къ импорту. Въ бытность мою въ Александріи, здѣсь былъ оставленъ лишь незначительный гарнизонъ, такъ какъ большая часть войска была передвинута въ Хоранъ и къ анатолійской границѣ. Подобное передвиженіе—обычное явленіе въ этой странѣ.

Мегмета-Али въ день моего пріѣзда не было въ Александріи; онъ прибылъ въ городъ, спустя нѣсколько дней. 21-го апрѣля 1839 г. я получилъ у Мегмета-Али аудіенцію. Дворецъ египетскаго паши, какъ я сказалъ выше, построенъ на перешейкѣ, соединяющемъ древній островъ Фаросъ съ континентомъ. Перейдя широкій ровъ, прилегающій къ стѣнамъ дворца, которыя снабжены башнями и батареями, я вошелъ въ обширный дворъ, въ концѣ котораго расположенъ дворецъ. Правая сторона дворца занята гаремомъ, лѣвая вмѣщаетъ въ себѣ залъ аудіенціи. Толпа стражниковъ, пѣшихъ и верховыхъ, стояла около мраморной лѣстницы, ведущей къ мраморному вестибюлю, изъ котораго—входъ въ пріемный залъ. Красная софа, на которую брошены шитыя золотомъ подушки, роскошный коверъ, разостланный по паркету, хрустальная люстра, нѣсколько стульевъ въ европейскомъ стилѣ и нѣсколько картинъ по стѣнамъ въ золоченыхъ рамкахъ—вотъ вся обстановка этой комнаты „дивана“. Правитель Египта, одѣтый въ форму египетскаго низама, сидѣлъ на софѣ. Отдавая мнѣ поклонъ, онъ сказалъ: „Будьте моимъ дорогимъ гостемъ!“—и

Журнальный фонд Московской обл. библиотеки

пригласилъ занять мѣсто рядомъ съ нимъ. Красивая фигура старика была немного сгорблена. Глубокая дума, казалось, занимала его мысли. Онъ началъ говорить о томъ, что вполнѣ раздѣляетъ мое мнѣніе объ александрійскомъ арсеналѣ, и я, конечно, не сомнѣвался въ томъ, что оно было передано нашей тѣми, которые давали мнѣ объясненія во время осмотра названнаго учрежденія.

— Что вы видѣли еще?

— Одинъ изъ вашихъ военныхъ кораблей...

— Который?

— № 6.

— Какъ? вѣдь вы же не военный!..

Принесли кофе. Мегметъ-Али возобновилъ свой разговоръ. Онъ живо интересовался новостями, которыя шли изъ Константинополя, и, между прочимъ, сдѣлалъ рядъ замѣчаній по поводу двухъ новыхъ совѣтовъ, организованныхъ въ турецкой имперіи. Затѣмъ онъ спросилъ меня, знаю ли я стараго пашу Хозрева.

— Да...

— Вы лично съ нимъ знакомы, вы слышали его голосъ?.. О, это большой болтунъ!..

Я затронулъ вопросъ о постройкѣ желѣзной дороги черезъ Египетъ въ Индію.

— Безъ сомнѣнія,—возразилъ паша,—я буду работать надъ этимъ вопросомъ, но исключительно въ свою пользу, а не ради выгоды англичанъ.

Я напомнилъ Мегмету-Али о древнемъ египетскомъ каналѣ черезъ перешеекъ, который, можетъ быть, не трудно было бы возобновить.

— Вы всѣ за этотъ каналъ,—отвѣтилъ Мегметъ-Али.— Генералъ Мармондъ то же самое говорилъ мнѣ, но я, который лучше, чѣмъ вы, знаю Египетъ, предпочту прорѣзать этотъ перешеекъ желѣзнодорожной линіей.

Ходятъ слухи, что паша уже ассигновалъ Галлаваю 300.000 піастровъ, для заказа въ Англіи рельсовъ и остальныхъ желѣзнодорожныхъ принадлежностей. Прощаясь съ пашой, я просилъ его покровительства въ моей предстоящей поѣздкѣ по Сиріи и верхнему Египту, равно какъ и о разрѣшеніи мнѣ осмотрѣть въ Каирѣ фабрики и школы.

— Не только позволяю,—вскричалъ онъ,—но даже приглашаю васъ, по возвращеніи, подѣлиться со мною своими впечатлѣніями. Поѣзжайте съ миромъ и будьте увѣрены, что васъ охраняютъ.

Дитя природы, онъ казался въ эту минуту ученикомъ великихъ и достойныхъ дипломатическихъ традицій, гдѣ сила—ничто, гдѣ личная честность и благородство—все. Много курьезовъ разсказываютъ изъ жизни этого самобытнаго человѣка. Однажды паша, въ присутствіи всего „дивана", обратился къ одному изъ европейскихъ консуловъ, который мнѣ лично это передавалъ, и сказалъ: „Я стремлюсь ко благу своего отечества, на что̀ посвятилъ всю свою жизнь, но къ сожалѣнію я одинокъ. Вы видите,—онъ указалъ на окружавшихъ его министровъ,—кто около меня: скажите—есть ли среди нихъ хоть одна умная голова?"— Въ этихъ словахъ сказалось одно изъ двухъ: или тяжелое предчувствіе геніальнаго архитектора, или его молчаливое согласіе съ тѣмъ, что ненадежна прочность воздвигнутаго имъ зданія, въ особенности послѣ смерти самого строителя. Послѣднее вѣрнѣе, если мы вспомнимъ, что̀ изъ себя представляютъ наслѣдники Мегмета-Али. Однако, въ настоящее время, въ совѣтѣ вице-короля присутствуетъ очень способный человѣкъ, который во время аудіенціи былъ неотлучно при Мегметѣ-Али и державъ себя крайне почтительно и скромно. Это Бохосъ-Бей, главный совѣтникъ и любимый министръ паши. Несмотря на свою внѣшнюю привѣтливость и заискивающій видъ, Бохосъ-Бей не сумѣлъ заручиться общественнымъ уваженіемъ и любовью. Я не разъ слышалъ отъ главныхъ негоціантовъ Египта, что ихъ страна была бы настоящій рай, еслибы не раны, которыя ее изнуряютъ: чума и Бохосъ-Бей. Общественное мнѣніе указываетъ на Бохосъ-Бея, какъ на виновника стѣснительныхъ и тяжелыхъ условій, отъ которыхъ страдаетъ торговля Египта и гибнетъ производительность государства.

Остальные дни я посвятилъ осмотру Александріи и ея окрестностей. Среди общей запущенности въ окрестностяхъ Александріи иногда попадаются селенія, которыя тонутъ въ зелени пальмъ и причудливо защищены бѣлыми стѣнами. Въ Александріи я съ большимъ вниманіемъ осмотрѣлъ Помпейскую колонну и бани Клеопатры. Между прочимъ, при устьѣ рѣки Махмудіи построенъ складъ египетскаго паши, вмѣщающій въ себѣ всѣ продукты, вырабатываемые въ этой странѣ. Ниже мнѣ придется еще говорить о древнихъ памятникахъ въ Александріи, которые заслуживаютъ особеннаго вниманія.

Ко времени моего отъѣзда изъ этого города, вице-король надумалъ отправить въ Ливанъ своего министра общественныхъ работъ. Цѣль поѣздки была осмотръ мѣстныхъ каменноугольныхъ залежей, а также изслѣдованіе и изысканіе способовъ къ ско-

рѣйшему проведенію пути, который долженъ былъ соединить побережье съ Ливанскими горами. Мегметъ-Али прислалъ мнѣ пропускъ „буйуртди“ и предложилъ ѣхать въ Ливанъ вмѣстѣ съ министромъ на военномъ кораблѣ „Вашингтонъ“. Я съ благодарностью поспѣшилъ принять это предложеніе; 25-го апрѣля „Вашингтонъ“ уже былъ по пути въ Бейрутъ.

На „Вашингтонѣ“ мнѣ пришлось наблюдать то же самое, что̀ и на большомъ адмиральскомъ кораблѣ „Асса № 6“. Офицеры—по преимуществу турки и черкесы, а остальной экипажъ исключительно состоитъ изъ арабовъ. Здѣсь я опять замѣтилъ матросовъ-дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторые были 9 и 10 лѣтъ; при чемъ меня старались увѣрить, что эти игрушечные воины находятся при своихъ отцахъ. Нѣсколько разъ въ день происходило на „Вашингтонѣ“ очень серьезное ученіе экипажа, и нѣсколько разъ въ сутки матросы собирались на общую молитву. Въ свободное же отъ занятій время солдаты обыкновенно сходились въ кругъ и съ напряженнымъ вниманіемъ слушали занимательные разсказы своихъ товарищей. По временамъ нашъ корабль, спокойно качаясь на водахъ, подъ покровомъ египетской ночи, слушалъ прибрежную дивную музыку Нила, которую съ чувствомъ изображала простая свирѣль матроса-селянина.

Министръ Мухтаръ-Бей, мой попутчикъ, по происхожденію—землякъ Мегмету-Али. Мухтаръ-Бей—одинъ изъ тѣхъ молодыхъ людей, которыхъ вице-король своими заботами воспиталъ въ Европѣ. Во время пути министръ часто бесѣдовалъ со мною о современномъ положеніи Египта и старался убѣдить меня въ могуществѣ своего властелина. Однажды онъ спросилъ меня:

— Какъ вы думаете, въ Константинополѣ сильно боятся...

— Чего?..

— Конечно войны, которая въ нынѣшнемъ году врядъ ли возможна, но въ будущемъ, по моему мнѣнію, она неминуема...

— Богъ знаетъ...

— Скажите,—продолжалъ министръ,—отчего державы не желаютъ признать то право, которое дѣйствительно существуетъ? Зачѣмъ они даютъ гибнуть двумъ государствамъ среди крайнихъ усилій, исключающихъ возможность ихъ существованія? Извѣстно ли вамъ, что наша армія въ настоящее время достигаетъ 200.000 солдатъ, включая сюда новообразованные сирійскіе полки? Къ тому же, гдѣ найти геніальнаго человѣка, который могъ бы сравниться съ пашой?..

Чума, которая помѣшала мнѣ начать съ Яффы путешествіе по Сиріи, встрѣтила насъ въ Бейрутѣ. Карантинныя предосто-

рожности этого города, какъ вообще все заимствованное Египтомъ, существуютъ лишь для того, чтобы бросить пыль въ глаза Европѣ. Въ самомъ дѣлѣ, эти санитарныя мѣры, казалось, были заимствованы Египтомъ у Европы съ убѣжденіемъ въ ихъ полной безполезности. Такъ, напримѣръ, лазаретъ былъ переполненъ чумными изъ Яффы, что̀ не мѣшало, однако, карантинной стражѣ сноситься съ зачумленными. При такихъ порядкахъ карантинныя предосторожности превратились въ оружіе, направленное противъ Бейрута, въ который зараза не замедлила проникнуть. Въ положеніи названнаго города оказались и тѣ селенія, въ которыхъ также были устроены санитарныя наблюденія. Карантинную службу въ Бейрутѣ несли, главнымъ образомъ, тѣ войска, которыя были двинуты въ Хоранъ. Эти войска, на мой взглядъ, превосходятъ турецкую армію. Офицеры почти всѣ—или албанцы, или черкесы. Что касается первыхъ, то эмиссары Мегмета-Али не брезгаютъ албанскою молодежью и успѣшно пополняютъ ею войска паши. Офицеры изъ черкесъ—всѣ, по преимуществу, уроженцы Анапы или сосѣднихъ съ нею мѣстъ. Они были немало удивлены, когда я здоровался съ ними въ качествѣ ихъ соотечественника.

Рядъ песчаныхъ холмовъ, отдѣляющихъ Ливанъ отъ морского побережья, составляетъ, собственно, ту площадь, на которой выросъ городъ Бейрутъ. Онъ окруженъ, на подобіе пояса, длинными стѣнами временъ сарацинъ. Въ окрестностяхъ Бейрута, среди плантацій тутовыхъ деревьевъ, раскинулось болѣе трехсотъ сельскихъ домовъ, которые съ своими плоскими, снабженными зубцами, крышами подобны небольшимъ башнямъ. Бейрутъ за послѣднія двѣнадцать лѣтъ сдѣлался главнымъ городомъ всего сирійскаго побережья, главнымъ складомъ всей сирійской производительности и главнымъ приморскимъ портомъ для Дамаска. Гавань Бейрута служитъ мѣстомъ стоянки только для арабскихъ судовъ, а корабли другихъ государствъ принуждены бросать якорь въ безопасномъ рейдѣ.

Въ Бейрутѣ и окрестныхъ съ нимъ селеніяхъ насчитывается 10.000 жителей: маронитовъ, грековъ и арабовъ-мусульманъ. Достаточно одного бѣглаго взгляда на окрестныя селенія, чтобы понять, въ чемъ заключается главное богатство этой мѣстности. Это—выработка шолка. Два раза въ недѣлю отправляется изъ Бейрута въ Дамаскъ караванъ, нагруженный шолковыми издѣліями. 10-го мая 1839 года я выѣхалъ изъ Бейрута въ Антуру, которая извѣстна своей школой восточныхъ языковъ, снабжающей европейскія консульства на Востокѣ своими драгоманами.

Ниже я скажу нѣсколько словъ о пути, ведущемъ изъ Бейрута въ Антуру, на которомъ встрѣчается, между прочимъ, извѣстная часовня св. Георгія. Эта часовня выстроена недалеко отъ Наръ-эль-Бейрута (le Magoras de Pline) и именно въ томъ мѣстѣ, гдѣ, какъ гласитъ преданіе, св. Георгій одержалъ славную побѣду надъ исчадіемъ ада. На этомъ же пути въ южной части Наръ и Кельбъ (l'ancien Lycus) находится гранитная скала, на которой высѣчены поразительныя фигуры, украшенныя тіарами съ клинообразными ассирійскими надписями. Осмотрѣвъ Антуру, я двинулся въ глубь провинціи Кесроанъ, которая населена исключительно одними маронитами. Эта мѣстность—самая богатѣйшая въ Ливанѣ. На востокѣ она соприкасается съ городомъ Бальбекомъ, на западѣ берега ея омываются изумрудными водами Средиземнаго моря, на сѣверѣ ее сторожитъ гора Гебаилъ. Провинція Кесроанъ въ длину имѣетъ не болѣе 50 верстъ и населена 100.000 жителей, которые извѣстны своимъ гостепріимствомъ, зажиточностью, умомъ и чистотой нравовъ. Эти характерныя черты жителей Кесроана сулятъ послѣдней блестящую будущность. Въ общемъ, всю мѣстность, которая идетъ отъ Бейрута къ Триполи по направленію на Джуни, Джебаилъ и Батрунъ, можно назвать землей благоденствія, такъ какъ, дѣйствительно, природа наградила ее всѣми своими богатствами. Здѣсь вы встрѣчаете восхитительные лѣса, цвѣтущія долины, горные потоки и ручьи, причемъ на плодородныхъ пастбищахъ пасутся многочисленныя стада. Здѣсь васъ поражаютъ горные утесы, спускающіеся террасами, на которыхъ то зеленѣютъ плантаціи тутовыхъ, оливковыхъ и фруктовыхъ деревьевъ, то золотятся разнородные хлѣбные злаки. Здѣсь вы встрѣчаете множество христіанскихъ монастырей, которые обыкновенно выстроены или на неприступныхъ горныхъ вершинахъ, или среди чарующихъ взглядъ пейзажей. Днемъ и ночью серебряной музыкой разносится по сосѣднимъ окрестностямъ звонъ монастырскихъ колоколовъ, призывающій христіанъ на молитву. Прибавьте къ сказанному живописный видъ утопающихъ въ зелени селеній, съ ихъ граціозными постройками, съ шелкопрядильнями, съ лавками, наполненными роскошными шолковыми матеріями, и вы получите нѣкоторое понятіе объ этой восхитительной мѣстности, которая къ тому же вѣчно оживлена веселыми лицами туземцевъ.

По прибытіи въ Триполи, французскій вице-консулъ любезно предложилъ мнѣ своего тѣлохранителя, который долженъ былъ показать мнѣ всѣ достопримѣчательности города. Не нахожу ничего подходящаго, съ чѣмъ можно было бы сравнить очаро-

вательныя окрестности Триполи, столь извѣстнаго въ исторіи крестовыхъ походовъ. Этотъ городъ имѣетъ болѣе 17.000 тысячъ жителей, изъ которыхъ лишь 4.000—христіане, исключительно православнаго вѣроисповѣданія. Въ Триполи въѣзжаютъ черезъ 12 воротъ, причемъ городскихъ стѣнъ вовсе не существуетъ. Дома выстроены по бо́льшей части изъ тесанаго камня. Религіозныя мѣста города—14 мусульманскихъ мечетей и нѣсколько христіанскихъ монастырей. Улицы Триполи почти всѣ вымощены и содержатся очень чисто. Гостинницы крайне удобны и помѣстительны. Многіе дома созданы изъ древнихъ развалинъ города. Главное производство въ Триполи—шолковыя матеріи, воскъ, шерсть и губки. Говорятъ, что означенныхъ продуктовъ продается въ годъ болѣе чѣмъ на 17.000 піастровъ. Наръ-эль-Кадишъ, то-есть „святая рѣка", хрустальной лентой вьется по древнему городу, отражая въ своихъ водахъ зелень фруктовыхъ садовъ, въ тѣни которыхъ скрылись красивые городскіе дома. Все, что говоритъ древняя исторія о буйствѣ и фанатизмѣ жителей Триполи, нынѣ отошло въ область преданій.

Покинувъ Триполи, мы двинулись къ Ливанскому хребту. Снѣжныя вершины послѣдняго красовались передъ нами на фонѣ лазурнаго неба. Путь до маронитскаго селенія Сгарта шелъ вдоль излучистыхъ береговъ капризной рѣки Эль-Кадишъ. Названное селеніе состоитъ изъ трехсотъ домовъ, которые живописно раскинулись среди оливковой рощи. На слѣдующій день нашего путешествія мы были уже вблизи подножія Ливана. Отсюда намъ предстоялъ тяжелый переходъ этого хребта. Подъ шумъ горныхъ потоковъ поднимались мы по его уступамъ. Намъ приходилось бороться съ едва доступными горными тропинками и перебираться черезъ скалы, трещины которыхъ запушены снѣгомъ. По временамъ передъ нами красовались лѣса, фруктовые сады и богатыя нивы. Шесть часовъ тяжелаго горнаго передвиженія привели насъ въ большое и красивое селеніе Эхединъ, резиденцію самаго могущественнаго ливанскаго шейха. Двое изъ его сыновей любезно явились привѣтствовать насъ отъ имени своего отца и проводили меня къ послѣднему. Старшій сынъ ливанскаго шейха произвелъ на меня впечатлѣніе въ высшей степени талантливаго человѣка. Именно его-то принцъ Жуанвильскій стремился взять съ собою во Францію. Этотъ молодой человѣкъ превосходно владѣетъ итальянскимъ языкомъ; онъ оказалъ мнѣ существенную пользу въ бесѣдѣ съ его отцомъ, относительно различныхъ учрежденій ихъ страны. Изъ Эхедина я совершилъ поѣзду въ Канобійскую долину, которая по красотѣ

природы не поддается описанію. Ночь я провелъ въ Маронитскомъ монастырѣ. За эту поѣздку я положительно убѣдился, что въ Ливанѣ христіанская религія служитъ не только дѣлу нравственнаго воспитанія жителей, но также дѣлу политическаго объединенія различныхъ христіанскихъ народностей.

Мой багажъ не могъ слѣдовать за мною въ Канобійскую долину. Я отправился за нимъ въ Пшару, послѣднее селеніе на Ливанскихъ вершинахъ. Я нашелъ свою прислугу въ гостяхъ у мѣстнаго шейха, который, ссылаясь на свой родной обычай, убѣдилъ меня остаться подъ его кровлей нѣсколько дней. На разстояніи двухъ часовъ пути отъ Пшары стоятъ знаменитые библейскіе кедры. Я поклонился этимъ вѣковымъ деревьямъ съ чувствомъ глубокаго религіознаго уваженія и съ удовольствіемъ отдохнулъ подъ ихъ тѣнью.

Изъ Пшары мы добрались до вѣчно-снѣжныхъ вершинъ Джебель-Саннина, который гордо возвышается надъ всѣмъ Ливанскимъ хребтомъ. Достигнувъ такой высоты, намъ оставалось одно, какъ и въ человѣческой жизни,—спускаться внизъ. Этого мы достигли безъ всякаго затрудненія. Я предоставилъ своему мулу полную свободу. Приходилось перебираться черезъ огромные осколки гранита, которые иногда вырывались изъ-подъ ногъ и съ шумомъ скатывались въ пропасти. По временамъ мы преодолѣвали горные потоки, которые съ шумомъ выбивались изъ-подъ своихъ снѣжныхъ покрововъ. Во время этого перехода я оставилъ въ правой сторонѣ отъ себя озеро Ліамуни, это чудо Ливана, и рѣшилъ хоть одну ночь провести среди величественныхъ горъ. Вечеромъ въ горахъ мы столкнулись съ бедуинами, грѣвшимися у костра. Обѣ стороны разоружились и устроили совмѣстный ужинъ. На слѣдующій день мы спустились въ великолѣпную Бальбекскую долину. Отсюда мы должны были двинуться прямо въ Дамаскъ, но я уклонился отъ заранѣе намѣченнаго пути ради визита эмиру Беширу, этому замѣчательному князю Ливанскихъ горъ.

Природа рѣзко мѣняется у подножія Ливана. Обширная долина Эль-Бекаа отдѣляетъ эту мѣстность отъ Антиливана, который такимъ образомъ составляетъ восточную часть Ливанскаго подножія, западную же часть его образуютъ грандіозныя горы самаго Ливана. Сѣверо-западная часть долины Эль-Бекаа называется долиной Бальбека, которая въ древности была извѣстна подъ именемъ Coele Syrie (la Syrie Creuse), т.-е. низменной Сиріей. Долина Бальбека представляетъ собой начало пустыни, въ которой живетъ лишь очень ограниченное число но-

мадовъ. Здѣсь—отсутствіе всякой жизни. Общій пустынный видъ лишь изрѣдка оживляется небольшими стадами, пасущимися вблизи шатровъ кочевниковъ. По временамъ въ этой долинѣ раздаются звонки верблюдовъ; это—признакъ каравана, который съ трудомъ двигается по песчаному грунту. Въ долинѣ Бальбека путь держатъ наудачу до тѣхъ поръ, пока не появится на горизонтѣ, точно вдругъ выросшая изъ-подъ земли, знаменитая коринѳская колонна, которая указываетъ на близость развалинъ древняго города Бальбека. Не мѣсто въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ описывать эти грандіозныя развалины, среди которыхъ я провелъ двое сутокъ.

Вмѣсто прежняго величія, Бальбекъ въ настоящее время—обѣднѣвшее селеніе, окруженное, на подобіе кружева, орѣшникомъ. Здѣсь насчитывается не болѣе тысячи жителей. Названное селеніе орошается живописно-прозрачной рѣкой. Пастухъ, одѣтый въ свой красивый нарядъ, гонитъ къ ней на водопой въ полдневный жаръ свои стада. Дорога отъ руинъ Бальбека къ Дамаску идетъ по ущелью, которое разрѣзываетъ Антиливанъ. Это ущелье—каменистая и неразработанная долина. Отъ Бальбека до Небешида путь совсѣмъ безжизненъ; только друзъ или метюалецъ, жители этого негостепріимнаго мѣста, бродятъ здѣсь за своей добычей—безоружнымъ путешественникомъ. Старшина Бальбека предложилъ мнѣ взять охрану до Небешида. Мы двинулись въ путь, конвоируемые пятью друзами, которые, впрочемъ, вскорѣ скрылись отъ насъ, и я добрался до Дзебдани одинъ со своими слугами. Это селеніе—одно изъ самыхъ восхитительныхъ мѣстъ всей Сиріи. Дзебдани—настоящій оазисъ среди пустыни. Здѣсь все дышетъ временами библейской исторіи, и не столько по своему живописному мѣстоположенію, сколько по нравамъ своихъ жителей и плотности народонаселенія. Въ Дзебдани беретъ начало источникъ „Barrady“ (по всей вѣроятности, „le Pharphar de l'Ecriture“), орошающій долину, на которой стоитъ городъ Дамаскъ. Къ моему большому сожалѣнію, я принужденъ въ данномъ очеркѣ ограничиться о Дзебдани лишь вышесказанными словами, такъ какъ иначе мнѣ пришлось бы слишкомъ распространиться объ этомъ удивительномъ селеніи и, въ частности, объ его патріархальномъ шейхѣ.

Долина Дамаска справедливо называется мусульманами „четвертымъ земнымъ раемъ“. Это не Босфоръ, это что-то болѣе романтическое и дивное. Дамаскъ не произвелъ на меня того подавляющаго впечатлѣнія, котораго я ожидалъ. Общій видъ на городъ открывается внезапно черезъ разселину скалы, къ ко-

торой примыкаетъ Дамаскъ. Городъ обнесенъ стѣной, которая имѣетъ восемнадцать входныхъ воротъ съ одной небольшой квадратной цитаделью, представляющей собой слабый оплотъ противъ непріятельскаго натиска. Надо думать, что враги найдутъ болѣе сопротивленія въ городскихъ садахъ, чѣмъ въ предназначенныхъ для защиты городскихъ стѣнахъ. Дамаскъ не имѣетъ никакого значенія какъ военный пунктъ, но онъ играетъ большую роль въ религіозномъ и политическомъ отношеніяхъ, служа связью мусульманъ съ Меккой. Въ промышленномъ отношеніи Дамаскъ съ давнихъ временъ считается однимъ изъ первыхъ городовъ Сиріи. Внѣшній видъ домовъ въ названномъ городѣ не отличается красотой, такъ какъ все вниманіе сосредоточено на внутреннемъ ихъ убранствѣ. Улицы Дамаска, какъ во всѣхъ вообще восточныхъ городахъ, хотя и узки, но мощены. Гостиные дворы богатствомъ не уступаютъ константинопольскимъ, если не болѣе послѣднихъ разнообразятся костюмами жителей сосѣднихъ горъ и пустыни. Въ Дамаскѣ болѣе всего поражаетъ европейца разнообразіе лицъ, нравовъ и костюмовъ. Что касается магазиновъ, то они въ настоящее время снабжаются главнымъ образомъ иностранными товарами,—признакъ паденія туземной промышленности,—что, впрочемъ, наблюдается во всѣхъ восточныхъ городахъ. Въ общемъ же Дамаскъ до нашихъ дней остается мѣстомъ обмѣна товаровъ, которые свозятся сюда изъ Персіи, Индіи, Аравіи и Европы, при помощи каравановъ, безпрерывно двигающихся между названнымъ городомъ, съ одной стороны, и Константинополемъ, Каиромъ и Багдадомъ—съ другой. Лучшія матеріи обыкновенно привозятся изъ Алеппо, такъ какъ мѣстныя издѣлія изъ шолка и полотна очень низкаго качества. Сѣдла и другія кожаныя издѣлія, столь необходимыя для сосѣднихъ пустынножителей, изготовляются и сбываются въ этомъ городѣ въ большомъ количествѣ. Изъ тридцати гостиныхъ дворовъ, предназначенныхъ для склада товаровъ, самый лучшій—Асадъ. Въ Дамаскѣ ежедневно открываются для правовѣрныхъ 60 мечетей, изъ которыхъ одна передѣлана изъ православнаго храма, нѣкогда построеннаго во имя Іоанна Богослова. Здѣсь выстроено нѣсколько христіанскихъ монастырей и еврейскихъ синагогъ. Въ нихъ христіане и евреи обучаютъ своихъ дѣтей грамотѣ.

Общественныя бани и трактиры имѣютъ много общаго съ константинопольскими, съ тѣмъ развѣ преимуществомъ, что здѣсь вы видите больше зѣвакъ и разсказчиковъ, столь обычныхъ вообще въ подобныхъ мѣстахъ. Что же касается до городскихъ садовъ, украшенныхъ разнообразными кіосками, то по своей об-

ширности, по разнообразію своихъ древесныхъ породъ и по красотѣ мѣстоположенія—они остаются безъ сравненія. Ко всему сказанному нужно прибавить, что Дамаскъ по всѣмъ своимъ кварталамъ отлично орошенъ водой изъ источника, извѣстнаго подъ названіемъ „Barrady“. Народонаселеніе Дамаска достигаетъ 120.000 жителей, не считая грековъ (православныхъ и католиковъ), армянъ, сирійцевъ и евреевъ, которыхъ въ общемъ насчитывается до 20.000 душъ. Мѣстные мусульмане крайне фанатичны, мятежны и разнузданы. Здѣсь до послѣдняго времени существовали революціонные кварталы; особой извѣстностью пользовался кварталъ Салахіе. Нынѣ египетское правительство положило конецъ этой мусульманской вольности. Оно сначала разоружило мятежныхъ жителей, а затѣмъ раздѣлило весь городъ на кварталы, отдѣливъ послѣдніе другъ отъ друга заставами, которыя на ночь закрываются. Христіанское народонаселеніе должно быть благодарно Мегмету-Али, который первый отмѣнилъ много актовъ оскорбительной тираніи, практиковавшейся противъ христіанъ правовѣрными. Онъ же установилъ смѣшанные суды, въ которыхъ нынѣ среди мусульманъ засѣдаютъ тѣ, которыхъ прежде правовѣрные не желали признавать себѣ подобными.

Я въѣхалъ въ Дамаскъ на лошади, не перемѣнивъ своей одежды. По городскимъ улицамъ я прогуливался вполнѣ свободно. Все это—небывалое для названнаго города явленіе. Здѣсь находится резиденція сирійскаго генералъ-губернатора, каковая должность нынѣ возложена на Шерифа-пашу, соотечественника и фаворита египетскаго вице-короля. Въ день моего пріѣзда Шерифъ-паша находился въ Хоранѣ, гдѣ сосредоточился лагерь Ибрагима-паши. Власть сирійскаго генералъ-губернатора ограничивается лишь гражданскими дѣлами; военное управленіе страны сосредоточено въ рукахъ Ибрагима-паши. Такое разграниченіе власти создаетъ серьезныя неудобства, такъ какъ Ибрагимъ-паша, пользуясь своимъ могуществомъ, зачастую вмѣшивается въ дѣла гражданскаго характера и, такимъ образомъ, парализуетъ дѣйствія административной власти.

Дорога отъ Дамаска до Деиръ-Эль-Каммаръ идетъ сначала по долинѣ Эль-Бекаа, а затѣмъ углубляется въ Ливанскія горы. Я посвятилъ на эту поѣздку, считая свои остановки въ селеніяхъ друзовъ, маронитовъ и метюальцевъ, всего четверо сутокъ. Два ряда параллельныхъ горъ, которыя очевидно раздѣлены доисторической революціей земного шара, заключаютъ въ себѣ узкій и крутой поясъ, змѣеобразно извивающійся по скаламъ, покрытымъ, какъ вездѣ въ Ливанѣ, тутовыми и оливковыми деревьями.

Здѣсь масса горныхъ потоковъ, которые съ ревомъ бросаются изъ пропасти въ пропасть, разсыпая свою серебристую пѣну на тысячи каскадовъ. Между прочимъ, надъ однимъ изъ этихъ потоковъ возвышается, на подобіе орлинаго гнѣзда, дворецъ Бтединъ, который построенъ въ мавританскомъ вкусѣ и принадлежитъ эмиру. На противоположной дворцу возвышенности разбросаны въ красивомъ безпорядкѣ дома Деиръ-Эль-Каммаръ или иначе—монастырь луны (le couvent de la lune). Деиръ-Эль-Каммаръ есть не что иное какъ селеніе въ 2.000 домовъ съ 7.000 жителей—маронитовъ и друзовъ. Промышленность и торговля сводятся здѣсь къ выработкѣ шолка, прованскаго масла, сесама, иначе конжута, табаку и хлопка [1]). Въ Деиръ-Эль-Каммарѣ построено четыре православныхъ церкви и одна мечеть, причемъ послѣдняя—исключительно для странствующихъ мусульманъ, такъ какъ вообще правовѣрные не имѣютъ здѣсь своей осѣдлости. Въ окрестностяхъ селенія насчитывается около 150 фабрикъ и шолковыхъ прядиленъ, причемъ болѣе 500 торговцевъ, которые торгуютъ на мѣстѣ. Вышесказанное достаточно указываетъ на благосостояніе жителей этой столицы Ливана. Къ моему сожалѣнію, я принужденъ отказаться отъ болѣе обстоятельнаго описанія нравовъ и костюмовъ мѣстныхъ жителей и въ особенности ихъ гостепріимства, которое я вполнѣ оцѣнилъ въ два, три дня, проведенные среди нихъ. Не имѣю также возможности въ этомъ бѣгломъ очеркѣ заняться описаніемъ воздушнаго дворца эмира Бешира, который по своей архитектурѣ въ тысячу разъ интереснѣе всѣхъ дворцовъ султана, не исключая даже самого Сарай-Бурну.

Получивъ соизволеніе на аудіенцію у эмира Бешира, я предварительно, чѣмъ попасть въ пріемные покои послѣдняго, принужденъ былъ пройти нѣсколько внутреннихъ дворовъ, въ которыхъ стояли эскадроны, собранные изъ горцевъ и арабовъ. Эта дворцовая стража была одѣта въ національные костюмы. Спѣшившись, стояли эти стражники рядомъ съ своими лошадьми, верблюдами, мулами и ослами. Затѣмъ, я проходилъ дворы съ артезіанскими колодцами и съ аллеями изъ апельсиновыхъ и лимонныхъ деревьевъ. Далѣе, шли дворы, установленные разно-

[1]) Вотъ нѣкоторыя статистическія свѣдѣнія, собранныя мною на мѣстѣ: изъ Деиръ-Эль-Каммаръ ежегодно вывозится болѣе 10.000 кантаръ шолка; отъ 40 до 50.000 кантаръ прованскаго масла; около 25.000 кантаръ масла, вырабатываемаго изъ сесама; болѣе 100.000 кантаръ табаку и столько же хлопка. Мѣстомъ экспорта служатъ Дамаскъ, Каиръ и Бейрутъ, причемъ послѣдній—какъ передаточный пунктъ для товара, отправляемаго въ Европу.

образными позолоченными мраморными кіосками; здѣсь же бросались въ глаза длинныя галереи съ арками и мавританскими колоннами. Наконецъ я вошелъ въ залъ. Эмиръ Беширъ сидѣлъ на полу. На немъ былъ надѣтъ, какъ и на Мегметъ-Али, мундиръ египетскаго низама. Эмиръ—величественный старикъ, съ голубыми кроткими, но проницательными глазами. Лицо его обрамлено длинной серебряной бородой. Улыбка эмира, казалось, отражала въ себѣ ту молодую душу, которая заставила Наполеона въ свое время отказаться отъ замысловъ на Востокъ и которая позднѣе передала Сирію въ руки Ибрагимупашѣ. Кстати замѣчу, что престижъ египетскаго вице-короля въ Сиріи непосредственно обусловленъ его дружбой съ эмиромъ Беширомъ. Во время аудіенціи эмиръ предложилъ мнѣ занять мѣсто на софѣ. Затѣмъ онъ распорядился, чтобы принесли трубки и кофе. Аудіенція была продолжительна. Эмиръ интересовался цѣлью моего путешествія; восхвалялъ красоту Ливана, говорилъ о скупости князя Пюклева, а также объ оригинальномъ образѣ жизни лэди Стэнгопъ. Рѣчь его отличалась тономъ серьезной осторожности и носила въ себѣ тотъ здравый смыслъ, который проглядываетъ во всѣхъ политическихъ предпріятіяхъ эмира Бешира, столь плодовитыхъ по своимъ результатамъ. Эмиръ по происхожденію—чистокровный арабъ, изъ благородной семьи Шахабовъ, которая принадлежитъ къ одному изъ самыхъ выдающихся ливанскихъ родовъ. Предки Бешира, болѣе ста лѣтъ тому назадъ, были призваны управлять Ливаномъ. Они приняли христіанство потому, что желали крѣпче связать себя съ маронитами, народностью, имѣющею наибольшее значеніе въ этомъ государствѣ. Религія нынѣшнихъ эмировъ—странная смѣсь трехъ вѣроисповѣданій, исповѣдуемыхъ племенами, находящимися подъ ихъ владычествомъ. Однако, интересно то, что странная религія, исповѣдуемая настоящими эмирами, сумѣла укротить религіозную нетерпимость подвластныхъ имъ племенъ и нашла способъ слить въ одну общую гармонію догмы столь различныхъ вѣроисповѣданій. Здѣсь сложилась поговорка: „эмиры должны родиться христіанами, жить мусульманами и умереть друзами“. Дѣйствительно, христіане при крещеніи, эмиры живутъ съ мусульманскимъ именемъ и по мусульманскимъ обычаямъ, и все это для того, чтобы впослѣдствіи быть похороненными въ землѣ друзовъ: таковъ обычай страны.

Эмиръ Беширъ гостепріимно удерживалъ меня остаться, говоря, что будетъ сконфуженъ, если я уѣду, не раздѣливъ съ нимъ хлѣба-соли. Я принужденъ былъ по разнымъ обстоятель-

ствамъ отклонить это любезное приглашеніе. Вслѣдствіе этого эмиръ распорядился, чтобы два офицера вели меня подробно осматривать его дворецъ, бани и конюшни, которыя я изслѣдовалъ съ величайшимъ интересомъ. Все мною видѣнное было столь сказочно, что по временамъ я воображалъ себя перенесеннымъ въ чудный міръ Шехеразады. Передавая свои впечатлѣнія о пріятныхъ дняхъ, проведенныхъ въ гостяхъ у повелителя Ливана, я не умолчу о томъ, что, во время моей аудіенціи у эмира, простые друзы и мароніты безцеремонно входили въ аудіенцъ-залъ. Одѣтые въ длинные хитоны и сандаліи, они спокойно подходили къ своему владыкѣ и благоговѣйно цѣловали бахрому подушки, на которой сидѣлъ Беширъ. Затѣмъ они разсаживались и пили мокко, который имъ тотчасъ же разносила дворцовая прислуга.

Въ счастливое первобытное время патріархъ былъ въ одно и то же время государь и отецъ своей трибы. Ливанскіе эмиры сумѣли сохранить формы древняго быта, но лишь во внѣшнемъ ихъ проявленіи. Дѣйствительно, ихъ подданные повинны въ незаконныхъ поборахъ, въ самоуправствѣ и даже прибѣгаютъ по временамъ къ кровавой мести. Положеніе эмира Бешира въ Ливанѣ подобно положенію Мегмета-Али въ Египтѣ. Нѣкоторые весьма удачно находятъ сходство въ проявленіи воли между султаномъ Махмудомъ, Мегметомъ-Али и эмиромъ Беширомъ. Такъ, первый уничтожилъ феодальную аристократію Дере-Беевъ, второй сокрушилъ военную аристократію мамелюковъ, а третій покончилъ съ олигархіей въ Кланахъ, причемъ все это совершилось, приблизительно, въ одно и то же время.

Эмиръ Беширъ безвозвратно связалъ свою судьбу съ судьбой египетскаго вице-короля, чѣмъ скомпрометировалъ себя передъ Портой. Къ тому же, дерзнувъ воспользоваться имуществомъ своихъ подданныхъ, эмигрировавшихъ въ Турцію, онъ еще сильнѣе возстановилъ противъ себя султана. Въ былое время могущество эмира Бешира основывалось на враждѣ, царившей между пашами, которую онъ неукоснительно поддерживалъ. Въ настоящее время единство власти въ Сиріи лишило эмира этого преимущества. Я уже говорилъ, что престижъ Мегмета-Али въ Сиріи—синонимъ дружбы его съ эмиромъ Беширомъ, который—главный рычагъ во всѣхъ предпріятіяхъ египетскаго вице-короля. Увѣряютъ, что старшій изъ трехъ сыновей эмира, а именно—Халилъ, извѣстный своими воинственными наклонностями, не раздѣляетъ привязанности отца къ Мегмету-Али; меньшой, наоборотъ, симпатизируетъ египетскому вице-королю. Про него го-

ворятъ, что онъ будетъ въ состояніи сохранить общность интересовъ, установившуюся между Сиріей и Египтомъ. Однако, въ вопросѣ о престолонаслѣдіи, безъ сомнѣнія, главную роль будетъ имѣть указаніе самихъ сирійцевъ.

Я покинулъ Деиръ-Эль-Каммаръ съ тѣмъ, чтобы посѣтить Джіунъ. Я рѣшился на эту поѣздку потому, что поставилъ себѣ цѣлью изучить всѣ достопримѣчательности Сиріи. Дорога, которая ведетъ отъ Деиръ-Эль-Каммара въ Джіунъ, скалиста и изрѣзана отчаянными пропастями. Она—настоящій адъ, созданный изъ горныхъ обломковъ, съ отсутствіемъ всякой жизни. Испуганный мулъ со страхомъ двигается по гигантскимъ глыбамъ, которыя, оторвавшись отъ параллельныхъ горъ, въ безпорядкѣ навалены другъ на друга. Въ этомъ лабиринтѣ перпендикулярно разбросанныхъ горныхъ осколковъ слышится лишь крикъ хищныхъ птицъ, да виднѣются цѣлыя тучи саранчи, которая съ шумомъ спускается на тощую растительность.

Вечеромъ 6-го іюня мы подошли къ Джіунскимъ холмамъ. На одномъ изъ нихъ расположено бѣдное друзское селеніе; другой холмъ служитъ мѣстожительствомъ таинственной царицы Пальмиры [1]), сибиллы уединенія—лэди Эстеръ Стэнгопъ, фантастическая и исключительная жизнь которой создала въ этомъ сердцѣ пустыни какой-то сверхъестественный міръ. Я съ нетерпѣніемъ ждалъ случая познакомиться съ этой психологической загадкой. Лэди Эстеръ не принимаетъ у себя путешественниковъ. Напрасно принцъ Максимиліанъ Баварскій добивался свиданія съ этой оригинальной женщиной: оно не состоялось. Я дерзнулъ отправить къ лэди Эстеръ письмо. Друзскій мальчикъ, относившій письмо, вернулся черезъ полчаса въ сопровожденіи араба-лакея, который передалъ мнѣ желаніе своей госпожи познакомиться со мною. Въ настоящемъ бѣгломъ очеркѣ я не имѣю возможности подробно говорить о моемъ свиданіи съ лэди Эстеръ Стэнгопъ, хотя замѣчу, что бесѣда съ ней продлилась цѣлую ночь. На слѣдующій день, осмотрѣвъ восхитительный садъ лэди Эстеръ, я выѣхалъ изъ Джіуни и черезъ нѣсколько часовъ пути былъ уже въ Портъ-Саидѣ, древнемъ Сидонѣ. Дорога къ этому мѣсту идетъ черезъ Ливанскій хребетъ, который отъ Джіуни къ Средиземному морю замѣтно понижается и превращается въ долину, среди которой на холмистомъ морскомъ побережьѣ живописно

---

[1]) Пальмира (по-арамейски Тадморъ, т.-е. городъ пальмъ)—нѣкогда цвѣтущій городъ, нынѣ бѣдная деревушка въ Сиріи, знаменитая развалинами величественныхъ сооруженій, памятниками послѣдней поры древне-римской архитектуры.

расположенъ Портъ-Саидъ. Сады и сосновыя рощи орошаются небольшой рѣкой Аула, которая окружаетъ городъ съ трехъ сторонъ. Улицы узки и грязны. Портъ-Саидъ защищенъ высокой стѣной, съ глубокими воротами, которая тянется съ перерывами и представляетъ собою слабый оплотъ противъ непріятельской атаки. Населеніе составляютъ арабы-мусульмане, греки, марониты и левантинцы. Количество жителей не превышаетъ 6.000. Въ концѣ восемнадцатаго столѣтія здѣсь сильно была развита торговля, но нынѣ, съ переносомъ метрополіи пашалыка въ Акръ, она свелась къ экспорту апельсиновъ и лимоновъ, которые въ изобиліи собираются въ окрестныхъ садахъ. Гавань построена на сѣверъ отъ города и отличается своей тѣснотой. Она служитъ мѣстомъ стоянки только для небольшихъ судовъ; корабли и пароходы бросаютъ свой якорь вблизи небольшого скалистаго острова, лежащаго на сѣверо-западѣ отъ Портъ-Саида, на разстояніи не болѣе одной мили отъ берега. Нѣсколько гранитныхъ колоннъ, разбросанныхъ по побережью, да полуразрушенный замокъ съ башней—вотъ остатки древняго Сидона, владыки морей, въ которомъ впервые были открыты искусства письма и мореходства. Здѣсь когда-то вырабатывались золотыя ткани, украшавшія царицъ Востока. Здѣсь же красовались въ былыя времена мраморные дворцы, хранилища всесвѣтныхъ богатствъ. Городъ Тиръ, бывшая колонія Сидона, убилъ свою родную мать для того, чтобы впослѣдствіи самому позорно погибнуть. Такова, впрочемъ, исторія всѣхъ государствъ и городовъ.

Въ Портъ-Саидѣ имѣется нѣсколько гостинницъ, изъ которыхъ одна называется „Французской“. Только въ этой послѣдней европейскіе путешественники находятъ себѣ пріютъ. Я лично не могъ отыскать себѣ пристанища. Пришлось воспользоваться любезностью г. Лапи, австрійскаго драгомана и референдарія европейскихъ консульствъ въ Сиріи, который предложилъ мнѣ остановиться у него. Г. Лапи—въ высшей степени предусмотрительный и образованный человѣкъ. Онъ—извѣстный знатокъ этой страны и вѣрный другъ всѣхъ европейцевъ, которые, пользуясь его услугами, избавляются отъ лишеній и трудностей, неминуемо связанныхъ съ путешествіемъ по этой отдаленной мѣстности. Такое отношеніе австрійскаго драгомана къ европейцамъ является въ особенности цѣннымъ для тѣхъ путешественниковъ, которые принуждены видѣть въ своихъ консулахъ людей мѣстнаго происхожденія, не пользующихся положительно никакимъ значеніемъ и обращающихъ свою службу лишь на пользу личныхъ коммерческихъ выгодъ. Я долженъ замѣтить, что указанный недостатокъ

въ особенности преслѣдуетъ русскихъ путешественниковъ. Такъ, напримѣръ, нашъ агентъ въ Бейрутѣ по происхожденію—туземецъ, а потому русскіе пилигримы, случайно заброшенные сюда морской стихіей, не только не имѣютъ возможности искать въ своемъ консульствѣ помощи, но даже не могутъ быть выслушанными и понятыми въ своей нуждѣ. Между тѣмъ, русскій консулъ въ названномъ городѣ есть представитель всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ, за исключеніемъ Франціи и Англіи, которыя имѣютъ своихъ агентовъ. Къ тому же въ Триполи имѣетъ мѣстопребываніе лишь одинъ французскій консулъ, въ Дамаскѣ—англійскій, а въ Портъ-Саидѣ—г. Лапи, представитель австрійскаго правительства. Подобное положеніе вещей создаетъ рядъ всевозможныхъ неудобствъ. Напримѣръ, я положительно не знаю ни одного нашего консула въ Сиріи, который былъ бы въ состояніи держать правительство въ курсѣ дѣлъ государства, могущаго быть въ недалекомъ будущемъ мѣстомъ, гдѣ разрѣшится важный восточный вопросъ. Въ день моего пріѣзда въ Портъ-Саидъ, жители послѣдняго были крайне возбуждены. Ходили слухи, что друзы спустились съ горъ и шли опустошать страну. Нѣкоторые даже приходили къ г. Лапи, справляться о томъ, вѣрно ли, что какой-то путешественникъ, прибывшій изъ Дамаска и остановившійся въ австрійскомъ консульствѣ, былъ по дорогѣ ограбленъ. Въ данномъ случаѣ рѣчь шла обо мнѣ. Подобные слухи, въ связи съ совѣтами лэди Стэнгопъ, которой, казалось, было извѣстно предполагаемое движеніе друзовъ, побудили меня нанять небольшую арабскую лодку, чтобы добраться до Акки [1]).

Ливанскій хребетъ, начиная отъ горы Кармель, постепенно понижается къ Средиземному морю. Городъ Тиръ, называемый арабами Суръ, расположенъ въ предѣлахъ песчаной долины, которая покрыта тутовыми рощами, сахарнымъ тростникомъ и табачными плантаціями. Въ настоящее время это—небольшое бѣдное селеніе, которое настолько пододвинулось къ морю, что какъ бы угадываешь его затаенное желаніе продолжать попрежнему властвовать надъ морскою стихіей. Одинъ минаретъ да нѣсколько сѣрыхъ домовъ, потонувшихъ среди зелени роскошныхъ пальмъ,—вотъ все, что̀ осталось отъ прежняго величія Тира съ его знаменитыми дворцами, среди которыхъ особенно славился дворецъ Дидонъ. На морскомъ берегу разбро-

[1]) Акка—городъ и укрѣпленіе на восточномъ берегу Средиземнаго моря, главный городъ санджака, въ азіатско-турецкомъ вилайетѣ Шамъ, при обширной бухтѣ, находящейся къ сѣверу отъ мыса Кармель.

сано нѣсколько несчастныхъ арабскихъ лодокъ. Это—грустные потомки тѣхъ славныхъ морскихъ судовъ, скамьи которыхъ вырѣзывались изъ слоновой кости, доставляемой изъ Индіи. Тотъ Тиръ, про который въ св. Писаніи сказано, что въ немъ торговали не купцы, а родовитые князья, населенъ нынѣ маронитами, греками и метюальцами, число которыхъ не превышаетъ 1.000 человѣкъ. Всѣ они терпятъ ужасную нищету. Никогда еще пророчество не сбывалось въ такой ужасной точности, какъ надъ этимъ несчастнымъ городомъ. Въ двухъ часахъ пути отъ Тира, въ тѣни фиговой рощи, расположены три бассейна проточной воды. Европейцы называютъ эти водоемы: „Колодцы Соломона", у арабовъ же они извѣстны подъ именемъ: „Разъ-эль-Аинъ". Вода изъ этихъ бассейновъ проведена въ городъ посредствомъ грандіозныхъ водопроводовъ, которые рельефно выдѣляются на горизонтѣ. Я не буду здѣсь спорить о томъ, точно ли эти бассейны—тѣ колодцы, про которые Соломонъ сказалъ: „они—источникъ той живой воды, которая стремительно несется съ Ливана, орошая его сады".

Ночью мы прошли мысъ Бѣлый, по-арабски Разъ-эль-Абіадъ, которымъ заканчивается западная часть Саронскихъ горъ и который прилегаетъ къ долинѣ, гдѣ расположенъ городъ Акка. На разсвѣтѣ мы были вблизи стѣнъ названнаго города.

Въ настоящемъ очеркѣ я бѣгло описалъ ту часть Сиріи, которая пересѣкается горами Ливана и Антиливана и которая тянется отъ Бейрута до Триполи. Кромѣ того, я мелькомъ коснулся мѣстности, лежащей между долиной Келесиріей съ городомъ Дамаскомъ и городомъ Аккой. Затѣмъ я сказалъ нѣсколько словъ о Финикіи, о развалинахъ Бальбека, Сидона и Тира. Теперь я изложу общее географическое положеніе всей Сиріи, которое само по себѣ уже разъясняетъ всю предыдущую исторію этого государства. Ливанъ, растянутый съ юга на сѣверъ, начиная отъ города Бейрута или, точнѣе, отъ Тира до города Триполи, на пространствѣ, приблизительно, 180 верстъ, имѣетъ границей рѣки: Наръ-эль-Камсишъ на югѣ и Наръ-эль-Баридъ на сѣверѣ. Протяженіе Ливана съ запада на востокъ отъ береговъ Средиземнаго моря до долины, на которой находится Дамаскъ, равняется почти 140 верстамъ. Наивысшая точка горныхъ хребтовъ: Ливанскаго—Джебель-Саннинъ, Антиливанскаго —гора Джебель-эль-Шейхъ. Въ Ливанскихъ и Антиливанскихъ горахъ берутъ начало большинство рѣкъ, орошающихъ Сирію, среди которыхъ особенно извѣстны Оронтъ и Іорданъ. Народонаселеніе Ливана не превышаетъ 350.000 жителей, а Анти-

ливана — 50.000 душъ. Всѣ жители раздѣляются на три племени: метюальцевъ, друзовъ и маронитовъ. Метюальцевъ насчитывается не болѣе 40.000 душъ. Это — самая незначительная сирійская народность. Чертой ихъ осѣдлости служитъ, главнымъ образомъ, Антиливанъ, и именно та мѣстность, которая лежитъ между Тиромъ (Суромъ) и Бальбекомъ, и только очень незначительная часть метюальцевъ живетъ въ Ливанѣ. По происхожденію они принадлежатъ къ древнѣйшему роду сирійскихъ арабовъ. По вѣроисповѣданію — шіиты. Они отличаются дикостью своихъ нравовъ и полнымъ отвращеніемъ къ какому-либо подчиненію. Христіанъ они не переносятъ, въ особенности европейскихъ.

Друзы, смѣшанные съ маронитами, населяютъ ту часть горнаго сирійскаго хребта, который извѣстенъ подъ названіемъ Эль-Шуфъ. Ихъ столица — Деиръ-эль-Каммаръ. Религія друзовъ — какая-то странная смѣсь древняго гностицизма съ догматами разнообразнѣйшихъ христіанскихъ, мусульманскихъ и еврейскихъ сектъ. Кромѣ того, этому вѣроисповѣданію присущи признаки язычества. Попытки европейскихъ ученыхъ изслѣдовать этотъ теологическій хаосъ не удались. Между прочимъ, кажется, лэди Стэнгопъ отчасти изучила этотъ вопросъ. Нѣкоторые европейскіе писатели производятъ друзовъ отъ крестоносцевъ, но это мнѣніе крайне ошибочно. Однако, на этой почвѣ эмиръ Факръ-эдъ-Динъ, во время своей поѣздки въ Италію, удачно устроилъ свое благополучіе. Веніаминъ Тудельскій [1]) относитъ происхожденіе друзовъ ко временамъ болѣе отдаленнымъ, чѣмъ крестовые походы. Друзское племя еще не такъ давно было многочисленно и отличалось, среди другихъ сирійскихъ народностей, своимъ могуществомъ. Друзы были въ состояніи выставлять до 30.000 вооруженныхъ воиновъ. Количество ихъ превышало 150.000 жителей. Эмиръ Беширъ жестоко опустошилъ это сирійское племя: нынѣ ихъ насчитывается не болѣе 50.000. Они не расположены къ своему эмиру, который извѣстенъ своимъ подозрительнымъ характеромъ и крайнимъ самолюбіемъ. Что касается египетскаго правительства, которое угнетаетъ друзовъ непосильнымъ рекрутскимъ наборомъ, то оно также не пользуется съ ихъ стороны никакой популярностью. Впрочемъ, говорятъ, что Мегметъ-Али въ скоромъ времени приступитъ къ разоруженію друзовъ, и это

[1]) Веніаминъ бенъ Іона Тудельскій, какъ путешественникъ, занимаетъ выдающееся мѣсто. Онъ на цѣлое столѣтіе опередилъ Плано-Карпини и Марко-Поло. Путешествія его относятся къ 1163 или 1165 г.г.; на родину, въ городъ Тудела, на Эбро, онъ вернулся въ 1173 году.

понятно, такъ какъ въ настоящее время уже окончательно установлено, что большинство повстанцевъ въ Хоранѣ были именно друзы, бѣжавшіе изъ Ливана. Двѣ или три тысячи этихъ бѣглецовъ, соединившись съ такимъ же количествомъ арабовъ изъ Аназе, держали долгое время 60.000-ную армію Ибрагима-паши въ крайне тяжеломъ положеніи. Друзы очень дружны съ маронитами. Такъ, напримѣръ, ихъ дѣти очень часто воспитываются въ маронитскихъ школахъ. Эта симпатія къ сирійскимъ христіанамъ, въ связи съ отвращеніемъ къ мусульманамъ, объясняется добрыми нравами друзовъ и ихъ природной любовью къ земледѣлію и промышленности. Возможно, что въ недалекомъ будущемъ друзы и мароніты сплотятся въ одно цѣлое и создадутъ новый порядокъ въ Ливанѣ, который, кажется, установится ранѣе того, чѣмъ то предполагаютъ.

Относительно маронитовъ можно сказать здѣсь одно, что все то хорошее, что когда-либо говорилось о нихъ, становится непреложнымъ убѣжденіемъ послѣ изученія на мѣстѣ ихъ моральныхъ качествъ и вообще всего политическаго строя этого племени. Я уже говорилъ, что мароніты живутъ въ мѣстности, лежащей между Бейрутомъ и Триполи, т.-е. въ центральныхъ долинахъ Ливанскихъ горъ и на его вершинахъ. Количество маронитовъ достигаетъ 250.000 жителей. Названіе этой народности происходитъ отъ имени отшельника Маррона, обратившаго въ пятомъ вѣкѣ эту сирійскую общину въ христіанство. Мароніты—ревностные католики. Они почти теократически управляются своимъ патріархомъ, папскими легатами, епископами, настоятелями своихъ монастырей и священниками. Ихъ духовенство, кромѣ монаховъ, имѣетъ право жениться и отличается чистотой своихъ нравовъ. Юрисдикція маронитскаго духовенства распространяется на всѣ спорные вопросы, гдѣ сталкивается гражданскій законъ съ церковнымъ. Ливанскіе эмиры, въ рукахъ которыхъ верховная власть, крайне сдержаны по отношенію къ маронитскому духовенству. Авторитетъ духовенства неоспоримъ. Оно, буквально, держитъ въ рукахъ всѣ умы этой народности. Это объясняется тѣмъ, что духовенство ведетъ простую, трудолюбивую жизнь земледѣльца, которая столь соотвѣтствуетъ природнымъ наклонностямъ маронитовъ. Въ Ливанѣ насчитывается до 200 маронитскихъ монастырей, которые разбросаны на вершинахъ ливанскаго хребта. Число монаховъ достигаетъ 2.000. Мароніты питаютъ симпатію къ Франціи, которая для нихъ—то же самое, что для грековъ Россія; тамъ ихъ отечество, тамъ ихъ надежда. Французскіе агенты, однако, крайне

осторожно и благоразумно пользуются симпатіями маронитовъ. Между прочимъ, ливанскіе шейхи и мѣстное духовенство, принимая меня за француза, высказывали не разъ свое нетерпѣніе сдѣлаться французской колоніей, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, правительство Мегмета-Али, равно какъ и султана, далеко не соотвѣтствуетъ моральнымъ нуждамъ ихъ народа. Русскихъ мароніты называютъ схизматиками. Наше правительство, кажется, относится къ нимъ совершенно равнодушно. Англія, называемая здѣсь „еретическимъ государствомъ“, ненавистна маронитамъ, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ мароніты убѣдились, что англійскіе миссіонеры не пренебрегали никакими средствами для того, чтобы утвердить свое вліяніе вмѣсто французскаго. Эта антипатія настолько сильна, что каждый англичанинъ принужденъ именоваться въ Ливанѣ вымышленной фамиліей, чтобы не быть принятымъ за сына туманнаго Альбіона.

Административное управленіе у маронитовъ возложено на шейховъ, которые только губернаторы своего округа, но не судьи. Шейхи связаны между собою родствомъ. Они владѣютъ большими земельными участками, которые передаются изъ рода въ родъ. Такъ, напримѣръ, шейхъ въ Дзебдани гордо мнѣ замѣтилъ, что онъ владѣетъ своей земельной собственностью болѣе семисотъ лѣтъ. Земли шейховъ обрабатываются свободными маронитами, которые получаютъ за это четвертую часть урожая, въ видѣ заработной платы. Жители, которые не владѣютъ земельными участками, платятъ налоги съ того промысла, которымъ занимаются. Къ налогамъ привлечены даже дѣти, но не моложе девяти лѣтъ, и старики—до семидесяти лѣтъ. Самъ эмиръ Беширъ ежегодно выплачиваетъ египетскому правительству поземельную подать, которая достигаетъ 2.000 бурсъ, что̀ равняется, приблизительно, 300.000 рублей. Вообще полагаютъ, что страна сильно нуждается въ деньгахъ и, главнымъ образомъ, вслѣдствіе притѣсненій эмира. Въ былое время мароніты легко могли выставлять армію въ 30.000—40.000 солдатъ. Кромѣ того, каждый изъ маронитовъ долженъ имѣть полное вооруженіе. Въ настоящее время египетское правительство, разоруживъ это воинственное племя, разрѣшило эмиру Беширу имѣть лишь одну охрану, численностью не болѣе 800 человѣкъ. Однако, говорятъ, что мароніты скрыли — не безъ вѣдома, конечно, эмира—большую часть своихъ вооруженій. Родина маронитовъ—страна суровыхъ, неприступныхъ скалъ. Отсутствіе удобныхъ путей сообщенія заставляетъ ихъ селиться вблизи другъ отъ друга. Поэтому первый крикъ тревоги съ быстротой телеграфа разносится по странѣ.

Воинственныя наклонности маронитовъ находятся въ непосредственной связи съ неприступной природой ихъ государства.

— Сколько въ вашемъ селеніи жителей?

— Тысяча конныхъ...—самоувѣренно отвѣтилъ мнѣ шейхъ одного маронитскаго селенія.

Въ общемъ, мароніты—добрые, простые, честные и гостепріимные люди. Они хорошей крови: сильны, энергичны и веселы. Какъ народъ, они поспорятъ съ любой европейской націей и превзойдутъ всѣхъ своей патріархальностью. Сорокъ лѣтъ тому назадъ, народонаселеніе маронитовъ не превышало 120.000 человѣкъ; нынѣ ихъ вдвое больше. Достойно вниманія то обстоятельство, что численность сосѣднихъ маронитамъ племенъ за тотъ же періодъ времени и въ той же пропорціональности уменьшилась. Быстрый ростъ предрекаетъ маронитской народности важную роль въ дѣлѣ возрожденія стараго Востока, который ждетъ только появленія среди нихъ способной и энергичной личности.

Въ концѣ этого бѣглаго очерка слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ объ установившихся взаимоотношеніяхъ между Сиріей и Египтомъ. Мегметъ-Али, въ своемъ стремленіи увеличить доходы, забываетъ должную мѣру. Онъ даже не дѣлаетъ никакого различія между Сиріей и Египтомъ, тогда какъ оба эти государства совершенно не схожи между собою ни по природѣ своей, ни по характеру своего населенія. Египетъ—страна ровная, обособленная и однородная по жителямъ; Сирія — страна по природѣ своей неприступная и разнородная по безчисленному количеству населяющихъ ее племенъ, съ различными нравами и религіями. Къ тому же Сирія никогда не мирилась съ чужеземнымъ игомъ. Забывъ это различіе, Мегметъ-Али установилъ въ Сиріи свою притѣснительную администрацію. Онъ не постѣснялся даже ввести монополію на шолковую промышленность, отъ которой, впрочемъ, своевременно отказался. Что касается государственныхъ налоговъ, то сирійцы обременены ими въ сильной степени. Кромѣ того, они обязаны отдавать часть своего урожая египетскому правительству, которое платитъ имъ обыкновенно ниже настоящей стоимости отбираемыхъ продуктовъ и всегда ассигнаціями, что въ свою очередь убиваетъ въ странѣ торговлю и промышленность. Рекрутскій наборъ примѣняется сверхъ всякой осторожности; онъ не замедлитъ опустошить Сирію на подобіе Египта. Друзы, подобно другимъ мусульманскимъ племенамъ, не скрываютъ своихъ симпатій къ султану, что вызвано притѣсненіями египетскаго вице-короля. Они ждутъ удобнаго

случая доказать свое расположеніе къ оттоманскому правительству. Не таково настроеніе христіанскаго населенія, хотя оно несетъ тѣ же государственныя повинности, что и мусульмане. Христіанскія племена Сиріи видятъ себя подъ управленіемъ Мегмета-Али спасенными отъ того ужаснаго рабства, которое угнетало ихъ во времена оттоманскаго владычества. Нынѣшній египетскій вице-король вѣротерпимъ. Онъ освободилъ христіанскія церкви отъ различныхъ оброковъ и пошлинъ. Подобный политическій тактъ уже принесъ Мегмету-Али пользу: смута въ Хоранѣ была подавлена арміей Ибрагима-паши, которая состояла исключительно изъ маронитовъ. Это обстоятельство должно имѣть огромное значеніе вообще для исторіи исламизма и въ частности для исторіи самого Мегмета-Али. Во всякомъ случаѣ, турецкое правительство можетъ разсчитывать на сирійскихъ мусульманъ; но что касается христіанскихъ племенъ этой страны, то они, отрекаясь отъ всего прошлаго, ждутъ для себя иной судьбы...

В. Тепляковъ.

МАХРОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ

ПОВѢСТЬ.

I.

На базарѣ въ пользу одного изъ среднихъ учебныхъ заведеній наступило затишье. Былъ обѣденный часъ, и дневные посѣтители разъѣхались по домамъ, а вечерніе не успѣли еще пріѣхать. Многія изъ продавщицъ тоже уѣхали; оставшіяся либо скучали въ своихъ опустѣвшихъ кіоскахъ, либо соединялись маленькими группами, шли въ буфетъ и тамъ садились обѣдать.

За однимъ изъ столиковъ, почти совершенно скрытымъ растеніями, сидѣли пожилая нарядная дама, дѣвушка въ бѣломъ суконномъ платьѣ и молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, съ волосами, раздѣленными проборомъ „à la Capoule“, и съ довольно красивымъ, но болѣзненнымъ и непріятнымъ лицомъ. Они уже кончили обѣдать и лѣниво пили черный кофе, отдыхая послѣ дневной суеты и хлопотъ.

Гремѣвшая на другомъ концѣ залы музыка заглушала ихъ голоса, да и говорили они тоже лѣниво, перебрасываясь незначительными короткими фразами.

— Елена Павловна, — быстро заговорила вдругъ, подбѣгая къ ихъ столику, хорошенькая молодая дѣвушка.—M-lle Фрейманъ уѣзжаетъ и спрашиваетъ, заказать ли еще нѣсколько подушекъ, или мы и такъ обойдемся. У насъ осталось три простыхъ: одна голубенькая и двѣ розовыхъ.

— Право, не знаю; завтра послѣдній день... Какъ вы думаете, Лидочка?—обратилась Елена Павловна къ обѣдавшей съ

ней дѣвушкѣ и, не дожидаясь ея отвѣта, дѣловито и быстро заговорила: — Подождите, душечка, я сейчасъ приду, мнѣ еще надо сказать m-lle Фрейманъ объ... какъ бишь ихъ?.. о сашѣ!

— Мнѣ такъ совѣстно, Елена Павловна,—вкрадчиво залепетала дѣвица, которую она назвала „душечкой“.—Вы обѣдали, я васъ потревожила. Вы такъ добры, Елена Павловна, что избаловали насъ. Вы о себѣ совсѣмъ не думаете.

Самодовольная улыбка освѣтила пухлое, хищное и еще красивое личико Елены Павловны.

— Ахъ, Боже мой, это наше общее дѣло, — внушительно сказала она, — гдѣ же тутъ думать о себѣ? Я иду, душечка; скажите m-lle Фрейманъ, чтобы она меня подождала.

„Душечка“ проворно исчезла, а Елена Павловна залпомъ допила свой кофе, грузно встала изъ-за стола, шурша шолковымъ платьемъ, сошла со ступенекъ эстрады, на которой помѣщался буфетъ, и скрылась въ толпѣ, начинавшей мало-по-малу оживляться.

Молодые люди остались одни. Оба они молчали. Молодой человѣкъ, слегка откинувшись на спинку стула, не то подсмѣивался, не то, любуясь, глядѣлъ на дѣвушку.

Въ ней было все красиво: и легкій наклонъ изящной головки, и смѣлый разрѣзъ темно-сѣрыхъ глазъ, и золотистый блескъ густыхъ, закрученныхъ на затылкѣ волосъ, и небрежное движеніе руки, которой она трепала лежавшій на столѣ пучокъ кризантемъ. Но особенно хорошъ былъ ротъ, невинный и нѣжный, какъ у младенца, представлявшій удивительный контрастъ съ обиженнымъ и капризнымъ выраженіемъ прекраснаго лица. Она внезапно подняла голову и пристально посмотрѣла на молодого человѣка.

— Борисъ Владиміровичъ,—сказала она,—почему, когда вы давали мнѣ эти цвѣты, вы назвали меня... махровыми лепестками?

— Развѣ я васъ назвалъ такъ?

— Да.

— На меня, очевидно, дѣйствуетъ атмосфера базара,—уклончиво отвѣтилъ онъ съ легкимъ смѣхомъ.

— Почему?—удивилась дѣвушка.

— Да потому, что мысленно я васъ часто такъ называлъ, но сказать этого не рѣшался.

— Это не имѣетъ значенія. Мнѣ хочется знать, почему.

— Почему я такъ думаю?

— Да, я не понимаю.

— Да я, видно, не на шутку попался! Но неужели вы въ самомъ дѣлѣ не понимаете?

— Нѣтъ, я уже вамъ сказала.

— То-есть, вы не хотите понять. Ну, хорошо. Ужъ я же васъ накажу тѣмъ, что буду вполнѣ откровененъ, если... вы мнѣ позволите.

Грустная усмѣшка скользнула по ея лицу.

— Если позволю?—съ горечью проговорила она:—вы, обыкновенно, не спрашиваете моего позволенія. Вы пріучили меня къ откровенности.

— Васъ такъ весело дразнить.

— Да мнѣ-то не весело.

— А вы не позволяйте.

Она молча посмотрѣла на него и едва замѣтно пожала плечами. Что-то жалкое, безпомощное было въ этомъ движеніи.

— Знаете, почему вы не можете запретить мнѣ говорить вамъ правду? Именно потому, что я говорю правду, и что она и пугаетъ, и притягиваетъ васъ. Вамъ и любопытно, и жутко, вы и сердитесь на меня, и не можете меня не слушать. Другіе идеализируютъ васъ или говорятъ о погодѣ, повторяютъ пошлости, чужія слова...

— А вы почему-то присвоили себѣ право выискивать во мнѣ всѣ мои недостатки и слабости и все время со мной о нихъ говорить, дѣлать изъ меня какой-то объектъ для изслѣдованія. Я не хочу этого, не хочу, мнѣ это надоѣло.

— Ну, хорошо, я больше не буду, я буду пай-мальчикомъ.

И, дѣйствительно, онъ, какъ пай-мальчикъ, покорно сложилъ руки и придалъ своему лицу почтительно-глупое выраженіе. Это было такъ уморительно, что Лидія невольно разсмѣялась.

— А теперь скажите мнѣ, почему вы зовете меня махровыми лепестками?

Она облокотилась на столъ и кокетливо оперлась головкой на руку. Послѣ минутной вспышки, она снова поддавалась обаянію этого человѣка, обаянію утомительнаго и страннаго флирта, который въ продолженіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ дѣйствительно и пугалъ, и притягивалъ ее къ себѣ.

— А развѣ вы не махровый цвѣтокъ?—растягивая немного слова, заговорилъ Борисъ Владиміровичъ.—Яркій, красивый—и только.

— Какъ такъ *и только*! Вы просто не уважаете меня. Это меня, наконецъ, возмущаетъ.

— А за что же мнѣ уважать васъ?

Вопросъ этотъ, неожиданный и дерзкій, такъ поразилъ Лидію, что она слегка поблѣднѣла и приподнялась со стула.

— Подождите, Лидія Николаевна, не сердитесь. Разсудите сами. Вы—красивая, милая дѣвушка, вы не дѣлаете ничего дурного, но... вѣдь и хорошаго вы также ничего не дѣлаете. Я назвалъ васъ махровыми лепестками, и вы на меня обидѣлись. За что? Какъ же мнѣ называть васъ? Красивой, сорной травкой, пожалуй?

— А мнѣ какъ назвать васъ?

— О, я прекрасно знаю, что вы обо мнѣ очень дурного мнѣнія, и что отъ вашего опредѣленія мнѣ не поздоровится. Ну, что же, я не заплачу. Я вовсе не добиваюсь, чтобы меня уважали... Это такъ скучно! Мнѣ гораздо пріятнѣе, когда меня боятся и завидуютъ мнѣ. Завидуютъ только силѣ. Зовите меня чужеяднымъ растеніемъ. Вы—сорная травка, я—паразитъ, живущій на счетъ общественнаго организма. Мы нисколько не уважаемъ другъ друга, да и зачѣмъ? Намъ пріятно и весело вмѣстѣ. Не такъ ли?

— Можетъ быть, вамъ и пріятно, не знаю. Мнѣ же, повѣрьте, ни капельки. Мнѣ бы хотѣлось знать, по какому праву вы меня вѣчно дразните.

— Да только по праву сильнаго. Когда я былъ маленькій, я ужасно любилъ мучить животныхъ; теперь меня больше забавляютъ люди. Вы принадлежите къ тѣмъ, которые сами напрашиваются на то, чтобы ихъ помучили.

— Но это несносно!

— Бѣдные махровые лепестки!

— Почему *бѣдные*, почему вы меня постоянно жалѣете, будто я нищенка?

— О, нѣтъ, вы не нищенка. Я даже думаю, что если вамъ повезетъ, если пригрѣетъ васъ солнышко,—вы расцвѣтете и счастливо проживете вашу махровую жизнь.

— А если нѣтъ, если *не* повезетъ?

— Вы завянете.

— Это очень печально.

— Что̀ дѣлать!

— Но что̀ это значитъ: „если вамъ повезетъ“?

— А вотъ представьте себѣ, что на васъ женится знаменитый художникъ. Увезетъ васъ въ Италію, купитъ для васъ у какого-нибудь разорившагося итальянскаго маркиза чудную виллу, окружитъ васъ роскошью, блескомъ, поклоненіемъ...

— Ну, все это такъ нелѣпо, что вы, очевидно, просто хотите сказать, что мнѣ *не* повезетъ.

— Отчего же?.. Бываетъ. А впрочемъ, я плохо вѣрю въ божество махровыхъ цвѣтовъ. Имъ многаго хочется, да взять-то они ничего не умѣютъ. Ну, гдѣ этимъ маленькимъ, слабымъ рукамъ взять что-нибудь отъ жизни? Онѣ возьмутъ лишь то, что сама она дастъ имъ.

Лидія чувствовала, что онъ не даромъ завелъ рѣчь объ ея рукахъ, что онъ ими любуется, любуется длинными, тонкими пальцами съ острыми розовыми ноготками, и ей было это пріятно, и она позволяла ему любоваться ими, хотя въ душѣ ея росло тоскливое чувство обиды и утомленія.

Да, она была слабая, слабая дѣвушка, и всякій разъ, когда онъ говорилъ съ ней, хладнокровно разсматривая ее своими дерзкими глазами, она, какъ пойманная птица, чувствовала себя въ его власти и не въ силахъ была дать ему рѣшительный отпоръ.

Онъ ей все-таки немножечко нравился, забавлялъ ее, пріятно раздражалъ ея нервы, помогалъ ей забывать о многихъ вещахъ, о которыхъ ей не хотѣлось думать. И потомъ... онъ былъ выгоднымъ женихомъ. Это была нечистая мысль, которой Лидія сама пугалась, и которая, тѣмъ не менѣе, не покидала ее никогда и заставляла ее улыбаться, когда ей хотѣлось плакать, заставляла смотрѣть на него дѣтски-испуганными, обиженными глазами, когда въ сердцѣ кипѣли гнѣвъ и досада, и порой даже ненависть.

И наконецъ, онъ видѣлъ ее насквозь, хорошо зналъ все, что̀ въ ней было низменнаго, такъ что обманывать его или спорить съ нимъ было бы вполнѣ безполезно.

Онъ не зналъ лишь одного, а именно, что въ душѣ человѣка есть много различныхъ струнъ, и что всѣ онѣ чутко настроены. Лучшихъ изъ нихъ онъ никогда не касался, не подозрѣвая даже объ ихъ существованіи.

Подъ его вліяніемъ онѣ переставали звучать, Лидія сама о нихъ забывала; только порой возмущалась невольно, а потомъ вновь падала духомъ и на все готова была махнуть рукой.

— Боже мой,—сказала она наконецъ,—какъ это скучно: вѣчно, вѣчно говорить объ одномъ, объ одномъ и томъ же! Вы какъ-то особенно дѣйствуете на меня. Послѣ разговора съ вами въ головѣ не остается ни одной свѣжей мысли, все какъ-то перепутается, чувствуешь себя будто въ чаду, руки опускаются. Отчего же другіе, отчего, напримѣръ?..

Она не докончила и вдругъ замолчала.

— Что̀ напримѣръ?

— Нѣтъ,—отвѣтила она,—ничего. Вы совершенно правы. Я—сорная травка, махровые лепестки.

Она глубоко вздохнула и усталымъ движеніемъ закрыла рукою глаза.

Они молчали въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ. Онъ съ нѣкоторымъ удивленіемъ смотрѣлъ на нее.

— Вы, кажется, очень утомились, Лидія Николаевна,—сказалъ онъ ей ласково,—вамъ бы слѣдовало поѣхать отдохнуть.

Она покачала головой.

— А вы не останетесь?

— Я жду маму. Она что-то совсѣмъ пропала съ этими подушечками; намъ нужно было ѣхать въ Удѣлы ко всенощной.

И настолько была сильна установившаяся между ними привычка дразнить другъ друга и съ нѣкоторымъ цинизмомъ надо всѣмъ смѣяться, что и теперь Лидія не удержалась и задорно спросила:

— Вы въ роли кающагося грѣшника?

— Нѣтъ, но я дѣлаю карьеру. Я не махровые лепестки.

Въ ея прекрасныхъ глазахъ блеснулъ презрительный огонекъ, а внутренній голосъ тутъ же шепнулъ: „онъ—выгодный, удобный женихъ“.

— Вотъ и Елена Павловна,—сказала она, вставая.

— Вы будете завтра на базарѣ?

— Можетъ быть,—вечеромъ; днемъ я не буду,—я очень устала.

— Вы будете дома около трехъ часовъ?

— О, Боже, вамъ мало базара, вы хотите еще пріѣхать къ намъ, меня мучить!

— Нѣтъ, нѣтъ, мнѣ нужно поговорить съ вами объ одномъ дѣлѣ, очень серьезномъ. Мнѣ любопытно знать, что̀ вы отвѣтите.

— Скажите сейчасъ.

— Нѣтъ, здѣсь неудобно. Надо это обставить болѣе торжественно. Необходимо также согласіе вашей матушки, Николая Петровича. Почему бы, въ сущности, не сказать вамъ *да*?

Она бросила на него пытливый взглядъ, взоры ихъ встрѣтились, и что-то дрогнуло въ ихъ лицахъ, будто между ними образовалась мгновенная невидимая связь.

Лидія быстро опустила глаза и невольно схватилась за край стола. Ей казалось, будто почва уходитъ у нея изъ-подъ ногъ.

— Я буду дома около трехъ часовъ, — медленно произнесла она.

Онъ молча ей поклонился.

— Ну, Боря, поѣдемъ, мы и такъ опоздали. Лидочка, милочка, прощайте, до завтра. Поцѣлуйте вашу милую маму и поблагодарите ее за то, что она отпустила васъ. Вы — такая прелестная помощница. Завтра вы днемъ не будете? Значитъ, до вечера? Пойдемъ же, Боря, пойдемъ.

Лидія низко присѣла. Елена Павловна поцѣловала ее въ лобъ. Борисъ Владиміровичъ снова молча ей поклонился. Лидія улыбнулась и, стараясь не смотрѣть въ глаза, граціозно протянула ему руку.

— Итакъ, до завтра,—сказала она,—а вечеромъ снова будемъ торговать и ссориться.

— Злопамятная сорная травка, — шепнулъ онъ,—мнѣ бы ужасно хотѣлось отучить васъ колоться.

Они ушли, а Лидія быстро направилась къ своему кіоску. Издали она казалась такой блестящей, красивой, сіяющей, но ей не было весело. Ей было жутко; она знала, что весь вечеръ будетъ чувствовать себя отравленной ядомъ его рѣчей, и мысль о томъ, что ждетъ ее завтра, заставляла биться ея сердце тревогой и страхомъ передъ чѣмъ-то непоправимымъ, нелѣпымъ и безобразнымъ.

Въ кіоскѣ Лидія не нашла „душечки“, которая куда-то испарилась, сваливъ обязанности продавщицы на совсѣмъ молоденькую, миловидную барышню.

— Васъ всѣ бросили,—вы не устали, Нина Сергѣевна?— спросила ее Лидія, и тутъ же разсѣянно прибавила: —Посидите еще минутку, пожалуйста, мнѣ надо сходить въ отдѣлъ попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ. Вы не устали?

— О, нѣтъ, я съ удовольствіемъ,—добродушно отвѣтила барышня и, смутившись, начала разставлять и приводить въ порядокъ предназначавшіяся для продажи вещи.

Лидія ласково кивнула ей головой и все той же быстрой походкой поспѣшила въ сосѣднюю залу, гдѣ пріютился отдѣлъ въ пользу общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ.

— Здѣсь нѣтъ Ольги Александровны?—спросила она, подходя къ пожилой, скромно одѣтой особѣ, продававшей книги и письменныя принадлежности.—Мнѣ говорили, что она обѣщала быть.

— Да, мы ждали ее, да вотъ не пріѣхала; что-нибудь, вѣрно, ее задержало.

Лидія постояла, какъ-то растерянно посмотрѣла на свою собесѣдницу, пролепетала: „какъ жаль!“—и побрела обратно въ большую залу.

Послѣдняя соломинка, за которую она думала-было ухватиться, выскользнула изъ ея рукъ.

„Не пріѣхала Ольга Александровна, — думала она: — поѣхать къ нимъ, что-ли? Нѣтъ, стыдно. Да и зачѣмъ? Между нами все кончено. Я отвернулась отъ нихъ въ такое тяжелое время,—они этого не простятъ никогда. Все равно, къ чему мнѣ совѣты? Завтра пріѣдетъ Кулешовъ, сдѣлаетъ мнѣ предложеніе, и я... конечно, его приму“.

И вдругъ въ головѣ ея блеснула мысль: „А что, если не сдѣлаетъ?“ Она опустилась на первый попавшійся стулъ и закрыла глаза. Ей хотѣлось немного забыться.

II.

Лидія Николаевна Радаева была единственной дочерью очень извѣстнаго петербургскаго адвоката.

Будучи еще совсѣмъ молодымъ человѣкомъ, Николай Петровичъ Радаевъ женился на княжнѣ Софьѣ Андревнѣ Юрасовой, и женитьба эта явилась рѣшающимъ шагомъ, опредѣлившимъ всю дальнѣйшую его судьбу.

Князья Юрасовы были когда-то очень богаты и владѣли въ средней полосѣ Россіи большими помѣстьями и многими тысячами крестьянскихъ душъ, но все это было далекимъ прошлымъ, и къ тому времени, когда молоденькая княжна окончила курсъ въ Смольномъ институтѣ, семья ея успѣла почти до тла разориться, и въ приданое Софья Андреевна получила лишь прабабкино жемчужное ожерелье, а послѣ смерти родителей ей досталось въ наслѣдство заложенное и разоренное имѣніе въ с-ской губерніи, съ огромной полуразвалившейся барской усадьбой, запущеннымъ садомъ и совсѣмъ истощенной землей. Въ это-то имѣніе и пріѣхала Софья Андреевна послѣ окончанія институтскаго курса, съ головкой, переполненной всевозможными бреднями, со взглядами и вкусами, сложившимися главнымъ образомъ подъ вліяніемъ прочитанныхъ тайкомъ французскихъ романовъ. Она была неглупая дѣвушка, но недобрая и пустая. Любила она исключительно самое себя и отъ жизни ждала одного наслажденія. Деревня, крестьяне—какъ бы не существовали для нея. Ей казалось, что судьба должна ее баловать, и что горе, нужда и ли-

шенія—такія вульгарныя вещи, что о нихъ лучше вовсе не думать. Да и вообще она мало думала, она больше мечтала.

Она мечтала о томъ, что, вотъ-вотъ, на поворотѣ аллеи явится какой-нибудь молодой сосѣдъ, непремѣнно князь, красавецъ, богачъ, влюбится въ нее съ перваго взгляда...

Но вокругъ нея тихо шептали старыя липы, расцвѣтали и осыпались одичалыя розы, а сосѣдъ все не ѣхалъ. Въ усадьбѣ было тоскливо и скучно. Назойливо жужжали мухи, сумрачно глядѣли со стѣнъ семейные портреты; еще болѣе сумрачно глядѣлъ отецъ, измученный недохватками и кредиторами. Мать постоянно хворала, грустила и всѣми силами старалась сокращать расходы.

Промелькнули лѣтніе мѣсяцы, наступилъ октябрь. Подулъ рѣзкій осенній вѣтеръ, тяжелыя, сѣрыя тучи заволокли все небо, и заморосилъ мелкій холодный дождь.

Софья Андреевна рѣшила *скучать*, не отвѣчать, когда съ ней заговаривали, сидѣть по цѣлымъ часамъ, безнадежно смотря въ одну точку, а въ отвѣтъ на просьбы родителей высказаться и объясниться—горько и громко плакать.

Родители потеряли наконецъ терпѣніе, потолковали, потолковали и рѣшили отправить дочь въ Петербургъ, къ близкимъ родственникамъ. Но и родственники жили, какъ живетъ огромное большинство петербуржцевъ, отъ двадцатаго числа до двадцатаго, должая, бывая въ гостяхъ, назначая журфиксы и кое-какъ воспитывая въ казенныхъ заведеніяхъ дѣтей... жили, словомъ, полумѣщанской сѣренькой жизнью, отнюдь не похожей на жизнь французскихъ романовъ. Но на первыхъ порахъ Софья Андреевна удовлетворилась. Она, въ сущности, еще ничего не видѣла, и развлечь ее было легко. Ее заняли ея новыя платья, новыя лица, театръ, суета и движеніе большого города, мишура безсодержательной жизни.

Мужчинамъ она мало нравилась, хотя и была очень изящной и стройной дѣвушкой съ бѣлокурой кудрявой головкой, чуднымъ цвѣтомъ лица и красивыми свѣтло-голубыми глазами. Наглый взглядъ этихъ глазъ всѣхъ отталкивалъ; отталкивало также и то, что держала она себя очень гордо, какъ бы снисходя къ окружавшимъ ее людямъ и даже гнушаясь ими. Отъ нея почтительно отходили, а за спиной ея надъ нею подсмѣивались. Княжна Софья не унывала и все ждала принца.

Судьба, однако, разсудила иначе. Познакомившись съ Николаемъ Петровичемъ Радаевымъ, тогда еще совсѣмъ молодымъ, но уже обратившимъ на себя вниманіе присяжнымъ повѣрен-

нымъ, она сразу имъ увлеклась и сама вскружила ему голову. Сынъ бѣднаго, скромнаго чиновника, Николай Петровичъ былъ въ полномъ смыслѣ слова „a self made man". Своимъ образованіемъ, развитіемъ, хорошими манерами, знаніемъ языковъ, онъ былъ почти исключительно обязанъ самому себѣ, своей настойчивости, силѣ воли, желанію во что бы то ни стало выбиться въ люди. Онъ былъ очень уменъ, красивъ, безспорно талантливъ и на Софью Андреевну произвелъ чарующее впечатлѣніе.

Она же ему понравилась своей красотой, изяществомъ, но главнымъ образомъ тѣмъ, что надменный видъ ея задѣлъ его за живое, раздразнилъ его самолюбіе, раздразнилъ всѣ тѣ мелкія, пошлыя страсти, которыя сидятъ почти въ каждомъ изъ насъ, а въ Николаѣ Петровичѣ, несмотря на природный умъ, развитіе и честность, были особенно сильны и выросли еще подъ вліяніемъ суровой борьбы и неприглядной домашней обстановки. Родители княжны Софьи, умудренные жизненнымъ опытомъ, давно перестали мечтать. На бракъ съ Радаевымъ они легко согласились,—лучшей партіи для дочки они и не ждали.

Что же касается самой Софьи Андреевны, то какъ только прошло первое увлеченіе и она нѣсколько оглядѣлась и освоилась со своимъ новымъ положеніемъ, она поняла, что сдѣлала величайшую глупость, и этой глупости она не прощала себѣ во всю свою жизнь. Ей пришлось поддерживать отношенія съ ближайшими родственниками мужа, мириться со скромной, въ первые годы почти бѣдной жизнью, разсчитывать, заниматься хозяйствомъ, носить дешевыя, старыя платья. Все это бѣсило ее, доводило порой до отчаянія и служило поводомъ вѣчныхъ семейныхъ сценъ. Мужа она, однако, побаивалась и вступать съ нимъ въ открытую ожесточенную борьбу не рѣшалась. Она извивалась, какъ змѣйка, лгала, обманывала его въ мелочахъ и считала себя глубоко несчастной, обиженной и неудовлетворенной.

Николай Петровичъ въ душѣ, можетъ быть, многое сознавалъ, во многомъ горько раскаивался, но никто объ этомъ не зналъ. Самолюбіе, гордость, упрямство заставляли его упорно молчать. Онъ надѣлъ на себя рабочее дѣловое ярмо и такъ ужъ и не снималъ его, работая до полнаго истощенія силъ. Лишать жену роскоши было ему непріятно; съ другой стороны, поступать ужъ совсѣмъ въ разрѣзъ съ совѣстью онъ не хотѣлъ. Онъ захотѣлъ сохранить честное имя. Онъ былъ очень талантливъ, и ему повезло. Лѣтъ черезъ десять, Софья Андреевна разъѣзжала уже на собственныхъ лошадяхъ, каждый годъ ѣздила въ Ниццу и заказывала себѣ платья въ Парижѣ. Правда, всего

этого было ей мало, но жаловаться было теперь уже все-таки какъ-то смѣшно, и она мало-по-малу успокоилась и замолчала.

Она начала даже почитывать, занялась общественной дѣятельностью, филантропіей. Не будучи въ состояніи бывать при дворѣ, блистать въ высшемъ свѣтѣ, она рѣшила хоть въ своемъ кругу играть видную роль и сдѣлаться интересной женщиной.

Старая закваска въ ней, однако, осталась, и зачастую, когда она своимъ рѣзкимъ голосомъ самоувѣренно и властно говорила вычитанныя изъ книгъ либеральныя фразы, глаза мужа съ легкой насмѣшкой недружелюбно смотрѣли на нее, а губы его складывались въ презрительную, усталую улыбку.

И зачастую та же улыбка и то же выраженіе мелькали въ глазахъ дочки ихъ, Лидіи. Лидія появилась на свѣтъ, когда Радаевы проживали уже много денегъ, и все дѣтство свое она провела, окруженная роскошью и баловствомъ. Софья Андреевна по-своему любила ее и по-своему желала ей счастья. Испортивъ, какъ она думала, неудачнымъ замужествомъ собственную свою жизнь, она мечтала, что, по крайней мѣрѣ, Лидочкѣ ея повезетъ. Она задалась цѣлью воспитать ее такъ, чтобы она сумѣла взять какъ можно больше отъ жизни. Поэтому она съ ранняго дѣтства ревниво оберегала ея дѣтскій умъ отъ всѣхъ благотворныхъ вліяній и, какъ огня, боялась скучныхъ принциповъ, мѣшающихъ человѣку спокойно вкушать отъ жизненнаго пирога.

У нея у самой всю жизнь текли слюнки, ей хотѣлось, чтобы на долю Лидіи достался большой и жирный кусокъ.

Несмотря на всѣ свои фразы, въ душѣ она давно безповоротно рѣшила, что все остальное—не болѣе, какъ звукъ пустой.

— Я хочу, чтобы она была счастлива,—говорила она мужу.

— Я хочу также, чтобъ изъ нея вышелъ хорошій человѣкъ,—отвѣчалъ Николай Петровичъ.

— Охъ, ради Бога!—съ раздраженіемъ возражала Софья Андреевна.—Въ Россіи и безъ того слишкомъ много хорошихъ людей. И наконецъ, я увѣрена, что дочь моя не будетъ разбойницей. Я хочу, чтобы она была счастлива, я не хочу, чтобъ она была дурой; человѣкъ живетъ только разъ,—я хочу, чтобы она вполнѣ насладилась жизнью.—И Николай Петровичъ умолкалъ, чувствуя въ душѣ, что обстоятельства сильнѣе его, что обстановка, среда, кругъ знакомыхъ, что все это, созданное имъ самимъ, врядъ ли способно выработать хорошаго человѣка, да что и самъ онъ давно утратилъ все, что было въ немъ лучшаго, и что ратовать ему за идеалы, по меньшей мѣрѣ, смѣшно.

А Лидочка постепенно росла. Софья Андреевна нанимала приходившихся ей по вкусу француженокъ-гувернантокъ, возила ее по лѣтамъ за-границу, наряжала ее какъ красивую куколку и позволяла знакомиться лишь съ хорошо одѣтыми, богатыми дѣвочками, которыя сразу спрашивали у нея: „Кто вашъ отецъ?“ Софья Андреевна баловала Лидію, дарила ей дорогія игрушки и очень рано сдѣлала ее повѣренной всѣхъ своихъ взглядовъ, думъ и желаній. И странно,—Лидія мало привязалась къ ней. Она не уважала свою мать. Правда, она вполнѣ восприняла всѣ ея наставленія и теоріи, подчинилась во многомъ ея вліянію, но дѣло въ томъ, что она отдавала себѣ въ этомъ отчетъ и не уважала и самое себя. Софья Андреевна отдала ее въ гимназію княжны Одалинской,—по ея мнѣнію, менѣе тлетворную и опасную, нежели другія,—но и тамъ Лидія столкнулась съ интеллигентными дѣвочками и кое-что схватила на лету. По окончаніи курса гимназіи, она рѣшила поступить на высшіе курсы. Софья Андреевна это вполнѣ одобрила. Она была самолюбива, и хотѣла, чтобы дочь ея не отставала ни въ чемъ.

— Чѣмъ лучше она будетъ образована,—разсуждала она,—тѣмъ она будетъ интереснѣе и привлекательнѣе для другихъ, тѣмъ лучше она будетъ вооружена для борьбы и тѣмъ лучше и съ большимъ вкусомъ сумѣетъ насладиться жизнью.

Софья Андреевна отлично видѣла, что дочь ея пошла отчасти въ нее, и не увлечется серьезно и безкорыстно наукой.

Но Лидія была молода, она была неглупая дѣвушка. Ко многому она прислушивалась, многое подмѣчала, обдумывала, и въ душѣ ея начинался разладъ.

Какъ мать, она любила наряды и роскошь, какъ мать—жадно ловила радости жизни и такъ же, какъ мать, лгала и кривила душой, говоря красивыя фразы о вещахъ, къ которымъ въ сущности относилась почти безразлично. Вся разница заключалась лишь въ томъ, что Софья Андреевна не сознавала мерзости этой лжи, Лидія же сознавала ее вполнѣ ясно и въ хорошія минуты тяготилась ею. Въ такія минуты она мало любила свою мать. Она не любила ее за грубый цинизмъ, за то, что она такъ безжалостно обрывала цвѣтъ жизни, издѣвалась надъ тѣмъ, во что, можетъ быть, такъ отрадно было бы вѣрить. Лидія была слабой, мало духовной натурой, но изъ нея могъ бы выйти недурной человѣкъ, еслибы съ раннихъ лѣтъ не мѣшали ей правильно развиваться и не уродовали ея молодую душу. Она сама это порой смутно чувствовала, возмущалась, негодовала, но затѣмъ вспышки эти, эти исканія смѣнялись обычнымъ суетнымъ на-

строеніемъ, и жизнь снова катилась вѣчнымъ праздникомъ, изсушая сердце и не давая здоровой пищи уму.

Радаевы жили очень роскошно, но никто не зналъ, богаты ли они, и насколько. Лидія же не разъ слышала отъ матери, что все ихъ благосостояніе построено на пескѣ, что, кромѣ заработка отца, средствъ у нихъ нѣтъ, и что богаты они, пока Николай Петровичъ живъ и работаетъ.

И каждый разъ, когда Софья Андреевна заводила объ этомъ рѣчь, она незамѣтно старалась внушить дочери, что дальнѣйшая ея судьба всецѣло зависитъ отъ нея самой.

— О тебѣ я не забочусь,—говорила она:—ты красива, не дура, не можетъ же быть, чтобы ты никому не понравилась. А тебѣ, я надѣюсь, не понравится какой-нибудь хламъ. Нѣтъ, нѣтъ, я не безпокоюсь, а сама я какъ-нибудь проживу, мнѣ на мой вѣкъ хватитъ.

Лидія отлично все понимала, и случалось, что она вдругъ вспылитъ, наговоритъ матери дерзостей, а потомъ успокоится и съ любопытствомъ начнетъ прислушиваться къ наставленіямъ Софьи Андреевны.

— Я тебѣ же желаю добра,—говорила ей Софья Андреевна,—можешь передъ кѣмъ угодно разыгрывать роль невинной jeune fille, а передо мною ломаться смѣшно; я говорю съ тобой, какъ съ человѣкомъ взрослымъ, и предупреждаю тебя, что одна красота, безъ умѣнья владѣть ею, ничего не значитъ. Ты часами должна изучать передъ зеркаломъ, какія идутъ къ тебѣ позы, движенія, выраженія лица. Это — наука и очень сложная. Каждая женщина, если она не глупа, должна понимать это и думать объ этомъ. Флёртировать вовсе не такъ легко. Надо умѣть быть интересной.

Лидочка слушала и запоминала, и при случаѣ охотно кокетничала, чтобы потомъ со смѣхомъ разсказывать матери о маленькихъ своихъ побѣдахъ.

Софья Андреевна слѣдила за этими разсказами съ неменьшей жадностью и неменьшимъ интересомъ, нежели она слушала въ былые годы признанья своихъ институтскихъ подругъ.

— Такъ имъ и нужно,—говорила она, презрительно щуря свои наглые глаза;—нечего стѣсняться съ мужчинами, они такъ мало стѣсняются съ нами. Это—борьба за существованіе.

И на эту борьбу уходили лучшіе годы Лидіи, лучшія силы ея души, и душа ея все больше и больше мельчала.

Единственнымъ человѣкомъ, котораго она любила искренно и горячо, былъ ея отецъ, но онъ былъ вѣчно занятъ, и къ

тому же она немного дичилась его и никогда откровенно передъ нимъ не высказывалась. Она чувствовала, что отецъ лучше матери, что онъ многое терпитъ, но далеко не все одобряетъ и не за все погладитъ ее по головкѣ.

И она мало-по-малу привыкла быть съ матерью какъ бы въ заговорѣ противъ отца, а передъ нимъ играть роль невинной, наивной дѣвочки.

Она, какъ ребенокъ, взбиралась къ нему на колѣни и ласкалась къ нему, а когда онъ въ разговорѣ съ нею касался серьезныхъ вопросовъ, будилъ ея праздный умъ, она слушала его съ серьезнымъ и сосредоточеннымъ личикомъ, а подъ часъ мѣтко и умно ему возражала.

Ей хотѣлось блеснуть, порисоваться передъ отцомъ, заслужить его одобреніе. Она имъ гордилась, восхищалась его краснорѣчіемъ, ей было пріятно быть дочерью такого отца.

Онъ иногда ласково бралъ ее за подбородокъ и, приподнявъ ея русую головку, пытливо глядѣлъ на нее, какъ бы желая проникнуть въ самую ея душу, разгадать то, что таилось въ глубинѣ этихъ ясныхъ дѣвическихъ глазъ.

И Лидія выдерживала этотъ взглядъ, какъ змѣйка выскальзывала изъ его рукъ и припадала головой къ его плечу.

Онъ крѣпко прижималъ ее къ своему сердцу и тяжело вздыхалъ. Какая-то мысль его очевидно тревожила.

Николаю Петровичу очень хотѣлось создать для Лидочки подходящее общество, но задача эта была не изъ легкихъ. Софья Андреевна цѣнила людей, главнымъ образомъ, по покрою платья.

Радаевы жили открыто, и народу у нихъ бывало немало. Бывали адвокаты, чиновники, свѣтскіе пшюты, военные, молодежь, конечно, все свѣтская, правовѣды, пажи, лицеисты... Въ домѣ вѣчно стоялъ дымъ коромысломъ, но тѣснаго и дружнаго кружка знакомыхъ, которыхъ бы связывали общіе интересы, у Радаевыхъ не было, и создать его было трудно. Среди помощниковъ Николая Петровича попадались люди недюжинные. Самъ онъ былъ очень талантливъ, репутація его была безупречна, быть его помощникомъ многимъ изъ молодыхъ юристовъ казалось большою честью. Относился онъ къ нимъ мило и просто, какъ къ младшимъ товарищамъ, но Софья Андреевна смотрѣла на нихъ свысока и обращалась съ ними чуть ли не какъ съ прислугой. Николай Петровичъ много разъ выходилъ изъ себя, говорилъ, что это, наконецъ, глупо. Софья Андреевна злорадно смѣялась и нимало не измѣняла своего поведенія. Подъ ея вліяніемъ и Лидія привыкла, хоть и не сознавалась въ этомъ

отцу, смотрѣть на его помощниковъ, какъ на своихъ подчиненныхъ. Красота ея покоряла ихъ, заставляла смиренно переносить ея выходки, и это поклоненіе еще болѣе баловало и безъ того избалованную Лидію. Она молча кланялась имъ при встрѣчѣ, изрѣдка обмѣнивалась съ ними двумя-тремя фразами и не удостоивала ихъ бо̀льшаго вниманія.

III.

Разъ какъ-то Лидія вернулась домой совсѣмъ разстроенной. Оказалось, что кучеръ ея на Мойкѣ погналъ лошадей и сбилъ съ ногъ небольшую дѣвочку, торопливо перебиравшуюся черезъ улицу съ двумя огромными картонками. Дѣвочка съ крикомъ упала, картонки раскрылись, нѣсколько нарядныхъ шляпъ выкатились изъ нихъ въ снѣгъ. „Чтобъ тебя...“—съ досадой закричалъ кучеръ, натянулъ возжи, и лошади было-понеслись, но въ эту минуту, передъ самыми ихъ мордами, какъ изъ земли выросъ высокій молодой человѣкъ въ студенческой формѣ, и санки внезапно остановились.

Лидія подалась впередъ.

— Что̀ это?—вскрикнула она съ невольнымъ испугомъ.

— Простите меня, сударыня,—отвѣтилъ ей студентъ, и красивое, выразительное лицо его дышало нескрываемымъ презрѣніемъ.—Я остановилъ вашихъ лошадей, чтобы дать вамъ возможность исполнить вашу прямую обязанность. Потрудитесь,—обратился онъ къ неохотно подошедшему городовому,—записать фамилію и адресъ этой дамы.

Разсказывая объ этомъ матери, Лидія еще вся дрожала.

Софья Андреевна вспыхнула, но тотчасъ же овладѣла собой.

— И только-то? — спросила она.—Ну, заплатимъ штрафъ, стоитъ объ этомъ думать!

— Да мнѣ стыдно, мама!—неожиданно вырвалось у Лидіи.

Софья Андреевна изумленно на нее взглянула и весело расхохоталась.

— Да что, онъ былъ очень красивъ, что-ли? — язвительно спросила она.

Прошло около года. Радаевы кончали обѣдать, когда лакей подалъ Николаю Петровичу визитную карточку. Онъ взглянулъ на нее и съ улыбкой кивнулъ головой.

— Просите, просите,—сказалъ онъ,—я сейчасъ приду.

— Это Веревкинъ,—обратился онъ къ женѣ, съ довольнымъ

видомъ потирая свои большія, красивыя руки, — я возьму его, вѣроятно, въ помощники. Онъ—славный малый. Пришли намъ, пожалуйста, кофейку.

И бросивъ свою салфетку и привычнымъ движеніемъ надѣвъ золотое pince-nez, онъ поспѣшно всталъ изъ-за стола.

Софья Андреевна пожала плечами.

— Могъ бы и подождать, — раздраженно произнесла она сквозь зубы.—Какой-то мальчишка... А, да что говорить!

Прошло полчаса, часъ. Софья Андреевна и Лидія сидѣли въ гостиной и болтали, склонившись надъ только-что полученнымъ нумеромъ „Graphic“, когда дверь въ кабинетъ Николая Петровича внезапно распахнулась, и на порогѣ показалась его высокая, полная фигура.

— Позвольте васъ познакомить съ женой и дочкой, — раздался его громкій пріятный голосъ,—прошу любить и жаловать. Александръ Ивановичъ Веревкинъ.

Софья Андреевна подняла голову и небрежно протянула свою унизанную кольцами руку.

— Очень рада,—проговорила она.

Молодой человѣкъ раскланялся и обратился вдругъ къ Лидіи.

— Мнѣ кажется, мы съ вами встрѣчались, — сказалъ онъ съ едва замѣтной улыбкой.

Отецъ и мать удивленно взглянули на дочь. Она сидѣла неподвижно, и густая краска стыда все ярче и ярче разгоралась въ ея смущенномъ лицѣ. Въ новомъ помощникѣ отца она сразу узнала прошлогодняго студента, остановившаго на Мойкѣ ея лошадей...

Ко всѣмъ помощникамъ своего отца Лидія относилась вполнѣ безразлично. Веревкина она возненавидѣла. Онъ же, казалось, не обращалъ на нее никакого вниманія, и это еще больше выводило ее изъ себя. Она какъ бы не существовала для него, онъ былъ вѣжливъ, и только.

Гордый видъ ея, презрительные кивки, все, чѣмъ она старалась его озадачить, все это не производило на него ни малѣйшаго впечатлѣнія. Онъ только пересталъ съ ней разговаривать и началъ быстро проходить мимо нея, раскланиваясь, какъ на улицѣ. Она ясно видѣла, что, несмотря на свою красоту, она ему нисколько не нравится, и что онъ даже старается ея избѣгать.

А между тѣмъ у Радаевыхъ Веревкину приходилось бывать очень часто, и съ Лидіей онъ постоянно встрѣчался.

Николай Петровичъ искренно къ нему привязался, и Александръ Ивановичъ въ дѣлахъ быстро сдѣлался его alter ego.

Радаевъ любовался его умомъ, цѣнилъ его мнѣнія, восхищался его знаніями и тѣмъ остроуміемъ, съ которымъ онъ ихъ примѣнялъ.

— Еслибы у меня всегда были такіе помощники,—говорилъ онъ, усталымъ жестомъ проводя рукой по лицу,—я бы лѣтъ на десять дольше прожилъ на свѣтѣ.

— Ты просто въ него влюбился, — дразнила его Софья Андреевна.

Но что̀ болѣе всего поражало Лидію, это то, что сама Софья Андреевна относилась къ Веревкину не такъ, какъ къ другимъ. Онъ нравился ей, какъ мужчина, и покорялъ ее, какъ человѣкъ, своимъ острымъ умомъ и милымъ нравомъ. Она чувствовала, что если она начнетъ имъ помыкать, онъ не смолчитъ, но и не отвѣтитъ ей дерзостью, а вышутитъ ее, но такъ тонко, умно, добродушно, что поставитъ ее же въ смѣшное и глупое положеніе,—и Софья Андреевна этого немного побаивалась.

Лидія начала-было подсмѣиваться надъ Веревкинымъ, какъ она подсмѣивалась съ матерью чуть ли не надъ всѣми знакомыми, но на этотъ разъ Софья Андреевна холодно ей возразила:—Странно, я думала, что у тебя больше вкуса. — И Лидочка замолчала. Она прикусила себѣ язычокъ, но въ головкѣ ея началъ созрѣвать новый планъ. Ей все сильнѣй и сильнѣй хотѣлось завладѣть Веревкинымъ, увлечь его, заставить въ нее влюбиться, чтобы потомъ позабавиться имъ, какъ кошка мышкой. И она, какъ хищный звѣрекъ, притаилась и спрятала свои коготки, выжидая удобный случай.

И вотъ, однажды, Веревкинъ чуть-было не столкнулся съ Лидіей на лѣстницѣ.

Онъ быстро взбѣгалъ по ступенькамъ, она же спускалась съ болтающимися на рукѣ коньками, спѣша въ Таврическій садъ на катокъ.

Веревкинъ поклонился, пробормоталъ извиненіе и собирался, какъ всегда, пройти мимо, какъ вдругъ, къ немалому его удивленію, Лидія его окликнула. Онъ обернулся и, озадаченный, остановился, выжидая, что̀ будетъ дальше.

— Александръ Ивановичъ,—снова начала Лидія. Она казалась очень возбужденной, сконфуженной и нервно теребила кончики короткаго собольяго боа.

— Я давно хотѣла сказать вамъ о... знаете, о томъ, что̀

было въ прошломъ году. Меня это очень мучитъ. Вы, Богъ знаетъ, что̀, вѣроятно, подумали. Я... право, сама не знаю, какъ это случилось.

И она неожиданно протянула ему свою маленькую руку, затянутую въ бѣлую лайковую перчатку.

— Пожалуйста, забудьте все,—продолжала она.—Я узнавала о дѣвочкѣ: она не ушиблась, я дала ей денегъ...—И глаза Лидіи, тревожные и полные ожиданія, казалось, просили прощенія. „Не правда ли, я все сдѣлала?“—казалось, говорили они.

Веревкинъ колебался и не сводилъ съ Лидіи любопытныхъ, испытующихъ глазъ. Повѣрить ей? Повидимому, она была искренна... А что̀, если все это не болѣе, какъ искусная игра, и она съ нимъ просто кокетничаетъ? Но зачѣмъ? Что̀ онъ для нея, и къ чему стала бы она притворяться?

— Лидія Николаевна, — сдержанно проговорилъ онъ.—Я, право не знаю, не знаю, что̀ вамъ отвѣтить. Это, можетъ быть, маленькій урокъ? Можетъ быть, я первый долженъ былъ извиниться. Ну, простите меня. Поведеніе мое было, конечно... молодо-зелено, но... повинную голову мечъ не сѣчетъ.

— Да нѣтъ же, нѣтъ,—горячо возразила Лидія,—вы были правы, *вы* дали мнѣ урокъ. Я его заслужила, я его помню.

И вдругъ она ласково, довѣрчиво разсмѣялась.

— Александръ Ивановичъ, — краснѣя, прибавила она: — я должна вамъ покаяться. Я была съ вами все это время очень невѣжлива, поведеніе мое было глупо, но знаете, знаете, почему?.. Мнѣ было ужасно стыдно.

Послѣ этого неожиданнаго объясненія, между Веревкинымъ и Лидіей установились совершенно новыя отношенія. Послѣ первыхъ минутъ удивленія и недовѣрія, Александръ Ивановичъ объяснилъ все поведеніе Лидіи ребячествомъ и рѣшилъ, что она—избалованная и своенравная, но хорошая дѣвушка.

Его тронулъ ея поступокъ, ему стало какъ бы жаль ее. Ему стало жаль, что такую чуткую, цѣльную натуру такъ искалѣчили, такъ легко отнеслись къ задачѣ ея воспитанія, такъ мало позаботились о томъ, чтобы сдѣлать жизнь ея болѣе осмысленной. Онъ видѣлъ, какъ она проводила время, видѣлъ, кто ее окружалъ, и въ душѣ удивлялся Радаеву. Ему казалось, что Николай Петровичъ могъ бы обратить болѣе серьезное вниманіе на дочь. Софью Андреевну Веревкинъ почти не зналъ. Она представлялась ему мало развитой, хотя и довольно нахальной свѣтской фразеркой, не доброй, но и не злой, и онъ думалъ, что вліяніе, оказываемое ею на дочь, скорѣе вредно. Насколько

это вліяніе было глубоко и вредно, онъ, конечно, и не подозрѣвалъ.

Онъ нерѣдко говорилъ своей матери о Лидіи, говорилъ о томъ, какъ легко было бы направить и перевоспитать ее, внушить ей многое, многое.—Она еще дитя,—говорилъ онъ,—но хорошее, честное. Это—воскъ, изъ котораго можно все сдѣлать.

Ольга Александровна прислушивалась къ его словамъ, и въ душѣ ея росла смутная, необъяснимая тревога.

— А ты не увлечешься, Шура?—спрашивала она сына.—Пойми, я не ревную, я хочу тебя видѣть счастливымъ. Но, насколько я могу судить по тому, что ты мнѣ разсказываешь, Радаевы не нашего круга люди, и Лидія Николаевна...

— Она все-таки свѣтская дѣвушка, хотя, можетъ быть, и милая,—прибавляла, послѣ легкой запинки, Веревкина:—едва ли могли бы вы понять другъ друга.

Александръ Ивановичъ отрицательно качалъ головой.—Пустяки,—отвѣчалъ онъ,—ты вѣдь знаешь, я не легко увлекаюсь.

— Ну, а она? Надо вѣдь и о ней подумать.

Веревкинъ съ какимъ-то страннымъ выраженіемъ щурилъ свои близорукіе темные глаза.

— Она?—повторялъ онъ задумчиво, и потомъ, какъ бы желая спугнуть непрошенную мысль, онъ продолжалъ рѣшительно и почти сурово:—Нѣтъ, и она мной не увлечется. Ни она, ни я объ этомъ не думаемъ.

— „То-есть, ты не хочешь думать“,—мысленно отвѣчала ему Веревкина, но она не желала напрасно раздражать сына и заводила рѣчь о чемъ-нибудь другомъ.

Въ ранней молодости Александръ Ивановичъ испыталъ очень большое горе, которое закалило его и безъ того сильную волю и немного даже ожесточило его. Онъ рѣшилъ поставить крестъ надъ мечтами о счастьи, о личной жизни, и всецѣло погрузился въ науку.

Они зажили съ матерью замкнутой жизнью, работая какъ товарищи и какъ товарищи дѣля трудъ и веселье. Женщинъ Веревкинъ не избѣгалъ, онъ относился къ нимъ сердечно, побратски, привлекая ихъ своимъ обаяніемъ, умомъ, изяществомъ и добротой. И тѣмъ не менѣе, каждая изъ нихъ ясно чувствовала, что, несмотря на кажущуюся близость, человѣкъ этотъ остается далекимъ, чужимъ, и что въ любой моментъ онъ можетъ уйти въ себя, запереться въ своей „tour d'ivoire“, куда ни одной изъ нихъ не было доступа. Одной лишь матери да двумъ, тремъ друзьямъ удавалось заглянуть въ его душу.

Друзья эти были давнишніе его товарищи, къ которымъ онъ привязался еще въ дѣтствѣ, въ гимназіи, и на всю жизнь. Часто онъ не соглашался съ ними, называлъ ихъ саврасами, журилъ ихъ, негодовалъ. Они мстили ему кличкой „senior“'а, подтрунивали надъ нимъ, побаивались его, но хорошо знали, что, несмотря на суровый видъ, изъ него, въ сущности, можно вить веревки.

Съ тѣхъ поръ, какъ Александръ Ивановичъ охотно и часто заговаривалъ съ Лидіей, смотрѣлъ на нее ласково и внимательно, о раздраженіи ея не было и въ помині. Она даже забыла о томъ, какъ вначалѣ его ненавидѣла. Ей все больше и больше нравилось казаться такой хорошей, непонятой, все больше и больше нравился самъ Веревкинъ.

Она въ первый разъ въ жизни встрѣтила человѣка, на котораго очевидно не дѣйствовала ея красота, и въ первый разъ въ жизни побѣда, показавшаяся сперва такой легкой, ей не давалась.

Впрочемъ, порой она замѣчала, что глаза его задумчиво глядѣли на нее, какъ бы любуясь ею, что въ такія минуты голосъ его звучалъ задушевнѣе, что близость ея волновала его. Но вдругъ что-то словно обрывалось, взоръ его становился разсѣяннымъ, умиленіе смѣнялось равнодушіемъ, и она вновь будто переставала для него существовать. Она, какъ ползучее растеніе, извивалась и ластилась къ нему, но все было напрасно.

— Знаешь ли, мама, какое мнѣ пришло въ голову сравненіе?—сказала она однажды Софьѣ Андреевнѣ.

— Нѣтъ, не знаю; какое?

— Тебѣ не кажется, что Веревкинъ похожъ на ящерицу?

— На ящерицу?—удивилась Радаева.

— Да, ты развѣ не замѣчала, какъ ящерица подчасъ выглянетъ изъ травы, упрется на свои переднія лапки и смотритъ такъ ласково и такъ довѣрчиво. Кажется, стоитъ лишь протянуть руку, чтобы словить ее. А между тѣмъ, вовсе нѣтъ. Попробуй-ка двинуться. Какъ молнія, она снова юркнетъ въ траву, или въ щель скалы, и нѣтъ ея, нѣтъ и нѣтъ.

И вдругъ Лидія замолчала, чувствуя, что на глаза ея навертываются слезы.—Нѣтъ ея, нѣтъ и нѣтъ!

— А тебѣ бы хотѣлось словить его?—засмѣялась Радаева.

Лидія ничего не отвѣтила. Она чувствовала лишь, что ей становится скучно жить.

Она не догадывалась, что Веревкинъ пытался сломить себя, задушить зарождавшееся въ немъ чувство. Подчасъ вечеромъ онъ

сидѣлъ у себя, склонившись надъ своей работой. И вотъ, неожиданно для него самого, мысли его уносились далеко, и словно изъ тумана выплывала свѣтлорусая головка, и заманчиво глядѣли на него глубокіе прекрасные глаза.

И онъ съ досадой отодвигалъ книги, опускалъ голову на сложенныя руки и, стиснувъ зубы, проклиналъ свое малодушіе и давалъ себѣ слово побороть эту „пошлость".

„Что же мнѣ дѣлать?—задумывалась Лидія:—что же мнѣ дѣлать, чтобы не спугнуть и привлечь его?"

И ей начинало казаться, что еслибы она не играла лишь роли, а въ самомъ дѣлѣ была такою, какою она старалась казаться, была бы лучше и чище,—Веревкинъ бы тотчасъ же полюбилъ ее.

„Онъ чувствуетъ ложь во мнѣ, — твердила она:—и это-то его и отталкиваетъ".

И бывали минуты, когда у нея вдругъ являлось мучительное желаніе прямо и смѣло посмотрѣть ему въ глаза, стать въ самомъ дѣлѣ той дѣвушкой, которая, какъ ей казалось, одна бы могла лишь увлечь его.

Она мало-по-малу мѣнялась вся, подъ вліяніемъ одной настойчивой мысли. Даже тогда, когда Веревкинъ не могъ наблюдать за ней, она была естественнѣй, проще.

— Ты стала другой: какой-то молоденькой, — удивлялась Софья Андреевна:—но это мило, это къ тебѣ идетъ.

Лидія не могла разобраться въ собственныхъ чувствахъ и не знала, хочется ли ей только увлечь Веревкина, или, желая его покорить, сама она съ каждымъ днемъ все больше и больше поддается невольно его вліянію. Все то умное, честное, что онъ ей говорилъ, волновало ее, заставляло быстрѣе биться ея сердце. Правда, она просиживала часы передъ зеркаломъ, закручивая пряди своихъ золотистыхъ волосъ, обдумывая то, какъ она одѣнется, что ему скажетъ. Но стоило ей услышать, что онъ пришелъ, и она вскакивала, забывала все, готова была бѣжать къ нему навстрѣчу. И когда она выходила къ нему, никто и сама бы она не могла сказать, искренна или нѣтъ ея дѣтски-невинная, застѣнчивая улыбка и ясное выраженіе широко раскрытыхъ дѣтски-невинныхъ глазъ.

„Нѣтъ, мама ее не знаетъ и ошибается, — думалъ Веревкинъ: — она не свѣтская дѣвушка, а самородокъ, котораго ничто не могло испортить. Она—сама правда, въ ней нѣтъ ничего навѣяннаго, въ ней нѣтъ и тѣни какой-либо пошлости".

IV.

Веревкинъ недолго оставался помощникомъ Николая Петровича. Къ немалому огорченію послѣдняго, ему черезъ годъ пришлось съ нимъ разстаться. Онъ началъ сдавать магистерскій экзаменъ, и на занятія у Радаева у него не хватало времени. Онъ, въ сущности, никогда не думалъ сдѣлаться присяжнымъ повѣреннымъ, а теперь безповоротно рѣшилъ избрать научную карьеру.

Къ веснѣ онъ уже сдалъ свой экзаменъ, и Софья Андреевна, пожелавшая, до поѣздки за границу, съѣздить къ себѣ въ Болоцкое, пригласила Веревкина пріѣхать погостить къ нимъ въ деревню. У Ольги Александровны также было небольшое имѣніе, и она уговаривала сына отправиться отдыхать къ себѣ домой, въ Зайцево.

Онъ поколебался, поколебался и смущенно объявилъ матери:

— Знаешь что̀, я поѣду къ Радаевымъ. Они меня звали, мнѣ не хочется быть невѣжей.

Онъ прожилъ въ Болоцкомъ около мѣсяца. Ольга Александровна все больше и больше хмурилась, пробѣгая его коротенькія письма. То, что̀ она читала между строкъ, пугало ее, и все чаще и чаще тревожила ее мысль, не ошибается ли онъ, и не придется ли ему разочароваться.

А Лидія? Она ни о чемъ не думала и не хотѣла думать,— она хотѣла жить настоящимъ.

Когда она думала, въ головѣ ея рождалась тысяча сомнѣній, вопросовъ, волновавшихъ ее, а она хотѣла чувствовать себя счастливой.

Она не разъ читала въ романахъ объ искренней и сильной любви, и это чувство всегда возбуждало въ ней не то недовѣріе, не то зависть и любопытство. Сама она слишкомъ привыкла расходовать душу по мелочамъ, сознательно относиться къ „наукѣ страсти нѣжной“. Постоянно играя или обдумывая какую-нибудь роль, она какъ-то забыла о настоящей жизни. И вотъ теперь эта жизнь, новая и невѣдомая, немного пугавшая ее, но полная смысла и радости, звала ее къ себѣ, и вся душа ея вздрагивала въ отвѣтъ на этотъ могучій призывъ.

— Неужели это я, я влюбилась?—спрашивала она себя съ удивленнымъ смѣхомъ. Она чувствовала себя молодой, беззаботной, какъ малое дитя, ей какъ-то легче дышалось, хотѣлось пѣть, бѣгать, смѣяться.

Софья Андреевна внимательно къ ней приглядывалась.

— Надѣюсь, ты вѣдь не влюбишься въ него?—спрашивала она, чувствуя сама, несмотря на свои сорокъ-пять лѣтъ, всю силу обаянія Веревкина.

Лидія пожимала плечами, а въ душѣ думала: „Да я ужъ влюбилась; но что же такое? Замужъ я за него не выйду, если... если будетъ нельзя". „Да вѣдь и онъ въ меня не влюбляется",— мысленно прибавляла она, но губы ея складывались въ едва замѣтную счастливую улыбку, и тайный голосъ шепталъ: „Нѣтъ, влюбляется". „О, еслибы это было такъ!—думала она.—А тамъ, будь, что будетъ!"

Да, она не хотѣла пока ни о чемъ думать. У нея была одна завѣтная цѣль, а все остальное казалось ей такимъ легкимъ, и такой простой и веселой казалась ей самая жизнь.

— Сегодня мнѣ хорошо,—говорила она себѣ,—стоитъ ли заботиться о завтрашнемъ днѣ?

А между тѣмъ, засыпая вечеромъ, она ждала его, этого дня. Она не понимала сама, что съ ней дѣлается, не видѣла, какъ сильно было уносившее ее теченіе.

И немудрено. Кто можетъ сказать, какъ и когда сквозь тонкій слой оттаявшей земли и прошлогднихъ листьевъ пробивается первая травка? Это скрыто въ сумракѣ весеннихъ ночей, и знаютъ объ этомъ лишь лучи весенняго солнца.

V.

Въ ноябрѣ Веревкинъ былъ уже приватъ-доцентомъ, читалъ студентамъ лекціи, и о немъ стали говорить, какъ о многообѣщающемъ молодомъ ученомъ. И, возвращаясь изъ-за границы, Лидія въ вагонѣ задавала себѣ вопросъ, что она ему отвѣтитъ, когда онъ сдѣлаетъ ей предложеніе. Въ томъ, что это будетъ, она не сомнѣвалась. Она задавала себѣ вопросъ, не умнѣе ли было бы поступиться своей любовью къ роскоши, поступиться тѣми безчисленными мелочами, къ которымъ она была пріучена съ дѣтства, и... выйти за Веревкина замужъ. Она съ нетерпѣніемъ ждала ихъ встрѣчи, и когда онъ въ первый разъ явился къ нимъ съ визитомъ, она вышла въ гостиную, полная сознанія своей власти надъ нимъ, въ новомъ парижскомъ платьѣ, похорошѣвшая, торжествующая и самоувѣренная.

Ее ждало тяжелое разочарованіе.

Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ Веревкинъ работалъ

надъ собой, внушая себѣ, что цѣлью его жизни должна быть наука, и что на Лидію онъ долженъ смотрѣть какъ на сестру.

„Она относится ко мнѣ какъ къ другу и какъ къ товарищу,—твердилъ онъ себѣ,—она и не думаетъ о влюбленности; она—серьезная, честная дѣвушка, она довѣряетъ мнѣ. А я...“—И горячая краска стыда заливала его лицо при мысли о томъ удивленномъ взорѣ, которымъ окинетъ его Лидія, когда онъ заговоритъ съ ней о своей любви.

Онъ съ отчаяніемъ ерошилъ свои темные волосы.

— Нѣтъ, нѣтъ,—бормоталъ онъ сквозь зубы:—эта роль не по мнѣ, я буду смѣшонъ въ ней, это надо оставить.

Проученный горькимъ опытомъ, онъ, какъ огня, боялся получить отказъ.

Когда онъ увидѣлъ Лидію, она показалась ему такой веселой, сіяющей и равнодушной, что, вспоминая о тѣхъ безсонныхъ ночахъ, которыя онъ провелъ во время ея отсутствія, онъ сгорѣлъ со стыда, поборолъ охватившую его радость свиданія, съёжился какъ-то и, подобно улиткѣ, ушелъ въ свою скорлупу.

Онъ болталъ обо всемъ, смѣялся, смѣшилъ Лидію, но на всѣ слова ея о томъ, что они такъ давно съ нимъ не видѣлись, что она ему рада, что ей было скучно, онъ отвѣчалъ очень сдержанно, уклоняясь отъ какихъ бы то ни было изліяній.

И когда онъ ушелъ, и Лидія осталась одна, у нея опустились руки. Ей показалось, что вся ея паутина вновь распустилась, и что все надо будетъ начинать сначала.

Въ эту минуту она бы не остановилась ни передъ чѣмъ, ни передъ какой жертвой, лишь бы добиться своего и достигнуть намѣченной цѣли.

„Неужели же мнѣ никогда, никогда не удастся“—спрашивала она себя, глотая слезы досады, и снова въ душѣ ея пробуждалось давнишнее чувство озлобленія и ненависти.

Веревкинъ былъ очень занятъ и къ Радаевымъ заходилъ не часто. Софья Андреевна и Лидія приглашали его, но онъ отказывался подъ предлогомъ работы.

Лидіи трудно было владѣть собой и попрежнему выдерживать свою роль. Ей подчасъ хотѣлось наговорить ему дерзостей, но она боялась и сдерживала себя.

Только охватившій ее было подъемъ духа исчезъ, она стала молчаливой и скучной, у нея не хватало энергіи бороться.

„Надоѣло,—думала она,—все равно не стоитъ“.

И вотъ, когда она уже теряла послѣднюю надежду, однажды,

совершенно случайно, въ квартетномъ собраніи она познакомилась съ матерью Александра Ивановича и сразу очаровала ее.

Ольга Александровна была очень образованной, почти ученой женщиной. Девятнадцати лѣтъ пріѣхала она въ Петербургъ изъ глухой провинціи, гдѣ отецъ ея командовалъ дивизіей. Матери у нея не было.

Она была очень начитанной дѣвушкой, но любила болѣе всего музыку, думала попасть въ консерваторію и мечтала о карьерѣ артистки. Въ Петербургѣ ее охватило не улегшееся еще броженіе шестидесятыхъ годовъ, она познакомилась съ Надеждой Васильевной Стасовой, увлеклась наукой, поступила на Владимірскіе женскіе курсы; потомъ она вышла замужъ и вскорѣ овдовѣла. Отецъ ея къ этому времени тоже внезапно умеръ.

Оставшись такъ рано вдовой съ маленькимъ сыномъ и съ очень ограниченными средствами, она первые мѣсяцы сильно горевала и плакала, но потомъ взяла себя въ руки, и сказала себѣ что не имѣетъ права унывать и падать духомъ, такъ какъ отъ ея силы воли зависитъ, можетъ быть, вся будущность маленькаго Шуры. Она была очень способна и хорошо знала языки, между прочимъ итальянскій. Ей достали работу, и она постепенно, цѣною многихъ усилій, добилась того, что стала зарабатывать довольно много денегъ, и что скромное имя ея получило въ литературномъ мірѣ нѣкоторую извѣстность.

Когда Лидія впервые увидѣла ее, она была уже сѣдѣющей, изящной пятидесятилѣтней женщиной съ утомленнымъ лицомъ, но живыми глазами и необыкновенно заразительнымъ молодымъ смѣхомъ.

Увлекающаяся и довѣрчивая, она сразу забыла всѣ свои опасенія и пришла въ полный восторгъ отъ Лидіи.

Радаева и Ольга Александровна обмѣнялись визитами, но, конечно, не сблизились и не сошлись. На новое знакомство дочери Софья Андреевна смотрѣла сквозь пальцы, но была недовольна и предупреждала ее: „Смотри, не шути съ огнемъ. Увлечешься,—оставь лучше“. Лидія не слушалась и поступала по-своему. За встрѣчу съ Веревкиной она ухватилась, какъ за соломину.

Но, помимо корыстныхъ цѣлей, Ольга Александровна нравилась ей, какъ человѣкъ. Лидія чувствовала ея превосходство и невольно льнула къ ней всей душой. И невольно въ головѣ ея мелькала иногда мысль: „Еслибы она была моей матерью, все было бы иначе, и пожалуй я была бы счастливой. Какъ я бы хотѣла быть такой, какъ она!“

Веревкины занимали на Пантелеймоновской небольшую, но уютную квартиру. Въ ихъ милой столовой, увѣшанной старинными гравюрами, Лидія провела много, много часовъ, о которыхъ вспоминала потомъ, какъ о лучшихъ часахъ своей жизни. Она пріѣзжала къ Веревкинымъ вечеромъ, совсѣмъ запросто, въ домашней фланелевой блузкѣ. Въ ихъ домѣ она становилась другимъ человѣкомъ, и никто изъ ея свѣтскихъ знакомыхъ не узналъ бы ея въ этой милой, простой, немного застѣнчивой дѣвушкѣ, которая такъ жадно и такъ внимательно прислушивалась къ рѣчамъ Ольги Александровны, такъ весело, отъ души смѣялась, такъ горячо, съ такою страстью говорила о томъ, какъ недовольна она собой, какъ много времени потратила она напрасно и какой неподготовленной чувствуетъ себя теперь, когда ей такъ искренно, такъ серьезно хочется взяться за дѣло.

Она знала, что Ольга Александровна и Веревкинъ восхищаются ею, находятъ въ ней много достоинствъ, и этотъ восторгъ льстилъ ея самолюбію, подкупалъ ее, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ невольно ее смущалъ, и она, чувствуя, что не заслужила его, говорила имъ съ наивнымъ отчаяніемъ:

— Вы слишкомъ добры ко мнѣ, вы меня не знаете. Вы не знаете, какая я бѣлоручка, какъ во мнѣ мало мужества. Мнѣ кажется, я, какъ евреи въ пустынѣ, все буду вспоминать объ египетскихъ котлахъ съ мясомъ.

Она не могла не видѣть, что такія признанія дѣлаютъ ее въ ихъ глазахъ еще болѣе привлекательной. И дѣйствительно, Веревкинъ слушалъ ее порой глубоко задумавшись, любуясь выраженіемъ ея молодого лица; потомъ, какъ бы очнувшись, онъ встряхивалъ головой и весело отвѣчалъ:

— Пустяки. Въ васъ есть живая душа, а это въ человѣкѣ — самое главное. И зачѣмъ это вы собрались въ пустыню, зачѣмъ вы хотите быть мученицей? Дѣла, Лидія Николаевна, конечно, немало, но это не должно казаться вамъ такимъ страшнымъ.

— А мнѣ кажется страшнымъ. Подумайте, я не могу даже высшихъ курсовъ окончить. Я такая, такая лѣнивая...

— И это вамъ только такъ кажется. Право, я теперь не лѣнюсь, а знаете, что первые годы въ гимназіи я былъ предпослѣднимъ ученикомъ. Помнишь, мама? Да и то потому только, что послѣдній ученикъ былъ настоящій кретинъ. Бѣдный Ѳедя Денисовъ, сколько онъ доставилъ мнѣ утѣшенія! А, поди, служитъ теперь въ какомъ-нибудь департаментѣ. Не будьте такъ мнительны, Лидія Николаевна, смотрите на жизнь веселѣе и

проще. Помните Тургеневскаго воробья? Скажите-ка себѣ: „Мы еще повоюемъ!“

Лидія отвѣчала ему счастливой улыбкой, ихъ взоры встрѣчались, и они умолкали, охваченные неизъяснимымъ волненіемъ. Ни онъ, ни она не могли болѣе скрывать своихъ чувствъ. То, что они понимали безъ словъ, казалось имъ такимъ важнымъ, значительнымъ, и все, что они говорили, было не то, вовсе не то, что занимало и тревожило ихъ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, каждое движеніе, каждый звукъ голоса пріобрѣталъ новое таинственное значеніе. Веревкинъ ужъ не старался болѣе себя обманывать, да онъ и не сумѣлъ бы этого сдѣлать. Онъ боролся, пока было возможно, но теперь плотина прорвалась. И зачѣмъ сталъ бы онъ еще бороться? Онъ любилъ Лидію, онъ вѣрилъ ей, ему казалось, что и она его любитъ. Будущее представлялось ему прекраснымъ и свѣтлымъ, жизнь лежала передъ нимъ, какъ широкій путь, маня его, убѣгая вдаль. Могъ ли онъ еще колебаться, взвѣшивать что-то и соображать?

Лидія со дня на день ждала его признанія. И странно, теперь, когда цѣль была почти достигнута, она начинала казаться ей менѣе заманчивой. Веревкинъ, такъ долго остававшійся неприступнымъ, былъ теперь въ ея власти, она знала, что онъ отъ нея не уйдетъ. Отъ одного ея слова зависѣла ихъ судьба, и она начинала порою задумываться, скажетъ ли она ему: „да“.

Ей было жаль, что кончалась первая часть ея романа, такъ увлекшая ее, казавшаяся ей полной такого захватывающаго интереса. Дастъ ли вторая часть ей то, о чемъ она мечтала? Не станетъ ли скучно ей въ узенькихъ, скромныхъ рамкахъ той жизни, которая ее ждала? Тогда ужъ нельзя будетъ ей щебетать о „дѣлѣ“, о „желаніи работать“. Все это занятно и мило теперь, теперь все освѣщено весеннимъ, праздничнымъ настроеніемъ. Но потомъ вѣдь настанутъ... будни. Чтобы удержаться на прежней высотѣ, удержать уваженіе, любовь Веревкина, надо будетъ работать, серьезно дѣйствовать. Хватитъ ли у нея силъ? И при одной мысли о томъ строѣ жизни, которому волей-неволей придется ей подчиниться, при мысли о маленькихъ, скучныхъ жертвахъ, Лидія чувствовала, какъ меркнетъ ея любовь и какъ слабѣетъ все ея мужество.

„Отчего это не можетъ такъ длиться всегда, всегда?— думалось ей:—и зачѣмъ надо рѣшать? Это такъ трудно!“

И она малодушно отгоняла отъ себя эти думы, лихорадочно доживала послѣдніе дни, цѣпляясь за тѣ радостныя минуты, которыя казались ей лучше счастья.

VI.

Въ одинъ морозный февральскій вечеръ Лидія засидѣлась у Веревкиныхъ долѣе обыкновеннаго. Самоваръ ужъ давно заглохъ, но имъ не хотѣлось вставать изъ-за стола, и они продолжали болтать въ уютной, свѣтлой столовой. Часы пробили двѣнадцать.

— Какъ поздно! — удивилась Лидія. — Надо скорѣй домой, мама пожалуй будетъ волноваться.

Въ прихожей Лидія вдругъ вспомнила, что отпустила лошадь.

— Мнѣ не хотѣлось, чтобы кучеръ такъ долго ждалъ меня на морозѣ, — сказала она и прибавила въ недоумѣніи: — Ольга Александровна, какъ мнѣ быть?

— Я провожу васъ до извозчика, — вызвался Александръ Ивановичъ, — и замѣчу нумеръ.

— Ну хорошо, спасибо.

Они одѣлись и вышли. На улицѣ было пусто. Въ темной безднѣ небеснаго свода міріадами горѣли яркія звѣзды и торжественно сіялъ млечный путь.

— Знаете что? — сказала Лидія: — пройдемтесь пѣшкомъ, хотите?

— Съ удовольствіемъ. Кстати, мнѣ нужно поговорить съ вами.

Лидія ничего не отвѣтила, но сердце ея забилось. „Вотъ оно!“ — мелькнуло у нея въ головѣ. — „Боже мой, что мнѣ дѣлать?“

Она растерянно оглянулась, какъ бы ожидая чьей-либо помощи, но все было тихо, извозчичьихъ санокъ нигдѣ не было видно. Дѣлать было нечего.

Они быстро пошли по недавно выпавшему, сверкавшему скрипучему снѣгу.

Александръ Ивановичъ невольно все ускорялъ шаги, и Лидія едва поспѣвала за нимъ.

— О, какъ вы бѣжите! — сказала она, наконецъ, останавливаясь и вдыхая морозный воздухъ: — я не могу васъ догнать.

— Простите, — смутился Веревкинъ. — Я о другомъ думалъ. Я... Лидія Николаевна, я давно уже хотѣлъ сказать вамъ, что... но вы сами знаете, — вы вѣдь знаете, что я васъ люблю.

Онъ выговорилъ все это скороговоркой, не смотря на нее, и вдругъ, судорожно поднявъ барашковый воротникъ, снова пустился бѣжать.

Лидія бѣжала за нимъ, путаясь въ длинномъ платьѣ и пряча лицо въ мѣховой муфтѣ.

Совершилось то, чего она такъ давно ждала и боялась, о чемъ такъ много мучительно думала, и вовсе не было это такъ страшно. Ея лихорадочное возбужденіе, тревога, исчезли; ей было весело, хотѣлось смѣяться.

„Милый, смѣшной!—думала она, смотря, какъ онъ быстро шагалъ, не оборачиваясь, съ высоко поднятымъ воротникомъ.—Куда это онъ отъ меня удираетъ?“

У нея теперь была одна мысль: ничего не рѣшать, продолжить то, что̀ ей нравилось, удержать его, не обѣщая ему ничего, снова и снова заставлять его повторять ей, что онъ ее любитъ.

И она все бѣжала за нимъ, едва сдерживая смѣхъ, полная ребяческаго, шаловливаго торжества. Но вдругъ онъ остановился.

— Простите меня,—пробормоталъ онъ.—Я опять ускорилъ шагъ. Вы молчите, Лидія Николаевна... Можетъ быть, я ошибся?

Она молча положила свою маленькую руку на рукавъ его шубы и подняла на него кроткіе, преданные глаза. И, не прерывая молчанія, она въ отвѣтъ на его слова медленно покачала головой.

— Скажите мнѣ, вы меня любите?

Голосъ его дрожалъ, и, несмотря на морозъ, лицо его поблѣднѣло. Она все такъ же медленно опустила голову въ знакъ согласія.

— Лидія Николаевна!—голосъ его пресѣкся, и Лидія почувствовала, что и у нея захватило дыханіе.

Ей не было болѣе весело, Веревкинъ не казался болѣе смѣшнымъ. Сила его любви, та страсть, которая прозвучала въ его краткомъ возгласѣ, до глубины души потрясла ее, какъ вихрь разметала всѣ тѣ мелкія, пошлыя соображенія, которыя за мгновеніе передъ тѣмъ роились у нея въ мозгу. Какимъ-то страннымъ и яркимъ свѣтомъ озарилась для нея вся ея жизнь, все значеніе настоящей минуты. Она забыла все и ни о чемъ не думала, всѣмъ существомъ напряженно повторяя одно лишь слово: „люблю“. Ей казалось, что она громко твердитъ его, а между тѣмъ она молчала. Сердце ея учащенно билось; сколько времени она такъ стояла, она не могла бы сказать.

— Лидія Николаевна, такъ вы согласны?—съ трудомъ выговаривая слова, произнесъ, наконецъ, Веревкинъ.

Она неувѣренно, какъ бы стараясь собраться съ мыслями, на него взглянула.

— Согласны быть моей женой?

Все очарованіе разомъ исчезло, будто молнія, внезапно озарившая ярко мракъ, такъ же внезапно потухла.

Она удивленнымъ взоромъ окинула окружавшіе ихъ предметы. Фонарь на углу узкаго тротуара тускло горѣлъ, освѣщая пустынный переулокъ и рядъ неуклюжихъ каменныхъ тумбъ. Все было такъ просто, обыкновенно.

Лидія смущенно провела рукой по лицу. „Что̀ это со мной, Господи!“—подумала она, и торопливо, сконфуженно, она заговорила, какъ бы все еще подъ впечатлѣніемъ угрожавшей опасности:

— Александръ Ивановичъ, поймите меня. Каковы бы ни были мои чувства къ вамъ,—говорить о нихъ теперь еще слишкомъ рано. Я чувствую себя неподготовленной, я не достойна васъ.

— *Вы* недостойны!—Самое искреннее негодованіе слышалось въ его удивленномъ голосѣ.

— Да, да,—и маленькая рука ея, словно желая укротить его, властно сжимала его руку.—Да, недостойна. И признавая это, я вовсе не унижаю себя, напротивъ. Я люблю васъ, но этого недостаточно. Я не хочу быть только вашей женой, я хочу быть вашимъ товарищемъ. Въ данномъ случаѣ я поступаю какъ феминистка,—я желаю быть равной вамъ.

Онъ слушалъ ее съ возрастающимъ недоумѣніемъ, удивленно смотря на нее, и вдругъ губы его дрогнули отъ сдерживаемой улыбки, онъ порывистымъ движеніемъ схватилъ обѣ ея застывшія на морозѣ руки и слегка потянулъ ее къ себѣ.

— О, гордыня!—сказалъ онъ нѣжно, съ легкимъ смѣхомъ.—Такъ вотъ въ чемъ дѣло! И какія все страшныя слова! Вы хотите быть тоже приватъ-доцентомъ?

— Не смѣйтесь, я говорю серьезно. Вы развѣ не согласны со мной?

Мѣховое боа соскользнуло съ ея плечъ на землю. Онъ нагнулся и поднялъ его, и, медленно разглаживая его рукой, онъ проговорилъ задумчиво, будто про себя:

— Нѣтъ, не вполнѣ согласенъ. Но не все ли равно, кто изъ насъ правъ? Важно, чтобы вы были довольны и счастливы; вотъ что̀ для меня важно. Человѣкъ всегда долженъ жить своимъ умомъ. Вы убѣдитесь сами, что вы ошибаетесь. А пока...—Онъ заботливо и нѣжно, какъ маленькому ребенку, надѣлъ ей на шею боа:—Вамъ кажется, что мы должны ждать? Вамъ это кажется? Хорошо, я не буду спорить.

Московский Совет * Красно-Пресн. р. * Библиотека имени И. З. Сурикова.

VII.

Когда Лидія вернулась домой и вошла въ комнату матери, Софья Андреевна еще не спала и, лежа въ постели, читала французскій романъ.

— Отчего у тебя такое возбужденное лицо?—спросила она у дочери.

Лидія присѣла на край стула.

— Веревкинъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе,—отвѣтила она отрывисто.

Софья Андреевна испуганно выронила изъ рукъ книгу.

— И ты согласилась? Лидія!

— Нѣтъ, я попросила его подождать.

— То-то, пускай его дожидается.

— А ты думаешь... это невозможно?

— А какъ *тебѣ* кажется?

— Мнѣ ничего не кажется, я только спрашиваю.

— Да сама-то ты что объ этомъ думаешь, что тебѣ хочется?

— Я ничего не знаю, мнѣ ничего не хочется. Мнѣ хочется, чтобы кто-нибудь за меня все рѣшилъ, все какъ-нибудь устроилъ... Мнѣ хочется, чтобъ ничего этого не было!

Голосъ ея задрожалъ, какъ у капризнаго ребенка, и на глазахъ заблестѣли слезы.

— Не надо было флёртировать, матушка. Я говорила, что ты увлечешься. Я такъ и знала, что этотъ глупѣйшій флиртъ до добра не доведетъ. Такъ и вышло. И я сама виновата: я не должна была допускать этихъ нелѣпыхъ поѣздокъ къ Веревкиной. Я либеральничала, либеральничала, понадѣялась на тебя, и вотъ... Въ старину-то было гораздо лучше. И теперь не слѣдовало говорить, чтобъ онъ ждалъ, наотрѣзъ слѣдовало отказать.

Лидія молча покачала головой; по блѣднымъ щекамъ ея текли крупныя слезы.

Софья Андреевна тревожно приподнялась и сѣла на постели.

— Такъ неужели же ты вздумаешь выходить за него замужъ?—спросила она съ неподдѣльнымъ ужасомъ:—Господи, вотъ было бы несчастье! Мнѣ было бы легче увидѣть тебя мертвой.

— Почему, мама?

— А потому, моя милая, что это было бы повтореніемъ моей собственной жизни. Впрочемъ, нѣтъ, хуже. Твой отецъ—ловкій, практичный, а этотъ—какой-то... не отъ міра сего.

— Но вѣдь онъ тебѣ нравился?

— Нравился, да, онъ симпатичный. Чѣмъ же я виновата, что у него ничего нѣтъ и никогда ничего не будетъ, и что мнѣ придется видѣть тебя бѣдной профессоршей. Любовь, увлеченіе, все это я сама испытала, все это хорошо на первыхъ порахъ, а потомъ потянутся сѣрые дни въ обществѣ скучнѣйшей Ольги Александровны. Да сама-то ты развѣ не понимаешь этого? Вѣдь ты избалована до мозга костей.

— Знаю. Ты же меня воспитывала.

— Ну, объ этомъ говорить теперь слишкомъ поздно. Никто не виноватъ, что ты влюбилась чуть ли не въ студента.

— Да, я избалована,—не слушая ея, продолжала Лидія,— я понимаю это, я понимаю все, а отказать ему... я не могу рѣшиться.

— Онъ тебѣ... сильно нравится?

— Нравится, да.

— Что же, поступай, какъ знаешь. Я тебя не стѣсняю. Отецъ тебя тоже стѣснять не будетъ, пожалуй, даже одобритъ. Денегъ онъ тебѣ не можетъ дать; какъ тебѣ извѣстно, у него ихъ нѣтъ... Потомъ будешь плакать, но это ужъ твое дѣло.

— Да я сама не знаю, какъ поступить,—звенящимъ отъ раздраженія и горя голосомъ воскликнула Лидія.—Пойми, что я не знаю. Я знаю только, что жизнь ужасно скучна. Боже, какъ она скучна!

Наступило тяжелое молчаніе.

Обѣ женщины сидѣли хмурыя.

Софья Андреевна мѣрно постукивала холеными ногтями о желтую обложку книги.

— Подождемъ,—произнесла она, наконецъ, въ раздумьи.— Оставимъ этотъ вопросъ открытымъ.

VIII.

Вслѣдъ за послѣдними февральскими морозами наступила распутица.

Дни становились длиннѣе, въ воздухѣ чувствовалось уже приближеніе весны.

Порой въ сумерки Веревкинъ уходилъ изъ дому и долго бродилъ по пустыннымъ набережнымъ. Все существо его было проникнуто безотчетной ребяческой радостью, и ему было пріятно оставаться одному со своими мечтами.

Лидія его любила, работа у него шла успѣшно; онъ чувствовалъ себя окрыленнымъ и невольно своей энергіей, тѣмъ

сіяніемъ счастья, которое исходило отъ его молодого лица, онъ окрылялъ и тѣхъ, кто къ нему приближался, вселяя въ товарищахъ бодрость и желаніе работать, увлекая жадно ловившую его слова молодежь.

И вотъ, какъ разъ въ это время, забродили горячія юныя головы, и начались обычные университетскіе безпорядки.

Все, что̀ являлось помѣхой научнымъ занятіямъ, раздражало Веревкина и угнетало его. Но все-таки онъ былъ самъ еще очень молодъ, онъ искренно и горячо любилъ молодежь, онъ не могъ не входить въ ея интересы. Онъ не могъ въ томъ возбужденномъ и повышенномъ настроеніи, въ какомъ онъ теперь находился, всегда обдумывать и взвѣшивать свои слова, и не могъ ужъ, конечно, вступать въ сдѣлки съ собственной совѣстью.

Желая оградить, удержать молодежь, онъ дѣйствовалъ какъ старшій товарищъ, горячась, увлекаясь самъ. Тѣ рѣчи, которыя онъ говорилъ, разносились, передавались изъ устъ въ уста, раздувая еще больше пожаръ.

И хотя онъ не былъ сторонникомъ крайнихъ рѣшеній, многое изъ того, что̀ ему представлялось законнымъ, волновало, возбуждало умы.

Какъ бы то ни было, однажды, когда Лидія по обыкновенію пріѣхала провести вечеръ у Веревкиныхъ, Ольга Александровна вышла къ ней очень блѣдная, но на видъ совершенно спокойная, и объявила ей нѣсколько глухимъ голосомъ: „Александръ арестованъ“. И крѣпко поцѣловавъ Лидію, она провела ее въ неосвѣщенную гостиную и, зажигая слегка дрожащими руками лампу, стала разсказывать ей, какъ все случилось.

Лидія сидѣла совсѣмъ растерянная, опустивъ на колѣни руки и едва слѣдя за словами Веревкиной. Ей казалось, будто въ ней что-то оборвалось, и она ничего не могла сообразить. Одно только она сознавала ясно, и это сознаніе, какъ тупая боль, проникало все ея существо,—она сознавала, что все, все кончено. „Оставимъ этотъ вопросъ открытымъ“,—сказала ей мать. Она начала-было надѣяться, что все какъ-нибудь еще уладится, и вотъ что̀ случилось!..

Какое было ей дѣло до того, что̀ онъ сказалъ и какъ держалъ себя во время ареста, и что̀ чувствовала и говорила Ольга Александровна! Не все ли равно? „Не все ли равно,—хотѣлось почти закричать Лидіи,—когда для меня онъ навсегда потерянъ?“ „Любовь,—сказалъ гдѣ-то Редіардъ Киплингъ,—подобна ткацкому станку, который долженъ двигаться либо впередъ, либо назадъ, но который неподвижнымъ оставаться не можетъ“.

И Лидія чувствовала теперь, какъ колесо ея любви вертѣлось обратно съ ужасающей быстротой, и какъ распускался весь тотъ причудливый узоръ, который она изукрасила такими яркими красками.

Ее самоё пугало то, что она чувствовала. Ни страха за Веревкина, ни жалости къ нему не было въ ея душѣ. Озлобленіе, чувство обиды, горькое чувство страшнаго разочарованія росло въ ней и душило ее.

— Дорогая Лидія Николаевна, — ласково сказала вдругъ Ольга Александровна:—какъ я рада, что вы пріѣхали! Скучно мнѣ какъ-то.

— Да, я понимаю, что вамъ должно быть ужасно тяжело,—разсѣянно отвѣтила ей Лидія,—это случилось такъ неожиданно. Но у васъ сильный характеръ, Ольга Александровна, и вы перенесете это испытаніе легче, нежели другая мать.

Веревкина молча взглянула на Лидію, какъ бы удивленная тѣмъ, что у нея не нашлось другихъ словъ, болѣе простыхъ и сердечныхъ.

— Можетъ быть, папа могъ бы что-нибудь сдѣлать,—снова начала Лидія, чувствуя, что ей никакъ не удается сказать то, что бы слѣдовало.—Я увѣрена, что онъ съ удовольствіемъ похлопоталъ бы, онъ такъ любитъ Александра Ивановича.

— Нѣтъ, благодарю васъ, — рѣшительно отвѣтила Ольга Александровна,—я не могу ничего предпринять безъ Шуры.

— А вы его не увидите?

— Надѣюсь, что да. Вы желаете, чтобъ я ему передала что-нибудь?

— Нѣтъ; то-есть, конечно, вы скажете ему, что мнѣ очень жаль, что все это очень меня огорчило.

— Хорошо, я ему скажу.

Лидія посидѣла еще минутъ пять, потомъ, подъ предлогомъ разстроенныхъ нервовъ, встала, поцѣловала Ольгу Александровну, коротко выразила ей еще разъ участіе, простилась съ ней и уѣхала.

— Знаешь, что случилось съ Веревкинымъ? — вернувшись домой, обратилась она къ матери.

— Нѣтъ, не знаю; что?

— Онъ арестованъ.

Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Софья Андреевна сидѣла молча и, сжавъ губы, смотрѣла на дочь, мѣрно сверху внизъ покачивая головой.

— Этого еще недоставало! — протяжно произнесла она, наконецъ.—За что это онъ попался?

— За то, что онъ глупъ! — рѣзко отвѣтила Лидія, прошла къ себѣ въ комнату, заперла дверь на ключъ, бросилась въ кресло и разрыдалась.

Дня черезъ три она нанесла, однако, Ольгѣ Александровнѣ визитъ, но, къ обоюдному удовольствію, не застала ее дома.

Затѣмъ она нѣсколько разъ посылала ей надушенныя сочувственныя записки, на которыя Ольга Александровна такъ ей и не отвѣтила.

О томъ, какъ поживаетъ Веревкинъ и что съ нимъ, Лидія ничего не знала и не пыталась узнать. Она внушала себѣ, что то, о чемъ она начала-было мечтать, сдѣлалось навсегда невозможнымъ, и что лучше сразу и съ корнемъ вырвать изъ памяти все происшедшее. Оно было ей еще дорого, сердце ея еще зачастую ныло, зачастую закипали въ ней горячія слезы, но прислушаться къ внутреннему голосу она не хотѣла, она хотѣла забыть и забыться. И она каждый день выѣзжала, боясь оставаться со своими думами.

Она нѣсколько поблѣднѣла и похудѣла, но это къ ней шло. Когда она входила въ гостиную, красивая и нарядная, съ сосредоточеннымъ выраженіемъ лица и лихорадочными, возбужденными глазами, во всемъ ея существѣ чувствовалось нервное напряженіе, невольно сообщавшееся окружающимъ. Именно такою и увидѣлъ ее Кулешовъ. Онъ и раньше съ нею встрѣчался, но не обращалъ на нее особеннаго вниманія. Теперь же она ему сразу понравилась. Онъ рѣшилъ, что ею стоитъ заняться, и сталъ явно за нею ухаживать.

Отецъ его былъ важный сановникъ; мать, хотя и женщина свѣтская, была родомъ купчиха, владѣла золотыми пріисками и была очень богата, „*очень*“, какъ внушительно шепнула Лидіи мать.

Софья Андреевна приняла Кулешова радушно и съ трудомъ могла скрыть свою радость и желаніе выдать за него свою дочь.

— Вотъ это была бы партія,—сказала она какъ-то, задумавшись,—не то, что какой-то Веревкинъ!

Кулешовъ и Радаева поняли сразу другъ друга. Они были одинаково безпринципны и одинаково цинично и нагло смотрѣли на жизнь. Кулешовъ былъ только искреннѣе и хладнокровно заявлялъ à qui voulait l'entendre, что онъ находится „по ту сторону добра и зла“. Софья Андреевна, всю жизнь малодушно лгавшая, преклонилась передъ такой откровенностью и съ боязливымъ любопытствомъ начала приглядываться къ человѣку, который открыто и смѣло несъ ея знамя, не стыдясь его, а напротивъ, хвастаясь своею порочностью. Въ сущности, какъ чело-

вѣкъ, Кулешовъ не былъ особенно интересенъ. Онъ былъ избалованъ, испорченъ, страшно самолюбивъ и... бездаренъ.

Онъ сознавалъ, что безъ денегъ онъ былъ бы ничѣмъ и корпѣлъ бы всю жизнь гдѣ-нибудь въ канцеляріи. Сознаніе это грызло, угнетало его, но еще болѣе безпокоила его мысль, что въ душѣ онъ трусъ, и что всякій, обладающій сильной волей, можетъ припугнуть его и заставить молчать. Онъ чувствовалъ себя ничтожествомъ, а между тѣмъ болѣзненно жаждалъ власти.

Та власть, которую онъ могъ купить за деньги, мало удовлетворяла его. Онъ къ ней слишкомъ привыкъ. Ему хотѣлось быть оригинальнымъ, интереснымъ, таинственнымъ, хотѣлось, чтобы его боялись, заискивали передъ нимъ.

Онъ ухватился за ходячее представленіе объ ученіи Ницше и надѣлъ на себя личину исключительной, высшей натуры, беззастѣнчиваго и безучастнаго эгоиста, которому все позволено и который ничего не боится.

И Лидія понравилась ему не столько своей красотой, сколько тѣмъ, что въ ней онъ не встрѣтилъ отпора, что, слабохарактерная и безразличная, она легко поддалась его тлетворному вліянію и стала слушать его, всасывая ядъ его рѣчей и глядя на него съ удивленнымъ испугомъ въ прекрасныхъ большихъ глазахъ. Она какъ разъ стояла на перепутьи, одинокая и несчастная, готовая идти туда, куда ее толкнутъ. Ее толкали въ болото.— Что же? Ей было все равно.

По крайней мѣрѣ, въ присутствіи Кулешова ей нечего было стыдиться и не нужно было краснѣть. Онъ былъ нисколько не лучше ея, они другъ друга стоили. Теоріи его, клеймившія презрѣніемъ „вульгарную мѣщанскую мораль“, были противны ей, и она имъ не вѣрила. Но все же онѣ, хоть изрѣдка, хоть на одно мгновеніе, помогали ей обманывать самое себя и оправдывать свое поведеніе.

И, наконецъ, она была рада подвернувшемуся флирту. Не Кулешовъ, такъ другой, и это было ей все равно. Кулешовъ былъ все-таки интересенъ. Онъ былъ, говорила мать, выгоднымъ женихомъ—отлично. По крайней мѣрѣ, не дешево она себя продастъ. И чѣмъ ниже падала она въ собственныхъ глазахъ, чѣмъ невозможнѣе становился возвратъ къ прошедшему, тѣмъ больше она успокаивалась и ощущала какое-то странное и горькое удовлетвореніе. Пусть заноситъ душу ея житейскимъ соромъ, пусть становится въ ней пусто и холодно, думалось ей: „пусть, тѣмъ лучше“.

Тѣмъ меньше будутъ дразнить и мучить ее тѣни былого, и тѣмъ слабѣй и слабѣй будетъ слышаться голосъ совѣсти.

Отчего же теперь, послѣ долгихъ часовъ, проведенныхъ здѣсь, на базарѣ, въ обществѣ Кулешова, голосъ этотъ снова заговорилъ такъ настойчиво, отчего Лидіи сдѣлалось вдругъ такъ тоскливо, такъ страстно захотѣлось вернуться къ тѣмъ днямъ, когда счастье казалось такъ возможно, когда душа ея стремилась къ добру, какъ тянется къ теплу и свѣту выросшій на волѣ цвѣтокъ? Отчего? Неужели же всѣ ея усилія были напрасны, и несмотря на всю пошлость и всю мишуру той жизни, которую она вела въ послѣднее время, сердце ея попрежнему просило другого и не хотѣло и не могло покориться?

А базаръ продолжался, въ концѣ залы все гремѣла музыка, шумѣла и колыхалась толпа. И мало-по-малу въ усталой головѣ Лидіи замелькалъ рой знакомыхъ образовъ, зазвучали слышанныя когда-то слова.

И вотъ она видитъ Болоцкое. Теплый и ясный іюльскій вечеръ. Солнце ужъ сѣло, но закатъ еще не погасъ, и рѣка тихо струится въ своихъ зеленыхъ берегахъ, вся розовая, не успѣвшая еще остыть послѣ дневного зноя. Лидія стоитъ на маленькой пристани. Веревкинъ спрыгнулъ въ бѣлый челнокъ и возится, распутывая узелъ каната.

Вотъ онъ поднимаетъ голову и протягиваетъ ей руку.

— Ну, Лидія Николаевна, смѣлѣе!—говоритъ онъ ей.

Она силится прыгнуть и... не можетъ, словно ноги ея приросли къ землѣ.

— Лидія Николаевна, Лидія Николаевна!—громче и громче повторяетъ Веревкинъ. Лидія хочетъ проснуться, хочетъ открыть глаза и... не рѣшается.

Почему такъ громко, отчетливо слышитъ она его голосъ? Неужели же это не сонъ? Она крѣпко, крѣпко прижимаетъ руки къ бьющемуся сердцу и... открываетъ глаза. И вдругъ она вздрагиваетъ и громко вскрикиваетъ. Наклонившись надъ ней, стоитъ въ самомъ дѣлѣ Веревкинъ. Это онъ, онъ! Онъ вернулся!

И Лидія не въ силахъ себя побороть. Вся горечь, все зло, все, чѣмъ наполнены были послѣдніе мѣсяцы, горячей волной подступаетъ ей къ горлу, она закрываетъ лицо руками, и изъ глазъ ея текутъ нежданныя, неудержимыя слезы.

В. И. Б—на.

ПАСХА НА КАПРИ

ОЧЕРКИ

ИЗЪ ЖИЗНИ СОВРЕМЕННОЙ ИТАЛІИ.

Капри — островъ на Неаполитанскомъ заливѣ, верстахъ въ двадцати-пяти къ югу отъ Неаполя. Длина его—около пяти верстъ. Берега скалисты, большею частью очень высоки, подымаются вертикально изъ моря прямо, какъ стѣны.

Коренныхъ жителей—около семи тысячъ. Всѣ они—рыбаки и земледѣльцы въ одно и то же время. Ихъ экономическій бытъ—характерный образчикъ положенія, въ которомъ находится большинство земледѣльцевъ южной Италіи, гдѣ господствуетъ считающаяся самою выгодной интенсивная система пользованія землей. Климатъ благодатный, почва благодарная, жители трудятся не покладая рукъ (вопреки рутинному мнѣнію объ итальянской лѣности); рыбная ловля составляетъ изрядный источникъ добавочнаго дохода, рынки для сбыта—подъ руками. И не взирая на всѣ эти благопріятныя условія, большинство земледѣльцевъ едва сводитъ концы съ концами и не выходитъ изъ архаическаго невѣжества. Сами они выбиться не могутъ; правящіе классы забыли, что въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго, XIX-го, вѣка герои освободительной эпопеи объединили родину ради народнаго блага, а не для удовлетворенія мегаломаніи шовинистовъ-министровъ, не для завоеваній въ Африкѣ; духовенство, особенно низшее, эксплоатируетъ ихъ невѣжество, а кулаки, капиталисты—и мелкіе, и крупные—ихъ нужду.

I.

Страстная недѣля. Въ Неаполѣ церковные колокола, уныло звонившіе постомъ, теперь совсѣмъ смолкли, въ знакъ христіанской скорби, и пономари съ папертей сзываютъ благочестивыхъ итальянцевъ въ храмъ деревянными трещотками.

Весна расцвѣла. Сады и рощи на склонахъ холмовъ, недавно красовавшіеся, какъ легкія розовыя облачка, въ цвѣту миндалей и персиковъ, уже пріодѣлись молодою листвой. Сѣрыя, прихотливо изогнутыя вѣтви фиговыхъ деревьевъ заискрились свѣтло-зелеными, почти прозрачными почками, стоящими какъ свѣчки на рождественской елкѣ. Значитъ, весенняя погода установилась: фиговая почка осторожна и предусмотрительна. Распустилась блѣдно-кудрявая лоза винограда, запахло розами, глициніей (этой заальпійской сиренью) и ранними померанцевыми цвѣтами.

Пышно-величавый султанъ Везувія дрогнулъ и склонился къ югу, отъ слабаго дыханія горнаго вѣтра, вѣрнаго спутника ясной погоды, который смѣнилъ слякотное африканское дыханіе сирокко, а по-итальянски *широкко*. Дотолѣ опаловыя море и небо стали яхонтовыми. На ясно-лазурномъ горизонтѣ залива отчетливо обозначился сфинксообразный силуэтъ острова Капри, ласкающій взоръ изящными линіями своей утесистой массы и ея свѣтло-фіалковымъ цвѣтомъ.

Весна и Пасха! Я рѣшилъ отправиться на Капри. Пріѣхавъ туда на пароходикѣ рано утромъ, я сразу попалъ въ объятія ожидавшихъ меня пріятелей: Никифора Ѳомича Долгинцева и старика Габріеле.

Долгинцевъ—русскій живописецъ, добродушный брюнетъ, лѣтъ подъ сорокъ, съ большой лысиной, коротенькимъ носомъ и глубокими познаніями по части мѣстныхъ древностей и современныхъ нравовъ. Габріеле—коренной капріотъ, рыбакъ-земледѣлецъ, какъ и всѣ его земляки; пятидесяти-пяти лѣтъ, средняго роста, широкоплечій, мускулистый, сухой атлетъ. Его густые, курчавые волосы—на половину сѣдые, но онъ бодръ и свѣжъ. Лицо бритое нагладко, по обычаю итальянскихъ поселянъ; ни одной морщины; голубые глаза зорки и веселы; красивый греческій носъ крупенъ и энергиченъ. Разговариваетъ онъ весело даже о самыхъ грустныхъ предметахъ; при малѣйшемъ поводѣ аппетитно смѣется, сверкая ровными, крѣпкими бѣлыми зубами, и тогда чуточку, по-дѣтски, просовываетъ между ними кончикъ языка. По-видимому, это безпечный человѣкъ, а въ сущности—всегда заботливый и занятый дѣломъ мужикъ.

Мы поднимались по узкой, извилистой тропинкѣ, выбитой въ скалѣ, перегоняя молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, которыя несли на головахъ большія плетеныя корзинки, наполненныя землей или каменьями. Ноши—очень тяжелыя—повидимому не обременяли носильщицъ. Всѣ онѣ были стройны, держались прямо; подпирали корзины античными руками, красиво поднятыми кверху. Нѣкоторые наблюдатели приписываютъ граціозную стройность итальянской простолюдинки именно тому, что она съ дѣтства носитъ на головѣ тяжести.

Лица красивыя, веселыя; въ глазахъ весна. Онѣ перекидывались шутками съ Габріеле. Нѣкоторыя отдыхали на низенькихъ каменныхъ стѣнкахъ или просто выступахъ утеса; жевали ломти хлѣба и, улыбаясь, предлагали его намъ. „Volete mangiare con noi?“ (Хотите покушать съ нами?)—обычная вѣжливость итальянскаго простолюдина. Нѣкоторыя вытаскивали изъ кармановъ коралловыя бездѣлушки и предлагали купить за безцѣнокъ.

Навстрѣчу рѣзво, какъ козы, сбѣгали ихъ товарки, уже снесшія наверхъ свои ноши и спѣшившія наполнить опять корзины внизу.

Землю и камни носятъ для полей, виноградниковъ и садовъ, которые большею частью устраиваются маленькими террасами—уступами, вслѣдствіе неровностей и крутыхъ наклоновъ поверхности острова (впрочемъ, и всюду въ гористой Италіи,—а гориста большая ея половина). Камни же нужны для построекъ и для того, чтобы закрѣплять такія терраски. Иначе всю землю снесетъ зимними дождями и вѣтромъ. Камни привозятся на судахъ изъ окрестностей Неаполя—мягкій песчаникъ; съ подножья Везувія—застывшая, твердая какъ сталь, лава.

Эта Сизифова работа испоконъ вѣка выполняется, въ гористыхъ и утесистыхъ мѣстностяхъ итальянскаго юга, женщинами, дѣвушками и частью мальчиками [1]). А коровъ и козъ въ южной Италіи доятъ всегда взрослые мужчины.

Вообще, женщины на Капри постоянно за работой. Онѣ помогаютъ мужьямъ и отцамъ обработывать землю; занимаются домоводствомъ. А остальное свободное время употребляютъ либо на пряжу золотистаго шолка-сырца, либо (по преимуществу жительницы верхняго городка Ана-Капри) на тканье грубыхъ бумажныхъ матерій, по заказу мелкихъ промышленниковъ, кото-

[1]) Въ самые послѣдніе годы устроена хорошая дорога отъ низкой пристани къ верхней площади острова Капри, по которой часть описанныхъ грузовъ перевозится на вьючныхъ животныхъ. Дорогу помогъ устроить знаменитый А. Круппъ, о которомъ—ниже.

рымъ принадлежитъ и самая пряжа. Впрочемъ, за послѣднее время, этотъ ограниченный заработокъ значительно умалился вслѣдствіе устройства ткацкихъ фабрикъ на прибрежьяхъ Неаполитанскаго и Салернскаго заливовъ.

Итальянская крестьянская дѣвушка, до выхода замужъ, частью работаетъ на себя исключительно. Родители предоставляютъ въ ея собственность, на приданое, плату за нѣкоторыя опредѣленныя работы. Напримѣръ, здѣсь—за пряжу шолка и тканье. Въ Тосканѣ—извѣстныя *фіаско*, пузатыя бутылки и бутылищи, въ которыхъ тамъ продаютъ вино, оплетаются маисовой соломой всегда дѣвушками, а заработная плата идетъ на ихъ приданое. Какой-то французъ сказалъ, что необходимо только то, что̀ излишне. При всей бѣдности южно-итальянскихъ земледѣльцевъ, дѣвушка рѣдко выходитъ замужъ, покуда не имѣетъ двухъ-трехъ хорошихъ платьевъ, массивныхъ золотыхъ, часто безвкусныхъ серегъ и золотой цѣпочки. Пробы этого золота не спрашивайте, но оно блеститъ. Пріобрѣтено оно трудами и непрестанными заботами самой невѣсты, чрезъ какого-нибудь спеціалиста-кулака, наживающаго сто процентовъ на сто, съ мучительными, если у нея есть уже милый, уплатами въ разсрочку. Вы сейчасъ на берегу купили у хорошенькой Граціелы какую-нибудь коралловую бездѣлушку. Посмотрите, какъ свѣтятся радостью ея черные глаза съ длинными опущенными рѣсницами, какъ играетъ румянецъ на ея нѣжныхъ щекахъ. Вы думаете, что она сейчасъ истратитъ вашъ франкъ на сласти, на какую-нибудь ленточку, украшеніе своего туалета. Нѣтъ, ея радость глубже. Этотъ франкъ можетъ быть послѣдній, котораго она ждала, чтобы уплатить кулаку-ростовщику (ихъ здѣсь зовутъ *удавами*—strozzino), чтобы пополнить свое приданое, чтобы сказать своему милому, давно ее ждавшему: „возьми меня въ свой домъ“. По народно-итальянскому *жениться*—acasarsi—значитъ „своимъ домомъ зажить“.

Обмѣниваясь привѣтствіями и шутками съ носильщиками, мы постепенно вскарабкались довольно высоко:

— Вонъ и мое обиталище!—указалъ нашъ спутникъ Габріеле на узкую двухъ-этажную призму, построенную изъ песчаника на скатѣ зеленѣющаго ущелья. Съ двухъ сторонъ это жилище было окружено и обвито зеленью, а на море, на югъ, было обнажено и, какъ Циклопъ, глядѣло однимъ маленькимъ окномъ.

— Высоконько,—замѣтилъ я.

— Иначе нельзя: съ моря часто дуетъ scirocco [1]) и растепіямъ,

[1]) Южный вѣтеръ съ Африки, очень сильный зимой, вредный растительности своимъ соленымъ дыханіемъ и брызгами.

и крещенымъ вредитъ... Зимой, какъ хватитъ, такъ волны подъ самый мой домъ, словно косматое бѣлое звѣрье, взбѣгаютъ,—пояснилъ старикъ, безстрашно шлепая своими красивыми босыми ступнями съ высокимъ подъемомъ (которому могла бы позавидовать любая парижанка) по неровной каменистой тропкѣ.—Иную ночь и спать не даютъ.

— Да когда вы спите? Волны чуть что не черезъ весь островъ переваливаютъ, а они за рыбой въ море выѣзжаютъ,—замѣтилъ Долгинцевъ.—И какъ ихъ только Богъ хранитъ!

Габріеле разсмѣялся,—какъ мнѣ казалось, надъ тѣмъ, что о такомъ вздорѣ разговариваютъ.

— Al galant' uomo la morte non fa paura.—Честному человѣку смерть не страшна.

Габріеле, подобно оруженосцу Донъ-Кихота, любитъ говорить пословицами.

И опять этотъ дѣтскій смѣхъ жизнерадостнаго старика, и кончикъ языка изъ-за зубовъ выглядываетъ.

На мой вопросъ, рано ли онъ зимой выѣзжаетъ на рыбную ловлю, Габріеле отвѣтилъ снова пословицей:

— Al' letto si muore [1]).

— Да что этихъ капріотовъ спрашивать, когда они просыпаются,—обратился ко мнѣ Долгинцевъ.—Ты спроси ихъ лучше, когда они спятъ. И зимой и лѣтомъ, ночью и часть дня—на рыбной ловлѣ; остальное время за землей ходятъ. Да успѣваютъ еще нашу братью, иностранцевъ, обирать. Это—все ваша жадность. Пароходъ изъ Неаполя сюда придетъ,—вы насъ забираете въ свои лодчонки, везете въ „Голубой гротъ“ [2]) и по 1 1/2 франка съ человѣка за 1/4 часа берете.

— Это какая же жадность?—спокойно спросилъ старикъ. И онъ резонно разъяснилъ, что стѣснительная для путешественниковъ плата за осмотръ знаменитой пещеры установлена пароходной компаніей, которая оставляетъ гребцу менѣе трети, а остальное беретъ себѣ; но замѣтилъ, что все-таки и капріотамъ подспорье: въ мѣсяцъ на семью—рубля 2—3 набѣжитъ.

— Ихъ грабятъ со всѣхъ сторонъ,—объяснялъ мнѣ Долгинцевъ.—Рыбный доходъ перекупщикамъ только выгоденъ. За землю платятъ большую аренду—кулакамъ. Общинное правленіе беретъ налогъ съ каждой пойманной рыбешки, съ каждой бутылки вина изъ доморощеннаго винограда. И пароходная компанія не зѣ-

[1]) Въ постели люди умираютъ.

[2]) См. ниже.

ваетъ. А они благодушествуютъ себѣ. Погляди—ему пятьдесятъ-пять лѣтъ, а зубы хоть на выставку и мускулы геркулесовскіе: даже завидно. А въ Пасху и Рождество обжираются—и все какъ съ гуся вода.

Долгинцевъ говорилъ по-русски, а Габріеле пристальнымъ взглядомъ перебѣгалъ съ его на мое лицо, словно хотѣлъ понять. И подъ конецъ, тихо и ласково засмѣявшись, дружески потрепалъ по спинѣ своего пріятеля-живописца: „Дескать, я знаю, что ты худого о насъ не скажешь; лопочи себѣ, лопочи!“

Эта фамильярность была, повидимому, привычна и даже пріятна русскому художнику. Но онъ все-таки продолжалъ поддразнивать Габріеле. Между прочимъ, разсказалъ мнѣ уже по-итальянски, что капріоты даже Тиверія очень любятъ.

— А что же намъ *Тимберіо*! [1]) Тоже отъ него и теперь подспорье:—иностранцы на развалины его виллы ѣздятъ, камешки у насъ разные покупаютъ, провожатыхъ берутъ.

— Sancta simplicitas! А недавно они чуть не взбунтовались противъ одного иностранца, который купилъ землю подъ пещерой и хотѣлъ разобрать сверху въ нее входъ, существовавшій еще при Тиверіи.

— Извѣстно, не дѣло,—прервалъ Габріеле.—Посудите сами,—вы, кажется, столько книгъ выучили, а этого не понимаете! Развѣ вы не знаете, что Тимберіо въ этомъ самомъ входѣ заложилъ живую сирену, царицу этой голубой пещеры, ревнивую и злую до крещеныхъ. Эта сирена—врагъ нашей Мадонны. Раскройте спускъ, такъ она опять выйдетъ на волю и станетъ ехидствовать.

Мужикъ вѣритъ въ злую сирену. Всѣ капріоты вѣрятъ, кромѣ того, что въ одномъ изъ многочисленныхъ гротовъ острова доселѣ сидитъ окаменѣлый цезарь *Тимберіо* въ золотой коронѣ

---

[1]) Мѣстное произношеніе имени Тиверія (Tiberio). По миѳологическимъ преданіямъ, въ древности островъ былъ резиденціей царицы нимфъ—Калипсо, принимавшей тутъ Улисса, а потомъ Телемака, популяризованнаго Фенелономъ. Задолго до Рождества Христова, островъ былъ заселенъ выходцами изъ Эллады; жители его доселѣ сохранили чистый древнегреческій типъ. Императоръ Августъ въ старости жилъ на Капри. Онъ заботился о благосостояніи его обитателей. Преемникъ Августа, Тиверій, напуганный заговоромъ Сеяна, уѣхалъ изъ Рима и поселился на Капри. Онъ покрылъ его роскошными дворцами, виллами, храмами, садами; безъ малаго почти четырнадцать лѣтъ онъ не покидалъ острова, обратившагося фактически въ столицу имперіи. Съ населеніемъ и со своими окружающими Тиверій обходился болѣе чѣмъ жестоко. Память этой жестокости и теперь жива въ населеніи, совершенно, однако, позабывшаго „добраго Августа“. Для иностранцевъ Капри теперь привлекателенъ своей живописной природой, мягкимъ климатомъ и, особенно, такъ называемымъ „Голубымъ гротомъ“.

и драгоцѣнныхъ каменьяхъ. Они ожидаютъ, что онъ когда-нибудь проснется, и тогда произойдетъ какая-то катастрофа. Какая именно—народная фантазія не опредѣлила.

II.

Прежде чѣмъ познакомиться съ капріотами и ихъ бытомъ, выполнимъ долгъ туристовъ, заглянемъ въ знаменитую Голубую пещеру (Grotta azura), предварительно припомнивъ, что въ скалистыхъ берегахъ классическаго острова есть и другіе гроты, доступные только съ моря, которые интересны не только въ эстетическомъ, но въ историческомъ и научномъ отношеніяхъ.

Между прочимъ, хорошо сохранились два большіе грота, служившіе при Тиверіѣ одинъ верфью, другой—храмомъ. Въ первомъ стояли, строились, починивались императорскія галеры и лодки. На стѣнахъ природно-каменныхъ доселѣ остались слѣды разныхъ спеціальныхъ приспособленій и работъ.

Вторую пещеру народъ нынѣче зоветъ „di Matrimonio“ (свадебная), ибо существуетъ преданіе, что Тиверій совершалъ въ ней свои чудовищно-прихотливыя бракосочетанія. Въ сущности же, какъ доказываютъ историческія изслѣдованія, въ его время тутъ былъ храмъ Митры, древнеперсидскаго бога свѣта, солнца и огня [1]). Въ центрѣ ея стѣны, противолежащей отверстію съ моря, осталось мѣсто, на которомъ стояло мраморное изваяніе бога Митры: разъяреннаго быка уязвляютъ въ ноги змѣя и собака; а жрецъ, стоящій на колѣняхъ на его спинѣ, вонзаетъ ножъ въ его горло. Восходящее въ день поворота къ лѣту (т.-е. въ день праздника этого бога, въ концѣ декабря) солнце сквозь отверстіе съ моря обагряло первыми лучами мраморное божество. По историческимъ изслѣдованіямъ, въ этомъ храмѣ была принесена послѣдняя человѣческая жертва [1]). По волѣ Тиверія, у подножія Митры былъ умерщвленъ любимецъ его, прекрасный юноша эллинъ Ипатосъ. Элегія на его кончину, написанная по-гречески также по приказанію Тиверія, оплакивавшаго своего лю-

[1]) Со временъ Юлія Цезаря римскіе императоры считали себя первосвященниками всѣхъ религій, которыя исповѣдовали подвластные имъ народы.

[1]) Въ капитолійскомъ музеѣ сохранилась мраморная колонка, на которой начертанъ календарь временъ римской имперіи. Тамъ отмѣченъ праздникъ бога свѣта, приходившійся въ день зимняго поворота солнца. Въ первые вѣка христіанства Рождество Христово праздновалось также въ тотъ же день, замѣнивъ языческое торжество Митры.

бимца, какъ впослѣдствіи Адріанъ Антиноя,—хранится и теперь въ музеѣ.

Интересны еще пещеры—розовая, бѣлая, зеленая. Онѣ далеко не такъ сохранились, какъ голубой гротъ, но не менѣе интересны въ свѣтовомъ отношеніи. Каждая изъ нихъ соотвѣтственно (и воздухъ, и скалистыя стѣны)—отливаетъ своимъ особеннымъ, довольно яркимъ свѣтомъ: одна — нѣжно-зеленымъ, другая—бѣлымъ, третья—розоватымъ. Однако, рѣдко кто посѣщаетъ ихъ. Только голубой гротъ привлекаетъ къ себѣ путешественниковъ. Каждый день одинъ изъ жалкихъ пароходиковъ, совершающихъ рейсы между Неаполемъ, Сорренто и Капри, привозитъ туда нѣсколько десятковъ туристовъ. И тотчасъ же цѣлая стая лодокъ окружаетъ трапъ. Туристы обоего пола, вооруженные надлежащими билетами (о которыхъ говорилъ уже намъ Габріеле), разсаживаются вдвоемъ, а иногда и втроемъ, въ утлыя скорлупки, и отдаются въ распоряженіе гребца. Вы направляетесь къ высокой, громадной, вертикальной, гладкой какъ стѣна, скалѣ, къ ея чуть замѣтному надъ водой отверстію. Вашъ кормчій приказываетъ вамъ наклониться или лечь (смотря по высотѣ воды) въ лодку. Лодочка проплываетъ подъ низкимъ естественнымъ сводомъ, и вамъ разрѣшаютъ приподняться и сѣсть въ лодкѣ.

Вы—въ знаменитой Голубой пещерѣ. Оглядываетесь и почти негодуете: „Стоило же ѣхать киселя хлебать!“—Дѣйствительно, воздухъ „какъ будто“ голубой. Кругомъ—сырые, темные скалистые своды. Въ полумракѣ вамъ слышатся охи и ахи, визгливые стереотипные восторги. Это восхищаются на другихъ лодчонкахъ туристы и туристки разнообразныхъ—по преимуществу англосаксонской и германской—расъ, пріѣхавшіе на одномъ съ вами пароходѣ.

Разочарованные блѣдностью лазури знаменитаго лазурнаго грота, вы спѣшите выбраться изъ него. Вы недовольны имъ и относительно даннаго опыта. Вы правы индивидуально, но не правы по существу. Во-первыхъ, стаи по Бедекеру восторгающихся туристокъ испортятъ какое хотите впечатлѣніе. А главное, восторгающіеся не могутъ, какъ и вы сами, увидѣть ничего восхитительнаго въ какія-нибудь пятнадцать минутъ, по прошествіи которыхъ командиръ-лодочникъ безцеремонно вывозитъ туристовъ обратно къ пароходу, чтобъ захватить еще пару или тройку полутора-франковыхъ путешественниковъ.

Дѣло въ томъ, что оптическое явленіе становится для человѣческаго глаза тѣмъ явственнѣе, господство небесно-лазурнаго

свѣта въ подземельѣ—тѣмъ интенсивнѣе, чѣмъ дольше наблюдатель остается въ данной средѣ. Пріѣзжайте сюда, когда нѣтъ туристовъ; съ лодочникомъ, не командующимъ вами, оставайтесь тутъ подольше—и ворчать вамъ будетъ не на что.

Въ гротѣ царитъ безмолвіе, чарующая тишь. Только слышно, какъ изрѣдка падаютъ капли въ воду съ утесистыхъ сводовъ пещеры. Легкая голубоватая атмосфера ласкаетъ ваши нервы, и постепенно становится все пріятнѣе, все ощутительнѣе, все властнѣе. Вы оторваны отъ обычнаго „внѣшняго міра", а окружающій васъ міръ—лазурный. Морская вода до дна словно освѣщена незримымъ, далекимъ голубымъ огнемъ. Каменные, влажные, изрытые тысячелѣтіями, утесы, на которыхъ отражается свѣтъ, кажутся прозрачными. Части стѣнъ, которыя ушли въ глубокіе синіе углы, чернѣютъ, и это только усиливаетъ голубое впечатлѣніе остального.

Вашъ лодочникъ проситъ у васъ позволенія раздѣться и нырнуть. Въ сущности, онъ знаетъ, что даетъ представленіе, за которое forestieri (лѣсовики [1]), *иностранцы*) даютъ на чай.

Бронзоваго цвѣта молодой атлетъ, словно только-что вернувшійся съ олимпійскихъ игръ родной Эллады, плаваетъ и ныряетъ въ ласковой лазурной влагѣ. Тѣло его осыпано и окружено мелкой, искрящейся яхонтами и алмазами, пылью, которая носится около него и за нимъ [2]).

Все безмятежно тихо; всепроникающая лазурь гуще, интенсивнѣе. Нервы ваши все спокойнѣе. Не даромъ психіатры находятъ, что пребываніе въ комнатахъ съ голубыми стеклами успокоиваетъ самыхъ мятежныхъ больныхъ.

Иностранцамъ, пріѣзжающимъ въ Неаполь лечиться, между прочимъ, отъ нервной слабости, возбужденности или упадка энергіи нервной системы, я бы совѣтовалъ (не шутя) оставаться не въ самомъ Неаполѣ (который, къ слову сказать, и по климатическимъ, и по многимъ другимъ причинамъ, плохо облегчаетъ подобныя страданія), а пожить на тихомъ Капри [3]) и, если можно, иногда проводить часокъ въ Голубомъ гротѣ. Разумѣется, не тогда, когда онъ наполняется пароходными туристами; конечно, не глубокой зимой. Потому что зимой, вслѣдствіе преобладанія вѣтряной погоды, входъ въ пещеру часто заливается водой, и низкая лодочка не можетъ туда проникнуть. Я съ больной се-

[1]) Foresta—лѣсъ; отсюда итальян. слово forestiere—иностранецъ.

[2]) Мелкія частицы воздуха, отдѣляющіяся отъ тѣла и волосъ, образуютъ эти микроскопическіе пузырьки. При плаваніи подъ водой въ нѣкоторыхъ акваріяхъ нырковъ (утокъ), замѣчается то же явленіе; ихъ перья и слѣдъ—совсѣмъ серебряные.

[3]) Климатъ Капри теплѣе и ровнѣе неаполитанскаго.

строй, будучи новичкомъ въ здѣшнихъ палестинахъ, просидѣлъ довольно долго въ сыромъ и скучномъ (въ холодное время года) Сорренто, выжидая возможности попасть оттуда въ Голубой гротъ. И не попалъ,—а это было въ началѣ марта [1]).

Впослѣдствіи я узналъ отъ мѣстнаго лодочника Антоніо, пользовавшагося большой популярностью среди иностранцевъ, что незадолго передъ тѣмъ съ однимъ нашимъ соотечественникомъ случилось такое поучительное приключеніе.

Имя я теперь позабылъ, но, помнится, это былъ живописецъ, и, надо полагать, со средствами. Онъ пріѣхалъ въ Сорренто въ январѣ или февралѣ. „Сидѣлъ у моря и ждалъ погоды", такой, которая впустила бы его въ „Гротъ голубой сирены". Погода же все стояла свѣжая, но ясная; онъ катался по заливу въ лодкахъ Антоніо недѣлю, другую, третью, а очарованный гротъ все не давался: вода въ заливѣ была слишкомъ высока.

Наконецъ, соблазнивъ Антоніо крупнымъ кушемъ денегъ, художникъ отправился къ острову Капри въ очень большой лодкѣ, съ нѣсколькими здоровенными рыбаками подъ командой Антоніо. Подплывъ къ завѣтному входу, онъ убѣдился, что осталась только низенькая отдушина; однако, не сдался. Предложилъ Антоніо еще болѣе соблазнительный кушъ, съ тѣмъ, чтобы тотъ проводилъ его вплавь внутрь пещеры. Вода была прехолодная. Оба разоблачились и, оставивъ большую лодку съ гребцами, поплыли. Проплыли входъ—и достигли цѣли. Однако, нашему бѣдному земляку было уже не до наблюденій. Онъ до того окоченѣлъ, изнемогъ, избился о камни, что Антоніо (какъ онъ мнѣ разсказывалъ) сильно перетрусилъ: „Какъ бы signor forestiere Богу душу не отдалъ наединѣ съ нимъ, въ гостяхъ у голубой сирены". Лодочникъ—самъ по здоровью и сложенію Геркулесъ—придумалъ слѣдующее. Онъ втащилъ посинѣвшаго синьора на низкій, наименѣе взъерошенный уступъ скалы; самъ же выплылъ изъ пещеры, влѣзъ въ свою лодку, выпилъ здоровую порцію коньяку, припасеннаго настойчивымъ туристомъ, потомъ крѣпко обвязалъ себя канатами и, оставивъ длинные ихъ концы въ лодкѣ съ гребцами (которымъ наказалъ тянуть канаты, когда онъ дастъ изъ пещеры сигналъ), вновь поплылъ туда. И затѣмъ, не совсѣмъ благополучно, извлекъ полуживого, общарапаннаго „signor Russio" изъ голубого свѣта сирены на бѣлый свѣтъ божій.

---

[1]) Не далѣе, какъ 25-го марта 1904 г., германскій императоръ Вильгельмъ, гостившій въ Неаполѣ, приплылъ къ Капри, чтобы посѣтить Голубой гротъ, но высокая вода и его туда не пустила.

За свою настойчивость нашъ соотечественникъ поплатился долгой и тяжкой болѣзнью.

Разсказъ Антоніо подтверждали мнѣ многіе достойные довѣрія капріотскіе и соррентскіе жители. Альфонсъ Додэ говоритъ, что южные французы не могутъ разсказывать, не прикрашивая, въ силу пылкости своего воображенія. У неаполитанцевъ оно еще болѣе пылко, чѣмъ у провансальцевъ. Но если повѣствованіе Антоніо и прикрашено, то оно остается вполнѣ правдоподобнымъ: Se non è vero, è ben trovato (если и не правда, то все-таки придумано хорошо).

Словомъ, зимой наслаждаться Голубой пещерой трудно. Но съ апрѣля до конца октября рекомендуемый мною курсъ леченія доступенъ и полезенъ.

Нервы возбуждены, вкуса къ жизни не ощущаешь; „все не мило, все постыло“. Отправляешься въ голубую лечебницу, негодуя и ворча, сидишь въ лодочкѣ съ полчаса и чувствуешь себя лучше, а выплывешь изъ грота словно обновленный. Самый переломъ настроенія поразительно бодритъ, укрѣпляетъ, призываетъ къ дѣятельности.

Когда маленькая лодочка, вынырнувъ изъ-подъ низкаго свода, выноситъ васъ изъ грота на морской просторъ, васъ охватываютъ новыя, словно ранѣе никогда не испытанныя ощущенія. Сосредоточенное, мечтательное, почти мистическое настроеніе, набаюканное чарами лазури, постепенно уходитъ изъ вашей психіи, какъ замирающій звукъ гармоничнаго аккорда. На бухточку, съ ея хрустальной водой, на вашу лодочку, на васъ самихъ теперь падаетъ мягко фіолетовая тѣнь острова-утеса, а дальше впереди и далеко окрестъ все блещетъ, искрится.

Голубой Неаполитанскій заливъ застланъ трепещущей на солнцѣ золотой сѣткой. По ней разсыпчатыми стаями, словно птицы, бѣлѣютъ остроконечные паруса рыбачьихъ лодокъ, бѣгаютъ яхты, пароходики и миноноски, медленно тянутся на буксирѣ ряды барокъ, нагруженныхъ камнями; иногда величаво плыветъ грозная масса броненосца или австралійскій пароходъ-левіаѳанъ.

Огромный заливъ, лежащій передъ вами, охватываютъ граціозныя очертанія горъ и холмовъ. Отъ огнедышащей вершины Везувія линія берега спускается къ западу, какъ бы припадая къ самому морю у Неаполя. Широко раскинувшійся городъ съ милліоннымъ населеніемъ искрится окнами, пестрѣетъ зданіями и напоминаетъ красивое ожерелье, кинутое на морское прибрежье. Отсюда линія подымается правильной, ласкающей взоръ

параболой къ историческому мысу—Капо Мизено. Прибрежье всюду осыпано жилищами рабочаго человѣка; зеленѣетъ садами, виноградниками, золотится полями. Вездѣ—людская жизнь, полная трудовъ, пѣсенъ, надеждъ и тысячелѣтнихъ разочарованій. Надо всѣмъ царитъ массивный дѣдъ Везувій. Вскинувъ въ безоблачное небо свой дымчатый султанъ, онъ изрѣдка ворчитъ и грохочетъ,—„чтобъ человѣкъ не баловался". А человѣкъ льнетъ къ нему!

Около подножія чудовища далеко и широко раскинулась историческая *Область Труда* (Terra di lavoro). Ее не окинешь глазомъ. Населеніе этой большой равнины въ восемь разъ больше средней цифры населенія Апеннинскаго полуострова, потому что Terra di lavoro—одинъ изъ плодороднѣйшихъ уголковъ Италіи. Его съ доисторическихъ временъ удобряетъ опасный вулканъ. „Гдѣ хлѣба край, тамъ и у вулкана рай",—особенно для неустанно трудящагося южнаго земледѣльца, тройственно и несправедливо обвиняемаго въ лѣни—иностранцами, соотечественниками-сѣверянами и золоченымъ большинствомъ итальянскихъ правящихъ классовъ.

III.

Настало Свѣтлое Христово Воскресенье. Когда мы покончили въ саду Долгинцева съ чаемъ, солнце уже пылало высоко. Разстилавшійся передъ нами пейзажъ былъ свѣтелъ и ярокъ. Темно-зеленые кожистые листья апельсинныхъ деревъ, словно лакированные, отражали солнечные лучи. Внизу густой сѣткой огненныхъ искръ играло море. Въ травѣ и кустахъ суетливо трещали цикады, будто вторя доносившимся къ намъ праздничнымъ пѣснямъ, музыкальнымъ переливамъ мандолинъ, гармоникъ и рѣзвому перекликиванію ребятишекъ; изрѣдка раздавались рѣзкіе, потрясающіе взрывы праздничныхъ bomba-carta (картонныхъ бомбъ).

Былъ уже одиннадцатый часъ утра, когда мы съ Долгинцевымъ отправились въ гости къ Габріеле, котораго обѣщали навѣстить въ первый день праздника.

На улицахъ маленькаго городка, по дорогамъ, соединяющимъ его съ группами мелкихъ сельскихъ поселеній и отдѣльными крестьянскими хозяйствами, было еще не очень людно. Встрѣчные прохожіе иногда приподнимали шапки и, привѣтливо улыбаясь, произносили: „Buona Pasqua, signori!" [1])

[1]) Доброй Пасхи, господа.

На полуобрушенной низкой каменной стѣнкѣ виноградника, въ раскидистой тѣни лапчатыхъ, шершавыхъ листьевъ фиговаго дерева, расположился молодой человѣкъ съ гармоникой (гармоника такъ же распространена въ южной Италіи какъ и у насъ на Руси).

Парень искусно наигрывалъ; звуки переливались, журчали, то спадали въ нѣжный, едва слышный мотивъ, то ярко разгорались удалью. Около него скучилось нѣсколько пріятелей; кто задумчиво слушалъ, кто подсвистывалъ; кто, наблюдая за движеніемъ пальцевъ музыканта, дѣлалъ критическія замѣчанія. Иногда сильно шумѣли громкимъ говоромъ и смѣхомъ; одни уходили, другіе присаживались. Музыкантъ, быстро перебирая пальцами, выводилъ одну за другой красивыя народныя пѣсни, мотивы изъ оперъ (которыхъ, къ слову сказать, я никогда не слыхивалъ въ театрѣ), и видимо наслаждался.

Дальше, нѣсколько подростковъ играли въ *бочетто*. Они по очереди метали низко къ землѣ плоскіе, грубо округленные, куски бѣлаго, съ рыжими пятнами, стараго мрамора. Вѣроятно эти обломки видали времена Тиверія. Послѣдующій игрокъ долженъ кинуть свой дискъ, до соприкосновенія съ дискомъ предыдущихъ. Это—древне-эллинская игра; и движенія, и позы—олимпійскія. Миловидные, гибко-мускулистые пареньки, съ разгорѣвшимися лицами, съ сосредоточеннымъ взглядомъ темныхъ глазъ, съ дискомъ въ правой рукѣ, склонялись туловищемъ впередъ, и въ моментъ метанія словно сами летѣли за кускомъ мрамора, откинувъ назадъ правую ногу, едва касаясь земли носкомъ лѣвой. Около нихъ останавливались взрослые. Даже старики слѣдили за игрой.

Маленькіе ребятишки, босые мальчики въ длинныхъ рубашонкахъ или, кто побольше, въ штаникахъ съ разрѣзомъ ниже спины, изъ котораго обязательно торчитъ кусокъ рубашки, дѣвчурки въ коротенькихъ полинялыхъ, вымытыхъ къ празднику платьицахъ, катали другъ друга по очереди на дощечкѣ, къ которой придѣланы маленькіе скрипучіе кружки дерева вмѣсто колесъ. Дѣтишки визжали, спорили, перебранивались крѣпкими, рано перенятыми у взрослыхъ словами; звенѣли дѣтскимъ хохотомъ, свистѣли въ тростниковыя дудки, первобытныя свирѣли.

На порогѣ одного крестьянскаго домика, прислонившись къ косяку двери, хорошенькая дѣвушка звенѣла на Scaccia pensieri (думы прочь) [1]). Одну ножку маленькаго стального инструмента

[1]) Маленькая, вершка два, стальная лира безъ струнъ. Въ Англіи ихъ зовутъ „жидовской арфой“ (Jewish harp). Въ Италіи онѣ приготовляются исключительно странствующими цыганами.

она держала въ углу своихъ малиновыхъ губъ; по другой непрестанно мелькалъ кончикъ красиваго указательнаго пальца; меланхолическіе, однообразные, мягкіе звуки сливались и соперничали съ щебетаньемъ пичуги, прыгавшей въ зелени стараго волошскаго орѣха, который величаво вздымался надъ маленькимъ кубическимъ жилищемъ. Оно сложено изъ камней, безъ трубы, съ закопченнымъ верхомъ двери, единственнаго выхода для хозяйственнаго дыма; въ общемъ—напоминаетъ кавказскія сакли.

Парни проходили мимо, посмѣиваясь надъ дѣвушкой; она шутя хмурилась, шутя отгоняла ихъ прочь. Очевидно, она поджидала и выглядывала своего innamorato (возлюбленнаго).

Fare all'amore—заниматься любовью платонической открыто на югѣ Италіи молодымъ людямъ низшихъ классовъ дозволяется въ очень раннемъ возрастѣ. Эта свобода лучше всякаго запрета охраняетъ чистоту любви. И хотя, по недостатку средствъ у любящихся, „fare all'amore" длится часто нѣсколько лѣтъ до свадьбы, такой обычай, если и вызываетъ иногда драмы и даже трагедіи, то все-таки рѣже, чѣмъ при насильственно-тайной любви.

Мы незамѣтно дошли до жилища Габріеле. Въ его владѣдѣнія вела съ большой дороги искалѣченная, никогда не запиравшаяся большая калитка изъ желѣзныхъ прутьевъ между двумя каменными столбами. Въ эту калитку могъ проѣхать изрядный возъ.

Огородъ былъ обширенъ, тѣнистъ лѣтомъ, когда кудрявая виноградная лоза, обвивъ высокіе шесты, стволы плодовыхъ деревъ и нарочно протянутую проволоку, перекидывается и переплетается наверху. Теперь она только одѣвалась узорчатымъ листикомъ; однако, и легкой тѣни, и прохлады, по мягкому апрѣльскому солнышку, было достаточно уже отъ плодовыхъ деревъ.

IV.

Мы застали Габріеле въ его будничномъ одѣяніи, бѣлой холщевой рубахѣ, заткнутой въ полинялые сѣрые холщевые портки, засученные выше колѣнъ. Ноги были босы; на полусѣдой курчавой головѣ шапки не было.

Онъ, какъ Лаэртъ, отецъ Улисса, подрѣзывалъ свои фруктовыя деревья. Завидѣвъ насъ, старикъ расцвѣлъ широкой улыбкой, весело захохоталъ и, вонзивъ конецъ ножа въ стволъ твердаго лимоннаго дерева, протянулъ широкую рабочую руку.

— Какъ же это ты въ такой великій праздникъ работаешь?—спросилъ я.

— Ха, ха, signori! — отозвался онъ, глядя мнѣ прямо въ глаза, чтобы его слова дѣйствовали убѣдительнѣе.—Signori, senza lavoro non se mangia (не поработаешь—не поѣшь). У меня семья: молодые да ветхіе; пусть они отдыхаютъ... А мы, слава Богу... Э... видите, есть покуда, надъ чѣмъ поработать.

Съ гордостью хозяина, вскормившаго тѣхъ, кто помогаетъ ему самому кормиться, онъ прежде всего привелъ насъ въ хлѣвъ, отрекомендовалъ стараго осла и подростка осленка. Оселъ, откинувъ верхнюю губу, заревѣлъ хрипло, со свистовыми фіоритурами. Это онъ радовался приходу хозяина.

Козлиный хлѣвъ былъ пустъ. Козы, гдѣ-то на вершинѣ утесовъ, справляли Пасху съ однимъ изъ младшихъ сыновей Габріеле.

Затѣмъ онъ познакомилъ насъ со своими, т.-е. арендуемыми изъ поколѣнія въ поколѣніе, поземельными владѣніями. Тамъ росли груши, апельсинныя, лимонныя деревья, абрикосы, сорбы—мощные родственники нашей рябины; каждая ягода—съ добрый грецкій орѣхъ. Сорбамъ обыкновенно даютъ вылежаться осенью на соломѣ, и ѣдятъ, когда онѣ совсѣмъ побурѣютъ, смякнутъ [1]). Были тутъ и фиговыя деревья съ развѣсистыми, неуклюже изогнутыми вѣтвями и молодыми еще, лапчатыми листьями. На нихъ уже пробивались признаки цвѣтенія. Были миндальныя деревья, съ полусозрѣвшими нѣжно-бархатистыми сѣрозелеными плодами [2]). Виноградная лоза обѣщала по примѣтамъ хорошее цвѣтеніе и добрый сборъ. По землѣ, промежъ деревьевъ, дозрѣвали, а частью доцвѣтали, распространяя медовый запахъ, привлекая пчелъ, шмелей и осъ,—бобы. Кой-гдѣ красовались блѣдно-зеленые кочни салада, который разъ посѣй зимой—выростетъ, а потомъ всю весну обрѣзай листья, да ѣшь: pianta madre (растеніе матка)—все новые да новые листья даетъ. Тамъ и сямъ около стволовъ и тычинокъ вился горохъ и горѣли пурпоромъ цвѣты фасоли. Пахло мятой, рутой, майораномъ. Ими итальянцы любятъ приправлять свои яства. Кое-гдѣ выглядывалъ задорный чеснокъ и вальяжный, сладкій испанскій лукъ. По землѣ ползли молодыя плети арбузовъ, дынь, длинной тыквы, ярко-оранжевой мякотью которой зимой кормятъ козъ. Мѣстами, какъ бархатистыя пятна, зеленѣла пшеница, уже начинавшая идти въ трубку. Небольшой участокъ былъ засѣянъ кукурузой.

---

[1]) Мякоть кислистая, пріятно-горьковатаго вкуса; для желудка крѣпительна.

[2]) Это—внѣшній толстый, твердый покровъ; подъ нимъ—обыкновенная шелуха миндаля; а въ самой серединѣ плода—собственно зерно. Раннимъ лѣтомъ это зернышко бываетъ очень нѣжно, подобно желе.

Въ одной сторонѣ огорода, на которую особенно било солнце, земля была тщательно взрыхлена. Здѣсь росла кудрявая разсада томатовъ и баклажанъ. Когда солнце станетъ разгораться тепломъ, эти растенія быстро пойдутъ въ ростъ, къ іюню будутъ аршина въ два и больше; ихъ разсадятъ. Они очень красятъ огороды, особенно около стѣнъ жилищъ. Красные яйцеобразные плоды томатовъ и темно-фіолетовыя яйца баклажановъ, которыми бываютъ обвѣшаны растенія, составляютъ серьезное и вкусное подспорье на всю осень и зиму. Томаты культивируются также для продажи; ихъ покупаютъ спекуляторы, которые заготовляютъ ихъ въ прокъ и въ жестянкахъ отправляютъ въ Парижъ, Лондонъ, гдѣ ихъ продаютъ очень дорого.

Въ видѣ живой изгороди по угламъ каменной кладки, поддерживающей обработанную землю, были насажены массивные кусты колючихъ алоэ (изъ породы Opuncia). Ихъ жирные листья, овальные какъ ладонь, разростаются одинъ на другомъ, и плоды прикрѣплены къ ребрамъ листьевъ. Плоды формой и размѣрами схожи съ гусиными яйцами, кожица (ярко-зеленая, желтая или красная) усѣяна колючими бородавками. Внутренность—похожая на пастилу; мякоть, хотя и содержитъ много крупныхъ зернышекъ, вкусна и освѣжающа. Въ Калабріи и Сициліи эти индійскія фиги (fighi d'India) растутъ большими рощами и составляютъ немаловажное пищевое подспорье для низшихъ классовъ населенія.

За изгородью хозяинъ указалъ намъ рощицу масличныхъ деревьевъ съ нѣжно-серебристыми листьями. Эти деревья поставляютъ масло для пищи и освѣщенія.

— Съ голоду не умремъ, если Мадонна уродитъ все, что растетъ,—объяснилъ намъ пріятель.—Человѣку надо ѣсть; безъ ѣды какъ работать? А тоже если переѣшь, такъ много не наработаешь,—заключилъ онъ сентенціозно.

— Да когда вы переѣдаете?—усмѣхнулся Долгинцевъ.—Съ утра ничего не ѣдятъ,—обратился онъ ко мнѣ.—Около полудня пожуютъ краюху хлѣба съ листиками салада. Только вечеромъ набиваютъ брюхо какимъ-нибудь тяжелымъ варевомъ.

— Э! переѣдаемъ и мы тоже! Поглядите, сегодня, ради праздника, брюхо набьемъ такъ, что ужъ дня на три не до работы будетъ. Оттого я и ухватываю время съ огородомъ.

— Ужъ это извѣстно, что вы въ Рождество да Пасху набиваете себя,—замѣтилъ Долгинцевъ.—И у кого достатка нѣтъ, такъ лучше мѣсяцъ проголодаетъ, а празднику не спуститъ.

— А то какъ же?—разсмѣялся Габріеле и указалъ на рас-

пахнутыя двери дома. Тамъ, въ полусвѣтѣ большой низкой комнаты, съ потолкомъ, завѣшаннымъ домашними колбасами, сосисками, пучками прошлогоднихъ томатовъ, мѣшочковъ съ горохомъ, суетилась, пекла и варила старуха-хозяйка, выбѣгая поминутно на просторное крыльцо передъ домомъ, гдѣ проектировалась пасхальная семейная трапеза. Старухѣ помогала жена второго сына.

Показывая свои владѣнія, Габріеле познакомилъ насъ съ семьей. Онъ, кромѣ жены, вызвалъ изъ дома и невѣстку. Обѣ женщины были уже въ праздничномъ, хотя не въ законченномъ туалетѣ, и въ праздничномъ настроеніи. Насъ онѣ встрѣтили рукопожатіями и крикливыми привѣтствіями: — Cento di questi giorni, felicità e salute! Buona Pasqua! и пр. [1]) И довольно проворно, съ обычнымъ итальянскимъ „съ вашего позволенія“, удалились къ сковородамъ, на которыхъ были сосредоточены ихъ помыслы. Очевидно, мы ихъ не стѣсняли, и намъ было отъ этого удобнѣе.

Въ отдаленномъ уютномъ уголкѣ огорода, почти дико заросшемъ вьющейся глициніей, съ длинными кистями душистыхъ лиловыхъ цвѣтовъ, напоминающихъ и по весеннему цвѣтенію, и по цвѣту нашу сирень (которая здѣсь—великая рѣдкость, даже роскошь), стоялъ грубый деревянный столъ. За этимъ столомъ на скамейкѣ сидѣлъ красивый молодой парень, съ пробившимися усиками. Онъ читалъ вслухъ какую-то помятую газету; въ ней были напечатаны подробности о новѣйшемъ интересномъ убійствѣ, занимавшемъ тогда южно-итальянскіе умы.

На чтецѣ было деревенское праздничное платье, полосатая пара изъ грубой нанки, сшитая неуклюже; на шеѣ голубой шолковый платокъ, заколотый бронзовой булавкой, изображающей бабочку; на головѣ коричневый котелокъ.

— Это „innamorato“ моей третьей дочери. Первая замужемъ,—пояснилъ мнѣ Габріеле, издали указывая на юношу.

Дочка Габріеле, суженая парня, хорошенькая, здоровая дѣвушка, съ коралловымъ ожерельемъ на смуглой шейкѣ, сидѣла около, покачиваясь на ножкахъ стула. Она исподтишка любовалась своимъ innamorato, и едва ли много понимала, что онъ читалъ.

Зато напряженно внимательно слушалъ старикъ, очень ветхій, отецъ Габріеле. Волосы у него были такіе же густо-курчавые, какъ у сына, только совсѣмъ бѣлые съ желтизной, а лицо почти

[1]) Сто такихъ дней, благоденствіе и здоровье! Доброй Пасхи!

черное отъ неизгладимаго загара. Онъ держалъ въ зубахъ коротенькую глиняную трубку, тоже давно почернѣвшую и лоснящуюся; не шевелился, приложивъ ладонь къ раковинѣ уха, и не сводилъ глазъ съ чтеца. Мы слышали, что въ молодости онъ, кромѣ земледѣлія и рыбачества, промышлялъ мелкимъ морскимъ разбоемъ. Намъ случалось знавать нѣсколькихъ такихъ старцевъ эксъ-пиратовъ. Теперь они почти всѣ уже вымерли. Рядомъ на травѣ лежалъ въ растяжку, загнувъ руки подъ голову, Дженарино, младшій сынъ Габріеле, лѣтъ четырнадцати.

Немного всторонѣ, на какомъ-то фигурномъ обломкѣ желтаго мрамора, вѣроятно античномъ, сидѣлъ, прислонясь спиной къ стволу дерева, второй женатый сынъ Габріеле, Чичіо (Франческо), здоровый, мощный мужчина съ темно-карими материнскими глазами. Глядѣли эти глаза очень мягко, добро, но иногда вспыхивали сердитой энергіей. Онъ, какъ и отецъ, былъ босъ и въ рабочемъ дезабильѣ. На колѣняхъ у него барахтался и игралъ полутора-годовой мальчикъ. Рубашонка съѣхала подъ мышки, голыя ножки болтались по воздуху, маленькія ручки хватали отца за лицо, за разстегнутый воротъ холщевой рубашки, за висѣвшіе на шеѣ образки и ладанки.

Ихъ смѣхъ не мѣшалъ чтенію и даже не мѣшалъ самому Чичіо слушать чтеніе.

Замѣчательно и характерно, что въ этой семьѣ, кромѣ старшаго сына, да третьяго—теперь пасшаго козъ въ горахъ—не было ни одного грамотнаго.

Не взирая на закономъ установленную обязанность посѣщенія школъ дѣтьми, на ежегодно возобновляющіеся дебаты въ парламентѣ, на настоянія прессы и на относительно утѣшительную оффиціальную статистику успѣховъ грамотности (къ которой, впрочемъ, должно относиться „cum grano salis“) на югѣ Италіи, масса народа чуть не сплошь безграмотна, даже въ большихъ городахъ. Школы есть и ученики есть, а грамотные составляютъ исключеніе. Это отрицательно-поучительное явленіе слишкомъ сложно, чтобы выяснять его бѣгло. На него въ настоящее время обращено серьезное вниманіе итальянскаго общественнаго мнѣнія.

V.

Покуда мы обмѣнивались пасхальными привѣтствіями съ семействомъ Габріеле, мимо его вертограда, поднявъ облака пыли, пропесся рядъ щегольскихъ экипажей, ландо, всадниковъ-джентль-

меновъ и амазонокъ, сопровождаемыхъ грумами, въ цилиндрахъ съ галунами и синихъ кургузыхъ ливреяхъ. Большая часть кортежа проѣхала, не останавливаясь, и исчезла внизу, за поворотомъ дороги. Одно ландо и желтый кабріолетъ остановились у сосѣдней виллы, гдѣ жила семья живописца-нѣмца. За экипажами шутливо бѣжали парни и дѣти, прекратившіе свои игры. Они тѣсно окружили остановившихся господъ; предлагали имъ букетики полевыхъ цвѣтовъ, сорванныхъ тутъ же на бѣгу около живыхъ изгородей; пойманныхъ птичекъ, которыя трепетали въ ихъ рукахъ отъ страха. Двое шалуновъ кувыркались, ходили колесомъ, становились на голову, болтая въ воздухѣ ногами, и смѣшно гримасничали. Иностранцы снисходительно улыбались, раздавали мѣдные сольди [1]) и серебряныя монетки. Это возбуждало ребятъ еще пуще.

Въ ландо сидѣла маленькая сморщенная старушка съ темно-красной розой, Marie Henriette, на кружевной шляпкѣ, съ высокимъ букетомъ рѣдчайшихъ ирисовъ на колѣняхъ. Она все улыбалась, показывая превосходные вставные зубы, и покупала всѣхъ птичекъ. Сидѣвшій противъ нея джентльменъ любезно помогъ ей распутать ножки трепещущихъ птичекъ и выпустить ихъ на волю.

Замученныя мальчишками твореньица слабо порхали, садились на ближайшіе кусты. Только-что продавшіе ихъ мучители примѣчали, гдѣ которая скрылась, и, конечно, намѣревались поймать ихъ вновь, когда уѣдетъ ландо, чтобы вновь продавать или просто мучить.

Взрослые капріоты, проходя по улицѣ, почтительно кланялись синьорамъ. Обитатели сосѣднихъ массерій [2]) высыпали, какъ и семья Габріеле, къ своимъ воротамъ и окнамъ и жадно глядѣли на кортежъ. Хорошенькій 14-ти-лѣтній Дженарино, сынишко Габріеле, весело сверкая тёмно-карими глазами газели, смѣясь сочнымъ розовымъ ртомъ, побѣжалъ къ остановившимся экипажамъ; но отецъ сурово осадилъ его за плечо. Мальчикъ надулся.

Дама, откупившая пташекъ, была милліонерка, американка, мать архимилліонера, обладающаго мраморной виллой, принадлежавшей прежде бурбонскимъ королямъ въ окрестностяхъ Неаполя. Сидѣвшій со старушкой въ ландо мужчина зрѣлыхъ лѣтъ имѣлъ продолговатое, гладко выбритое, одутловатое, лимфатическое лицо,

[1]) Монетка цѣной около $1^1/_2$ коп.

[2]) Крестьянскія фермы.

высокій умный лобъ, усталые глаза подъ золотыми очками и слегка двойной, ожирѣлый подбородокъ. Усы—единственный признакъ растительности на лицѣ — были подняты кверху, заостренными кончиками, надъ добрыми полными губами небольшого рта. Низко откинутые воротнички свободно обнажали полную, хорошо откормленную шею.

Онъ разговаривалъ со старушкой-американкой, улыбаясь отвѣчалъ на привѣты, обращенные къ нему изъ плебейской толпы молодёжника. Выраженіе его лица вообще было добродушно, но въ глазахъ стояло что-то напряженно-скорбное, словно у него зубъ нылъ или мозоль болѣла; нижняя губа, помимо его воли, презрительно-твердо поднималась кверху.

Это былъ Фридрихъ-Альфредъ Круппъ, третій изъ династіи „пушечныхъ королей", владѣлецъ Эссенскаго округа,—кромѣ 550 копей въ Германіи и Испаніи,—который пространствомъ, населеніемъ, богатствомъ и доходностью превосходитъ многія германскія герцогства.

На заводахъ Круппа въ Германіи работаетъ болѣе 150.000 человѣкъ и ежегодно вырабатывается болѣе 60 милліоновъ килограммовъ (около 140 милліоновъ фунтовъ) литой стали. Династія Крупповъ, со времени своего воцаренія надъ стальной промышленностью, только по январь 1902 года снабдила различныя государства земного шара (часто враждебныя между собой, иногда враждебныя даже родинѣ Крупповъ—Германіи, которая такъ гордится Круппами) 40.000-ми колоссальныхъ пушекъ литой стали. Въ теченіе одного только 1901 года Круппы на своемъ эссенскомъ полигонѣ [1]) (длиною 25, а шириною 4 версты) выпустили 23.800 пробныхъ пушечныхъ выстрѣловъ, которые поглотили болѣе 150.000 фунтовъ пороху и около 2 милліоновъ фунтовъ металла въ снарядахъ. А сколько стальной брони изготовлено эссенскими заводами для морскихъ чудовищъ, плавающихъ подъ всевозможными флагами по бѣлу-свѣту,—трудно исчислить.

Дѣдъ Альфреда Круппа, нѣжно распутывавшаго ножки пташекъ на нашихъ глазахъ, передъ вертоградомъ Габріеле, былъ основателемъ эссенскихъ заводовъ. Отецъ придалъ дѣлу широкій космополитическій розмахъ и гордился популярнымъ прозвищемъ „пушечнаго короля". Но сынъ стыдился этого титула. Стыдился и какъ бы игнорировалъ, что его заводы содѣйствуютъ

[1]) Полигономъ, въ артиллеріи, называется особо огражденное поле для пробной стрѣльбы изъ орудій.

развитію могущественныхъ средствъ взаимоистребленія человѣчества. Онъ—филантропъ. Онъ снабдилъ многочисленное населеніе своихъ рабочихъ водопроводами, газомъ, электричествомъ, хорошими школами, больницами, отлично составленными библіотеками и образцовымъ народнымъ театромъ. Онъ платитъ щедрое жалованье рабочимъ, обезпечилъ ихъ пенсіями, пособіями, содѣйствовалъ организаціи разнаго рода общественныхъ кассъ и проч. Однако, все это не измѣняетъ характера источника колоссальныхъ доходовъ; все это не препятствуетъ, чтобы, помимо всякой съ его стороны заботы, многомилліонный доходъ разрастался изъ года въ годъ. Ибо, вообще говоря, къ стыду нашей цивилизаціи, самыя выгодныя производства (иногда и научныя открытія)—тѣ, которыя направлены или могутъ быть примѣнены къ истребленію неповинныхъ массъ человѣчества.

У него не хватало духа прекратить такое дѣло. Его друзья говорили, что онъ не хочетъ оставить безъ заработка столько тысячъ рабочихъ,—какъ будто, при его средствахъ, онъ не могъ доставить имъ работу, болѣе симпатичную хотя бы для него самого. Его же личные доходы съ накопленныхъ и обезпеченныхъ капиталовъ и теперь превышаютъ средства многихъ коронованныхъ лицъ средней руки,—и, относительно конечно,—доходы цезаря Тиверія, котораго въ нѣкоторомъ отношеніи напоминалъ Круппъ, царившій на Капри.

Тиверій тринадцать лѣтъ жилъ на Капри, вооруженный могуществомъ, окруженный роскошью и изысканнѣйшими до сверхъестественности наслажденіями. Онъ удалился изъ Рима, и ради безопасности послѣ заговора Сеяна, и для того, чтобы забывать иногда о римской имперіи, механизмъ которой, прочно установленный его предшественниками, Юліемъ Цезаремъ и Августомъ, поддерживался и развивался почти самъ собой.

Всѣмъ пресытившійся, потерявшій вкусъ къ личной жизни, онъ искалъ на чарующемъ островѣ философскій камень самовозрожденія, возможности вновь ощущать жизненныя впечатлѣнія; онъ окружалъ себя философами и учеными, гетэрами и шутами, палачами и шпіонами. Онъ старался возбудить свои рано потухшіе чувственные инстинкты зрѣлищемъ утонченнѣйшихъ и противоестественныхъ плотскихъ утѣхъ въ своей Селларіи [1]).

[1]) Тиверій построилъ на островѣ Капри двѣнадцать роскошнѣйшихъ виллъ-храмовъ. Одна изъ нихъ, Sellaria, была посвящена божеству сладострастія, формы котораго были таковы, что даже Венера мраморная присутствовала съ вуалемъ на лицѣ.

Цѣлыхъ тринадцать лѣтъ онъ не могъ пробудить себя къ чувству жизни. По нѣкоторымъ сказаніямъ, Тиверій кончилъ самоубійствомъ. По другимъ—умеръ по независѣвшимъ отъ него обстоятельствамъ.

Альфредъ Круппъ, тоже пресыщенный и потерявшій вкусъ къ жизни, архимилліонеръ тоже не любившій своего дѣла, но не имѣвшій духа разорвать съ этимъ источникомъ своего матеріальнаго могущества, ежегодно проводилъ нѣсколько мѣсяцевъ на чарующемъ Капри. Между Тиверіемъ и Круппомъ существуетъ, однако, внѣшнее различіе, весьма характерное.

Губы Тиверія сухи, тонки и твердо сжаты. Губы Круппа—полныя, почти толстыя. Первый—жестокъ, второй—добродушенъ и мягкосердеченъ. Но зато оба во всемъ мірѣ—а особенно въ дивномъ Неаполитанскомъ заливѣ,—ищутъ, чѣмъ возродить интересъ и вкусъ къ жизни въ своемъ преждевременно угасшемъ сердцѣ, въ дремлющемъ мозгу. И не находятъ. Такая мощь относительно всѣхъ окружающихъ—и такое полное безсиліе относительно своего внутренняго я!

Круппъ, какъ и Тиверій, какъ вообще подобные имъ люди, конечно, въ значительной степени, эстетъ. Онъ охотно приближалъ къ себѣ живописцевъ, скульпторовъ, археологовъ, писателей разныхъ націй. Ихъ всегда немало бываетъ на Капри. А во время пребыванія тамъ „пушечнаго короля“, число ихъ увеличивалось. Круппъ, какъ и Тиверій—образованный человѣкъ; онъ много читалъ, любилъ бесѣдовать съ мыслителями и съ людьми науки. Онъ самъ въ научныхъ занятіяхъ старался нащупать искомый для своего *я* философскій камень. У него здѣсь была своя яхта, почти царственное пловучее помѣщеніе, съ претенціознымъ именемъ „Puritain“ (Пуританинъ). На этой яхтѣ онъ катался по Неаполитанскому заливу; ловилъ рыбу, морскихъ животныхъ, но не только ради спорта, а ради науки. Какъ естествовѣдъ-зоологъ, онъ искалъ въ морской фаунѣ и (какъ натуралисты со всего свѣта, и изъ нашей Россіи) въ лабораторіяхъ единственной въ мірѣ, по научной приспособленности, зоологической станціи въ Неаполѣ—истинъ, которыхъ природа еще не раскрыла человѣку.

Какъ намъ говорили люди науки, онъ сдѣлалъ, между прочимъ, открытіе по вопросу о сродствѣ морскихъ и прѣсноводныхъ тварей,—наблюдая за развитіемъ зародыша, изъ котораго развиваются разныя породы угрей.

Его заботамъ наука обязана разрѣшеніемъ довольно важной практической задачи, касающейся изслѣдованія развитія живыхъ

существъ. Немного лѣтъ назадъ, драгированіе (ловля въ морѣ животныхъ) не зависѣло вполнѣ отъ воли естествоиспытателя. Послѣдній не имѣлъ средствъ черпать свой естественно-историческій матеріалъ на той глубинѣ, которой требовали условія данной научной проблемы. Многіе техники безплодно пытались устранить это неудобство. Круппъ заинтересовался дѣломъ, не пожалѣлъ денегъ, нашелъ инженера, которому посчастливилось изобрѣсти аппаратъ, дозволяющій черпать матеріалы на всякой данной глубинѣ моря.

Словомъ, онъ многимъ интересовался, толково, внимательно, хотя этотъ интересъ не оживлялъ его, а какъ будто изнурялъ. Онъ былъ расположенъ къ одиночеству, и въ то же время избѣгалъ его. Какъ Тиверію, ему казалось тяжко, а можетъ быть и страшно, оставаться съ самимъ собой.

Для лицъ, стоящихъ внѣ сферъ кружка науки и искусства, доступъ къ нему былъ вообще закрытъ. У него былъ секретарь alter ego, непроницаемый какъ эссенская стальная броня. Его цензурѣ подвергались всѣ, кто добивался свиданія съ принципаломъ, и почти никогда не достигали цѣли. Но Круппъ—человѣкъ добродушный, прихотливый — къ великой досадѣ своего секретаря, заводилъ неожиданныя и странныя знакомства, не разбирая общественнаго положенія понравившихся ему лицъ; приглашалъ ихъ къ себѣ. А когда вполнѣ убѣждался, что знакомство ему пріятно—иногда жаловалъ избраннику особый знакъ отличія—орденъ „пушечнаго короля“: серебряную булавку для галстуха, изображающую снарядъ къ стальной пушкѣ, и подобныя же запонки. Онъ любилъ, чтобы лицамъ, его окружавшимъ, было весело, и часто искалъ въ ихъ весельи своего собственнаго; онъ угощалъ своихъ друзей не только изысканными яствами, винами, сигарами, но и спортомъ. Для акватическаго спорта служили его яхта „Пуританинъ“ и нѣсколько лодокъ. Для охоты, пикниковъ, лоонъ-тенниса, гимнастическихъ упражненій вообще, онъ пріобрѣлъ одинъ изъ очень живописныхъ уголковъ острова, съ прекраснымъ садомъ и съ прилегающей къ нему пещерой. Тутъ—великолѣпный видъ, или, вѣрнѣе, виды, которыми пользуются художники, приходящіе сюда съ своими холстами и палитрами; тутъ—тишина, благопріятствующая вдохновенію поэта, размышленіямъ ученаго. Тутъ же—славная охота въ періодъ весенняго и осенняго перелета птицъ. Утомленные перепела сыплются какъ градъ, по вечерамъ, на свой излюбленный—можетъ быть, еще ихъ отдаленными предками, въ баснословныя времена нимфы Калипсо — ночлегъ. Для пикниковъ, танцевъ,

всякихъ англійскихъ и американскихъ игръ подъ открытымъ небомъ здѣсь—тоже приволье.

Прилегающая къ этой мѣстности пещера,—одна изъ многочисленныхъ капріотскихъ, голубыхъ, бѣлыхъ, зеленыхъ, арсенальныхъ, трагически-матримоніальныхъ временъ Тиверія и подземныхъ келій разныхъ отшельниковъ-монаховъ, полу-монаховъ. Эта пещера называется гротомъ „Фра-Феличе", въ память католическаго монаха, воина и волхва, жившаго въ средніе вѣка. Круппъ возстановилъ въ этомъ гротѣ старинную обстановку и сдѣлалъ изъ нея нѣчто вродѣ основаннаго имъ своеобразнаго клуба. По нѣкоторымъ версіямъ, эта пещера и вообще „клубъ Фра-Феличе", для Круппа и его общества, были вродѣ того, чѣмъ была Селларія—для Тиверія и его царедворцевъ.

Объ этой пещерѣ, несмотря на недавнее ея возрожденіе, и въ особенности о времяпрепровожденіи членовъ ея клуба, какъ и о самомъ Круппѣ, уже сложилось много разсказовъ, предположеній. Правдивости ихъ мы не будемъ взвѣшивать, какъ и слуховъ о томъ, что Альфредъ Круппъ покончилъ самоубійствомъ (какъ и Тиверій).

При зоологической станціи въ Неаполѣ состоитъ нѣкто Сальваторе Ло-Біанко. Тридцать лѣтъ тому назадъ, онъ былъ взятъ въ ученое учрежденіе, изъ семьи бѣдныхъ лаццарони, босоногимъ мальчишкой, безграмотнымъ. Онъ самъ себя образовалъ и оказалъ такія крупныя услуги наукѣ, что нѣкоторые университеты избрали его почетнымъ докторомъ естественныхъ наукъ; императоръ германскій и многіе другіе государи дали ему ордена. Ло-Біанко, во время пребыванія Круппа въ Неаполѣ и на Капри, удачно пользовался научными удобствами яхты Круппа, и занимался съ нимъ. Круппъ оставилъ Ло-Біанко послѣ своей смерти большое состояніе.

Во всякомъ случаѣ, капріотское населеніе искренно оплакиваетъ Круппа. Онъ былъ добръ, щедръ. Онъ провелъ на островѣ полезную дорогу, помогалъ средствами и совѣтами мѣстному управленію по части благоустройства острова. Людей онъ несомнѣнно умѣлъ цѣнить.

Къ самой пещерѣ Фра-Феличе мы будемъ имѣть случай возвратиться позднѣе.

Экипажи простояли около владѣній Габріеле минутъ десять. Изъ виллы нѣмецкаго художника вышла дама, съ визгливой радостью почмокалась съ старой американкой и сѣла въ ландо. Экипажъ укатилъ.

— Дженарино!—кликнулъ Габріеле своего сына-подростка, который, валяясь, слушалъ чтеніе. — Дженарино, захвати корзину, да бѣги, подбери удобреніе!

Паренекъ, еще дувшійся за окрикъ отца, не особенно охотно поднялся на ноги, взялъ изъ-за куста въ углу большую круглую корзину съ ручками (sporta), въ которой итальянскіе рабочіе переносятъ на спинѣ землю, удобреніе, растенія, мусоръ, кирпичи и проч., захватилъ небольшую лопатку съ желѣзомъ, загнутымъ подъ угломъ къ рукояткѣ, и побрелъ къ тому пункту дороги, на которомъ нѣсколько минутъ простояли великолѣпныя лошади. Онъ проворно, даже не нагибаясь, перекидалъ лопаткой въ корзину то, что̀ оставлено было конями на дорогѣ. Вернувшись въ огородъ, мальчикъ сбросилъ добычу въ общую перепрѣвавшую кучу назёма.

Это тщательное собираніе мальчиками отбросовъ на дорогахъ и улицахъ вы увидите во всей южной Италіи, даже въ городахъ. Скота на югѣ держатъ мало, за недостаткомъ пастбищъ; земля, между тѣмъ, требуетъ сдабриванія. Гдѣ же его взять, какъ не на улицахъ и на дорогахъ? Случается, что мальчишки, вооруженные спортами и лопатами, ссорятся и дерутся на дорогахъ изъ-за найденнаго „добра“, какъ изъ-за настоящаго золота.

VI.

Габріеле со всей своей семьей и хозяйственной обстановкой представляетъ характе́рный типъ южно-итальянскаго земледѣльца, который, однако, вблизи большихъ городовъ начинаетъ рѣдѣть, вслѣдствіе малоземелья, распаденія семей, усиленія поземельныхъ сборовъ, ренты и разныхъ соблазновъ. На Капри этому немало содѣйствуютъ соблазны легкой случайной наживы, вносимые туда иностранцами, число которыхъ, за послѣдніе годы, возрастаетъ. Кромѣ появляющихся ежедневно съ каждымъ пароходомъ туристовъ, на островѣ постоянно живутъ художники разныхъ націй и праздные люди. Капріоты охотно услуживаютъ имъ: въ качествѣ моделей, провожатыхъ, лодочниковъ, а то и просто пріятелей. Эти потомки древнихъ эллиновъ, несмотря на свою безграмотность, очень пріятны въ обращеніи, обладаютъ живымъ умомъ и какой-то атавистической граціозной благовоспитанностью. Иностранцы имъ хорошо платятъ за услуги, дарятъ ихъ, угощаютъ, обходятся съ ними привѣтливо. Естественно, что заработокъ около иностранца привлекательнѣе рыбной ловли во

всякую непогоду, привлекательнѣе земледѣльческой работы, — и, надо сознаться, часто прибыльнѣе.

Габріеле, какъ мы видѣли,—одинъ изъ самыхъ зажиточныхъ здѣсь крестьянъ. У него и участокъ земли довольно обширный; и семья большая работаетъ вкупѣ: онъ умѣетъ сдерживать порывы своихъ семейныхъ къ мало-симпатичной ему самому наживѣ съ иностранцевъ.

Только одинъ сынъ его, ранѣе остальныхъ побывавшій въ солдатахъ, отбился отъ семьи, служитъ въ Неаполѣ въ большой гостинницѣ и, подобно многимъ своимъ коллегамъ, мечтаетъ разбогатѣть скоропостижно, прельстивъ какую-нибудь денежную иностранку зрѣлаго возраста и женясь на ней.

Такихъ примѣровъ мы знаемъ немало. Вообще,—мы говоримъ не объ однихъ капріотахъ, а о земледѣльцахъ южной Италіи, ведущихъ интенсивное хозяйство,—мужики, не измѣнившіе землѣ, обставлены около своего непосредственнаго хозяйства, повидимому, болѣе или менѣе благопріятно, какъ и Габріеле.

Не слѣдуетъ, однако, полагать, что дары Божіи (bontà di Dio) достаются легко и обезпечиваютъ существованіе семьи. Хозяйство Габріеле — и ему подобныхъ — требуетъ непрестаннаго, упорнаго и внимательнаго труда [1]), доходъ же съ него—далеко не обезпеченный. Всѣ эти деревья, особенно же agrumi [2]), масличныя деревья, виноградная лоза и проч., требуютъ очень внимательной неустанной холи: подрѣзки, подчистки, разнаго удобренія и перекапыванія земли, часто—и умѣлаго леченія: на нихъ нападаютъ разные враги и болѣзни, особенно на виноградъ.

Каждую ладонь земли между деревьями и лозой утилизируютъ для овощей, сажаютъ картофель, бобы, фасоль, горохъ, капусту (которую, къ слову сказать, южные итальянцы зовутъ *капуча*), броколи (родъ капусты), томаты. Если участокъ просторенъ, сѣютъ иногда кормовыя растенія, кукурузу, иногда и пшеницу; какъ только уберутъ одно, спѣшатъ сѣять или садить другое. При благопріятномъ климатѣ и хорошемъ удобреніи, работа и сборъ чередуются круглый годъ безъ перерыва. Изъ такого клочка земли, *если* хозяинъ и его домашніе заботливы, *если* холодная весна не загубитъ цвѣта, *если* филоксера не уничтожитъ завязей винограда, *если* чрезмѣрная лѣтняя засуха не навредитъ, *если* градъ (здѣсь не рѣдкость) не обобьетъ цвѣта или плодовъ, *если* весной и осенью горные ручьи не размоютъ воздѣланной земли,

[1]) Главнымъ образомъ, воздѣлываніе виноградниковъ, плодовыхъ садовъ, огородовъ.

[2]) *Agrumi*—общее названіе для апельсинныхъ и лимонныхъ (всѣхъ разновидностей) деревьевъ.

если не случится въ семьѣ болѣзней, вызывающихъ перерывъ работы (видите, сколько *если!*), то семья получаетъ большую часть необходимаго для ея ближайшаго обихода и для пищи. Однако, кромѣ мяса и хлѣба.

Впрочемъ, мяса крестьяне почти никогда не ѣдятъ, кромѣ большихъ праздниковъ [1]). На Капри мы встрѣчали такихъ, которые никогда не отвѣдали даже жареной козлятинки. А между тѣмъ, стада козъ, карабкающихся по утесамъ, усиливающія идиллически-классическій колоритъ острова, здѣсь вовсе не рѣдкость. Только козлята, большею частью, увозятся на континентъ. Козье же молоко идетъ на очень плохой сыръ; муку, pasta (буквально, „тѣсто“,—такъ называютъ макароны и всѣ ихъ видоизмѣненія, составляющія необходимую, хотя и не постоянную,—какъ обыкновенно воображаютъ иностранцы,—увы,—принадлежность трапезы простонародья) и одежду надо покупать. Для этого надо наработать денегъ. Живущіе около Неаполитанскаго залива (и вообще около морскихъ береговъ, т.-е. почти треть населенія Италіи) рыбачатъ. Лодка и нѣкоторыя рыболовныя снасти—едва ли не единственная собственность, которою, напр., капріотъ, и то не всякій, можетъ похвалиться. Море—его исконный, постоянный, хотя грозно капризный кормилецъ. Только и тутъ, какъ около земли, нуженъ непрестанный трудъ. Часто, ночью, вы видите около острова, какъ звѣздочки, мелькающіе въ морѣ огоньки. Это рыбаки ловятъ на лучъ—frutti di mare [2]) рыбъ, идущихъ на свѣтъ или спящихъ вблизи береговъ. Днемъ они ловятъ рыбу сѣтями, которыя принадлежатъ иногда нѣсколькимъ семействамъ. Такія сѣти и *тонара*—единственные, хотя слабые, слѣды артельнаго начала въ южной Италіи. „Тонара“—ловъ рыбы тунъ, тунецъ (по итальянски, тунно, tonno, во Франціи ее зовутъ „ton“). Привозимое туда большею частью съ итальянскихъ береговъ, мясо туна—заготовляется какъ сардинки, которыя тоже въ изобиліи попадаются въ Неаполитанскомъ заливѣ и продаются въ Европѣ за французскія. Тунно—рыба большая, длиною съ добраго осетра; она очень сильна. Мясо плотно, питательно, по вкусу нѣчто среднее между свининой, говядиной и коренной рыбой. Въ извѣстное время года, въ періодъ метанія икры, тунецъ подходитъ къ берегамъ стаями. Для ловли его складываются нѣсколько семействъ, причемъ не обходится безъ содѣйствія ка-

[1]) Наиболѣе зажиточныя и многочленныя семьи выкармливаютъ одну свинью въ годъ и большую часть ея продаютъ. Но и то, что себѣ оставляютъ, служитъ подспорьемъ, особенно къ большимъ праздникамъ.

[2]) *Морскіе плоды*, т.-е., разныхъ съѣдобныхъ морскихъ моллюсокъ.

кого-нибудь ростовщика или мелкаго капиталиста, который, разумѣется, беретъ себѣ львиную долю барышей.

Тонара работаетъ такъ: нѣсколько большихъ лодокъ становятся на якорь, въ бухточкахъ наиболѣе излюбленныхъ туномъ. Между лодками располагаются вертикально подъ водой до самаго дна спеціально приспособленныя сѣти. Въ совокупности онѣ представляютъ обширную западню. Вся система лодокъ и сѣтей стоитъ на одномъ мѣстѣ на якоряхъ по нѣскольку недѣль въ году.

Рыбаки сторожатъ на объѣзжихъ лодкахъ, по очереди; загоняютъ въ ловушку приближающіяся стаи рыбы. Когда туновъ загонятъ къ глухому узкому концу, то движеньемъ сѣтей приводится въ сотрясеніе колоколъ на одной изъ лодокъ. Сторожевой сзываетъ товарищей для извлеченія добычи,—съ ней бываетъ трудненько справиться. Мощныя рыбы пытаются вырваться, бьются, изъ западни вода вспѣнивается какъ мыло. Лодки и люди приходятъ въ такое движеніе, что иногда не обходится безъ несчастій.

Дичи на Капри (какъ и вообще на югѣ Апеннинскаго полуострова) совсѣмъ нѣтъ. Но, однако, во время весенняго и осенняго перелета птицъ, на островъ садятся отдыхать цѣлыя тучи дикихъ голубей и перепелокъ. Ихъ стрѣляютъ или заманиваютъ въ сѣти. Перепелокъ и въ большомъ количествѣ ловятъ довольно варварски. Припасаютъ отъ перелета прошлаго года нѣсколько птичекъ и выкалываютъ имъ глаза, чтобы онѣ энергичнѣе пѣли свое „квак-ква-ра“ днемъ и ночью. Клѣточки съ этими бѣдными слѣпцами ставятъ обыкновенно около разостланныхъ по землѣ сѣтей. Кругомъ же сѣти освѣщаютъ факелами. Перелетныя стаи спускаются на пѣсню своихъ плѣнныхъ собратій и на свѣтъ. Усталыя птицы почти падаютъ на землю, запутываются лапками въ сѣти. Ихъ просто собираютъ руками, какъ грибы.

Всѣ указанные нами источники дохода, въ совокупности съ трудолюбіемъ туземцевъ, казалось, могли бы доставить имъ довольство. Но, въ большинствѣ случаевъ, это не такъ. Во-первыхъ, за наемъ земли приходится платить очень дорого. Поземельные, государственные и мѣстные (по нашему, земскіе) сборы высоки и быстро возрастаютъ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, они доходили уже до обременительной цифры 30% съ чистаго дохода; а теперь приближаются къ 40%.

Для рыбной ловли, особенно тонаръ, не обходится безъ тяжелаго кредитованія, подъ видомъ артели, во главѣ которой являются мѣстные Разуваевы.

Продажа въ большихъ городахъ (для Капри въ Неаполѣ) какихъ бы то ни было продуктовъ земледѣлія, хозяйства, рыбной ловли, охоты, ведется по преимуществу черезъ кулаковъ-посредниковъ. Иначе рабочему человѣку пришлось бы тратить по мелочамъ много времени на поѣздку въ города. Да и кромѣ того, во всѣхъ городахъ и большихъ селахъ Италіи, существуетъ крупный сборъ (dazio consumo) со всѣхъ ввозимыхъ съѣстныхъ припасовъ и фуража. Сборъ этотъ надо уплачивать на городской таможенной заставѣ, за привезенные на продажу предметы. Между тѣмъ, рѣдкій земледѣлецъ или рыбакъ располагаетъ на то грошами. Надо замѣтить, что въ южной Италіи существуетъ много городовъ и городковъ, населенныхъ по преимуществу земледѣльческими семействами. Участки земли, ими арендуемой и обрабатываемой, лежатъ внѣ города, какъ и пастбища. Всѣ продукты съ этихъ участковъ—хлѣбъ въ мукѣ или зернѣ (и даже печеный вѣсомъ свыше фунта), сѣно, солома, овощи, фрукты, оливковое масло, ввозимые и вносимые въ городокъ, не только на продажу, но и для прокормленія данной земледѣльческой семьи, молочнаго и ея рабочаго скота (отруби, сѣно, солома), оплачивается стѣснительнымъ (и по размѣрамъ, и по способу взиманія) для населенія сборомъ. Козы и коровы обыкновенно пасутся на пастбищахъ. Но когда онѣ къ ночи пригоняются въ городъ,—возвращаются, конечно, съ полными молокомъ выменами. И съ этого молока тоже взимается сборъ на таможенной заставѣ, причемъ размѣръ сбора опредѣляется по количеству молока въ выменахъ, наощупь и на глазъ таможеннаго стража. За право труда и сбыта своихъ продуктовъ итальянскому земледѣльцу приходится платить на каждомъ шагу.

VII.

До семейной трапезы оставалось часа полтора, но хозяева не отпустили насъ безъ угощенья. Столъ въ саду былъ наскоро накрытъ свѣжей грубой скатертью домашняго тканья; были поданы: жареный козленокъ съ саладомъ,—традиціонное пасхальное блюдо южнаго итальянца; миска вкусныхъ горячихъ галушекъ (кьокки), которыя здѣсь называютъ strangolaprete [1]) съ творогомъ и свинымъ саломъ; домашняя жестковатая колбаса; кольцеобразный куличъ, въ верхнюю корку котораго запечены

[1]) Strangola—подавиться, prete—попъ.

яйца. Потомъ винныя ягоды, слегка подпеченныя и немножко начиненныя искрошеннымъ миндалемъ и померанцевой коркой; апельсины, въ это время года уже черезчуръ спѣлые; запеченный же, въ сверточкахъ изъ виноградныхъ листьевъ, ароматный изюмъ и кое-какія деревенскія лепешки (pizza). Все это—домашнее и доморощенное, приправленное ласковымъ радушіемъ хозяевъ, которые, впрочемъ, за столъ не садились и только пригубили немного своего знаменитаго еще съ древности вина Капри [1]).

Конечно, такой обѣдъ—великопраздничный; а козленокъ на крестьянскомъ столѣ даже и въ Пасху не во всякой семьѣ появляется. Долгинцевъ правъ: капріоты (впрочемъ, какъ и вообще южно-итальянскіе рабочіе) обыкновенно питаются хлѣбомъ съ саладомъ да вареными сезонными овощами, изъ своего огорода, часто подъ любимой красной приправой доморощенныхъ же помидоровъ. Радушіе нашихъ хозяевъ было искренно; ни теперь, ни послѣ, они не приняли бы отъ насъ денегъ, хотя не отказались бы впослѣдствіи отъ какого-либо дружескаго съ нашей стороны подарка на память (un ricordo) и, вѣроятно, питали смутную надежду его получить.

Ласковое же, вѣжливое обращеніе эти люди цѣнятъ дороже всего,—особенно вдали отъ туристскихъ центровъ, къ которымъ принадлежитъ и Капри. На Капри Габріеле нынѣче составляетъ исключеніе. Но, напримѣръ, въ Сициліи и Калабріи гостепріимство сельскаго простонародья своею безсребренностью поражаетъ иностранца, привыкшаго въ Неаполѣ, Римѣ, Тосканѣ, чтобы его на каждомъ шагу обирали.

Когда мы, закусивъ и расхваливъ угощенье, къ великому удовольствію хозяевъ, собирались удалиться, Долгинцевъ обратилъ мое вниманіе на дорогу, которая проходила мимо обители Габріеле. Оживленіе, видѣнное нами утромъ,—игры, пѣсни, музыка, праздничное гулянье и говоръ,—усилились. Въ настоящую же минуту, въ легкомъ облакѣ пыли, медленно двигалась изрядная кучка народа, по преимуществу женщинъ и ребятишекъ. Надъ срединой толпы торчали, слегка покачиваясь, два ослиныхъ уха, а надъ ними темнѣла безволосая круглая, бурая отъ загара и неопрятности, лысая человѣческая голова.

Мы вглядѣлись. Окруженный толпой, по дорогѣ двигался мѣрнымъ твердымъ шагомъ сѣренькій осликъ; черезъ спину его, съ обоихъ боковъ, почти касаясь земли, висѣли вмѣстительные па-

[1]) Вино Капри, которое вездѣ въ Европѣ продается довольно дорого подъ этимъ наименованіемъ, приготовляется только на этомъ островѣ, въ такомъ ограниченномъ количествѣ, что въ продажу попадаетъ чуть не сплошь поддѣльное.

русинные мѣшки, чѣмъ-то изрядно наполненные. Между мѣшками, бочкомъ, по-дамски, сидѣлъ пожилой frate [1]), въ грубой, неопрятной суконной рясѣ, съ мѣшкообразнымъ капюшономъ за спиной. Опоясанъ онъ былъ толстой веревкой съ узлами на концахъ. Этими узлами католическіе монахи, по монастырскому уставу, обязаны (но исполняютъ ли обязанность—неизвѣстно) сами себя бичевать въ часы молитвеннаго покаянія. Къ поясу сбоку были подвѣшены длинныя, крупныя, черныя обшарпанныя чётки. Круглое, маслянистое лицо, такое же буро-неопрятное, какъ ряса; лысый—тоже бурый—черепъ обнаженъ и лоснится на солнцѣ; на босыхъ ногахъ—сандаліи съ толстыми деревянными подошвами. Маленькіе, не злые, но плутоватые глаза и полныя, сластолюбивыя губы улыбались.

Люди, окружавшіе его, наперебой болтали съ фрате, протягивали къ нему руки; иногда что-то ему давали, вѣроятно—мѣдныя монетки. Нѣкоторымъ онъ самъ что-то совалъ въ руки.

Когда фрате подъѣхалъ къ калиткѣ Габріеле, семейные и гости окружили его. Съ ихъ помощью, онъ сползъ съ ослика, причемъ весьма откровенно обнаружилось отсутствіе нижняго бѣлья.

Встрѣтили его не только почтительно, но заискивающе, особенно женщины,—словно отъ него чего-то ждали или его боялись.

Онъ не препятствовалъ желающимъ цѣловать его немытыя руки; лазалъ поминутно этими руками въ безконечной глубины карманы рясы; извлекалъ оттуда пряники, крендельки и давалъ ихъ дѣтямъ, дѣвицамъ и бабамъ; онъ вручалъ помятыя грубыя картинки съ изображеніемъ католическихъ святыхъ. А клочокъ грязной бумаги съ неумѣло нацарапанными карандашомъ цифрами [2]) подалъ Габріеле. И все время сладко и тупо улыбался. Габріеле усадилъ фрате на скамью въ виноградникѣ, поднесъ ему большую глиняную, съ цвѣтными разводами, двумя рукоятками и четырьмя рыльцами, кружку вина; хозяйка пригласила остаться обѣдать съ ними. Микеле объяснилъ, что ему некогда ждать, надо за сборомъ дальше ѣхать. Однако, поѣлъ все, что̀ около него наставили наскоро, и поѣлъ съ аппетитомъ, хотя это была далеко не первая его трапеза. За это утро онъ объѣзжалъ на Пасхѣ околотокъ, какъ русскіе священники свой приходъ, хотя

---

[1]) Монахъ, хотя только по одѣянію.

[2]) Предполагаемо-счастливые нумера еженедѣльной государственной лотереи, въ которую играютъ всѣ итальянцы; ибо выигрыши—денежные и крупные, а ставки—грошевыя.

никакихъ оффиціальныхъ на то правъ не имѣлъ [1]). Покуда онъ ѣлъ, чавкая, засаливая лицо и руки, хозяйка съ дочерью запихивали въ его мѣшки дары отъ своего хозяйства, овощи, плоды, колбасы, бычачьи пузыри со свинымъ саломъ, большой хлѣбъ, брюхастую плетенку съ виномъ...

Фра Микеле однимъ глазомъ наблюдалъ за этой пріятной операціей, другимъ улыбался, перекидываясь шутками, новостями съ окружавшими его лицами.

Насъ почти забыли. Мы бесѣдовали со вторымъ женатымъ сыномъ хозяина—Чичіо, который почему-то даже не подошелъ поздороваться къ фра Микеле, а продолжалъ сидѣть въ отдаленіи, покуривая трубку и играя со своимъ малюткой.

Звуки праздничнаго оживленія задорно доносились съ улицы и вдругъ сосредоточенно грянули у самой калитки. Гармоника, флейта, тамбуринъ, мандолина, что-то вродѣ скрипки, пѣніе нѣсколькихъ голосовъ. Веселая компанія молодежи ворвалась въ виноградникъ.

Поднялся шумъ, восклицанія, крупныя словечки, ругательства, которыя и здѣсь, какъ на Руси, играютъ часто роль привѣта. Смѣхъ и шутки смѣшались съ музыкой и пѣсней. Дженарино уже плясалъ. Его танецъ былъ элементаренъ. Какъ наши вологодскіе или новогородскіе мужики, когда они подопьютъ на праздникѣ, Дженарино, хмѣлѣвшій отъ южной весны и стихійной жизнерадостности, толокся на мѣстѣ быстро, тщательно перебирая ногами, выкидывая носками очень сложныя „па“, которыми самъ любовался, и хотѣлъ, чтобы любовались другіе. Окружающіе же, опять какъ у насъ, внимательно и серьезно наблюдали за его юркими ногами.

Замужняя дочь Габріеле увлекла въ плясъ свою сестру-невѣсту. Обѣ хорошенькія женщины, въ тактъ съ гулкими ударами тамбурина, двигались граціозно, легко; кружились, сплетались, расплетались, все болѣе и болѣе оживляясь. Такъ, вѣроятно, танцовали нимфы Калипсо предъ Улиссомъ.

Это была знаменитая тарантелла [2]).

Иностранцы нарочно пріѣзжаютъ на Капри и въ Сорренто, чтобы видѣть этотъ танецъ, и за деньги, иногда немаловажныя,

---

[1]) Настоящіе приходскіе священники около Свѣтлаго Христова Воскресенья ходятъ, какъ и у насъ, съ крестомъ, и принимаютъ за это мѣдныя или серебряныя монетки въ каждомъ домѣ, но почти никогда не принимаютъ угощенья.

[2]) Кстати: многіе полагаютъ, что слово „тарантелла“ происходитъ отъ ядовитаго гада „тарантула“. Между тѣмъ, оно означаетъ „тарентскій“—отъ города Таренто, на Адріатическомъ морѣ, который считается родиной пляски тарантелла.

видятъ дѣйствительно пляску, влюбляются въ нее и въ женщинъ. Я зналъ одного пожилого англичанина, который, буквально, съ ума сошелъ отъ тарантеллы. Два раза онъ убѣгалъ на Капри изъ-подъ надзора сидѣлокъ, сторожившихъ его въ Неаполѣ. А все-таки настоящую тарантеллу, какъ и настоящее вино Капри, трудно достать за деньги.

Фра Микеле впился своими заискрившимися черными глазами въ пляшущихъ женщинъ. Онъ поднялся со стула; страстныя толстыя губы полураскрылись. Его тучное тѣло трепетало подъ толстой рясой, и лицо уже не горѣло, а пылало. Онъ напоминалъ ожирѣвшаго сатира, подгулявшаго Силена, облекшагося въ рясу католическаго капуцина. Онъ самъ, можетъ быть, пустился бы въ плясъ, если бы не его тучность, а главное, никогда не покидавшая его мысль о возможно обильномъ сборѣ благъ земныхъ...

Около насъ съ Долгинцевымъ Франческо подбрасывалъ руками своего малютку, тоже увлекшагося музыкой: разинувъ розовый ротикъ съ мелкими бѣлыми зубенками, онъ громко смѣялся и прыгалъ на колѣняхъ отца.

И самъ Франческо, казалось, увлекся. Но вдругъ онъ порывисто сталъ цѣловать сына, почти злобно проворчавъ:

— Не отдамъ, не отдамъ я тебя никому!

Онъ покосился въ сторону фра Микеле.

— Кому ты не отдашь сына?—спросилъ я.

— Никому, никому!—сердито отозвался онъ.— Мало развѣ мошенниковъ, что нашихъ дѣтей торгуютъ!.. Богачей на свѣтѣ много; своихъ дѣтей не народили, денегъ имъ некуда дѣвать, такъ они нашихъ покупаютъ; соблазняютъ, этихъ вотъ подсылаютъ,—онъ мотнулъ головой по направленію къ Микеле. Да я не отдамъ! Не отдамъ я! — повторялъ онъ, щекоча своими крупными рабочими пальцами нѣжную грудку Пасквалино, который заливался смѣхомъ, откидывая назадъ головку.

— Вѣдь людей нынче не продаютъ, Чичіо. Такого закона нѣтъ,—замѣтилъ я.

— Закона, можетъ, и нѣтъ. Мало ли какихъ нѣтъ законовъ. А все-таки продаютъ. А нашъ братъ тоже... У кого семья большая, а ѣсть мало, а иной отъ лѣни, либо отъ жадности къ деньгамъ—продаетъ. Дадутъ ему тамъ сколько, пообѣщаютъ, что дѣтище выростятъ,—онъ свою кровь-плоть спихнетъ съ хлѣба долой. А не думаетъ о томъ, что съ его сыномъ станетъ.

Я, дѣйствительно, зналъ объ этой постыдной продажѣ дѣтей отъ небрежности, голода и бѣдности въ Италіи. Я самъ видѣлъ

и лично знавалъ въ Англіи и во Франціи этихъ купленныхъ въ римской Кампаньѣ или Калабріи дѣтей. Продажу преслѣдуютъ, конечно, законы и власти, но весьма неуспѣшно. Значительная часть этихъ несчастныхъ въ 7—12 лѣтъ—уличные пѣвцы, кафе-шантанные акробаты. За послѣдніе годы дѣтей покупаютъ для французскихъ стеклянныхъ заводовъ, гдѣ ихъ заставляютъ работать черезъ силу при вредной гигіенической обстановкѣ. Обыкновенно, эти дѣти страдаютъ, чахнутъ и рано умираютъ.

Недавно въ Неаполѣ образовалось особое общество, цѣль котораго—бороться съ этимъ зломъ. У общества есть связи, средства; оно имѣетъ развѣтвленія въ другихъ городахъ, но покуда мало помогаетъ искорененію зла.

Жена Габріеле присоединилась къ нашему разговору; привела два-три случая очень выгодныхъ продажъ, присовокупивъ:

— Вѣдь надо знать, кому продавать. Извѣстно, коли комедіантамъ да нищимъ, такъ это, конечно, грѣхъ. А вотъ, знаете...

И старуха разсказала, какъ ребенокъ изъ бѣднаго семейства рабочихъ былъ взятъ богатыми людьми и самъ теперь бариномъ сталъ. У него и вилла въ Нòчера, и домъ въ Неаполѣ; и женился онъ на богатой англичанкѣ.

Франческо слушалъ, качалъ головой, съ сердитой укоризной поглядѣвъ на мать, и опять страстно зацѣловалъ своего ребенка, приговаривая:

— Не бойся, Пашка [1]), не возьмутъ тебя отъ *баббо* (батько).

На этотъ разъ старуха-мать покачала головой.

— Все бариномъ-то лучше быть,—робко бормотала она.— Дадутъ тебѣ три тысячи франковъ (болѣе тысячи рублей)... Обѣщали вѣдь.

— Не говори, не говори ты мнѣ этого, мама!—запальчиво сверкая глазами, едва сдерживая охватившій его гнѣвъ, почти крикнулъ Франческо.

Старуха отошла и присоединилась къ группѣ семейныхъ, окружавшихъ фра Микеле. Чичіо грозно поглядывалъ въ ту же сторону. Но фрате, отягченный ѣдой и виномъ, пріятно разслабленный кружившейся около него тарантеллой, не замѣчалъ взгляда. Блаженно улыбаясь, онъ сладострастно поводилъ маленькими лукавыми глазками на окружавшихъ его женщинъ и ребятишекъ. Иногда украдкой косился въ сторону своихъ обширныхъ мѣшковъ.

Съ нимъ теперь шутили, заигрывали, ласкали его, погла-

[1]) Ласкательное имя Пасквале.

живая по красно-бронзовому черепу и по двойному подбородку, спадавшему на воротъ разстегнувшейся рясы.

Шутили, но, однако, какъ будто побаивались его. Когда же его черный смѣющійся взглядъ случайно упалъ на Франческо и остановился на ребенкѣ, котораго держалъ отецъ, то послѣдній повернулся такъ, чтобы скрыть малютку отъ глазъ волхва, и, сложивъ пальцы правой руки рожками (пригнувъ къ ладони большой, средній и безыменный пальцы), обратилъ въ сторону монаха указательный и мизинецъ. По жирному лицу Силена, подмѣтившаго этотъ жестъ, пробѣжала боязливо-смущенная улыбка. Онъ торопливо сталъ прощаться съ хозяевами.

Этотъ знакъ рукой—одно изъ весьма часто употребляемыхъ итальянцами средствъ противъ ietатуры (jettatura—черный глазъ, злое колдовство), особенно при встрѣчахъ съ фрате и патерами. Имъ оказываютъ вообще уваженіе, но часто за ними ухаживаютъ изъ боязни, признавая за ними „силу портить крещеныхъ“. Я знаю многихъ интеллигентныхъ римлянъ, которые на самые ласковые привѣты и пожеланія носящихъ рясу лицъ отвѣчаютъ только: „e a Lei pure“ (и вамъ того же желаю). Они мнѣ объясняли такъ: „Кто знаетъ, какія хитрыя пожелательныя заклинанія облечены въ привѣтливыя слова патера,—а если я скажу: „и вамъ желаю того же“, то коварныя пожеланія его обратятся на него же самого“.

VIII.

Возвращаясь съ Долгинцевымъ домой, намъ случилось проходить мимо Крупповскаго грота „Фра-Феличе“. Надъ входомъ ея было начертано: „Parva Domus Magna Quies“. И въ насъ усилилось непріятное чувство, пробужденное появленіемъ у Габріеле фрате Микеле,—этого зловреднаго и, къ сожалѣнію, слишкомъ до сихъ поръ распространеннаго въ Италіи типа, исходящаго по прямой линіи отъ средневѣковыхъ „Фра-Феличе и компанія“, память которыхъ вздумалось своеобразно возвеличить Круппу и разноплеменнымъ художникамъ основаннаго имъ клуба.

Преданіе гласитъ, что въ концѣ среднихъ вѣковъ эта пещера служила уединенной кельей картезіанскому монаху, по имени Феличе. Весьма возможно, что, подобно современнымъ намъ его собратіямъ по ордену, онъ изготовлялъ уже тотъ чудесный ликеръ шартрёзъ, за доходы съ фабрикаціи котораго доселѣ такъ упрямо борются картезіанцы Франціи.

Фра-Феличе — одинъ изъ любимѣйшихъ въ южной Италіи легендарныхъ типовъ. Онъ, какъ и современный Микеле,—пред-

ставитель христіанства, въ его элементарно-суевѣрной формѣ, и, въ то же время, практически,—языческій волхвъ.

Язычество никогда не умирало въ сферахъ католицизма, который, именемъ своихъ представителей, заранѣе прощаетъ всяческіе грѣхи и поддерживаетъ стремленіе къ самымъ экстраординарнымъ наслажденіямъ. Геніальный альтруизмъ Франциска Ассизскаго гораздо менѣе популяренъ, чѣмъ невѣжественный эпикуреизмъ, нравственная разнузданность, волчьи инстинкты, прикрываемые, какъ овечьей шкурой, рясой и папскими индульгенціями разныхъ фрате, полуразбойниковъ, полусвятыхъ и даже прямо святыхъ католической церкви.

Фра-Феличе былъ отшельникъ, духовный пастырь, колдунъ. Онъ питался очень сладко обильными подаяніями, не любилъ себѣ отказывать въ житейскихъ наслажденіяхъ. Это былъ весельчакъ, bon vivant и даже храбрый воинъ: онъ помогалъ капріотамъ отбиваться отъ нападавшихъ въ тѣ времена нерѣдко на Италію съ моря [1]) сарациновъ. Таково народное преданіе, которое современные художники разныхъ націй, проживавшіе на островѣ, по иниціативѣ Ф. А. Круппа, попытались нынѣче увѣковѣчить.

Въ гротѣ Фра-Феличе теперь возстановлена—правда, нѣсколько фантастично и каррикатурно—средневѣковая обстановка его легендарной кельи. Ей приданъ отчасти характеръ лабораторіи ученаго алхимика. Меблировка строго-монашеская: простые деревянные столъ, стулья съ высокими прямыми готическими спинками; въ углу—жесткое отшельническое ложе. На столѣ и полкахъ—пергаментные свитки, искусно поддѣланные подъ глубокую старину; человѣческій черепъ, нѣсколько скелетовъ и чучелъ животныхъ, огромная бутыль съ водой. Въ углу—массивная алебарда, которою онъ сражался съ сарацинами, и „семейный" грубый зонтикъ. Конечно, зонтикъ—анахронизмъ, однако характерная принадлежность нынѣшнихъ фрате. Тутъ же—анахроническая, но очень дорогая и хорошая подзорная труба, при посредствѣ которой отшельникъ будто бы слѣдилъ за приближающимися къ острову врагами. Этимъ инструментомъ теперь пользуются современные посѣтители пещеры. Еще колоколъ, которымъ Феличе призывалъ окрестное населеніе къ защитѣ родного острова (при Круппѣ колоколъ созывалъ членовъ клуба къ утонченнымъ пиршествамъ), и другія занимательныя, художественно

[1]) Островъ Капри по своему положенію—стражъ обширнаго Неаполитанскаго залива; онъ вытянулся вдоль входа туда.

поддѣланныя, реликвіи. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ какой-то цистернѣ найдена мраморная голова античной работы: лысая, съ веселой рожей, которую почему-то капріоты единодушно признали за бюстъ своего легендарнаго любимца. Эта голова красуется нынѣче на почетномъ мѣстѣ въ гротѣ.

Надъ скромной иноческой кроватью виситъ большая картина, подражаніе извѣстному произведенію Морелли [1])—„Искушеніе св. Антонія". Только тутъ, вмѣсто св. Антонія (который—на подлинникѣ—съ ужасомъ взираетъ на появляющіяся около него со всѣхъ сторонъ роскошныя женскія головы и тѣла), изображенъ самъ Фрате Феличе, съ вожделѣніемъ таращащій глаза на вкусныя разнообразныя яства и питія, тоже словно вырастающія изъ-подъ земли и изъ утесистыхъ стѣнъ. Впрочемъ, въ ознаменованіе того, что личность знаменитаго отшельника туго поддается точнымъ изслѣдованіямъ современниковъ, около грота Круппъ воздвигъ ему монументъ. На пьедесталѣ предполагалось поставить мраморную голову, которая и съ затылка, и съ лица покрыта монашескими капюшонами; а между ними только сверху выглядываетъ таинственно голый черепъ.

Пещерная келья, какъ мы сказали,—центръ основаннаго Круппомъ клуба „Фрате Феличе"; большая часть членовъ его—ближайшіе друзья, основатели и кавалеры ордена „пушечнаго короля". Круппъ предоставлялъ имъ распоряжаться усовершенствованіемъ украшеній пещеры, сада, комфортабельными приспособленіями для потребностей клуба, охотничьихъ угодій, при помощи его кармана. Онъ провелъ на свой счетъ дорогу къ владѣніямъ клуба, весьма полезную и для сосѣдняго населенія. Въ эти владѣнія допускались, въ опредѣленные дни и часы, простые смертные, туристы и мѣстные жители.

Около грота было предположено устроить нѣчто вродѣ библіотеки, въ которой должно было собрать все, что когда-либо писалось и печаталось объ островѣ Капри. Знаменитые же очерки историка Грегоровіуса въ нѣсколькихъ экземплярахъ были разложены въ кельѣ Феличе. Но, за смертью Круппа [2]), и библіотека, и монументъ остались незаконченными.

---

[1]) Недавно скончавшійся итальянскій живописецъ-импрессіонистъ, глава современной южно-итальянской школы.

[2]) Круппъ умеръ (или, какъ полагаютъ нѣкоторые, отравился) въ концѣ 1902 г.

IX.

Фра Микеле и его современные собраты — суть преемники и продолжатели многочисленныхъ, болѣе или менѣе историческихъ Фра-Феличе, Санто-Кваранта, Фра-Діаволо и проч. О первомъ мы уже говорили.

Санто-Кваранта — уже продуктъ послѣ-средневѣковый. Въ горахъ, около Салернскаго залива, близъ городка Кава деи-Тирренни, существуетъ церковь во имя этого святого. Большую часть своей жизни сей католическій угодникъ провелъ, разбойничая. Его подвиги, кровавые и наглые, устрашали населеніе и доставляли ему популярность. Это былъ одинъ изъ тѣхъ блестящихъ маснадьеровъ, которые повторяются и нынѣче. Народъ задыхался подъ феодальнымъ игомъ, а маснадьеры, вышедшіе изъ того же народа, наводили страхъ на самихъ феодальныхъ бароновъ, и сами безнаказанно властвовали въ горахъ. Итальянскій разбойникъ всегда набоженъ; онъ носитъ на груди множество образковъ, по нѣскольку разъ въ годъ исповѣдуется. Когда Санто-Кваранта достигъ уже преклонныхъ лѣтъ, то одинъ благочестивый священникъ, которому онъ съ обычнымъ формализмомъ повѣрялъ свои грѣхи во время великаго поста, сумѣлъ подѣйствовать на воображеніе бандита до такой степени, что тому захотѣлось перемѣнить свой образъ жизни, дабы прочно обезпечить за собой право на царствіе небесное. Духовникъ, между прочимъ, совѣтовалъ ему посвящать по цѣлому дню каждаго великаго поста для отмаливанія каждаго совершоннаго имъ убійства. Это улыбалось фрате-разбойнику. Но такъ какъ въ католическомъ великомъ посту сорокъ дней, а имъ было загублено нѣсколько менѣе христіанскихъ душъ, то, для круглаго счета, онъ на скорую руку отправилъ на тотъ свѣтъ еще нѣсколькихъ человѣкъ, и когда вышло ровно сорокъ, надѣлъ рясу и зажилъ благочестивымъ отшельникомъ. Онъ пожертвовалъ все, что̀ награбилъ раньше, на благочестивыя дѣла, на церковь и, по преданію, провелъ старость столь добродѣтельно, что послѣ кончины былъ канонизированъ, т.-е. провозглашенъ „святымъ сорока“ (Santo Quaranta).

Фра-Діаволо (извѣстный всей Европѣ, благодаря оперѣ Обера) жилъ гораздо позднѣе Санто-Кваранта;—въ концѣ XVIII вѣка, въ періодъ французской революціи. Онъ былъ настоящій монахъ первоначально, потомъ обратился въ разбойника-рыцаря (маснадьера) и наконецъ активно вмѣшался въ политику, когда вліяніе переворотовъ, совершившихся во Франціи, отразилось въ Италіи.

Бурбонскій король былъ тогда изгнанъ изъ Неаполя, Неаполитанское королевство объявлено Партенопейской республикой. Римскій папа, чрезъ посредство кардинала Руффо (неаполитанскаго аристократа), кликнулъ кличъ, и между прочимъ обратился къ вліятельнѣйшимъ среди населенія маснадьерамъ, изъ которыхъ многіе прежде были монахами. Фра-Діаволо, уже и тогда популярный, отозвался одинъ изъ первыхъ. Онъ оказалъ большія услуги бурбонской реставраціи. Войско, руководимое кардиналомъ Руффо, совершало чудовищныя насилія во всей странѣ. Пурпуроносный прелатъ, представитель римскаго первосвященника, разъѣзжалъ верхомъ, съ крестомъ въ рукѣ, благословлялъ — буквально, въ моментъ ихъ совершенія — грабежи, поджоги, убійства, истязанія женщинъ и дѣтей. И наконецъ, сопровождаемый Фра-Діаволо и ему подобными, торжественно водворилъ въ Неаполѣ Бурбоновъ. Существованіе и превращеніе этихъ фратe въ прошломъ, — какъ выдающихся личностей, такъ и ничтожествъ, — конечно, обусловливались обстоятельствами времени. Повѣствованіе о нихъ завело бы насъ слишкомъ далеко. Для насъ интересно то, что типъ фра-Микеле существуетъ доселѣ; что онъ очень распространенъ и чрезвычайно зловреденъ въ наше время. Конечно, монаховъ, обращающихся въ разбойниковъ, нынѣче очень мало. Однако, общее число мирныхъ тунеядцевъ этой категоріи едва ли теперь менѣе (а можетъ быть и болѣе), чѣмъ въ старину. Происходитъ это вотъ почему.

Закрытіе монастырей, сокращеніе числа приходовъ, упраздненіе многихъ церквей, продажа церковныхъ имуществъ, послѣ объединенія Италіи въ 1860—70 годахъ, выкинули, такъ сказать, въ обращеніе десятки тысячъ патеровъ, фратe, послушниковъ, семинаристовъ. Достойнѣйшіе изъ нихъ, наиболѣе просвѣщенные или наиболѣе ловкіе пріютились подъ сѣнью утвердившихся оффиціально духовныхъ властей. Многіе помирились со своей участью; снявъ рясу, занялись промысломъ или ремесломъ. Мы знавали и знаемъ извозчиковъ, мелкихъ лавочниковъ, столяровъ, огородниковъ, содержателей трактировъ, которые прежде были фратe и патеры. Большинство же, самое невѣжественное, лѣнивое и безнравственное, лишившееся легко добываемаго въ монастыряхъ куска хлѣба, озлобленное противъ новыхъ порядковъ и всякаго просвѣтительнаго теченія, хотя бы исходившаго изъ Ватикана, не снимая рясы, обратились въ фратe Микеле. Имъ было нетрудно такъ устроиться, благодаря самому закону, утвержденному парламентомъ объединенной Италіи, послѣ занятія Рима въ 1870 г. Братія упраздненныхъ монастырей была распущена

на всѣ четыре стороны, однако никому не возбранялось конституироваться въ новыя монашескія общежитія или конгрегаціи, при соблюденіи условій, указанныхъ новыми законами. Большая половина монастырскихъ владѣній и земель была вскорѣ продана государствомъ частнымъ лицамъ, большею частью спекуляторамъ, или отдана въ собственность мѣстныхъ общинъ и городовъ, въ надеждѣ, что послѣднія приспособятъ ихъ къ просвѣтительнымъ и общеэкономическимъ цѣлямъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ крупныхъ монастыряхъ старѣйшимъ монахамъ законъ разрѣшалъ доживать свой вѣкъ. Многія нераспроданныя зданія монастырей и хотя упраздненныя, но не уничтоженныя церкви были общинными и городскими управленіями, не умѣвшими ими воспользоваться для блага общественнаго, отданы подъ охрану или въ пользованіе разнымъ эксъ-монахамъ, которые въ нихъ и поселились. Лѣтъ черезъ десять-пятнадцать, т.-е. въ 1880—90-хъ годахъ, около этихъ остатковъ прошлаго стали свивать гнѣзда новыя, постепенно всходившія на старыхъ дрожжахъ, монашескія конгрегаціи.

Кромѣ того, возникло много новыхъ самостоятельныхъ, свободныхъ монашескихъ общежитій, допускаемыхъ закономъ. И къ тѣмъ, и къ другимъ по преимуществу примыкали худшіе изъ старыхъ элементовъ, а также и новая, наиболѣе невѣжественная, наилѣнивѣйшая часть низшихъ слоевъ населенія.

Всѣ члены этихъ учрежденій заботятся мало о соблюденіи евангельскихъ завѣтовъ, и много—о накопленіи сборовъ и благъ земныхъ. Они умѣютъ разными церковными праздниками и торжествами располагать къ себѣ массу населенія и высасывать изъ нея пожертвованія подъ видомъ Христовой милостыни для братствъ. Если они прямо не нарушаютъ требованій закона, то свѣтская власть не имѣетъ права ихъ контролировать. Да, кромѣ того, ближайшія свѣтскія власти (тѣмъ паче—полиція, сама болѣе или менѣе подкупленная—иногда нравственно) избѣгаютъ вмѣшательствомъ своимъ возбуждать неудовольствіе населенія, масса котораго на югѣ и теперь болѣе расположена къ капуцинамъ, францисканцамъ, доминиканцамъ и проч., чѣмъ къ полиціи, жандармамъ и преторамъ [1]). Духовное же начальство относится къ большинству такихъ конгрегацій очень критически. Генералы [2]) орденовъ, или ихъ представители, ревизуя новыя общежитія, часто открываютъ тамъ болѣе чѣмъ упущенія; изгоняютъ изъ нихъ не-

[1]) Полицейскій судья.

[2]) Во главѣ каждаго монашескаго католическаго ордена стоитъ генералъ ордена (разумѣется, духовный), назначаемый папой.

мало членовъ; смѣняютъ настоятелей; бываетъ, что даже совсѣмъ закрываютъ общежитія. Однако, и Ватиканъ, и генералы безсильны слѣдить за тѣмъ, чтобы изгнанные члены не пошли въ народъ. Эти козлища либо пристраиваются номинально къ общинѣ какого-либо другого ордена, либо—сторожами какой-либо ветхой часовни, упраздненной церкви, либо выдаютъ себя самостоятельно за отшельниковъ, и устраиваются, какъ, напр., фра Микеле. Занятіе весьма вредное для народа, а чрезъ народъ для государства.

Эти фрате представляютъ воплощенное отрицаніе всяческой культуры и альтруизма. Объ ученіи и жизни Христа они знаютъ менѣе любого вотяка. Даже святые угодники католической церкви для нихъ преимущественно интересны только какъ тауматурги, преданіями о чудесахъ которыхъ они умѣютъ извлекать для себя лично матеріальныя выгоды. Они и о папѣ римскомъ имѣютъ смутное понятіе. Впрочемъ, и папа, и Ватиканъ, случается, отрекаются отъ нихъ, что, конечно, имъ даже на руку.

Личныя потребности ихъ большею частію примитивны: спятъ они гдѣ попало, бѣлья не носятъ, а засаленную рясу, даже ночью, не всегда снимаютъ. Мыло изобрѣтено не для нихъ, и вода рѣдко приходитъ въ соприкосновеніе съ ихъ обыкновенно упитаннымъ тѣломъ. Но поѣсть и выпить многіе изъ нихъ охотники и мастера. Они постоянно катаются по весямъ и селамъ на своихъ осликахъ, либо ходятъ пѣшкомъ за сборомъ. Простонародье и мелкая буржуазія щедро наполняютъ ихъ мѣшки и бездонные карманы, кормятъ ихъ. Они нерѣдко обращаются въ ростовщиковъ или въ скрягъ, которые такъ запрятываютъ накопленныя деньги, въ землѣ, стѣнахъ старыхъ зданій, что ихъ и послѣ смерти фрате никто отыскать не можетъ. Я лично зналъ одного такого. Онъ покинулъ жену и дѣтей, скопилъ много денегъ. Семья перебивалась съ кости на кость; онъ жилъ много лѣтъ въ упраздненномъ монастырѣ, въ качествѣ его сторожа, одинъ-одинёшенекъ; пользовался доходами съ огорода и виноградника. Ѣздилъ за сборомъ по окрестностямъ и все, что собиралъ—продавалъ; потому что самъ, по страстной скупости, питался, буквально, отбросами. Кромѣ того, будучи очень недурнымъ скульпторомъ, съ дѣтства зарабатывалъ немало, продавая статуи святыхъ своей работы. Онъ умеръ почти на моихъ глазахъ, въ Неаполѣ, въ госпиталѣ. Передъ смертью все собирался сказать—тогда уже взрослымъ—дѣтямъ, гдѣ спрятаны его сокровища, да такъ и не успѣлъ. Семья осталась нищей. Подобныхъ примѣровъ изъ прошлаго и, къ сожалѣнію, изъ настоящаго мы могли бы привести множество. Этотъ типъ фрате стоитъ къ народу и нынѣче

ближе остальныхъ представителей католицизма, — даже ближе мѣстнаго приходскаго патера. Онъ близокъ къ народу по своему происхожденію, по образу жизни. Праздность ему извиняютъ за его молитвы, заклинанія и разнообразныя мистическія услуги. Онъ близокъ народу по своему темному міровоззрѣнію и по глубокому языческому суевѣрію. Онъ льститъ практически наихудшимъ народнымъ предразсудкамъ. Онъ лечитъ заговорами, какъ оракулъ изрекаетъ предсказанія; даетъ нумера, которые будто бы должны выйти въ государственную лотерею, даритъ амулеты, имѣющіе спеціальныя значенія. Случается, фрате приготовляетъ приворотныя (а иногда и вредныя для здоровья) зелья. Почти всѣ они умѣютъ хорошо разсказывать разныя подходящія небылицы и были. Воображеніе у многихъ пылкое; они очень наблюдательны [1]) въ своей сферѣ; фрате облекаетъ въ занятныя сказки отрывки изъ того, что̀ слышалъ о чудесахъ святыхъ и мадонны, путаетъ ихъ съ историческими и языческими преданіями, разсказами о домовыхъ, чертяхъ и популярныхъ разбойникахъ. Эти разсказы рекламируютъ его собственную профессію, привлекаютъ къ нему простыя сердца; ихъ слушаютъ взрослые и дѣти, и потомъ передаютъ ихъ съ полной вѣрой другимъ. Простолюдинъ, и особенно южный, падокъ до фантастическаго.

Эти фрате, волхвы—уцѣлѣвшіе подонки всего, что̀ было худшаго въ язычествѣ, представители всего, что̀ есть худшаго въ католичествѣ. Это—невѣжественные тунеядцы, большею частью безграмотные, и въ лучшемъ случаѣ отбросы семинарій и безнравственнѣйшей части духовенства.

Среди народной массы они—нѣчто вродѣ дрожжей обскурантизма, темнаго, но дѣятельнаго полчища бациллъ. Упорно, хотя почти безсознательно, борются они съ бациллами здравомыслящей, гуманитарной культуры. Поворотить ее назадъ они безсильны, однако достаточно вліятельны, чтобы задерживать правильный ходъ просвѣщенія среди низшихъ классовъ населенія, особенно въ южной Италіи.

Л. Рускинъ.

Неаполь.

[1]) Англійскій писатель Грантъ (C. Grant), авторъ „Stories of Naples“ (эту книгу въ Англіи привѣтствовали—между прочими, Гладстонъ на столбцахъ газеты „Times“—какъ замѣчательно правдивое и теплое описаніе неаполитанскихъ народныхъ нравовъ) говорилъ мнѣ, что онъ заимствовалъ много фактовъ изъ разсказовъ, слышанныхъ отъ одного фрате. Впрочемъ, этотъ фрате, котораго я тоже зналъ, стоитъ по своему міровоззрѣнію нѣсколько выше общаго уровня своихъ собратій.

ПОЛЯ

Изъ воспоминаній орловскаго помѣщика Михаила Ивановича Пущинскаго [1]).

„Блаженъ кому прощено преступленіе,
и чей грѣхъ покрытъ".
Псаломъ 31, 1.

17-го апрѣля 188... насталъ послѣдній день моего пребыванія въ Іерусалимѣ.

Я чувствовалъ себя въ какомъ-то духовномъ опьяненіи, покидая этотъ незабвенный городъ; мнѣ казалось, что я уношу его съ собой.

Здѣсь великое прошедшее воскресло передо мной съ почти осязательною ясностью; отсюда сѣмя жизни и спасенія разнеслось по всему міру и въ этихъ стѣнахъ душа моя постигла вполнѣ всю благость давно совершившихся чудныхъ событій.

Я почти не замѣтилъ, какъ мы доѣхали до Яффы и поплыли дальше, къ берегамъ Италіи. Помню только, что день былъ великолѣпный. Мягкое вѣяніе апрѣльскаго утра охватывало все мое существо и поддерживало въ сердцѣ высокое настроеніе.

---

[1]) Имя графини А. А. Толстой хорошо извѣстно нашимъ читателямъ изъ статей Ив. Ник. Захарьина (іюнь 1904 и апрѣль 1905 г.); но при жизни ея не было извѣстно, что она посвящала свой трудъ литературѣ, и найденная въ ея бумагахъ, печатаемая нами, повѣсть принадлежитъ ей. Рукопись была ею подарена г-жѣ Каменской, отъ которой мы и получили ее для печати.—*Ред.*

Казалось, небо, море, воздухъ пропитаны святостью.

Послѣднія очертанія Святой Земли исчезли; Іудейскія горы, какъ ширмы, заслонили отъ насъ Іерусалимъ, но всѣ взоры были еще устремлены къ нему.

Пассажиры стояли на палубѣ задумчивые, молчаливые. Иные молились съ обнаженными головами. Простой народъ и паломники клали земные поклоны и усердно крестились. Кое-гдѣ виднѣлись и слышались слезы и вздохи. Короче, общая картина давала радостное впечатлѣніе сліянія всѣхъ сердецъ въ чувствѣ благодарности за пережитое.

Несмотря на это, я скоро, съ тайнымъ удовольствіемъ, удостовѣрился, что общество парохода малочисленно и мнѣ вовсе незнакомое.

Рѣдко удается человѣку сосредоточиться въ самомъ себѣ, и, боясь растерять свои дорогія думы, я твердо рѣшился не примыкать ни къ какому кружку.

Этой мечтѣ не пришлось, однако, осуществиться.

Тонкая, но крѣпкая нить, связующая насъ съ знакомыми и незнакомыми лицами, сейчасъ же стала невидимкой обматываться около меня и, отстраняя, безъ церемоніи, всякую фантазію объ одиночествѣ, привлекала меня, вмѣсто того, къ дѣятельности и теплому человѣческому участію.

Тогда я еще этого не предвидѣлъ, а послѣ не сожалѣлъ, что судьба распорядилась по-своему.

При отъѣздѣ изъ Яффы, всѣ пассажиры явились, такъ сказать, гуртомъ, на двухъ большихъ тамошнихъ катерахъ, и пароходъ сталъ уже разводить пары, когда крошечная лодочка подплыла, какъ-то таинственно, и высадила еще двухъ пассажировъ—молодого человѣка и молодую дѣвушку.

Онъ несъ за нею узелокъ съ ея скромными пожитками, и они тотчасъ помѣстились на самомъ отдаленномъ краю палубы.

Съ перваго же взгляда я былъ пораженъ рѣзкою противоположностью наружнаго вида этой парочки: точно два жителя различныхъ міровъ столкнулись случайно и пошли рука объ руку, сами не понимая, какая сила свела ихъ на одну дорогу.

Она не представляла ничего иного, какъ простую крестьянскую дѣвушку любой великорусской губерніи. Бѣленькая, круглая, румяная, съ необыкновенно веселыми глазами и свѣтлыми волосами. На видъ ей можно было дать шестнадцать, много семнадцать лѣтъ.

Спутникъ же ея былъ, безъ сомнѣнія, десятью годами старѣе.

Но что могло быть общаго между ними? Какъ, чѣмъ за-

воевала она себѣ мѣсто рядомъ съ человѣкомъ, стоящимъ во всѣхъ отношеніяхъ неизмѣримо выше ея?

Она исчезала передъ нимъ, какъ тусклое облачко передъ яркимъ солнцемъ.

Эта задача изумляла и даже тревожила меня, не знаю почему.

Его аристократическая фигура дышала благородствомъ, изяществомъ, несмотря на неопредѣленность его одежды—не то странника, не то художника. Онъ могъ быть одинаково тѣмъ или другимъ.

Кожаный поясъ перетягивалъ его рясу или блузу и подчеркивалъ стройность его стана.

Изъ-подъ соломенной шляпы съ широкими полями сіяли чудные черные глаза. Я назвалъ ихъ про себя орлино-голубиными—столько было въ нихъ доброты и власти.

Ничто въ его личности не било на эффектъ—и тѣмъ сильнѣе привлекало вниманіе.

Я замѣтилъ что всѣ, даже мужчины, поглядывали на него съ нѣкоторымъ любопытствомъ.

Незнакомецъ не подозрѣвалъ, очевидно, ничего и держалъ себя особнякомъ.

Прохаживаясь по палубѣ, я часто бросалъ невольный взглядъ въ ихъ сторону.

Онъ проводилъ большую часть дня погруженный въ чтеніе, прерываемое только лепетомъ его подруги и ея же собственными разсказами.

Онъ отвѣчалъ рѣдко, сдержанно и почти никогда не улыбался.

Не будь онъ такъ молодъ, по физіономіи я записалъ бы его въ аскеты.

Загадочность ихъ отношеній невольно дразнила мое любопытство.

Какъ-то разъ онъ оказалъ мнѣ небольшую услугу, и я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы вступить съ нимъ въ разговоръ.

— Позвольте спросить,—сказалъ я, между прочимъ, указывая на молодую дѣвушку,—это ваша сестрица?

Сказалъ—и самъ испугался, какъ будто выстрѣлилъ нечаянно изъ пистолета. Она! его сестра!.. Только такой старый глупецъ, какъ я, могъ выкинуть подобную нелѣпость.

— Нѣтъ, не сестра, а знакомая,—возразилъ онъ вѣжливо, но сухо.

Разумѣется, я не продолжалъ своихъ разспросовъ, и внутренно волновался, сознавая свою оплошность. Этотъ первый неуклюжій шагъ могъ сразу повліять враждебно на наши отношенія.

Вышло, однако, иначе. Незнакомецъ, повидимому, нисколько не обидѣлся, и съ этой поры онъ встрѣчалъ меня съ особенною привѣтливостью.

Можно даже было подумать, что онъ не прочь отъ сближенія со мной, и если таково было дѣйствительно его желаніе, то оно не замедлило осуществиться,—но какимъ страннымъ образомъ!

Вечера свои я проводилъ въ рубкѣ, предоставленной мнѣ любезностью нашего капитана.

Читалъ, исправлялъ или дополнялъ свой дневникъ, по примѣру старомодныхъ путешественниковъ, которые съ уморительною поспѣшностью хватаютъ на лету свои впечатлѣнія и заносятъ ихъ аккуратно въ записную книжку, ставя каждое лыко въ строку.

Въ сумеркахъ, разнокалиберная моя парочка усаживалась на палубѣ какъ разъ подъ моимъ окномъ.

Сколько ни привлекала меня личность молодого человѣка, нескромная мысль вслушиваться въ ихъ разговоръ ни разу не искушала меня.

Звуки болтовни его спутницы сыпались какъ мелкій дождь и иногда доходили неясно до моего невнимательнаго уха. Казалось, что и онъ относился къ ея разсказамъ совсѣмъ безучастно, такъ что, въ сущности, это была не бесѣда, а крайне неинтересный монологъ.

Два вечера прошли такимъ образомъ.

На исходѣ третьяго, я былъ внезапно отвлеченъ отъ своихъ обычныхъ занятій, услыхавъ слѣдующее громкое восклицаніе незнакомца:

— Что ты говоришь, Поля?..

Вопросъ этотъ проникъ явственно въ мою каюту и могъ быть даже услышанъ болѣе отдаленными пассажирами.

— Что ты говоришь?..—повторилъ онъ, упирая на каждое слово, но уже съ упавшимъ отъ волненія голосомъ.

— Я говорю правду, зачѣмъ таиться?—возразила она добродушно, безъ всякаго смущенія и даже съ улыбкой.—Чего же вы такъ испугались? Сама-то я, конечно, не догадывалась,—прибавила она,—да хитрыя сидѣлки стали меня дразнить, вотъ я и узнала.

Она вскинула на него глазами.

— Ахъ, какой вы, право, странный, Андрей Александровичъ! Что же тутъ такого? Подумаешь, вы мнѣ чужой...

Я выглянулъ въ окно.

Онъ стоялъ передъ ней, не двигаясь, какъ громомъ пораженный.

Въ этотъ мигъ—вдругъ мнѣ все сдѣлалось понятно.

Раздался звонокъ, призывающій насъ къ ужину. Спускаясь съ узкой лѣстницы, онъ очутился около меня.

— Вы очень неосторожны,—шепнулъ я ему на ухо,—но будьте покойны, я не выдамъ вашей тайны.

Нужно или ненужно было это говорить,—не знаю. Знаю только, что, увлекшись до жалости его растеряннымъ видомъ, я не утерпѣлъ. Хотѣлось хоть чѣмъ-нибудь его успокоить.

Онъ не отвѣчалъ ничего, но крѣпко пожалъ мою руку и прошелъ мимо.

На другой день я проснулся въ почти злобномъ настроеніи духа, точно самъ совершилъ что-то недоброе.

Мнѣ было тяжело, обидно, вспоминая вчерашнее событіе, и я чрезвычайно былъ радъ, что мой воображаемый герой цѣлый день не показывался нигдѣ.

Къ ночи погода засвѣжѣла, и капитанъ, опасаясь бури, зашелъ въ какую-то небольшую бухту.

Для избѣжанія шума волнъ и пароходнаго треска, я высадился на берегъ и отправился ночевать въ первую попавшуюся мнѣ гостинницу.

Едва я успѣлъ оглядѣться въ своихъ комнатахъ и заказать чай, какъ мнѣ подали визитную карточку:

Андрей Александровичъ Холмовъ.

„Это онъ“, подумалъ я и приказалъ просить.

Дверь отворилась, и Холмовъ, переступивъ порогъ, остановился.

Въ небольшой трактирной комнатѣ онъ мнѣ показался еще выше ростомъ, чѣмъ подъ открытымъ небомъ.

Печать достоинства, поразившая меня при первой встрѣчѣ, и теперь лежала на всей его фигурѣ. Блѣдное лицо и обнаженная голова съ черными густыми волосами картинно выдавались изъ рамки двери.

— Извините меня, милостивый государь,—произнесъ онъ тихимъ басомъ.—Моя смѣлая попытка — не сообразна, я это знаю, ни съ какими правилами учтивости.

Чай въ это время уже подали, и я пригласилъ его сѣсть со мною за столъ.

— Скажите, Андрей Александровичъ,—такъ, кажется, ваше имя?—чѣмъ могу я вамъ услужить?

— Объ этомъ я еще не думалъ,—отвѣчалъ онъ, облокотясь на столъ и поддерживая рукой свою, видимо, усталую голову.—Мое положеніе въ настоящую минуту невыносимо,—и я просто, безъ всякой цѣли, ухватился за ту тѣнь участія, которую вы мнѣ оказали. Меня что-то влекло неудержимо воспользоваться этимъ случаемъ видѣть васъ наединѣ. Ее я оставилъ на пароходѣ...

— Кто она?—перебилъ я его, чтобы стать сразу на твердую почву.

— Право, не знаю. *Заброска*, вѣроятно, какъ ихъ называютъ въ Іерусалимѣ,—то-есть, никому не принадлежащая и оставленная на удачу всѣхъ превратностей судьбы.—Надобно вамъ сказать,—прибавилъ онъ,—что я уже не въ первый разъ въ Іерусалимѣ, и имѣлъ случай изучить близко нравы того полчища богомолокъ, которое стекается туда изъ дальнихъ земель. Господи! чего тамъ не встрѣтишь: начиная съ высокихъ молитвенныхъ душъ и доходя до самыхъ низкихъ ступеней человѣческаго развитія! Повѣрите ли? я терзался сердцемъ, глядя на безнравственность, которая, можно сказать, безславитъ священное мѣсто. Тогда я еще имѣлъ право болѣть за другихъ,—прибавилъ онъ и, опустивъ голову, погрузился въ тяжелое раздумье.

При видѣ его душевной скорби, все мое недовольствіе противъ него мигомъ исчезло; я глядѣлъ на него уже съ любовью, самъ не понимая, откуда взялся такой наплывъ участія къ неизвѣстному мнѣ человѣку.

Чтобы прервать неловкое молчаніе, я замѣтилъ:

— Что же васъ удивляетъ? Это неустройство и цареніе грѣха существовало и при Немъ, но вспомните, съ какимъ милосердіемъ Онъ относился къ падшему человѣку, какъ скоро проявлялось раскаяніе.

— Да!—воскликнулъ Холмовъ стремительно.—Онъ, въ Своей Божественной чистотѣ, могъ все прощать, а какъ же я прощу себѣ свой гнусный поступокъ? Вы говорите: „раскаяніе“;—почему же это раскаяніе пробудилось во мнѣ тогда только, когда неотразимая бѣда обрушилась надо мной? Иначе—кто знаетъ?—можетъ статься, я и забылъ бы свою вину!..

— А вотъ этого-то Господь явно не хотѣлъ, — возразилъ я,—и смѣю думать, что именно по этой причинѣ Онъ наложилъ на васъ тяжелое испытаніе.

Холмовъ молчалъ.

— Уныніе — плохое дѣло, любезный Андрей Александровичъ,—продолжалъ я.—Разберитесь въ своей совѣсти,—карайте себя,—это ваша прямая обязанность, но отнюдь не ищите примиренія въ самомъ себѣ. Для насъ, грѣшниковъ, одинъ исходъ: просить помилованія и ждать его съ вѣрою.

Помню, что я произнесъ эти слова съ строгостью моралиста и съ нѣжностью отца.

Струна отозвалась. Онъ понялъ мое чувство и протянулъ мнѣ руку черезъ столъ.

— Странное дѣло!—началъ онъ:—я говорю съ вами почти-что въ первый разъ, а сердце мое открыто, какъ передъ духовникомъ. Да, я готовъ на всякую откровенность, готовъ даже сообщить вамъ странную особенность моей жизни. Мнѣ уже двадцать-шесть лѣтъ, и до сихъ поръ я почти-что жилъ монахомъ. Воображая, что не горжусь чистотою своей жизни, я, очевидно, грубо ошибался, и вотъ видите, не устоялъ противъ искушенія, какъ и всякій другой.

Я хотѣлъ что-то возразить, но Холмовъ всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Позвольте мнѣ вернуться теперь къ начатому разсказу,—обратился онъ ко мнѣ.—Эти подробности въ нѣкоторой связи съ моимъ несчастіемъ. Вы помните, я, кажется, говорилъ про іерусалимскихъ странницъ? Этимъ бродячимъ и сомнительнаго поведенія женщинамъ, разумѣется, неудобно возвращаться на родину съ незаконной ношей; вотъ онѣ и бросаютъ своихъ дѣтей куда попало. Мнѣ часто приходилось это видѣть, но видѣть одновременно, что почти всегда находились добрые люди, которые брали ихъ на свое попеченіе безъ всякаго возмездія. Тутъ проявляется, между прочимъ, какой-то изумительный законъ равновѣсія. Когда покинутыя дѣти достигаютъ извѣстнаго возраста, ихъ, большею частью, отдаютъ на службу въ частные дома или въ больницы, гдѣ вообще недостаточно рукъ въ виду многочисленныхъ странниковъ. Полю я именно встрѣтилъ въ госпиталѣ, гдѣ пролежалъ два мѣсяца. Она помогала сестрамъ милосердія и, для меня самого непонятно, такъ привязалась ко мнѣ, что, по выходѣ моемъ изъ больницы, слѣдовала за мной повсюду, не отставала отъ меня. Сначала я смѣялся, потомъ сердился,—а затѣмъ...

Холмовъ вздохнулъ глубоко и продолжалъ:

— Когда я объявилъ ей о своемъ отъѣздѣ, она смутила меня своимъ отчаяніемъ и каждый день умоляла со слезами не

оставлять ее въ Іерусалимѣ. Хотя я, въ то время, относился довольно легко къ своей винѣ, а главное, не подозрѣвалъ еще того, что̀ меня ожидало, тронутый ея горемъ, я рѣшился перевезти ее въ Россію и передать на руки одной почтенной особѣ, надѣясь, такимъ образомъ, спасти Полю отъ общей участи ей подобныхъ, часто проводящихъ свою жизнь въ безконечныхъ похожденіяхъ.

— Это хорошо, но любите ли вы ее?—спросилъ я, съ тою нерѣшимостью, съ какой перепрыгиваютъ черезъ пропасть.

— Какая это любовь?—воскликнулъ Холмовъ съ негодованіемъ, явно относящимся къ самому себѣ. — Нѣтъ, это было не что̀ иное, какъ низкое увлеченіе. Знаете ли вы, что въ ту ужасную минуту, когда она съ шутками и прибаутками открыла мнѣ свое положеніе, я готовъ былъ выбросить ее за бортъ, безъ малѣйшей жалости. Вотъ до какого звѣрства можетъ дойти человѣкъ, даже не злой, въ припадкѣ эгоизма! И кѣмъ же я увлекся?—прибавилъ онъ съ ироніей.—Вы видѣли, вы слышали ее. Это ребенокъ по годамъ и по уму. Она ничего не понимаетъ, кромѣ своей злополучной любви ко мнѣ. Остальное ей недоступно. Попробуйте, напримѣръ, изъяснить ей чувство раскаянія — чего добраго, она разсмѣется, и это будетъ, конечно, не изъ наглости, но чисто отъ невѣдѣнія. Я убѣжденъ, что душа ея осталась чиста, какъ душа младенца, но я тѣмъ болѣе преступенъ!

— А жениться нельзя? — выпалилъ я снова, хотя еще съ бо̀льшею робостью.

Видно, рискованные вопросы писаны у меня на роду.

Онъ помолчалъ секунду.

— Нѣтъ, нельзя,—промолвилъ онъ глухо и тотчасъ прибавилъ: — Не подумайте, однако, что ею пренебрегаю. Я вѣдь и самъ не какая важная фигура, — то-есть, то же, что̀ она,—*не вѣсть чей*. Вся разница—въ воспитаніи и обстановкѣ. И на это я бы не посмотрѣлъ, но я знаю себя,—ей будетъ хуже, чѣмъ мнѣ.

Холмовъ снова умолкъ. Выраженіе его лица измѣнялось ежеминутно, точно тучи въ бурную погоду. Затѣмъ, онъ сказалъ:

— Прежде всего мнѣ надобно полечиться отъ гордости, милостивый государь. Въ мірѣ я пропаду... И хотите ли знать мое заключеніе? Мысль, которая и прежде смутно шевелилась въ моей душѣ, принимаетъ теперь форму безповоротной рѣшимости. Я уйду въ пустыню. Куда?—самъ не знаю, но чувствую, что тамъ—мое мѣсто. Намъ, незаконнорожденнымъ,—прибавилъ онъ съ горькой улыбкой, — слѣдуетъ жить куда какъ осторожнѣе прочихъ людей. Знаемъ ли мы, кто стоитъ

за нами, какое нравственнное наслѣдство мы получили, и что̀ можетъ обнаружиться въ насъ нежданно, при извѣстныхъ условіяхъ? Три мѣсяца тому назадъ, я готовъ былъ дать клятву, что не поддамся подобному искушенію, и что̀ же вышло?...

По мѣрѣ того, какъ онъ говорилъ, Холмовъ все становился блѣднѣе.

Былъ уже третій часъ ночи, и, несмотря на участіе, внушаемое мнѣ моимъ страннымъ собесѣдникомъ, я начиналъ ощущать утомленіе.

— Пора намъ отдохнуть,—сказалъ я, пожимая его руку.— Завтра надо подниматься рано. Позаботились ли вы запастись ночлегомъ?

— Да, я взялъ номеръ въ этой же гостинницѣ. Чувствую, что я замучилъ васъ безпощадно. Простите, ради Бога!—прибавилъ онъ, взглянувъ на часы.—Я вовсе не отдавалъ себѣ отчета въ ходѣ времени.

И извинившись еще разъ, онъ вышелъ, почти шатаясь, изъ моей комнаты.

На другой день мы вмѣстѣ отправились на пароходъ.

Поля уже сидѣла на палубѣ и съ видимымъ нетерпѣніемъ поджидала своего товарища. Она тоже была блѣднѣе обыкновеннаго. Вѣроятно, его волненіе не совсѣмъ ускользнуло отъ ея вниманія и отразилось на ней до нѣкоторой степени. Ея молодыя крылья точно опустились.

Съ этой поры и до конца нашего плаванія ихъ отношенія приняли другой оборотъ. Онъ, попрежнему, заботился о ней и не терялъ ея изъ виду, но уже не просиживалъ съ нею подолгу и не позволялъ оставаться вечеромъ на палубѣ, а отправлялъ въ каюту на ночлегъ. Она повиновалась безпрекословно каждому его слову, какъ послушное дитя. Несмотря на наше сближеніе въ отелѣ, откровенный разговоръ въ продолженіе нѣсколькихъ дней не возобновлялся. Холмовъ, видимо, избѣгалъ его и становился все мрачнѣе.

Однажды, прохаживаясь со мной по палубѣ подъ шатромъ чуднаго звѣзднаго неба, располагающаго, казалось, къ сердечнымъ изліяніямъ, онъ долго ничего не говорилъ и вдругъ обратился ко мнѣ съ извиненіемъ.

— Сегодня утромъ вы застали меня надъ вашимъ дорожнымъ чемоданомъ, Михаилъ Ивановичъ, и я боюсь, что вы сочли это съ моей стороны нескромнымъ. Позвольте мнѣ изъяснить, въ чемъ дѣло. Имя ваше мнѣ давно извѣстно—я узналъ его отъ нашего капитана, но я надѣялся найти на чемоданѣ указаніе, куда именно вы направляете свой путь.

— Съ удовольствіемъ могу удовлетворить ваше „невинное любопытство“,—отвѣчаю я съ усмѣшкой.—Я возвращаюсь восвояси, то-есть, въ орловскую губернію.

При этомъ словѣ онъ вздрогнулъ и задумался.

— А вы?—спросилъ я въ свою очередь:—куда ѣдете?

— Почти туда же, въ тульскую губернію. Тамъ живетъ моя бабушка,—то-есть, не бабушка,—оговорился онъ,—родственныхъ связей между нами нѣтъ никакихъ, но она—моя благодѣтельница и единственное для меня дорогое существо.

Мрачное его лицо просіяло и смягчилось до выраженія нѣжности.

— Скажите, Михаилъ Ивановичъ!—воскликнулъ онъ съ одушевленіемъ: — не правда ли, нѣтъ ничего лучшаго на свѣтѣ любящей, вѣрующей женщины? Не даромъ говорятъ, что это—вѣнецъ созданія. Такова моя бабушка. Вотъ, я стремлюсь въ монастырь, у нея монастырь—въ сердцѣ, то-есть, то, что должно составлять внутреннюю монастырскую жизнь—кротость, самопожертвованіе, твердость духа. О любви и говорить нечего; въ ней любовь разрослась, право, какъ вѣтки большого дерева; подъ этими вѣтвями есть мѣсто для всѣхъ—тѣнь и прохлада для всѣхъ, а главное, сердечная, неистощимая теплота.

Голосъ Холмова звучалъ такъ задушевно, что у меня невольно навернулись слёзы.

Къ сожалѣнію, въ эту минуту, капитанъ прервалъ нашъ разговоръ, пригласивъ насъ въ свою каюту на чашку кофе, по восточному обычаю.

На другой день, вставши довольно рано, я уже засталъ Холмова на палубѣ. Въ выраженіи его лица не было болѣе ничего суроваго, какъ будто воспоминаніе о бабушкѣ преобразило его.

— Я всю ночь не спалъ,—сообщилъ онъ мнѣ,—все думалъ и передумывалъ.

— Ну, что же, нашли что-нибудь?

— Почти нашелъ, но въ томъ дѣло,—улыбнулся онъ,—что весь мой планъ разсчитанъ на вашу снисходительность и доброту.

— Какъ такъ?—говорю я съ удивленіемъ.—Мнѣ казалось, до сихъ поръ, что ничѣмъ не могу помочь вамъ, и искренно о томъ сожалѣлъ.

— Погодите,—шепнулъ онъ мнѣ на ухо,—вечеромъ я вамъ все объясню,—теперь не время; Поля уже подымается на лѣстницу, а она не должна ничего знать. Повѣрите ли,—она даже не справилась, *куда* я ее везу.

Затѣмъ Холмовъ подошелъ къ Полѣ, какъ-то особенно ласково. Бѣдняжка покраснѣла отъ радости, точно лучъ солнца озарилъ ее.

„Не удивляюсь,—подумалъ я,—что эта обаятельная личность привлекла и увлекла ее. Въ немъ какое-то рѣдкое соединеніе доброты и сильной воли, а главное, онъ какъ будто рожденъ для власти и безсознательно управляетъ другими. Да я самъ развѣ уже не порабощенъ этимъ чародѣемъ? развѣ, въ душѣ, я не готовъ подчиниться всѣмъ его желаніямъ, хотя еще не знаю, чего онъ потребуетъ отъ меня?“

Въ сумеркахъ мы снова сошлись, и Холмовъ началъ такъ:

— Прежде чѣмъ приступать къ вашему добросердечію для оказанія мнѣ великой услуги, позвольте мнѣ посвятить васъ, хоть вкратцѣ, въ свое прошедшее. Не умѣю вамъ сказать, какъ я очутился у Анны Семеновны Холмовой (такъ зовутъ мою бабушку). Я былъ очень малъ, когда это случилось, но въ дѣтствѣ еще я узналъ отъ нея, что я ей чужой въ смыслѣ родства. Съ годами и съ бо̀льшимъ пониманіемъ жизни, конечно, явилось во мнѣ естественное желаніе узнать что-либо о моемъ происхожденіи, но всѣ попытки мои развѣдать правду были напрасны.

„Тайна эта не моя, — говорила Анна Семеновна. — Если твои родители захотятъ современемъ открыться тебѣ, на то будетъ ихъ воля, а ты покамѣстъ живи себѣ безъ смущенія и старайся довольствоваться моей любовью“.

Я бросался къ ней на шею, цѣловалъ восторженно ея руки и не могъ не сознавать, что въ мірѣ, пожалуй, не найдешь юноши счастливѣе меня.

Порядокъ, царствовавшій въ домѣ бабушки, отражался и на моемъ воспитаніи.

Все шло, такъ сказать, мѣрнымъ шагомъ, тихо, стройно и по возможности неизмѣнно.

Анна Семеновна догадывалась, что для моего, по природѣ пылкаго, почти буйнаго нрава, необходимъ былъ элементъ спокойствія и твердости. Къ счастью, она соединяла въ себѣ и то, и другое.

Такимъ образомъ, ей, дѣйствительно, удалось укротить и выработать меня, даже весьма рѣдко прибѣгая къ наказаніямъ или нравоученіямъ.

Наставники мои, избранные ею тщательно и, можетъ быть, съ теплою молитвой, оставались у насъ подолгу и, большею частью, превращались въ членовъ семейства.

Ученіе мое шло успѣшно, а время текло быстро и весело.

Когда мнѣ случалось спросить у бабушки, къ чему она меня готовитъ, она съ улыбкой отвѣчала:

„Ни къ чему особенному, Андрюша; если изъ тебя выйдетъ, съ Божьей помощью, человѣкъ-христіанинъ, всякій путь будетъ хорошъ. Ты самъ изберешь его, а я ни въ чемъ препятствовать тебѣ не буду“.

— Можете ли вы понять, Михаилъ Ивановичъ, что ужъ въ это молодое, счастливое время мечты мои часто уносили меня въ невидимый міръ? Положимъ, такіе порывы свойственны юности и проявляются у многихъ, исчезая потомъ безслѣдно, но, кажется, не ошибаюсь, полагая, что это стремленіе было во мнѣ не такъ мимолетно.

Ничто не ускользало отъ зоркаго глаза бабушки, и, подмѣтивъ, вѣроятно, эту наклонность, она говоритъ мнѣ однажды:

„А что, Андрей, не пора ли намъ пострaнствовать? Ты вѣдь ужъ не мальчикъ“.

Мнѣ было тогда двадцать-одинъ годъ.

Я весь встрепенулся отъ радости, и подготовленное воображеніе сразу перенесло меня въ Святую землю.

„Да, дорогая моя, — восклицаю я, въ припадкѣ восторга и благодарности,—мы поѣдемъ вмѣстѣ и прямо въ Іерусалимъ— не правда ли?“

Мысль путешествовать безъ бабушки даже не представлялась мнѣ.

„Нѣтъ, — говоритъ она, — на первыхъ порахъ ты лети, милый, одинъ на своихъ крыльяхъ, затѣмъ—что̀ Богъ дастъ! Тебѣ будетъ удобнѣе и вольнѣе безъ меня, а я, между тѣмъ, посмотрю, какъ ты собой распорядишься“.

Я спорилъ, умолялъ, чуть не плакалъ; ничто не помогло, и въ концѣ зимы она благословила меня на дальній путь.

Не буду утруждать васъ излишними описаніями; это могло бы вовлечь меня въ безконечный разсказъ. Короче, — я уѣхалъ съ радостью и вернулся въ полномъ блаженствѣ, объѣхавъ главные пункты Востока и часть Западной Европы.

Впечатлѣнія мои были настолько разнообразны, что я пересталъ смотрѣть въ одну извѣстную точку и, вообще, не думалъ болѣе о своемъ будущемъ. Весь собранный мною богатый матеріалъ воспоминаній я сложилъ у ногъ моей бабушки. Она, казалось, была довольна моимъ первымъ самостоятельнымъ опытомъ, но расточать похвалы не входило въ ея обычай, и я вообще только чутьемъ догадывался, что̀ ей нравилось или не нравилось.

На слѣдующій годъ, мы уже вдвоемъ отправились въ Іерусалимъ.

Опять умолчу о подробностяхъ этого благословеннаго путешествія. Скажу только, что бабушка моя, всегда свѣтлая, еще болѣе просвѣтлѣла, упоивъ душу свою при Источникѣ жизни.

Болѣе трехъ лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ.

Неодолимое желаніе снова влекло меня къ Св. землѣ, но, Боже мой, могъ ли я предвидѣть, что̀ на этотъ разъ меня тамъ ожидало?!

Закрывъ лицо руками, Холмовъ сидѣлъ неподвижно, только грудь его тяжко подымалась.

Я молчалъ, понимая до тонкости, что темное пятно, которое легло на его до сихъ поръ чистую совѣсть, должно было жестоко терзать ее, но мнѣ не подобало ни укорять, ни утѣшать его.

„Процессъ примиренія совершится и безъ моей помощи,— думалъ я про себя.—Холмовъ не нуждается въ людскихъ совѣтахъ. Тотъ, кто видитъ его сокрушенное сердце, безсомнѣнно пойдетъ къ нему навстрѣчу и, рано ли, поздно ли, сотретъ черное пятно“.

Голосъ Андрея Александровича прервалъ мои размышленія. Онъ сталъ мнѣ объяснять свой планъ съ какою-то нервною поспѣшностью:

— Вотъ видите, Михаилъ Ивановичъ,—уѣзжая изъ Іерусалима, я везъ Полю къ бабушкѣ,—разумѣется, съ твердой рѣшимостью сказать ей всю правду; но тогда я еще не зналъ тяжелаго усложненія обстоятельствъ. Это открытіе совершенно перевернуло все, что̀ я сначала соображалъ. Возможно ли мнѣ, молодому человѣку и почти сыну дома, привезти къ Аннѣ Семеновнѣ дѣвушку въ подобномъ положеніи? Я день и ночь убивался этой мыслью!.. Повѣрьте, я берегу не себя—я готовъ на всякое искупленіе, но я долженъ — скажите, не правда ли? — я *долженъ* оградить бабушку отъ возможнаго нареканія?

Онъ схватилъ мою руку и продолжалъ:

— Васъ же никто не знаетъ въ нашемъ околоткѣ. Понимаете ли теперь, добрѣйшій Михаилъ Ивановичъ, на какую жертву я васъ обрекаю? Да, — прибавилъ онъ съ умоляющимъ взглядомъ, — я позволилъ себѣ надѣяться, что вы согласитесь передать Полю Аннѣ Семеновнѣ. Пусть знаютъ, что она прислана мною, но одинъ видъ вашей почтенной личности предупредитъ всякое злословіе. Въ остальномъ я полагаюсь на бабушку; она не способна сказать неправду, но сумѣетъ все покрыть молчаніемъ, и сердце ей подскажетъ именно то, что̀ бу-

детъ спасительно для всѣхъ. Меня же ничто не можетъ избавить отъ внутренняго мученія. Еслибы вы знали, что̀ я переживаю! Бабушка неумолимо стоитъ передъ моими глазами—печальная, оскорбленная. Какое испытаніе для ея довѣрія, для ея любви!

Послѣ долгаго молчанія, Холмовъ встрепенулся и, задыхаясь, почти сгороговоркой продолжалъ:

— Какъ скоро мы высадимся на берегъ, я напишу къ Аннѣ Семеновнѣ и предварю ее обо всемъ, чтобы избавить васъ отъ непріятныхъ объясненій. Какъ вы объ этомъ думаете?

И не дождавшись ни моего отвѣта, ни моего согласія на его просьбу, онъ снова заговорилъ съ возрастающимъ возбужденіемъ:

— Вообразите, при какихъ обстоятельствахъ я разстался съ бабушкой! Почти наканунѣ моего отъѣзда, она призвала меня къ себѣ и, къ большому моему удивленію, я засталъ ее не только взволнованной, но, можно сказать, растерянной. Обычнаго спокойствія духа не было и слѣда.

„Что̀ случилось? — спрашиваю я ее, стараясь казаться веселымъ, но чувствуя заранѣе, что сердце замираетъ отъ страха. —Вы сегодня похожи на простую смертную, а я не привыкъ видѣть васъ такою“.

„Полно шутить, Андрюша, — отвѣчаетъ она разбитымъ голосомъ и не поднимая глазъ,—совсѣмъ не время. Неужели ты не видишь, что душа моя въ страшномъ смущеніи?“

Затѣмъ, безъ всякой другой подготовки, какъ будто не въ силахъ сдержать то, что̀ ее тяготило, она бросила мнѣ навстрѣчу нежданную, роковую вѣсть:

„Андрей, твоихъ родителей нѣтъ болѣе на свѣтѣ... Несчастный случай на желѣзной дорогѣ... они погибли вмѣстѣ! Распоряженій на твой счетъ не сдѣлано никакихъ... ихъ тайна умерла съ ними!“

Что-то невыразимое произошло во мнѣ,—какъ будто меня всего растерзали на клочки. Помню, что я даже неистово вскрикнулъ. Этотъ дикій возгласъ точно пронзилъ сердце бабушки. Она упала на кресло, громко зарыдала и несвязныя слова судорожно вырывались изъ ея груди. Мнѣ казалось, что они обращались не ко мнѣ, а къ какимъ-то невидимымъ лицамъ.

„Развѣ я не говорила, — произнесла она, задыхаясь, — что подобный ударъ будетъ для него нестерпимъ?... Развѣ я не знала, что надежда сблизиться съ ними всегда горѣла въ его сердцѣ? А теперь, Боже мой!.. что̀ же мнѣ дѣлать?.. Я ничего не могу... не смѣю сказать ему“...

Необычайное волненіе бабушки на минуту отрезвило меня. Я кинулся передъ ней на колѣни, хотѣлъ чѣмъ-нибудь помочь ей и опять терялъ голову.

Только-что я прикоснулся къ ней, она отслонила меня рукой.

„Погоди, Андрюша, — выговорила она съ усиліемъ, — мнѣ дурно, не могу даже обнять тебя“...

Анна Семеновна, видимо, боролась съ истерическимъ припадкомъ и долго не могла съ нимъ совладать. Я стоялъ передъ ней безъ движенія, безъ словъ.

„Прошло!—сказала она, наконецъ, вздохнувши глубоко.— Не понимаю, что со мною было? Странно!—съ своими личными скорбями я всегда справлялась втихомолку, а вотъ твое горе пересилило меня“...

Когда она совершенно оправилась, она добавила:

„Теперь приди сюда, дружокъ, и слушай“.

Я сѣлъ возлѣ нея.

„Покориться необходимо, — вымолвила она, взявъ меня за руку. — Все, кромѣ зла, совершается по волѣ Божьей,—ты это знаешь твердо, но тебѣ въ первый разъ приходится провѣрять, насколько есть въ тебѣ крѣпости духа и христіанскаго самоотреченія. Развить въ тебѣ это чувство было задачей моей жизни. Не обмани меня!“

Она взглянула мнѣ прямо въ глаза, а въ ея глазахъ я прочелъ какое-то колебаніе между страхомъ и невыразимой нѣжностью.

Вмѣсто отвѣта, я бросился въ ея объятія.

„Бабушка, я вашъ!“—произнесъ я сквозь рыданія.

„Да, Андрюша, теперь ты принадлежишь мнѣ одной, а я принадлежу тебѣ болѣе, чѣмъ когда-либо,—сказала она, стараясь улыбнуться.—Будемъ жить нашею любовью. Развѣ этого мало? Мы можемъ, мы должны быть не только благодарны, но и счастливы“.

Слезы мои лились на ея драгоцѣнную руку, которую я покрывалъ поцѣлуями.

„Помни,—прибавила она,—что у насъ съ тобой все общее. Имя мое ты получилъ отъ меня уже давно, и все, что я имѣю, будетъ твое. Говорю это не въ видѣ утѣшенія, но чтобы ты зналъ заранѣе мою волю. У меня нѣтъ никого, кромѣ тебя“.

— Странно можетъ казаться, — замѣтилъ тутъ Холмовъ,— что мнѣ весьма мало извѣстно изъ прошедшаго бабушки. Знаю, что у нея были мужъ и сынъ. Я видѣлъ ихъ могилы на нашемъ деревенскомъ кладбищѣ и слышалъ ихъ имена въ церкви при

поминовеніи усопшихъ, но сама бабушка не говорила про нихъ. Полагаю, что ни тотъ, ни другой не принесъ ей много радости. Иначе, какъ понять подобное молчаніе? Мнѣ всегда казалось, что, потребовавъ, чтобы я называлъ ее бабушкой, хотя въ то время она была еще довольно молодая женщина, она хотѣла избѣгнуть имени матери. Впрочемъ, это однѣ догадки. Сосредоточенность ея характера неохотно допускала разспросы; въ этомъ одномъ нарушала она равенство, ею же самой между нами установленное. Во всѣхъ другихъ отношеніяхъ не было границъ нашей обоюдной откровенности. Сколько чудныхъ, могу сказать, сколько цѣлебныхъ воспоминаній толпится въ сердцѣ моемъ, когда я говорю про Анну Семеновну! Если позволите, я сообщу вамъ, кстати, еще одинъ эпизодъ изъ нашей жизни. Онъ мнѣ особенно памятенъ и въ настоящую минуту особенно дорогъ.

Я былъ уже взрослымъ, когда у насъ въ сосѣдствѣ приключилась тяжелая семейная драма. Жена одного помѣщика, вдругъ, для всѣхъ нежданно, бросила мужа, дѣтей и исчезла съ какимъ-то наѣзжимъ чиновникомъ. Вы знаете провинцію. Толкамъ и пересудамъ не было конца. Одна бабушка молчала.

— Что же вы, бабушка, ничего не говорите?—спрашиваю я ее съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ:—точно вы извиняете совершившееся преступленіе.

Она посмотрѣла на меня не то строго, не то задумчиво и, помолчавъ немного, отвѣчала твердымъ, многозначительнымъ тономъ:

„Оттого молчу, мой милый, что если случалось кому хоть разъ въ жизни, хоть на полчаса, стоять на краю пропасти, тому ужъ, конечно, не поднять руки, чтобы бросить камень;—а если ты не упалъ, то приникни лицомъ къ землѣ и благодари за протянутую во-время руку. Всѣмъ извѣстно, *чья* это рука, такъ что для самохваленія тутъ нѣтъ ни малѣйшаго предлога“.

Холмовъ настолько увлекся своими воспоминаніями, что главный предметъ нашей бесѣды оставался, какъ будто, забытымъ.

Однако, надобно было, наконецъ, рѣшить вопросъ,—что и совершилось весьма просто.

Мое согласіе такъ естественно истекало изъ обстоятельствъ, что мнѣ самому отказъ показался бы страннымъ.

Съ этого времени я старался сблизиться съ Полей, предвидя, что ей будетъ нелегко оставаться на попеченіи человѣка, ей совершенно чуждаго.

Въ ней я не нашелъ сначала ничего особеннаго, хотя уже тогда я любовался ея добросердечной простотой, безграничной

привязанностью къ Холмову, а главное — полнымъ отсутствіемъ личнаго разсчета и даже какого-либо опасенія.

При ея слабомъ развитіи, можетъ быть, оно и понятно; тѣмъ не менѣе, было что-то трогательное въ такомъ рѣдкомъ явленіи.

Скоро наше плаваніе окончилось, и мы промѣняли пароходъ на желѣзныя дороги.

Пріѣхавъ въ Вѣну, Холмовъ занялся наружнымъ преобразованіемъ Поли на европейскій ладъ.

Какъ ни скромно, какъ ни просто было задуманное приданое, восторгамъ Поли не было мѣры. Женская натура сказалась при этомъ случаѣ, хотя и съ дѣтской наивностью. Она заглядывалась въ каждое зеркало, снимала безпрестанно свою круглую шляпку, чтобы любоваться ею, и то одной, то другой рукой гладила свои перчатки; впрочемъ, удивительно скоро и ловко приспособилась къ своему новому костюму.

Бѣдняжка не чуяла, какое горе стояло за этими радостями.

Холмовъ помѣстилъ ее въ дамскій вагонъ съ одной старушкой, нашей спутницей.

Первый разъ, когда пришлось выходить на станцію для обѣда, я замѣтилъ, что лицо Поли было заплакано.

— О чемъ же ты грустишь, Поля?—спросилъ я.

Слезы хлынули изъ ея глазъ, какъ ручьи.

— Зачѣмъ разлучили меня съ Андреемъ Александровичемъ?— проговорила она, рыдая.

Я старался ее утѣшить—толковалъ о неудобствѣ для женщинъ помѣщаться въ мужской компаніи, и мнѣ удалось ее успокоить, но самому мнѣ стало еще грустнѣе.

— Что же будетъ, когда она узнаетъ всю правду?

Холмовъ за все это время былъ особенно мраченъ.

— Сегодня для меня страшный день, — сказалъ онъ мнѣ, когда мы стали приближаться къ Варшавѣ.—Скоро я долженъ буду разстаться съ вами, но передъ этимъ надо приготовить Полю и проститься съ нею. Позвольте мнѣ взять отдѣльный салонъ и перевести ее къ намъ.

Отдѣльнаго купэ не оказалось, но, за немногочисленностью публики, намъ отвели огромный вагонъ, гдѣ, въ горячее время, могло помѣщаться отъ двадцати до тридцати человѣкъ; мы же были въ немъ одни.

Я предложилъ Холмову уйти куда-нибудь въ другое отдѣленіе, когда настанетъ тяжелая минута разлуки, но онъ умолялъ меня остаться съ ними.

— Ваше присутствіе,—говорилъ онъ,—необходимо для нея и для меня. Я совершенно упалъ духомъ и боюсь ея слезъ.

Между тѣмъ, Поля, ничего не подозрѣвая, была въ восхищеніи, очутившись опять съ нами. Въ избыткѣ радости, она снова сдѣлалась болтлива и даже очень забавно передавала свои путевые замѣчанія. Въ ея умѣ оказался самородный, вовсе нежданный юморъ; но ея оживленіе, въ виду готовящейся развязки, дѣйствовало на насъ удручающимъ образомъ.

Не находя ни въ комъ отголоска своей веселости, бѣдная Поля понемножку смолкла и стала глядѣть въ окно.

Вошелъ кондукторъ и зажегъ огни въ нашемъ громадномъ вагонѣ, который отъ этого недостаточнаго освѣщенія сдѣлался еще сумрачнѣе.

Вообще, вся обстановка подходила, какъ разъ, къ невеселому настроенію нашего духа. День тянулся безконечно долго.

Изрѣдка я поглядывалъ на Холмова; онъ былъ блѣднѣе смерти, и нетрудно было себѣ представить ту борьбу, которая, по всей вѣроятности, бушевала въ немъ: мнѣ даже казалось, что я слышу біеніе его сердца, да и въ моемъ сердцѣ стучалъ какой-то сумасшедшій перебой: — „Вотъ, вотъ, сейчасъ этого бѣднаго ребенка положатъ на столъ и станутъ рѣзать!“...

Я готовъ былъ выпрыгнуть изъ окна, чтобы избавиться отъ этого ожиданія.

Наконецъ, Холмовъ всталъ и, пройдя весь вагонъ, сѣлъ возлѣ Поли.

Сначала они говорили негромко, и при шумѣ паровоза я не могъ и не старался разслышать ихъ словъ. Лицо Поли долго оставалось невозмутимо.

Я вздохнулъ на секунду... Явно, операція еще не началась...

Затѣмъ онъ нагнулся къ ней, взялъ ее за руку и нѣжнымъ, но довольно твердымъ голосомъ сталъ ей объяснять, что добрый Михаилъ Ивановичъ согласился отвезти ее къ Аннѣ Семеновнѣ.

— Не правда ли, ты любишь Михаила Ивановича и не будешь его бояться?

— Какъ! я должна ѣхать безъ васъ?—воскликнула она такъ дико, что я вздрогнулъ, закрылъ глаза и машинальнымъ движеніемъ крѣпко закутался въ свой плащъ.—Безъ васъ,—повторила она уже съ воплемъ,—не могу! не вынесу! Боже мой, что же я сдѣлала?.. Зачѣмъ вы меня бросаете?..

Она была внѣ себя; зрачки расширились непомѣрно, какъ при страшномъ испугѣ. Руки поднимались и опускались судорожно-безсознательно.

Онъ кинулся передъ ней на колѣни.

— Прости, прости меня, Поля! Я одинъ во всемъ виноватъ,—только, знай, я еще несчастнѣе тебя!..

Она обвила его шею руками и такъ и замерла у него на плечѣ.

Въ вагонѣ только слышны были ея рыданія; слезы текли и по его лицу... Какія, подумаешь, жгучія слезы!

Что дальше онъ говорилъ—опять доходило до меня не вполнѣ; слышалъ я только, что онъ убѣждалъ ее покориться—описывалъ доброту бабушки и обѣщалъ, что она будетъ любить ее какъ дочь,—словомъ, убаюкивалъ ее какъ ребенка, но ни разу не упомянулъ о возможности имъ снова свидѣться.

Она понемногу затихла и, наконецъ, утомленная слезами, заснула на его плечѣ. Холмовъ бережно положилъ ее на диванъ, покрылъ пледомъ и вернулся ко мнѣ въ полномъ изнеможеніи.

Упавъ на кресло, онъ закинулъ голову назадъ, и мы долго сидѣли молча.

— Повторенія подобной сцены я не вынесу, — выговорилъ онъ наконецъ, — самъ не знаю, на какое безуміе я способенъ. Посмотрите, — прибавилъ онъ, — бѣдная Поля спитъ... Надобно воспользоваться этимъ сномъ и уйти окончательно. На будущей станціи я васъ оставлю.

Опять водворилось безконечное молчаніе,—но вдругъ онъ вздрогнулъ, прижалъ руку къ груди и глухо застоналъ.

— Такъ вотъ она, расплата съ грѣхомъ!—послышалось мнѣ:— И какая тоска! какое томленіе!...

Я не возражалъ ничего. Нервы мои расходились — голова кружилась, точно волны метались въ ней. Ясность мысли исчезла, и я пересталъ думать о Холмовѣ, почти не замѣчая его присутствія.

Тысячи различныхъ представленій, какъ стаи птицъ, пролетали мимо меня.

Я вспомнилъ свою молодость и весь разгулъ того времени. Сколько жизней погибло въ этомъ омутѣ! Прошло полвѣка съ той поры, и чѣмъ же лучше нынѣшняя молодежь?.. Куда ни посмотрю,—все та же разнузданность, та же погоня за потѣхами, искажающими образъ человѣческій и часто доводящими до ранней могилы.

Кто пойметъ, напримѣръ, трагическое воззрѣніе Холмова на свою вину?

Свѣтскій синедріонъ осмѣетъ его раскаяніе за бутылкой шампанскаго!..

Какъ тогда, такъ и теперь, слово *грѣхъ* не имѣетъ никакого значенія въ этихъ буйныхъ обществахъ. Кому изъ нихъ придетъ на мысль, что каждое нарушеніе добра шагъ за шагомъ застилаетъ ихъ совѣсть до полнаго, ужаснаго мрака?

Удручающее уныніе овладѣло мною; мнѣ казалось, что я простираю руки въ туманное пространство, чтобы спасти юныя силы отъ окончательной гибели, и голосъ мой, безъ звука, призывалъ этихъ мнимыхъ счастливцевъ сжалиться надъ собой, пока время еще не ушло.

Внезапно я очнулся отъ своихъ горькихъ думъ, почувствовавъ, что рука моя попала въ чью-то чужую руку.

Холмовъ держалъ ее крѣпко.

— Михаилъ Ивановичъ, я васъ еще не благодарилъ. Ваша услуга неизмѣрима; забыть ее невозможно.

— Мнѣ жаль, милый другъ, что вы сочли нужнымъ благодарить меня. Вы видите сами—я не приношу вамъ ни малѣйшей жертвы; но развѣ вы не поняли, что я желалъ бы сдѣлать для васъ несравненно больше, и что я полюбилъ васъ какъ родного?

— Знаю, понимаю!—воскликнулъ онъ съ жаромъ:—а все-таки сердце просилось наружу. Безъ васъ я пришелъ бы въ отчаяніе.—Еще одно спѣшу сказать вамъ передъ разлукой,—прибавилъ онъ. Помните ли, я какъ-то разъ говорилъ съ горечью про моихъ неизвѣстныхъ родителей.] Не вѣрьте мнѣ,—я былъ тогда раздраженъ, и мнѣ не хотѣлось брать на себя *одного* отвѣтственность за свой грѣхъ; но я всегда любилъ ихъ, и если говорить всю правду, то собственно для нихъ я стремился къ уединенной, духовной жизни. Мнѣ казалось, что имъ нужна моя молитва. Теперь я связанъ съ ними инымъ образомъ. Общая надежда на помилованіе соединяетъ насъ неразрывно, и этого помилованія я буду искать, конечно, не въ мірѣ.

— Не знаю, — возразилъ я, — позволитъ ли вамъ Господь осуществить ваше желаніе, но радуюсь за васъ, что вы вѣрите въ силу молитвы. Да, гдѣ бы вы ни были, не угашайте этой лампады; самое злое нашей падшей природы можетъ испариться при ея пламени. Молитесь за нихъ, за себя, за всѣхъ!.. Вспоминайте иногда и меня!

Что-то ясное, почти радостное блеснуло въ его глазахъ. Я благословилъ его, и онъ долго цѣловалъ мою руку. Минута была настолько торжественна, что я даже не противился этому изліянію его чувства.

Поѣздъ, между тѣмъ, начиналъ укрощать свой ходъ. Мы подходили къ станціи.

— Пора, пора!—воскликнулъ Холмовъ, и, вскочивъ съ своего мѣста, онъ подошелъ къ спящей Полѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, перекрестилъ, затѣмъ бросился вновь обнимать меня.—Скажите бабушкѣ, что въ любви моей къ ней еще остался залогъ добра... больше ничего говорить не смѣю!

Съ этими словами онъ прыгнулъ на платформу.

Слезы душили меня.

При свѣтѣ тусклаго фонаря, подъ которымъ онъ стоялъ, я смотрѣлъ въ послѣдній разъ на его прекрасное мужественное лицо, полное скорби, и до конца жизни сохраню этотъ образъ въ своей памяти.

Еще разъ онъ протянулъ мнѣ руку въ открытое окно; быстро, болѣзненно взглянулъ на Полю, и поѣздъ нашъ двинулся.

„Ужели я прощаюсь съ нимъ навсегда? — тоскливо отозвалось въ моемъ сердцѣ.

Да, это было *навсегда*!..

Объ остальномъ путешествіи едва ли стоитъ говорить.

Поля, проснувшись на другой день, все поняла. Она уже не кричала, не жаловалась, но, сидя смиренно въ своемъ уголку, безпрестанно отирала свои слезы.

Жестокая рука страданія быстро наложила на нее свою печать, и она, за эти дни, будто постарѣла.

Я не пытался утѣшать ее, но привязался сердечно къ этой бѣдной дѣвочкѣ, судьба которой мнѣ казалась неразрѣшимой.

Долженъ, однако, прибавить, что опасенія мои на ея счетъ мигомъ исчезли, когда мнѣ пришлось передавать ее Аннѣ Семеновнѣ.

„Бабушка“ оказалась выше восторженныхъ описаній Холмова.

Обаяніе этой, уже немолодой женщины было неуловимо. Трудно сказать, въ чемъ именно оно состояло, но магнитный токъ, привлекавшій къ ней всю душу, былъ неотразимъ.

Поля хотѣла броситься къ ней въ ноги и очутилась въ ея объятіяхъ.

Этимъ движеніемъ Анна Семеновна опредѣлила сразу будущее отношеніе къ своей новой питомицѣ.

Она меня благодарила, но мало разспрашивала (ей было уже все извѣстно), и мы разстались друзьями, разсчитывая на скорое свиданіе.

Къ сожалѣнію, подулъ неблагопріятный для меня вѣтеръ и унесъ меня далеко отъ тѣхъ краевъ.

Вернувшись въ орловскую губернію, только черезъ шесть лѣтъ, я тотчасъ же отправился къ Аннѣ Семеновнѣ.

Прошедшее выплывало какъ изъ облаковъ, и, несмотря на свои лѣта, я горѣлъ нетерпѣніемъ увидѣть „бабушку“ и узнать отъ нея объ исходѣ того страннаго событія, въ которое судьба впутала меня такъ неожиданно.

Въ домѣ Анны Семеновны ничто не измѣнилось. Все сіяло чистотой и простотой, какъ будто отраженіемъ ея личности.

Пріемъ былъ болѣе чѣмъ радушный.

— Знаете ли, Михаилъ Ивановичъ,—начала она, когда мы усѣлись въ ея маленькой гостиной, — васъ мнѣ страшно недоставало. Какъ ни мимолетно было наше первое знакомство,— вашъ внезапный отъѣздъ сокрушилъ меня. Женская душа сильно нуждается въ отголоскѣ, въ сочувствіи, а вы были единственный человѣкъ, съ которымъ я могла подѣлиться всѣмъ пережитымъ за эти послѣдніе годы.

— Гдѣ же Андрей Александровичъ? — спросилъ я съ невольнымъ страхомъ.

— Андрей въ пристани,—отвѣчала она спокойно и назвала какой-то отдаленный монастырь вологодской губерніи.

Ея наружное спокойствіе меня, однако, не обмануло. Болѣзненная струнка дребезжала въ ея голосѣ и задѣла меня за живое.

— Какъ! неужели вы не видѣли его съ тѣхъ поръ?

— О, нѣтъ!—онъ пріѣзжалъ сюда четыре года тому назадъ,— то-есть, не сюда въ деревню, а въ ближайшій къ намъ городъ, гдѣ и назначилъ мнѣ свиданіе! Господи! какое это было свиданіе! Мнѣ стыдно за себя!.. Если судить по-божьи,—чего, кажется, я могла желать лучшаго для Андрея? Высокое настроеніе его души установилось вполнѣ; я это слышала, чувствовала въ каждомъ его словѣ!—И что призваніе его было не ложное—тоже не сомнѣваюсь, а между тѣмъ черезъ какое терзаніе прошло мое неугомонное сердце... Онъ умеръ для меня, и я, повѣрите ли, чуть-чуть не умерла отъ этой насильственной разлуки!

Сила воли мимолетно измѣнила бѣдной „бабушкѣ“, и слезы текли теперь безъ удержу по ея благородному лицу, нисколько его не искажая.

Рѣдкія женщины умѣютъ такъ плакать.

На этомъ лицѣ сливались остатки земной красоты—съ другой, непроходящей, внутренней красотой. Можно было заглядѣться на нее.

Анна Семеновна скоро оправилась и продолжала:

— Андрей не хотѣлъ пріѣхать въ деревню, чтобы не смутить Полю, и требовалъ, чтобы наше свиданіе осталось тайной для нея. Послѣ долгихъ переговоровъ, я окончательно согласилась на всѣ его просьбы; даже на то, чтобы мое наслѣдство, принадлежащее ему, было передано Полѣ. Правду сказать, она отчасти замѣнила Андрея. Забота объ ея воспитаніи много усладила мое одиночество. Безъ нея, я бы уже слишкомъ осиротѣла и не знала бы, куда дѣвать свое сердце.—Да не желаете ли вы видѣть Полю?—прибавила она и позвонила.

— Попроси сюда Пелагею Николаевну,—сказала она явившемуся слугѣ.

Минутъ черезъ пять вошла въ комнату молодая, стройная, довольно высокая барышня.

Я узналъ бы ее вездѣ безошибочно, хотя она съ тѣхъ поръ значительно выросла.

Все тотъ же великорусскій типъ—то же кроткое, миловидное лицо,—только прежняя замѣчательная веселость глазъ исчезла. Черты сдѣлались тоньше, и выраженіе осмысленнѣе.

— Помните ли вы меня?—говорю я ей, взявъ ее за руку.

Она крѣпко пожала мою руку.

— Какъ мнѣ васъ не помнить? — начала она; но вдругъ оборвалась и покраснѣла до слезъ.

Съ своей стороны, я ужасно сконфузился, сознавая (увы! опять слишкомъ поздно), какъ неловко я поставилъ вопросъ. Видно, время меня не исправило.

— Пойди, милая, вели приготовить чай на балконѣ и сама вернись къ намъ,—вмѣшалась благодѣтельная „бабушка“, замѣтивъ, очевидно, наше обоюдное смущеніе.—Михаила Ивановича мы не отпустимъ сегодня. Такихъ дорогихъ гостей надо запирать у себя на замокъ.

По уходѣ Поли:

— Не правда ли, какъ она мила?—спросила Анна Семеновна съ нѣжнымъ самодовольствомъ.

— Да, теперь она, пожалуй, годилась бы и для Андрея...

Невольный вздохъ подчеркнулъ эти слова.

Мы другъ друга отлично поняли.

— Вы не повѣрите,—продолжала Анна Семеновна,—какъ эта простая, несложная натура быстро поддалась воспитанію. Ея свѣтлый умъ и душа, прозрачная какъ горный ключъ, много облегчили мнѣ эту задачу. Жаль даже было, когда пришлось возбуждать въ ней сознаніе ея проступка. Меня вынудила на этотъ

шагъ ея дѣтская откровенность. Я боялась, что она выдастъ себя невзначай. Думаю, что и для духовнаго ея развитія это было необходимо. Не знаю, насколько въ ней сохранился образъ Андрея. До этой тайны я не дотрогивалась. Видѣла, что она долго, очень долго тосковала по немъ; затѣмъ, новизна ея положенія, занятія и кое-какія развлеченія, которыя тоже входили въ разсчетъ ея воспитанія, мало-по-малу ослабили ея грусть. Ощутительный переломъ совершился по моему наблюденію года три тому назадъ. Тяжелое бремя прошедшаго вдругъ точно спало съ ея сердца и позволило ей вступить снова въ права юности. Она даже выслушала меня безъ особеннаго смущенія, когда я ей сообщила, что Андрей обрекъ себя на монастырскую жизнь. Если въ ней и таились какія-либо надежды (чего не предполагаю), это извѣстіе должно было положить конецъ всякому ожиданію. Къ большой моей радости, Поля любима всѣми, не только въ моемъ домѣ, но и во всемъ сосѣдствѣ! И въ женихахъ у насъ нѣтъ недостатка,—прибавила Анна Семеновна, почти съ гордой улыбкой,—хотя еще никто не знаетъ, что она будетъ, современемъ, довольно богатая невѣста. Но мы не спѣшимъ, мы ждемъ *настоящаго*, то-есть, такого человѣка, который, узнавъ всю правду, готовъ все простить—любви ради. Да что̀ мнѣ передъ вами таиться! Этотъ избранный уже идетъ къ намъ навстрѣчу, и я надѣюсь, что Поля подастъ ему руку съ радостью. Андрей сознался мнѣ, что тогда только примирится съ собой, когда Поля будетъ счастлива.

— Вашъ Андрей!—воскликнулъ я и, вскочивъ съ дивана, сталъ ходить по комнатѣ:—вашъ Андрей, сударыня, экземпляръ unico, какъ выражаются латинисты. Въ этомъ я ручаюсь. Попробуйте подыскать ему пару въ нашемъ свѣтѣ! Гдѣ угодно—въ провинціи, въ столицахъ, все одно. Подобныхъ ему поищете долго! Я горжусь тѣмъ, что провидѣлъ его, при самыхъ для него невыгодныхъ обстоятельствахъ. Уже и тогда у него сыпались искры изъ души. Ради Андрея, я даже простилъ его жестокихъ...

Анна Семеновна схватила меня за руку и не дала окончить.

— Погодите, Михаилъ Ивановичъ, не троньте ихъ! Боже мой! что же это такое? Не обидно ли, что самые лучшіе люди торопятся осуждать безъ оглядки, даже не справляясь объ истинѣ и не давая мѣста возможному оправданію?

Возбужденный тонъ Анны Семеновны испугалъ меня. Красныя пятна выступили на ея блѣдномъ лицѣ, и руки ея дрожали.

Я было-заикнулся, чтобы просить прощенія, но она опять перебила меня:

— Оставьте, Михаилъ Ивановичъ,—не надо, но лучше поймите. *Они* были мои друзья, и еслибъ я могла раскрыть вамъ трогательную драму ихъ жизни—вы, именно вы, стали бы на колѣни передъ ихъ памятью.

— Я и теперь готовъ стать на колѣни—*передъ вами*, Анна Семеновна.

Она тихо улыбнулась и протянула мнѣ руку.

— Есть струны въ сердцѣ, до которыхъ опасно дотрогиваться. Вы этого не знали, и я на васъ не сержусь. Вернемся лучше къ Андрею—но и тутъ предчувствую ваше удивленіе... Знаете ли, что я гораздо строже вашего отнеслась къ его поступку съ Полей? Послѣ того, что̀ случилось въ Іерусалимѣ, онъ не долженъ былъ покидать ее, ни подъ какимъ предлогомъ—ни на единую минуту, до той поры, пока онъ не передалъ бы ее мнѣ, безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Воспользовавшись вашею снисходительностью, онъ дѣйствовалъ — вѣрю, что не отдавая себѣ въ этомъ отчета,—но, тѣмъ не менѣе, какъ бездушный эгоистъ. Я даже нисколько не была тронута его вниманіемъ ко мнѣ. Подъ этой сомнительною деликатностью скрывалось ему самому невѣдомое отсутствіе истиннаго мужества, котораго я имѣла право ожидать отъ него. Вотъ что̀ оскорбило меня глубоко! А что̀, еслибы Поля, въ припадкѣ своего горя, бросилась на рельсы изъ вагона? Развѣ этого предположить нельзя? Андрей содрогнулся, когда я поставила ему этотъ самый вопросъ прямо, безпощадно,— хотя, видитъ Богъ, сердце мое рвалось за него въ эту минуту,— но настоящая любовь не можетъ, не должна заслонять отъ насъ чувство справедливости.

Слова Анны Семеновны,—ея неожиданное воззрѣніе на поступокъ Холмова,—сильно передернули меня. Я весь съёжился, точно подъ ударами хлыста, и готовъ былъ отмахиваться отъ нихъ.

Она не могла не замѣтить моей озадаченной физіономіи, но, не дожидая возможнаго протеста, Анна Семеновна продолжала:

— Выслушайте меня до конца—или нѣтъ!—лучше я прочту вамъ нѣсколько строкъ изъ письма Андрея. Онъ написалъ его, вернувшись въ монастырь послѣ нашего объясненія, и это письмо я всегда ношу съ собой. Вотъ оно:

„Бабушка дорогая, многолюбимая—я ищу новаго слова, чтобы назвать васъ новымъ именемъ по чувству своего сердца—но его нѣтъ и не можетъ быть на землѣ, потому что и вы не земная душа.

„Съ тѣхъ поръ, какъ я, по милости Провидѣнія, попалъ въ ваши руки, чего вы не дѣлали для меня?

„Казалось, что чаша вашихъ благодѣяній была переполнена, и я съ своей стороны, цѣня вашу любовь выше всего въ мірѣ, отдалъ вамъ сердце безъ мѣры и раздѣла, но никогда,—слышите, бабушка,—*никогда* я не былъ проникнутъ, той неизмѣримой благодарностью, которая теперь горитъ во мнѣ. Вы показали мнѣ самого себя, и какъ ни горекъ былъ вашъ упрекъ, въ немъ именно таилась благотворная сила. Она разбудила во мнѣ все потаенное, не сознаваемое зло, и я въ первый разъ взглянулъ на свое прошедшее, касательно Поли, безъ всякаго притворства и прикрасы.

„Тогда я геройствовалъ и великодушничалъ невпопадъ. Стыдно объ этомъ вспомнить!

„Себялюбіе, гордость и то, что̀ вы такъ правильно назвали, нравственная трусость, туманили мой разсудокъ и сбивали меня съ пути настоящаго долга.

„Самъ того не понимая, я обманывалъ себя и добрѣйшаго Михаила Ивановича.

„Не удивляюсь теперь, что дверь раскаянія такъ долго оставалась для меня полуоткрытою,—но благодареніе Богу и вамъ, пагубное заблужденіе миновало! Дверь распахнулась во всю ширь при неотразимомъ словѣ вашей правды. Безъ васъ, полное сознаніе моего грѣха не прохватило бы мою душу... я это знаю. Мнѣ нуженъ былъ строгій, но любящій толчокъ!..

„Что̀ за дѣло, что вы мнѣ не родная мать!

„Я все-таки обязанъ вамъ жизнью—лучшей жизнью! Въ избыткѣ счастья и признательности, я чувствую себя снова ребенкомъ. Мнѣ сладко стоять передъ вами на колѣняхъ, сладко плакать, просить прощенія и обѣщать, что *впередъ никогда не буду*.

„И вы, бабушка, если возможно, взгляните на меня, какъ смотрѣли бывало,—любите, благословите меня“...

Оставались еще двѣ исписанные страницы, но Анна Семеновна, вся растроганная, свернула письмо и положила его обратно въ карманъ.

— Сохрани меня Богъ отъ самонадѣянности,—сказала она тихо, отирая слезы,—но, съ Его помощью, моя откровенность, кажется, не худо повліяла на моего Андрюшу.

Не могу скрыть, что во время чтенія письма я и самъ умилился въ глубинѣ души, но—таковъ уже родъ человѣческій—мнѣ не хотѣлось еще сдаваться вполнѣ.

— Что и говорить!—воскликнулъ я съ легкимъ оттѣнкомъ иронiи, желая хоть чѣмъ-нибудь спасти свое пораженное самолюбiе. — Смѣйтесь, торжествуйте, Анна Семеновна, женскiй разумъ побѣдилъ, и ваши аргументы поставили меня, ни дать ни взять, въ непрiятное положенiе какого-нибудь виноватаго школьника.

— А что? развѣ вы не сознаете въ себѣ дѣйствительно коекакихъ школьныхъ замашекъ?—отвѣчаетъ она, переходя въ шутливый тонъ. Вѣдь всѣ горячiя натуры склонны вообще вдаваться въ крайности; онѣ не обсуждаютъ, а рѣшаютъ вопросъ, смотря по увлеченiю сердца. Вотъ и въ васъ,—прибавила она съ улыбкой,—полутоновъ что-то не слышно, хотя вы милѣйшiй человѣкъ. Воображаю, однако, какой вы были рьяный въ молодости.

— Въ чемъ же вы это подмѣтили, сударыня?

— Да во всемъ, дорогой Михаилъ Ивановичъ,—даже въ вашемъ пристрастiи къ Андрюшѣ, которое, между прочимъ, крайне трогаетъ меня. Онъ, безспорно, недюжинный человѣкъ и сосудъ не глиняный; только, извините меня, я не люблю, когда хвалятъ однихъ въ ущербъ другимъ, и не вѣрю, положительно не вѣрю въ поголовную испорченность современной молодежи. Но положимъ и такъ. Развѣ мы не знаемъ, что Великому Домоправителю нужны сосуды всякаго разбора? Кто можетъ сказать, что Онъ сотворитъ, въ свое время, съ самыми, по нашему мнѣнiю, низкими? Какимъ блескомъ Онъ ихъ озолотитъ и на какое почетное мѣсто поставитъ?... Вотъ хоть моя Поля!—она, несомнѣнно, выброшена была волной изъ пучины,—да волну-то эту какъ вы назовете?

Я замѣтилъ, что глаза Анны Семеновны, въ извѣстные моменты, какъ-то сами собой поднимались къ небу,—полагаю; отъ долгой привычки обращаться *туда* за отвѣтомъ. И что за миръ въ этихъ глазахъ!

— Какъ зарево далекаго восхода!—сказала она.

Я даже уставилъ на нее свои буркулы.

— Что вы на меня такъ удивленно смотрите, Михаилъ Ивановичъ?—спрашиваетъ она.—Придите лучше сюда и сядьте ко мнѣ поближе. Я вамъ еще не все сказала.

Лицо ея подернулось туманомъ, и глубокая складка образовалась на лбу.

— Былъ у насъ и мальчикъ,—шепнула она со вздохомъ,—чудный мальчикъ, въ которомъ я уже начинала предчувствовать повтореніе прошедшаго,—такъ былъ онъ на *него* похожъ; но въ моемъ домѣ мужской полъ словно не уживается. Вотъ и Сеня,—

пробылъ съ нами едва четыре года... взмахнулъ крылышками и улетѣлъ. — Сколько мы съ Полей объ немъ горевали — одному Богу извѣстно! Здѣсь никто не зналъ, что онъ намъ такъ близокъ.

— Не понимаю, Анна Семеновна, какъ вамъ удалось все устроить безъ огласки?

— Очень просто, милый другъ: вскорѣ по пріѣздѣ Поли, я увезла ее съ собой въ мою отдаленную усадьбу, куда и прежде ѣзжала нерѣдко. Черезъ годъ мы вернулись и привезли съ собой крошечнаго пріемыша, что̀ никого не удивило. Онъ былъ не первый, и всѣ знали мою особенную жалость къ покинутымъ сиротамъ. Меня, разумѣется, никто не могъ подозрѣвать, а Полю— того менѣе. На нее смотрѣли какъ на ребенка, и, благодаря Богу, мнѣ не пришлось прибѣгать ни къ какимъ баснямъ. До нихъ я не охотница и не мастерица.

— Вы мудрая, премудрѣйшая женщина, Анна Семеновна,— вотъ что̀ я вамъ скажу.

— Какая тутъ мудрость, любезный Михаилъ Ивановичъ! Назовемъ это лучше любовью, а любовь, вы знаете, не дается даромъ,—ее надо выстрадать.

Анна Семеновна задумалась и, помолчавъ немного, прибавила:

— А тамъ, что̀ люди ни говори, право, наша жизнь устроена прекрасно! Съ каждымъ ударомъ мы умираемъ понемногу— листъ отпадетъ за листомъ, и затѣмъ настанетъ время успокоительнаго ожиданія. Все старое — позади, и душа стремится къ новому. Моя личная жизнь сложилась такъ, что мнѣ некогда было заглядываться на землю и слишкомъ впиваться въ нее. Признаюсь,—бывало подъ часъ трудновато,—но въ концѣ концовъ пожалуй такъ лучше!...

Я весь размякъ, слушая Анну Семеновну, но, будучи ненаходчивъ, опять довольствовался самымъ простымъ словомъ для выраженія своего чувства:

— Позвольте мнѣ, по крайней мѣрѣ, сказать, что вы—счастливая женщина, Анна Семеновна.

— Хорошо, на это я согласна,—отвѣчала она съ улыбкой, сквозь которую проглядывали еще не совсѣмъ залеченныя раны.

— Но и тутъ я ни при чемъ, Михаилъ Ивановичъ. Господь положилъ мнѣ въ сердце непоколебимую надежду. Эта надежда, дѣйствительно, составляетъ мое счастье.

— Ну, а ваше счастье, какъ солнце, отражается на всѣхъ,— прибавилъ я съ горячимъ убѣжденіемъ, и на этотъ разъ остался доволенъ оборотомъ своей прочувствованной рѣчи.

Анна Семеновна поднялась-было, чтобы идти, но я почти-

тельно опять усадилъ ее на мѣсто. Мнѣ вдругъ страшно захотѣлось говорить, и, обратившись къ ней, я промолвилъ:

— Скажу вамъ теперь, безподобная бабушка, забывъ всѣ ваши колкости и обиды, что вы, сами того не вѣдая, прочитали мнѣ сейчасъ полный курсъ покорности и самоотверженія. По теоріи, я все это, конечно, зналъ. Кто не богатъ теоріями? Но такое явное приложеніе къ дѣлу встрѣчаю въ первый разъ, и, если позволите, намотаю вашъ урокъ на свой старый усъ. Пускай читаетъ его кто хочетъ! Я объявлю всѣмъ безъ обиняковъ: „Милостивые государи и государыни! Если вы пожелаете излечиться отъ пагубной болѣзни себялюбія, своеволія или отъ другихъ, подобныхъ имъ недуговъ, отправляйтесь безъ оглядки въ такую-то губернію, въ такое-то село, къ такой-то помѣщицѣ. Тамъ получите всѣ надлежащія инструкціи. Затѣмъ, можете явиться ко мнѣ для изъявленія вашей благодарности, а я за докторское предписаніе не возьму съ васъ ни копѣйки.

Анна Семеновна разразилась такимъ молодымъ смѣхомъ, что я самъ вдругъ помолодѣлъ и готовъ былъ влюбиться въ несравненную бабушку.

— Тише, тише, Михаилъ Ивановичъ!.. Что̀ скажетъ Поля, если услышитъ ваши комплименты?!

— Что̀ скажетъ?—безъ сомнѣнія, то же самое, или то, что̀ говорилъ вашъ Андрей, разсказывая мнѣ про васъ: *„Нѣтъ ничего лучшаго на свѣтѣ любящей, вѣрующей женщины—и такова—моя бабушка!“*—Теперь слова его стали для меня еще понятнѣе.

Анна Семеновна погрозила мнѣ пальцемъ, и какой-то, почти неуловимый оттѣнокъ прелестнаго кокетства промелькнулъ въ этомъ движеніи.

— Пойдемте лучше пить чай,—сказала она, продолжая улыбаться.

Но прежде чѣмъ отправиться на балконъ, гдѣ Поля уже давно насъ ожидала, я еще разъ расцѣловалъ дорогую руку дорогой бабушки со всѣмъ жаромъ и увлеченіемъ юноши...

Графиня А. А. Толстая.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ

ВЪ

САРОВЪ

Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.

I.

На вокзалѣ въ Нижнемъ.—Публика, направляющаяся въ Саровъ.—Въ вагонѣ: богомольцы-„туристы“ и богомольцы-„чающіе“.—Разговоры объ юродивыхъ прорицательницахъ Дивѣевскаго монастыря.—Два слова кстати о путяхъ сообщенія, арзамасскихъ думцахъ и мѣстныхъ „Калхасахъ“.—Какъ мы надумали совершить путешествіе пѣшкомъ „вокругъ Сарова“.

Лѣтомъ прошедшаго года меня пригласили погостить въ Арзамасѣ и его уѣздѣ. Проѣхавъ по желѣзной дорогѣ отъ Петербурга до Рыбинска, а оттуда пароходомъ до Нижняго, я достигъ, такъ сказать, границы нашей относительной культурности и цивилизаціи; дальше начиналась область „самобытности“, въ которую я окунулся нельзя сказать, чтобы съ большимъ удовольствіемъ, но, во всякомъ случаѣ, съ глубокимъ интересомъ.

Извозчикъ привезъ меня на вокзалъ московско-казанской желѣзной дороги, откуда одинъ разъ въ день ходитъ поѣздъ, направляющійся мимо знаменитаго теперь Арзамаса, а оттуда публика добирается на лошадяхъ и пѣшкомъ до Сарова и окружающихъ его монастырей—Дивѣевскаго и Понетаевскаго.

Я былъ пораженъ огромной массой пассажировъ, толпившихся на вокзалѣ, буквально, плечомъ къ плечу. Залъ третьяго класса, гдѣ народъ сидѣлъ и лежалъ на полу, не вмѣщалъ,

однако, всей массы, и часть ея, несмотря на проливной дождь, пріютилась на платформѣ вокзала. Въ первомъ и второмъ классѣ было не лучше: здѣсь публика сидѣла и стояла „въ сплошную“, тискаясь и толкаясь. Во всѣхъ углахъ были навалены горы чемодановъ, узловъ, корзинокъ, картонокъ. Пробраться къ буфету, чтобы достать себѣ стаканъ кофе (дѣло было раннимъ утромъ), нельзя было и мечтать. Я былъ радъ и тому, что кое-какъ протискался въ ближайшій отъ меня уголъ, гдѣ и укрылся за баррикадой изъ узловъ и чемодановъ: здѣсь не такъ толкали и давили съ боковъ.

Присмотрѣвшись къ публикѣ изъ моего обсерваціоннаго пункта, я вынесъ впечатлѣніе, что передо мною—такъ называемый „средній классъ“, помѣщающійся между интеллигенціей и „простымъ“ народомъ, при чемъ женщины преобладали. Это были, по большей части, купчихи или зажиточныя лавочницы—рыхлыя, жирныя, обливающіяся потомъ, тяжело дышащія и охающія. Около нихъ дочки—блѣдныя, вялыя, съ испуганными, „ищущими“ глазами и припухшими отъ безсонницы лицами. Матушки одѣты по старомодному, часто въ большихъ черныхъ платкахъ; дочки почти всѣ—„по фасонамъ“. Нѣсколько старушекъ, съ лицами, сморщенными какъ печеныя яблоки, озабоченно, съ подобострастными, кислыми улыбками, суетились около тяжеловѣсныхъ купчихъ, прислуживая имъ, заглядывая въ глаза, сгибаясь въ три погибели.

Мужчинъ хотя и меньше, но ихъ контингентъ былъ разнообразнѣе: среди типичныхъ картузовъ и длинныхъ сюртуковъ торговаго сословія, мелькали и фуражки съ красными околышами, и погоны педагоговъ, и котелки... Счастливцы, которымъ удалось пріютиться у столовъ, наливались чаемъ изъ собственныхъ большихъ жестяныхъ чайниковъ, стараясь пользоваться отъ буфета только „кипяточкомъ“: ѣхалъ народъ разсчетливый, привыкшій экономить каждую копѣйку.

И вся эта толпа волновалась, торопилась, шумѣла... Кое-гдѣ протискивались носильщики въ своихъ бѣлыхъ фартукахъ и съ мѣдными бляхами на боку; они отыскивали пассажировъ, поручившихъ имъ взять билеты или сдать багажъ.

Несмотря на огромныя окна вокзала, всѣ эти лица и фигуры казались какими-то сѣрыми, такъ какъ небо было покрыто темными, свинцовыми тучами, стекла отпотѣли, и въ воздухѣ стоялъ синеватый туманъ отъ дыханія и табачнаго дыма...

У меня начинала кружиться голова, и я выбрался на подъѣздъ.

По дорогѣ попался у входа мой носильщикъ. Онъ отиралъ лицо фартукомъ и куда-то мчался, толкая окружающихъ, однако успѣлъ проговорить мнѣ:

— Насилу досталъ билетъ! Половинѣ публики придется ждать до завтрева!..

„Вотъ еще удовольствіе!—подумалъ я:—ну, а если кто торопится по неотложному дѣлу? И почему бы не пустить во время усиленнаго движенія богомольцевъ второй поѣздъ?!“

Къ подъѣзду прибывали на извозчикахъ новые и новые пассажиры, поливаемые дождемъ. Длинными, почти непрерывными вереницами тащилось „простонародье“, съ котомками и мѣшками на согнутыхъ спинахъ, съ длинными посохами въ рукахъ, шлепая по грязи лаптями. И среди этихъ вереницъ было больше женщинъ,—старыхъ больше, чѣмъ молодыхъ. У всѣхъ лица скорбныя, сосредоточенныя, а у молодыхъ еще и съ явными признаками тяжелыхъ хроническихъ болѣзней,—блѣдныя, исхудалыя, съ заострившимися носами и сжатыми, запекшимися губами.

Откуда они идутъ? Впослѣдствіи я узналъ, что есть такія, которыя прошли чуть не тысячу верстъ, чтобы добраться сюда!..

Наконецъ, послѣ долгихъ мытарствъ и ухищреній моего носильщика, я—въ вагонѣ II-го класса. Сосѣдями въ моемъ отдѣленіи оказались члены большой семьи петербургскихъ коммерсантовъ, состоящей изъ двухъ мужчинъ и четырехъ дамъ. Это уже—„новѣйшій“ типъ. Одного изъ мужчинъ,—въ очкахъ, съ длинными волосами и остроконечной бородой,—я даже принялъ сперва за какого-нибудь профессора. Другой, въ модномъ дорожномъ костюмѣ, пухлый и мягкій, какъ подушка, съ выбритымъ розовымъ лицомъ и опухшими маленькими глазками, картавилъ чуть не на всѣхъ согласныхъ буквахъ, всю дорогу каламбурилъ, смѣшилъ своихъ дамъ, покупалъ имъ на станціяхъ пирожковъ, которые онѣ выбрасывали въ окна. Въ общемъ, эта компанія вела себя очень развязно, хотя прилично. Вещей съ ними было такъ много, что произошло маленькое столкновеніе съ пассажирами другого отдѣленія; кто-то требовалъ даже жандарма, но мало-по-малу все уладилось, вещи и люди размѣстились, и раздоръ смѣнился довольно дружескими вагонными отношеніями.

Поднятъ былъ вопросъ о томъ, найдутся ли лошади до Сарова въ Арзамасѣ.

— Пассазиловъ осень много,—озабоченно картавилъ пухлый джентльменъ, но въ его озабоченности было что-то дѣтски-

смѣшное, благодаря этому картавленію и розовому гладкому лицу.—Мы пустимся на военныя хитлости,—продолжалъ онъ:—какъ только подъѣдемъ къ Алзамасу, вы нанимайте носильсиковъ, а я плямо побѣгу искать лосадей... Хэ-хэ-хэ! Недулно плидумалъ?!..

Мои сосѣди очень встревожились, когда нашъ поѣздъ сталъ идти совсѣмъ тихо, едва двигаясь, и я ихъ нѣсколько напугалъ, разсказавъ замѣчательную исторію этого мѣста, между Нижнимъ и первымъ полустанкомъ Мыза. Дорога здѣсь проложена по краю высокаго глинистаго обрыва надъ Окой, а съ другой ея стороны подымается почти перпендикулярно вверхъ на десятки саженъ другой обрывъ, такой же глинистый. Оба обрыва—и вверху, и внизу—грозятъ постоянными обвалами, такъ какъ изрыты множествомъ ключей. Вскорѣ послѣ открытія движенія по этой дорогѣ, обнаружилась вопіющая непредусмотрительность инженеровъ, движеніе по этому участку было прекращено, начались новыя работы, а публика ѣздила отъ Нижняго до Мызы на лошадяхъ! Работы тянулись нѣсколько лѣтъ, но къ торжеству открытія мощей въ Саровѣ были окончены. Однако, и теперь дорога, очевидно, представляется „неблагополучной“, такъ какъ движеніе поѣзда здѣсь происходитъ самымъ, такъ сказать, *замедленнымъ шагомъ*. За Мызой онъ идетъ скорѣе, но, въ общемъ, до Арзамаса, не быстрѣе 20-ти верстъ въ часъ. Значитъ, и на всемъ этомъ разстояніи господа инженеры не надѣются на свое сооруженіе. Нельзя сказать, чтобы при такихъ условіяхъ путь былъ особенно пріятенъ! Но одно удобство въ этомъ есть для тѣхъ крестьянскихъ парней и подростковъ, которые, стоя у полотна дороги, то-и-дѣло кричатъ пассажирамъ: „Бросьте намъ газетку! Почитать хочется!“ Это—уже былъ результатъ войны и вызваннаго ею въ деревнѣ интереса къ газетѣ. Замѣчательно, однако, что эти „читатели газетъ“, по большей части, подростки и даже ребятишки. Болѣе зрѣлый возрастъ еще тонетъ во тьмѣ безграмотности.

Налюбовавшись своими quasi-цивилизованными сосѣдями и придя къ выводу, что ихъ настроеніе мало чѣмъ отличается отъ того радостнаго ожиданія, съ какимъ „туристы“ подъѣзжаютъ къ европейскимъ курортамъ и мѣстамъ, знаменитымъ своей красотой или историко-литературными воспоминаніями, я рѣшилъ посмотрѣть публику III-го класса.

Здѣсь она „посѣрѣе“, но это еще не простонародье. Народъ „отправятъ“ вечеромъ съ удешевленнымъ „богомольческимъ“ поѣздомъ, составленнымъ изъ вагоновъ, въ которыхъ возятъ обы-

ковенно коровъ и лошадей. То-есть, говоря проще, это—одинъ изъ товарныхъ поѣздовъ, нагружаемый, вмѣсто „товара“, благочестивыми православными христіанами низшихъ слоевъ общества.

Вагоны третьяго класса были набиты биткомъ. Мнѣ пришлось стоять. Большинство занялось чаепитіемъ, запасшись на первой же станціи кипяткомъ. Велись медленные и благочестивые разговоры, причемъ вокругъ лицъ, сообщавшихъ что-нибудь о мѣстахъ, куда направлялись всѣ эти люди, тотчасъ же образовывался кружокъ молчаливыхъ и любознательныхъ слушателей. Я присоединился къ одному кружку, толпившемуся около двухъ пожилыхъ женщинъ, которыя громко бесѣдовали, попивая чаёкъ.

— Дочь у меня туда ходила,—разсказывала одна старушка другой:—замужняя она, ужъ пятый годочекъ... Ну, а супругъ ея, то-есть, зятекъ-то мой, большую имѣетъ приверженность къ монополіи... Ну-съ, матушка вы моя, изъ пѣсни слова не выкинешь,—во хмѣлю не хорошъ! Ахъ, какъ не хорошъ!

— Дерется?—спросила слушательница съ соболѣзнованіемъ.

— Да это что̀! кабы только дрался! Кто изъ нихъ, мужьевъ-то, не дерется! А ужъ очинно лихъ въ боѣ: и чѣмъ только онъ ее не билъ, чѣмъ только не билъ! Развѣ только стѣной не билъ, ну, а объ стѣну билъ! И скалкой, и ухватомъ, и полѣномъ, и кочергой... Мѣстечка на ней живого нѣтъ, живого мѣстечка нѣтъ! — проговорила старушка, и вытерла глаза концомъ своего чернаго головного платка.—Ну, вотъ, и посовѣтовали намъ отправить ее, матушка, къ угоднику Серафиму, помолиться, потому отъ насъ и другія женщины шли въ Саровъ... Отпустилъ ее и мужъ, и пошла она, а по дорогѣ-то и зашла она въ Дивѣевъ монастырь, гдѣ эта самая юродивая-то Паша-прорицательница проживаетъ... И что̀ бы вы думали, матушка моя? Истинныя, могу сказать, чудеса! Эта Паша всю ея жизнь, какъ на ладони, выложила!

— И какъ же, дорогая моя, во всѣхъ подробностяхъ?—спросила слушательница.

При послѣднихъ словахъ, изъ толпы протискалась, ближе къ разсказчицѣ, молодая, очень блѣдная женщина, довольно красивая, но съ опухшими отъ слезъ глазами. Она была въ шерстяномъ, гранатнаго цвѣта платьѣ, въ воротничкахъ, съ непокрытыми волосами, аккуратно причесанными. Эти заплаканные глаза такъ и впились въ лицо разсказчицы съ выраженіемъ и скорби, и надежды...

— Во всѣхъ, во всѣхъ подробностяхъ!—отвѣтила разсказчица.—Только ея слова надо *понимать*. Она такъ просто не

говоритъ, потому они, юродивые-то эти, дурачками представляются; а надо вникать въ ихъ слова.

— А какими же словами она ей сказала?—спросила, сильно волнуясь, молодая женщина, о которой я сейчасъ упомянулъ.

— А вотъ какими: взяла это она, Паша-то, полынь, подала дочери и закричала на нее сердито таково: „жуй! жуй!“ Ну, та не посмѣла ослушаться, стала жевать... „Что, — спрашиваетъ Паша,—сладко ли?“ А сама какъ захохочетъ! А дочь-то моя ей: „Горько, матушка!“ — „Врешь, — говоритъ,—такая-сякая, врешь! По тебѣ эта полынь слаще меду-сахару! Возьми ее и вмѣсто сахару съ чаемъ пей! Да похваливай!“

— Только и всего?! — спросила молодая женщина тономъ разочарованія.

— А вамъ, милая, чего бы еще нужно было?—съ нѣкоторой досадой отвѣтила разсказчица:—вся жизнь тутъ ея, какъ на ладони! Горчѣе полыни, значитъ?

— Ну, а къ чему же это она велѣла чай-то съ полынью пить?—любопытствовала первая старушка-слушательница.

— А какъ же?! Это она „средствіе“ дала отъ буянства мужа,—отвѣтила разсказчица.—И вѣдь помогло, пока эта полынь вся не вышла: меньше билъ и озорничалъ... Только мало она дала-то, Паша-то, всего одинъ стебелекъ! Вотъ ѣду нарочно—просить буду у нея побольше, да и сокола своего везу, зятя-то... Вонъ онъ спитъ на задней лавкѣ... Всю дорогу пьетъ безъ просыпу.

— А дочка-то ужъ не поѣхала?

— Куда ей! Совсѣмъ онъ ей всѣ внутренности отбилъ, какъ полынь-то вся вышла. Только и отдохнула она недѣльки двѣ послѣ того, какъ вернулась... Ей очень худо! Ужъ больше двухъ недѣль и съ постели не подымается.

— А скажите, пожалуйста,—обратилась къ ней снова молодая женщина:—она можетъ и впередъ прорицать?.. Вотъ вы о своемъ горѣ, а у меня свое: мужъ на Дальній Востокъ пошелъ... Онъ фельдфебель... И недавно повѣнчались мы... Мѣста себѣ нигдѣ не нахожу...

Слезы покатились ручьемъ изъ ея глазъ, и, быстро вынувъ изъ кармана носовой платокъ, она закрыла имъ лицо.

— Ахъ, желанная! — сказала разсказчица:—да, да, велико твое горе! И молоденькая совсѣмъ!.. Ну, ты не безпокойся: она тебѣ все скажетъ...

Въ это время въ дверь вошелъ, вѣроятно изъ сосѣдняго вагона, очень странный человѣкъ, на котораго сразу обратились

всѣ взоры: „Странникъ, отецъ Василій!“—зашептали нѣкоторые кругомъ меня.

Это былъ красивый мужчина лѣтъ пятидесяти, высокаго роста, очень упитанный, съ румянымъ полнымъ лицомъ, надъ которымъ поднималась цѣлая шапка густыхъ, совершенно сѣдыхъ волосъ. Одѣтъ онъ былъ въ очень изящный новый черный подрясникъ, подпоясанный широкимъ, блестящимъ лакированнымъ поясомъ. Изъ-подъ этой одежды виднѣлись босыя крупныя ноги. Шапки на головѣ не было. Въ рукахъ онъ держалъ высокій посохъ съ большимъ серебрянымъ набалдашникомъ (что-то приближающееся къ архіерейскому посоху) и съ желѣзнымъ остріемъ на концѣ.

Ему сейчасъ же уступили мѣсто, и окружающіе стали его просить:

— Благослови, отецъ Василій!

— Я не благословляю,—отвѣтилъ онъ важно,—я не попъ, а странникъ! А вотъ, не желаетъ ли кто книжку купить, мое жизнеописаніе? Здѣсь весь мой родъ и происхожденіе отъ казаковъ, и удостовѣреніе, что и зимой, и лѣтомъ хожу я безъ обуви, и головы не прикрываю... И о моемъ посохѣ есть... Онъ мнѣ разрѣшонъ. Разъ мнѣ, въ Петербургѣ, въ Казанскомъ соборѣ, не позволили-было съ нимъ стоять, а потомъ и туда разрѣшили входить съ нимъ...

Все это онъ говорилъ какъ-то залпомъ, какъ заученное...

Въ рукѣ онъ держалъ пачку брошюръ въ цвѣтныхъ обложкахъ; на первой страницѣ обложекъ красовался его портретъ. Многіе стали покупать у него эти книжечки, долго роясь въ карманахъ, развязывая мѣдяки изъ уголковъ носовыхъ платковъ. Кажется, брошюра стоитъ десять или пятнадцать копѣекъ. Я ее не купилъ, и теперь очень жалѣю объ этомъ. Не купилъ же потому, что жирное, откормленное лицо этого странника, его самовосхваленія, его большія, чисто вымытыя розовыя ноги и, повидимому, дорогой подрясникъ, все вмѣстѣ возбудило во мнѣ чувство до такой степени непріятное, что я поспѣшилъ уйти изъ вагона. Впослѣдствіи я видѣлъ его въ Саровѣ, и онъ также продавалъ брошюры о себѣ самомъ и говорилъ тѣ же слова, отказывался благословлять, и я замѣтилъ въ себѣ то же чувство, помѣшавшее мнѣ даже изъ любопытства купить у него книжку.

Я вернулся въ свой вагонъ и сталъ просматривать одну изъ мѣстныхъ газетъ, купленную мною въ Нижнемъ. Мнѣ попались на глаза выдержки изъ какой-то новой статьи извѣстной поэтессы г-жи Гиппіусъ. Судя по выдержкамъ, она ѣздила прошедшимъ

лѣтомъ на то мѣсто, гдѣ, по народнымъ преданіямъ (связаннымъ съ именемъ Ильи-Муромца), скрылся подъ землей баснословный „Китежъ-градъ“. Писательница, побывавъ среди мѣстныхъ богомольцевъ, поговоривъ съ ними, а также съ губернаторомъ и архіереемъ, нашла, что только ей удалось, наконецъ, понять душу народа, въ ея духовныхъ потребностяхъ, а что остальная литература не понимаетъ этой стороны, не интересуется ею, не заботится о ней, сосредоточивъ все свое вниманіе на матеріальныхъ нуждахъ массы [1]). Эти упреки заставили меня задуматься надъ тѣмъ, знаю ли я дѣйствительно, фактически, а не a priori, эту сторону народной души? Видѣлъ ли я вблизи и, такъ сказать, своими глазами, его „вѣру“ и то, чѣмъ она питается. И мнѣ стало немножко стыдно: все, что я зналъ объ этомъ, было или сообщено другими, или построено мною гипотетически... И мнѣ захотѣлось смѣшаться съ толпой простыхъ людей, пережить и перечувствовать вмѣстѣ съ ними ихъ впечатлѣнія,—ихъ настроенія въ тѣхъ мѣстахъ, куда ихъ влечетъ простая, сердечная вѣра... Однимъ словомъ, я задумывалъ побродить съ богомольцами въ окрестностяхъ Арзамаса, что и исполнилъ вскорѣ.

Въ вагонѣ же третьяго класса я почувствовалъ только, что если у первоклассныхъ пассажировъ настроеніе напоминаетъ туристовъ, подъѣзжающихъ къ курортамъ и мѣстамъ, знаменитымъ въ эстетическомъ отношеніи, то у „сѣрой“ публики настроеніе болѣе сложно и серьезно. Тутъ тоже есть, конечно, чувство, напоминающее настроенія отъ приближенія къ цѣлебному курорту, и еще бо̀льшее — отъ путешествія къ знаменитому европейскому врачу, совершающему чудеса. Но здѣсь, къ этому врачу, стремятся не ради однихъ тѣлесныхъ недуговъ: вся накопившаяся боль жизни, всѣ ея невзгоды и тягости, ея мучительно-утомившее однообразіе тяжкаго труда или, наоборотъ, ожирѣвшаго бездѣлья и взвинчивающей сутолоки,—все, все люди надѣются исцѣлить здѣсь. И мало этого: имъ рисуется возможность узнать свое будущее отъ какой-нибудь юродивой; имъ грезятся заранѣе чудеса, выводящія ихъ за предѣлы земныхъ силъ и обычныхъ явленій жизни... Какую душевную бурю должны переживать эти умы!

Я уже не говорю о житейской сторонѣ ихъ упованій: въ книжкѣ, которую я купилъ впослѣдствіи въ Дивѣевскомъ монастырѣ, и въ которой описывается жизнь другой, уже умершей,

[1]) Статьи я до сихъ поръ не читалъ и сужу о ней по выдержкамъ. Быть можетъ, здѣсь не лишнее указать, что о Китежѣ можно найти свѣдѣнія у Печерскаго, Безсонова, О. Миллера, а о духовной потребности народа немало говорилось славянофилами, Достоевскимъ и даже Леон. Андреевымъ въ его „Василіѣ Ѳивейскомъ“.

юродивой этого монастыря, Пелагеи Серебрениковой,—надзиравшая за нею послушница, Анна Герасимова, разсказываетъ между прочимъ: „Съ ранняго утра и до поздней ночи, бывало, нѣтъ намъ покоя; такъ совсѣмъ и замотаютъ: кто о солдатствѣ, кто о пропажѣ, кто о женитьбѣ, кто о горѣ, кто о смерти, кто о болѣзни и скота, и людей,—всякъ со своимъ горемъ и скорбями, со своей сухотой и заботой ѣдетъ къ ней, бывало, ни на что безъ нея не рѣшаясь“ [1]).

Поѣздъ уже подходилъ къ Арзамасу. Поднялась суетня съ приготовленіемъ вещей къ выносу изъ вагона. Какъ ни торопился мой петербургскій сосѣдъ выскочить первымъ на станціи, но когда онъ, чуть не за полчаса до прихода въ Арзамасъ, отправился на платформу вагона, случилось то, что часто случается въ жизни: планъ его былъ предвосхищенъ десяткомъ другихъ пассажировъ; они набились такъ тѣсно на платформѣ, что даже трудно было открыть дверь, ведущую туда.

Выйдя изъ вокзала, я увидѣлъ вправо отъ него сотни телѣгъ съ будками (кибитокъ) и нѣсколько десятковъ болѣе культурныхъ экипажей, вродѣ дорожныхъ колясокъ и всякаго рода тарантасовъ. Опасенія моихъ спутниковъ были совершенно напрасны: здѣсь образовался спеціальный извозчичій промыселъ въ тѣ мѣсяцы, когда приливъ богомольцевъ великъ. Сотни арзамасскихъ мѣщанъ и подгородныхъ крестьянъ, почуявъ возможность зашибить „рублишко“, тянутся за нимъ на вокзалъ, соорудивъ кое-какъ свой незатѣйливый экипажъ, кибитку. Я увидѣлъ поистинѣ поразительные образчики этихъ экипажей, сооруженныхъ „хозяйственнымъ способомъ“, и удивлялся изобрѣтательности русскаго простого человѣка, когда онъ пускается въ выгодное предпріятіе, а у него нѣтъ копѣйки за душой; не на что купить даже рогожу для будки на свою деревенскую телѣгу. Въ такихъ случаяхъ берутся три-четыре длинныхъ прута толщиной пальца въ три; сгибаются дугой и привязываются концами къ ободамъ телѣги—въ ея задней половинѣ. На эти дуги набрасывается всякое негодное тряпье, какое найдется въ хатѣ: тутъ и клоки старой рогожи, и обрывки стараго женскаго сарафана, и какія-то тряпки безъ названія. Все это кое-какъ прикрѣпляется къ вышеописаннымъ дугамъ, и защита отъ хлябей небесныхъ готова, хотя видъ ея далеко не живописенъ, да и дыры, зіяющія сзади и съ боковъ, подаютъ мало надежды. Конечно, не всѣ кибитки въ такомъ родѣ.

[1]) Сказанія о Христа-ради юродивой подвижницѣ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой“. 3-е изданіе Сераф.-Дивѣев. монастыря. Казань, 1901 г. Дозволено духовной цензурой, 11 сент. 1900 г.

А между тѣмъ, цѣны запрашиваются немалыя. Я слышалъ у подъѣзда вокзала, какъ извозчики просили за проѣздъ въ сносномъ экипажѣ пятьдесятъ рублей, а въ кибиткѣ—тридцать и тридцать-пять рублей. Публика, пораженная такими цифрами, представляла немножко грустную и довольно комическую картину: она торговалась до хрипоты, шлепая по озеру жидкой и липкой грязи, образовавшемуся передъ подъѣздомъ.

— Да ты очумѣлъ!? Такую цѣну ломишь!—кричалъ кто-то въ одномъ мѣстѣ. Въ другомъ, женскій голосъ убѣждалъ извозчика на почвѣ религіозной:

— Да ты Бога-то побойся! Крестъ-то на тебѣ есть, безстыжіе твои глаза?!

— Самая божеская цѣна, ваше степенство!—отвѣчалъ флегматическій голосъ:—вѣдь шестьдесятъ верстъ! А съ оборотомъ—сто-двадцать! Да заѣзжать будете въ Понетаевку и Дивѣевъ! А дорога-то какая! Это не дорога, а чистый адъ!

Въ этомъ послѣднемъ я убѣдился немедленно, пока ѣхалъ двѣ версты до Арзамаса, а затѣмъ по самому Арзамасу, до квартиры моихъ знакомыхъ, встрѣтившихъ меня на станціи. Трудно не поддаться желанію повторить въ милліонный разъ избитую фразу: „Какъ мы еще не культурны!“ Я не знаю, въ чьемъ вѣдѣніи находится дорога отъ станціи до Арзамаса, но арзамасская,—съ позволенія сказать,—„мостовая“, конечно, лежитъ на отвѣтственности городского самоуправленія. Здѣсь это самоуправленіе,—благодаря извѣстнымъ всякому дефектамъ ценза,—находится, какъ почти и вездѣ, въ рукахъ исключительно лавочниковъ, трактирщиковъ и тому подобнаго люда (извѣстнаго въ Петербургѣ подъ именемъ „черной сотни“). Не поздоровилось бы заправиламъ города, если бы я сообщилъ здѣсь то, что̀ поразсказалъ мнѣ объ ихъ дѣятельности извозчикъ. Увѣряю васъ, что и они „думаютъ“ и критикуютъ, да какъ еще! Для меня было совершенной новостью, изумившей меня, его сознательно - негодующее отношеніе къ мѣстному хозяйству и даже администраціи. И это былъ не юноша, а человѣкъ лѣтъ пятидесяти. Онъ, видимо, былъ радъ высказаться и излить передъ кѣмъ-нибудь всю накопившуюся желчь маленькихъ людей, которымъ некому и некуда жаловаться на свое полное безправіе. Но, пропуская подробности, не могу умолчать объ исторіи съ городскимъ водопроводомъ, которую я зналъ ранѣе. Спеціально на этотъ водопроводъ были завѣщаны, много лѣтъ назадъ, десятки тысячъ рублей однимъ умершимъ мѣстнымъ богачомъ. Водопроводъ здѣсь—дѣло первой необходимости, такъ какъ рѣка (Тёша) заражена нѣ-

сколькими заводами, приготовляющими изъ шерсти кошмы, или войлоки. Колодцевъ въ городѣ нѣтъ, потому что онъ устроенъ на горѣ. Попытки буренія не привели ни къ чему. Десятка три болѣе состоятельныхъ людей получаютъ воду за три версты изъ ключей, находящихся въ городскомъ лѣсу „Мокрый Врагъ". Эту воду, каждое утро, и зимой, и лѣтомъ, и осенью, возятъ въ бочкахъ особые водовозы. Все же остальное многотысячное населеніе пользуется водой изъ прудковъ, вырытыхъ въ чертѣ города. Фактически установлено, что въ эти прудки, особенно во время дождей, а тѣмъ болѣе осенью и весной,—стекаются всѣ городскія нечистоты, такъ что, въ это время, вода прудковъ представляетъ, *буквально*, что-то среднее между цвѣтомъ жидкаго кофе и бульона. Миріады мелкихъ живыхъ существъ, видимыхъ даже невооруженнымъ глазомъ, кишатъ въ этой вонючей гущѣ. Изъ нѣкоторыхъ прудковъ уже запретили брать воду даже для стирки, о чемъ сдѣланы соотвѣтствующія надписи. И вотъ, имѣя въ своемъ распоряженіи спеціальный капиталъ для водопровода и пользуясь тѣмъ, что въ духовномъ завѣщаніи о немъ есть фраза: „если водопроводъ нельзя будетъ устроить, то деньги могутъ быть употреблены на кредитъ мѣстнымъ купцамъ,—городское управленіе роздало этотъ капиталъ по рукамъ своихъ присныхъ, а затѣмъ стало упорно добиваться того, чтобы этотъ капиталъ обратить и навсегда въ кредитный фондъ мѣстныхъ купцовъ и лавочниковъ. Однако, нашелся энергическій борецъ противъ этого вопіющаго издѣвательства надъ городскимъ населеніемъ. И какъ бы вы думали,—кто этотъ борецъ? Одинъ изъ мѣстныхъ священниковъ, человѣкъ пожилой, очень начитанный и оригинальный. Я съ нимъ познакомился ранѣе, когда былъ въ Арзамасѣ. И, борясь много лѣтъ, затративъ свои собственныя средства на подготовительныя работы по устройству водопровода (я видѣлъ эти обширныя земляныя работы на „Мокромъ Врагѣ"), онъ добился, наконецъ, того, что побѣдилъ: на это дѣло обратили вниманіе нижегородская печать и высшій представитель губернской администраціи; была назначена недавно спеціальная коммиссія, и т. д., и т. д. Но надо было имѣть желѣзную энергію этого арзамасскаго „Штокмана", чтобы перенести всѣ клеветы, доносы и тому подобныя прелести захолустной борьбы и не пасть духомъ. Однако, въ виду тревожныхъ мѣръ, принимаемыхъ прошлой осенью противъ холеры, появившейся на Волгѣ, не мѣшаетъ администраціи края припомнить, что водопровода въ городѣ еще нѣтъ, а десятки тысячъ жителей пьютъ и будутъ пить грязь изъ прудковъ. Противъ этого нужно бы при-

нять мѣры своевременно, какъ и противъ того, что вода въ рѣкѣ Тёшѣ невозможна для употребленія. Но неужели нельзя и противъ этого вопіющаго зла принять какія-нибудь мѣры, въ виду надвигающагося бѣдствія? Развѣ нельзя перенести эти заводы?!

Кстати, еще одинъ вопросъ, и я оставлю въ покоѣ Арзамасъ: почему станція желѣзной дороги устроена въ двухъ верстахъ отъ города, тогда какъ полотно желѣзной дороги пролегаетъ почти по самому городу,—между нимъ и предмѣстьемъ? Почему можно было, на случай проѣзда царской фамиліи, устроить временную станцію именно здѣсь, и почему ее не оставили послѣ проѣзда, хотя бы въ видѣ полустанка для богомольцевъ? Для чего ее сломали?

Я задавалъ этотъ вопросъ многимъ изъ моихъ знакомыхъ въ Арзамасѣ, и всѣ отвѣчали неопредѣленно:

— Развѣ вы не знаете русскихъ инженеровъ?! И гдѣ вы видѣли, чтобы станціи желѣзныхъ дорогъ были устроены около самыхъ городовъ? Въ одномъ случаѣ, городское общество не умѣло „хорошенько“ просить господъ инженеровъ, а въ другомъ—черезчуръ „хорошо“ просило, чтобы станція была подальше, ради какихъ-нибудь спеціальныхъ интересовъ двухъ-трехъ городскихъ заправилъ. У насъ, въ Арзамасѣ, кажется, былъ этотъ второй случай...

— Ну, допустимъ! А для чего же было ломать станцію, уже выстроенную по случаю проѣзда Государя? Вѣдь ея постройка стоила денегъ; сломка стоила новыхъ денегъ, конечно. Не понимаю!..

Такъ мнѣ никто и не могъ объяснить этой удивительной финансовой комбинаціи.

А богомольцы, особенно пѣшеходы, должны тащиться нѣсколько лишнихъ верстъ по ужасной дорогѣ (за Арзамасомъ она лучше). Каждый день, я видѣлъ сотни ихъ изъ оконъ моего арзамасскаго жилища. Первая группа богомольцевъ начинаетъ двигаться тотчасъ по приходѣ поѣзда въ коляскахъ и тарантасахъ, тройками и даже четвернями; затѣмъ, длинной вереницей начинаютъ тащиться кибитки, а къ ночи,—стараясь миновать городъ, плетутся пѣшеходы...

И никѣмъ ничего не предпринимается для ихъ удобствъ, для облегченія ихъ тяжелаго пути, иногда за тысячи верстъ. На время торжества открытія мощей, еще были устроены кое-гдѣ по дорогѣ небольшія избушки, въ которыхъ можно было достать кипятокъ, отдохнуть подъ навѣсомъ. Теперь эти избушки или сломаны, или заколочены...

Право, въ этомъ безсердечномъ отношеніи къ тысячамъ людей, ищущихъ въ этихъ мѣстахъ утѣшенія отъ своихъ душевныхъ и тѣлесныхъ бѣдъ, есть что-то „калхасовское“. У насъ готовы проявить самое напряженное и дорого стоющее усердіе, когда дѣло идетъ объ оффиціальномъ, показномъ энтузіазмѣ, а когда нужно сберечь силы, здоровье и трудовые гроши цѣлой массы „малыхъ сихъ“, мы и палецъ о палецъ не ударимъ...

А они, эти массы, все идутъ и идутъ безконечными, понурыми вереницами, то задыхаясь въ пыли, палимыя солнцемъ, то утопая въ грязи подъ проливнымъ дождемъ... Какъ должна быть велика ихъ жажда увидѣть чудныя мѣста, гдѣ сіяетъ не здѣшняя, не людская, обидѣвшая ихъ правда, а правда, по ихъ мнѣнію, божеская... Мнѣ, когда я смотрѣлъ на эти вереницы изъ своихъ оконъ,—нерѣдко приходило на мысль ихъ сходство съ тѣми вереницами птицъ, которыя осенью летятъ въ южные края, влекомыя непреодолимой жаждой увидѣть животворное, настоящее, южное солнце.

II.

Первыя впечатлѣнія пѣшехода.—Почему онъ нуждается въ револьверѣ.—Видъ Арзамаса и его окрестностей à vol d'oiseau.—Первая встрѣча съ богомольцами.—Новый типъ извозчика.—Внѣшній видъ теперешней деревни.—Попрошайничество крестьянскихъ дѣтей, развиваемое богатыми богомольцами.—Деревенская чайная и бабья конкурренція.—Еще богомольцы.—Игра крестьянскихъ ребятъ въ японскую войну.

Мы отправились изъ Арзамаса маленькой, но дружной компаніей, въ составъ которой вошла и „учащаяся молодежь“ обоего пола. Дали себѣ слово идти пѣшкомъ, а для устающихъ взяли простую телѣгу. По совѣту арзамасскихъ знакомыхъ, запаслись револьверомъ: говорили, что было нѣсколько случаевъ нападенія извозчиковъ на своихъ пассажировъ. Не отвѣчаю за правдивость этихъ слуховъ, но разсказывали вотъ что: одинъ купецъ заснулъ дорогой; извозчикъ завезъ его въ придорожный лѣсъ, а тамъ уже поджидалъ ихъ его соучастникъ. Онъ выстрѣлилъ въ купца, но не убилъ, а только ранилъ. Купецъ, обладавшій силой медвѣдя, связалъ и извозчика, и его товарища, уложилъ въ экипажъ и привезъ въ мѣстный полицейскій пунктъ. Въ другомъ случаѣ спасителемъ оказался какой-то исправникъ: проѣзжая случайно мимо одного лѣса, онъ услышалъ отчаянные женскіе крики и поспѣшилъ на выручку. Оказалось, что извозчики собирались грабить пассажирокъ.

Вѣроятно, благодаря этимъ разсказамъ, богомольцы и ѣдутъ, и идутъ вереницами, боясь отстать отъ другихъ, подобно караванамъ въ дикихъ и некультурныхъ пустыняхъ. Мы, обладая револьверомъ, могли не соблюдать строго этого правила.

Выѣхали мы изъ Арзамаса въ шесть часовъ утра. Небо было хмурое, моросилъ легкій дождь; но едва мы выбрались за черту города и стали подниматься на гору по большой дорогѣ, обсаженной старинными деревьями, дождь прекратился, кое-гдѣ начали показываться среди сѣрыхъ облаковъ клочки голубого неба, а потомъ и солнце взглянуло на насъ.

Съ горы открылся довольно живописный видъ на покинутый нами городокъ, тоже стоящій на горѣ, окруженной широкой серебристой лентой рѣки, за которой дальше широко раскинулись луга, виднѣлись на горизонтѣ рощи и села съ бѣлыми точками церквей. И какое множество церквей въ этой мѣстности! Въ самомъ Арзамасѣ ихъ отъ тридцати до тридцати-пяти, и при томъ три монастыря—два женскихъ и одинъ мужской. Сейчасъ же подъ городомъ еще мужской монастырь, Высоко-Горскій, названный такъ потому, что помѣщается на высокомъ холмѣ. Холмъ весь покрытъ лѣсомъ, и на самой вершинѣ, надъ синевой деревьевъ, виднѣются колокола и куполы монастыря. Все это красиво, какъ красивъ издали и Арзамасъ, съ бѣлой колоннадой своего собора, со множествомъ церквей, опоясанный зеленой опушкой бульваровъ.

Меня заняла мысль, почему именно въ этомъ уголкѣ Россіи такъ скучились монастыри и церкви? Окиньте взоромъ горизонтъ въ какомъ угодно мѣстѣ, и вы насчитаете ихъ здѣсь не менѣе пяти-шести; онѣ, какъ бѣлые восклицательные знаки, поставленные остріемъ вверхъ, виднѣются издалека, среди чуть замѣтныхъ небольшихъ группъ сѣроватыхъ точекъ, т.-е. селъ. Нигдѣ въ другихъ мѣстахъ Россіи я не видѣлъ такого наглядnаго проявленія религіознаго чувства: вѣдь нужно было вложить огромную энергію этимъ сѣренькимъ точкамъ и кучкамъ, чтобы создавать и поддерживать этихъ, сравнительно, гигантовъ, собирая на это средства иногда по грошикамъ, по копѣечкамъ, среди цѣлаго моря неприкрытой бѣдноты! Вѣроятно, была какая-нибудь историческая или историко-психологическая причина такого сосредоточенія религіозной жажды въ этомъ районѣ?

Я припомнилъ, какъ, вскорѣ послѣ освобожденія нами Болгаріи, ѣхалъ въ одномъ вагонѣ съ молодымъ болгарскимъ учителемъ, возвращавшимся на родину изъ Москвы, гдѣ онъ учился на счетъ „Славянскаго благотворительнаго общества“. Смотря въ

окно и увидавъ на горизонтѣ нѣсколько селъ съ церквами, онъ сказалъ не безъ гордости:

— Вотъ у насъ надъ селами возвышаются бѣлыя зданія школъ, какъ у васъ церкви.

Быть можетъ, онъ и прихвастнулъ немножко, но если въ этомъ и есть доля правды, то отвѣтъ на это одинъ: у каждаго народа—своя исторія.

Солнце давно уже разогнало съ неба его сѣрую пелену. Справа и слѣва отъ насъ разстилались поля, покрытыя рожью, овсомъ и душистой гречихой, окаймленныя рощами... Воздухъ былъ такъ свѣжъ, чистъ и ароматенъ, онъ вливалъ такую бодрость въ каждую фибру тѣла, что мы какъ-то сразу развеселились: насъ точно опьянилъ этотъ избытокъ кислорода; забыты всѣ житейскія заботы и тревоги, жизненные „будни"; впереди было нѣсколько дней такого же воздуха, такой же свободы и беззаботности, такого же ожиданія новыхъ впечатлѣній,—быть можетъ, самыхъ интересныхъ и загадочныхъ изъ всѣхъ, какія можно получить гдѣ бы то ни было...

Насъ обгоняла вереница пѣшеходовъ. На минуту нѣкоторые присѣли на пригоркѣ „переобуться". Я прислушался къ разговорамъ. Какой-то нестарый человѣкъ, по виду мастеровой-одиночка, одѣтый довольно чисто, критиковалъ отставшаго спутника:

— Онъ еще не хаживалъ такіе концы, а мы это дѣло знаемъ! Нѣшто можно ходить въ такой обуви, да еще съ каблуками! Вотъ онъ увидитъ! А еще споритъ, фардыбачитъ: „я, молъ, знаю, я хаживалъ и не такіе концы"! Ну, вотъ, пускай пройдется!..

Двое изъ странниковъ—одинъ въ изорванномъ пиджакѣ, съ опухшимъ лицомъ и сине-краснымъ носомъ, а другой въ сѣромъ, замасленномъ подрясникѣ и остроконечной скуфейкѣ, рыжій и въ веснушкахъ—подошли къ намъ и стали просить „на дорогу странничкамъ".

Отъ обоихъ пахло водкой. Есть, очевидно, и такой типъ странниковъ. Вообще, по мѣрѣ того, какъ я знакомился на пути и во время остановокъ въ деревняхъ съ типами богомольцевъ, мое первое, нѣсколько сантиментальное, представленіе о нихъ стало замѣняться болѣе реальнымъ. Народная масса вовсе не такъ однообразна, какъ кажется издали. Среди нея, при ближайшемъ знакомствѣ, оказывается немало типовъ, не похожихъ другъ на друга. Я буду отмѣчать, гдѣ встрѣтится возможность, болѣе интересные изъ этихъ типовъ.

Не могу не сказать кстати нѣсколькихъ словъ о нашемъ возницѣ, такъ какъ онъ, несомнѣнно, „новый типъ" въ извозчичьемъ

промыслѣ. Онъ очень помогалъ тому безпричинно-веселому настроенію, которое владѣло нами въ теченіе всей этой поѣздки. Это—юноша лѣтъ семнадцати, ученикъ арзамасской технической школы. Одѣтъ въ пиджачокъ; на ногахъ—суконныя штиблеты. Носитъ темные очки, длинный, худощавый, рыжеватый, въ веснушкахъ. Онъ очень интересуется технической стороной науки и особенно примѣненіями электричества. Задумавъ давно устроить себѣ собственноручно электрическую лампу, онъ внимательно разспрашиваетъ студента (естественника) о томъ, какъ бы попроще и подешевле устроить самому „сильные элементы“. При этомъ обнаруживаетъ значительную начитанность и нѣкоторый опытъ въ этомъ дѣлѣ. Мы его зовемъ попросту Костей, говоримъ ему „ты“, такъ какъ онъ знакомъ моимъ спутникамъ съ ранняго дѣтства. Отецъ его служитъ конторщикомъ на одномъ изъ мѣстныхъ заводовъ, а предпріимчивый юноша самъ задумалъ „зашибать деньгу“, возя въ Саровъ богомольцевъ. Онъ сумѣлъ убѣдить отца купить на скопленныя деньжонки тарантасъ и пару лошадей, и въ прошломъ году добылъ рублей полтораста.

— Я прежде возилъ въ тарантасѣ, да бросилъ его. И вообще, придется это дѣло бросить,—сказалъ онъ не безъ сожалѣнія.

— Почему же, развѣ невыгодно?—спросилъ я.

— Да оно, пожалуй, и выгодно; только для здоровья очень тяжко. Я сильно захворалъ, въ больницѣ лежалъ, въ Казань возили, чуть не умеръ. Докторъ мнѣ запретилъ этимъ дѣломъ заниматься. Вы подумайте сами: и дождь тебя поливаетъ, и вѣтеръ продуваетъ, и ночи ты не спи!.. Пассажиры заснутъ, а я долженъ сидѣть на облучкѣ, да не дремать, а то и въ канаву угодишь. Положимъ, лошади у меня дорогу знаютъ, а разъ былъ такой случай: везъ я ночью купцовъ. Ну, и заснулъ на козлахъ. Просыпаюсь: что такое?! Кругомъ темно, а я лежу гдѣ-то, и самъ не знаю, гдѣ. Опомнился, вскочилъ. Вижу—большая дорога, а ни лошадей, ни тарантаса нѣтъ. Прислушался — ниоткуда ни звука. А у меня лошади балованныя,—я ихъ, то-есть, балую, даже иногда пряниками кормлю, если самъ ѣмъ; ну, и каждую зову по имени. Вотъ я и сталъ ихъ кричать. Потому, онѣ непремѣнно ржать начнутъ, если услышатъ. Однако, и на крикъ мой онѣ голоса не подали. Страхъ, какъ я испугался! Давай бѣжать по дорогѣ. Бѣжалъ, бѣжалъ, даже въ груди заломило... Опять кричу: нѣтъ отвѣта. Тутъ я смекнулъ, что онѣ, вѣрно, на другую дорогу свернули. Ну, и побѣжалъ назадъ, да на ту дорогу. Бѣгу, а самъ все ихъ кричу. Ну, и заржали, славу Богу! Тутъ я чуточку успокоился, нашелъ ихъ. Пассажиры мои про-

снулись, ругаютъ меня, чуть не побили. „А я,—говорю имъ,—чѣмъ виноватъ? Вы вчера въ монастырѣ въ номерахъ спали, а я всю ночь на повозкѣ провелъ, на дворѣ подъ сараемъ, и глазъ не сомкнулъ ни разу".

— Да почему жъ ты не могъ заснуть?—спросилъ студентъ.

— А вотъ я вамъ скажу. Въ Понетаевскомъ монастырѣ, подъ навѣсомъ, невозможное выдѣленіе ам-монія!..

Онъ произнесъ это ученое слово съ такой важностью, что вызвалъ у насъ взрывъ смѣха.

— Да вы не смѣйтесь! Столько тамъ ам-монія, что даже лошади корма не ѣдятъ. Даю вамъ честное слово. А выдвинуть экипажъ изъ-подъ навѣса невозможно: дождь поливаетъ. Да и другая причина есть, что не спишь всю ночь, даже не ложишься, и стараешься сидѣть, чтобы не задремать. Вѣдь тутъ извозчики какой народъ-то! Все это воры да разбойники, голытьба! Развѣ серьезный хозяинъ броситъ домъ и хозяйство? Ну, вотъ и боишься заснуть, а то сейчасъ лошадей сведутъ: здѣшніе извозчики на это ловкачи... Ну, а не спавши всю ночь, поневолѣ дремлешь на козлахъ!..

— Ну, и крѣпко же ты заснулъ, Костя!—сказалъ, смѣясь, студентъ.—Не слышалъ, какъ упалъ съ козелъ, и треснулся о землю! Всѣ хохотали—и самъ Костя.

— Зато съ тѣхъ поръ я бросилъ тарантасъ,—воскликнулъ онъ:—Въ телѣгѣ не опасно: если заснешь, подъ колеса не свалишься. А въ тарантасѣ съ козелъ прямо подъ колеса! Не знаю ужъ, какъ меня тогда Господь спасъ!

Тучи снова надвинулись и полилъ дождь, становившійся все крупнѣе и крупнѣе. Не помогли „непромокаемые плащи" и зонты, которые вырывало изъ рукъ и выворачивало вѣтромъ; дорога обратилась въ липкій черный киселъ, въ которомъ ноги вязли и разъѣзжались. Идти было нельзя, и мы забрались на телѣгу. Однако, наше веселое настроеніе продолжалось. Шутки и остроты надъ дождемъ не умолкали. И опять насъ насмѣшилъ Костя. На ногахъ у него, вмѣсто сапогъ, были ботинки изъ какой-то шерстяной матеріи. Конечно, онѣ насквозь промокли и пропитались грязью.

— Здорово ноги промочилъ!—сказалъ онъ своимъ особеннымъ тономъ, въ которомъ сквозь серьезность просвѣчивалась шутка.

— Да какъ же ты ѣдешь въ дорогу въ такихъ ботинкахъ?—заботливо спросила его мать студента.

— Да очень просто: заказалъ сапоги, а они не лѣзутъ на ногу. Ну, теперь сапожникъ шьетъ новые ужъ второй мѣсяцъ!

Опять общій хохотъ.

Въѣзжаемъ въ большое село. Часть его недавно выгорѣла, и вмѣсто избъ торчатъ полуразвалившіяся печи. Во многихъ мѣстахъ идетъ оживленная постройка новыхъ, и почти всѣ онѣ съ желѣзными крышами. Въ уцѣлѣвшей части села значительная часть домовъ крыта желѣзомъ и, очевидно, не особенно давно: иныя крыши сверкаютъ свѣжей зеленой краской, другія еще не окрашены.

— Это для меня новость,—говорю Костѣ:—въ деревнѣ и желѣзныя крыши!

— А это земство здѣшнее старается,—отвѣчаетъ онъ мнѣ.—Склады завело, выдаетъ желѣзо съ разсрочкой. Сейчасъ поѣдемъ черезъ другое село, такъ тамъ всѣ почти избы уже покрыты желѣзомъ. Страховки тоже выдаютъ.

Между двумя половинами села, стоящими на пригоркахъ, широкій длинный прудъ съ плотиной.

— Вотъ и эти пруды земство устроило,—поясняетъ мнѣ Костя,—на случай пожаровъ. Почти во всѣхъ селахъ здѣсь по дорогѣ такіе пруды...

— Все это хорошо,—отвѣчаю я,—а вотъ, посмотри-ка, тутъ же, рядомъ съ домомъ подъ желѣзной крышей, пристроенъ сарайчикъ, крытый соломой... Вонъ и тамъ, и тамъ! Почти вездѣ... И тутъ же цѣлые стоги соломы! Какая же польза будетъ отъ желѣзныхъ крышъ?

— Ну, не все сразу!—защищаетъ Костя мужиковъ:—значитъ, некуда мужичкамъ податься! Тѣснота насчетъ земли!..

Проѣзжаемъ мимо двухъ-этажнаго новаго дома съ большой вывѣской: „Земская школа“. Лѣвѣе, на пригоркѣ—церковь; невдалекѣ отъ нея—два-три деревянныхъ дома побольше крестьянскихъ, съ садами, выглядывающими изъ-за нихъ своими зелеными деревьями.

— Это чьи же?—спрашиваю.

— А это—духовенства.

Еще дальше,—въ порядкѣ,—двухъ этажный домъ: низъ каменный, верхъ деревянный, новый; крыша желѣзная, зеленая, съ узорными украшеніями. На окнахъ—цвѣты и кисейныя занавѣски; въ нижнемъ этажѣ—лавка съ вывѣской. Впереди вижу еще одинъ такой домъ, но уже безъ лавокъ и вывѣсокъ.

— Это что же за богачи здѣсь живутъ?

— А каменьщики!—объясняетъ Костя.—Изъ этихъ мѣстъ много каменьщиковъ: уходятъ и въ Нижній, и въ Москву..

Подряды снимаютъ многіе... Хорошія деньги зашибаютъ! Ну, а все же въ деревню тянетъ: здѣсь они вѣдь вродѣ аристократовъ.

Село кончается. У околицы на насъ набрасывается толпа ребятишекъ; бѣгутъ за нашей телѣгой и кричатъ:

— Дайте что-нибудь! Дайте! Ишь, скупые! Дайте!

— Вонъ какая скверность развелась въ деревнѣ!—говоритъ Костя.—Это все проѣзжіе избаловали! Бросаютъ имъ деньги, а они и привыкли.

Мы уже далеко отъѣхали отъ околицы, а ребятишки все еще бѣжали за нами. Иные, потерявъ терпѣніе, бросали въ насъ грязью или пускали такую четырехъ-этажную брань, что хоть уши затыкай!

И неужели всего этого не знаетъ мѣстное духовенство? Почему же оно не борется противъ этой порчи? Развѣ нельзя убѣдить родителей? Какъ совмѣстить религіозность народную, бьющую здѣсь въ глаза повсюду въ этихъ сотняхъ церквей, и полное отсутствіе вліянія на народъ духовенства?—И сколько здѣсь поднимается на каждомъ шагу такихъ вопросовъ!..

И нѣсколько селъ проѣхали мы, и вездѣ одно и то же, и во внѣшнемъ видѣ селенія, и въ этихъ толпахъ ребятишекъ у выѣздовъ. Движеніе богомольцевъ вызвало и еще одну особенность: изъ многихъ избъ зазываютъ проѣзжихъ пить чай; иногда женщины выбѣгаютъ прямо на дорогу и хвалятъ свою избу: „У насъ чисто! изба большая!“ Иногда кричатъ изъ оконъ. Предлагаютъ купить ягодъ (земляники)...

Въ одномъ изъ селъ мы рѣшили остановиться, чтобы выпить чаю. Въ угловомъ домѣ (село круто поворачивало влѣво, подъ прямымъ угломъ), помѣщалась въ лѣвой половинѣ лавка, а на правой красовалась вывѣска: „Чайная“. Это была небольшая, низенькая комната, въ два окна съ правой стороны отъ входа и въ одно на улицу съ той стороны, гдѣ была дверь. Въ „чайной“ стоялъ густой чадъ отъ дровъ и углей, тлѣвшихъ въ лѣвой отъ входа части избы, въ какомъ-то странномъ подобіи очага или плиты; этотъ очагъ служилъ не для кипяченія воды, а только для того, чтобы имѣть подъ рукой горячіе угли, которые при насъ насыпали въ трубу огромнаго самовара, грязнаго, кое-гдѣ позеленѣвшаго. Чадъ усилился. Мы расположились у одного изъ двухъ столовъ, стоявшихъ съ правой стороны, отворивъ дверь и окна. Скоро въ избу набралось съ полдюжины бабъ, продававшихъ ягоды, молоко, даже соленые грибы. Повидимому, не всѣ бабы пользовались отъ хозяевъ чайной одинаковыми правами входа и продажи. За наружной дверью уже

шла ожесточенная перебранка толстой хозяйки этой чайной и лавки съ нѣкоторыми изъ сосѣдокъ, которыхъ она гнала прочь. Онѣ стояли передъ дверями чайной со своими деревянными чашками, въ которыхъ алѣла земляника, и упрекали хозяйку, что та „однимъ мирволитъ, а другихъ обижаетъ“.

Такъ какъ передъ чайной была невыразимая словами навозная грязь, отъ множества останавливающихся здѣсь ежедневно телѣгъ и экипажей, то несчастныя бабы почти до колѣна стояли въ этомъ мѣсивѣ своими босыми ногами.

Вслѣдъ за нами стали подъѣзжать и другіе богомольцы, и скоро чайная наполнилась такъ, что, несмотря на открытыя двери и окна, было трудно дышать... Торговля ягодами и грибами стала шумнѣе, но едва ли успѣшнѣе: пріѣхавшая публика состояла изъ бойкихъ мѣщанокъ или лавочницъ и такихъ же спутниковъ-мужчинъ. Торговались они съ остротами и прибаутками, давая такія цѣны, что бабы приходили въ отчаяніе. Мужчины закурили папиросы... Повидимому, путешествіе и воздухъ дѣйствовали на этихъ „туристовъ“ опьяняющимъ образомъ (водки я не замѣтилъ),—до такой степени всѣ они были веселы, громко смѣялись, болтали и острили, не исключая и стариковъ.

Мы поторопились выбраться на воздухъ. А такъ какъ Костя хотѣлъ немножко покормить лошадь, то мы кое-какъ, по заваленкѣ избы добрались до лужка, бывшаго за ней, гдѣ оказались сложенными бревна и доски; на нихъ мы и усѣлись. Къ счастью, небо опять разъяснилось.

Около бревенъ десятокъ ребятишекъ играли въ войну съ японцами. Японца изображала дѣвочка и, повидимому, только потому, что у нея торчала сзади маленькая коса, т.-е., по мнѣнію деревенскихъ ребятъ, аттрибутъ японцевъ. Ее ловили, тащили за косу, судили, но,—долженъ добавить,—все это продѣлывалось очень добродушно и весело. Дѣвочка не заявляла никакихъ претензій, и первая смѣялась, когда ее тащили за косу. Было много шума и гвалта, но — никакихъ признаковъ воинственности или озлобленія. Японецъ, повидимому еще представлялся тогда деревенскому люду какимъ-то очень „смѣшнымъ“, забавнымъ существомъ, мало отличающимся отъ обезьяны своей глупостью.

III.

Эстетическое чувство, возбуждаемое Дивѣевскимъ монастыремъ.—Общее настроеніе.—Паша юродивая, ея наружность, дѣйствія, отношенія къ ней толпы и наоборотъ.—Горячая поклонница ея и вятскій крестьянинъ-скептикъ.—Жнитво Паши и ея куклы-проницательницы.—Монастырская гостинница.—Объясненіе послушницей того, что такое „юродивые".—Пріобрѣтеніе книжекъ о дивѣевскихъ юродивыхъ.

Вечерѣло. Солнце стало клониться къ западу, и вся окрестность, съ ея полями, рощами и далекими селами, точно подернулась легкой, прозрачной, розовато-золотой дымкой... Сильнѣе повѣяло нѣжнымъ дыханіемъ луговъ.

Костя указалъ на далекомъ, возвышенномъ голубоватомъ горизонтѣ чуть замѣтную тоненькую бѣловатую стрѣлку, направленную въ небо своимъ золотымъ остріемъ.

— Вонъ и Дивѣево виднѣется!—воскликнулъ онъ:—теперь осталось верстъ десять. Это вонъ—колокольня ихняя...

Надъ окрестностями съ радіусомъ въ десятки верстъ царила эта стрѣлка! И чѣмъ ближе мы подъѣзжали къ ней, тѣмъ больше она росла, а рядомъ съ нею выросталъ, поражая своей красотой, гигантскій, бѣлый, какъ и она, пятиглавый соборъ, въ стилѣ московскаго храма Спасителя, но гораздо стройнѣе, легче, изящнѣе. При закатѣ солнца, со своими сверкающими крестами и главами, онъ казался прозрачнымъ, вылитымъ изъ нѣжнаго фарфора, взлетающимъ къ облакамъ своими горящими крестами. Разбросанныя внизу по равнинѣ деревни и самое село, по которому мы ѣхали, съ его рыже-сѣрыми хатами, казались передъ этимъ красавцемъ-великаномъ щепотками грязнаго песку или крохотными муравьиными кучами. Вотъ уже видна и высокая каменная стѣна, окружающая монастырь, и ея широкія въѣздныя ворота.

Я имѣлъ уже точныя свѣдѣнія, что Дивѣевскій монастырь вмѣщаетъ въ себѣ больше 1.000 обительницъ, изъ числа которыхъ 200 постриженныхъ въ монашество и 800 „сестеръ"-послушницъ. И вотъ, странное чувство овладѣло мною, когда я подумалъ, что подъѣзжаю къ тысячеголовой своеобразной женской республикѣ-олигархіи (избирательнымъ правомъ пользуются тутъ только постриженныя монахини). Передо мной, за этими стѣнами, укрывались отъ „міра" тысячи дѣвственницъ и женщинъ, отрекшихся отъ брачной жизни и семьи и добровольно замкнувшихся въ этой духовной „крѣпости". Не знаю,

какъ у другихъ, но у меня такая мысль рождаетъ особое настроеніе: вѣдь это — тысяча живыхъ женскихъ организмовъ, изъ которыхъ большая часть еще молоды и даже совсѣмъ юны, переполнены жаждой бытія, молодой кровью, молодыми мечтами, молодой жизнью! И все это каждая изъ нихъ и всѣ сообща стараются задавить въ себѣ...

Является въ душѣ невольное, острое любопытство, сливающееся съ тоскливой жалостью: хотѣлось бы проникнуть невидимкой за стѣны ихъ келій, узнать всѣ мотивы каждой изъ нихъ, приведшіе сюда эту армію юныхъ жизней: „Чѣмъ и какъ онѣ живутъ? Что онѣ чувствуютъ? О чемъ мечтаютъ? О чемъ ихъ вздохи летятъ къ этому ясному, вечернему, лѣтнему небу?

Слѣва начинаетъ тянуться рядъ изящныхъ двухъ-этажныхъ деревянныхъ гостинницъ, вынесенныхъ за стѣны монастыря. Онѣ всѣ—подъ нумерами. Передъ нѣкоторыми стояли экипажи, готовые къ отъѣзду. Съ правой стороны дороги—открытыя лавочки-навѣсы съ разнымъ товаромъ. За ними, съ правой же стороны, почти примыкая къ стѣнѣ монастыря, виднѣется длинный баракъ для „черни“, а за нимъ—обширный дворъ для повозокъ и лошадей.

Нашъ возница совѣтуетъ не останавливаться въ гостинницахъ, которыя за оградой, а ѣхать внутрь монастыря, въ самую большую и лучшую, такъ называемую „гостинницу подъ колокольней“. Ворота открываются, и мы въѣзжаемъ въ нихъ. Передъ нами обширное пространство вродѣ площади, пересѣкаемое отъ воротъ и до самаго собора (стоящаго по срединѣ ея) длинной аллеей или бульваромъ. Видъ на соборъ здѣсь еще красивѣе. Лѣвѣе его и фронтомъ къ нему стоитъ отдѣльно наша гостинница: это—бѣлое длинное зданіе въ три этажа, изъ средины котораго поднимается колокольня въ пять ярусовъ, 33 сажени высотой. Впереди, за соборомъ и гостинницей, виднѣются утопающіе въ садахъ, изящные дома и домики; иные изъ нихъ напоминаютъ старинныя барскія усадьбы съ антресолями. Повернувъ голову опять къ собору, вы видите противъ него вправо, также фронтомъ къ нему, изящное одноэтажное каменное зданіе, съ огромными окнами и широкимъ подъѣздомъ. Оно такое же бѣлое и чистенькое, какъ всѣ здѣшнія новыя постройки. Это—„трапезная“, гдѣ обѣдаютъ „сестры“. Взглянувъ еще правѣе, по заднему фронту трапезной, вы видите уходящую вглубь улицу изъ двухъ-этажныхъ и одно-этажныхъ каменныхъ домовъ: въ нихъ помѣщаются художественныя учрежденія монастыря,—живописное, мозаичное и, если память не измѣняетъ мнѣ,—иконо-

литографное. И за всѣмъ этимъ, на правомъ заднемъ фонѣ, купы деревьевъ, изъ-за которыхъ смотрятъ на васъ, вызывая невольную любознательность, окна домиковъ, напоминающихъ опять барскія усадьбы. Здѣсь помѣщаются кельи и жилища монахинь, пріютъ для дѣвочекъ... Изъ-за деревьевъ виднѣются кресты старыхъ монастырскихъ церквей. Стѣны монастыря отсюда вы не видите, исключая ея начала у въѣздныхъ воротъ; она заслонена отъ васъ садами и купами деревьевъ.

Общее впечатлѣніе, получаемое отъ всего этого, есть впечатлѣніе какого-то радостнаго простора, чистоты, бѣлизны, ясности и спокойной силы, сознающей себя...

Но, вотъ, я взглянулъ налѣво отъ дороги, и это впечатлѣніе немного нарушилось: вблизи отъ въѣздныхъ воротъ и саженяхъ въ пятидесяти отъ гостинницы, я увидѣлъ низенькій, старый, сѣренькій флигелекъ, обнесенный довольно ветхой оградой. Вокругъ ограды тѣснилось десятка три богомольцевъ, жадно смотрѣвшихъ на какую-то полную старуху въ линючемъ сарафанѣ, которая, какъ мнѣ показалось, мела крылечко флигеля. Я принялъ эту старуху за прислугу при флигелькѣ.

— Что здѣсь такое? Кого они ждутъ?—спросилъ я у Кости.

— А это юродивая Паша!—отвѣтилъ онъ равнодушно.

— Какъ?! Это и есть знаменитая Паша!—невольно вырвалось у меня:—иду смотрѣть сейчасъ же!

Я просилъ моихъ спутниковъ устроиться въ гостинницѣ, приготовить чай, а самъ присоединился къ толпѣ, чтобы увидѣть, что творитъ юродивая.

На крылечкѣ стараго домика стояла, низко наклонившись надъ кучей травы, лежавшей у ея ногъ, толстая сѣдая старуха. Голова ея была безъ платка, и волосы, зачесанные назадъ, висѣли космами вокругъ головы. На ней былъ довольно короткій, ситцевый, съ большими цвѣтами, вылинявшій сарафанъ безъ рукавовъ. Спереди онъ былъ разстегнутъ до пояса, и пазуха раскрыта. Въ рукѣ у старухи было что-то, чѣмъ она, вѣроятно, срѣзала передъ тѣмъ траву, лежавшую на крыльцѣ: полынь, лопухи, крапиву. Безсмысленно бормоча и перебирая эту траву, она такъ сильно наклонялась, обернувшись къ публикѣ задомъ, что были видны всѣ ея толстыя икры изъ-подъ короткаго сарафана. Я тутъ простоялъ съ четверть часа, а она все продолжала то сбрасывать траву на ступеньки, то снова поднимать ее и укладывать на площадкѣ крыльца. А сама, попрежнему, бормотала что-то сама съ собою вполголоса, баскомъ, очень сердито и озабоченно.

— Это она жнетъ, жнетъ! Она часто такъ жнетъ! — поясняла собравшейся публикѣ немолодая, но еще красивая брюнетка, съ блѣднымъ, болѣзненнымъ лицомъ. Она была въ хорошемъ драповомъ пальто и синемъ шерстяномъ платьѣ; на головѣ—черный платокъ.

— Да вѣдь она, вѣроятно, сумасшедшая! Она такъ странно говоритъ сама съ собой!—вырвалось у меня вслухъ.

Брюнетка взглянула на меня такъ свирѣпо, что я невольно сдѣлалъ шагъ назадъ.

— Что вы это?! Какъ можно такъ говорить!—сурово сказала она:—Пашу весь свѣтъ знаетъ! О ней даже книга написана, а въ книгѣ не позволили бы лгать... И вы сами можете прочесть ее. Здѣсь продается она: „Паша, саровская юродивая. Полное жизнеописаніе подвижницы“. И два портрета ея приложено... Не сумасшедшая она, а Божья подвижница!.. Вы купите эту книжку, да прочтите!.. Тогда и узнаете! А такъ, зря, говорить нельзя... Это—нехорошо!

Вдругъ старуха перестала разбирать траву, выпрямилась и, быстро взглянувъ на толпу богомольцевъ, стоявшихъ влѣво отъ насъ, закричала грубымъ, басистымъ голосомъ:

— Ручку! Ручку-то! Ахъ, мерзавецъ! Ручку! Ручку! За нее отвѣтишь, отвѣтишь! Ручку! Ручку!..

Затѣмъ, она опять наклонилась къ своей травѣ и снова начала ее раскладывать, совершенно спокойно.

— Это не даромъ она закричала,—зашептали въ толпѣ:—тутъ ужъ или какой-нибудь грѣхъ былъ, или что-нибудь будетъ. У нея каждое слово что-нибудь обозначаетъ. Кому нужно,—тотъ пойметъ: ишь, вонъ тамъ, купецъ-то одинъ какъ побѣлѣлъ! Ни живъ, ни мертвъ стоитъ! Это не въ его ли огородъ?

Вокругъ раздались восклицанія:

— Матушка, благослови! Благослови, матушка!—Но старуха не обращала на эти просьбы никакого вниманія, и попрежнему перебирала свою траву, дѣлая иногда такія движенія, какъ будто жнетъ. Ея высокій лобъ, изрѣзанный поперечными морщинами, то расправлялся и тогда нависалъ надъ маленькими глазками, то опять собирался въ складки. Ноздри толстаго, мясистаго носа тоже находились въ постоянномъ движеніи.

— А изъ какихъ она будетъ?—спросилъ кто-то у брюнетки, сдѣлавшей мнѣ выговоръ.

— Изъ крестьянокъ, тамбовской губерніи, спасскаго уѣзда, господъ Булыгиныхъ крѣпостная... И чего она въ своей жизни не перенесла! И остроги, и этапы видала, и въ кражѣ ее обви-

нили, да чуть за это не убили... Страшно даже, когда читаешь объ этомъ въ книжкѣ; каково же все это претерпѣть! А передъ тѣмъ, какъ сюда попасть, двадцать лѣтъ прожила она въ саровскомъ лѣсу въ пещерѣ, которую сама себѣ вырыла руками. И тамъ люди ее въ покоѣ не оставили: напали на нее разбойники, да едва не убили; почти мертвую ее подняли монахи въ лѣсу; ну, да отдышалась! Спасъ Господь на утѣшеніе намъ, грѣшнымъ!..

— А что же она украла-то, ты говоришь, миленькая?— спросила старуха-крестьянка.

— Что ты, перекрестись! Нѣшто я могла сказать, что она украла!? А оговорили ее злые люди, какъ она еще у господъ жила. Да не у первыхъ, не у Булыгиныхъ, а у нѣхристей-нѣмцевъ, Шмитовъ. Купили они ее у Булыгиныхъ и съ мужемъ вмѣстѣ, а мужъ-то померъ. Ну, Шмиты-то эти хотѣли ее опять замужъ выдать, а она имъ говоритъ: „Лучше убейте, а я не пойду!“ Ну, оставили ее въ покоѣ и даже взяли ее,—по-тогдашнему сказать,—во дворъ къ себѣ—всѣмъ завѣдывать, потому замѣтили ея трудолюбіе... И вотъ, пропало у господъ два холста...

— Это ты, почтенная, очень издалека завела; такъ ты и не кончишь до ночи,—сказалъ высокій рыжій крестьянинъ, чисто одѣтый:—а ты толкомъ скажи, значитъ, какія же она чудеса можетъ дѣлать, или, напримѣръ, предвѣщанія?.. А то ты про холсты! Пропали холсты! А по нашему, она какъ есть дурочка...

— А ты, мужланъ, не перебивай,—крикнула брюнетка:— я не тебѣ разсказываю! Чего ты присталъ!

Въ раздраженіи, она крикнула такъ громко, что юродивая услышала, опять выпрямилась во весь ростъ и пустила такой бранью, которую я не передамъ здѣсь. Затѣмъ, она бросила въ толпу какой-то вѣникъ, рванула дверь, ведущую въ домикъ, и скрылась за нею.

— Ну, разсердили! Дождались! Теперь ужъ больше ни за что не выйдетъ нынче. Придется до завтрева ждать.

Нѣкоторые начали расходиться; другіе упорно стояли у рѣшотки. Среди этихъ послѣднихъ я замѣтилъ ту несчастную жену фельдфебеля, ушедшаго на Дальній Востокъ, которую видѣлъ въ вагонѣ третьяго класса. Она стояла, налегая грудью на рѣшотку и устремивъ неподвижные взоры на окно съ правой стороны крыльца.

Кто-то вскрикнулъ:

— Вонъ, смотрите-ка, въ окошко смотритъ! И куколъ своихъ въ рукахъ держитъ!

Рыжій крестьянинъ засмѣялся.

— И точно, съ куклами! Ну, вѣстимо, дурочка! Любопытно!

— А ты этимъ не шути! — снова крикнула на него брюнетка:—она не даромъ своихъ куколъ любитъ: сама на постели не спитъ, а ихъ на нее укладываетъ! И моетъ ихъ! У одной даже ужъ голова отлетѣла отъ мытья, да она ее не бросаетъ. Это—самая ея любимая, потому что кукла эта тоже прорицаетъ: напримѣръ, вотъ, когда кому-нибудь приходитъ въ монастырѣ время умирать, Паша беретъ свою любимую куклу и начинаетъ снаряжать ее, какъ покойницу. Тогда ужъ и ждутъ всѣ чьей-нибудь смерти. Ну, и всегда сбывается.

Въ это время часть публики успѣла открыть калитку въ оградѣ и хлынула за рѣшотку, выстроившись передъ самымъ окномъ юродивой. Добавлю, что эта смѣлость явилась у такъ называемой „чистой“ публики: тутъ были три барышни въ шляпкахъ, пожилая дама, два прилично-одѣтыхъ господина и подростки въ формѣ какихъ-то учебныхъ заведеній. Выстроившись подъ окномъ, они стояли въ униженныхъ позахъ, протягивая руки къ окну и громко просили, какъ дѣти: „Матушка, это не мы кричали; выйди къ намъ, поговори съ нами! Мы не виноваты! Матушка, благослови насъ! Не отпусти безъ твоего благословенія!“

Какъ я ни всматривался въ окно, но въ наступавшей темнотѣ, а быть можетъ и потому, что стекла въ окнѣ были грязныя, мутныя, я едва-едва различалъ за ними силуэтъ толстой, бѣлесоватой фигуры. Но толпа видѣла,—или ей казалось, что она видитъ,—всѣ мелочи. Кто-то крикнулъ:

— Грозится! грозится! — и нѣсколько человѣкъ бросилось бѣжать.

Я нашелъ, что ждать больше нечего, да и чаю очень хотѣлось, и я направился къ гостинницѣ. Окна ея уже свѣтились огнями. На высокомъ подъѣздѣ безпрестанно появлялись, то сбѣгая внизъ, то поднимаясь вверхъ съ самоварами, выносимыми изъ какой-то боковой пристройки,—черныя фигуры послушницъ. Въ далекихъ домикахъ монастыря всюду мелькали огни. И опять въ душѣ зашевелились вопросы: „Какъ тамъ живутъ? Что думаютъ и чувствуютъ?“

Меня вывелъ изъ задумчивости звукъ тяжелыхъ шаговъ,—какъ будто кто-то торопливо догонялъ меня.

— Господинъ! Позвольте васъ остановить на пару словъ!—услышалъ я знакомый голосъ, обернулся и увидѣлъ того рыжаго крестьянина, который, подобно мнѣ, подвергся окрику сердитой брюнетки.

— Что̀ вамъ угодно?—спросилъ я.

— Извините, что рѣшился побезпокоить. А какъ вы тоже изволили выразить сомнѣніе, въ своемъ ли умѣ эта самая Паша, то и желательно было спросить окончательнаго вашего мнѣнія... Сто̀итъ ли мнѣ ради этой самой Паши здѣсь еще проживаться. Потому какъ я здѣсь не одинъ, а съ больной супругой. Ужъ дня четыре живемъ, а ей все хуже... Надѣялся я на эту Пашу: много мнѣ о ней наговорила одна богомолка въ Саровѣ. Мы съ супругой, собственно, туда ѣздили, ждали исцѣленія... Да Богъ не помогъ. Видно, плохо молили угодника... А можетъ и мои сомнѣнія тому виной... Надо вѣру имѣть. Вѣра горы сдвигаетъ...

— А у васъ развѣ слаба вѣра?

— Да какъ вамъ сказать! Вѣра-то она есть, да есть въ ней и червоточинка... Тоже кое-что и нашъ братъ, мужикъ, нынѣче почитываетъ, а больше того думаетъ. Я, вотъ, прочиталъ здѣсь,—нарочно купилъ,—житіе этой Паши, и большое на меня сомнѣніе напало... Очень ужъ о ней много несообразнаго написано. А еще больше того объ ихъ умершей юродивой Пелагіи Серебрениковой... Вонъ у собора-то самаго ей памятникъ какой устроенъ! Ну, а какъ прочелъ житіе этой Пелагіи... Впрочемъ, извините, я васъ задержалъ... Я, главное, желалъ посовѣтоваться: не повезти ли мнѣ супругу мою въ Казань? Нашъ докторъ вятскій (мы вѣдь изъ Вятки сюда притащились!) совѣтовалъ въ Казань... Самъ онъ не могъ моей супруги болѣзнь постичь... А въ Казани, говоритъ, профессора есть хорошіе и „клиникъ“... Какъ ваше мнѣніе будетъ?

— Конечно, Паша едва ли поможетъ вашей женѣ, а въ Казани есть хорошіе врачи... Только, вотъ, теперь лѣто,—не уѣхали ли нѣкоторые...

— Ну, не всѣ же разъѣхались! Кто-нибудь да остался! Такъ ваше мнѣніе больше къ Казани. Я и самъ такъ думаю... Ну, покорнѣйше васъ благодарю за совѣтъ.

Онъ снялъ шапку и протянулъ мнѣ руки, проговоривъ еще разъ.

— Извините за безпокойство. Я потому что, какъ замѣтилъ, что вы человѣкъ изъ образованныхъ... Вамъ это все виднѣе, а мы на мѣдные гроши...

Мои спутники уже совершенно устроились въ гостинницѣ, когда я, по указанію встрѣтившей меня послушницы, вошелъ къ нимъ.

Намъ дали два номера, въ высокомъ корридорѣ нижняго

этажа. Чистота и корридора, и комнатъ, поражала. Въ каждомъ номерѣ по двѣ желѣзныхъ кровати, съ приличной постелью и чистымъ бѣльемъ; умывальникъ, зеркало. На двухъ окнахъ—бѣлыя коленкоровыя сторы. Въ одномъ изъ номеровъ ужъ кипѣлъ самоваръ, за которымъ хлопотали наши дамы. Рядомъ съ нимъ стояла глубокая тарелка лѣсной земляники, которую онѣ успѣли купить, кувшинъ молока и превосходный черный монастырскій хлѣбъ. Горѣла лампочка съ зеленымъ стекляннымъ абажуромъ. Было уютно и весело. Заставили меня разсказывать о Пашѣ.

Стали пить чай, ѣсть землянику. Въ дверь постучали, и, послѣ нашего позволенія, вошла послушница, служившая при номерахъ, немолодая, полная и бойкая; она пришла сказать, что крестьянки принесли еще ягодъ,—не купимъ ли мы? Мнѣ она почтительно поклонилась, предполагая, что я—„глава“ семьи; здѣсь особые монашескіе поклоны, какъ и особый монашескій тонъ—смиренные, немножко унижонные...

— Послушайте, матушка,—заговорилъ я:—у васъ тутъ, говорятъ, продаются жизнеописанія этой Паши?

— Продаются, батюшка, продаются. У насъ книжная лавка... Только теперь ужъ ее заперли.

— Да, я это знаю. Но мнѣ хотѣлось бы прочесть эту книжку сегодня. Завтра будемъ все осматривать, а теперь дѣлать-то нечего,—я бы и прочелъ.

— Съ удовольствіемъ. Постараюсь это для васъ сдѣлать. А не желаете ли вы прочесть также и о другой нашей юродивой Христа ради подвижницѣ, Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой? Прахъ ея покоится около самаго собора, и всѣ мы ожидаемъ съ великою вѣрою, что когда-нибудь откроются ея мощи,—великой заступницы нашей и молитвенницы передъ престоломъ Всевышняго... Вотъ о ея житіи, дѣйствительно, стоитъ вамъ почитать. Хотя и Паша — святой человѣкъ и прозорливица, ну, а Пелагія,—эта ужъ настоящая святая, настоя-я-ящая!

— Послушайте, матушка,—перебилъ я ее:—какъ же вы говорите, что эта Паша—святая, а я сейчасъ слышалъ, собственными ушами, какъ она бранила цѣлую толпу, при дѣтяхъ и дѣвушкахъ, такой бранью, что и мужчинѣ неловко слушать.

— Ахъ, господинъ, господинъ почтенный! И какъ это вы поспѣшно разсудили и осудили, забывъ слова великія: „не осуждай, не осужденъ будеши“! А почему вы знаете, что эти самыя слова она сказала не ради испытанія вашей вѣры?.. А оно такъ и есть! И часто она такія слова говоритъ. Только она одна знаетъ, для чего это ей нужно... Вотъ блаженная Пелагія и не

то дѣлала, и буйствовала, и дралась, и все кругомъ себя била и ломала, а какъ вы прочтете ея житіе, такъ поймете, къ чему все это было... Въ этомъ-то и состоитъ, почтенный господинъ, юродство ради Христа, что мужчина, либо женщина, желая пострадать отъ осужденія человѣческаго и поношенія, ради Христа, принимаютъ на себя личину безумныхъ и даже творятъ всякія безчинства, чтобы ихъ осуждали и преслѣдовали... Да вотъ, ежели желаете, я вамъ достану эту книжку о святой нашей Пелагіи, и вы сами увидите, что я сказала только то, что̀ написано тамъ...

Я далъ ей денегъ, и черезъ полчаса уже усѣлся въ своемъ номерѣ за чтеніе двухъ брошюръ, содержаніемъ которыхъ я и подѣлюсь съ читателями довольно подробно, въ виду,—какъ мнѣ думается,—ихъ исключительнаго интереса. Я ихъ читалъ до утра.

IV.

Какой интересъ представляютъ подобныя брошюры.—Своеобразное соединеніе въ нихъ бытовыхъ фактовъ и безсознательнаго вымысла, вдохновляемаго потребностью въ извѣстнаго рода идеалѣ „сверхчеловѣка“.—Какимъ рисуется этотъ идеальный сверхчеловѣкъ въ опредѣленіи того, что̀ такое „юродство“.—Какъ я отдѣляю въ такихъ біографіяхъ, какъ біографіи Паши и Пелагіи Серебрениковой, фактическое содержаніе отъ продуктовъ самогипноза авторовъ.—Кража холстовъ юродивой Пашей (она же Ирина).—Расправа полицейскихъ.—Первый побѣгъ отъ помѣщиковъ.—Возвращеніе по этапу и второй побѣгъ.—Безуміе.—Сорокъ лѣтъ въ лѣсу.—Нападеніе разбойниковъ.—Противорѣчіе біографа съ самимъ собою и другимъ біографомъ о непрерывной молитвѣ и о дарѣ прозрѣнія Паши.—Его неудачная риторика.

Книжки, о которыхъ собираюсь говорить, не попадаютъ въ руки литературнымъ критикамъ. И это очень жаль, такъ какъ, повторяю, онѣ заслуживаютъ нѣкотораго вниманія, — скажу больше—тщательнаго *изученія*. И не по тому одному, что онѣ распространяются въ качествѣ дешевыхъ изданій для народа, въ десяткахъ и сотняхъ тысячъ экземпляровъ, а еще и потому, что мы едва ли найдемъ гдѣ-нибудь, кромѣ нихъ, такой богатый *бытовой* и *психологическій* матеріалъ, важный и для беллетриста-бытописателя, и для психолога, и для врача, и для соціолога и философа. Этотъ матеріалъ зачерпнутъ авторами такихъ книжекъ совершенно безсознательно и непреднамѣренно изъ самой жизни, скрытой отъ глазъ постороннихъ людей, но открытой этимъ невѣдомымъ анонимнымъ авторамъ. Намѣренія и цѣли ихъ при составленіи такихъ книжекъ заключались не въ этомъ, а въ воз-

величеніи, даже канонизаціи той или другой личности, почему-либо важной для того или иного монастыря.

Лиризмъ авторовъ, ихъ энтузіазмъ, иногда граничащій съ напыщенной риторикой, не долженъ заставлять насъ всегда думать, что они не искренни. Нѣтъ, иногда чувствуешь, что авторъ для *самого себя* измышляетъ эти преувеличенныя слова, риторическія фигуры, чтобы удовлетворить своей собственной сердечной потребности въ энтузіазмѣ и мистическихъ настроеніяхъ (на языкѣ науки—„самовнушеніе“ и „автогипнозъ“).

Но пользоваться такими книжками, какъ матеріаломъ, въ виду вышеизложеннаго, можно только, примѣняя извѣстные пріемы для отдѣленія фактическаго, бытового и психологическаго матеріала отъ формы, въ которую онъ облеченъ, отъ лирико-мистическихъ гипотезъ, которыя тутъ же, на вашихъ глазахъ, создаются у авторовъ ихъ предвзятыми идеями или заимствуются у молвы, но сообщаются ими не какъ гипотезы, а какъ факты, безъ всякихъ оговорокъ, совершенно одинаково съ дѣйствительными фактами. Однако, разобраться между созданіями фантазіи и лиризма, съ одной стороны, и бытовыми элементами, вкрапленными тамъ и сямъ, съ другой—вовсе не такъ трудно, какъ можетъ показаться съ перваго взгляда. Объ этомъ я скажу ниже...

Говорю все это для того, чтобы читатель не подумалъ, что когда я не только сообщаю факты, приводимые авторами объ юродивыхъ, но и разбираю ихъ, сопоставляю, показывая измышленность однихъ и достовѣрность другихъ,—будто я хочу полемизировать съ авторами, опровергать возможность тѣхъ или иныхъ мистическихъ явленій *по существу*. Ничего подобнаго я не имѣлъ въ виду, такъ какъ увѣренъ, что каждый мой читатель хорошо знаетъ, какое значеніе имѣютъ выкрикиванія кликушъ, юродивыхъ, деревенскихъ дурачковъ и т. п. Цѣль у меня была совсѣмъ другая: спокойное, но, конечно, критическое, отдѣленіе субъективныхъ бытовыхъ фактовъ и дѣйствительныхъ психическихъ процессовъ отъ авторской субъективности. Если у меня встрѣтятся иногда краткія ироническія замѣчанія или восклицанія невольнаго изумленія передъ своеобразной психологіей и логикой самихъ авторовъ брошюръ, и передъ очевидной невѣроятностью или противорѣчіями въ фактахъ, то я позволилъ себѣ такія бѣглыя замѣчанія исключительно ради краткости изложенія, когда нерѣдко одно слово можетъ освѣтить явленіе ярче цѣлаго разсужденія. Но къ настроенію авторовъ я не хочу отнестись иронически: я вижу въ немъ стремленіе sui generis къ идеалу, къ „сверхчеловѣку“. Читатель пойметъ мою точку зрѣнія,

если я познакомлю его съ опредѣленіемъ идеала того, что называется „юродствомъ“, а это опредѣленіе я извлекаю цѣликомъ изъ книжки объ юродивой Серебрениковой. „Юродство Христа-ради,—говоритъ авторъ,—составляетъ рѣдкій, трудный и, вмѣстѣ съ тѣмъ, высокій христіанскій подвигъ, на который призываются Господомъ Богомъ только особенные избранники и избранницы, сильные тѣломъ и духомъ. Эти избранники и избранницы добровольно отрекаются ради Христа не только отъ всѣхъ удобствъ житейскихъ, отъ всѣхъ условій и требованій общественныхъ, отъ родства самаго близкаго и кровнаго, *но и отъ самаго образа и подобія человѣческаго* (курсивъ мой). Но этого мало: за свои слова и дѣла они подвергаются самымъ оскорбительнымъ насмѣшкамъ и поруганіямъ, самымъ тяжкимъ истязаніямъ и мукамъ, и все это переносятъ съ неимовѣрнымъ терпѣніемъ, *съ удивительною кротостью* и непостижимою радостью. А между тѣмъ, непрестанно возводя очи ума и сердца своего къ Богу, постоянно горя духомъ своимъ передъ Нимъ, они своими словами, или необычайными поступками, то грозно обличаютъ и, подобно молніи, поражаютъ людей могучихъ и сильныхъ, но несправедливыхъ и забывающихъ правду Божію,—то, подобно весеннему, благотворному солнцу, радуютъ и утѣшаютъ людей благочестивыхъ и богобоязненныхъ. Лишенные, повидимому, разума человѣческаго, они прозрѣваютъ тайны сердецъ человѣческихъ, предрекаютъ будущее, врачуютъ недуги тѣлесные своимъ словомъ или прикосновеніемъ и избавляютъ отъ немощей духовныхъ своими вразумленіями и наставленіями“ [1]).

Какъ видите, идеалъ юродства очень высокъ; въ него входитъ и образъ тѣлеснаго врача, и образъ древнихъ пророковъ, обличавшихъ „людей могучихъ и сильныхъ, но несправедливыхъ и забывающихъ правду Божію“... Нетрудно понять, какъ могъ зародиться въ простыхъ людяхъ идеалъ такого сверхчеловѣка еще во времена очень давнія. Понятно и то, почему онъ сохранился въ душѣ народа и понынѣ, почему надежда найти его осуществленіе на землѣ влечетъ массы и вдохновляетъ составителей брошюръ о современныхъ юродивыхъ.

Посмотримъ же теперь, какъ свѣтлыя и высокія мечты людей осуществляются въ современной дѣйствительности тѣми двумя юродивыми, біографіи которыхъ лежатъ передо мною. Названіе одной изъ нихъ я выписалъ сейчасъ, а другая озаглавлена такъ:

[1]) Сказанія о Христа-ради юродивой подвижницѣ Серафимо-Дивѣевскаго монастыря, Пелагіи Ивановнѣ Серебрениковой. 3-е изд. Серафимо-Див. монаст., Казань, 1901 г. Дозволено московскимъ духовн. цензурн. комитетомъ, сентября 11, 1900 г.

„Паша, саровская юродивая“ (и совсѣмъ она не саровская, какъ увидимъ ниже). „Полное описаніе жизни подвижницы“. Типографія Сытина въ Москвѣ, 1904 г. Дозволено цензурой 30-го ноября, 1903 года.

Начну мое изложеніе и разборъ съ этой второй брошюры, такъ какъ мы уже немного ознакомились съ Пашей, и нужно это знакомство дополнить.

Я уже предупредилъ, что совсѣмъ нетрудно выдѣленіе дѣйствительныхъ фактовъ отъ фантазіи автора; для этого достаточно только вспомнить, что Паша, съ того момента, какъ стала юродивой,—а это, какъ видно изъ брошюры, случилось послѣ ея вторичнаго возвращенія къ помѣщикамъ по этапу изъ побѣга, уже ничего не говорила и не могла говорить о самой себѣ,—о своихъ душевныхъ состояніяхъ, настроеніяхъ, фактахъ своей жизни, планахъ, однимъ словомъ, обо всемъ томъ, чѣмъ авторъ брошюры наполнилъ двѣ-трети своего произведенія. Юродивые,—какъ мы только-что видѣли и увидимъ дальше,—или молчатъ, или что-то говорятъ сами съ собою, или выкрикиваютъ отдѣльныя загадочныя фразы. Отсюда ясно и безспорно, что всѣ мѣста брошюры, гдѣ говорится о настроеніяхъ и мысляхъ, о намѣреніяхъ и чувствахъ Паши, все это—изобрѣтенія или догадки автора. Фактами же можно признавать только то, что *могли сообщить другія* лица о внѣшнихъ проявленіяхъ жизни юродивой, о ея словахъ, поступкахъ—и только. Въ брошюрѣ не указано, откуда взяты и *эти* факты, но легко догадаться, что они могли быть собраны отъ помѣщиковъ ея, отъ односельцевъ Паши, отъ полиціи, ловившей ее во время побѣговъ отъ господъ и т. д.

Необходимо предупредить, что юродивые любятъ, повидимому, мѣнять свое имя, и Паша была, *на самомъ дѣлѣ*, Ирина.

Біографъ начинаетъ съ того, что Ирина была очень богомольной еще въ дѣвичествѣ и не хотѣла идти замужъ, да господа ее выдали насильно. Пятнадцать лѣтъ она прожила съ мужемъ очень хорошо. Потомъ господа продали ее нѣмцамъ Шмидтамъ („нехристямъ“, какъ выражается авторъ, впрочемъ, въ кавычкахъ). Здѣсь мужъ ея умеръ; Шмидты хотѣли выдать ее еще разъ, но она рѣшительно объявила, что „лучше умретъ“, и тогда ее взяли во дворъ и поручили ей завѣдываніе хозяйствомъ, или, какъ выражается авторъ, „практичные нѣмцы, они скоро замѣтили ея трудолюбіе и честность и поручили ей наблюдать за домомъ“. Но тутъ пропали два господскихъ холста. „Прислуга, недолюбливавшая Ирину за ея честность и прямоту, по-

казала, что это—дѣло Ирины",—говоритъ авторъ. „Гнусная клевета,—продолжаетъ онъ,—имѣла успѣхъ; не *разобравшіе, какъ слѣдуетъ, дѣла*, помѣщики Шмидтъ рѣшили примѣрно наказать *мнимую* воровку. Въ то темное, безправное время, судъ и расправа съ крѣпостными были строги и жестоки: пріѣхавшій, по просьбѣ господъ, становой отдалъ приказъ своимъ солдатамъ побить Ирину, а эти послѣдніе, въ излишнемъ усердіи, порвали ей уши и пробили голову" (стр. 7).

Вскорѣ послѣ того, какъ „солдаты станового" пробили голову Иринѣ, она бѣжитъ отъ господъ, и полиція находитъ ее въ Кіевѣ, откуда и пересылаетъ по этапу на родину, какъ бѣглую.

Изъ этого случая, самаго обыкновеннаго въ ту эпоху, авторъ создаетъ цѣлое „andante religioso". Оно такъ характеристично для книжекъ этого типа, что мы приводимъ его цѣликомъ, надѣясь, что читатели на насъ не посѣтуютъ за это: авторъ обладаетъ несомнѣннымъ талантомъ.

„Если бы мы захотѣли теперь (т.-е. послѣ того, какъ Иринѣ пробили голову) глубже заглянуть въ душу Ирины,—говоритъ онъ на стр. 8,—и воспроизвести духовный обликъ этой изможденной страдалицы и самую внутреннюю жизнь ея, то, какъ на самыя выдающіяся черты, характеризующія ея духовное настроеніе, мы должны указать на ея *полнѣйшую кротость и всецѣлую преданность волѣ Божіей. Да, въ сердцѣ ея теперь жилъ одинъ Богъ, кроткій, любящій, справедливый. Міръ съ его злобой, ненавистью, несправедливостью, потерялъ для нея всякую цѣну. Иринѣ хотѣлось бы уйти туда, гдѣ Богъ ближе къ человѣку и человѣкъ къ Богу.* И *вотъ, влекомая религіознымъ чувствомъ, она убѣгаетъ отъ господъ „нехристей" и уходитъ въ Кіевъ.* Здѣсь, въ *сумрачныхъ пещерахъ, при гробахъ подвижниковъ-страстотерпцевъ, чистая душа* несчастной женщины нашла и покой, и отраду. Но недолго продолжалось это блаженство. Господа Шмидты не могли *равнодушно* отнестись къ побѣгу Ирины: съ ея уходомъ они потеряли трудолюбивую и умѣлую прислугу. Немудрено поэтому, что начались розыски и полиція обнаружила мѣстопребываніе Ирины", и т. д., и т. д. Конечно, по законамъ того времени, ее посадили въ острогъ. Уже потому, какъ авторъ біографіи не жалѣетъ самыхъ мрачныхъ красокъ, чтобы описать тюрьму той эпохи, видно, что онъ старается сдѣлать сразу свою героиню „святой мученицей": „тюрьмы представляли тогда по большей части подвальныя подземелья, гдѣ содержались вмѣстѣ мужчины и женщины"... „Припомните,—говоритъ онъ далѣе, — циничность мужчинъ-арестантовъ, невѣ-

роятную грубость тюремнаго начальства, и вы поймете, что должна была вытерпѣть несчастная заключенница!“... „Неизвѣстно, сколько времени она томилась въ тюрьмѣ“. Эта фраза заслуживаетъ вниманія по особой причинѣ: въ другомъ мѣстѣ (стр. 13) авторъ говоритъ о позднѣйшихъ похожденіяхъ Ирины, что „неизвѣстно, сколько времени прошло до того, какъ она попала въ Саровъ“. Эти двѣ фразы подтверждаютъ положеніе, высказанное мною выше, что отъ самой Ирины (или Паши) узнать ничего было невозможно. Для меня даже является, поэтому, сомнительнымъ, жила ли она въ Кіевѣ въ пещерахъ и у монаховъ. Это находится въ лирической части авторскаго повѣствованія, выписанной сейчасъ, а фактически мы знаемъ только, что она попалась полиціи просто въ Кіевѣ и попалась, очевидно, потому, что тогда уже бродила, какъ юродивая. Еслибы она жила въ пещерахъ и у монаховъ, полиція, — да еще полиція того времени,—едва ли нашла бы ее.

Но вотъ она доставлена къ Шмидтамъ. И что же? Вопреки увѣреніямъ автора, что это были люди жестокіе, они, „чувствуя свою вину,—говоритъ авторъ на стр. 11,—и желая загладить свою жестокость (какую?), *простили ея побѣгъ* и сдѣлали ее огородницей“. Откуда авторъ могъ знать, что они чувствовали вину? Вотъ образчикъ „гипотезы“, утверждаемой какъ фактъ.

„Прошло два года, — продолжаетъ біографъ, — но она (Ирина) *ужъ была не та, что раньше: кіевскія впечатлѣнія глубоко залегли въ ея душу*, ее снова потянуло къ безмолвнымъ пещерамъ, къ старцамъ-отцамъ, которые умѣли умиротворить ея смущенную душу. Сильно горѣло и билось въ ней сердце любовью къ духовной жизни, и вотъ она, несмотря на всѣ пережитые ужасы тюрьмы и шествія по этапу, не выдержала и вторично убѣжала отъ своихъ помѣщиковъ“ (стр. 12).

Это все красиво, но почему авторъ дѣлаетъ изъ этого заключеніе, что „теперь *она стала не то, что прежде*“? Она именно осталась прежней: и тогда бѣжала, и теперь бѣжала...

Поймали ее въ Кіевѣ во второй разъ и опять вернули къ господамъ. Тѣ „сурово и *жестоко* обошлись съ нею: разутую, полураздѣтую, безъ куска хлѣба, ее выгнали на улицу и запретили показываться на глаза“ (стр. 12).

Я думаю и повторяю это еще разъ, что въ виду фактовъ, разсказанныхъ самимъ авторомъ, — если отъ нихъ отнять его риторическіе комментаріи,—эти Шмидты выдавались по тому времени своей мягкостью. Нигдѣ не говорится, чтобы они, *хотя однажды*, позволили себѣ какъ-нибудь наказать Ирину. Припо-

мнимъ еще разъ: послѣ ея кражи, они только сообщаютъ объ этомъ становому; послѣ перваго побѣга, они „прощаютъ ее“ и дѣлаютъ огородницей; послѣ третьяго побѣга, они просто не приняли ее. И какъ же они могли поступить иначе, зная, что она не хочетъ жить у нихъ и убѣжала во второй разъ?

Но Шмидты могли ее не принять и по другой причинѣ: дальше въ жизнеописаніи говорится, что, послѣ ея второго возвращенія изъ побѣга, „она бродила по селу, какъ (?) *помѣшанная*, служа *посмѣшищемъ не только дѣтей, но и всѣхъ крестьянъ*“. То-есть, для всякаго, знающаго деревню, ясно, что она стала тѣмъ, что въ деревняхъ называютъ „дурочкой“. Но для автора и это освѣщается заранѣе взятой имъ точкой зрѣнія:

„Тутъ, — говоритъ онъ, — она выработала привычку жить всѣ четыре времени года на воздухѣ“. А чтобы еще сильнѣе отклонить умъ читателя отъ мысли, что она сумасшедшая, онъ разражается такимъ возгласомъ:

„Итти ей теперь (послѣ изгнанія отъ господъ) въ Кіевъ было непосильно (почему?) и даже *безполезно въ духовномъ смыслѣ*; участь ея рѣшилась, и *при помощи прозорливыхъ подвижниковъ кіевской лавры она знала волю Божію: несомнѣнно, эти духовные отцы благословили ее на юродство*“.

Такимъ образомъ, одной риторической фразой, сумасшествіе обращено въ юродство, т.-е. въ тотъ дѣйствительно идеальный подвигъ, опредѣленіе котораго мы видѣли въ началѣ этой главы...

Какъ бы мы сами лично ни смотрѣли на юродство но въ подобныхъ брошюрахъ нельзя не видѣть очень наглядной профанаціи идеи „юродства во Христѣ“. Если вѣрить, что тутъ — только наивное ослѣпленіе автора, то передъ нами поразительный психологическій фактъ того общеизвѣстнаго гипноза, когда одинъ предметъ принимается за другой, картофель за апельсинъ, раскаленные угли за каштаны... Но пойдемъ дальше.

Отъ саровскихъ монаховъ авторъ узналъ, что Ирина, ставшая уже Пашей, жила въ саровскомъ лѣсу сорокъ лѣтъ, или, какъ онъ выражается, „пребывала, по свидѣтельству монашествующихъ, въ пустынѣ“... „Жила она въ пещерѣ, которую себѣ вырыла“... „Ходила временами въ Саровъ, въ Дивѣевъ, но ее *чаще видѣли на саровской мельницѣ*, куда она являлась работать на живущихъ тамъ монаховъ“.

Но какая же это пустыня?

Далѣе идетъ опять риторическая фантазія объ ужасахъ, которые она переносила въ лѣсу по ночамъ: „но все терпѣливо

переносила *подвижница*. Не ушла отъ своего *поста*, что̀ ни случалось съ нею" (стр. 14).

Хотя, далѣе, авторъ увѣряетъ, что окрестные крестьяне „очень любили и уважали подвижницу, носили ей пищу и деньги, *которыя она тутъ же раздавала*,—однако, повидимому, сами окрестные жители думали объ этомъ иначе и заподозрили, что у нея водятся крупныя деньжонки. Это доказывается тѣмъ, что на нее напали „разбойники" (конечно, мѣстные и знающіе всю подноготную), сильно ее избили, такъ что она „валялась вся въ крови". Они, будто бы, требовали у нея денегъ, а она отвѣчала: „нѣтъ у меня денегъ!" Кто могъ все это слышать, кромѣ ея самой и разбойниковъ? Но она не могла *сама* разсказать объ этомъ, а разбойники—тѣмъ болѣе. Не сообразивъ всего этого, авторъ по поводу послѣдней фразы дѣлаетъ риторическое отступленіе на трехъ страницахъ: „Нѣтъ у меня денегъ! Какія чудныя, золотыя слова! Какъ они приближаютъ Пашу къ древнимъ подвижникамъ!" и т. д., и т. д. Затѣмъ разсказываются эпизоды о безсребреничествѣ отцовъ церкви и, наконецъ, Паша приравнивается *къ Маріи Египетской*: „необычайныя лишенія и молитвенные труды Паши, — говоритъ онъ на стр. 14,—походили на покаянный подвигъ Маріи Египетской, да и самый видъ ея напоминалъ египетскую отшельницу".

Послѣ нападенія разбойниковъ, Паша была цѣлый годъ между жизнью и смертью, но потомъ оправилась, хотя остались послѣдствія побоевъ: „боли проломленной головы и опухоль подъ ложечкой мучаютъ ее постоянно... И она изрѣдка говоритъ *себѣ же*: „Ахъ, маменька, какъ у меня тутъ болитъ! Что̀ ни дѣлай, маменька, а подъ ложечкой не пройдетъ!"

Тотъ фактъ, что она и послѣ этого не ушла изъ Сарова, даетъ автору новый поводъ къ возведенію ея въ святыя: „какъ нельзя болѣе *очевидно*,—восклицаетъ онъ,—это отвѣчало ея духовнымъ потребностямъ, ея любви къ Богу, ея *стремленію* къ *самосовершенствованію*. Да, пустыня — великая школа подвижника! Въ пустынѣ все располагаетъ отшельника къ богомыслію"... и т. д., и т. д. Двѣ страницы подобныхъ же фразъ!

Какъ, однако, примиряетъ авторъ „богомысліе" и „самосовершенствованіе" Паши съ тѣмъ, что она бранится какъ извозчикъ?

Но пора перейти къ прорицаніямъ и даже чудесамъ Паши.

„Въ Дивѣевскій монастырь,—говоритъ авторъ,—она пришла осенью 1884 г., и здѣсь-то обнаружился *воочію всѣхъ* присущій ей даръ прозорливости, хотя и прикрытый иносказательнымъ

образомъ. Подойдя къ воротамъ монастыря, Паша со всего размаха ударила по столбу и проговорила: „Вотъ какъ сокрушу этотъ столбъ, такъ и почнутъ умирать, успѣвай только могилы копать“. „И что же? Всѣ увидѣли, — говоритъ біографъ,—что слова ея были вѣщими“. Идетъ перечисленіе нѣсколькихъ лицъ, умершихъ послѣ этого въ монастырѣ, и прежде всего прежней юродивой, Пелагеи Ивановны Серебрениковой. Но въ біографіи этой послѣдней послушница Анна Герасимова, описывающая шагъ за шагомъ жизнь Пелагеи, за которой она ухаживала сорокъ лѣтъ, не только не упоминаетъ объ этомъ случаѣ, но разсказываетъ о первомъ приходѣ Паши въ монастырь, въ главѣ, называемой: „Общеніе между юродивыми“, совсѣмъ другое:

„Разъ, напримѣръ, зашла, такъ всѣми называемая, блаженная Паша саровская. Она потому и называлась саровской, что нѣсколько лѣтъ спасалась въ саровскомъ лѣсу. Вошла—и, молча, сѣла возлѣ Пелагіи Ивановны. Долго смотрѣла на нее Пелагія Ивановна, да и говоритъ: „Да! вотъ тебѣ хорошо, — нѣтъ заботы, какъ у меня: вотъ дѣтей-то сколько!“ Встала Паша, поклонилась ей низёхонько и ушла, не сказавши ни слова въ отвѣтъ.—*Спустя много лѣтъ послѣ того*, сестра обители нашей, Ксенія Кузьминишна, старица прежнихъ, серафимовскихъ временъ, однажды во время обѣдни осталась одна съ Пелагіей Ивановной и, сидя на лавкѣ у окна, тихонько расчесывала у ней голову, а Пелагія Ивановна спала. Вдругъ Пелагія Ивановна вскочила, точно кто ее разбудилъ, такъ что старицу Ксенію испугала, бросилась къ окну, открыла его и, высунувшись наполовину, стала глядѣть вдаль и на кого-то грозить. „Что такое?“ — подумала старица Ксенія и подошла къ окну поглядѣть. И видитъ: отворяется обительская калитка, что у Казанской церкви, и въ нее входитъ блаженная Паша саровская съ узелкомъ за плечами, направляясь прямо къ Пелагіи Ивановнѣ, и что-то бормочетъ про себя. Подойдя ближе и замѣтивъ, что Пелагія Ивановна ей что-то таинственно грозитъ, Паша остановилась и спросила:—„Что, матушка, или нейти?“

„— Нѣтъ,—говоритъ Пелагія Ивановна.

„— Стало быть, рано еще? Не время?

„— Да,—подтвердила Пелагія Ивановна.

„— Молча и на это низко поклонилась ей Паша, и тотчасъ же, не заходя въ обитель, ушла въ ту самую калитку. И послѣ этого года полтора не была у насъ“.

Простосердечная Анна дѣлаетъ изъ этого выводъ:

„— Вотъ онѣ, блаженныя-то, какъ разговариваютъ; поди и

понимай ихъ, какъ хочешь... А онѣ все знаютъ, лишь другъ на дружку взглянутъ, все и понимаютъ. Что же, вы думаете, значили эти ихъ таинственные разговоры? А вотъ что: *лѣтъ за шесть* (NB) *до смерти* Пелагіи Ивановны *явилась къ намъ опять* Паша съ какой-то дѣтской куклой, а потомъ, еще немного погодя, и со многими куклами; нянчится, бывало, съ ними, ухаживаетъ за ними, называя ихъ *дѣтьми*. И стала Паша по нѣскольку недѣль, а потомъ ужъ и по нѣскольку мѣсяцевъ проживать у насъ въ обители, гдѣ день, гдѣ ночь. *За годъ* же до кончины Пелагіи Ивановны почти весь годъ прожила у насъ"... („Сказанія", стр. 81—83).

Біографъ Паши не побезпокоился прочесть „Сказанія о Пелагіи", изданныя еще въ 1901 г., т.-е. за три года до его книжки о Пашѣ. Аннѣ Герасимовой можно вѣрить въ фактической части ея разсказа почти безусловно вездѣ, гдѣ она говоритъ о томъ, что видѣла сама. Она—человѣкъ безхитростный, *безсознательное* подвижничество ея, дѣйствительно, велико и полно простой, дѣтской, крестьянской любви, не подозрѣвающей даже своего подвига; таковъ, напримѣръ, ея сорокалѣтній, самоотверженный и любовный уходъ за буйной, драчливой Пелагеей Ивановной, обладавшей къ тому же такой силой, что она брала Анну Герасимову на руки, какъ ребенка, и ставила ее на столъ. Это—настоящій толстовскій Каратаевъ женскаго пола. Мы еще встрѣтимся съ нею въ біографіи Пелагеи Ивановны. Память у нея, къ тому же, прямо поразительная: мы сейчасъ видѣли, что она помнитъ, кто причесывалъ голову Пелагеѣ Ивановнѣ, когда пришла Паша, сколько куколъ она принесла въ первый разъ и сколько послѣ, и сколько времени она проживала въ монастырѣ въ каждый свой приходъ. И еслибы было, наконецъ,—предположимъ, не въ первый приходъ Паши, а въ какой-нибудь другой,—что-либо подобное предвѣщанію смерти Пелагеи Ивановны, она не могла бы не упомянуть объ этомъ.

Вотъ и еще наглядный образчикъ того, съ какимъ довѣріемъ, вызываемымъ жаждой „чуда", относятся біографы этого рода къ „фактамъ", приводимымъ имъ въ доказательство какой-нибудь „чудесной" силы того или другого лица.

Да и такихъ-то фактовъ біографъ могъ привести о Пашѣ очень немного. Ниже я перечислю ихъ всѣ, а теперь скажу только, что, по словамъ автора, послѣ стука Паши въ столбъ у воротъ, умеръ монастырскій священникъ и потомъ „одна за другой нѣсколько монахинь".

Но, по словамъ автора, на всѣхъ обительницъ монастыря

это „прорицаніе“ произвело огромный эффектъ: „всѣ увидѣли, что слова ея были вѣщими!“ (стр. 20).

Послѣ смерти Пелагеи Ивановны, Паша, по словамъ Герасимовой, не сразу поселилась въ Дивѣевской обители, и Анна Герасимова объясняетъ это тѣмъ, что *умершая* Пелагея запрещала ей это изъ загробнаго міра. Вотъ подлинный разсказъ Анны:

„А какъ скончалась Пелагія Ивановна... Паша была нѣсколько разъ у меня, и я пробовала предложить ей остаться.

„— Нѣтъ, нельзя, говоритъ,—вонъ матушка-то не велитъ,— отвѣчаетъ она, показывая на портретъ Пелагіи Ивановны.

„— Что это, говорю, я не вижу?

„— Да ты-то, говоритъ, не видишь, а я-то вижу,—не благословляетъ.

„Такъ и ушла, и поселилась у клиросныхъ въ корпусѣ.

„Нынѣ,—добавляетъ авторъ брошюры,—*для нея построенъ въ обители отдѣльный* деревянный домъ“ (стр. 83). Это и есть тотъ сѣрый флигель, около самыхъ выѣздныхъ воротъ,—и *какъ разъ на пути между нами и главной гостинницей*,—о которомъ мы уже говорили. Подчеркнутыя мною фразы показываютъ, какое важное значеніе для монастыря имѣетъ Паша: *для нея* спеціально строятъ отдѣльный домъ и строятъ на самомъ виду, на пути отъ воротъ къ гостинницѣ.

Кромѣ вышеразсказаннаго о прорицаніяхъ Паши, есть и еще факты о *прорицаніяхъ посредствомъ куколъ*, съ чѣмъ мы познакомились мимоходомъ выше, по разсказамъ брюнетки. Теперь воспользуемся тѣмъ, что объ этихъ куклахъ говоритъ біографъ Паши.

„Въ ея келіи,—пишетъ онъ на стр. 23,—стоитъ большая деревянная кровать съ огромными подушками, но подвижница пользуется ею не для себя. Здѣсь покоятся ея куклы. Куклы свои блаженная любитъ, какъ малое дитя. Она съ нѣжностью ухаживаетъ за ними, *кормитъ*, *моетъ*, обшиваетъ и наряжаетъ ихъ. *Есть кукла, у которой отъ частаго мытья отлетѣла вся голова*. Прикрывая свои мысли иносказательными образами, Паша всякій разъ, когда приходитъ время кому-нибудь умереть, вынимаетъ свою любимицу и начинаетъ снаряжать ее, какъ покойницу“.

Перечислю теперь всѣ остальные случаи прорицанія Паши: 1) если Паша подастъ кому-нибудь изъ посѣтителей лопухъ, то съ этимъ человѣкомъ, „по замѣчанію сестеръ“, случится какое-нибудь несчастье; 2) „однажды Паша встрѣтила дѣвочка изъ со-

сѣдняго села Алмасова и сказала ему: „господинъ хорошій, пріищи себѣ кормилицу“. И что же? Дотолѣ совершенно здоровая жена псаломщика неожиданно захворала и умерла“; 3) одному встрѣтившемуся на дорогѣ крестьянину, ѣхавшему изъ Сарова, она сказала: „Аль богаче думаешь быть, что бѣса потѣшилъ! А ты живи правдою, лучше будетъ“. Она прозорливостью своей узнала, что этотъ крестьянинъ, при покупкѣ извести въ Саровѣ, взялъ обманомъ нѣсколько пудовъ; 4) одной крестьянской дѣвушкѣ, желавшей поступить въ монастырь, она сказала: „нѣтъ тебѣ, дѣвка, дороги въ монастырь“. А когда та пришла во второй разъ, выражая то же желаніе, Паша добавила: „Глупая дѣвка! Ты не знаешь, сколько младенцевъ выше насъ!“ И съ этими словами легла на лавкѣ и вытянулась. А вскорѣ послѣ этого умерла сноха этой дѣвушки, вдова, оставивъ послѣ себя маленькую дочку. Аксиньѣ (дѣвушкѣ) волей-неволей пришлось остаться въ міру, чтобы заняться воспитаніемъ сиротки-племянницы. Такъ сбылось *вѣщее* слово Паши“ (стр. 31).

Вотъ и всѣ факты; но эта-то ихъ незначительность и драгоцѣнна для психолога, показывая, что не факты создаютъ вѣру, а вѣра факты. На помощь вѣрѣ приходитъ гипнозъ словъ. Именно, повидимому, чтобы восполнить этотъ недостатокъ фактовъ, авторъ біографіи старается изобразить въ самыхъ радужныхъ краскахъ жизнь Паши въ монастырѣ, и не замѣчаетъ, что безпрестанно впадаетъ въ такія противорѣчія, которыя замѣтилъ даже вятскій крестьянинъ, говорившій со мной вечеромъ.

„Келейная жизнь Паши,—говоритъ авторъ,—представляетъ *непрерывный молитвенный* подвигъ. *Всю ночь напролетъ она стоитъ на молитвѣ* и только подъ утро даетъ покой своему *изможденному* тѣлу“. Между тѣмъ, на дѣлѣ, не только нѣтъ никакой „изможденности“, а совсѣмъ наоборотъ: это — упитанная, полная, здоровенная старуха!

„Но чуть забрезжитъ свѣтъ,—продолжаетъ біографъ,—какъ она уже встала и начала свою молитву“. Автору *хочется такъ думать*, и онъ забываетъ, что Паша находитъ время возиться съ куклами, обшивать ихъ, наряжать, купать до того, что у одной голова отлетѣла. Какая же *„непрерывность“* молитвы, если она по цѣлымъ часамъ возится на крыльцѣ съ травой, перебранивается съ публикой и т. п.? Какъ совмѣстить эту непрерывность съ тѣмъ, что, по словамъ того же автора, „Боже избави, если *кто* изъ сестеръ (а вѣдь ихъ въ монастырѣ тысяча!) проспитъ полунощный часъ! Паша нашумитъ, *накричитъ*, а иногда и *поучитъ* провинившуюся палочкой!“ (стр. 23).

Если она такъ слѣдитъ за всей тысячью сестеръ, разбросанныхъ въ сотняхъ домовъ монастыря, да еще нѣкоторыхъ изъ нихъ „учитъ палочкой“, такъ ей не только „всю ночь стоять на молитвѣ“ некогда, а мало двадцати-четырехъ часовъ въ сутки на одинъ этотъ надзоръ, да еще въ полночь! А выше говорится, что именно „*всю ночь стоитъ* на молитвѣ“!

Но она слѣдитъ не только за тѣмъ, чтобы сестры не проспали „полунощный“ часъ, а еще и занимается *нравственнымъ воспитаніемъ* сестеръ въ теченіе всего дня: „на сестеръ дивѣевскихъ,—говоритъ біографъ, — Паша оказываетъ *глубокое нравственное вліяніе*, какъ своимъ *непрерывнымъ* молитвеннымъ подвигомъ, такъ и своими совѣтами, *строго соображенными съ духовными потребностями* той или другой инокини. *Прекрасно сознавая* (NB), какое *глубокое воспитательное значеніе для иноковъ имѣетъ физическій трудъ* и какъ разрушительно дѣйствуетъ на ихъ внутренній міръ праздность, Паша требуетъ—особенно отъ молодыхъ сестеръ—непрерывной работы. *Горе тому*, кого увидитъ она за праздной бесѣдою. Не прощаетъ она и нечистоплотности: „Это что такое, лѣнтяйки?! Живо возьмите тряпку и сотрите пыль!“—кричитъ она монахинямъ“ (стр. 27).

Очевидно изъ всего вышесказаннаго, что ея „непрерывный“ молитвенный подвигъ прерывается довольно часто и подолгу! А кромѣ того, преслѣдуя другихъ, если онѣ не сидятъ за работой, почему же себя она не преслѣдуетъ за то, что играетъ въ куклы или въ жнитво? Но тутъ мы узнаемъ отъ автора, что и *ея жнитво есть молитва*: „пожать травы за кого-нибудь, — говоритъ онъ на стр. 24,—на ея иносказательномъ языкѣ значитъ пойти помолиться за кого-нибудь“... „Усердная молитвенница, она особенно любитъ молитву *умную* (? вѣроятно, произносимую въ умѣ?). Ее она соединяетъ со всѣми *трудами своими*, особенно со жнитвомъ травы“ (стр. 24).

„Сама она знаетъ только нѣсколько молитвъ. Въ важныхъ случаяхъ жизни, она подходитъ къ кіоту и спрашиваетъ: „Маменька, Царица Небесная! можно ли сдѣлать то-то? Сходить туда-то?“ И потомъ, сама давши утвердительный или отрицательный отвѣтъ, сообразно съ этимъ начинаетъ дѣйствовать“ (стр. 24).

Еще одна черта, мало говорящая о ея непрерывномъ молитвенномъ подвигѣ, если мы позволимъ себѣ не принимать въ разсчетъ „молитву умную“, такъ какъ въ умѣ Паши біографъ, конечно, не былъ. Черта эта состоитъ въ томъ, что Пашѣ не сидится на одномъ мѣстѣ. Но біографъ Паши даже эту страсть

или привычку къ бродяжничеству провозглашаетъ подвигомъ: „привычка жить съ природою, въ лѣсу, заставляетъ *блаженную* не только лѣтомъ, но и раннею весною, и позднею осенью уходить изъ обители въ поле, въ рощи и *тамъ проводитъ по нѣсколько дней въ постѣ*, молитвѣ и тѣлесныхъ трудахъ“...

И тутъ же, забывъ, что онъ объяснилъ эту страсть любовью къ природѣ, онъ добавляетъ: „и мірскихъ черничекъ, живущихъ по долгу послушанія внѣ-монастырской ограды, въ міру, она, *попечительная мать, не забываетъ*. Познавая по дару прозорливости духовныя потребности этихъ „мірскихъ черничекъ“, она *часто навѣщаетъ ихъ и руководитъ на* пути спасенія“ (стр. 27).

Полагаемъ, что Паша обрисована нами достаточно, и займемся теперь Пелагеей Ивановной Серебрениковой; но предварительно постараемся, ради соблюденія правильной перспективы, сообщить о монастырскихъ типахъ другого рода, о типахъ истинно-высокихъ, а иногда и глубоко-прекрасныхъ красотой духовной и моральной.

Л. Е. Оболенскій.

ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ

РОМАНЪ.

Paul Adam. „Le Serpent noir“. Roman. Paris. 1905 (Librairie Ollendorf).

„Я увидѣлъ молодого пастуха, который корчился въ судорогахъ и хрипѣлъ; лицо его было искажено отъ боли: тяжелая черная змѣя повисла у его рта...

Я сталъ оттаскивать ее, но всѣ мои усилія были напрасны. Мнѣ не удалось вытащить рукой змѣю изъ его горла. Тогда я сталъ почти безсознательно кричать: „Кусай ее, кусай! Сорви у нея голову. Кусай!..“

И пастухъ сталъ кусать, какъ ему совѣтовалъ мой голосъ...

Ф. Ницше („Такъ сказалъ Заратустра“).

Текущей осенью медицинскіе авторитеты признали несомнѣнную пользу сыворотки доктора О... для леченія отъ тифа и однородныхъ болѣзней. Это вызвало неудовольствіе акціонеровъ одного общества, членомъ котораго я имѣю честь состоять, получивъ по наслѣдству нѣсколько акцій. Столичное Фармацевтическое Общество не могло простить своему генеральному агенту, Гишардо, что онъ упустилъ случай пріобрѣсти монополію этого средства, изобрѣтеннаго, до О..., докторомъ Гульвеномъ. Потеря оцѣнивалась въ нѣсколько сотъ тысячъ. Правленіе Общества призвало Гишардо, требуя, чтобы онъ представилъ оправданія, а также указалъ, какъ исправить свою оплошность. На засѣданіи правленія, состоявшемся по этому случаю, присутствовалъ и я, въ качествѣ уполномоченнаго нѣсколькихъ родственниковъ, тоже акціонеровъ Общества. Вокругъ стола, покрытаго зеленымъ сукномъ, насъ собралось человѣкъ двадцать—

все людей солидныхъ, съ значками Почетнаго Легіона въ петлицахъ, очень учтивыхъ, но, при всей своей любезности, не упускающихъ изъ виду нашихъ правъ, нашихъ законныхъ ожиданій и нашихъ заслугъ.

Предсѣдатель правленія, господинъ съ изысканными манерами, видимо гордившійся своими маленькими закрученными усиками, своими топкими пальцами, унизанными кольцами, какъ у женщины, прежде всего выразилъ сожалѣніе по поводу столь крупной неудачи. Онъ напомнилъ, однако, что въ 1899 году правленіе, большинствомъ голосовъ, рѣшило — по предложенію ревизіонной коммиссіи—не выдавать никакихъ авансовъ изобрѣтателямъ разныхъ панацей, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда имѣются исключительно твердыя гарантіи успѣха. Правленіе поэтому не имѣло возможности выдать субсидію, которой требовалъ генеральный агентъ для доктора Гульвена, отставного морского врача, живущаго въ Бель-Илѣ, близъ морского порта Созонъ. Не имѣя нужныхъ средствъ, докторъ Гульвенъ не могъ довести до конца свои опыты и вполнѣ провѣрить свою теорію на практикѣ. Открытіе сыворотки О... доказало—къ несчастію слишкомъ поздно для Фармацевтическаго Общества,—что гипотеза Гульвена была вѣрная. Отвѣтственность за неудачу, постигшую Общество, падаетъ отчасти на ревизіонную коммиссію, связавшую руки правленію постановленіемъ 1899 года, отчасти же на Гишардо. На этотъ разъ онъ далеко не обнаружилъ свойственной ему прозорливости: когда въ „Revue de Thérapeutique“ появилось, 15-го мая 1904 года, изложеніе теоріи доктора Гульвена, Гишардо не настаивалъ съ достаточной твердостью на важности его открытія. Предсѣдатель высказалъ надежду, что эта неудача послужитъ, по крайней мѣрѣ, хорошимъ урокомъ, т.-е. установитъ болѣе довѣрчивыя отношенія между членами Общества и положитъ конецъ длящимся уже нѣсколько лѣтъ несогласіямъ между ревизіонной коммиссіей и меньшинствомъ правленія. Съ большимъ тактомъ и только намеками, а не прямо, ораторъ далъ намъ понять, что происшедшая неудача—прямое слѣдствіе этихъ несогласій, и что слѣдовало бы измѣнить постановленіе 1899 года и предоставить правленію бо́льшую свободу дѣйствія. Онъ сказалъ въ заключеніе, что готовъ поднять этотъ вопросъ на ближайшемъ общемъ собраніи,—конечно, если члены правленія изъявятъ согласіе.

Кончивъ свою рѣчь, предсѣдатель сѣлъ и откинулся глубоко въ кресло, благодаря любезной улыбкой за выраженные ему знаки одобренія. Онъ возвѣстилъ несомнѣнную близкую побѣду

правленія надъ ревизіонной коммиссіей, и я понялъ по его словамъ, что предшествовавшая этому борьба была долгой и упорной, что было много взаимныхъ обвиненій въ неумѣстной скаредности и въ нечестныхъ растратахъ, что были употреблены слишкомъ рѣзкія выраженія и т. д. Я предвидѣлъ, что возбужденное настроеніе всѣхъ членовъ собранія послужитъ на пользу Гишардо. Правленіе не могло отнестись съ чрезмѣрной строгостью къ человѣку, самый проступокъ котораго былъ скорѣе заслугой въ глазахъ большинства.

Представъ на судъ правленія, Гишардо не обнаружилъ ни малѣйшаго смущенія. Направляясь къ своему мѣсту, онъ долженъ былъ пройти мимо, приблизительно, двѣнадцати креселъ, и ему удалось пожать руки—добровольно или насильно—девяти изъ своихъ судей. Потомъ онъ удобно усѣлся на креслѣ, вынулъ изъ кармана свои записи, оглянулъ насъ всѣхъ—и началъ излагать оправдывающія его обстоятельства голосомъ то совершенно спокойнымъ, то слегка насмѣшливымъ.

Гишардо былъ человѣкъ лѣтъ сорока, широкоплечій и плотный, съ брюшкомъ, но не неуклюжій. Мнѣ понравилось его лицо, бритое по американской модѣ, свѣтлые волосы съ прямымъ проборомъ до самаго затылка, гладко причесанные на вискахъ, его полныя насмѣшливыя губы, изящный длинный сюртукъ съ иголочки, съ шолковыми отворотами, высокій отложной воротникъ съ маленькимъ галстухомъ огненнаго цвѣта, продѣтымъ въ золотое кольцо. Его плотные пальцы заканчивались заостренными ногтями; на указательномъ пальцѣ онъ носилъ кольцо съ печатью. Во всей его внѣшности сказывались желаніе производить впечатлѣніе на толпу и большая самоувѣренность. Онъ говорилъ ясно, живо и добродушно, съ спокойными жестами, не мѣняясь въ лицѣ. Онъ по существу повторилъ аргументацію предсѣдателя, но болѣе рѣзко нападая на недальновидность и скаредную подозрительность ревизіонной коммиссіи. Стоило оказать хотя бы незначительную матеріальную поддержку доктору Гульвену, и Общество пріобрѣло бы—обычными незначительными обходами закона—право собственности на безспорно спасительное лечебное средство, которое трудно изготовлять и невозможно поддѣлать. Онъ, Гишардо, не считалъ себя въ правѣ нарушить злополучное постановленіе. Но все же онъ сдѣлалъ все, что̀ могъ, чтобы предоставить доктору Гульвену возможность продолжать свои опыты! Онъ даже чуть-было не досталъ нужные капиталы со стороны, но чрезмѣрная деликатность доктора Гульвена заставила его отказаться отъ придуманной имъ комбинаціи.

Гишардо прибавилъ, что, къ крайнему своему сожалѣнію, не можетъ сообщить подробностей. Нѣсколько очень почтенныхъ людей съ довольно громкими фамиліями связаны были, по его словамъ, съ его попыткой помочь Гульвену, и онъ не можетъ назвать ихъ. Но онъ выразилъ желаніе разсказать въ оправданіе себѣ исторію своихъ стараній нѣсколькимъ членамъ Общества,—конечно, подъ величайшимъ секретомъ. Гишардо предложилъ собранію выбрать изъ своей среды трехъ судей, которые бы выслушали его и постановили, слѣдуетъ ли дѣлать дальнѣйшія попытки пріобрѣсти сыворотку Гульвена, или же благоразумнѣе окончательно отказаться отъ этого дѣла. Сдѣлавъ это предложеніе, Гишардо опять извинился за необходимость ограничиться столь туманными объясненіями. Дѣло касалось частной жизни нѣсколькихъ людей, и онъ считалъ своимъ долгомъ щадить тайну ихъ интимныхъ чувствъ.

Большинство членовъ правленія вполнѣ согласилось съ его доводами, но нѣкоторые не удовлетворились его объясненіями. Гишардо не принадлежалъ къ числу чрезмѣрно совѣстливыхъ людей, и его неожиданная деликатность показалась подозрительной. Что-то за этимъ скрывалось,—но что̀ именно? Этотъ вопросъ ему поставилъ совершенно прямо одинъ изъ членовъ правленія, сухой, лысый старикъ съ сѣдыми бакенбардами и съ рѣзкимъ голосомъ. Гишардо отвѣтилъ, что дѣло касается любовной исторіи, которая должна остаться тайной. Старикъ сдѣлалъ гримасу и посмотрѣлъ на сосѣда слѣва и на сосѣда справа; они были очень внушительны, торжественны и безмолвны, выраженіе лицъ у нихъ было нерѣшительное. Такъ какъ мое лицо выражало больше интереса къ тому, что̀ могъ бы разсказать намъ Гишардо, то старикъ наклонился въ мою сторону. Раздѣлявшій насъ господинъ вѣжливо откинулся вглубь своего кресла, и мы могли разговаривать поверхъ его живота, застегнутаго въ черный суконный жилетъ съ золотой цѣпью на немъ. Мой собесѣдникъ разсказалъ мнѣ, что, по наведеннымъ имъ справкамъ, Гишардо, имѣющій дипломъ кандидата естественныхъ наукъ, принадлежитъ къ семьѣ мелкихъ фламандскихъ коммерсантовъ, и нравственность его была всегда очень сомнительной. Женившись на дочери лавочника въ Сентъ-Омерѣ, онъ услалъ жену въ глухую деревню, когда ей предстояли роды, а полученныя за нею въ приданое деньги, сто-пятьдесятъ тысячъ франковъ, употребилъ на дѣловыя предпріятія. Съ этими деньгами онъ сталъ устраивать рекламы фармацевтамъ и очень процвѣлъ, благодаря своей смѣлости, а также своему удивительному счастью.

Ему удалось войти въ соглашеніе съ изобрѣтателями медикаментовъ, получившихъ большое распространеніе, и послѣ нѣсколькихъ удачныхъ сдѣлокъ онъ получилъ мѣсто агента „Фармацевтическаго Общества". По его совѣту, Общество основало двѣ фабрики для добыванія іода на бретанскомъ побережьѣ. Дѣла фабрикъ пошли очень хорошо, и акціонеры стали относиться къ Гишардо съ большими симпатіями. Онъ получилъ званіе генеральнаго агента Общества и привилегію назвать своимъ именемъ нѣсколько медикаментовъ, распространяемыхъ Обществомъ, какъ „Іодъ Гишардо", „Эликсиръ Гишардо". Но онъ сталъ жить на слишкомъ широкую ногу, купилъ старый замокъ около Тура, реставрировалъ его, обставилъ великолѣпной мебелью, заказывалъ отличныя копіи съ картинъ временъ Возрожденія. На покрытіе такихъ огромныхъ затратъ требовались колоссальныя деньги. По всей вѣроятности, Гишардо бралъ большія взятки за посредничество съ лицъ, продававшихъ свои изобрѣтенія Обществу. Очевидно, докторъ Гульвенъ, какъ честный и прямолинейный морякъ, не захотѣлъ давать взятокъ и участвовать въ мошенническихъ продѣлкахъ Гишардо,—поэтому ничего и не вышло. Необходимо разслѣдовать дѣло для того, чтобы вывести, наконецъ, на чистую воду продѣлки генеральнаго агента.

Я видѣлъ, слушая объясненія старика, какъ Гишардо поглядывалъ въ нашу сторону своими маленькими лукавыми глазами. Онъ, очевидно, зналъ, какъ къ нему относится мой собесѣдникъ, и догадывался о содержаніи разговора, который мы вели черезъ кресло молчаливаго и осторожнаго господина, наклонившаго только свою голову съ блѣднымъ вздутымъ лицомъ въ знакъ вниманія къ нашимъ словамъ. Когда я спросилъ, почему предсѣдатель не напалъ болѣе рѣзко на Гишардо въ своей рѣчи, старикъ только злобно разсмѣялся. Онъ считалъ предсѣдателя и Гишардо сообщниками, и въ своемъ раздраженіи заявилъ это мнѣ почти вслухъ. Предсѣдатель сдѣлалъ видъ, что не слышитъ, но сидѣвшіе поближе къ намъ стали довольно громко перешептываться на ту же тему: обвиненія, которыя я слышалъ отъ старика, стали передаваться отъ одного къ другому всѣмъ сидѣвшимъ за столомъ, торжественно покрытымъ зеленымъ сукномъ. Гишардо продолжалъ говорить самымъ непринужденнымъ тономъ, какъ въ кругу товарищей, въ доброжелательности которыхъ къ себѣ онъ увѣренъ; а между тѣмъ дурное отношеніе къ нему все болѣе укрѣплялось среди присутствующихъ. Я это видѣлъ по злорадымъ взглядамъ, въ которыхъ ясно читалось: „Ловко же онъ поддѣлъ насъ... не ду-

ракъ! Но теперь попался, куманекъ! Влетитъ тебѣ за замки и старинныя картины!"—Вотъ что выражалось въ пожиманіи плечъ, въ стягивающихся гусиныхъ лапкахъ у глазъ, въ движеніяхъ опухшихъ отъ подагры пальцевъ, которые барабанили по бумагѣ или вертѣли остро очиненные карандаши; вотъ что говорили скептически-сжатыя, безкровныя, сухія и тонкія губы.

Кто-то предложилъ сейчасъ же выбрать коммиссію, которой Гишардо могъ бы довѣрить свою тайну, быть можетъ скабрёзнаго свойства. Предложеніе было сдѣлано шутливо и вызвало смѣхъ и одобреніе. Это было скорѣе дурнымъ знакомъ для бѣднаго Гишардо, который счелъ своимъ долгомъ разсмѣяться вмѣстѣ съ другими—даже съ преувеличенной веселостью.

Въ члены коммиссіи выбрали желчнаго старика, его осторожнаго сосѣда и меня. Другими словами, бѣдную жертву бросили прямо на растерзаніе хищнымъ звѣрямъ. Затѣмъ всѣ быстро поднялись съ мѣстъ и направились къ выходу. Предсѣдателю пришлось, въ виду шума и безпорядка, объявить засѣданіе закрытымъ.

Засѣданіе происходило въ понедѣльникъ. Мы рѣшили выслушать Гишардо въ ближайшую субботу, но онъ попросилъ насъ назначить ему свиданіе раньше. Старикъ сначала запротестовалъ, говоря, что всѣ предыдущіе дни у него заняты. Онъ даже нашелъ странной настойчивость Гишардо въ столь неблагопріятныхъ для него обстоятельствахъ. Но Гишардо сдѣлалъ видъ, что не понимаетъ его намековъ. Онъ сталъ добродушно и откровенно объяснять намъ свои семейныя обстоятельства. Въ субботу у него долженъ былъ собраться семейный совѣтъ для выбора школы, куда отдать на воспитаніе его осиротѣвшаго племянника. Не замѣчая, повидимому, нашего нетерпѣнія, Гишардо спокойно и обстоятельно изложилъ свои взгляды на воспитаніе, выразилъ уваженіе къ педагогическимъ пріемамъ въ іезуитскихъ школахъ, но отдалъ предпочтеніе англійскому методу физическихъ упражненій, а также распространился о своихъ взглядахъ на классицизмъ, господствующій во французскихъ школахъ. Пока мы надѣвали шляпы и застегивали пальто, онъ не переставалъ говорить очень словообильно и непринужденно. Когда мы вышли, онъ пошелъ съ нами, держась по-пріятельски, несмотря на нашу намѣренную сдержанность. Онъ дѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ ея, и добился того, что старикъ, чтобы избавиться отъ его надоѣдливой болтовни, назначилъ ему свиданіе въ пятницу вмѣсто субботы. Гишардо просіялъ, убѣжденный, что побѣдилъ наше недовѣріе. Мы съ трудомъ спаслись отъ него, сѣвъ въ коляски.

Онъ чуть-было не попросилъ меня завезти его на бульвары. Если бы шедшіе по улицѣ члены правленія увидѣли Гишардо въ моей коляскѣ, это было бы для нихъ явнымъ знакомъ, что для меня его порядочность не подлежитъ сомнѣнію, и что слѣдствіе по его дѣлу кончится благопріятно для него. Я не хотѣлъ сыграть ему въ руку, и, сказалъ ему, что долженъ торопиться, потомъ громко далъ кучеру очень далекій адресъ, быстро вскочилъ въ коляску и такъ торопливо захлопнулъ дверцу, что Гишардо поспѣшилъ удалиться, изъ боязни разсердить меня.

Въ среду утромъ я получилъ приглашеніе на завтракъ въ четвергъ отъ родственницы моей жены, старой графини де-Брейли. Я знаю графиню уже десять лѣтъ, и въ теченіе всего этого времени она приглашаетъ насъ, меня и мою жену, два раза въ годъ къ обѣду вмѣстѣ съ другими членами семьи, породнившимися съ не-аристократами. Она не прощала мнѣ отсутствіе титула, хотя цѣнила мои труды и находила меня симпатичнымъ. Я не сержусь на нее за ея аристократическіе предразсудки,—особенно въ виду ея старости, оправдывающей всякаго рода слабости,—но не ощущаю потребности часто видѣться съ нею. Трехъ свиданій въ годъ—на Новый Годъ, на Пасху и въ день ея рожденія—совершенно достаточно и для меня, и для моей жены. Мадамъ де-Брейли держится того же мнѣнія,—и поэтому меня такъ изумило ея неожиданное приглашеніе.

Въ письмѣ, которое принесъ ея лакей, графиня выражала желаніе познакомить меня съ однимъ очень интереснымъ человѣкомъ, котораго ей рекомендовали съ самой лучшей стороны ея близкіе друзья,—въ томъ числѣ и ея кузенъ, Ивъ де-Керладекъ, офицеръ драгунскаго полка. Лакей ждалъ моего отвѣта на письмо графини, точно дѣло шло о чемъ-то необыкновенно важномъ.

Мы съ женой строили тысячи предположеній. Съ какой стати тетка де-Брейли, наперекоръ всѣмъ своимъ привычкамъ, пригласила насъ вмѣстѣ съ графомъ де-Керладекомъ и этимъ незнакомцемъ? Мы явились, очень заинтригованные, въ четвергъ къ графинѣ въ Сенъ-Жерменское предмѣстье. Два лакея торжественно раскрыли передъ нами двери въ гостиную, убранную въ отвратительномъ стилѣ реставраціи,—и къ моему неописуемому изумленію я увидѣлъ передъ собой Гишардо. Онъ прислонился къ камину подлѣ часовъ съ бронзовой музой, склонившейся къ утесу, въ который былъ вставленъ циферблатъ. Гишардо—у графини де-Брейли! Ему покровительствуетъ драгунскій офицеръ, графъ де-Керладекъ, членъ Жокей-клуба!.. Онъ, какъ ни въ чемъ не

бывало, подошелъ ко мнѣ, заявилъ, что уже имѣлъ честь быть мнѣ представленнымъ, и сталъ выхваливать мои администраторскіе таланты графу де-Керладеку, который слушалъ его съ большимъ вниманіемъ и явнымъ почтеніемъ. Они оба, Гишардо и Керладекъ, сообщили мнѣ, что при устройствѣ нашихъ іодовыхъ фабрикъ въ Бретани „Фармацевтическое Общество“ пріобрѣло, по представленію Гишардо, земли, принадлежавшія Керладекамъ, а также приняло на службу рыбаковъ изъ сосѣднихъ съ замкомъ деревень. Они собирали морскія травы для выдѣлки іода, и эта хорошо оплачиваемая работа облегчила нужду населенія,—за что Керладеки чрезвычайно благодарны Обществу, а въ частности Гишардо. По настоянію Гишардо, наше Общество реставрировало также на свой счетъ средневѣковую церковь въ имѣніи Керладека. Кромѣ того, Керладека связывало съ Гишардо ихъ общее увлеченіе автомобильнымъ спортомъ. Гишардо помогъ Керладеку купить великолѣпный автомобиль за очень сходную цѣну, и, говоря о своихъ моторахъ, они какъ бы священнодѣйствовали; мадамъ де-Брейли дразнила ихъ этимъ за столомъ. Гишардо предложилъ и мнѣ купить за 6—7 тысячъ франковъ моторъ въ двадцать лошадиныхъ силъ. Это предложеніе очень соблазнило мою жену. Гишардо сталъ очень краснорѣчиво выхваливать автомобильный спортъ, сравнивая „шоферовъ“ съ крестоносцами, закованными въ желѣзныя латы. Мадамъ де-Брейли вспомнила по этому случаю о Жаннѣ д'Аркъ,—и оказалось, что Гишардо преклоняется съ особымъ благоговѣніемъ передъ этой героиней. Это очень понравилось графинѣ. Гишардо весьма ловко перевелъ разговоръ съ Жанны д'Аркъ на Ницше, благоразумно умалчивая объ антихристіанской тенденціи философа и выдвигая на первый планъ его апоѳеозъ силы. Когда онъ процитировалъ знаменитую фразу: „человѣкъ—нѣчто, что должно быть превзойдено“, графиня де-Брейли оживилась и стала съ лихорадочнымъ интересомъ разспрашивать его о Заратустрѣ. Къ моему удивленію, оказалось, что Гишардо прочелъ всего Ницше.

Когда подали кофе, графъ Керладекъ оставилъ меня съ Гишардо наединѣ въ маленькой оранжереѣ. Это было, повидимому, заранѣе условлено. Жену мою увела графиня, говоря, что покажетъ ей интересныя гравюры, найденныя ею гдѣ-то на чердакѣ своего стараго замка. Я понялъ, что весь этотъ завтракъ устроенъ былъ стараніями Гишардо для того, чтобы онъ могъ поговорить со мной на свободѣ и расположить меня въ свою пользу. Я не хотѣлъ сдѣлать непріятность графинѣ де-Брейли, отказавшись его выслушать, но рѣшилъ держаться настороже.

„Не правда-ли,—началъ онъ,—Ницше совершенно правъ? Человѣкъ долженъ превзойти самого себя... И вѣдь, дѣйствительно, онъ превосходитъ себя иногда, поднимается выше самого себя то въ добрѣ, то въ злѣ,—если еще употреблять это устарѣлое разграниченіе. Скажемъ лучше—по ту сторону добра и зла. Вотъ, мы говорили на засѣданіи Общества о докторѣ Гульвенѣ, открывшемъ анти-тифозную сыворотку раньше другихъ преуспѣвшихъ своихъ конкуррентовъ. Я осмѣливаюсь утверждать, что Ницше привѣтствовалъ бы въ немъ сверхъ-человѣка — вопреки обстоятельствамъ, въ которыхъ Жанъ Гульвенъ сталъ выше самого себя. Онъ не послушался совѣтовъ, которые я настойчиво давалъ ему по примѣру моего учителя Заратустры. Онъ не вырвалъ у себя изо рта черную змѣю традиціонныхъ и пагубныхъ добродѣтелей для того, чтобы громче смѣяться, чѣмъ люди толпы,—чтобы познать „веселую науку жизни“. Напротивъ того, онъ проглотилъ всю черную змѣю цѣликомъ... Это и есть то, чего я не могъ объяснить на засѣданіи, въ присутствіи двадцати членовъ правленія. Они бы не поняли. Они не могли бы понять ни словъ Ницше, ни жертвы Гульвена. Это люди, про которыхъ можно сказать, что „души ихъ висятъ какъ тряпки на чердакахъ ихъ мозговъ“. Но вѣдь вы, надѣюсь, помните символическую встрѣчу Заратустры: онъ видитъ пастуха, къ губамъ котораго присосалась черная змѣя. И я кричалъ Гульвену, какъ Заратустра пастуху: „Укуси змѣю и выплюнь ея голову! Кусай же скорѣй!“ Но Гульвенъ не разрѣшилъ себѣ послушаться меня.

„Не подумайте, ради Бога, что я говорю притчами для того, чтобы порисоваться передъ вами моими знаніями. Сохрани меня Господь! Живя въ провинціи, я иногда читаю книги—вотъ и все. Нельзя же всегда проводить свободное время въ кафе. Иногда надоѣдаетъ играть цѣлый вечеръ въ карты въ кафе — съ тѣмъ, чтобы въ лучшемъ случаѣ окупилось то, что выпьешь. Утромъ тоже иногда пріятнѣе полежать въ постели и почитать хорошую книгу, чѣмъ спускаться въ лавку тестя и торговаться съ грубыми мужиками въ синихъ блузахъ и маленькихъ фетровыхъ шляпахъ на бритыхъ головахъ, продавая имъ грабли и разные другіе предметы деревенскаго обихода. Когда охотничій сезонъ конченъ, или когда зимой становится почти невозможно ходить по промокшимъ дорогамъ, пріятно сидѣть у камина съ книгой, дающей матеріалъ для размышленій и мечтаній. То, что мнѣ приходилось читать въ журналахъ о Ницше, мнѣ нравилось. Я сочувствовалъ его презрѣнію къ слабымъ, его восхваленію сильной индивидуальности, воли, энергіи... Я самъ, инстинктивно,

склоненъ идти прямо къ цѣли, растаптывая все по пути. Если я дѣйствительно хочу чего-нибудь, то прежде всего добиваюсь этого, а ужъ потомъ оглядываюсь назадъ на то, какъ я добился своего. Я никогда не измѣнялъ своимъ желаніямъ изъ боязни передъ общественнымъ мнѣніемъ, или подъ вліяніемъ угрызеній совѣсти. Меня часто упрекали во многомъ, но я твердо продолжаю вѣрить въ себя. Я оставался всегда вѣренъ себѣ, несмотря на слезы моихъ любовницъ, на попреки жены и жалобы всѣхъ тѣхъ, кого я сердилъ въ жизни. Я былъ сынъ бѣдныхъ родителей, но, понявъ ничтожность всѣхъ вокругъ меня, сталъ предъявлять свои права на всѣ блага жизни. Чтобы завоевать ихъ, я прежде всего захотѣлъ быть первымъ всюду, въ школѣ, въ коллежѣ, въ университетѣ. И всѣ мои самыя смѣлыя требованія осуществлялись. Вы можете себѣ представить, какъ я былъ радъ, когда нашелъ подтвержденіе своихъ жизненныхъ правилъ въ ученіи Заратустры!

„Лучше дурно поступать, чѣмъ разсуждать мелко... Иногда добродѣтелью зовутъ лѣность порока... Быть добродѣтельнымъ значитъ не двигаться съ мѣста въ своемъ болотѣ... Нѣкоторые люди похожи на заводные часы. Они правильно тикаютъ и требуютъ, чтобы ихъ тиканіе называли добродѣтелью... А вы еще требуете вознагражденія, добродѣтельные люди?.. Требуете неба взамѣнъ земли, вѣчность вмѣсто быстролетной дѣйствительности... Добродѣтель умаляетъ. Воля освобождаетъ. Воля требуетъ, чтобы болѣе сильный властвовалъ надъ болѣе слабымъ... Въ сущности, добрые хотятъ только одного въ своей простотѣ: чтобы имъ никто не дѣлалъ зла. Поэтому они предупредительны ко всякому и всѣмъ желаютъ добра. Но эта доброта по существу только трусость“...

„Однако, Гульвенъ дѣйствовалъ не какъ трусъ, когда пожалѣлъ свою жену и выбралъ смерть, которая будетъ слѣдствіемъ его добродѣтели... Вотъ это и приводитъ меня въ недоумѣніе. Поступокъ моего друга Гульвена нарушаетъ мою твердую вѣру въ философію, которую я еще до того, какъ сталъ читать Ницше, самъ составилъ себѣ, не умѣя только ясно формулировать ее“.

Гишардо говорилъ, совершенно не обращая вниманія на мои возраженія. Онъ ихъ отклонялъ рѣзкимъ жестомъ или уничтожалъ ихъ, сдувая пепелъ съ своей сигары. Я скоро пересталъ спорить. Увѣренный тонъ Гишардо уничтожалъ всякую возможность спора. Я бы даже ушелъ, но графиня де-Брейли какъ разъ принимала въ этотъ день, и зала была полна довольно любопытныхъ гостей. Почти черезъ каждыя пять минутъ открывалась дверь въ вести-

бюль, и лакей мчался навстрѣчу гостямъ. Изъ маленькой оранжереи, гдѣ ораторствовалъ невозмутимый Гишардо, я видѣлъ проходящихъ мимо дамъ то съ „императорскими“, то съ комичными профилями. Я проникался почтеніемъ къ ихъ громкимъ именамъ, которыя произносилъ лакей, когда онѣ появлялись на порогѣ гостиной. Я зналъ, что женѣ моей будетъ очень пріятно познакомиться съ этими дамами и судить о томъ, каковы онѣ въ дѣйствительности по ихъ внѣшнему виду и по ихъ манерѣ держаться. Она очень любитъ это занятіе, и съ моей стороны было бы грубо лишить ее невиннаго удовольствія. Съ другой стороны, мадамъ де-Брейли навѣрное пригласила насъ только для того, чтобы доставить удовольствіе графу де-Керладеку, а графъ хотѣлъ оказать услугу своему пріятелю, давъ ему возможность поговорить со мной. У меня есть причины, по которымъ мнѣ пріятно доставить удовольствіе нашей тетѣ,—и поэтому Гишардо имѣлъ во мнѣ въ теченіе всего вечера внимательнаго слушателя.

Впрочемъ, все, что онъ разсказывалъ мнѣ,—хотя я и былъ увѣренъ, что онъ лжетъ,—было не очень скучно. Его рѣзкая манера выражаться, его интеллигентная грубость, необычайно живая мимика его широкаго лица, его умѣнье передавать жестами, гримасами, оттѣнками голоса тѣхъ, кого онъ описывалъ,—все это удивительно оживляло его измышленія. Въ концѣ концовъ онъ предложилъ мнѣ прислать сдѣланное имъ письменное изложеніе всего хода дѣла; оно, по его мнѣнію, вполнѣ выяснитъ мнѣ психологическую сторону событій. Я принялъ его предложеніе, и въ тотъ же вечеръ получилъ рукопись.

I.

Говорили, что на открытіе доктора Гульвена вниманіе мое обратило „Столичное Фармацевтическое Общество“. Это невѣрно. Въ 1904 году, на біологическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, я встрѣтилъ моихъ бывшихъ товарищей по естественному факультету; они-то и сообщили мнѣ, что, по постановленію медицинской академіи, будетъ прочитанъ на публичномъ засѣданіи докладъ нашего бывшаго товарища, Гульвена. Всѣ они—какъ полагается коллегамъ—отрицали всякое значеніе открытія Гульвена. Ихъ нападки казались мнѣ сначала слишкомъ желчными и несправедливыми, но они яростно доказывали свое, и я вышелъ изъ засѣданія конгресса, почти убѣжденный въ томъ, что мой бре-

тонскій товарищъ не выдумалъ ничего путнаго. Его открытіе было, повидимому, чисто теоретическое; оно относилось къ области отвлеченныхъ идей—рыночной цѣнности оно, кажется, не представляло.

Я зналъ Гульвена въ то время, когда онъ жилъ въ Парижѣ, готовя свою диссертацію. Онъ тогда ходилъ нѣсколько мѣсяцевъ въ химическую лабораторію, гдѣ я состоялъ лаборантомъ. Молчаливый и кроткій, очень красивый, съ длинными волосами и съ юношескимъ лицомъ безъ бороды и усовъ, онъ часто подвергался насмѣшкамъ студентовъ, вслѣдствіе своей строгости нравовъ. Мы всѣ его дразнили, называя провинціаломъ. Онъ приходилъ ко мнѣ, въ мою маленькую комнатку на пятомъ этажѣ, съ просьбой объяснить ему смыслъ нѣкоторыхъ греческихъ фразъ. Онъ изучалъ тогда чуму у древнихъ по греческимъ и латинскимъ авторамъ. Получивъ докторскій дипломъ, Гульвенъ уѣхалъ изъ Парижа. Я узналъ уже гораздо позже, что онъ поступилъ младшимъ флотскимъ врачомъ на одинъ крейсеръ. Послѣ того я женился и собирался жить во Фландріи, гдѣ у моего тестя былъ магазинъ желѣзныхъ товаровъ. Я сталъ жирѣть, а о Гульвенѣ и думать забылъ. Уже значительно позже, года за полтора до того, какъ заговорили о его докладѣ въ медицинской академіи, путешествуя по дѣламъ нашей фабрикаціи іода, я снова встрѣтилъ его въ одной кофейнѣ въ Нантѣ. Онъ не выказалъ особенно большого желанія возобновить пріятельскія отношенія со мной, и только сообщилъ мнѣ, что собирается вторично уѣхать въ Мексику, гдѣ онъ изучалъ желтую лихорадку и тифъ. Я хотѣлъ развлечь его и предлагалъ провести вечеръ въ пріятномъ обществѣ. Онъ отвѣтилъ, что женатъ, чѣмъ вызвалъ громкій хохотъ у моихъ нантскихъ пріятельницъ. Глядя на его потертый и старомодный сюртукъ, я подумалъ, что его главнымъ образомъ пугали издержки, связанныя съ кутежомъ. Я вспомнилъ, что и въ Парижѣ онъ изъ чрезмѣрной деликатности человѣка безъ средствъ отказывался отъ безкорыстной любви женщинъ, которымъ нравились его красивое лицо средневѣкового рыцаря и его юношеская стройность. Я поэтому не настаивалъ и отпустилъ его.

Вотъ что я могъ припомнить о немъ, когда имя его было произнесено на біологическомъ конгрессѣ съ такой ненавистью его прежними товарищами. Эта общая непріязнь навела меня на мысль, что его докладъ имѣетъ большія достоинства. Всякій кругъ людей болѣе всего возмущается, когда тотъ или другой его членъ выступаетъ изъ мрака, окружающаго всѣхъ другихъ.

Поэтому, отправляясь въ Бретань для инспекціи нашихъ іодовыхъ фабрикъ и для провѣрки цѣнъ на морскія травы по всему побережью, я еще взялъ отъ нашего бюро порученіе разузнать про сыворотку Гульвена. Я прочелъ нашимъ администраторамъ нѣсколько мѣстъ изъ доклада, напечатаннаго въ „Revue de Thérapeutique“. Они заинтересовались гипотезой Гульвена, не видя, однако, практическаго значенія, которое она представляетъ. Они поручили мнѣ повидаться съ докторомъ, но рекомендовали при этомъ величайшую осмотрительность, въ виду придирокъ ревизіонной коммиссіи, упрекавшей правленіе въ чрезмѣрно щедрыхъ выдачахъ денегъ разнымъ химикамъ. Много очень дорогихъ опытовъ не привели ни къ какимъ результатамъ, вопреки соблазнительнымъ и столь же фантастическимъ обѣщаніямъ.

Чтобы не испортить своего положенія въ Обществѣ излишней смѣлостью, я почти совсѣмъ отказался отъ своего плана.

Цѣлый рядъ совершенно исключительныхъ обстоятельствъ побудилъ меня все-таки заняться открытіемъ Гульвена. Прежде всего у меня не было достаточно денегъ, чтобы поѣхать въ Энгадинъ, гдѣ я обыкновенно провожу лѣто въ обществѣ больныхъ богачей и модныхъ докторовъ-кліентовъ нашего Общества. Я какъ разъ купилъ себѣ автомобиль въ двадцать-четыре лошадиныя силы и уплатилъ за него двадцать-четыре тысячи наличными. Незадолго до того я еще купилъ замокъ въ окрестностяхъ Тура—очень выгодно, съ обязательствомъ только уплачивать пожизненную ренту чахоточной немолодой вдовѣ. Реставрируя замокъ, построенный во времена Валуа, архитекторъ замѣтилъ, что дождевая вода, впитываемая холмомъ по сосѣдству, просачивается въ погреба и грозитъ расшатать фундаментъ. Пришлось неожиданно уплатить большую сумму денегъ за поправку водопроводныхъ трубъ. Очутившись безъ денегъ, я рѣшилъ провести остатокъ лѣта въ Бретани, которая такъ славится своей дешевизной. Одинъ аптекарь въ Кемперѣ, которому я сообщилъ свое желаніе, сводя счеты за эликсиръ Гишардо, назвалъ мнѣ извѣстныхъ ему людей, которые живутъ по прибрежью и берутъ пансіонеровъ на лѣто. Онъ упомянулъ среди другихъ также имя доктора Гульвена. Я узналъ, что онъ беретъ на лѣто платныхъ пансіонеровъ въ своемъ помѣстьи Керьяникъ въ Бель-Илѣ, подлѣ маленькаго порта Созона. Аптекарь указалъ мнѣ на всѣ приманки Керьяника: видъ на рейдъ и на проливъ, гдѣ проходятъ тысячами суда рыбаковъ, отправляющихся на ловлю сардинъ, пароходная пристань и т. д.

При всей неназойливости его заманиванія, я все-таки вну-

тренно пожалѣлъ Гульвена, принужденнаго въ промежуткахъ морской службы превращать свой домъ въ отель и гнаться за пансіонерами. Мое уваженіе къ нему поколебалось. По моему, нужно умѣть пользоваться своимъ талантомъ для пріобрѣтенія всѣхъ матеріальныхъ благъ, которыя соотвѣтствуютъ нашимъ вкусамъ. Узнавъ о стѣсненныхъ обстоятельствахъ Гульвена, я вывелъ заключеніе, что его изобрѣтеніе можно купить у него за очень дешевую цѣну. Но стоитъ ли тратить время на ознакомленіе съ его теоріей? Стоитъ ли переплывать черезъ море только для того, чтобы сунуть носъ въ лабораторію Гульвена въ Керьяникѣ? Я навелъ справки о Бель-Илѣ. Мнѣ сказали, что всѣ дороги тамъ, кромѣ одной, губительны для автомобилей. А я какъ разъ объѣзжалъ въ то время мой новый моторъ въ четыре цилиндра. Разстаться съ нимъ на двое сутокъ мнѣ было бы очень тяжело. Я поэтому безъ всякаго колебанія отложилъ поѣздку на неопредѣленное время.

Къ тому же, Гульвенъ относился ко мнѣ всегда съ замѣтной холодностью. Онъ принадлежалъ къ числу людей, которые мѣрно живутъ въ тактъ своей сонной добродѣтели. Моя энергія была ему несимпатична. Когда мы жили въ Латинскомъ кварталѣ, онъ корилъ меня за то, что, играя въ покеръ, я не стѣснялся пользоваться хорошими картами, если онѣ мнѣ попадались, и обыгрывалъ партнеровъ, не стѣсняясь тѣмъ, что они бѣдны, или же что они проиграли просто по разсѣянности. Упрекнувъ меня въ этомъ—очень спокойно, даже съ улыбкой,—онъ позволилъ себѣ прибавить, что я и въ жизни такъ поступаю. Онъ не могъ мнѣ простить безцеремонности, съ которой я, пользуясь университетскимъ дипломомъ, занялъ мѣсто лаборанта, спихнувъ моего предшественника: онъ былъ старикъ и имѣлъ только дипломъ баккалавра, но состоялъ уже много лѣтъ лаборантомъ; его держали изъ жалости, такъ какъ у него не было никакихъ другихъ средствъ для существованія. Мнѣ, однако, тоже нужны средства для существованія. Это—то, чего всѣ Гульвены на свѣтѣ не хотятъ понять. Но я никогда не терялъ времени на то, чтобы питать злобу на нихъ за это непониманіе. Жажда мести—занятіе, пригодное для мечтателей и лѣнивцевъ. Итальянцы мстительны, потому что это нація нищихъ. Я же извлекаю пользу изъ постигающихъ меня непріятностей. Отъ моего врага я узналъ, что во мнѣ наиболѣе уязвимо, и вмѣсто того, чтобы возненавидѣть его, почувствовалъ къ нему благодарность. Однако, я вовсе не желалъ воздать добромъ за зло,—это значило бы сознаться, что я дѣйствительно уязвленъ. Этого не должно быть. Мнѣ не

причиняютъ зла. Никто никогда не причинилъ мнѣ зла. Кое-кто указалъ мнѣ самому на мои слабости—вотъ и все. Я не желалъ бы, чтобы Гульвенъ считалъ, что я плачу ему добромъ за зло, предлагая ему неожиданно большую сумму денегъ за его анти-тифозную сыворотку.

Это соображеніе тоже удерживало меня отъ поѣздки, также какъ и желаніе поѣздить вокругъ Кемпера на моемъ моторѣ и испытать силу и устойчивость его механизма. Я бы такимъ образомъ за все лѣто не собрался съѣздить изъ Киберона въ Бель-Иль. Но наступилъ храмовой праздникъ въ Сентъ-Аннѣ близъ Аврэ, связанный съ богомольемъ. Принято восхищаться живописностью толпы крестьянъ, стекающихся туда въ этотъ день, и увѣковѣчивать группы молящихся на фотографическихъ снимкахъ. Туристы, ѣдущіе въ Бретань, считаютъ своимъ долгомъ побывать на праздникѣ.

Я тоже рѣшилъ поѣхать туда—главнымъ образомъ для того, чтобы поѣздить на моторѣ среди толпы и испытать солидность тормазовъ и гибкость машины при быстрыхъ перемѣнахъ направленія. Наканунѣ праздника, въ дождливый и вѣтряный день, я проѣхалъ изъ Аврэ въ Сентъ-Аннѣ. Я съ большой ловкостью маневрировалъ по дорогѣ съ вокзала въ городъ чудесъ, среди безконечнаго количества повозокъ, свозившихъ богомольцевъ изъ окрестностей, а также среди запрудившихъ дорогу нищихъ, которые выставляли на показъ свои искалѣченные члены и свои изуродованныя лица, то безъ носа, то съ вытекшими глазами, и громко взывали къ милосердію проѣзжихъ, показывая свои язвы.

Я проѣхалъ мимо всѣхъ нихъ, никого не раздавивъ, и только чуть не сбилъ съ ногъ какого-то длинноволосаго нищаго, который шелъ посреди дороги, громко читая молитвы и совершенно не остерегаясь ни лошадей, ни меня. Большинство молодежи попряталось по кабачкамъ, чтобы спасти отъ дождя свои праздничные костюмы, но много стариковъ продолжали идти съ непокрытыми головами подъ дождемъ, медленно двигаясь и перебирая четки. Они не сторонились при приближеніи моего мотора, несмотря на отчаянные сигналы рожка. Подобно факирамъ, они не боялись смерти среди своихъ пламенныхъ молитвъ. Ихъ храбрость возбуждала во мнѣ досаду. Я люблю, чтобы при появленіи моей металлической колесницы пѣшеходы въ ужасѣ разбѣгались во всѣ стороны. Я ощущаю такое же удовольствіе тогда, какое, вѣроятно, испытывалъ въ былое время рыцарь въ желѣзныхъ доспѣхахъ, сидя на своемъ конѣ подъ желѣзной броней, при видѣ разбѣгающейся черни. Я наслаждаюсь сознаніемъ своего

геройства. Вѣдь одно неумѣлое движеніе рулевого колеса—и я проломлю себѣ голову о первое препятствіе на пути—о дерево, стѣну или насыпь. Опасность въ соединеніи съ чувствомъ торжества доставляютъ мнѣ радостныя ощущенія. А эти храбрые старцы лишали меня именно чувства торжества, оставляя только сознаніе опасности—да еще опасеніе, что придется выплачивать пожизненную ренту ихъ вдовамъ и сиротамъ, въ случаѣ весьма возможной катастрофы. Эти выходцы изъ средневѣковья отказывались признать во мнѣ грознаго преемника ихъ бароновъ. Они принимали мой моторъ за дилижансъ, а меня—за кучера, который обязанъ умѣло и учтиво объѣзжать ихъ. Я достигъ только того, что убѣдился въ превосходномъ качествѣ моихъ тормазовъ, но все-таки былъ въ бѣшенствѣ, въѣзжая въ городъ подъ проливнымъ дождемъ.

Подъѣхавъ къ „Отель-де-Франсъ", я замѣтилъ въ вестибюлѣ, среди толпы туристовъ въ непромокаемыхъ плащахъ, молодую женщину въ полу-траурѣ. По тому, какъ всѣ мужчины оборачивались въ ея сторону, я понялъ, что у нея привлекательная внѣшность. Она ни до чего не касалась сама, а только указала знакомъ на саквояжъ изъ желтой кожи и свертокъ съ плэдами; ея провожатые поспѣшили взять ихъ. Голосъ ея былъ такъ мелодиченъ, что я съ удовольствіемъ слушалъ его, даже не разбирая словъ среди общаго гама. Лицо ея было закутано серебристой вуалью, стройную фигуру облекало длинное пальто изъ непромокаемой матеріи. Я соскочилъ на землю, радуясь тому, что на мнѣ былъ мой большой берлинскій плащъ, очень удобный и шикарный. Путешественница, дѣйствительно, обратила вниманіе на мой величественный видъ, который дополняли зеленые кожаные сапоги и фуражка съ забраломъ позади, новѣйшаго нѣмецкаго фасона. Мой автомобиль тоже очень заинтересовалъ ее, хотя и былъ весь забрызганъ грязью, такъ что все его дѣйствительное изящество не было замѣтно. Впослѣдствіи она говорила мнѣ, что я показался ей какимъ-то фантастическимъ щитовиднымъ существомъ съ другой планеты.

Я намѣренно задѣлъ ее, проходя мимо нея въ вестибюлѣ, для того чтобы имѣть предлогъ поклониться и пробормотать:—Простите!

Она отвѣтила любезной улыбкой. Я потребовалъ для себя комнаты, которыя заказалъ телеграммой. Хозяйки, двѣ старыя дѣвы, хотя и потеряли голову, окруженныя толпой пріѣзжихъ, неловкихъ служанокъ и носильщиковъ съ вещами, все же принуждены были внимательно выслушать меня: я имѣю привычку

самымъ рѣшительнымъ образомъ становиться между людьми, съ которыми я хочу говорить, и тѣми, съ которыми они говорятъ. Моя внушительная внѣшность и самоувѣренная манера держаться тоже заставляютъ всѣхъ уступать мнѣ мѣсто. Я всегда такъ дѣйствую, въ обыденныхъ и въ важныхъ обстоятельствахъ жизни. Мнѣ показалось, что красивая путешественница смотритъ на меня съ лестнымъ для меня вызывающимъ видомъ. Я очень обрадовался, хотя поставилъ себѣ принципомъ избѣгать всякихъ сентиментальныхъ любовныхъ исторій. Есть достаточно красавицъ куртизанокъ, чрезвычайно обаятельныхъ, которыя за опредѣленную плату сразу дарятъ насъ тѣмъ вниманіемъ, котораго можно добиться у дамъ изъ общества лишь долгимъ ухаживаніемъ и послѣ нелѣпыхъ комедій и банальностей, надоѣвшихъ уже въ романахъ всѣхъ странъ. Мнѣ достаточно поэтому, чтобы во взглядахъ женщинъ я могъ прочесть ненависть, прикрываемую насмѣшливымъ видомъ,—знакъ моей силы и сознанія ихъ слабости передъ нею, или же нервный страхъ—доказательство моего превосходства, несомнѣннаго для этихъ рабынь въ душѣ. Въ обоихъ случаяхъ я этимъ довольствуюсь и дальше не иду. Мнѣ нужно только убѣдить ихъ въ одномъ,—въ томъ, что равенства между нами не можетъ быть, несмотря на всѣ преимущества ихъ красоты и другихъ женскихъ чаръ. Мысли о равенствѣ со мною женщины я не выношу.

Путешественница оглядывала меня, точно я составлялъ часть какой-то странной картины, реальность которой сомнительна. Обѣ хозяйки тѣмъ временемъ суетились въ предвидѣніи моихъ щедротъ. Кружевныя завязки ихъ черныхъ чепчиковъ мелькали по воздуху; платья, подобранныя сзади, разлетались; обѣ онѣ бѣгали по корридорамъ и звали ежесекундно служанокъ, которыя мчались на ихъ зовъ въ своихъ кокетливыхъ бѣлыхъ наколкахъ. Гордясь тѣмъ, что я сосредоточилъ на себѣ все вниманіе хозяекъ, забывшихъ изъ-за меня о другихъ пріѣзжихъ, я поднялся къ себѣ въ комнату, чтобы почиститься съ дороги. Спускаясь обратно внизъ, я столкнулся на лѣстницѣ съ велосипедистомъ болѣзненнаго вида, стройнымъ и блѣднымъ. Увидавъ въ полутьмѣ его бритое и озабоченное лицо и длинные волосы, я подумалъ, что это могъ быть докторъ Гульвенъ. Черезъ десять минутъ я дѣйствительно убѣдился, что это онъ. Въ самой глубинѣ столовой онъ прислонилъ пять стульевъ къ столу, занимая эти мѣста у одного изъ длинныхъ столовъ. Я приблизился къ нему.

— Докторъ Гульвенъ, кажется?.. Я Гишардо... помнишь вѣдь?.. Гишардо изъ химической лабораторіи... Гишардо... ну,

конечно, ты долженъ помнить. Іодъ Гишардо... Эликсиръ Гишардо... Мы въ послѣдній разъ видѣлись въ Нантѣ, два года тому назадъ...

Онъ нѣсколько минутъ симулировалъ крайнюю забывчивость, очевидно рѣшая про себя, какъ ему быть.

— Вы нѣсколько измѣнились, — сказалъ онъ наконецъ.— Поэтому я не сразу узналъ. Вы пополнѣли...

— Зато ты похудѣлъ, дружище! Всюду кости торчатъ!.. Ну, да это тебѣ къ лицу... Что-жъ, ты пришелъ молиться на праздникъ въ Сентъ-Аннь, какъ настоящій бретонецъ?

— Да, какъ видите...

Онъ рѣшилъ отдѣлаться отъ меня и уйти. Но это было очень трудно. Стоя среди столовой, между двумя столами, накрытыми каждый на сто человѣкъ, я разставилъ ноги, уперся руками въ бока и такъ широко раздвинулъ полы плаща, что закрылъ проходъ. Служанкамъ, бѣгавшимъ съ грудами тарелокъ, приходилось прижиматься къ спинкамъ стульевъ, проходя мимо насъ, и онѣ каждый разъ должны были извиняться. Грубые матеріальные пріемы иногда гораздо лучше помогаютъ осуществить наши намѣренія, чѣмъ искусно придуманныя слова.

— Поздравляю тебя... Академія почтила тебя публичнымъ чтеніемъ твоего доклада... Да, кто бы это могъ предвидѣть тогда, когда ты еще не могъ разобраться въ греческихъ текстахъ о чумѣ... Помнишь, какъ ты приходилъ ко мнѣ въ пятый этажъ? Ты говорилъ: „Гишардо, другъ мой, пойдемъ обѣдать сегодня со мной въ ресторанъ Булана“. Я ждалъ кутежа съ интересными дамами, думалъ, что послѣ обѣда мы всѣ отправимся на балъ Бюлье... Напрасныя надежды! За дессертомъ ты небрежно вынималъ изъ кармана страницу, вырванную изъ сердца Ѳукидида, и заставлялъ меня дѣлать тебѣ дословный переводъ... Это длилось до девяти часовъ вечера. А потомъ, за кофеемъ, на сцену являлись Гальенъ и Стратоникъ, а за ними, послѣ первой капли коньяку, Гиппократъ и Косъ. Я переводилъ, а ты быстро записывалъ... Да, въ то время ты былъ не особенно силенъ въ греческомъ!

При этихъ словахъ я дружески хлопнулъ его по плечу.

— Ну, что же, докторъ?—раздался изъ вестибюля мелодичный голосъ дамы въ полу-траурѣ.

— Простите, я долженъ оставить васъ,—сказалъ Гульвенъ, пробуя улизнуть отъ меня.

Но не тутъ-то было. Я снялъ фуражку, почтительно поклонился очаровательной женщинѣ и громко спросилъ:

— Это, конечно, мадамъ Гульвенъ?

— Нѣтъ... Это родственница моей жены... Да, кузина, мѣста заняты въ концѣ стола... Я заказалъ минеральную воду... Обѣдъ въ семь часовъ...

Онъ опять попытался уйти отъ меня, представляясь услужливымъ дамскимъ кавалеромъ, но я не допустилъ этого:

— Ты мнѣ позволишь занять стулъ для себя рядомъ съ вами?

Я это сдѣлалъ, не дожидаясь отвѣта, потомъ подошелъ къ дамѣ, подлѣ которой стоялъ Гульвенъ, поклонился ей и сказалъ:

— Представь меня, пожалуйста, другъ мой!..

Было бы слишкомъ грубо съ его стороны отказаться, и онъ волей-неволей исполнилъ мою просьбу и представилъ меня нѣсколькимъ дамамъ, которыхъ онъ сопровождалъ. Женой Гульвена оказалась невзрачная женщина въ коричневой жакеткѣ. Старая дама съ нѣсколько мужскими чертами лица была мадамъ Ла-Ревельеръ, мать умершаго депутата лѣваго центра, Ла-Ревельера. Очаровательная парижанка была ея невѣстка Елена. Дѣвочка съ суровымъ лицомъ, съ бантомъ à la Веласкезъ въ волосахъ, была ея внучка. Я когда-то присутствовалъ на банкетѣ агрономовъ-протекціонистовъ, на которомъ предсѣдательствовалъ Ла-Ревельеръ, принадлежавшій къ знаменитой семьѣ парламентскихъ дѣятелей; со времени директоріи семья эта дала при различныхъ режимахъ двухъ сенаторовъ и четырехъ депутатовъ. Я не преминулъ напомнить объ этомъ обстоятельствѣ при первомъ же знакомствѣ и сравнилъ семью Ла-Ревельеровъ съ семьями Карно и Казимира Перье. Всегда самое удобное—начинать знакомство съ лести.

— Однако, — сказалъ Гульвенъ нѣсколько нетерпѣливымъ тономъ,—намъ слѣдуетъ пройтись передъ обѣдомъ.

— Mesdames, вы позволите мнѣ сопровождать васъ?.. Я страшно невѣжественъ относительно этихъ мѣстъ. Ты одинъ можешь посвятить меня въ благочестивыя тайны Арморикан-скаго края,—взмолился я, обращаясь къ Гульвену веселымъ и слегка ироническимъ тономъ.

Жена Гульвена поспѣшила меня пригласить. Ее соблазняло великолѣпіе моего пальто и почтительность моего обращенія. Я понялъ, что найду въ ней покровительницу. На симпатіи остальныхъ я пока не могъ разсчитывать. Гульвенъ не скрывалъ откровенно недружелюбнаго отношенія, Елена держалась насмѣшливо, мадамъ Ла-Ревельеръ—очень холодно и неприступно, маленькая Жильберта—угрюмо. Я быстро схватилъ дождевой зонтикъ, ко-

торый жена доктора едва могла открыть на вѣтру, и сталъ носить его надъ нею, защищая ее отъ дождя. Мадамъ Елена засунула свои длинныя руки въ карманы пальто и спокойно пошла впередъ, навстрѣчу хлещущему дождю. Жильберта перескакивала черезъ лужи, стараясь не промочить ботинки. Мадамъ Ла-Ревельеръ старалась не наталкиваться на крестьянъ, которые бродили безъ опредѣленной цѣли, откинувъ головы назадъ. Мы смѣшались съ толпой, наполнявшей улицу, которая вела къ большой площади. Тамъ расположены были съ одной стороны лавки, гдѣ продавались четки, крестики и образки, затѣмъ массивный порталъ церкви, а съ другой—лужайка, гдѣ высятся двѣ лѣстницы Scala Sanctorum; по ступенямъ этихъ лѣстницъ поднимаются на колѣняхъ до алтаря святой Заступницы.

Мадамъ Гульвенъ стала называть мнѣ по костюмамъ крестьянъ мѣста, откуда эти крестьяне пришли сюда, и выказала большое знаніе Бретани, а также умѣнье пользоваться разными историческими анекдотами для того, чтобы обрисовать съ интересной стороны бретонцевъ, окружавшихъ насъ на площади, толпившихся вокругъ торговокъ восковыми свѣчами и предметами благочестія. Моя элегантность, повидимому, произвела впечатлѣніе на эту любезную невзрачную провинціалку въ поношенномъ платьѣ. Ее нѣсколько возбуждало то, что я, одѣтый какъ принцъ, по ея мнѣнію, собственникъ дорогого автомобиля, столь внимателенъ къ ней въ ея потертой англійской жакеткѣ, съ ей толстыми ботинками на шнуровкѣ, ея худощавымъ лицомъ въ веснушкахъ, ея выцвѣтшей соломенной шляпой и безцвѣтными волосами, собранными въ узелъ на самомъ затылкѣ. Она всячески старалась занимать меня, и, при видѣ каждаго лица, изможденнаго отъ голода и озареннаго экстазомъ фанатической вѣры, сравнивала его съ лицами на картинахъ примитивовъ. Во время своего свадебнаго путешествія, которое сохранилось въ ея памяти какъ свѣтозарная пора счастья, она видѣла много картинъ старинныхъ мастеровъ въ фламандскихъ и нѣмецкихъ городахъ, а затѣмъ въ Парижѣ. Видя на бретонскихъ лицахъ такое выраженіе, какъ на полотнахъ благочестивыхъ старыхъ мастеровъ, она еще болѣе твердо вѣрила, что духомъ благочестивыхъ націй, а также геніемъ ихъ художниковъ, руководитъ единая вѣчная вдохновляющая сила. Я понялъ, что она такъ думаетъ, хотя она и не высказала своей мысли, и сейчасъ же сталъ говорить ей какъ бы отъ себя то, что соотвѣтствовало ея мыслямъ и настроеніямъ. Это должно было установить между нами сразу довѣрчивыя и хорошія отношенія. Мнѣ всегда уда-

валось, благодаря моей психологической проницательности, добиваться—по крайней мѣрѣ, на время—симпатіи нужныхъ мнѣ людей. Такъ было и съ мадамъ Гульвенъ. Ея несложную психологію я понялъ сразу.

Представиться вѣрующимъ было бы неосторожно съ моей стороны,—она сразу поняла бы, что это хитрость. Лучше принять видъ скептика, не относящагося враждебно къ религіи, интересующагося искренними проявленіями вѣры и преклоняющагося передъ этой соціальной силой, создавшей столько чудесъ въ исторіи. Я умилился видомъ женщинъ, стоявшихъ подъ дождемъ, съ зонтиками и придерживая локтями подобранныя юбки, въ ожиданіи каждая своей очереди взбираться на колѣняхъ по ступенямъ лѣстницы, ведущей къ алтарю святой. Я выразилъ увѣренность въ искренности ихъ фанатической вѣры и сказалъ мадамъ Гульвенъ, что высоко цѣню религіозныя настроенія. Продолжая разговоръ въ полъ-голоса, я говорилъ ей о моей молодости, проведенной въ Латинскомъ кварталѣ. Это было время, когда Верлэнъ пользовался большими симпатіями у молодежи. Мы, студенты, пили пиво съ поэтами-символистами и нео-христіанами. Я вспомнилъ мистическіе сонеты одного изъ поэтовъ той поры, и прочелъ одинъ изъ нихъ моей спутницѣ. Она была въ восторгѣ отъ изысканности стиховъ и отъ тонкости моего толкованія непонятныхъ мѣстъ. Мы сразу подружились, и я далъ ей понять, что очень хотѣлъ бы еще болѣе укрѣпить нашу дружбу. Я сказалъ, что меня чрезвычайно интересуетъ эта провинція, сохранившая въ XX-мъ вѣкѣ свой средневѣковой характеръ, и что жена моего друга Гульвена, благодаря своему замѣчательному знанію мѣстной жизни, могла бы, насколько я вижу, ознакомить меня съ нравами своеобразнаго населенія Бретани. Она была польщена и сразу стала засыпать меня свѣдѣніями. Затѣмъ, улучивъ подходящій моментъ въ разговорѣ, я спросилъ, дѣйствительно ли они принимаютъ пансіонеровъ въ Керьяникѣ, какъ мнѣ говорилъ аптекарь въ Кемперѣ. Мадамъ Гульвенъ поспѣшила пригласить меня, говоря, что у нихъ есть во второмъ этажѣ двѣ свободныя комнаты съ балкономъ на море. Она сейчасъ же назвала цѣну — очень невысокую. Я сдѣлалъ видъ, что ея предложеніе очень соблазняетъ меня, и она чрезвычайно обрадовалась. Обстоятельства ихъ были видимо очень стѣсненныя. Я ей сказалъ, что мнѣ еще придется поѣздить нѣсколько дней въ интересахъ „Іода Гишардо“, но что затѣмъ я непремѣнно воспользуюсь ея предложеніемъ. Прежде чѣмъ принять какое-

нибудь рѣшеніе, мнѣ было необходимо опредѣлить дѣйствительную цѣнность работъ Гульвена.

Дождь уже почти пересталъ, и мадамъ Гульвенъ оставила меня и присоединилась къ богомольцамъ, поднимавшимся на колѣняхъ по лѣстницѣ. Я могъ завести серьезный разговоръ съ докторомъ. Послѣ нѣсколькихъ фразъ изъ области отвлеченной философіи, онъ заговорилъ болѣе практично. Мы возвращались къ городской площади. Я намекнулъ ему на то, что наше Общество помогаетъ иногда серьезнымъ ученымъ раньше, чѣмъ результаты ихъ работъ становятся очевидными.

Вначалѣ онъ говорилъ со мной очень отрывисто, стараясь кое-какъ отдѣлаться отъ моихъ вопросовъ, хотя и не безъ желанія убѣдить меня. Но тонъ его сразу измѣнился, когда онъ увидѣлъ возможность получить поддержку при моемъ посредствѣ. Онъ взялъ меня подъ руку и сталъ довѣрчиво разсказывать о своихъ работахъ и о волненіяхъ, съ которыми онѣ связаны. Я чувствовалъ, какъ рука его судорожно сжималась, голосъ его тоже дрожалъ. Онъ съ такимъ же фанатизмомъ вѣрилъ въ свою теорію, какъ окружавшіе насъ люди—въ свои святыни. Онъ тоже надѣялся завоевать науку, какъ они всѣ думали, что завоевываютъ себѣ небо своими молитвами. Онъ весь горѣлъ отъ возбужденія, взгляды его старались проникнуть въ мой мозгъ, ослѣпить мой умъ своимъ сіяніемъ. Мой „пастухъ стада микробовъ“ былъ такъ весь преображенъ наивнымъ экстазомъ, что возбуждалъ мысль объ евангельскомъ поклоненіи пастырей.

Мадамъ Елена отошла-было отъ насъ, чтобы купить своей дѣвочкѣ портретъ папы у одного изъ навѣсовъ посреди площади; теперь она снова приблизилась, привлеченная, повидимому, взволнованнымъ голосомъ доктора. Я подозрѣваю, что она мало поняла изъ нашего гистологическаго спора о дѣйствіи яда на ткани кишечника и артерій, о борьбѣ лейкоцитовъ и бактерій, но во всякомъ случаѣ она слушала съ большимъ вниманіемъ. Мнѣ очень льстила эта вѣжливость, продолжавшаяся и въ отелѣ, когда мы вернулись туда. Мадамъ Гульвенъ пришла къ столу уже послѣ супа. Мы заняли конецъ безконечно длиннаго стола; другія мѣста заняты были застѣнчивыми и прожорливыми католическими священниками, семьями провинціаловъ, нѣсколькими туристами въ изящныхъ дорожныхъ костюмахъ, а также группами блѣдныхъ школьницъ. Эскадронъ проворныхъ бретонскихъ служанокъ въ бѣлыхъ чепчикахъ и передникахъ, съ бѣлыми полотняными рукавами поверхъ рукавовъ платьевъ, прислуживалъ обѣдающимъ. Онѣ отрѣзывали ломти хлѣба своими худо-

щавыми руками, обносили тарелки дымящагося супа, приносили бутылки сидра, минеральную воду, едва поспѣвая исполнять приказанія крикливыхъ строгихъ хозяекъ.

Молодая вдова казалась еще болѣе красивой при вечернемъ освѣщеніи. Я передалъ ей масло, хваля его необыкновенную свѣжесть и нѣжность. Ея теща стала дразнить меня тѣмъ, что я, повидимому, лакомка, и не позволила своей внучкѣ приготовить по моему примѣру у себя на тарелкѣ фламандскій соусъ для мяса изъ краснаго вина и уксуса. Мадамъ Гульвенъ потребовала для соуса своего приготовленія немного рубленнаго лука. Я попросилъ, чтобы и мнѣ тоже принесли лука. Мадамъ Елена напомнила мнѣ, что послѣ лука остается непріятный запахъ, но я галантно отвѣтилъ, что это мнѣ безразлично, такъ какъ я не питаю надежды поцѣловать ее. Эта грубая шутка видимо возмутила ее, и она сердито пожала плечами. Но мадамъ Гульвенъ, сидѣвшая подлѣ меня, поспѣшила улыбнуться, какъ бы видя въ моихъ словахъ только шаловливую выходку, а не грубость. Я замѣтилъ, что по этому сигналу вдова сдержала свой гнѣвъ и произнесла только какую-то очень изысканную фразу, которой я не запомнилъ. Потомъ она попросила меня продолжить начатую на улицѣ научную бесѣду съ докторомъ и возобновила нашъ споръ кстати заданнымъ вопросомъ. Она, очевидно, была очень практична и вполнѣ поняла важность нашей встрѣчи для ея родственниковъ. Она старалась заинтересовать меня какъ можно болѣе опытами Гульвена въ Керьяникѣ. Я покорно слушалъ все, что мнѣ говорили и она, и главнымъ образомъ самъ докторъ. Его теоріи казались мнѣ дѣйствительно очень дѣльными. Про себя я уже рѣшилъ поселиться на нѣсколько недѣль у Гульвеновъ, такъ какъ работы доктора заслуживали внимательнаго изученія. Кромѣ того, хотя о влюбленности не могло быть и рѣчи—этими глупостями я не занимаюсь,—мнѣ все же хотѣлось поближе познакомиться съ Еленой Ла-Ревельеръ, которая очаровала меня своими ровными жестами, мелодичнымъ голосомъ, стройной и гибкой фигурой. Она замѣтила, что понравилась мнѣ, и стала слегка кокетничать. Я же сталъ говорить съ ней враждебнымъ тономъ. Нѣкоторыя женщины ненавидятъ меня за этотъ тонъ,—другія допускаютъ его и даже любятъ. Послѣднія признаютъ меня побѣдителемъ и дарятъ мнѣ симпатіи, которыя во всѣ времена выпадали на долю военныхъ и богачей. Первыя же считаютъ меня грубіяномъ и сейчасъ же обрываютъ всѣ сношенія со мной. Мадамъ Елена, повидимому, вовсе не собиралась слѣдовать ихъ примѣру. Напротивъ того, она зондировала

мою душу, задѣвая меня рѣзкими замѣчаніями; такъ нѣкоторыя дамы любятъ расталкивать кончикомъ зонтика и дразнить свирѣпаго пса, котораго заставляютъ лежать смирно. Мадамъ Ла-Ревельеръ возмущалась нашей игрой; это видно было по ея демонстративному молчанію и недовольному лицу. Маленькая Жильберта смотрѣла на меня презрительно съ видомъ оскорбленной инфанты на музейныхъ картинахъ, и молча перебирала вилкой кусочки мяса на тарелкѣ. Она даже закрыла глаза и нѣсколько разъ вздрогнула, точно страдая отъ шума, когда я сдѣлалъ громкій выговоръ одной изъ служанокъ за то, что она опять принесла мнѣ недостаточно хорошо приготовленный саладъ; я не скупился на плату и имѣлъ право требовать вниманія къ себѣ, къ требованіямъ моего привередливаго желудка. Въ саладѣ все должно быть въ мѣру—иначе онъ портитъ желудокъ,—а это совершенно излишнее, даже когда обѣдаешь въ Бретани, въ обществѣ благочестивыхъ богомольцевъ. Все это я доказывалъ очень громко, какъ бы призывая въ свидѣтели моей правоты обѣдающихъ за обоими столами. У служанки были слезы на глазахъ, и старшая изъ хозяекъ грубо вытолкнула ее въ кухню, ругая ее въ полголоса. Мадамъ Ла-Ревельеръ стала оправдывать дѣвушку, у которой столько дѣла, что не мудрено сбиться съ толку, а мадамъ Елена посовѣтовала мнѣ пріобщаться къ вкусамъ и мыслямъ мѣстныхъ людей, а не отталкивать ихъ, подчеркивая различіе своихъ привычекъ отъ здѣшнихъ. Такъ я ихъ никогда не узнаю, сказала она.

— Да,—подтвердила мадамъ Гульвенъ.—Вы много теряете, примѣняя къ нашему кельтскому населенію парижскіе взгляды и требованія. Душевная жизнь бретонцевъ заслуживаетъ внимательнаго изученія.

— Пора идти въ соборъ,—заявилъ Жанъ Гульвенъ, доканчивая свой компотъ.

Священники уже встали изъ-за стола и крестились, бормоча послѣобѣденныя молитвы. Худощавыя провинціалки быстро допивали кофе; большая семья американцевъ—мальчики съ голыми икрами и дѣвочки въ матросскихъ блузахъ поражали своимъ могучимъ здоровьемъ—шумно направилась къ выходу. Въ вестибюлѣ тѣмъ временемъ собралась новая толпа промокшихъ путешественниковъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшихъ своей очереди пообѣдать,—къ ужасу совсѣмъ потерявшихъ голову служанокъ, которыя наскоро мѣняли приборы на столахъ. Чтобы выйти изъ столовой, нужно было выдержать натискъ этой голодной толпы, но я защитилъ отъ возможныхъ толчковъ мадамъ Елену и ма-

дамъ Гульвенъ своимъ плотнымъ корпусомъ и своимъ широкимъ берлинскимъ плащомъ. Онѣ могли свободно выйти изъ отеля, въ то время какъ бѣдную инфанту Жильберту совсѣмъ затолкали, къ величайшему негодованію раскраснѣвшейся отъ гнѣва мадамъ Ла-Ревельеръ. Я былъ этимъ даже доволенъ—пусть онѣ знаютъ, что со мной удобно дружить.

На площади, загроможденной толпой богомольцевъ и навѣсами торговцевъ, вѣтеръ свирѣпствовалъ по прежнему, теребя одежды, раздувая керосиновыя лампы. Лампы коптѣли, наполняя воздухъ зловоніемъ, и вспыхивали, ярко освѣщая минутами металлическіе образки, четки и пестро раскрашенныя изображенія святыхъ, висѣвшія на веревочкахъ подъ навѣсами. Въ глубинѣ площади сверкалъ раскрытый настежъ огромный соборъ святой Анны. Оттуда неслись оглушительные звуки органа. Тысячи огней освѣщали далеко вглубь рядъ колоннъ скрещивающихся сводовъ и сверкающія за рядами паникадилъ трубы органа.

— Вотъ онъ, древній культъ огня, Агнца Пречистаго, культъ Agnus Dei, сохранившійся во всѣхъ религіяхъ!—сказалъ мнѣ Жанъ Гульвенъ, переставъ наконецъ славить чудеса своей сыворотки. —Вотъ почему я счастливъ, что принадлежу къ католической церкви. Ритуалъ остался у насъ такимъ же, какимъ былъ у самыхъ древнихъ арійскихъ народовъ. Здѣсь я могу общаться мыслями съ моими самыми отдаленными предками.

Онъ съ лихорадочнымъ волненіемъ сталъ излагать мнѣ банальныя теоріи нео-христіанъ, которые вкладываютъ въ текстъ Библіи и Евангелія совершенно произвольный смыслъ и доказываютъ этимъ путемъ, что теоріи Дарвина и ученія современныхъ астрономовъ предвосхищены въ Пятикнижіи и въ ученіи Моисея. Адамъ—по ихъ толкованію—совершенствующееся животное начало, Ева—способность эволюціонировать, Авель—центробѣжная сила, Каинъ — центростремительная, Богъ Отецъ—синтезъ всѣхъ невѣдомыхъ силъ и первопричинъ, Святой Духъ—ходъ мышленія отъ амебы до философіи Гегеля, Дѣва Марія—символъ тождества противоположныхъ началъ, изъ котораго рождается абсолютъ или Мессія—грядущее Знаніе, которое избавитъ насъ отъ невѣжества, т.-е. отъ зла, страданія и страха смерти. Смерть—переходный сонъ, знакъ возрожденія въ новыхъ формахъ (растительные и животные микробы), для продленія въ вѣчной жизни... Аминь!

Я зналъ достаточно лже-мистиковъ моего поколѣнія, увлекавшихся этимъ дешевымъ теософическимъ бредомъ, и слова доктора Гульдена не произвели на меня поэтому ни малѣйшаго

впечатлѣнія. Мнѣ только было забавно, что докторъ предпринялъ аттаку на мой атеизмъ среди этой толпы, отъ которой шелъ запахъ промокшаго сукна. Толпа богомольцевъ была такая густая, что мы сначала не могли сдѣлать ни шагу впередъ. Мадамъ Гульвенъ хотѣла подойти окропиться святой водой, но не могла протиснуться сквозь цѣлый батальонъ бретонцевъ въ голубыхъ жилеткахъ, унизанныхъ металлическими пуговицами. Они стояли съ непокрытыми головами, съ четками въ огромныхъ волосатыхъ рукахъ, и ни одинъ не двинулся съ мѣста, чтобы пропустить даму. Застывшіе въ своихъ благочестивыхъ позахъ, они не сводили глазъ съ мадамъ Елены. Можетъ быть, она казалась имъ видѣніемъ Дагоберты, проклятой отцомъ дочери короля Гралона, красавицы, духъ которой носится надъ грѣшнымъ городомъ, провалившимся близъ мыса Сень? Таково было, по крайней мѣрѣ, объясненіе мадамъ Гульвенъ, любезной къ своей красивой кузинѣ даже въ церкви. Мы всѣ видимо изумляли своимъ видомъ и маленькихъ бретонокъ, стоявшихъ на колѣняхъ; онѣ поглядывали съ любопытствомъ на мое пальто и пугливо кланялись, уступая дорогу доктору, который смогъ наконецъ окунуть палецъ въ святую воду, послѣ чего онъ перекрестился. Предположивъ—совершенно напрасно,—что меня это удивитъ, онъ наклонился и прошепталъ мнѣ на ухо:

— Во имя Отца и Первопричины, Сына и Человѣчества, постигающаго причины, Святаго Духа и Эволюціи, которая освобождаетъ насъ отъ животнаго невѣжества.

Я же, при моемъ учтивомъ отношеніи ко всѣмъ вѣрованіямъ, перекрестился безъ всякихъ мудрствованій. Я не раздѣляю презрѣнія Ницше къ христіанству. Это—очень здоровая и общедоступная философія, которая куда выше многихъ туманныхъ и противорѣчивыхъ метафизическихъ рѣшеній. Сила церкви подчинила себѣ весь западъ стараго міра, создала его культуру, также какъ и культуру Америки. Странно выводить изъ этого заключеніе, что христіанство—религія слабыхъ. Я сужу только по фактамъ, и вижу, что послѣ семитической культуры, созданной культомъ Изиды, и эллинизма съ его культомъ Зевса, религія Христа выполнила наиболѣе трудную задачу исторіи человѣчества: она подчинила законамъ общественности варваровъ эпохи переселенія народовъ. Это задача не менѣе сложная, чѣмъ задача капитализма, смѣнившаго христіанство и мѣняющаго строй современной жизни. Жрецы Мемфиса, римскій легіонъ, католическая церковь и владѣльцы американскихъ трёстовъ—вотъ четыре силы, которыя дѣйствительно управляли и управляютъ исторіей...

Я старался заинтересовать мадамъ Елену, высказывая ей все это въ полголоса, какъ вдругъ ея дочь, вся вздрогнувъ, прижалась къ ней; ее испугалъ видъ одной изъ молящихся, у которой на мѣстѣ носа, откушеннаго собакой или уничтоженнаго какой-нибудь язвой, былъ кусокъ пластыря. Страшно было, дѣйствительно, глядѣть на эту стройную молодую дѣвушку въ черномъ корсажѣ, расшитомъ желтымъ шолкомъ, въ широчайшей юпкѣ, уложенной плотными складками вокругъ тонкой таліи,—и съ широкимъ, дикимъ безносымъ лицомъ, озареннымъ молитвеннымъ экстазомъ. Контрастъ здороваго, красиваго тѣла и обезображеннаго лица придавалъ этой крестьянкѣ кошмарный видъ.

Мы протиснулись дальше вглубь церкви, мимо длинныхъ рядовъ дѣвушекъ въ остроконечныхъ кружевныхъ чепчикахъ, мимо старухъ и стариковъ съ худыми, голодными лицами. Всѣ оборачивались и глядѣли съ нескрываемымъ изумленіемъ на мадамъ Елену—точно дѣйствительно принимая ее за легендарную Дагоберту. Среди уродства всѣхъ этихъ людей, огрубѣвшихъ отъ соленаго морского воздуха, она въ самомъ дѣлѣ сіяла почти волшебной красотой. Взглянувъ случайно на Гульвена, я увидѣлъ, что и онъ любуется царственной красотой своей кузины. И вдругъ, какъ бы по какому-то наитію, я подумалъ, что эта красавица, очень богатая, имѣющая огромныя связи, могла бы выпутать доктора изъ его, повидимому, очень стѣсненныхъ обстоятельствъ и предоставить ему возможность возобновить опыты, которые ему пришлось остановить изъ-за недостатка средствъ,—какъ онъ самъ сознался въ разговорѣ со мной. Возбужденная новизной впечатлѣній, мадамъ Елена была очень весела, любезна, разговорчива и все время сравнивала разные типы бретонцевъ съ лицами на картинахъ Дюрера, Мемлинга, Кранаха, Мантеньи; пользуясь своей непогрѣшимой памятью, она въ точности называла галереи и залы, въ которыхъ видала изображенія такихъ же наивныхъ и благочестивыхъ лицъ. Мадамъ Гульвенъ объясняла ей характеръ костюмовъ разныхъ мѣстностей и все повторяла съ наивной радостью:

— Вотъ видишь, наконецъ-то тебѣ нравится моя Бретань,—вся моя средневѣковая Бретань,—страдающая и вѣрующая, святая Бретань!.. Видишь, какъ здѣсь воскресаетъ старина?

На ступенькахъ хоръ расположились цѣлыя семьи, намѣреваясь, согласно обѣту, провести ночь въ церкви. Слышался плачъ грудныхъ младенцевъ сквозь гулъ толпы, которая все прибывала, заполняла боковыя часовни, прислонялась къ алтарямъ, къ гробницамъ. Больные стонали, дѣти исподтишка затѣвали игры, го-

нясь другъ за дружкой вокругъ статуй святыхъ евангелистовъ. Ихъ смѣхъ врывался неожиданными взрывами въ однообразное пѣніе группы смиренныхъ служанокъ, державшихъ раскрытые молитвенники въ красныхъ, натруженныхъ рукахъ. Мадамъ Гульвенъ отъ времени до времени начинала пѣть вмѣстѣ съ ними, и тогда ее трудно было отличить отъ остального хора, до того лицо ея было пассивнымъ и смиреннымъ. Блѣдность лица, тонкія руки въ перчаткахъ и шляпа на безцвѣтныхъ волосахъ не служили достаточнымъ отличіемъ. Ее вполнѣ можно было представить себѣ въ чепчикѣ съ туго накрахмаленными висящими концами, съ косынкой поверхъ корсажа и въ черной пелеринѣ, обшитой бархатомъ. Развѣ эта жалкая, робкая женщина могла помочь своему мужу въ борьбѣ противъ судьбы и недоброжелательства людей? Она вѣдь навѣрное предпочла бы, чтобы онъ превратился въ безплотнаго, святого мученика, какихъ изображаютъ на расписныхъ окнахъ церквей,—съ блаженнымъ, устремленнымъ въ небо взоромъ и съ протянутой палачу шеей.

„На мѣстѣ Гульвена,—подумалъ я,—я затѣялъ бы романъ съ мадамъ Еленой. Она познакомила бы меня съ депутатами и министрами,—и я имѣлъ бы большой кругъ богатыхъ паціентовъ. Сыворотка Гульвена излечивала бы сыновей министровъ, милліонеровъ, биржевиковъ, актрисъ... Это—гораздо лучшая реклама, чѣмъ та, которую можетъ устроить столичное Фармацевтическое Общество“...

Таковы были мои мысли въ то время, какъ вдова восторгалась профилемъ доктора, его полу-длинными, гладкими волосами, ясными глазами, свойственными морякамъ, его стройными ногами въ гетрахъ, какъ у старыхъ бретонцевъ. Онъ тоже прижималъ къ груди круглую шляпу и держалъ въ рукахъ агатовыя четки, которыя ему только-что дала жена.

— Правда, что онъ настоящій кельтъ, болѣе чистой расы, чѣмъ всѣ вокругъ? — сказала мадамъ Елена тещѣ, восторгаясь болѣзненно-мистической красотой Гульвена.

Мы прошли дальше. Я отказался отъ моего проекта, или, вѣрнѣе, видоизмѣнилъ его, оставляя за собой надежду соблазнить вдову и пріобрѣсти при ея посредствѣ тѣ связи, которыхъ мнѣ еще недостаетъ въ вліятельныхъ сферахъ. Я приблизился къ ея дочери и тещѣ, которыя забавлялись видомъ дѣвочекъ, одѣтыхъ совсѣмъ какъ взрослыя, въ длинныя платья, передники и разнообразные головные уборы разныхъ деревень Бретани.

Весь средній проходъ церкви былъ переполненъ народомъ. Многіе уже дремали, прислонившись къ столу для причастія,

раскрывъ ротъ и машинально перебирая четки. На коврѣ у хоръ множество женщинъ расположилось группами односельчанокъ, и у нихъ уже смыкались глаза отъ усталости. Изъ боковыхъ дверей, однако, появлялись новоприбывшіе богомольцы, то по одиночкѣ, то цѣлыми приходами, тѣснившимися каждый вокругъ своего священника, и всѣ они проталкивались сквозь толпу, направляясь къ золотымъ ракамъ и къ сверкающимъ букетамъ зажженныхъ восковыхъ свѣчей. Въ ихъ глазахъ свѣтилась надежда приблизиться къ видимому Богу.

Мы съ величайшимъ трудомъ двигались среди этой толпы, наполнявшей церковь запахомъ полей. Гульвенъ доказывалъ намъ, что на тысячахъ лицъ, окружающихъ насъ, нельзя прочесть ничего иного, кромѣ смиренной вѣры въ небесную благость. Всѣ души тутъ одинаковыя, проникнутыя общимъ экстазомъ; ни одна не отличается отъ другой.

— Даже я самъ, — сознался докторъ, — съ трудомъ могу устоять. Вѣра моихъ бретонцевъ невидимо исходитъ изъ нихъ, какъ нѣчто матеріальное, и внѣдряется въ меня, опьяняетъ меня. Я заражаюсь эпидеміей вѣры. Клѣточки моего организма какъ бы вспоминаютъ, что онѣ созданы той же кровью, которая текла въ жилахъ нашихъ общихъ предковъ. Каждый горящій экстазомъ взглядъ, который я вижу, кажется мнѣ выраженіемъ моихъ собственныхъ чувствъ. Мой организмъ становится болѣе легкимъ, точно воздухъ сталъ вдесятеро богаче кислородомъ. Я дышу такъ легко и свободно, какъ бывало на горныхъ вершинахъ въ Мексикѣ. Благодаря моему лабораторному опыту, я могу изслѣдовать причину такого быстраго измѣненія всего моего существа. Отъ этихъ людей исходитъ сила и внѣдряется въ клѣточки моего организма, особенно воспріимчиваго къ этимъ вліяніямъ. Я дѣлаю точныя наблюденія. Они крайне любопытны.

Жена Гульвена не дѣлала никакихъ наблюденій, а всѣмъ сердцемъ отдавалась ощущеніямъ. Глаза ея радостно сіяли, когда она пѣла псалмы съ молодыми дѣвушками или опускалась на колѣни у алтарей, мимо которыхъ проходила. Она была возбуждена зрѣлищемъ толпы, охваченной экстазомъ, и разсказывала съ увлеченіемъ о древнихъ чудесахъ маленькой Жильбертѣ, которая тоже заразилась молитвеннымъ настроеніемъ, и стала креститься и становиться на колѣни передъ алтарями, раками и статуями святыхъ. Она присмирѣла, стала ходить на цыпочкахъ и возмущалась непочтительнымъ отношеніемъ къ святости мѣста со стороны матери и бабушки.

Когда мы, наконецъ, вышли изъ собора, Жильберта все еще

держалась очень степенно; обычная шаловливость вернулась къ ней только тогда, когда мы покинули соборную площадь съ ея лавками предметовъ благочестія и свернули въ сторону, къ лугу, на которомъ размѣстились на бивуакахъ пріѣхавшіе на богомолье. Тамъ устроены были навѣсы, разставлены были столы, разведены костры и варилась ѣда въ котлахъ. Воздухъ пропитанъ былъ дымомъ, запахомъ поджариваемой рыбы, вина. Со всѣхъ сторонъ слышались крики, смѣхъ, плачъ дѣтей, причитанія нищихъ и калѣкъ. Особенно громко вопили слѣпые, и къ ихъ плачу присоединились вскорѣ возгласы сильнаго неудовольствія и разочарованія во всей толпѣ: разнесся слухъ, что процессія съ факелами отмѣнена, что статую святой Анны не будутъ носить по улицамъ изъ-за дождя и вѣтра. Мадамъ Гульвенъ была очень огорчена, когда ей это сказала одна женщина изъ Бель-Иля. Такъ намъ и не удалось видѣть ночную процессію, ради которой мы всѣ пришли сюда изъ собора. Прежде чѣмъ вернуться домой, однако, мы еще разъ зашли въ соборъ, и докторъ сталъ въ полголоса говорить своей кузинѣ о необычайномъ видѣ молящейся толпы, о томъ, что въ церкви больше живыхъ лицъ, чѣмъ недвижныхъ камней, и сталъ сравнивать позы молящихся бретонокъ съ хорошо знакомымъ ему видомъ мусульманъ въ мечетяхъ.

— Эти позы и жесты,—говорилъ онъ,—я достаточно часто наблюдалъ въ Бейрутѣ...

Я замѣтилъ—совершенно непроизвольно,—что голосъ мадамъ Елены становился болѣе пѣвучимъ и нѣжнымъ, когда она отвѣчала доктору. У меня явилось первое подозрѣніе въ томъ, что между ними установилась тайная, быть можетъ опасная близость. Къ тому же, Гульвенъ говорилъ очень возбужденно, хотя предметъ разговора вовсе не былъ волнующимъ. Я рѣшилъ, что дѣло было не въ словахъ, а въ интонаціяхъ, имѣвшихъ особый, скрытый смыслъ. Но черезъ минуту я уже передумалъ. Я убѣдилъ себя, что поношенный, небрежный костюмъ Гульвена составлялъ слишкомъ большой контрастъ съ изяществомъ мадамъ Елены, и что такіе люди, какъ Гульвенъ, не обманываютъ женъ. Мадамъ Гульвенъ, къ тому же, не была безобразна, а только слишкомъ строга съ виду и, въ общемъ, незамѣтна. Мое предположеніе показалось мнѣ самому клеветой, не имѣющей никакого основанія. Изъ всего этого инцидента я сдѣлалъ только выводъ, что красивая женщина съ такимъ пѣвучимъ голосомъ должна быть непремѣнно склонна къ любви, и рѣшилъ, на всякій случай, поухаживать за ней,—еслибы даже это привело только къ

дружбѣ и, слѣдовательно, къ тому, чтобы пріобрѣсти знакомства и связи въ ея кругу.

Въ моей комнатѣ висѣла фотографія умирающей старухи; раздѣваясь, я мысленно рисовалъ себѣ на мѣстѣ этой печальной эмблемы тлѣнія смѣющійся, очаровательный образъ мадамъ Елены. Но, къ сожалѣнію, этотъ образъ не приснился мнѣ ночью, такъ какъ я, по обыкновенію, спалъ безъ всякихъ сновъ.

Проснувшись на слѣдующее утро со свѣжей головой, я еще разъ все обсудилъ и рѣшилъ, что научные опыты доктора и красота мадамъ Елены—достаточныя основанія для поѣздки въ Бель-Иль. Когда я увидѣлъ мою красавицу за утреннимъ кофе, то обаятельный блескъ ея привѣтливаго лица, радостное выраженіе ея свѣтлыхъ глазъ, гармоничность движеній, веселость, съ которой она дразнила меня за мои капризы избалованнаго гастронома,—все это укрѣпило мое рѣшеніе.

Я сообщилъ Гульвену о моемъ намѣреніи поселиться у него. Поѣздку въ Керьяникъ я, дѣйствительно, считалъ полезной въ дѣловомъ отношеніи: побывавъ тамъ, я могъ бы дать полныя и точныя свѣдѣнія нашему обществу объ анти-тифозной сывороткѣ. Грустное лицо мадамъ Гульвенъ просіяло. Она не завтракала съ нами, такъ какъ собиралась причащаться. Она попросила точно сообщить день и часъ моего пріѣзда. Мадамъ Елена обрадовалась моему обѣщанію пріѣхать даже больше, чѣмъ Гульвены, но мнѣ показалось, что главной причиной ея довольства была надежда, что я помогу доктору завершить его опыты. Она радовалась за своихъ бѣдныхъ родственниковъ, которымъ, можетъ быть, наконецъ, повезетъ въ жизни. Вопреки моей обычной сдержанности и осторожности, я на этотъ разъ сталъ возбуждать надежды на успѣхъ, и былъ тотчасъ же вознагражденъ за это ухаживаніемъ всѣхъ членовъ семьи. Докторъ вдругъ сталъ вспоминать разные эпизоды изъ нашей жизни въ Латинскомъ кварталѣ и передавалъ ихъ въ самомъ выгодномъ для меня освѣщеніи. Онъ разсказывалъ своей кузинѣ о моихъ блестящихъ работахъ въ біологической лабораторіи профессора Дювалона, теперешняго члена академіи, и старался всячески возвысить меня въ ея мнѣніи. Я внутренно пожалѣлъ его за слабохарактерность: еще наканунѣ онъ выказывалъ по отношенію ко мнѣ явную недоброжелательность, а сегодня—только изъ денежныхъ соображеній — онъ сталъ открывать во мнѣ какія-то фантастическія заслуги и качества. До чего, должно быть, его измучила нищета! Онъ даже постарался расположить въ мою пользу мадамъ Ла-Ревельеръ. Жильберта тоже стала удостоивать меня отвѣтами, сни-

сходительно принимала мои совѣты относительно того, какъ устанавливать фотографическій аппаратъ, и даже снизошла до того, что задала сама нѣсколько вопросовъ.

Передъ окнами столовой стали проходить стекающіеся изъ разныхъ гостинницъ богомольцы. Погода съ утра установилась хорошая, солнце ярко сіяло, и Жильберта стала торопить насъ на улицу. Мадамъ Гульвенъ уже оставила насъ, отправившись къ обѣднѣ.

Слѣдуя за толпой, состоявшей изъ продавщицъ восковыхъ свѣчей, изъ нищихъ и калѣкъ, изъ богомольцевъ съ непокрытыми головами и босыми ногами, изъ разряженныхъ бретонокъ съ голубыми и зелеными передниками, бретонцевъ въ бархатныхъ жилетахъ, дѣтей съ блѣдными испуганными лицами, мы подошли къ чудотворному источнику, надъ которымъ высятся статуи Мадонны и рядомъ съ нею святой Анны.

Жильберта сейчасъ же навела свой фотографическій аппаратъ на бретонцевъ, тѣснившихся у источника. Мужчины промывали себѣ глаза цѣлебной водой; старухи дрожащими, заскорузлыми руками мыли свои морщины; стоя на колѣняхъ, родители полумертваго ребенка мочили ему святой водой закрытые вѣки, шепча молитвы. Чиканье фотографическаго аппарата разсѣивало ихъ вниманіе. Продолжая читать молитвы, они въ то же время разглядывали дѣвочку въ короткомъ суконномъ платьѣ песочнаго цвѣта и въ туго обтягивающихъ стройныя, тонкія ножки сѣрыхъ чулкахъ. Они, видимо, удивлялись, что мы хотимъ сохранить воспоминаніе объ ихъ молитвенныхъ жестахъ, казавшихся имъ столь обыкновенными. Къ источнику подходили все новыя и новыя группы. Мужчины снимали шляпы, крестились и наполняли чудотворной водой принесенныя съ собой бутылки. Другіе снимали сапоги и окунали въ бассейнъ свои ноги. Дѣвушки припадали къ текущей струѣ и жадно пили воду, старательно отодвигая свои вуали, чтобы не замочить ихъ. Цѣлыя семьи приходили одна за другой, пили воду, мочили платки цѣлебной водой и подносили ихъ къ больнымъ глазамъ. Всѣ эти люди безхитростно совершали старинный ритуалъ, и души ихъ были полны довѣрія и надежды.

Я не могъ не подумать, что публикаціи и рекламы нашего общества не могутъ создать такого успѣха, и что эликсиръ Гишардо, вѣроятно, больные пьютъ съ меньшей вѣрой въ его цѣлебность. Гульвенъ выразилъ желаніе, чтобы врачи были облечены священническимъ саномъ,—тогда они могли бы спасать безконечно больше погибающихъ жизней, чѣмъ теперь. Они

должны были бы провозглашать съ каѳедры священную тайну цѣлебныхъ силъ природы и лечить, вознося хвалы творческому духу природы—Богу, которому поклоняются народы подъ различными формами, придумываемыми ихъ богатой фантазіей. Не будь онъ мужемъ образцовой жены, онъ самъ охотно сдѣлался бы монахомъ, закончивъ свое изобрѣтеніе. Тогда цѣлебное дѣйствіе сыворотки восполнялось бы обаяніемъ святости побужденій изобрѣтателя. Пламенная вѣра—самое могущественное средство при леченіи всякихъ болѣзней. Гульвенъ говорилъ, что наблюдалъ въ колоніяхъ много случаевъ, когда въ госпиталяхъ матросы излечивались отъ самыхъ упорныхъ лихорадокъ, только благодаря довѣрію къ знанію и добротѣ ихъ врача, въ то время какъ другіе погибали массами лишь потому, что лечившій ихъ врачъ не сумѣлъ убѣдить ихъ въ своихъ знаніяхъ,—въ дѣйствительности вполнѣ заслуживающихъ довѣрія. Гульвенъ сказалъ намъ также, что многихъ своихъ больныхъ изъ Бель-Иля—въ особенности эпилептиковъ—онъ настойчиво посылаетъ на богомолья. Ему удавалось вылечивать многихъ также водолеченіемъ и разными бромистыми препаратами. Но все же разныя богомолья въ Бретани облегчили состояніе многихъ больныхъ нервными болѣзнями, не поддающимися никакимъ медицинскимъ средствамъ. Такимъ образомъ, соединяя два метода леченія—религіозными внушеніями и обычными терапевтическими средствами,—онъ достигалъ очень хорошихъ результатовъ.

Онъ какъ разъ увидѣлъ, говоря объ этомъ, одну изъ своихъ паціентокъ и поклонился ей. Она прикладывала къ затылку платокъ, обильно смоченный чудотворной водой. Въ связи съ словами Гульвена, это зрѣлище показалось мнѣ забавнымъ, какъ иронія надъ декретами академической науки. Не отрицая цѣлебной силы—иногда даже большей, чѣмъ можно было бы ожидать, — изобрѣтаемыхъ новыхъ лекарствъ, мы, однако, отлично знаемъ, что дѣйствіе ихъ не всегда одинаковое и, страннымъ образомъ, столь же преходящее, какъ увлеченіе имъ публикой. Мадамъ Елена приняла въ серьёзъ парадоксъ доктора о чудодѣйственности совмѣщенія священника и врача въ одномъ лицѣ. Она отстаивала теорію доктора, споря противъ рѣзкаго и ограниченнаго скептицизма своей тещи, которая исповѣдывала узкій позитивизмъ, укрѣпившійся въ умахъ буржуазной аристократіи во Франціи. Гульвенъ безъ особаго труда доказалъ ей, что еслибы источникъ въ Сентъ-Аннъ никого не излечивалъ, бретонцамъ надоѣло бы ходить къ нему уже цѣлыхъ два вѣка.

Толпа все прибывала и двигалась, увлекая насъ въ своемъ

сосредоточенно-молчаливомъ движеніи. Вокругъ стоялъ только смутный гулъ читаемыхъ въ полголоса молитвъ. Мадамъ Елена прервала свои замѣчанія, какъ бы устыдясь своей болтовни среди набожной толпы. Она даже покраснѣла, замѣтивъ неодобрительную усмѣшку на лицѣ доктора, и вспышка стыдливаго румянца была ей очень къ лицу. Послѣ того она только шопотомъ обратила наше вниманіе на то, что бретонцы — созерцательный народъ, не высказывающій вслухъ своихъ мыслей. Дѣйствительно, вокругъ насъ слышны были только привѣтствія и замѣчанія о непріятныхъ сюрпризахъ морскаго климата. О вѣрѣ, которая привела ихъ всѣхъ сюда, къ источнику святой Анны, бретонцы не разговаривали. Ихъ религіозное чувство точно боялось выдать себя словами.

Толпа увлекла насъ дальше, и мы очутились снова у входа въ соборъ. На ступенькахъ паперти уже сверкали хоругви. Процессія установилась и, подъ звуки торжественной музыки, вышла среди стоящихъ на колѣняхъ богомольцевъ. Насъ стали еще больше толкать со всѣхъ сторонъ—всѣмъ хотѣлось взглянуть на статую святой Анны, которую несли подъ золотымъ балдахиномъ среди множества духовенства и пѣвчихъ въ праздничныхъ, сверкающихъ золотомъ облаченіяхъ. За процессіей тянулись нескончаемые ряды бретонцевъ, которые цѣловали четки, держа руки крестомъ на груди и закрывая глаза, съ блаженной мыслью о недавнемъ причащеніи.

Статуя святой Анны высилась надъ толпой, тѣснившейся вокругъ церкви и взиравшей на нее точно въ ожиданіи чуда. Въ эту минуту они ждали, что она сойдетъ съ неба вмѣстѣ съ Пресвятой Дѣвой и приблизится къ нимъ, чтобы облегчить небесными словами ихъ явныя страданія и скрытыя муки. Гульвенъ, стоявшій подлѣ меня, тоже повернулъ лицо къ статуѣ, озаренной солнцемъ. Нѣсколько секундъ онъ стоялъ въ экстазѣ, захваченный слѣпымъ и мощнымъ инстинктомъ вѣры своего народа. Дѣлалъ ли онъ и теперь наблюденія надъ собой, полувѣрующимъ подъ вліяніемъ атавистическаго инстинкта, полускептикомъ подъ вліяніемъ науки? Мадамъ Елена тоже слѣдила за нимъ. Мы безмолвно поняли другъ друга и покачали головой. Онъ вдругъ показался намъ далекимъ и чуждымъ, точно подъ епископскимъ благословеніемъ двухъ поднятыхъ кверху грубоватыхъ пальцевъ, украшенныхъ крупнымъ аметистомъ, онъ отодвинулся вглубь далекаго прошлаго. Не знаю почему, но мнѣ показалось, что побѣда была на моей сторонѣ. Между мадамъ Еленой и мной установилось какое-то тайное пониманіе. Мы

обмѣнялись взглядами, когда увидали среди женщинъ, шедшихъ непосредственно за пѣвчими, окружавшими статую святой, мадамъ Гульвенъ, еще болѣе блѣдную, чѣмъ обыкновенно, и преображенную блаженствомъ причащенія. Она медленно двигалась впередъ въ своемъ скромномъ платьѣ, плотно охватывавшемъ худощавую, какъ у дѣвочки, фигуру. Ея мужъ глядѣлъ на нее взволнованный, почти въ слезахъ. Она увидѣла его среди толпы, и ея ясный взглядъ свидѣтельствовалъ, что она любитъ его всей силой своего религіознаго экстаза. Опять одна и та же мысль объединила мой взглядъ съ выразительнымъ взглядомъ мадамъ Елены. Мы оба безмолвно измѣрили глубину истинной любви христіанки-жены къ ея избраннику.

Теперь я вспоминаю совершенно ясно, что видъ этой глубокой супружеской любви взволновалъ красавицу-вдову. Но тогда я только радовался, что нашелъ сюжетъ для интимныхъ бесѣдъ, и что отнынѣ могу вести разговоры наединѣ съ женщиной, которую хотѣлъ если не соблазнить, то хоть расположить къ себѣ. Говоря о Гульвенахъ и объ ихъ взаимныхъ чувствахъ, я могу вести бесѣды о любви, очень опасныя иногда для добродѣтели неосторожныхъ женщинъ, которыя соглашаются вести ихъ. Я знакомъ указалъ ей на доктора, который отдѣлился отъ насъ. Мадамъ Елена была поражена, что я понялъ ея тайную мысль, прежде чѣмъ она что-либо сказала. Она, повидимому, смутилась тѣмъ, что я заглянулъ ей въ душу, и вся густо покраснѣла. Это вполнѣ соотвѣтствовало моимъ желаніямъ: она признала, что я читаю въ ея мысляхъ. Въ это время толпа опять насъ подхватила и лишила возможности разсуждать дальше.

Молящіеся толкались во всѣ стороны, чтобы протиснуться къ статуѣ, сдѣлать нѣсколько шаговъ рядомъ съ нею. Докторъ Гульвенъ окунулся въ эту толпу, совершенно забывъ о насъ, но все время не упуская изъ вида жены, которая улыбалась ему издали; его толкали со всѣхъ сторонъ, но и онъ не оставался въ долгу, и толкалъ другихъ. Мы съ величайшимъ трудомъ пробирались за нимъ вслѣдъ за процессіей, которая обошла площадь, направилась на лугъ, къ лѣстницамъ Scala Sanctorum, и остановилась у трибуны, покрытой краснымъ сукномъ. Только когда вся толпа опустилась на колѣни, мы могли наконецъ подойти къ Гульвену. Онъ сдѣлалъ намъ знакъ рукой, чтобы мы молчали. Стоя среди тысячъ молящихся, онъ самъ видимо ждалъ чуда вмѣстѣ съ ними, уже не занимаясь самоанализомъ, а захваченный весь мистическимъ экстазомъ своей расы.

Мадамъ Елена обернулась къ своей тещѣ, говоря ей, что

всѣ эти бретонцы совершенно утратили въ эту минуту каждый свою индивидуальность, и образуютъ одну общую, опьяненную экстатической вѣрой душу, одинъ общій духъ, который ощущается въ атмосферѣ, невидимо, но осязательно носится въ воздухѣ вмѣстѣ съ развѣвающимися концами головныхъ уборовъ. Иллюзія матеріальнаго присутствія общей души получается полная. Я подтвердилъ слова мадамъ Елены, подкрѣпляя ихъ цитатами изъ Ницше о равноцѣнности истиннаго и кажущагося... И я хвалилъ доктора за его способность отдаваться религіозной иллюзіи до того, что онъ блѣднѣлъ и клалъ земные поклоны по пути процессіи.

Мадамъ Ла-Ревельеръ, въ качествѣ убѣжденной республиканки, пожала плечами. Она придерживалась принциповъ Вольтера и требовала ясной и прямой истины. Я ей возразилъ, что трудно сдѣлать выборъ между множествомъ истинъ болѣе старыхъ и болѣе новыхъ, вчерашнихъ и завтрашнихъ, между истиной Паскаля и истиной Дарвина... Но вдругъ, среди моихъ разсужденій, толпа вокругъ насъ пришла въ движеніе и устремилась впередъ: процессія снова двинулась въ путь. Волна насъ подхватила, понесла, помяла шляпу возмущенной Жильберты, отдѣлила меня отъ мадамъ Елены и отбросила къ святынѣ, къ которой неслась душа всего этого народа, охваченнаго безпредѣльной, передающейся отъ поколѣнія къ поколѣнію жаждой чуда.

При яркомъ полуденномъ свѣтѣ солнца обезумѣвшая толпа ринулась къ собору подъ звуки музыки, сопровождавшей шествіе съ бѣлыми и красными хоругвями, серебряными и золотыми крестами. Новый, сбивающій съ ногъ, наплывъ толпы вынесъ насъ на паперть и потомъ во внутрь собора, гдѣ стоялъ невообразимый гулъ голосовъ, плачъ полузадавленныхъ дѣтей. Всѣ сбились въ кучу, и среди этой хаотической толпы я увидѣлъ Гульвена. Онъ стоялъ рядомъ съ своей блѣдной какъ смерть женой. Ей тоже хотѣлось увидать чудо, увидать, какъ изъ мрака, пожирающаго блескъ свѣчей въ глубинѣ собора, покажется въ главномъ алтарѣ Тотъ, Кто возсіяетъ и утолитъ муки всѣхъ этихъ искалѣченныхъ, задавленныхъ жизнью существъ, стонущихъ нищихъ, всей этой толпы, распростертой на священныхъ камняхъ.

II.

Послѣ нѣсколькихъ дней, посвященныхъ осмотру нашихъ складовъ морскихъ травъ и іодовыхъ заводовъ, я оставилъ мой автомобиль въ Ваннѣ и сѣлъ на маленькій пароходъ, совершающій рейсы между материкомъ и Бель-Илемъ. Я навелъ самыя точныя справки о связяхъ мадамъ Елены, и очень влюбился въ ея вліяніе, которое могло оказать мнѣ большую пользу.

Каждый человѣкъ любитъ по-своему. Одни поклоняются красотѣ. Другіе ставятъ выше всего въ женщинѣ умъ; иные очень цѣнятъ смѣлое или утонченное изящество. А я преклоняюсь передъ женщинами, умѣющими завоевать себѣ власть и удержать ее. Другими словами, я—поклонникъ дипломатическихъ талантовъ куртизанокъ или свѣтскихъ женщинъ.

Красота женщины доставляетъ мнѣ минутное удовольствіе, какъ красивая гравюра,—не больше. Я отхожу, унося пріятное, но мимолетное воспоминаніе. Изощренность ума кажется мнѣ въ общемъ мало привлекательной, такъ какъ я къ тому же не одобряю безполезныя клеветы и злобу; судить своихъ современниковъ значитъ терять время самымъ безсмысленнымъ образомъ, и нужно быть глупымъ фатомъ, чтобы вѣрить въ непогрѣшимость своихъ сужденій. Что касается элегантности, то я не придаю ей первостепеннаго значенія.

Три страсти, которыя я испыталъ въ возрастѣ отъ двадцати до сорока лѣтъ, вызваны были женщинами, игравшими въ своемъ кругу первенствующую роль. Я искренно любилъ дочь одного помощника мэра. При его посредствѣ я получилъ монополію нѣкоторыхъ муниципальныхъ поставокъ. На его дочери я женился. Я безумствовалъ нѣкоторое время отъ любви къ Клариссѣ Габи, актрисѣ изъ „Одеона“, у которой я познакомился съ барономъ Фогтомъ. Это была очаровательная женщина! И какъ она умѣла вести дѣла! Фогтъ купилъ на пятьсотъ тысячъ франковъ акцій нашего Общества, и я получилъ очень приличную сумму за коммиссію. Кларисса, конечно, получила отъ меня на булавки, такъ какъ я былъ отъ нея безъ ума. Наконецъ, я былъ преданнымъ поклонникомъ мадамъ Рашель Розенталь, которая такъ трагически погибла въ прошломъ году, когда случилась катастрофа съ ея автомобилемъ близъ Бурже. Всѣ эти три женщины питали ко мнѣ привязанность, несомнѣнность которой обнаружилась по практическимъ результатамъ.

Вы улыбаетесь? Напрасно... совершенно напрасно. Почему

осуждать любовь, создающую несомнѣнную силу, хотя бы въ формѣ практической аферы? Почему предпочитать ей безплодную, въ идейномъ отношеніи, страсть, торжество слѣпого и въ концѣ концовъ чисто животнаго чувства? Почему болѣе благородно обманывать друга, соблазняя его жену, — если это дѣлается исключительно подъ вліяніемъ чувственной страсти, — и почему обманъ и измѣна менѣе благородны, если мы извлекаемъ изъ него средства къ достиженію власти надъ людьми? Послѣ каждаго изъ моихъ любовныхъ увлеченій я получалъ возможность расширять мои предпріятія, которыя доставляютъ многимъ бѣднякамъ хорошо оплачиваемую работу и спасаютъ ихъ отъ нищеты. Я такимъ образомъ творю добро — не въ примѣръ тѣмъ, которые ограничиваются безкорыстными радостями романтическихъ адюльтеровъ.

Я же стремлюсь расширить свое „я“, быть болѣе дальнозоркимъ, чѣмъ люди толпы. Такъ, напр., когда я ухаживалъ за моей невѣстой, то рѣшающее вліяніе на меня имѣло вовсе не то, что у нея было ясное лицо, веселый здоровый смѣхъ, живыя движенія, что она говорила со мной умно и искренно. Гораздо важнѣе былъ для меня образъ мыслей всей ея среды, разсудительность ея родителей, позитивная разумная философія ея крестнаго отца, отъ котораго ожидалось наслѣдство, и симпатіи ко мнѣ всего буржуазнаго общества, которое группировалось вокругъ муниципальнаго чиновника, извѣстнаго своей прозорливостью въ финансовыхъ дѣлахъ. Всѣ эти люди составляли въ моихъ глазахъ какъ бы составную часть молодой дѣвушки, такую же, какъ ея личныя качества, потому что, благодаря своей сильной волѣ и привѣтливому характеру, она сумѣла подчинить ихъ своимъ капризамъ. Они принадлежали къ ея сущности, составляли часть ея ума, ея натуры. Ихъ силы были для меня почти столь же привлекательны, какъ ея обаяніе.

Въ Клариссѣ Габи я тоже поклонялся могуществу журналистовъ, вліятельности артистовъ, власти милліонеровъ, покоренныхъ красотой и лукавствомъ актрисы, которая привлекала и гармоничными линіями своего вѣчно юнаго тѣла, и своими изысканными, искусными туалетами. Баронъ Фогтъ былъ для меня столь же привлекателенъ, какъ очаровательныя руки нашей общей пріятельницы. А онъ былъ какъ бы ея принадлежностью — такой же, какъ ея изящная, гибкая фигура. При всей красотѣ проницательныхъ глазъ Клариссы, я ихъ любилъ, главнымъ образомъ, за умѣнье распознавать души журналистовъ по ихъ лицамъ, для того, чтобы, угождая капризамъ ихъ чувствъ,

заставить ихъ, взамѣнъ этого, прославлять ея актерскій талантъ, также какъ милліонеры заботились о томъ, чтобы она была окружена роскошью, какъ художники и скульпторы обогащали ея уже знаменитую галерею новыми произведеніями искусства, какъ драматурги писали пьесы, приспособляя роли героинь къ особенностямъ ея таланта.

Мадамъ Рашель Розенталь, несомнѣнно, очень привлекала меня восточной красотой своего матоваго лица и томностью кокетливой султанши. Убѣдительный языкъ ея глубокихъ взглядовъ изъ-подъ тяжелыхъ вѣкъ покорялъ меня не менѣе, чѣмъ ея медлительныя рѣчи, въ которыхъ сказывались большія знанія литературы и философіи. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, я считалъ какъ бы нераздѣльной частью ея большихъ интеллектуальныхъ способностей блестящее общество молодыхъ ученыхъ, которые часто бывали у нея и которые содѣйствовали распространенію „Іода Гишардо“. Эти вліятельные друзья казались мнѣ однимъ изъ самыхъ неотразимыхъ качествъ Рашели. Въ общемъ, я могу сказать, что въ любимомъ мною существѣ я не отдѣляю его индивидуальныхъ свойствъ отъ его власти надъ другими. Я даже сознаюсь, что власть надъ другими—это то, что меня больше всего увлекаетъ въ женщинѣ, какъ доказательство гибкости характера, ума и обаянія ея красоты. Какъ дополненіе ко всему остальному, красота мнѣ тоже кажется необходимой.

Елена Ла-Ревельеръ принадлежитъ именно къ такого рода владычицамъ по природѣ,—также какъ ея теща,—и я могу сказать, что ни къ какой другой женщинѣ я не чувствовалъ столь сильнаго и вполнѣ разумнаго и сознательнаго влеченія, какъ къ ней. Еслибы я овладѣлъ столь драгоцѣнной общественной силой, воплощенной въ такомъ прекрасномъ образѣ, это было бы для меня самого лестнымъ доказательствомъ моего чутья и моихъ духовныхъ качествъ. Поэтому я бодро и радостно отдался во власть вѣтра, вздымавшаго сильныя волны, и отплылъ въ Бель-Иль, покидая песчаный Киберонъ, переполненный вульгарной публикой, пронизанный запахомъ жареннаго прованскаго масла, на которомъ готовятся консервы изъ сардинокъ. Я направлялся въ обѣтованный край, къ волшебному острову, едва замѣтному вдали, за покровомъ пронизаннаго свѣтомъ легкаго тумана. Широкія волны со всѣхъ сторонъ набѣгали на нашъ пароходъ, бросая его вверхъ и внизъ и наклоняя съ бока на бокъ. У меня начиналась сильная морская мигрень, но я, внутренно гордясь своей выдержкой, продолжалъ стоять на палубѣ. Мнѣ было пріятно прорѣзать грозный океанъ, чувствуя себя отважнымъ морепла-

вателемъ, держащимъ путь къ острову, гдѣ въ этотъ часъ, навѣрное, покоилась безмятежнымъ сномъ принцесса, занимавшая мои мечты. Я сравнивалъ себя съ морякомъ-скитальцемъ, вглядываясь въ силуэтъ острова, который постепенно яснѣе и яснѣе вырисовывался на горизонтѣ.

Около Бель-Иля насъ нагнала цѣлая флотилія рыбацкихъ парусныхъ судовъ, и мощные, загорѣлые, огрубѣлые отъ вѣтра и солнца рыбаки казались мнѣ выходцами эпохи древнихъ норманновъ, тѣмъ болѣе, что форма ихъ судовъ тоже, вѣроятно, осталась почти неизмѣнившеюся съ древнихъ временъ. Подъѣзжая къ Бель-Илю, я увидѣлъ свѣтлые квадраты домовъ, а за ними ясно вырисовывалась на вершинѣ холма линія величественныхъ сосенъ. Внизу, на двухъ концахъ мола, возвышались двѣ бѣлыя башенки маяковъ. Цѣлый лѣсъ мачтъ скрывалъ дома бульвара, тянувшагося вдоль берега, и едва только можно было различить за ними желтыя трубы пароходовъ, стоявшихъ у набережной, и скалы, на которыхъ воздвигнуты были стѣны крѣпости.

Нашъ пароходъ причалилъ одновременно съ рыбацкой флотиліей. Рыбаки высыпали на берегъ и вблизи казались мнѣ еще болѣе похожими на средневѣковыхъ норманновъ, особенно на фонѣ стариннаго городка, очень напоминавшаго города Фландріи, укрѣпленныя Вобаномъ для мушкетеровъ XVII вѣка. Сойдя съ парохода, я сѣлъ въ коляску съ кожаными занавѣсками, прототипъ которой, навѣрное, относился къ эпохѣ лигистовъ и гугенотовъ. Эта смѣсь разныхъ эпохъ въ обстановкѣ и типахъ казалась мнѣ очень привлекательной, напоминающей анахронизмы старыхъ картинъ, на которыхъ воины, наносящіе раны распятому Христу, носятъ костюмы византійскихъ или флорентійскихъ солдатъ, или же троянскіе цари приходятъ навѣстить французскаго короля.

Вся эта обстановка казалась мнѣ подходящей для свиданія съ красавицей, привлекшей меня сюда. Кучеръ въ шляпѣ, обшитой бархатомъ, быстро помчалъ мою легкую повозку по полямъ, гдѣ зеленѣли овесъ и неспѣлая рожь. Мы поднимались на невысокіе холмы, спускались въ лощины и, проѣхавъ черезъ мостъ, увидѣли передъ собой группу розовыхъ домиковъ, нависшихъ надъ довольно глубокимъ обрывомъ. Вдали разстилалась подъ блѣднымъ небомъ сверкающая морская рябь. На набережныхъ рыбаки дремали у своихъ лодокъ, сидѣвшихъ на половину въ водѣ. На краю обрыва паслись коровы. Надъ крышами Созона высится гора съ водруженнымъ на вершинѣ Распятіемъ. Городокъ расположенъ на скатѣ горы. Новая церковь построена на пло-

щади, гдѣ растутъ нѣсколько тѣнистыхъ вѣковыхъ деревьевъ. Фасады домовъ, мимо которыхъ мы проѣзжали, украшены были розами и вьющимися растеніями. Мы обогнули мѣстный кабачокъ, проѣхали немного дальше и остановились у рѣшетки дома, имѣвшаго видъ англійскаго коттэджа. Сквозь рѣшетку я увидѣлъ среди цвѣтущихъ подсолнечниковъ множество большихъ лилій.

Керьяникъ блестѣлъ на солнцѣ своей бѣлизной. Недавно выбѣленный наново домъ производилъ впечатлѣніе необыкновенной чистоты, о которой свидѣтельствовала свѣжая красная краска ставень и дверей. Мнѣ навстрѣчу выбѣжала молоденькая бретонка, вся запыхавшаяся, съ разлетающимися по вѣтру концами чепчика, и крикнула мнѣ еще издали, что доктора нѣтъ дома.

— Доложите ему, что пришелъ господинъ Гишардо... да, Гишардо... „Іодъ Гишардо“... Онъ будетъ знать. Онъ меня приметъ, будьте увѣрены... красоточка!

— Доктора нѣтъ дома... Онъ въ лабораторіи...

Она даже протянула впередъ руку, наполовину прикрытую косынкой, чтобы преградить мнѣ путь. Но я имѣю привычку идти къ цѣли, не взирая на препятствія. Я быстро прошелъ черезъ садъ мимо дома и свернулъ на дорожку, считая, что именно она ведетъ къ лабораторіи, такъ какъ жесть служанки именно ее и преграждалъ мнѣ. Молоденькая бретонка все еще старалась не пускать меня дальше и шла передо мной, пятясь назадъ. Я ограничивался похвалами ея красивому шолковому переднику и шелъ дальше. Такъ мы дошли до узкой террасы, усаженной кругомъ кактусами; надъ нею высилась другая, болѣе широкая терраса, выстроенная на крутыхъ утесахъ, къ подножію которыхъ прибивали морскія волны.

Я продолжалъ идти впередъ, шутливо смѣясь надъ служанкой, совершенно красной отъ возмущенія.

— Что тамъ такое?—раздался строгій голосъ доктора.

Онъ появился въ глубинѣ террасы, на порогѣ павильона съ стеклянной дверью. Въ рукахъ у него было смятое полотенце. Я бросился ему навстрѣчу съ горячими привѣтствіями, но онъ довольно холодно принялъ ихъ. Я, однако, не изъ тѣхъ, которыхъ можно смутить холоднымъ пріемомъ. Я взялъ обѣ его руки,—хотя онъ не выпускалъ полотенца изъ одной руки,—и крѣпко трясъ ихъ, говоря, какъ я радъ свидѣться съ нимъ въ его прелестномъ домѣ и въ такую хорошую погоду, когда такъ ясно и въ то же время прохладно. Я спросилъ о здоровьи дамъ, о томъ, пріятно ли онѣ проводятъ время, и продолжалъ бы го-

ворить, не переставая, но Гульвенъ прервалъ меня съ озабоченнымъ видомъ:

— У меня больная,—сказалъ онъ.

Я увидѣлъ черезъ открытую дверь въ павильонъ крестьянку въ туго накрахмаленныхъ юпкахъ. Она подошла къ служанкѣ, приведшей меня, и воскликнула, любуясь ею:

— Да какъ же ты вырядилась, Анна-Марія!.. Хороша она, моя доченька?

Она взглянула на меня, какъ бы ища на моемъ лицѣ подтвержденія своихъ словъ. Я улыбнулся съ такимъ видомъ, что молодая дѣвушка покраснѣла, какъ отъ нескромнаго комплимента. Я объявилъ доктору о моемъ намѣреніи поселиться пансіонеромъ въ Керьяникѣ, какъ мадамъ Гульвенъ сама мнѣ это предложила. Радуясь возможности избавиться отъ меня, докторъ велѣлъ служанкѣ провести меня въ первый этажъ и показать свободныя комнаты. Потомъ онъ быстро заперся въ павильонѣ со своей больной, торопливо извинившись, что не можетъ оторваться отъ работы и сопровождать меня. Жена его и кузина тоже ушли изъ дому.

Поднимаясь по лѣстницѣ и опираясь о перила изъ стараго рѣзного дерева съ мѣдными гвоздями, я сталъ дѣлать галантные упреки молодой служанкѣ. Она показалась мнѣ привлекательной и воплощающей идеалъ бретонской красоты,—если таковая существуетъ.

— Прелестное дитя,—сказалъ я съ намѣренной изысканностью выраженій,—согласитесь, что вы отнеслись ко мнѣ съ чрезмѣрной суровостью. Развѣ мое лицо показалось вамъ такимъ отталкивающимъ? Развѣ я похожъ на какого-нибудь назойливаго коммиссіонера, проникающаго насильно въ дома, чтобы навязать бочку вина или швейную машину?.. Анна-Марія, я въ отчаяніи, что произвелъ на васъ сначала впечатлѣніе непріятнаго и назойливаго человѣка. Если намъ суждено провести нѣсколько недѣль вмѣстѣ подъ этимъ кровомъ, то какъ бы я хотѣлъ быть вамъ пріятнымъ, а не отталкивать васъ своимъ видомъ!

Анна-Марія ничего не отвѣчала, но лукаво улыбалась; щеки ея раскраснѣлись. Въ большинствѣ случаевъ, тонкость обхожденія очень помогаетъ соблазнять служанокъ, въ то время какъ грубость и наглость—лучшее средство понравиться свѣтскимъ дамамъ. Я рѣдко уклонялся отъ примѣненія этого синтаксическаго правила грамматики, преподанной Донъ-Жуанами всѣхъ временъ. Молодая Анна-Марія мнѣ нравилась. Она носила головной уборъ дѣвушекъ изъ Понтъ-Авена—родъ діадемы изъ

розовыхъ лентъ, съ которой спускались нѣсколько накрахмаленныхъ бѣлыхъ кисейныхъ концовъ, перевитыхъ и заколотыхъ на очень странный манеръ, но съ большимъ изяществомъ. Изъ вырѣза косынки, заложенной въ безконечное количество мелкихъ складокъ, выступала нѣжная смуглая шея. Въ волосахъ каштановаго цвѣта были красивые золотистые отливы. Я разглядывалъ Анну-Марію болѣе внимательно, чѣмъ отведенныя мнѣ двѣ комнаты, убранныя въ бретонскомъ стилѣ XVII вѣка. Мебель изъ массивнаго дерева съ бронзовыми украшеніями и балконъ съ видомъ на море менѣе интересовали меня, чѣмъ наивное смуглое личико моей провожатой и ея нервные жесты. Я продолжалъ, конечно, говорить съ ней изысканно-вѣжливымъ тономъ, и видѣлъ, что это приводило ее въ восторгъ.

Но мнѣ было теперь не до хорошенькой бретонки. Нужно было не дать времени Гульвену подготовиться къ моему приходу и застигнуть его невзначай за работой. Я поспѣшилъ спуститься внизъ и вошелъ въ павильонъ, который Анна-Марія почтительно называла „лабораторіей".

— Обойдется, вотъ увидите,—отвѣчала крестьянка на опасенія, выраженныя докторомъ. — Если я стала на ноги и вотъ къ вамъ пришла, такъ ужъ буду здорова. Съ Иванова-дня, вотъ, ни разу не задыхалась, слава Богу. А если стану ослабѣвать, такъ вы меня кольнете маленькимъ шприцемъ, и опять будетъ хорошо... вотъ какъ вы дочку лечили. Вѣдь она-то ужъ совсѣмъ плоха была, а вылечилась же отъ тифа.

Она съ деревенской наивностью гордилась пріобрѣтенными обрывками знаній, и все обращалась ко мнѣ, сообщая мнѣ разныя научныя свѣдѣнія. Если бы не то, что я нагрянулъ къ доктору совершенно неожиданно, можно было бы предположить искусно подстроенную комедію. Но я, конечно, держался на-сторожѣ.

Гульвенъ убѣждалъ ее не слишкомъ полагаться на улучшеніе.

— Увѣряю васъ, Марія-Анна,—говорилъ онъ,—вамъ еще нужно лечиться. Вѣдь вамъ угрожаетъ не тифъ, и моя сыворотка не можетъ вамъ помочь. Всѣ вы на одинъ ладъ... Не вѣрите въ болѣзнь, пока она васъ съ ногъ не свалитъ... Вотъ динамометръ, сдавите его какъ можно крѣпче... Улучшеніе есть, но очень небольшое... Поняли меня?—совсѣмъ небольшое. Мы занесемъ его, однако, въ таблицу.

— Чего жъ вы хотите, докторъ Гульвенъ? Улучшеніе есть—и отлично.

И Марія-Анна засмѣялась, широко открывъ беззубый ротъ и тряся головой. Гульвенъ былъ, видимо, удивленъ, что я вошелъ

къ нему безъ зова. Я сдѣлалъ видъ, что не замѣчаю его удивленія, сталъ очень выхваливать чистоту комнатъ, балконъ, стиль мебели; затѣмъ я выразилъ желаніе взять эти комнаты съ пансіономъ за ту цѣну, которую назначила мнѣ мадамъ Гульвенъ, т.-е. за триста франковъ въ мѣсяцъ.

Докторъ сейчасъ же принялъ мое предложеніе, но, повидимому, безъ особой радости. Онъ только изъ вѣжливости выразилъ свое удовольствіе и затѣмъ велѣлъ служанкѣ позаботиться о доставкѣ моего багажа наверхъ.

Я хотѣлъ взять въ руки флаконъ его сыворотки, на который онъ мнѣ указалъ. Но онъ остановилъ меня очень рѣшительнымъ жестомъ. Онъ объяснилъ мнѣ, что ему удалось приготовить лишь очень немного сыворотки, такъ какъ условія, при которыхъ онъ работаетъ здѣсь, въ бретонской глуши,—самыя ужасныя, и лабораторія его жалкая. Я уже понялъ, до чего онъ нуждается, по виду его рабочаго павильона. Въ немъ стояло нѣсколько дощатыхъ ящиковъ съ предназначенными для опытовъ кроликами, которые меланхолично поѣдали увядшую морковь.

— Ты долженъ купить восемь-десять лошадей, сдѣлать имъ прививки и добыть достаточное количество сыворотки для окончательныхъ опытовъ, — сказалъ я Гульвену тономъ категорическаго приказанія.

Онъ только покачалъ головой и поморщился. Ему не хотѣлось сразу признаться въ безнадежности своего положенія.

— Для установленія самой теоріи, — а только это и интересуетъ насъ, ученыхъ,—этихъ звѣрьковъ достаточно,—сказалъ онъ.—Къ тому же у меня было четыре случая тифа. Я вылечилъ дочь этой женщины, молодую дѣвушку, которая показывала вамъ комнаты. Результаты недурные. Вотъ таблицы температуры во всѣхъ четырехъ случаяхъ. Взгляните.

Всѣ четыре таблицы были, дѣйствительно, очень удовлетворительны. Линіи шли правильными зигзагами отъ очень высокой температуры къ нормальной, съ медленнымъ наростаніемъ жара, потомъ быстрымъ паденіемъ послѣ впрыскиваній сыворотки, обозначенныхъ толстыми красными точками.

— Достаточно трехсотъ такихъ опытовъ,—сказалъ я, выражая свое одобреніе,—и твоя теорія пріобрѣтетъ практическій интересъ...

— Къ несчастію, я еще не имѣю возможности приготовлять сыворотку въ достаточномъ количествѣ...

— Да, я вижу...

Онъ смутился, увидѣвъ, что я оглядываю грязныя стѣны па-

вильона, потрескавшуюся печь, старую конторку, всю въ пятнахъ. Полки, на которыхъ стояли бутылки съ лекарствами и лежали кучки книгъ и брошюръ, были изъ простого, некрашеннаго дерева. Чтобы скрыть, что ему стыдно за убожество своей лабораторіи, онъ занялся опять своей паціенткой, написалъ рецептъ и протянулъ его ей:

— Вотъ рецептъ, Марія-Анна. Принимайте по ложкѣ за десять минутъ до ѣды. Придите ко мнѣ опять послѣ-завтра.

— Послѣ-завтра я должна копать картофель. До воскресенья я не могу придти.

— Какъ же быть? Мнѣ необходимо знать, какъ подѣйствуетъ лекарство... Придется пріѣхать къ вамъ... Пятнадцать километровъ! И дорога очень плохая для велосипеда.

— Вовсе ужъ не такая плохая!

— Ну, да все равно; я пріѣду во всякомъ случаѣ. У васъ можетъ подняться температура—я долженъ васъ видѣть. До свиданія, Марія-Анна, поцѣлуйте отъ меня дѣтокъ.

— Благодарю васъ, докторъ Гульвенъ. Если послѣ-завтра не застанете меня дома, значитъ, я на полѣ копаю картофель. Вы разыщете меня?

— Ну, конечно.

— Я пройду еще на кухню къ дочкѣ.

Она взяла свои двѣ корзинки въ руки и ушла, переваливаясь какъ утка въ своихъ широкихъ юпкахъ съ толстыми складками. Я не могъ сдержать своего удивленія:

— Ну, и доброе же у тебя сердце!—сказалъ я Гульвену.— Трястись на велосипедѣ столько километровъ, чтобы пощупать пульсъ у этой индюшки! Ужъ не собираешься ли ты, выйдя въ отставку, стать депутатомъ? Въ такомъ случаѣ, конечно, нужно создавать себѣ популярность въ округѣ.

Онъ энергично запротестовалъ, говоря, что не имѣетъ ни малѣйшаго намѣренія оставить свои научныя занятія ради политики. Этого онъ ни за что не сдѣлаетъ. Отставка же ему дѣйствительно грозила въ ближайшемъ будущемъ по его словамъ. Онъ уже два раза долженъ былъ отказаться отъ своей очереди идти въ плаваніе; онъ страдалъ общей слабостью организма послѣ тифа, который схватилъ въ Мексикѣ, когда лечилъ матросовъ въ госпиталѣ. Начальство въ концѣ концовъ должно будетъ выключить изъ списковъ моряка, неспособнаго къ флотской службѣ.

Гульвенъ подошелъ къ жестяному умывальнику, висѣвшему на стѣнѣ, и сталъ мыть руки, продолжая разговаривать со мной.

— Въ такомъ случаѣ тебѣ навѣрное вредно ѣздить часами

на велосипедѣ во всякую погоду,—сказалъ я ему.—Ты бы сначала полечился отъ упадка силъ... Вѣдь есть же средства поправить здоровье.

Онъ иронически засмѣялся.

— Конечно,—сказалъ онъ.—Нужно прекратить работу на годъ или на два, жить въ Энгадинѣ, кататься въ коляскахъ, а не ходить пѣшкомъ, отбросить всякія заботы, не заниматься никакимъ умственнымъ трудомъ. Словомъ, нужно пожить растительной жизнью—и быть милліонеромъ.

— А есть еще на свѣтѣ глупые люди, которые утверждаютъ, что не въ деньгахъ счастье! Между тѣмъ, деньги прежде всего могутъ вернуть здоровье.

— Ну что-жъ,—шутливо сказалъ онъ послѣ короткой паузы.—Я куплю бутылку „Эликсира Гишардо“, и всѣмъ моимъ страданіямъ будетъ конецъ... Кстати, я видѣлъ афиши на всѣхъ стѣнахъ въ Нантѣ, Кимперѣ, Ваннѣ. На нихъ изображена нарядная парижанка, поднимающая гири, и старый господинъ, молодцовато закручивающій вверхъ кончики усовъ.

— Это символъ,—только символъ.

Я понялъ, что онъ заговорилъ объ эликсирѣ съ тѣмъ, чтобы разузнать, не согласится ли Фармацевтическое Общество придти ему на помощь. Я счелъ нужнымъ заговорить о другомъ.

— Знаешь,— сказалъ я,— Пердро,—помнишь нашего стараго товарища Пердро?—передавалъ мнѣ, что ты получилъ недвижимое имущество въ наслѣдство отъ твоей тещи; это—правда?

— Только этотъ домъ и немножко земли на островѣ.

Онъ задумался, въ то время какъ я набивалъ себѣ трубку. Потомъ мы стали ходить по террасѣ, и онъ заговорилъ со мной откровенно о себѣ.

— Я рано женился,—сказалъ онъ.—У меня была заранѣе твердая теорія,—я всегда любилъ теоріи... Итакъ, у меня была теорія не жениться по разсчету. Я не хотѣлъ быть изъ числа тѣхъ, которыхъ содержатъ ихъ жены. Я слишкомъ себя для этого уважаю.

Онъ твердо посмотрѣлъ мнѣ въ глаза. Можетъ быть, онъ думалъ пристыдить меня съ моими матеріалистическими принципами? Но я поспѣшилъ разувѣрить его въ его торжествѣ.

— Какая наивность!— воскликнулъ я. — И ты думалъ, что тебя за это будутъ уважать? Комичный ты человѣкъ!

Я разсмѣялся и хлопнулъ его по плечу.

— Да, да,—согласился онъ,—я знаю: эти принципы теперь не въ ходу. Что же дѣлать! Я воспитанникъ моего дѣда, вице-

адмирала Гульвена, который былъ человѣкъ со строгими принципами, человѣкъ эпохи реставраціи, ревностный католикъ, который все же читалъ Руссо и Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера...

— Представляю себѣ этого почтеннаго предка... съ лицомъ какъ на старинныхъ фамильныхъ портретахъ. Такъ ты, значитъ, воспитанъ въ „честныхъ правилахъ“. Онъ внушалъ тебѣ преклоненіе передъ благородствомъ и великодушіемъ... Онъ пріучилъ тебя къ мысли, что тебѣ за твое благородство воздвигнутъ памятникъ на вѣчныя времена, и ты уже мысленно стоялъ на пьедесталѣ... И чтобы поклоняться своему нравственному величію, ты изъ суетной гордости испортилъ двѣ жизни: твою и твоей жены... Ей приходится сдавать комнаты.

— Да, намъ приходится сдавать комнаты. Такъ что же?

Онъ такъ поглядѣлъ на меня, что я ждалъ оскорбительныхъ словъ. Но меня не легко смутить. Мы остановились въ эту минуту передъ стеклянной дверью, которая вела изъ сада въ гостиную. Прежде чѣмъ переступить порогъ, я обнялъ Гульвена за талію товарищескимъ жестомъ, отъ котораго у него, повидимому, похолодѣло въ спинѣ. А я внутренно торжествовалъ, съ удовольствіемъ говоря себѣ мысленно: „Этотъ человѣкъ принадлежитъ теперь мнѣ, Гишардо“.

Мы расположились въ креслахъ гостиной, обставленной въ хорошо выдержанномъ стилѣ Людовика XIV. Гульвенъ казался совсѣмъ миніатюрнымъ въ широкомъ креслѣ, приспособленномъ къ мундирамъ мушкетеровъ и широкимъ парикамъ придворныхъ, которыхъ привлекало въ этотъ бретонскій уголокъ несмѣтное богатство интенданта Фукэ. Гульвенъ провелъ нѣсколько разъ рукой по лицу, потомъ заявилъ небрежнымъ тономъ:

— Что же, нужно и мнѣ пустить въ оборотъ свой эликсиръ Гишардо. Мое лекарство будетъ называться „Сывороткой Гульвена“... Можетъ быть, ты занялся бы этимъ дѣломъ, какъ агентъ Фармацевтическаго Общества?

Онъ, наконецъ, снизошелъ до того, что заговорилъ со мной по-товарищески на „ты“. Я продолжалъ неподвижно сидѣть въ креслѣ, заложивъ ногу на ногу. Медленно покуривая трубку, я спокойно и разсудительно свелъ почти на ничто надежды, которыя онъ строилъ на своемъ изобрѣтеніи. Конфликтъ между правленіемъ и ревизіонной коммиссіей въ нашемъ Обществѣ заставлялъ меня вести себя крайне осторожно.

— Хорошъ ли по существу медикаментъ, или нѣтъ, — доказывалъ я Гульвену, — это имѣетъ лишь относительное значеніе. Прежде всего нужно, чтобы производство его не стоило ничего,

или почти ничего,—только тогда можно на немъ что-нибудь заработать: аптекарямъ вѣдь нужно дѣлать огромныя скидки. А тебя я знаю — ты гордъ. Ты будешь продавать имъ сыворотку, приготовленіе которой будетъ стоить очень дорого тебѣ самому. И ты не сможешь свести концы съ концами... Кромѣ того, безъ серьезной рекламы ничего нельзя добиться. А реклама въ видѣ замѣтки въ научной хроникѣ оплачивается въ большихъ парижскихъ газетахъ по пяти-шести тысячъ на первой страницѣ,—и только это и дѣйствуетъ на публику, возбуждая въ ней довѣріе. На второй страницѣ цѣна три тысячи, но эти статьи годятся лишь для напоминанія заранѣе освѣдомленной публикѣ. И такія рекламы нужно помѣщать на первыхъ страницахъ пяти-шести газетъ, читаемыхъ богачами, которые заботятся о своемъ здоровьи.

— Къ чему все это?—воскликнулъ Гульвенъ. — Результаты моихъ опытовъ будутъ чудодѣйственны, какъ только я буду въ состояніи изготовлять сыворотку въ достаточномъ количествѣ.

— Публика не можетъ интересоваться результатами твоихъ опытовъ, потому что она ничего о нихъ не узнаетъ. И безъ рекламы она не можетъ знать. Еслибы ты даже изобрѣлъ воду, возвращающую юность, то все же безъ рекламы ни одна старая актриса не помолодѣла бы отъ нея.

— Позволь, пожалуйста: медицинская академія публично выскажется о моемъ изобрѣтеніи. Я сдѣлаю три доклада. И отчеты о нихъ я передамъ въ газеты.

— И газеты напечатаютъ ихъ... если ты заплатишь. Если нѣтъ—не взыщи!

— Но если они узнаютъ, что дѣло идетъ о спасеніи тысячи жизней...

— Какое дѣло до этого собственникамъ большихъ газетъ? Неужели ты полагаешь, что они будутъ дѣйствовать противъ своихъ интересовъ и даромъ рекламировать твою сыворотку? Тысячи жизней... до чего они къ этому равнодушны!

— Не людоѣды же они, чортъ возьми!

— Нѣтъ. Но они—люди съ разсчетомъ. У нихъ есть нѣсколько столбцовъ, предназначенныхъ для рекламы; это своего рода товаръ, который они стараются продать какъ можно дороже. Зачѣмъ же имъ обезцѣнивать его, отдавая даромъ?.. Тысячи жизней... подумаешь, какъ это для нихъ важно! Если они ужъ захотятъ оказать благодѣяніе человѣчеству, то удѣлятъ твоему открытію десять строчекъ на третьей страницѣ, между объявленіями о призывѣ запасныхъ и о круговыхъ путешествіяхъ на югъ по удешевленному тарифу. Такихъ объявленій никто не чи-

таетъ... Да, другъ мой, чтобы рекламировать какъ слѣдуетъ твою сыворотку, нужно потратить сто тысячъ франковъ.

— Я не зналъ за вами привычки къ преувеличеніямъ.

Онъ уже пересталъ говорить со мной на „ты“.

Я покачалъ головой, потомъ сталъ дѣлать подробный подсчетъ названной мною суммы. Я видѣлъ, что онъ не полагался на мои выкладки, но онѣ все же огорчали его. Онъ внимательно разглядывалъ свои ногти, потомъ, собравшись съ духомъ, сказалъ:

— Я начинаю думать, что ты пріѣхалъ сюда не только для того, чтобы дышать морскимъ воздухомъ и возобновить наше студенческое знакомство...

Онъ намекалъ, очевидно, на то, что я намѣренно преувеличиваю рискованность дѣла, чтобы въ интересахъ Общества предложить ему невыгодныя условія.

Я отвѣтилъ уклончиво:

— Ишь, ты какой подозрительный!.. Нѣтъ, мы въ настоящее время скорѣе сокращаемъ дѣла... Чей это портретъ?

Я вдругъ чрезвычайно заинтересовался портретомъ господина въ мундирѣ. Это былъ отецъ доктора, капитанъ Гульвенъ, убитый въ битвѣ съ неграми. Другой, эполеты котораго вырисовывались на фонѣ моря и линіи боевыхъ судовъ, былъ дѣдъ доктора по женской линіи, контръ-адмиралъ де-Керладанъ. Онъ участвовалъ въ Наваринскомъ бою.

— Независимость Греціи?.. Да, да,—насмѣшливо сказалъ я, поднимаясь съ кресла. — Политика съ оперными декораціями... Да, милый другъ, у тебя слишкомъ много военныхъ традицій, чтобы смыслить что-либо въ дѣлахъ... У меня совсѣмъ другіе взгляды на вещи, и мнѣ дѣла обыкновенно удаются.

Гульвенъ всталъ и, засунувъ руки въ карманы своихъ велосипедныхъ панталонъ, посмотрѣлъ на меня и сказалъ насмѣшливымъ тономъ:

— Да, ты вполнѣ современный человѣкъ... А теперь я тебѣ покажу домъ...

Онъ уже обращался ко мнѣ на „ты“ изъ презрѣнія.

Выйдя изъ гостиной въ вестибюль, изъ котораго былъ выходъ въ садъ и на дорогу, мы встрѣтили мадамъ Гульвенъ. Она была нагружена покупками — овощами, большимъ омаромъ — и держала еще въ рукахъ, кромѣ того, молитвенникъ. Она возвращалась изъ церкви и очень обрадовалась мнѣ, очевидно, какъ пансіонеру, который пополнитъ кассу. Она позвала хорошенькую служанку, отдала ей покупки, сняла свою черную соломенную шляпу и повела насъ обратно въ гостиную.

— Надѣюсь, что вамъ понравится у насъ... Какъ вы находите видъ на море?

— Я еще не посмотрѣлъ какъ слѣдуетъ.

Это была правда. Докторъ съ его жалкими стараніями хитрить со мной забавлялъ меня настолько, что я забылъ о природѣ. Видъ людей и человѣческихъ страстей всегда болѣе занималъ меня, чѣмъ самыя грандіозныя зрѣлища природы. Теперь только, послѣ словъ мадамъ Гульвенъ, я обратилъ вниманіе на море. Это былъ какъ разъ часъ утренняго возвращенія рыбаковъ, и населеніе городка высыпало навстрѣчу рыбакамъ. Они вытаскивали изъ лодокъ корзины съ сверкающими рыбами, перекликались, здоровались съ семьями, и вся эта пестрая, оживленная картина озарена была яркимъ солнцемъ, игравшимъ на гладкой, искрящейся поверхности моря. Видъ летающихъ надъ моремъ чаекъ отвлекъ меня отъ панорамы, разстилавшейся передъ моими глазами.

— Я хотѣлъ бы пострѣлять этихъ птицъ,—сказалъ я, обращаясь къ мадамъ Гульвенъ.—А вашъ мужъ хорошій стрѣлокъ?

— Мы оба не любимъ вида окровавленныхъ, умирающихъ птицъ.

— Я о птицахъ не думаю. Мнѣ пріятно упражнять свою ловкость.

— Да, милая, онъ заботится только о томъ, чтобы развивать свою ловкость, свою силу, все, касающееся его личности,— хотя бы во вредъ всему существующему.

— Конечно. Жалость къ другимъ парализуетъ силу и энергію, дѣлаетъ насъ боязливыми, ослабляетъ духъ... Развѣ вы съ этимъ не согласны?

— Ничуть,—твердо отвѣтила мадамъ Гульвенъ.—Я, напротивъ того, боюсь слишкомъ поддаваться внушеніямъ эгоизма. Я отказываюсь повиноваться ему во вредъ другимъ.

— Однако, вы нанесете вредъ омару, котораго вы купили сегодня съ цѣлью сварить и съѣсть...

— Приходится уступать необходимости питать наше тѣло... Это не безцѣльное убійство.

— А я уступаю потребности увеличивать ловкость моего тѣла, упражняя ее на птицахъ, мясо которыхъ непригодно въ пищу. Докажите мнѣ, что дозволено питать тѣло, жалкую матерію, а не дозволено развивать ловкость, качество духовнаго свойства! Разсуждая такимъ образомъ, вы отдаете предпочтеніе тѣлу надъ духомъ.

— Вы разсуждаете какъ дьяволъ-искуситель! — возразила

она, смѣясь, но не нашла, что̀ сказать въ опроверженіе моихъ словъ.

Вернувшись въ гостиную, мы снова сѣли въ кресла. Гульвенъ сталъ поглядывать на мое кресло, и я замѣтилъ, что пепелъ изъ моей трубки упалъ на ручку кресла. Сдувая еще почти горячую золу, я извинился:

— Надѣюсь, что я не прожегъ дыры? Нѣтъ, слава Богу. Я былъ бы въ отчаяніи. Матерія эта навѣрное стоитъ сорокъ франковъ метръ.

— Пятьдесятъ,—поправила мадамъ Гульвенъ.—Мы ее заказывали когда-то въ Ліонѣ по старому бретонскому образцу.

— Это слишкомъ дорого для курильщиковъ,—отвѣтилъ я съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, такъ какъ терпѣть не могу роскоши, которая налагаетъ стѣсненія.

Веселое настроеніе мадамъ Гульвенъ слегка омрачилось. Она только сказала, что докторъ куритъ обыкновенно на террасѣ. Но я вовсе не намѣревался слѣдовать его примѣру. Я платилъ за пансіонъ, сколько мнѣ было назначено, и имѣлъ право не мѣнять своихъ привычекъ. Я отвѣтилъ поэтому довольно рѣзко и категорично:

— А я люблю курить въ комнатѣ, сидя въ мягкомъ, покойномъ креслѣ. Вамъ это не мѣшаетъ?

Она съ нѣсколько растерянным видомъ разрѣшила мнѣ курить въ гостиной. Я никогда не отказываюсь отъ своихъ привычекъ ради кого бы то ни было,—это ослабляетъ характеръ, а я стою за то, чтобы развивать какъ можно болѣе его твердость и непоколебимость. Сидя въ креслѣ, которое я цѣликомъ заполняю своей плотной особой, и куря трубку, я произвожу величественное впечатлѣніе на робкихъ людей, и это поддерживаетъ во мнѣ мою самоувѣренность. Вотъ почему я никогда не отступаю отъ своихъ жизненныхъ правилъ и привычекъ, какъ бы хорошо и сочувственно я ни относился къ тѣмъ, которые страдаютъ отъ моихъ эгоистическихъ вольностей въ жизненномъ быту.

Съ франц. З. В.

ТВОРЧЕСТВО
И. С. ТУРГЕНЕВА

ПРОЦЕССЪ ЕГО И ПРІЕМЫ.

На что была обращена пытливая наблюдательность Тургенева, какъ писателя, какъ историка своего времени, съ полной ясностью указано имъ самимъ: „Я стремился, насколько хватило силъ и умѣнья, добросовѣстно и безпристрастно изобразить и воплотить въ надлежащіе типы—и то, что Шекспиръ называетъ: the body and pressure of time (самый образъ и давленіе времени), и ту быстро измѣнявшуюся физіономію русскихъ людей культурнаго слоя, который преимущественно служилъ предметомъ моихъ наблюденій“... Какія ступени проходили впечатлѣнія, получаемыя романистомъ извнѣ, чтобы воплотиться въ образы, поражающіе насъ своею правдивостью и тщательностью художественной обработки; съ помощью какихъ пріемовъ достигались эти результаты,—вотъ вопросы, рѣшеніе которыхъ является цѣлью настоящаго очерка. Спѣшимъ, однако, оговориться съ самаго начала, что эстетическая и психологическая стороны творчества Тургенева нами затрагиваться не будутъ.

Первый фазисъ, который проходило у Ивана Сергѣевича поэтическое произведеніе,—это „вынашиванье“ авторомъ въ своей душѣ главныхъ типовъ и элементовъ романа или разсказа безъ потребности закрѣпить возникающіе образы словомъ. Въ разговорѣ съ Половцовымъ Тургеневъ такъ характеризовалъ эту стадію

творчества: „Сперва начинаетъ носиться въ воображеніи одно изъ будущихъ дѣйствующихъ лицъ, въ основѣ которыхъ у меня почти всегда лежатъ реальныя лица. Часто лицо, которое занимаетъ васъ,—не главное, а одно изъ второстепенныхъ, безъ котораго, однако, не было бы и главнаго. Задумываешься надъ характеромъ, его происхожденіемъ, образованіемъ; около перваго лица группируются мало-по-малу остальныя. Это время, когда въ воображеніи носятся, всячески переплетаясь, туманные образы,—самое пріятное для художника. Затѣмъ чувствуешь потребность закрѣпить эти образы, придать имъ болѣе опредѣленности“ [1]). Въ другой разъ Иванъ Сергѣевичъ такъ пояснялъ эту ступень своего творчества: „Я не столько не хочу, но я совершенно не могу, не въ состояніи написать что-нибудь съ предвзятою мыслью и цѣлью, чтобы провести ту или другую идею. У меня выходитъ произведеніе литературное такъ, какъ растетъ трава. Я встрѣчаю, напримѣръ, въ жизни какую-нибудь Ѳеклу Андреевну, какого-нибудь Петра, какого-нибудь Ивана, и представьте, что вдругъ въ этой Ѳеклѣ Андреевнѣ, въ этомъ Петрѣ, въ этомъ Иванѣ поражаетъ меня нѣчто особенное, то, чего я не видѣлъ и не слыхалъ отъ другихъ. Я въ него вглядываюсь, на меня онъ или она производитъ особенное впечатлѣніе; вдумываюсь, и затѣмъ эта Ѳекла, этотъ Петръ, этотъ Иванъ удаляются, пропадаютъ неизвѣстно куда, но впечатлѣніе, ими произведенное, остается, зрѣетъ. Я сопоставляю эти лица съ другими лицами, ввожу ихъ въ сферу различныхъ дѣйствій, и вотъ создается у меня цѣлый особый мірокъ... Затѣмъ, нежданно, негаданно является потребность изобразить этотъ мірокъ“... [2]) Изложенную мысль, но уже на отдѣльномъ конкретномъ примѣрѣ развиваетъ Иванъ Сергѣевичъ въ своей статьѣ: „По поводу *Отцовъ и Дѣтей*“. Въ ней же онъ подтверждаетъ и то, „что никогда не покушался „создавать образъ“, если не имѣлъ исходною точкою не идею, а живое лицо, къ которому постепенно примѣшивались и прикладывались подходящіе элементы.

Дѣйствительно, въ основу Рудина положенъ Бакунинъ (какимъ онъ былъ до 1842 года); врачъ Дмитріевъ далъ матеріалъ для типа Базарова; главныя черты Варвары Павловны Лаврецкой списаны съ А. Я. Головачевой-Панаевой и съ первой жены Н. П. Огарева—урожденной Рославлевой; основой для Ирины Ратмировой послужила Альбединская; безъ Михаила Алексѣевича

---

[1]) Календарь „Царь-Колоколъ“ на 1887 г., стр. 77 (Воспомин. о Тургеневѣ).

[2]) „Русская Старина“, 1883 г., октябрь, 214—215.

Тургенева, двоюроднаго брата Ивана Сергѣевича, не было бы „Отчаяннаго“, и т. д. Имѣемъ типы, первообразами которыхъ являлись лица, извѣстныя Тургеневу лишь изъ вторыхъ рукъ. Болгарина Катранова (Инсаровъ), артистку Кадмину (Клара Миличъ) онъ, напримѣръ, лично не зналъ; не говоримъ уже о его предкахъ, фигурирующихъ въ „Трехъ портретахъ“ и нѣкоторыхъ другихъ разсказахъ.

Какъ долго продолжался у Тургенева первый періодъ творческой работы, можно опредѣлить лишь очень приблизительно, и то относительно немногихъ его произведеній. „Наканунѣ“ начало складываться еще до „Рудина“ и „Дворянскаго гнѣзда“ [1]), хотя къ настойчивому обдумыванью приступилъ онъ послѣ окончанія послѣдняго романа. Въ письмѣ къ Леонтьеву, отъ 30 марта 1859 года, онъ сообщаетъ: „Теперь у меня другой сюжетъ въ головѣ („Наканунѣ“), съ которымъ я вожусь уже мѣсяца два, и только теперь надѣюсь сладить; на исполненіе нуженъ будетъ, по крайней мѣрѣ, годъ. Вслѣдствіе этой внутренней работы, мнѣ какъ будто непріятно и неловко возвращаться мыслью къ прежнимъ трудамъ“ [2]). Очевидно, эти строки были написаны въ самомъ концѣ періода „внутренней работы“. „Отцы и Дѣти“ обдумывались мѣсяца полтора; „Дымъ“—значительно дольше: съ самаго переселенія въ Баденъ (май 1863 года) и до (приблизительно) середины октября 1865 года, т.-е. около двухъ съ половиною лѣтъ [3]). Объ этомъ періодѣ творчества, пока онъ переживалъ его, Иванъ Сергѣевичъ вообще говорилъ очень мало и то случайно. Когда онъ прочелъ, въ 1850 году, друзьямъ наивно и неумѣло написанный разсказъ своего сосѣда по имѣнію Каратѣева, давшій нѣкоторый матеріалъ для „Наканунѣ“, слушатели и не заподозрили, что Тургеневъ занятъ былъ въ это время обдумываніемъ новаго романа [4]). Тѣ же придуманные, созданные воображеніемъ разсказы, которыми Тургеневъ нерѣдко заинтересовывалъ друзей, вовсе не являлись зерномъ литературныхъ произведеній, хотя бы въ однихъ проектахъ, какъ это полагали его пріятели [5]). „Поэтъ мыслитъ образами“ — вотъ что приходится отвѣчать на ихъ предположеніе.

Второй моментъ творчества Ивана Сергѣевича—это подго-

---

[1]) См. предисловіе Тургенева къ собранію его романовъ 1880 года.

[2]) „Русская Мысль“ 1886 г., декабрь, 80.

[3]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г., VIII, 7 (Письма къ Щербаню), и Фетъ, „Мои воспоминанія“ II, 91 (Письма В. Боткина).

[4]) „Вѣстникъ Европы“, 1885 г., мартъ, 25—26 (Воспоминанія Анненкова).

[5]) См. Воспоминанія Полонскаго, „Нива“ 1884 г., стр. 90, 182—183; воспомин. Луканиной, „Сѣв. Вѣсти.“, 1887 г., II, 47, и др.

товительная (но не черновая) работа, вызванная, однако, уже потребностью закрѣпить тѣ образы, которые складывались въ воображеніи, придать имъ болѣе опредѣленности. „Я всѣ эти лица („Отцовъ и Дѣтей“) рисовалъ, какъ бы я рисовалъ грибы, листья, деревья; намозолили мнѣ глаза, я и принялся чертить“,—писалъ Тургеневъ Фету, 6 апрѣля 1862 года. Значитъ, когда неясные прежде образы получали наконецъ въ головѣ автора объективный характеръ и начинали ему „мозолить глаза“, они списывались какъ бы съ натуры. Для выполненія этого Иванъ Сергѣевичъ сначала набрасывалъ подробную біографію каждаго дѣйствующаго лица и даже ближайшихъ предковъ главныхъ героевъ. Далѣе слагалась имъ самая фабула разсказа или романа, составлялся краткій конспектъ его или, вѣрнѣе, излагался весь разсказъ на двухъ-трехъ страницахъ коротко и просто, какъ пишутъ для дѣтей. Послѣ этого уже Тургеневъ приступалъ къ связному черновому сочиненію [1]).

Пишущему эти строки пришлось имѣть въ рукахъ небольшую тетрадку, сшитую изъ нѣсколькихъ листовъ обыкновенной почтовой бумаги, на заглавной страницѣ которой стояло: „Формулярные списки дѣйствующихъ лицъ новой повѣсти „Наканунѣ“. Эти формулярные списки и были тѣми біографіями, о которыхъ говорилъ Иванъ Сергѣевичъ [2]). Кромѣ сухихъ фактовъ, въ нихъ приводились краткія характеристики дѣйствующихъ лицъ съ подчеркиваніемъ основныхъ нравственныхъ качествъ героевъ. Такъ Тургеневъ, въ письмѣ къ М. М. Стасюлевичу отъ 25 ноября (ст. с.) 1876 года, говоритъ, что въ формулярѣ Соломина („Новь“) „главнымъ эпитетомъ, характеризующимъ его, выставлено наверху большими буквами слово: *трезвый*“ [3]). Хотя во время самаго писанья разсказа или романа отъ біографій оставалось мало, а иныя лица даже измѣнялись по характеру [4]), но Иванъ Сергѣевичъ не раньше приступалъ къ связному изложенію, какъ только послѣ выясненія и закрѣпленія на бумагѣ каждаго изъ дѣйствующихъ лицъ съ полной тщательностью и добросовѣстностью. Интересно въ этомъ случаѣ слѣдующее признаніе Тур-

[1]) См. указанныя мѣста воспоминаній Половцова и Луканиной.

[2]) Къ сожалѣнію, эта тетрадь, равно какъ и другія черновыя и бѣловыя рукописи „Наканунѣ“, сохранявшіяся лѣтъ пятнадцать назадъ у А. А. Тютчева (мышкинскаго, ярославской губерніи, предводителя дворянства) должны считаться погибшими, какъ это обнаружилось изъ наведенныхъ недавно справокъ.

[3]) „Сборникъ Общества любителей россійской словесности“ 1891 г., стр. 73.

[4]) Есть основаніе, напримѣръ, полагать, что для „Наканунѣ“ вмѣсто Зои „формулярные списки“ заключали въ себѣ образъ *сестры Елены* (См. письмо Гончарова къ Тургеневу въ „Русск. Стар.“, 1900 г., январь, 13 и слѣд.).

генева въ письмѣ къ С. К. Брюлловой (Кавелиной), отъ 21 декабря (ст. с.) 1872 года: „Я самъ понимаю и чувствую, что мнѣ слѣдуетъ произвести нѣчто болѣе крупное и современное (чѣмъ „Конецъ Чертопханова"), и скажу вамъ даже, что у меня готовъ сюжетъ и планъ романа—ибо я вовсе не думаю, что въ нашу эпоху перевелись типы, и описывать нечего—но изъ двѣнадцати лицъ, составляющихъ мой персоналъ, два лица не довольно изучены на мѣстѣ—не взяты живьемъ; а *сочинять* въ извѣстномъ смыслѣ я не хочу, да и пользы отъ этого нѣтъ никакой, ибо никого обмануть нельзя. Слѣдовательно, нужно набраться матеріалу... И выходитъ изо всего этого, что мнѣ надо стараться помочь горю хоть временными пребываніями на Руси; что я и намѣренъ привести въ исполненіе. Но достаточны ли будутъ эти наѣзды? Это скажетъ мнѣ моя литературная совѣсть. Коли—да, напишу мой романъ; коли—нѣтъ, ну и аминь!" [1]) Въ этихъ строкахъ рѣчь идетъ о „Нови", за черновую работу которой онъ принялся лишь съ начала 1875 года. Но, конечно, для большинства его работъ время составленія формулярныхъ списковъ и плана произведенія было значительно короче, во всякомъ случаѣ короче предварительнаго обдумыванія. Біографіи и планъ для „Наканунѣ" потребовали мѣсяца два, а для „Отцовъ и Дѣтей"—менѣе мѣсяца.

Что касается собственно плана произведенія, то онъ только отчасти подсказывался судьбою тѣхъ лицъ, которыя служили первообразами героевъ разсказа. Вообще же здѣсь требовалась значительная доля изобрѣтательности, внутренней работы особаго рода. И тутъ-то вотъ Иванъ Сергѣевичъ и чувствовалъ себя недостаточно сильнымъ. Онъ неоднократно признавался, что „постройка повѣстей, архитектурная сторона ихъ"—самая непріятная для него часть литературной работы, и что на сочиненіе романа съ замысловатымъ сюжетомъ, со сложной интригой, ему недостало бы воображенія. „Одни англичане", говорилъ Тургеневъ по этому поводу, въ 1878 году, Н. Я. Стечькину: „овладѣли этимъ секретомъ, а мы... Ну, возьмите графа Льва Толстого. Онъ теперь первый писатель, не только въ Россіи, но и во всемъ мірѣ. Нѣкоторыя его страницы, напримѣръ, свиданіе Анны Карениной съ сыномъ,—какое совершенство! Когда я прочиталъ эту сцену, у меня книга изъ рукъ выпала. „Да неужели—говорилъ я мысленно — можно *такъ* хорошо писать?" А что же: ни „Война и Миръ", ни „Анна Каренина", при всемъ геніи

[1]) „Русская Мысль" 1897 г., іюнь, стр. 26—27.

Толстого, не оставляютъ цѣльнаго впечатлѣнія отъ цѣльной вещи“ [1]). Тѣ повѣсти, которыя въ весьма значительной степени являются воспоминаніями („Три встрѣчи“, „Муму“, „Первая любовь“, „Бригадиръ“, „Несчастная“, „Степной король Лиръ“, „Вешнія воды“, „Пунинъ и Бабуринъ“, „Старые портреты“, „Отчаянный“) сводили всѣ предварительныя записи къ наиболѣе простымъ эскизамъ.

Третьимъ, самымъ важнымъ и самымъ интереснымъ періодомъ творческаго процесса являлось у Тургенева связное изложеніе задуманнаго и закрѣпленнаго конспектами и біографіями. „Засѣсть бываетъ ужасно трудно“,—жаловался Иванъ Сергѣевичъ Половцову:—„иной разъ сидишь надъ первой страницей битый часъ—и ничего не выходитъ. Перечтешь,—все кажется вялымъ, сшитымъ бѣлыми нитками“... Такія затрудненія приходилось испытывать ему и надъ послѣдующими страницами, но только рѣже, и преодолѣвалъ онъ ихъ быстрѣе. „Тургеневъ сознавался намъ“,—разсказываетъ Полонскій въ своихъ воспоминаніяхъ,—„что онъ не можетъ продолжать писать, если не доволенъ фразой или мѣстомъ, которое не удалось ему. Другіе на это не обращаютъ никакого вниманія, пишутъ все, съ начала до конца, вчернѣ, потомъ постепенно отдѣлываютъ по частямъ, иногда съ начала, иногда съ конца. Такъ писалъ Диккенсъ. Они пишутъ отрывками и потомъ сводятъ ихъ. Другіе сами не знаютъ, что выйдетъ изъ лица, нежданно появившагося въ романѣ или повѣсти; иногда лицо это вдругъ такъ ярко обрисуется въ воображеніи, что, заслоняя другія лица, дѣлается первенствующимъ. Такъ часто случалось съ Григоровичемъ, по его собственному признанію“.

Иванъ Сергѣевичъ не писалъ отрывками, чтобы потомъ сводить ихъ въ одно цѣлое, но онъ при черновой работѣ пользовался набросками и замѣтками, составленными въ разное время и по поводу различныхъ случаевъ. „Призраки“ и „Стихотворенія въ прозѣ“ даже цѣликомъ и создались изъ такихъ набросковъ. „Призраки“ произошли случайно,—говорилъ Тургеневъ Половцову:—„У меня набрался рядъ картинъ, эскизовъ, пейзажей. Сперва я хотѣлъ сдѣлать картинную галерею, по которой проходитъ художникъ, разсматривая отдѣльныя картины, но выходило сухо. Поэтому я выбралъ ту форму, въ которой и появились „Призраки“. Въ предисловіи къ „Стихотвореніямъ въ прозѣ“ М. М. Стасюлевичъ писалъ: „Иванъ Сергѣевичъ Турге-

[1]) Воспомин. Н. Я. Стечькина, 8.

невъ, уступая нашей просьбѣ, далъ намъ свое согласіе подѣлиться съ читателями журнала теперь же, не откладывая,—тѣми мимолетными замѣтками, мыслями, образами, которые отмѣчались у него на листкахъ, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣніемъ текущей жизни, какъ его личной, такъ и общественной, за послѣднія пять лѣтъ. Они не нашли себѣ мѣста, подобно многимъ другимъ, въ тѣхъ уже законченныхъ произведеніяхъ автора, которыя успѣли появиться въ свѣтъ и образовали изъ себя цѣлую коллекцію; авторъ выбралъ изъ нихъ пока до пятидесяти отрывковъ". Замѣтки эти писались на клочкахъ бумаги различнаго формата и цвѣта и складывались въ особый портфель. „Это нѣчто въ родѣ того, что художники называютъ эскизами, этюдами съ натуры, которыми они потомъ пользуются, когда пишутъ большую картину"—пояснялъ Тургеневъ Стасюлевичу [1]).

Въ тотъ же портфель эскизовъ попадали и второстепенныя вводныя лица крупныхъ произведеній, выброшенныя изъ послѣднихъ при окончательной ихъ отдѣлкѣ. Такъ необходимо заключить изъ писемъ Ивана Сергѣевича къ Стечькиной, отъ 25-го апрѣля и 30-го сентября (ст. с.) 1878 года [2]). Сюда же откладывались счастливыя мѣста и даже отдѣльныя выраженія интимной его переписки съ друзьями. Въ письмѣ С. Т. Аксакову, отъ 12-го мая 1853 года, мы читаемъ, между прочимъ: „Вчера мы ходили вдоль осиноваго лѣса, со стороны тѣни, вечеромъ. Солнечные лучи забирались съ своей стороны въ глубь лѣса и обливали стволы осинъ такимъ теплымъ свѣтомъ, что они становились похожи на стволы сосенъ, а листва ихъ почти синѣла, и надъ нею поднималось блѣдно-голубое небо, чуть обрумяненное зарей" [3]). Все это описаніе, за исключеніемъ первой фразы, находимъ въ началѣ XI главы „Отцовъ и Дѣтей". Въ этомъ же романѣ, въ VII главѣ, имѣемъ слѣдующія строки: „Въ 1848 году это различіе (между стариками Кирсановыми) уменьшилось: Николай Петровичъ потерялъ жену, Павелъ Петровичъ потерялъ свои воспоминанія; послѣ смерти княгини онъ старался не думать о ней. Но у Николая оставалось

[1]) Совершенно невѣрно заявленіе г. Сергѣенко („Какъ живетъ и работаетъ гр. Л. Н. Толстой"), будто мысль о такихъ эскизахъ, какъ „Стихотворенія въ прозѣ", подалъ Тургеневу авторъ „Войны и Мира". Иванъ Сергѣевичъ еще до знакомства своего съ гр. Толстымъ началъ набрасывать такого рода этюды. Это видно, между прочимъ, изъ отрывка приведеннаго дальше письма Тургенева къ Аксакову и изъ того, что матеріалъ для „Призраковъ" былъ уже готовъ до первыхъ встрѣчъ Тургенева съ гр. Толстымъ.

[2]) Изд. Одесской городской библіотеки. 1903 г.

[3]) „Вѣстн. Европы" 1894 г., февр., 473.

чувство правильно проведенной жизни, сынъ выросталъ на его глазахъ; Павелъ, напротивъ, одинокій холостякъ *вступалъ въ то смутное, сумеречное время, время сожалѣній, похожихъ на надежды, надеждъ, похожихъ на сожалѣнія, когда молодость прошла, а старость еще не настала*". Подчеркнутыя выраженія употреблены были Тургеневымъ по отношенію къ своему душевному состоянію въ письмѣ къ Фету, отъ 16-го іюля 1860 года, т.-е. когда онъ не думалъ еще объ „Отцахъ и Дѣтяхъ". Подобныхъ примѣровъ можно найти нѣсколько десятковъ, пользуясь только напечатанными письмами Ивана Сергѣевича. Какіе съ перваго взгляда пустяки попадали иной разъ въ завѣтный портфель, можно видѣть изъ слѣдующаго разсказа Тургенева, приведеннаго въ воспоминаніяхъ Луканиной. Въ отвѣтъ на жалобу послѣдней на одну причиненную ей непріятность Иванъ Сергѣевичъ сказалъ: „А чѣмъ грубѣе были съ вами, тѣмъ съ литературной точки зрѣнія лучше... Вы бы все записывали... Вотъ видите ли, ѣхалъ я разъ въ фіакрѣ. Кучеръ везъ скверно. Пріѣзжаю домой и рѣшилъ не дать ему „pourboire". Онъ началъ браниться и назвалъ меня: „Vieux pot de chambre", а я себѣ думалъ: „пятьдесятъ сантимовъ я тебѣ все-таки не дамъ!" И смотрѣлъ, какой у него былъ красный носъ, и какъ лицо его подергивалось отъ злости,—и все записалъ".

Какъ извѣстно, Тургеневъ часто влагаетъ въ уста дѣйствующихъ лицъ свои собственныя мысли и взгляды. Эти послѣдніе не нуждались въ особой записи для внесенія при удобномъ случаѣ въ романъ или разсказъ, чего нельзя, однако, сказать про разсыпанныя въ его произведеніяхъ лирическія отступленія, какъ требующія не только твердой и ясной мысли, но и художественной отдѣлки.

При работѣ надъ повѣстями Тургеневъ не забывалъ и даже считалъ безусловно необходимымъ дѣлать точныя справки по поводу самыхъ незначительныхъ спеціальныхъ вопросовъ, разъ послѣдніе затрагивались въ его трудѣ, хотя бы мимоходомъ. Прекраснымъ примѣромъ, среди многихъ другихъ, можетъ служить слѣдующее его письмо къ управляющему Кишинскому, отъ 27-го февраля (ст. с.) 1869 года, написанное въ періодъ работъ надъ „Степнымъ королемъ Лиромъ". „Я началъ повѣсть, въ которой главное дѣйствующее лицо, старикъ-помѣщикъ, задумалъ при жизни своей передать свое родовое имѣніе двумъ своимъ дочерямъ. (Дѣло происходитъ въ 40-мъ году). Мнѣ нужно знать *въ подробности*, какъ это дѣлается или дѣлалось, кому, въ какое мѣсто подавалась просьба, какъ составлялся актъ,

какъ онъ приводился въ исполненіе, кто при этомъ долженъ былъ присутствовать въ качествѣ свидѣтелей, какія полицейскія или административныя лица (исправникъ, дворянскій предводитель (?) и т. д.). Все это потрудитесь написать мнѣ самымъ обстоятельнымъ, дѣловымъ образомъ. Даже, если это васъ не затруднитъ, приложите образчики просьбы, акта (дарственной записи) и т. д. Отца, положимъ, зовутъ Мартынъ Петровичъ Харловъ, старшая дочь, Анна,—замужемъ за неслужащимъ дворяниномъ Васильемъ Васильевымъ Слеткинымъ, вторая дочь, Евлампія,—дѣвица. Старшей 23, второй—21 годъ. Все это вы помѣстите. Имѣніе, положимъ,—52 души и 400 десятинъ земли съ усадьбой. Очень я вамъ буду благодаренъ за аккуратное и скорое исполненіе моей просьбы“ [1]).

Къ третьему періоду творчества, къ связному изложенію задуманнаго произведенія, обыкновенно и относятся указанія писемъ Ивана Сергѣевича, что онъ принялся за то-то, пишетъ такой-то разсказъ. Сохранившіяся хронологическія данныя о началѣ и окончаніи той или другой вещи обнимаютъ одинъ этотъ періодъ, рѣдко касаясь предыдущихъ или послѣдующаго. Какъ продолжителенъ онъ былъ, видно изъ слѣдующихъ данныхъ, извлекаемыхъ нами изъ корреспонденціи Тургенева и его рукописей (числа по старому стилю): „Постоялый дворъ“ написанъ въ теченіе ноября 1852 года; „Рудинъ“ — отъ 5-го іюня до 24-го іюля 1855 года; „Наканунѣ“ —отъ 16-го іюня до 25-го октября 1859 года (въ рукописи обозначенъ и часъ окончанія: половина перваго пополудни); „Первая любовь“ — съ первыхъ чиселъ января до 10-го марта (въ рукописи прибавлено: три часа утра) 1860 года; „Отцы и Дѣти“ — съ середины октября 1860 года до 30-го іюля 1861 года [2]); „Дымъ“ — съ конца 1865 года до конца 1866 года, „Степной король Лиръ“ — съ февраля 1869 года—до 10-го марта (приблизительно) 1870 г.; „Стукъ... Стукъ... Стукъ...“ написано въ теченіе августа 1870 г.; „Новь“ —съ начала 1875 года до конца іюня 1876 г.

Работа надъ нѣкоторыми повѣстями вначалѣ шла очень медленно, съ перерывами, потомъ она такъ захватывала автора, что онъ, по его выраженію, терялъ возможность думать о чемъ-либо другомъ. О „Нови“, напримѣръ, Тургеневъ писалъ Полонскому: „Я нѣсколько разъ принимался за исполненіе, но, на-

[1]) „Отчетъ Импер. Публичн. Библіот. за 1894 годъ“.

[2]) Хронологія всѣхъ работъ надъ этимъ романомъ выясняется изъ сопоставленія данныхъ статьи „По поводу Отцовъ и Дѣтей“, съ указаніями писемъ Ивана Сергѣевича къ Фету и К. Н. Леонтьеву за октябрь 1860 г.

конецъ, написалъ всю штуку, какъ говорится, съ плеча“ (въ три мѣсяца) [6]). Перерывъ въ трудѣ бывалъ иногда настолько продолжителенъ, что Иванъ Сергѣевичъ во время его иной разъ успѣвалъ написать разсказъ небольшого размѣра. Такъ—„Часы“ вышли въ періодъ работъ надъ „Новью“; „Странная исторія“ явилась во время занятій надъ „Королемъ Лиромъ“. Небольшія статьи, замѣтки, предисловія писались имъ когда угодно, какъ простыя письма. Бывали и болѣе продолжительныя остановки въ работѣ. „Довольно“, начатое еще до появленія „Отцовъ и Дѣтей“, кончено было лишь въ февралѣ 1865 года; „Поѣздка въ полѣсье“, начатая въ маѣ 1853 года, кончена въ февралѣ 1857 года; „Призраки“, начатые осенью 1856 года, кончены 20-го мая 1863 года. Но подобные факты составляютъ исключеніе. Тургеневъ предпочиталъ писать „не пимши, не ѣмши“, какъ онъ шутливо выразился о своей работѣ надъ „Собакой“, хотя это удавалось ему рѣдко.

Какіе часы предпочиталъ Иванъ Сергѣевичъ для своихъ занятій литературнымъ трудомъ? Половцовъ въ своихъ воспоминаніяхъ пишетъ: „Лѣтомъ 1876 года Тургеневъ оканчивалъ въ деревнѣ романъ „Новь“. Работалъ онъ очень усердно. Писалъ обыкновенно по ночамъ, съ восьми часовъ вечера до трехъ, четырехъ часовъ ночи, днемъ же отдыхалъ, хлопоталъ по хозяйству или прогуливался. Иные писатели работаютъ ночью, находя, что это время наиболѣе благопріятно для умственнаго труда, требующаго участія воображенія; Тургеневъ же выбиралъ ночное время для писанія лишь по чисто практическимъ соображеніямъ: ночью совершенно тихо и мухъ нѣтъ“. Полонскій, однако, свидѣтельствуетъ нѣсколько иначе; указываетъ на обычное для занятій время — или часы между утренней прогулкой и завтракомъ, или время послѣ вечерняго чая.

У письменнаго стола своего Иванъ Сергѣевичъ иногда такъ сильно и глубоко переживалъ все то, о чемъ писалъ, что волненія его замѣчались окружающими. Въ воспоминаніяхъ Пича мы читаемъ, напримѣръ: „Часто слышалъ я, какъ онъ во время рабочихъ часовъ, подъ вліяніемъ непреодолимой потребности, запирался въ своей комнатѣ и, подобно льву въ клѣткѣ, шагалъ и стоналъ тамъ. Въ эти дни, еще за утреннимъ чаемъ, мы слышали отъ него трагикомическое восклицаніе: „охъ, сегодня я долженъ работать!“ Разъ усѣвшись за работу, онъ даже физически переживалъ все то, о чемъ писалъ. Когда онъ однажды писалъ небольшой безотрад-

[1]) Письма, стр. 311.

ный романъ „Несчастная“, изъ воспоминаній его студенческихъ лѣтъ, сюжетъ котораго развивался почти помимо его воли, при описаніи особенно запечатлѣвшейся въ его памяти фигуры покинутой дѣвушки, стоящей у окна, онъ былъ въ теченіе цѣлаго дня совершенно боленъ: „Что съ вами, Тургеневъ? Что случилось?“ — „Ахъ, она должна была отравиться! Ея тѣло выставлено въ открытомъ гробу въ церкви — и, какъ это у насъ принято въ Россіи, каждый родственникъ долженъ цѣловать мертвую. Я разъ присутствовалъ при такомъ прощаньи, а сегодня я долженъ былъ описать это, и вотъ у меня весь день испорченъ“ [1]).

Кончивъ вчернѣ всю работу, выставивъ подъ нею годъ, число, день недѣли и даже иногда часъ, когда поставлена точка послѣ „блаженнаго послѣдняго слова“, Тургеневъ приступалъ къ перепискѣ набѣло, что совершалъ собственноручно. Съ этого момента начинается новый періодъ творческаго процесса — окончательное усовершенствованіе и отдѣлка произведенія, что въ свою очередь опять проходило три ступени: исправленіе при перепискѣ, послѣдующее исправленіе уже бѣловой рукописи до сдачи ея въ типографскій станокъ и — исправленіе при переизданіи сочиненія.

Въ письмѣ Ивана Сергѣевича къ Щербаню, отъ 1 (13) іюля 1863 года, читаемъ между прочимъ: „Ваше предложеніе переписать „Призраки“ очень любезно; но, переписывая, я *исправляю*, что нѣсколько облегчаетъ эту противную работу, или по крайней мѣрѣ даетъ ей смыслъ“. Эти строки Щербань поясняетъ такимъ примѣчаніемъ: „О своей привычкѣ переписывать самому, не уклоняясь отъ этого „несноснаго, но полезнаго занятія“, Иванъ Сергѣевичъ говаривалъ и лично: „Переписывая — видишь себя иначе, чѣмъ въ черновой рукописи; иное не понимаешь, откуда тамъ и взялось, какъ написалось; другое, напротивъ, само собою навертывается, тогда какъ прежде и не снилось. Вдохновеніе — слишкомъ большое слово, не каждому по плечу; но романистомъ положительно владѣетъ что-то внѣ его, и вдругъ толкаетъ внезапно. А для рукописей идеалъ былъ бы непремѣнно самому держать корректуру — въ печати еще виднѣе — да гдѣ же скитальцу!“ [2]) Какое важное значеніе придавалъ Иванъ Сергѣевичъ собственноручной перепискѣ — видно и изъ того, что нѣкоторыя вещи переписывались имъ дважды. Это „несносное, но полезное занятіе“, хотя требовало немало усилій, однако вы-

[1]) „Иностранная критика о Тургеневѣ“, 163—164.

[2]) „Русскій Вѣстникъ“ 1890 г. VIII, 9.

полнялось сравнительно быстро. Даже такой большой романъ, какъ „Новь“, взялъ лишь два мѣсяца.

Переписанное набѣло произведеніе не тотчасъ поступало въ типографію. Проходило время отъ одного мѣсяца до полугода и болѣе, въ теченіе котораго новый романъ или разсказъ внимательно просматривался авторомъ и, за рѣдкимъ исключеніемъ, прочитывался друзьями, сообщавшими ему затѣмъ свои замѣчанія. Нѣкоторыми изъ послѣднихъ онъ пользовался и вносилъ соотвѣтствующія поправки и дополненія. Первый романъ Тургенева остался даже неоконченнымъ подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ отзывовъ друзей о первой части произведенія. Въ письмѣ къ Брюлловой (Кавелиной), отъ 16 (28) января 1872 г., онъ сообщаетъ: „Скажу вамъ безъ обиняковъ, что я совершенно согласенъ съ вами и чувствую нѣчто въ родѣ отвращенія къ собственному дѣтищу („Вешнія воды“)... Мнѣ кажется, что еслибы мнѣ пришлось прочесть кому-нибудь вслухъ эту вещь до печатанья—я во всякомъ случаѣ передѣлалъ бы конецъ и заставилъ бы г-на Санина бѣжать отъ г-жи Полозовой, еще разъ свидѣться съ Джеммой, которая бы ему отказала и т. д. Но теперь все это въ воду упало, и я не прикоснусь до моего уродца“. Есть основаніе, однако, предположить, что передѣлка повѣсти не могла быть столь радикальной. Къ г-жѣ Комманвиль Иванъ Сергѣевичъ, по крайней мѣрѣ, писалъ (19 (31) августа 1873 года): „Ваше сужденіе о „Вешнихъ водахъ“ совершенно справедливо; что-же касается второй части, которая ни достаточно мотивирована, ни особенно нужна, то я въ ней увлекся воспоминаніями“ [1]). Покоясь на такой твердой основѣ, какъ дѣйствительныя событія, повѣсть нуждалась бы развѣ во второстепенныхъ поправкахъ. Вообще, въ дѣлѣ творчества Тургеневъ проявлялъ полную самостоятельность, и, деликатно относясь къ дружескимъ замѣчаніямъ, принималъ къ свѣдѣнію немногія изъ нихъ. Значительно больше поправокъ появлялось въ тотъ же періодъ—отъ окончанія переписки до типографскаго набора—совершенно самостоятельно. О такихъ исправленіяхъ въ бѣловой рукописи „Отцовъ и Дѣтей“ мы имѣемъ слѣдующее любопытное свидѣтельство Щербаня: По мѣрѣ того, какъ варіанты вносились въ подлинную рукопись, Иванъ Сергѣевичъ отмѣчалъ ихъ и отдѣльно. Мало-по-малу составилась цѣлая тетрадка загадочнаго для непосвященныхъ содержанія: *Глава такая-то.* Въ строкѣ такой-то выкинуть слово „.....“; въ такой-то прибавить

[1]) Письма Тургенева, изд. Гальперинъ-Каминскаго, стр. 216.

слово „.....“; въ такой-то зачеркнуть слова „..... .....“ и вмѣсто нихъ поставить „..... .....“; такую-то строчку вычеркнуть; вмѣсто такой-то вписать то-то, и т. д. Наконецъ, мѣсяца въ два, поправки исчерпались. Тогда Тургеневъ переписалъ тетрадку, сличая ее съ подлинною рукописью и еще кое-гдѣ поизмѣнивъ; потомъ я перебѣлилъ его работу. Одинъ экземпляръ этой послѣдней редакціи „ne varietur“ былъ отданъ мнѣ, для личной передачи „Русскому Вѣстнику“ (я уѣзжалъ тогда въ Москву) и для личнаго наблюденія за корректурой; другой—на случай дорожныхъ съ первымъ приключеній—посланъ по почтѣ въ Петербургъ П. В. Анненкову“. Но къ такимъ тетрадкамъ Ивану Сергѣевичу приходилось прибѣгать лишь въ видѣ исключенія. Обыкновенно варіанты сообщались въ простомъ письмѣ. Насколько иной разъ неожиданны бывали эти поправки, можно видѣть изъ слѣдующей просьбы Тургенева къ Анненкову (26 ноября (ст. с.) 1867 года): „Въ „Бригадирѣ“ мнѣ вздумалось прибавить еще штришка два, а именно: Въ концѣ II главы, послѣ словъ: „нависшія брови“ помѣстить: „которыя онъ безпрестанно то надвигалъ, то поднималъ“, а послѣ словъ: „опрятный сюртукъ“ прибавить: „и сапоги до колѣнъ съ вырѣзанными въ видѣ сердца голенищами“. Въ началѣ III главы, послѣ словъ: „остановился въ дверяхъ и пристально посмотрѣлъ на меня“ прибавить: „и поигралъ бровями“. Въ концѣ III главы, послѣ словъ: „Наркизъ улыбнулся молча“ прибавить: „но во весь ротъ, потомъ вдругъ надвинулъ брови“. Въ серединѣ IX главы, послѣ словъ: „вмѣстѣ съ нимъ перепеловъ лавливалъ, да благочинный до безконечности его затиранилъ“ прибавить: „а что до Наркиза Семеныча, промолвилъ онъ нараспѣвъ,—такъ ежели я по ихнему понятію необстоятельный человѣкъ на семъ свѣтѣ есть, и я на то доложу: отростили они себѣ брови не хуже тетерева да и полагаютъ, что всѣ науки произошли“ [1]). Всѣ эти дополненія читатель легко найдетъ въ собраніяхъ сочиненій Тургенева въ указанныхъ мѣстахъ. Въ виду неизбѣжности исправленій въ бѣловой Иванъ Сергѣевичъ и дѣлалъ въ ней иногда большія поля, ровно въ полстраницы, да еще оставляя всю обратную сторону чистой. Текстъ, такимъ образомъ, занималъ лишь четверть всей рукописи [2]). Черновыя же, какъ это можно видѣть изъ хранящихся въ Императорской Публичной Библіотекѣ, писались безъ какихъ-либо особыхъ уклоненій отъ обычнаго типа ихъ.

[1]) „Русское Обозрѣніе“ 1894 г. I, 26—27.

[2]) Такую бѣловую намъ пришлось видѣть въ томъ же собраніи рукописей Тургенева, сохранявшихся у А. А. Тютчева.

Послѣ появленія въ печати новаго произведенія, для послѣдняго наступалъ третій и уже окончательный періодъ усовершенствованій и поправокъ. Вызывались они: 1) желаніемъ возстановить попорченное общей цензурой и цензурой журнальныхъ редакторовъ; 2) дальнѣйшими отзывами друзей, а также критическими статьями, и 3) самостоятельно возникавшимъ въ душѣ автора недовольствомъ тѣми или другими частями произведенія.

Общая цензура была довольно милостива къ Тургеневу, если сравнить отношеніе ея къ нему съ отношеніемъ къ другимъ писателямъ; обижала она и его чувствительно только въ Николаевское время (ссылку въ деревню Ивана Сергѣевича, какъ чисто административную, а не цензурную мѣру, считать не будемъ). Всего болѣе чувствовалъ онъ ея работу въ своихъ драматическихъ произведеніяхъ, какъ объ этомъ приходилось уже намъ подробно говорить въ другомъ мѣстѣ [1]). Не всѣ, однако, цензурные пропуски позднѣе возстановлялись авторомъ въ печати. Нѣкоторые онъ не отыскивалъ въ необходимый моментъ среди рукописей, что̀ случилось, напримѣръ, съ мѣстами, выброшенными изъ его рецензіи на „Записки ружейнаго охотника“ С. Аксакова, напечатанными лишь послѣ смерти автора въ „Вѣстникѣ Европы“ (1894 г., январь).

Тургеневъ жаловался иногда на цензуру журнальныхъ редакторовъ,—Некрасова [1]) и особенно Каткова. Какова была цензура послѣдняго—можно видѣть изъ измѣненій въ текстѣ „Отцовъ и Дѣтей“, сдѣланныхъ редакторомъ „Русскаго Вѣстника“. Приводимъ наиболѣе крупныя. Во второй главѣ романа авторъ говоритъ, что у Базарова лицо было „длинное и худое, съ широкимъ лбомъ“; Катковъ передѣлываетъ: „съ широкимъ *угреватымъ* лбомъ“ (стр. 477). Въ седьмой главѣ Базаровъ говоритъ у автора: „Человѣкъ, который всю свою жизнь поставилъ на карту женской любви, и когда ему эту карту убили, раскисъ и опустился до того, что ни на что не сталъ способенъ,—этакой человѣкъ не мужчина, но самецъ“. Катковъ слово „но“ въ послѣдней строкѣ замѣнилъ словомъ „не“ (стр. 501), отчего вся фраза получила грубый односторонній смыслъ. Въ двадцатой главѣ Базаровъ замѣчаетъ по поводу радостныхъ хлопотъ своего отца: „Вотъ тебѣ на! Презабавный старикашка и добрѣйшій“; редакторъ „Русскаго Вѣстника“ послѣднее слово вычеркиваетъ (стр. 579). Въ двадцать-четвертой главѣ авторъ, описывая отъѣздъ Базарова

[1]) „Вѣстникъ Европы“ 1902 г., ноябрь, 122—124.

[2]) См. Воспоминанія Гаршина: „Истор. Вѣстн.“ 1883 г., кн. 11, и письмо Тургенева къ Анненкову 14 (26) ноября 1867 г.

изъ усадьбы Кирсановыхъ послѣ дуэли, оканчиваетъ сцены разставанья героя съ Петромъ и Дуняшей—такими словами: „Виновникъ всего этого горя (Базаровъ) взобрался на телѣгу, закурилъ сигару, и когда на четвертой верстѣ, при поворотѣ дороги въ послѣдній разъ предстала его глазамъ развернутая въ одну линію Кирсановская усадьба съ своимъ новымъ господскимъ домомъ, онъ только сплюнулъ и, пробормотавъ: „барчуки проклятые", плотнѣе завернулся въ шинель". Катковъ пишетъ вслѣдъ за этимъ отъ имени Тургенева: „Ему и въ голову не пришло, что онъ въ этомъ самомъ домѣ нарушилъ всѣ права гостепріимства" (стр. 623). Въ двадцать-шестой главѣ авторъ заставляетъ Базарова говорить Кирсанову: „Для нашей горькой, терпкой, бобыльной жизни ты не созданъ. Въ тебѣ нѣтъ ни дерзости, ни злости, а есть молодая смѣлость да молодой задоръ; для нашего дѣла это не годится. *Вашъ братъ, дворянинъ, дальше благороднаго смиренія или благороднаго кипѣнія зайти не можетъ. Вы взятки, напримѣръ, не берете и ужъ воображаете себя молодцами,—а мы драться хотимъ. Да что!* Наша пыль тебѣ глаза выѣстъ, наша грязь тебя замараетъ" и т. д. Подчеркнутыя слова были выпущены Катковымъ (стр. 643). Возстановивъ это мѣсто въ послѣдующемъ изданіи, Иванъ Сергѣевичъ, однако, слова: „Вы взятки, напримѣръ, не берете" замѣнилъ словами: „Вы, напримѣръ, не деретесь". Точно также издателемъ „Русскаго Вѣстника" была вычеркнута (стр. 658) слѣдующая просьба умирающаго Базарова, обращенная къ Одинцовой: „И мать приласкайте. Вѣдь такихъ людей, какъ она, въ вашемъ большомъ свѣтѣ днемъ съ огнемъ не сыскать". Легко замѣтить, что всѣ эти измѣненія и урѣзки [1]) направлены были на то, чтобы посильнѣе развѣнчать Базарова въ глазахъ читателя. „Довольно усѣченій", какъ выразился Тургеневъ, оказалось и въ текстѣ „Дыма" на страницахъ того же журнала. Такъ, напримѣръ, изъ біографіи Ратмирова Катковъ выкинулъ много характерныхъ мѣстъ, не пожелавъ, чтобы Валеріанъ Владимировичъ ѣздилъ ординарцемъ на чужихъ лошадяхъ, чтобы онъ „поролъ" крестьянъ, а лишь „отечески посѣкалъ" ихъ, и т. д.

Дальнѣйшая обработка произведенія послѣ появленія его въ печати вызывалась еще, какъ мы говорили, и отзывами друзей. Достаточно было одного замѣчанія о неумѣстности сравненія

---

[1]) Мы приводимъ ихъ, основываясь на сравненіи текстовъ: 1) „Русскаго Вѣстника" (1862 г., февраль), 2) листовъ романа, вырѣзанныхъ оттуда же, съ поправками Ивана Сергѣевича (хранятся переплетенными въ Импер. Публичн. Библіотекѣ) и 3) II-го тома послѣдняго изданія („Нивы") сочиненій Тургенева.

Хоря и Калиныча съ Гёте и Шиллеромъ, чтобы сравненіе это осталось только на страницахъ „Современника“ [1]). Точно также не повторилось въ печати мѣсто II главы „Рудина“, вызвавшее откровенное осужденіе старика Аксакова въ письмѣ къ Ивану Сергѣевичу, отъ 7 февраля 1856 года [2]). Мѣсто это (въ 12 строкъ)—нѣсколько циничный разсказъ Пигасова о смерти племянника Чепузовой, помѣщенный на стр. 19 первой книги „Современника“ 1856 года, послѣ словъ того же Пигасова: „Зачѣмъ мнѣ на нее клеветать?“ [3]) Но опять должны повторить, что далеко не многія замѣчанія друзей вызывали поправки Ивана Сергѣевича. Какъ ни настаивалъ, напримѣръ, Анненковъ, чтобы Тургеневъ выбросилъ изъ „Вешнихъ водъ“ „омерзительную грушу, которую Санинъ очищаетъ для мужа любовницы своей“, она такъ и осталась на своемъ мѣстѣ въ XLIII главѣ повѣсти.

Суду журнальной критики Тургеневъ придавалъ гораздо меньше значенія, чѣмъ отзывамъ друзей. Поэтому рѣдкія измѣненія, вызываемыя ею, шли, если можно такъ выразиться, въ обратную сторону: Иванъ Сергѣевичъ усиливалъ и разъяснялъ то мѣсто, которое вызывало нападки, а не вычеркивалъ или измѣнялъ его. Это особенно сказалось при отдѣльномъ изданіи „Дыма“, въ предисловіи къ которому Тургеневъ писалъ между прочимъ: „Никакіе доводы не убѣдятъ тѣхъ изъ его (автора) читателей, которые не захотятъ или не сумѣютъ признать мысль, положенную въ основаніе характеру Потугина, лица, повидимому, болѣе всѣхъ другихъ оскорбившаго патріотическое чувство публики; пускай же это лицо само говоритъ за себя,—авторъ ограничился тѣмъ, что придалъ ему нѣсколько новыхъ чертъ, еще опредѣленнѣе выказывающихъ его значеніе, сущность и смыслъ“ [4]). И дѣйствительно, Тургеневъ прибавилъ къ рѣчамъ Потугина въ общей сложности не менѣе трехъ печатныхъ страницъ.

Измѣненія и поправки, предпринимаемыя Иваномъ Сергѣевичемъ при послѣдующихъ изданіяхъ сочиненій по собственному, такъ сказать, почину, заключались главнымъ образомъ въ болѣе тщательной отдѣлкѣ языка, но не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней стороны его. Тургеневъ много заботился о благозвучіи, плавности и чистотѣ рѣчи, но еще болѣе прилагалъ усилій къ тому, чтобы удачнымъ, *настоящимъ* словомъ закрѣпить каждый оттѣнокъ и всякую характерную особенность опи-

[1]) „Вѣстн. Европы“ 1902 г., февраль (стат. Анненкова).

[2]) „Русск. Обозрѣн.“, 1894 г. XII, 578.

[3]) По изданію „Нивы“, IV, 317.

[4]) См. предисловіе къ „Дыму“, изданіе Салаевыхъ. М. 1868.

сываемаго факта, движенія, момента. Такъ, вмѣсто „нѣсколько мгновеній спустя", онъ ставитъ „нѣсколько спустя"; вмѣсто: „тотчасъ началъ кричать" — „тотчасъ принялся кричать", вмѣсто: „дама едва намекнула" — „дама едва рѣшилась намекнуть", и т. д. [1]). Но Иванъ Сергѣевичъ не ограничивался этимъ. Иной разъ онъ вставлялъ цѣлые эпизоды. Конца „Рудина", со словъ: „Въ знойный полдень 26 іюля 1848 года, въ Парижѣ" — мы не найдемъ въ первыхъ изданіяхъ романа. Въ концѣ разсказа „Два пріятеля", вмѣсто эпизода дуэли Вязовнина съ Лебефомъ, начинающагося словами: „Изъ Штеттина онъ, по множеству хлопотъ и новыхъ впечатлѣній, не успѣлъ написать Вѣрочкѣ" (изд. „Нивы", IV, 62) и кончая словами: „несчастный случай съ пріѣзжимъ русскимъ черезъ два дня уже стоялъ во всѣхъ газетахъ" (изд. „Нивы", VI, 67),—вмѣсто этихъ страницъ, появившихся только съ изданія 1869 года (Салаева), ранѣе стояли слѣдующія строки: „Пароходъ уже приближался къ Штеттину, ярко сіявшее солнце освѣщало чужеземный берегъ; Борисъ Андреевичъ стоялъ, прислонясь къ периламъ, и задумчиво глядѣлъ, какъ блестящая темнозеленая влага внезапно закипала буграми бѣлой пѣны подъ рѣзкими ударами глухо топотавшаго колеса,—вдругъ у него закружилась голова, и онъ упалъ въ море... Пароходъ тотчасъ остановили, спустили лодку, но Вязовнинъ исчезъ на вѣки". Точно такъ же съ изданія 1856 года „Затишье" и „Яковъ Пасынковъ", а съ 1874 года—„Пунинъ и Бабуринъ" являются передъ нами съ различными не безъинтересными дополненіями.

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о корректурныхъ хлопотахъ Тургенева. Изъ его писемъ легко замѣтить, какія муки причиняли ему опечатки, и какъ близка ему была забота о „хорошей и честной" корректурѣ. Самъ онъ очень рѣдко могъ держать ее, хотя никогда не уклонялся отъ этой утомительной работы. Для корректуръ „Наканунѣ" онъ даже нарочно пріѣзжалъ изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько дней въ концѣ января и началѣ февраля 1860 года [2]). Но, кромѣ этого романа да „Нови", Ивану Сергѣевичу, кажется, не удалось просмотрѣть въ корректурѣ ни одной значительной своей вещи. Просматривая листы „съ великимъ вниманіемъ", Тургеневъ не „отвѣчалъ только за знаки препинанія, особенно за тире", какъ онъ не разъ признавался. И дѣйствительно, въ подлинныхъ рукописяхъ эта сторона у него довольно своеобразна. Знакомъ же тире Тургеневъ настолько злоупотреблялъ, что ста-

[1]) Варіанты эти принадлежатъ тексту „Дыма".

[2]) „Русск. Стар." 1900 г., янв., 21.

вилъ его почти при всякомъ затрудненіи, часто замѣнялъ имъ и запятую, и точку съ запятой, и даже точку. Иванъ Сергѣевичъ утверждалъ, какъ мы видѣли, что въ корректурѣ еще виднѣе промахи и недостатки работы, чѣмъ при перепискѣ набѣло. Письма его къ М. М. Стасюлевичу, относящіяся къ печатанію „Нови", подтверждаютъ это. Только съ корректурой въ рукахъ онъ замѣтилъ, что Калломѣйцевъ два или три раза названъ въ рукописи Степаномъ Петровичемъ, тогда какъ настоящее имя его—Семенъ. Двадцать-шестого ноября (ст. с.) Тургеневъ сообщаетъ тому же М. М. Стасюлевичу: „У меня не въ корректурѣ, а въ самомъ текстѣ проскочила слѣдующая небрежность. Въ самомъ началѣ первой главы я, говоря о Машуриной, упоминаю о „*широкой* темной блузѣ" да и тутъ же сейчасъ говорю объ ея *широкой* рукѣ; а въ концѣ пятой главы у меня опять является „широкая темная блуза" — на Маріаннѣ. На Маріаннѣ такъ и слѣдуетъ ей сидѣть, а на Машуриной—нѣтъ". Авторъ просилъ поэтому слова первой главы „въ темной широкой блузѣ" замѣнить словами: „въ черномъ шерстяномъ платьѣ" [1]). Въ текстѣ полученныхъ затѣмъ оттисковъ или книжекъ журналовъ Иванъ Сергѣевичъ снова старался „поймать какую-нибудь блоху-опечатку" и, отмѣтивъ нѣсколько таковыхъ въ особомъ списочкѣ, посылалъ его для помѣщенія въ ближайшемъ нумерѣ журнала, или хранилъ до слѣдующаго изданія своихъ сочиненій, гдѣ этотъ списокъ и находилъ себѣ необходимое примѣненіе.

Въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Тургеневу пришлось какъ-то услышать замѣчаніе, что Гоголь рекомендовалъ такой способъ литературной работы: „перепишите (черновую), и пусть полежитъ; тамъ опять, исправивъ, перепишите—и пусть опять полежитъ".—„Ну, куда намъ до Гоголевскихъ пріемовъ",—отвѣчалъ Иванъ Сергѣевичъ:—„то—вѣчное—могло вылеживаться; наше дѣло—уловить современность въ ея переходящихъ образахъ; слишкомъ запаздывать нельзя" [2]).

Тургеневскіе пріемы оказались, однако, не хуже Гоголевскихъ: Иванъ Сергѣевичъ съ помощью ихъ давалъ „вылеживаться" сочиненію и въ то же время не запаздывалъ имъ, „улавливалъ современность" и создавалъ „вѣчное".

Н. Гутьяръ.

---

[1]) „Сборн. Общ. любит. росс. слов. 1891 г."; стр. 73—74.

[2]) „Русскій Вѣстн."; 1890 г. VIII, 9.

ВЪ РОЗОВОМЪ ЦВѢТѢ

РАЗСКАЗЪ.

Wilhelm Weigand. Novellen. Anselm der Hartheimer. Leipzig, 1905.

I.

Старый дворянскій родъ Гундтъ-фонъ-Гартгеймъ, ведущій свое начало отъ одного изъ паладиновъ Карла Великаго, не принадлежитъ къ числу тѣхъ немногихъ дворянскихъ фамилій, которыя обогатили нѣмецкую культуру замѣчательными людьми. Однимъ знатокамъ древнихъ обычаевъ извѣстно, что на представителяхъ этого рода лежала обязанность поставлять вольному городу Франкенталю упитаннаго осла, игравшаго видную роль при исполненіи судебныхъ приговоровъ, каравшихъ супружескую невѣрность или нарушеніе клятвы. Преступника сажали задомъ на баронскаго осла, и въ такомъ видѣ онъ долженъ былъ прослѣдовать по узкимъ улицамъ городка среди хохота зрителей.

Бароны Гартгеймы носили прозваніе крѣпкоголовыхъ (отъ слова: hart); въ большинствѣ случаевъ это были рослые, худощавые люди съ крупными носами, широкимъ ртомъ, рѣзкимъ голосомъ, безпокойнымъ нравомъ и свѣтло-бѣлокурыми волосами. Среди нихъ лишь изрѣдка попадались толстяки, тяготѣвшіе къ наслажденіямъ жизни и блеску. Младшіе сыновья пристраивались въ качествѣ чиновниковъ или офицеровъ при маленькихъ дворахъ; одного изъ нихъ — барона Дитриха — это стремленіе къ роскоши привело даже въ Парижъ, гдѣ онъ сблизился съ знаменитымъ гастрономомъ Гримо̀ де-ла-Реньеръ, проповѣдывавшимъ

истину, что человѣкъ созданъ не только для ѣды, но и для хорошей ѣды. Чему иному, если не удивительной гармоніи между умомъ и желудкомъ, обязаны своею славою знаменитые ужины старой Франціи? Баронъ Дитрихъ, придя къ убѣжденію, что культура многимъ обязана кухнѣ, храбро отстаивалъ свои убѣжденія то съ вилкою, то съ перомъ въ рукѣ, и незадолго до революціи подарилъ Францію книгою „Цвѣтъ германской кухни", отмѣченною гурманами того времени—съ Александромъ Дюма-отцомъ въ ихъ главѣ. Исходя изъ этой идеи, онъ принялъ участіе въ освободительномъ движеніи, долженствовавшемъ дать народу возможность лучше питаться; къ сожалѣнію, дальнѣйшему развитію теоріи барона былъ положенъ конецъ рукою палача. Къ началу семидесятыхъ годовъ отъ оскудѣвшаго житейскими благами рода Гартгеймовъ осталось лишь два отпрыска: баронъ Ансельмъ, внукъ гастронома-революціонера, представитель „толстыхъ", который, послѣ бурно проведенной молодости, слылъ за довольно злого оригинала и занимался сочиненіемъ романовъ во вкусѣ Дюма, и баронъ Клеменцъ, представитель „тощихъ", бывшій на семь лѣтъ моложе его и вышедшій въ отставку сорока лѣтъ отъ роду въ чинѣ капитана, будучи легко раненъ въ ногу во время французской кампаніи.

„Долговязый" Гартгеймъ пользовался бо̀льшимъ уваженіемъ, чѣмъ любовью среди полковыхъ товарищей; въ обществѣ онъ былъ молчаливъ и интересовался однимъ сельскимъ хозяйствомъ; поэтому, получивъ незадолго до войны сто тысячъ гульденовъ по наслѣдству отъ тетки, онъ поспѣшилъ купить продававшееся по случаю чудное господское имѣніе на берегу громаднаго озера.

Усадьба съ красною черепичною кровлею, окруженная большимъ запущеннымъ садомъ, была построена въ прошломъ вѣкѣ и тоже порядкомъ запущена, но изъ большихъ, свѣтлыхъ комнатъ открывался дивный видъ на южную часть озера, противоположный берегъ котораго тонулъ въ голубоватой мглѣ. Волнистая линія холмовъ съ деревьями, усадьбами, старинными колокольнями церквей—сливалась вдали съ хребтомъ снѣжныхъ горъ. Баронъ перебрался въ свой домъ въ октябрѣ, не опасаясь зимней скуки; занятія по хозяйству, чтеніе, охота—наполняли его время, но все же онъ обрадовался наступленію весеннихъ дней и началу полевыхъ работъ. Въ свѣтлое мартовское утро онъ задумчиво шагалъ по саду, гдѣ игралъ солнечный лучъ въ струившемся съ пригорка ручейкѣ и пробивались первые подснѣжники изъ-подъ влажной земли. На минуту онъ остановился у „Храма дружбы", гдѣ поросшая мхомъ богиня стояла на своемъ пьеде-

сталѣ подъ деревьями, еще не покрывшимися листвой. Свѣжій вѣтерокъ ласкалъ лицо и отъ земли поднимался острый запахъ. Внизу широко разстилалось голубое сверкающее озеро; острыя вершины Альпъ казались странно близкими въ прозрачномъ воздухѣ; съ поля доносились голоса работавшихъ людей и плуги ярко блестѣли на солнцѣ. Баронъ останавливался, задавалъ вопросы людямъ, и шелъ задумчиво далѣе, почти не слушая ихъ отвѣтовъ. Въ груди его проснулось смутное опасеніе, тревога за будущее; онъ почувствовалъ себя старымъ, одинокимъ, и грядущее показалось ему такимъ же сѣрымъ, какъ и былое. Домъ, озеро, цѣлый міръ — показались ему лишенными души. Возвращаясь домой, онъ встрѣтилъ управляющаго Луку, шедшаго рядомъ съ улыбающейся, здоровою дѣвушкой, и неожиданно спросилъ его: почему, собственно, онъ не женился?

— А я и самъ не знаю, господинъ баронъ,—отвѣтилъ управляющій съ добросовѣстностью солдата, которому некогда было обдумать этотъ вопросъ.

— Да, дѣйствительно, и самъ этого не знаешь,—задумчиво отвѣтилъ баронъ.—Надѣюсь, что новая маслобойка хорошо дѣйствуетъ? Добраго утра!

Вернувшись домой, баронъ написалъ дядѣ письмо, спрашивая у него совѣта; но такъ какъ тотъ не спѣшилъ отвѣтомъ, онъ самъ отправился въ Нюрнбергъ. Дядя встрѣтилъ его угрюмо; наканунѣ онъ потерялъ въ сраженіи героя своего новаго романа и мучился теперь мыслью: воскрешать ли его для дальнѣйшихъ подвиговъ, или поставить надъ нимъ крестъ?

Въ ожиданіи ужина, за который онъ садился не иначе, какъ во фракѣ и въ бѣломъ галстухѣ, высокорожденный авторъ такъ задумался надъ участью героя, что племянникъ принужденъ былъ напомнить ему о своемъ присутствіи легкимъ кашлемъ.

— Да, да... Ты хочешь жениться,—разсѣянно пробормоталъ баронъ Ансельмъ.—Въ сущности, мертвые должны были бы оставаться мертвыми.

Племянникъ, почуявшій въ этомъ загадочномъ отвѣтѣ нѣчто символическое, покраснѣлъ до корней волосъ и замѣтилъ, что это—только такъ пришло ему въ голову...

— Мало ли что приходитъ намъ въ голову,—замѣтилъ старый баронъ, снимая и протирая золотые очки;—впрочемъ, нечего тебѣ спрашивать у меня совѣта. Женись или не женись—все равно, будешь каяться.

— Итакъ, ты думаешь?..—спросилъ Клеменцъ неувѣреннымъ голосомъ.

— Ничего я не думаю, ровно ничего! Пожалуй, даже лучше будетъ, если родъ нашъ прекратится. Многіе ли дворянскіе роды могутъ похвалиться въ настоящее время чистотою крови? Мезальянсы, адюльтеръ... Горбатые графы и статные лакеи. Это напоминаетъ мнѣ придворный анекдотъ...

Клеменцъ кисло усмѣхнулся и спросилъ:

— Итакъ, ты полагаешь?..

— *Я* ровно ничего не полагаю! Пріятно, разумѣется, вырастить приличнаго сына и наслѣдника,—у насъ, Гартгеймовъ, рождаются преимущественно мальчики, хотя я вовсе не хочу этимъ сказать, что сынъ твой окажется геніемъ. Да будетъ тебѣ извѣстно, что ему нечего ждать отъ меня наслѣдства.

— Ты мнѣ, слѣдовательно, совѣтуешь...

— Ничего я тебѣ не совѣтую!—раздраженно прервалъ дядя:—хорошіе сыновья рождаются отъ хорошихъ матерей, а вотъ въ этомъ-то и загвоздка! Существо, которое болтаетъ, одѣвается и раздѣвается... послѣднее—слишкомъ часто! Ха! ха! Св. Августинъ задаетъ вопросъ: можно ли допустить женщинъ къ участію въ день воскресенія мертвыхъ? Благодаря ихъ языкамъ, эта торжественная минута можетъ затянуться до безконечности.

— Значитъ, ты...

— Ничего не значитъ! Разумѣется, ты не богатъ, и тебѣ не мѣшало бы поправить свои обстоятельства. Есть блондинки, которыми пренебрегать нельзя. Я въ молодости зналъ одну графиню съ волосами того оттѣнка biondo caldo, о которомъ, не видавъ его, толкуетъ всякій оселъ... Съ другой стороны—возьмешь бѣдную дѣвушку,—она превратится въ мотовку; женишься на богачкѣ—она усядется на своемъ золотомъ мѣшкѣ, подобно золотому тельцу. А неизбѣжные кузены, выкуривающіе твои сигары, пьющіе твое вино, занимающіе у тебя по воскресеньямъ деньги и платящіе за все это водруженіемъ на твоей головѣ того украшенія, которое бываетъ выносимо только потому, что оно имѣетъ вполнѣ астральный характеръ.

— Посовѣтуй мнѣ, по крайней мѣрѣ...

— Я воздержусь отъ всякаго совѣта. Все равно ты женишься. Не предостерегаю тебя отъ неравнаго брака: ты для этого слишкомъ гордъ. На свадьбу твою во всякомъ случаѣ не пріѣду. Je n'aime pas les exécutions en règle!

Докладъ объ ужинѣ—утонченномъ и обильномъ—положилъ конецъ бесѣдѣ. Бароны просидѣли за столомъ до поздней ночи, попивая чудный рейнвейнъ; но когда племянникъ отправился къ

себѣ домой съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, у него было такое ощущеніе, словно одна изъ величайшихъ радостей жизни была для него заранѣе отравлена.

II.

Нѣсколько недѣль спустя, барону Клеменцу пришло въ голову, что онъ еще не сдѣлалъ визита своему сосѣду по имѣнію, барону Роттенгофу. Онъ приказалъ осѣдлать гнѣдого и выѣхалъ со двора въ безпричинно-радостномъ настроеніи духа. Дорога шла среди зелено-золотистыхъ буковъ, мимо тихаго озера, въ глубинѣ котораго отражались бѣлыя облака. Когда съ холма передъ нимъ открылся Роттенгофъ, онъ замѣтилъ на мягкомъ, усѣянномъ цвѣтами лугу лежавшую на травѣ роскошную женскую фигуру, растянувшуюся во весь ростъ. Изъ-подъ полей старой соломенной шляпы лѣнивица искоса окинула его взглядомъ. Всадникъ вѣжливо поклонился пышной красавицѣ, но не удостоился отвѣтнаго поклона; когда же онъ оглянулся, то увидѣлъ, что она, быстро вскочивъ на ноги, побѣжала боковою тропинкой по направленію къ дому.

Гостю доложили, что хозяина нѣтъ дома, но баронесса сейчасъ выйдетъ. Его провели въ душную, богато и пестро обставленную гостиную, гдѣ, повидимому, былъ данъ полный просторъ фантазіи обойщика. Вдали слышались громкіе голоса, бѣготня, хлопанье дверей, и, наконецъ, изъ боковой двери выплыли павами двѣ дамы въ тяжелыхъ шолковыхъ платьяхъ: баронесса и ея дочь. Въ послѣдней баронъ не безъ удивленія призналъ видѣнную имъ на лугу небрежно одѣтую красавицу.

Баронесса Роттенгофъ была внѣ себя отъ восторга. Наконецъ-то она имѣетъ возможность привѣтствовать въ своемъ скромномъ домѣ ихъ уважаемаго сосѣда! Барышня протянула ему свою полную, въ ямочкахъ руку и изъ ея подернутыхъ поволокою бархатныхъ очей упалъ на него свѣтлый, полный благоволенія лучъ.

Баронъ узналъ изъ разговора, что отношенія его фамиліи къ баварской знати извѣстны здѣсь до мельчайшихъ подробностей; онъ самъ впервые услыхалъ о дорогихъ, давно уже погребенныхъ тетушкахъ, когда-то осчастливившихъ своею рукою капитана или генерала такого-то... Дочь оказалась не менѣе свѣдущей, чѣмъ мать, и порою между ними даже поднималось разногласіе по вопросу о томъ, дѣйствительно ли принцъ Максъ-Эммануилъ любилъ фрейлейнъ фонъ-Катценштегъ, приходившуюся по боковой линіи кузиною Гартгеймамъ? При этомъ мать многозначительно

подмигнула гостю, давая ему понять, что есть вещи, о которыхъ ея милая дѣвочка еще не можетъ имѣть понятія. Наряду съ вызванными ею тѣнями предковъ, баронъ ознакомился также со своими собственными совершенствами: онъ оказывался, по общему мнѣнію, лучшимъ охотникомъ, лучшимъ хозяиномъ, лучшимъ ѣздокомъ въ округѣ. Въ концѣ концовъ обладатель столькихъ благъ ощутилъ нѣкоторую неловкость; тутъ кстати ему припомнилось происхожденіе баронессы, урожденной Нидербекъ, дочери придворнаго кондитера: баронъ Роттенгофъ женился на пышной красавицѣ изъ-за ея свѣже-испеченнаго милліона, но его аристократическія наклонности не дозволяли ему жить круглый годъ въ помѣстьѣ.

Отрадная бесѣда была прервана собачьимъ лаемъ и стукомъ копытъ. Вскорѣ раздался звонъ шпоръ, и въ гостиную вошелъ новый гость: молодой баронъ Гессенсвертъ, довольно сухо раскланявшійся съ Гартгеймомъ и, очевидно, заподозрившій въ немъ соперника.

Зато баронесса сіяла вдвойнѣ; ея лѣвый глазъ улыбался старшему барону, правый—младшему; лицо ея дочери также сразу оживилось, и когда она улыбалась гостямъ, родимое пятнышко, сидѣвшее въ углу ея губъ, исчезало въ ямочкѣ. Дорогіе гости должны были остаться на ужинъ, за которымъ подавались любимыя кушанья такихъ-то королей и принцевъ и прекрасное вино, не имѣвшее исторіи. Столъ былъ украшенъ богатымъ серебромъ съ гербами фамиліи Роттенгофъ во всѣхъ видахъ.

Баронъ Клеменцъ порадовался концу ужина. Молодой Гессенсвертъ, вышедшій вмѣстѣ съ нимъ, былъ преисполненъ дружелюбія, такъ какъ наслѣдница подарила ему взглядъ и улыбку, не оставлявшіе и тѣни сомнѣнія. Она замѣтила, какъ коробило барона Клеменца отъ рѣчей ея матери, и рѣшила осчастливить своею рукою младшаго претендента, который къ тому же былъ очень красивъ.

— Вы должны побывать у насъ,—сказалъ на прощанье Гессенсвертъ,—мой старикъ, навѣрное, вамъ понравится.

Клеменцъ обѣщалъ и разстался съ нимъ съ чувствомъ облегченія. Онъ медленно ѣхалъ домой теплою благоуханной весенней ночью. У крыльца его тихаго дома его ожидалъ съ докладомъ старикъ Лука, съ довольною улыбкою поклонившійся барону.

Только черезъ мѣсяцъ онъ собрался къ Гессенсвертамъ, жившимъ по другую сторону озера. Въ чудное весеннее утро онъ остановился у маленькаго замка, золоченый шпиль котораго онъ часто видѣлъ изъ окна своей комнаты. Надъ воротами красо-

вался геральдическій звѣрь, стѣны были обвиты плющомъ, въ углу стѣны журчалъ ключъ, и вода струилась по каменному жолобу въ неглубокій бассейнъ. Передъ бассейномъ стояла маленькая, стройная блондинка въ темномъ платьѣ, съ чудными розами у пояса; она задумчиво пропускала струйки воды между пальцевъ, а сквозь вѣтви развѣсистой акаціи на лицо ея падали солнечные блики.

Замѣтивъ вошедшаго, она неспѣшно пошла къ нему навстрѣчу и спросила, что̀ ему угодно?

Онъ представился молодой баронессѣ и попросилъ стаканъ воды.

— Мои родители въ церкви,—сказала барышня, наливъ воды въ висѣвшую тутъ же на цѣпочкѣ жестяную кружку и подавая ее гостю. Когда баронъ напился, они оба нагнулись надъ бассейномъ, гдѣ въ зыбкомъ зеркалѣ воды отразились рядомъ ихъ головы.

— Отецъ будетъ очень радъ познакомиться съ вами,—сказала, наконецъ, барышня съ полу-улыбкою и слегка покраснѣвъ,—братъ мой много о васъ разсказывалъ. Онъ уѣхалъ въ Роттенгофъ.

Баронъ извинился за свое запоздалое посѣщеніе. Ему приходится много работать и многому учиться. Вскорѣ они разговорились о мѣстныхъ дѣлахъ и хозяйственныхъ интересахъ. Разговаривая, они прошли черезъ паркъ къ фруктовому саду, по серединѣ котораго находился цвѣтникъ съ великолѣпными розами. Отсюда открывался видъ на южное плоскогорье и далекую цѣпь горъ, окутанную голубоватымъ туманомъ.

„Она навѣрное старше, чѣмъ кажется на видъ“,—подумалъ баронъ, идя рядомъ со своей спутницей и прислушиваясь къ трезвону колоколовъ, возвѣщавшему близкое окончаніе богослуженія.

Наконецъ, въ тѣнистой аллеѣ послышались голоса и появился баронъ—маленькій, тщедушный сѣдой старикъ съ громаднымъ разбойничьимъ носомъ, подъ-руку съ женою, весьма симпатичною дамою въ сѣромъ шолковомъ платьѣ.

Гартгеймъ снова извинился за свой запоздалый визитъ, но тутъ хозяинъ дома замѣтилъ воздушный шаръ, благополучно несшійся по направленію къ сѣверу, и раздраженно погрозилъ въ его сторону кулакомъ.

— Видите, видите эту штуку?—воскликнулъ онъ гнѣвно.

Гартгеймъ, допускавшій существованіе такихъ вещей, замѣтилъ благодушно, что пожалуй мы всѣ будемъ скоро летать на воздушныхъ шарахъ, но маленькій старикъ сразу пришелъ въ ярость.

— Какъ? И вы изъ такихъ?—воскликнулъ онъ съ громовымъ хохотомъ:—неужели вы хотите въ конецъ испортить человѣчество?

Баронъ Клеменцъ покачалъ своею коротко остриженною головою въ знакъ того, что онъ вовсе не имѣетъ такого намѣренія.

— Человѣкъ долженъ стоять на твердой почвѣ,—продолжалъ кричать старикъ,—это дѣлаетъ его человѣкомъ. Ахъ, будь у меня власть, я бы отправилъ всѣхъ этихъ непосѣдъ, куда Макаръ телятъ гоняетъ...

— Задача воздухоплаванія почти разрѣшена,—замѣтилъ Гартгеймъ.

— Ха, ха! Разрѣшена? Недурно! Но я васъ спрашиваю: мало у насъ и безъ того несчастныхъ случаевъ? Успѣютъ ли хирурги справиться со всѣми переломами? Берете ли вы на себя отвѣтственность за всѣ будущія „кувырколлегіи“? Учредите ли вы здѣсь на озерѣ спасательную станцію? Увеличите ли число сиротскихъ домовъ?

Клеменцъ отвѣчалъ на каждый изъ вопросовъ отрицательнымъ движеніемъ головы, и рѣзкій голосъ старика принималъ все болѣе и болѣе торжествующій тонъ.

— Папочка, мама проситъ васъ къ завтраку,—сказала, возвращаясь, молодая барышня, бросивъ гостю долгій мерцающій взглядъ, которымъ она словно извинялась за рѣзкость отца.

Сладостное чувство охватило его.

„Она будетъ моею женою“,—подумалъ онъ:—„если только она этого захочетъ“,—добавилъ онъ съ легкимъ вздохомъ, и настроеніе его омрачилось.

— Если бы я былъ королемъ...—продолжалъ бушевать старый баронъ.

— Что бы ты сдѣлалъ тогда?—спросила дочь, лукаво улыбаясь ему.

— Вотъ что бы я сдѣлалъ!—отвѣтилъ онъ, наклонившись и цѣлуя насмѣшницу прямо въ губы.—А что у насъ къ завтраку?

— Рыба и цыплята.

За завтракомъ хозяинъ нѣсколько утихъ, хотя его взгляды на Бисмарка, папу, короля, собакъ, лошадей, танцовщицъ, маслобойни—существенно разнились отъ воззрѣнія гостя на тѣ же самые предметы.

Не взирая на это, все въ маленькомъ замкѣ дышало миромъ и привѣтливостью. У старыхъ слугъ были веселыя лица, на стѣнахъ галереи красовалось нѣсколько прекрасныхъ „маринъ“, привезенныхъ съ родины баронессою, уроженкою Голландіи. Въ

домѣ была библіотека, состоявшая преимущественно изъ книгъ XVIII-го столѣтія, въ красивыхъ переплетахъ.

Вечеромъ хозяинъ проводилъ его до пристани и взялъ съ него обѣщаніе вскорѣ побывать у нихъ. Во время переѣзда по озеру, въ которомъ отражались огни заката, барономъ овладѣла грусть. Онъ сталъ думать о своей „старости“, о своемъ одинокомъ домѣ, гдѣ никто не ждетъ его.

Лишь черезъ три недѣли, онъ снова собрался въ Гессенсвертъ,—зато на слѣдующій же послѣ этого посѣщенія день онъ написалъ барону, прося руки его дочери. Когда онъ отправилъ управляющаго съ письмомъ, ему показалось совершенно невозможнымъ, чтобы баронесса, о которой онъ думалъ за это время днемъ и ночью, приняла его предложеніе. Посланный вернулся поздно вечеромъ слегка подъ хмелькомъ и привезъ ему отвѣтное письмо барона, въ которомъ тотъ приглашалъ своего будущаго зятя на завтра въ Гессенсвертъ.

Въ сентябрѣ состоялось бракосочетаніе барона Клеменца-Гейнриха-Куно-Христіана ф. Гартгейма съ баронессою Анною-Елизаветою-Шарлоттою ф. Гессенсвертъ, а весною фрёйлейнъ фонъ-Роттенгофъ осчастливила своей полной ручкою молодого фонъ-Гессенсверта.

III.

Весною молодая баронесса Шарлотта произвела на свѣтъ слабенькаго мальчика, названнаго при крещеніи Ансельмомъ-Христіаномъ. У колыбели младенца уже завязался споръ о томъ, на кого онъ похожъ? Дѣдушка объявилъ, что онъ—вылитый Гессенсвертъ и похожъ, какъ двѣ капли воды, на его собственнаго дѣда, и счастливому отцу, которому не удавалось вставить ни словечка, пришлось выслушать въ десятый разъ повѣствованіе объ этомъ удивительномъ дворянинѣ.

Мѣсяца черезъ четыре, къ величайшему изумленію всего дома, изъ Нюрнберга прибылъ посмотрѣть на своего внучатнаго племянника и старый баронъ Ансельмъ. Онъ съ довольнымъ видомъ простоялъ нѣкоторое время у колыбели ребенка и заявилъ, что это—настоящій Гартгеймъ и притомъ изъ породы „толстыхъ“. Онъ уѣхалъ въ тотъ же вечеръ, но передъ отъѣздомъ вручилъ своей племянницѣ-баронессѣ футляръ, заключавшій въ себѣ дорогой старинный уборъ. Онъ желалъ выразить этимъ подаркомъ свою признательность молодой матери за продолженіе ихъ рода.

Узнавъ о такомъ заявленіи ненавистнаго ему, хотя и ни-

когда не видѣннаго имъ дяди, старый Гессенсвертъ пришелъ въ неописанный гнѣвъ; но въ виду того, что невѣстка подарила его вскорѣ несравненнымъ семимѣсячнымъ внукомъ, несомнѣннымъ Гессенсвертомъ, онъ успокоился и рѣшилъ, что Ансельмъ можетъ выйти въ кого хочетъ и даже потолстѣть, если желаетъ.

Тѣмъ не менѣе, будущность Ансельма служила предметомъ горячихъ споровъ. Разумѣется, изъ него долженъ выйти замѣчательный малый; онъ возьметъ быка за рога и совершитъ все, чего не удалось совершить его дѣду и отцу.

— Ужъ я сумѣю обломать его!—кричалъ дѣдъ, теребя свою остроконечную бороду.

— Позволь!.. — пробовалъ-было вступиться за свои попранныя права отецъ.

— Что позволить тебѣ? Избаловать его? Сдѣлать изъ него оболтуса, котораго сгубитъ танцовщица?

— Но онъ...

— Не полагаешь ли ты, что этого не случится? Или ты думаешь, что *твой* сынъ застрахованъ отъ подобныхъ случайностей?

— Я вовсе не утверждалъ...

— Еще бы ты вздумалъ утверждать! Къ счастью для мальчугана, у него есть дѣдъ, который сумѣетъ его воспитать, т.-е. вымуштровать какъ слѣдуетъ.

Но тутъ мальчикъ, испуганный громкими голосами, расплакался, и мать, выгнавъ спорщиковъ изъ комнаты, покрыла его поцѣлуями, нашептывая ему какія-то удивительныя слова, которыхъ онъ не понималъ, но радостно хлопалъ ручонками и тянулся къ ней. У нея былъ неистощимый запасъ пѣсенокъ и сказокъ, и порою баронъ, подкравшись на цыпочкахъ сзади, тихонько цѣловалъ жену въ ея блѣдно-золотистые волосы, сохранившіе блескъ молодости. Маленькая бѣлокурая баронесса была всѣми любима; она дружила съ крестьянами, нищенками, даже бродягами, которые, провѣдавъ со свойственнымъ имъ тонкимъ нюхомъ объ отсутствіи барона, частенько заглядывали къ ней за подаяніемъ. По воскресеньямъ, вмѣсто того, чтобы ѣздить въ гости или прогуливаться по полямъ, она любила сидѣть молчаливо, съ полузакрытыми глазами, у себя въ саду, любуясь цвѣтами на куртинахъ и мерцающею далью.

Баронъ, очень уважавшій англосаксовъ, выписалъ изъ Англіи множество книгъ о воспитаніи. Ребенокъ поздно началъ говорить, не буянилъ и совершенно не отвѣчалъ тѣмъ понятіямъ о мальчикѣ, которыя составилъ себѣ его отецъ, старавшійся всѣми

силами растормошить и закалить его: онъ самъ наблюдалъ за его холодными обтираніями, не позволялъ ему тепло одѣваться и во всякую погоду бралъ его съ собою въ поле.

Тѣмъ не менѣе, юный Ансельмъ проявлялъ по временамъ упрямство, котораго не могли преодолѣть ни строгость, ни доброта. Однажды онъ вернулся изъ фруктоваго сада съ заявленіемъ, что видѣлъ тамъ „Христосика“, и продолжалъ упорно стоять на своемъ, несмотря на возраженія матери, что Христосикъ бываетъ только на Рождество. Мать поставила его въ уголъ, но онъ и тамъ продолжалъ твердить о „Клистосикѣ“, а когда она взяла его, наконецъ, на колѣни, онъ плутовски закрылъ ей глаза ручонками и шепнулъ ей на ухо, что она — глупая. По этому случаю старикъ Гессенсвертъ усмотрѣлъ въ маленькомъ толстякѣ задатки лжи и не преминулъ поставить ему въ примѣръ своего внука Гейнца фонъ-Гессенсверта, никогда не лгавшаго и, очевидно, призваннаго къ прославленію добродѣтелей ихъ рода.

Когда Ансельму исполнилось пять лѣтъ, баронъ схватилъ на охотѣ сильную простуду; придерживаясь собственнаго метода леченія, онъ не обратился къ врачу, и простуда перешла въ острый суставный ревматизмъ, вызвавшій болѣзнь сердца. Черезъ двѣ недѣли его не стало, а черезъ полгода умеръ и старикъ Гессенсвертъ, совсѣмъ притихшій за послѣднее время.

Баронесса Шарлотта, не снимавшая съ тѣхъ поръ траурнаго платья, горько упрекала себя въ томъ, что не сумѣла уберечь своего мужа отъ болѣзни, и съ тѣмъ бо́льшимъ рвеніемъ принялась она охранять здоровье своего сына. Не рѣшаясь отдать его въ учебное заведеніе, она взяла къ нему домашняго учителя, доктора Блазіуса Нидермозера, жившаго въ Мюнхенѣ уроками и весьма нуждавшагося. Учитель былъ пожилой, худощавый холостякъ; онъ скоро понялъ, что́ отъ него требуется, и не угналъ ученика науками, занимаясь съ нимъ ровно настолько, сколько было нужно для сохраненія за собою мѣста. Барону, да еще обладателю порядочнаго состоянія, не къ чему быть геніемъ. Одно сердило его по временамъ, это — обнаруживаемая его ученикомъ весьма тонкая наблюдательность.

Въ пятнадцатилѣтнемъ возрастѣ, когда юнкеръ Ансельмъ былъ юношей съ красивыми голубыми глазами и круглыми розовыми щеками, баронесса однажды застала его у колодца краснымъ и смущеннымъ передъ дѣвушкою изъ молочной, мывшей свои кринки. Онъ игралъ цвѣткомъ мака и лукаво усмѣхался про себя, между тѣмъ какъ дѣвушка усердно занималась мытьемъ,

исподтишка бросая взгляды на молодого барина. Поглядѣвъ на эту нѣмую сцену, баронесса ушла къ себѣ и послала за Лукою, которому очень довѣряла.

На слѣдующій день юнкеру Ансельму было объявлено, что осенью они ѣдутъ въ Мюнхенъ, гдѣ онъ поступитъ въ гимназію. Гейнцъ фонъ-Гессенсвертъ уже поступилъ въ заведеніе для дворянскихъ дѣтей въ Пассау, и, такимъ образомъ, онъ исчезъ на нѣкоторое время съ горизонта своего кузена.

Въ Мюнхенѣ Гартгеймы зажили тѣснымъ кружкомъ. У нихъ бывали преимущественно зрѣлыя молодыя дѣвицы, не нашедшія себѣ мужей; имъ доставляло невинное удовольствіе—созерцать свой поблекшій идеалъ вновь расцвѣтшимъ въ лицѣ красиваго молодого человѣка. Ансельмъ возсѣдалъ подобно ручному пашѣ въ этомъ женскомъ кружкѣ, отдѣлявшемъ его отъ грубоватой товарищеской среды еще надежнѣе, чѣмъ его титулъ, который на школьной скамьѣ оказывался ни къ чему. Онъ могъ по цѣлымъ часамъ прислушиваться къ ихъ бесѣдѣ, вставляя изрѣдка замѣчанія, которымъ порою озабоченно внимала его мать, такъ какъ въ нихъ сказывалось явное недовольство жизнью. Но, къ счастью, онъ наслѣдовалъ блистательный аппетитъ отца, и лѣтомъ проводилъ цѣлые часы на озерѣ, лежа съ довольнымъ видомъ на днѣ лодки, а потому она приписывала эту горечь особенностямъ современнаго юношества. Дамы считали эту наклонность, обличавшую „тонко настроенную душу“, весьма соблазнительной, и въ нѣжномъ женскомъ кружкѣ молодой Гартгеймъ прослылъ „поэтической натурою“.

Однажды баронесса, разбираясь въ старыхъ вещахъ, открыла сундучокъ, въ которомъ хранились всѣ ея бальные башмачки, и Ансельмъ, импровизируя по поводу каждой ихъ пары цѣлую исторію, заставилъ баронессу отъ души разсмѣяться.

Услышавъ объ этомъ, дядя-сочинитель, пристрастившійся за послѣднее время къ коллекціонерству, пробормоталъ, что изъ него выйдетъ толкъ.

Въ сущности, жизненный путь Ансельма былъ ясно намѣченъ: ему предстояло поступить на два года въ университетъ, отслужить свой срокъ въ тяжелой кавалеріи, затѣмъ провести годъ въ имѣніи князя Эллингена для практическихъ занятій по сельскому хозяйству и, наконецъ, вступить въ управленіе отцовскимъ имѣніемъ. Впрочемъ, для военной службы онъ былъ признанъ непригоднымъ, вслѣдствіе крайней своей близорукости. Въ двадцать лѣтъ онъ былъ красивымъ, розовымъ юношей съ бѣлокурыми, завивавшимися кверху усиками, всегда безукоризненно

одѣтымъ въ англійскіе костюмы. Къ двадцати-четыремъ годамъ онъ уже выполнилъ вступительную задачу своей жизни и окончилъ сельско-хозяйственные курсы. Къ этому времени появился на сценѣ и кузенъ Гейнцъ, учившійся въ Вюрцбургѣ и возымѣвшій намѣреніе пройти въ возможно скоромъ времени всю бюрократическую лѣстницу, ведущую къ креслу перваго министра. Онъ былъ головою выше Ансельма, и шрамы, слѣды многочисленныхъ дуэлей, испещряли его лицо, украшенное остроконечною бородкою. Гейнцъ только покачалъ головою, услышавъ о жизненныхъ планахъ Ансельма, и счелъ родственнымъ долгомъ „просвѣтить“ образцоваго юношу, введя его въ кругъ своихъ веселыхъ товарищей, которымъ наивность новичка доставила много веселыхъ минутъ.

Ансельмъ замѣтилъ съ удивленіемъ, что всѣ эти молодые люди являлись своего рода Янусами. Въ обществѣ они благоговѣйно преклонялись передъ дамами своего круга, а въ интимной компаніи, не стѣсняясь, говорили о женщинахъ, представлявшихъ для Ансельма запретный плодъ. Гейнцъ не скрывалъ своихъ любовныхъ похожденій; онъ оказывался порою въ настоящихъ тискахъ: двѣ графини, буквально, умирали отъ любви къ нему; не лучше обстояло и съ баронессами; что же касается до „мѣщаночекъ“—онѣ прямо вѣшались ему на шею десятками.

Передъ взорами Ансельма открывался полный наслажденія, смѣющійся какъ женскія уста и пѣнящійся какъ шампанское, новый, невиданный міръ. Одно удивляло его: послѣ каждаго новаго своего подвига въ роли Донъ-Жуана, Гейнцъ постоянно дѣлалъ у него основательные займы, и Ансельмъ спрашивалъ себя: неужели любовь къ графинямъ такъ дорого стоитъ? Самъ онъ, въ ожиданіи великаго, приготовленнаго ему судьбою, счастья, ограничивался мечтаніями, и когда онъ проходилъ по улицамъ Мюнхена, ему грезились порою звуки гитары и взгляды, сверкающіе, какъ лезвіе кинжала, изъ-подъ кружевной мантильи.

Московский Совет Красно-Пресн. р. Библиотека имени Н. Э. Сурикова.

IV.

Однажды Ансельмъ, вернувшись вечеромъ домой въ этомъ возбужденномъ состояніи, нашелъ въ гостиной своей матери двухъ незнакомыхъ ему дамъ: пожилую и молодую. У послѣдней, бывшей на полъ-головы выше его ростомъ, онъ замѣтилъ чудные темносиніе глаза, греческій носикъ, пурпуровыя губки, и когда она говорила, ея мечтательный взоръ словно тонулъ въ его взорѣ.

Фрау Брунталеръ, мать стройной красавицы, была въ восторгѣ отъ знакомства съ молодымъ барономъ, а баронесса попросила сына показать фрейлейнъ Германѣ портретъ Маріи-Антуанеты въ одномъ изъ рѣдкихъ старинныхъ изданій.

Молодые люди прошли въ сосѣднюю комнату, гдѣ Ансельмъ досталъ изъ рѣзного шкапчика книгу въ роскошномъ красномъ переплетѣ, и Германа, приставивъ лорнетъ къ глазамъ, погрузилась въ созерцаніе портрета низвергнутой королевы. Ансельмъ, чувствуя легкое смущеніе, стоялъ позади нея; легкомысленныя теоріи Гейнца не могли имѣть никакого отношенія къ этому прекрасному существу, благородныя черты котораго были подернуты облакомъ грусти. Онъ заговорилъ о портретѣ королевы; она благоговѣйно слушала его, и лишь игра ея блестящихъ глазъ оживляла ея лицо.

— Этотъ костюмъ не пошелъ бы ко мнѣ,—произнесла она звучнымъ контральто.

Ансельмъ не осмѣлился ей сказать, что къ ней пошелъ бы костюмъ греческой музы, и хотѣлъ снова показывать ей гравюры, но она дала другое направленіе разговору, замѣтивъ, что много слышала о немъ отъ своей пріятельницы, m-lle Балло.

Упоминаніе объ этой ядовитѣйшей старой дѣвѣ вызвало у Ансельма легкую улыбку.

— Бѣдняжка,—сказала Германа, подмѣтивъ эту улыбку,—она три раза была помолвлена, и три раза женихи отказывались.

— Вполнѣ понимаю ихъ,—улыбнулся Ансельмъ.

Но Германа вернулась къ прежнему серьезному тону.

— Есть души, обреченныя на страданія. Не всѣмъ легко живется въ мірѣ...

— Я, право, не знаю, что̀ такое жизнь?—отвѣтилъ Ансельмъ, между тѣмъ какъ Германа, слегка вздохнувъ, спросила его голосомъ, звучавшимъ какъ музыка: почему онъ не сдѣлался офицеромъ? Ея вопросъ задѣлъ его больную струну, и онъ горячо заговорилъ, стараясь указать собесѣдницѣ на мрачныя стороны военной профессіи, а бредившая шпорами и эполетами Германа слушала его и казалась убѣжденною. Въ разговорѣ выяснилось, что она знаетъ многихъ кавалеристовъ, среди которыхъ имѣются и поэты, какъ напримѣръ: графъ Горнбонъ, дарящій міру свои драматическія бездѣлки, и графъ фонъ-Боданъ, взростившій въ своемъ саду „Черныя лиліи“.

По уходѣ дамъ, Ансельмъ поспѣшилъ въ свою комнату, съ тѣмъ, чтобы сохранить въ неприкосновенности произведенное на него Германою впечатлѣніе.

Дамы также остались довольны пріемомъ Гартгеймовъ, слывшихъ очень „исключительными“. Мать Германы, бывшая родомъ изъ мелкопомѣстной знати, вышла замужъ, будучи уже старою дѣвой, за богатаго торговца дровами, Брунталера. Теперь, овдовѣвъ, она стремилась къ тому, чтобы ввести свою Герману въ утраченный ею самою аристократическій рай. Онѣ знали всѣхъ неженатыхъ молодыхъ людей въ окрестныхъ городахъ и помѣстьяхъ, и въ числѣ возможныхъ кандидатовъ находился и молодой Гартгеймъ.

Три дня спустя, когда Ансельмъ, слушавшій въ придворномъ оперномъ театрѣ „Гибель боговъ“, поднимался въ антрактѣ на лѣстницу фойе, онъ услышалъ знакомый голосъ и, поднявъ глаза, узналъ Герману, шедшую съ двумя молодыми офицерами. Лицо ея сіяло вызывающею веселостью, не понравившеюся Ансельму; но, проходя мимо, она опустила на свои черты покровъ изящной грусти. Онъ встрѣтилъ ее въ слѣдующемъ антрактѣ и убѣдился, что она была прежнею величаво-задумчивою Германою, спросившею его голосомъ сирены: будетъ ли онъ на базарѣ?

Ансельмъ, не знавшій ни о какомъ базарѣ, впервые услышалъ, что въ мастерской великосвѣтскаго живописца, графа Берлегема, устраивается въ пользу военнаго благотворительнаго учрежденія базаръ, въ которомъ приметъ участіе исключительно мѣстная знать.

— Разумѣется, я буду, если вы будете,—сказалъ Гартгеймъ.

— Я еще не дала слова,—холодно отвѣтила Германа, умолчавъ о томъ, что матери ея пришлось побывать въ десяти домахъ для того, чтобы Герману пригласили продавщицею. Ея желаніе разливать шампанское возмутило всѣхъ благородныхъ дамъ, и ей едва разрѣшили продавать въ углу мастерской молоко. Ее не хотѣли также допустить къ участію въ древне-итальянскихъ танцахъ, которые должны были исполнить двадцать-четыре молодыхъ дѣвушки изъ высшаго общества. Но графъ Берлегемъ, понимавшій толкъ въ красотѣ, отстоялъ Герману, а та въ свою очередь обѣщала себѣ затмить всѣхъ этихъ гусынь однимъ своимъ появленіемъ.

Вокругъ громаднаго ателье шла галерея, откуда Ансельмъ смотрѣлъ на танцы. Когда въ шумный залъ вошли дѣвушки въ пурпурныхъ одеждахъ и оркестръ заигралъ жизнерадостный старинный итальянскій танецъ, ему показалось, что передъ нимъ открывается волшебный міръ. Взоры его были прикованы къ стройной фигурѣ дѣвушки съ благороднымъ челомъ, увѣнчаннымъ пурпуровыми розами. Въ тактъ музыкѣ, звучавшей отго-

лоскомъ далекихъ временъ, медленно и ритмично двигались женскія фигуры, и среди нихъ Гермина сіяла ему, какъ яркій огонекъ. Когда же танецъ перешелъ въ болѣе быстрый тэмпъ и онѣ закружились словно окрыленныя, Ансельмъ съ восторгомъ сказалъ себѣ: „она похожа на вакханку, которую удерживаетъ въ границахъ благородство ея души“.

Мелодія танца продолжала звучать въ его сердцѣ, но лишь черезъ часъ онъ рѣшился отыскать Гермину, чтобы поблагодарить ее молчаливымъ рукопожатіемъ за доставленное ему блаженство, и тутъ же онъ принялъ рѣшеніе—сообщить матери, что онъ не женится ни на комъ, кромѣ фрейлейнъ Брунталеръ.

Онъ нашелъ Гермину, холодно поздоровавшуюся съ нимъ, въ очень дурномъ настроеніи и въ обществѣ нѣсколькихъ старичковъ, съ отвращеніемъ потягивавшихъ молоко и принужденно разсмѣявшихся, когда старый шутъ—графъ Шпёкъ фонъ-Кантценъ вздумалъ пошутить, что у нихъ на губахъ молоко не обсохло. Понадѣявшись на свою красоту, Гермина поклялась, что у нея будетъ самая высокая выручка, и при взглядѣ на блюдо ею овладѣла безсильная ярость, еще болѣе усиливавшаяся отъ веселаго смѣха ея сосѣдокъ, торговавшихъ шампанскимъ. По временамъ онѣ злорадно освѣдомлялись о томъ, какъ идетъ ея торговля? Гермина не понимала, почему золотая молодежь словно избѣгаетъ ее сегодня; ей казалось, что тутъ долженъ быть какой-то заговоръ. Однако, въ ея уголкѣ становилось оживленнѣе—къ тайной досадѣ Ансельма, принимавшаго изъ ея ручекъ уже шестой стаканъ молока. Стали появляться какіе-то лейтенанты съ бокалами шампанскаго въ рукѣ, и кружокъ вокругъ Германы все увеличивался, хотя она сама становилась все мрачнѣе по мѣрѣ того, какъ базаръ дѣлался шумнѣе и оживленнѣе. Кому-то пришло на мысль пустить непроданный товаръ съ аукціона, и тогда въ залахъ поднялся неслыханный шумъ и гвалтъ. Подпившій лейтенантъ разсказалъ въ молочной, что „законодательница модъ“, графиня Лемпооль, не прочь продать съ молотка пару поцѣлуевъ въ пользу бѣдныхъ. Едва успѣлъ онъ договорить, какъ раздался рѣзкій голосъ графа Шпёка:—Сто марокъ за поцѣлуй фрейлейнъ Германы Брунталеръ! Кто больше?

Блѣдность покрыла лицо Ансельма, и глаза его со страхомъ обратились къ предмету его страсти, чтобы увидать, какъ отнесется Гермина къ подобной дерзости. Но она стояла съ вызывающимъ видомъ передъ собравшеюся вокругъ нея толпою; глаза ея съ ненавистью глядѣли на двухъ пересмѣивавшихся между собою высокопоставленныхъ дамъ.

— Сто-десять! И я! И я! И одинъ пфеннигъ!—раздались гогочущіе мужскіе голоса.

— Не дозволяйте этого!—молилъ Ансельмъ, подошедшій къ ней совсѣмъ близко.

— Четыреста марокъ и девяносто-девять... И одинъ пфенигъ... И полъ...

— Не дозволяйте этого!—повторилъ Гартгеймъ.

— Это—для бѣдныхъ!—отвѣтила она, не глядя на него, непривычно жесткимъ тономъ, и онъ съ заглушеннымъ рыданіемъ протискался сквозь толпу, чтобы не видѣть конца этой комедіи.

— Экъ ихъ разбираетъ!—замѣтилъ Гейнцъ, любезничавшій съ какою-то блондинкой.

— Боже мой! Вѣдь это—только поцѣлуй! — проговорилъ Ансельмъ, между тѣмъ какъ глаза его наполнялись слезами и губы сами собою стискивались отъ непонятнаго гнѣва.

Онъ отправился съ Гейнцемъ въ ресторанъ и въ первый разъ въ жизни напился.

Проданный поцѣлуй послужилъ въ городѣ, гдѣ поцѣлуи вообще недороги, много толковъ, но Ансельмъ теперь уже зналъ, чего можно ожидать отъ дамъ изъ общества, и потому онъ тѣснѣе сблизился съ Гейнцемъ, который оказывался правъ. Онъ сыпалъ смѣлыми парадоксами и однажды заявилъ матери, что весь ихъ кругъ—не люди, но обезьяны. Но такъ какъ онъ попрежнему былъ почтителенъ и даже застѣнчивъ съ молодыми барышнями, она не придала особаго значенія его рѣзкимъ отзывамъ.

У кузена Гейнца, ликвидировавшаго тѣмъ временемъ свои остальныя любовныя дѣла, завелся какой-то исключительный романъ, требовавшій большихъ расходовъ „на цвѣты“, и теперь Ансельмъ уже не удивлялся его тратамъ. Въ доказательство своего счастья кузенъ Гейнцъ зачастую показывалъ цвѣтныя раздушенныя записочки, но онъ давалъ лишь понюхать ихъ, ни разу не сообщая Ансельму ихъ содержанія. Однажды у него выпала изъ кармана карточка какой-то г-жи Димифль въ Гогенцоллернской улицѣ, предлагавшей къ услугамъ желающихъ роскошно меблированныя комнаты. Гейнцъ небрежно разорвалъ ее и бросилъ, но въ сердце Ансельма, особенно съ наступленіемъ теплыхъ весеннихъ дней, начала закрадываться зависть къ счастью кузена, покуда наконецъ въ немъ не созрѣло рѣшеніе.

Въ іюлѣ онъ заявилъ матери, что желаетъ предпринять поѣздку въ горы, гдѣ будутъ ждать его товарищи. Баронесса, вспомнившая сейчасъ же всѣ прошлогодніе обвалы, поблѣднѣла

отъ ужаса и попробовала отговорить его, но Ансельмъ вдругъ обнаружилъ такое знакомство съ альпійскою природою и желаніе насладиться ея красотами, что баронесса сочла за лучшее уступить этому мужскому капризу. Она взяла съ Ансельма честное слово, что онъ не станетъ подниматься на вершины, карабкаться по скаламъ, пить снѣговой воды и черезъ восемь дней вернется въ имѣніе, куда она намѣревалась къ тому времени переѣхать.

Ансельмъ не позволилъ ей провожать его. Онъ выѣхалъ съ первымъ утреннимъ поѣздомъ и, вернувшись со слѣдующимъ обратнымъ со станціи Пазингъ, проѣхалъ прямо къ фрау Димифль, у которой нанялъ комнату въ третьемъ этажѣ громаднаго дома.

V.

Онъ былъ свободенъ, но счастье любви, романическія приключенія, которыхъ онъ жаждалъ, заставляли себя ждать, и покуда мать его оставалась въ Мюнхенѣ, онъ, не зная, что̀ дѣлать въ жару, — лежалъ по цѣлымъ часамъ, полуодѣтый, на старой софѣ, которая, вмѣстѣ съ умывальнымъ столомъ, нѣсколькими креслами и шкафомъ, составляла всю меблировку его комнаты.

Хозяйка роскошныхъ квартиръ не знала, что̀ ей думать о свалившемся съ неба жильцѣ. Его добродушное розовое лицо, изысканный костюмъ и скудный багажъ—какъ-то не вязались между собою: можетъ быть онъ—и настоящій баронъ, а можетъ быть—какая-нибудь голь перекатная. Въ концѣ концовъ она порѣшила, что, вѣрно, у него есть гдѣ-нибудь зазноба, и попробовала разспросить его на этотъ счетъ, но ея приставанія раздражили Ансельма. Неужели она не видитъ, что онъ—человѣкъ совсѣмъ другой породы? Спускаясь по лѣстницѣ, онъ встрѣтилъ молодую даму, передъ которой почтительно раскланялся, пропустивъ ее мимо себя: это была пышная черноглазая красавица въ черномъ шолковомъ платьѣ, благоухавшая фіалками. Она вынула изъ кармана ключъ и вложила его въ замокъ двери, причемъ Ансельмъ задалъ себѣ вопросъ: какое отношеніе можетъ она имѣть къ этому дому?

Вернувшись съ прогулки по парку, онъ услышалъ въ комнатѣ хозяйки звонкій женскій голосъ, и, поправивъ галстухъ, рѣшился войти, чтобы попросить стаканъ воды: прогулка возбудила въ немъ сильную жажду.

Въ темноватой комнатѣ сидѣла за семейнымъ столомъ пре-

лестная незнакомка, которую ему сейчасъ же отрекомендовали, какъ дѣвицу Аманду Геммлеръ, давнишнюю жилицу.

Покуда фрау Димифль ходила на кухню за водою, Аманда, дружелюбно оглядѣвъ юношескую фигуру почтительно стоявшаго передъ нею барона, замѣтила, что на дворѣ очень жарко.

Отрицать этого Ансельмъ не могъ, и, въ виду ихъ соглашенія по этому вопросу, онъ присѣлъ у стола. Несмотря на жару, собесѣдница его была въ тяжеломъ шолковомъ платьѣ, а на ея высокой груди опускалась и поднималась золотая брошка въ видѣ корабля съ голубымъ эмалевымъ парусомъ и якоремъ. У нея были полныя красныя губы; вьющіеся волосы низко лежали на лбу, полузакрывая хорошенькія уши, а въ пухлыхъ, украшенныхъ сомнительными кольцами, рукахъ она вертѣла розовый бутонъ, и всѣ ея движенія были исполнены дѣвической скромности.

— Какая у васъ замѣчательная брошка! — замѣтилъ онъ, когда тема о погодѣ оказалась всесторонне использованной.

Аманда отцѣпила брошку и подала ее молодому барону для обозрѣнія. Ансельмъ, внимательно повертѣвъ ее во всѣ стороны, прочелъ начертанное на парусѣ мелкими золотыми буквами слово: Fidelitas.

На прощаніе она такъ крѣпко пожала ему руку, что онъ покраснѣлъ.

Взволнованный этимъ началомъ романа, Ансельмъ почувствовалъ необходимость освѣжиться, и снова отправился бродить по улицамъ. Около десяти часовъ вечера, онъ, подходя къ дому, увидѣлъ двоихъ парней, приставшихъ къ какой-то дѣвушкѣ, шляпка которой лежала на мостовой.

Вспомнивъ, что въ жилахъ его течетъ кровь крестоносцевъ, Ансельмъ кинулся на парней, тотчасъ же выпустившихъ дѣвушку и мѣрившихъ его ядовитыми взглядами.

— Не безпокойтесь, сударыня, вы имѣете дѣло съ джентльменомъ,—обратился онъ къ пострадавшей, приводившей въ порядокъ растрепанныя перья на шляпѣ.

Но тутъ парни, обмѣнявшись взглядами, кинулись на него и принялись его колотить, между тѣмъ какъ дама, на защиту которой онъ ополчился, громко хохотала, стоя у фонаря. Ансельмъ храбро отбивался, но, прежде чѣмъ онъ пришелъ въ себя, нападающіе скрылись вмѣстѣ съ обиженною, и ихъ гоготанье доносилось уже издали. На улицѣ все было тихо, ни одно окно не отворилось, блюстители порядка отсутствовали; наконецъ показался заспанный полицейскій, который, выслушавъ разсказъ,

благодушно посовѣтовалъ г-ну барону „не связываться съ подобной шушерой“ и, ухмыляясь, пожелалъ ему доброй ночи. Когда пристыженный Ансельмъ поднялся къ себѣ, онъ съ грустью обнаружилъ отсутствіе дорогихъ карманныхъ часовъ—памяти отца,—исчезнувшихъ во время схватки.

Пока онъ, взволнованный, передавалъ на слѣдующій день хозяйкѣ подробности ночного происшествія, въ комнату случайно вошла Аманда; глаза ея такъ весело смѣялись во время разсказа о подвигѣ барона, что онъ ощутилъ глубокое смущеніе.

— Да, бываютъ на свѣтѣ злые люди, и съ каждымъ днемъ они все больше сатанѣютъ,—сказала фрау Димифль, уже облеченная въ свое воскресное платье и золотой уборъ.—Мы отправляемся въ Нимфенбургъ. И вы съ нами, фрейлейнъ Аманда? Можетъ быть, и г-нъ баронъ пожелаетъ прогуляться съ нами, если мы—не слишкомъ плохая для него компанія? Прогулка не повредитъ г-ну барону.

— Если вы минуточку подождете, я одѣнусь,—сказала Аманда съ легкимъ вздохомъ.

Мысль, что его могутъ увидать въ подобномъ обществѣ—возбудила въ немъ чисто мужской задоръ: и пускай себѣ видятъ! Хозяйка воспользовалась отсутствіемъ жилицы, чтобы сообщить о ней нѣсколько подробностей: она — дочь штабъ-офицера, чуть-ли не генерала, и къ довершенію несчастій—все лѣто безъ мѣста... Дальнѣйшее повѣствованіе было прервано появленіемъ Аманды, и послѣ того какъ всѣмъ юнымъ Димифлямъ утерли носы,—общество двинулось въ путь. Розовый шолковый зонтикъ придавалъ нѣжно-алый оттѣнокъ щекамъ Аманды, а на ея душистыхъ вьющихся волосахъ помѣщался подъ видомъ шляпы цѣлый райскій садъ. Ансельмъ, идя рядомъ съ нею, чувствовалъ легкое волненіе. Въ Нимфенбургѣ онъ сейчасъ же взялъ всѣмъ билеты для осмотра замка въ стилѣ рококо. Проходя по свѣтлымъ заламъ Амаліенбурга, Аманда почти благоговѣйно слушала разсказы Ансельма о жившихъ и любившихъ тамъ людяхъ, изрѣдка вставляя робкое замѣчаніе.

Уже при осмотрѣ перваго замка фрау Димифль ощутила сильную жажду, и она охотно водворилась бы въ тѣни садика у пивной вмѣстѣ со своимъ потомствомъ, но такъ какъ г-нъ баронъ еще не чувствовалъ къ этому склонности, она рѣшила обойти бѣглымъ шагомъ паркъ. Скоро голоса дѣтей смолкли въ золотистомъ сумракѣ парка, и Ансельмъ съ Амандою остались одни. Ихъ охватила глубочайшая лѣтняя тишина. Въ вѣтвяхъ заливалась птица, отъ жаркаго дуновенія лѣта задумчиво тре-

петали листы столѣтнихъ деревьевъ, пронизанные свѣтлыми лучами. Слѣва протекалъ лѣсной ручей, издали слышалось журчаніе фонтана.

— Здѣсь я бывала еще маленькой дѣвочкой,—сказала Аманда, нюхая поднесенный ей Ансельмомъ букетикъ.

— Разскажите мнѣ что-нибудь изъ вашего дѣтства... Незачѣмъ намъ догонять ихъ. Не все ли равно: пойдемъ или не пойдемъ мы къ озеру? Оно не убѣжитъ. А здѣсь такъ чудесно!

И онъ рѣшительно сѣлъ на скамью въ тѣни развѣсистой липы. Послѣ нѣкотораго колебанія, Аманда послѣдовала его примѣру.

Она снова вздохнула и, опустивъ голову, заговорила какимъ-то суровымъ тономъ. Здѣсь, въ Нимфенбургѣ, она провела лучшіе часы своего дѣтства; тутъ мать ея бывала ласкова съ нею и съ сестрами; она покупала имъ пирожное и позволяла бѣгать. Въ другое время имъ не легко жилось.

Верхняя часть ея красиваго лица была не видна Ансельму, а въ углахъ рта залегло жесткое, почти враждебное выраженіе, и Ансельмъ наряду съ состраданіемъ ощущалъ жгучее чувство блаженства.

Вдругъ Аманда вскочила съ мѣста и почти побѣжала по аллеѣ, образовавшей тѣнистый сводъ, въ концѣ котораго мерцала голубая сіяющая даль. Когда она вернулась назадъ, глаза ея горѣли, въ нихъ словно переливались искры, она казалась совсѣмъ другимъ существомъ.

— Многихъ женщинъ вы уже обманули?—спросила она задорно.

Ансельмъ покраснѣлъ и принялся съ радостнымъ усердіемъ увѣрять ее въ своей невинности.

— Такъ я и повѣрила!—возразила она, смѣясь:—всѣ мужчины—обманщики. Намъ, бѣднымъ дѣвушкамъ, слѣдовало бы остерегаться ихъ. Когда я вижу хорошенькаго маленькаго мальчика, я всегда говорю себѣ:—И изъ него выйдетъ безсердечный негодяй!

Они остановились на мосту. Позади мягко струился ручей, передъ ними сверкала гладь озера, по срединѣ котораго возвышался бѣлый мраморный храмъ—настоящая мечта изъ страны боговъ. Въ глубинѣ озера отражались бѣлыя облака, въ знойномъ воздухѣ рѣяли стрекозы.

— Да, любовь—дѣло серьезное, — сказала Аманда, словно пробуждаясь отъ сна.

Кругомъ не было ни души, и Ансельмъ отважился взять

руку Аманды; она съ секунду искоса смотрѣла на него, затѣмъ вдругъ нагнулась и поцѣловала его въ губы.

— А теперь намъ надо идти,—сказала она серьезно.

Она быстро пошла впередъ; онъ слѣдовалъ за нею, опьяненный, съ цѣлою бурею кружащихся мыслей въ мозгу, сознавая, что онъ долженъ былъ бы удержать ее. Но на боковой аллеѣ имъ встрѣтилась цѣлая толпа гуляющихъ; такимъ образомъ, соединенные тайною, образовавшею между ними невидимую нить, они дошли до площадки, гдѣ передъ лицомъ мраморныхъ боговъ кучка людей смотрѣла на кормленіе плававшихъ въ прудѣ лебедей, вытягивавшихъ бѣлыя шеи. Въ воздухѣ чувствовалась свѣжесть отъ фонтана; въ звонкихъ дѣтскихъ голосахъ била ключомъ радость жизни. Удовольствію Димифлей не было границъ, когда Ансельмъ заявилъ, что сегодня они—его гости. Аманда молча сидѣла рядомъ съ Ансельмомъ, на губахъ котораго еще горѣлъ ея поцѣлуй. Жесткая черта въ углахъ ея рта стала еще замѣтнѣе, но Ансельмъ сіялъ и разсказывалъ забавныя исторіи.

Они пріѣхали домой поздно вечеромъ, когда небо уже было усѣяно звѣздами.

— Я никогда не забуду этого дня,—сказала Аманда Ансельму, протягивая ему на прощанье руку, которую онъ крѣпко сжалъ въ своей, отуманенный всѣмъ пережитымъ и ея близостью; но она со вздохомъ вырвала у него руку и убѣжала къ себѣ въ комнату, тихо затворивъ за собою дверь. Онъ остался на мѣстѣ, не зная, идти ему за нею или нѣтъ, какъ вдругъ онъ услышалъ легкій крикъ и вслѣдъ затѣмъ—хриплый мужской голосъ:

— Ты... ты что же это? Съ кѣмъ ты ходила? Горвицъ видѣлъ тебя...

— Прошу тебя, пусти меня, Гейнцъ, прошу тебя...

Вдругъ голоса смолкли. Въ дверяхъ стоялъ Ансельмъ и безмолвно смотрѣлъ на кузена Гейнца, схватившаго Аманду за кисть руки и занесшаго надъ нею руку для удара. Но прежде, чѣмъ они оба успѣли опомниться, онъ уже исчезъ.

Ансельмъ, съ горящимъ отъ стыда лицомъ, опрометью сбѣжалъ по лѣстницѣ, унося съ собою образъ только-что видѣнной имъ пары. Вотъ каковы графини, для которыхъ кузенъ его разоряется на цвѣты! Вотъ каково то блаженство, въ описаніяхъ котораго онъ такъ неистощимъ!

Не сознавая, что онъ дѣлаетъ, Ансельмъ, пугая своимъ появленіемъ пріютившіяся на скамьяхъ нѣжныя парочки, все дальше углублялся въ англійскій паркъ, гдѣ уже царила полная тьма. Наконецъ, потерявъ дорогу, онъ остановился и тутъ же

принялъ рѣшеніе вернуться въ городъ и переночевать въ гостинницѣ: онъ не желалъ возвращаться въ этотъ домъ. Онъ уже подходилъ къ мосту, когда позади него раздались шаги. Ансельмъ пріостановился, и шаги также стихли,—но какъ только онъ снова двинулся впередъ, они гулко раздались въ тишинѣ.

Мурашки пробѣжали у него по кожѣ; въ эту минуту мимо него прошла мужская фигура, и, порадовавшись близости человѣка, онъ громко и дружелюбно проговорилъ:

— Добрый вечеръ!

Фигура остановилась, и хриплый голосъ отвѣтилъ изъ темноты:

— А который часъ, сосѣдъ?

— У меня украли часы,—вѣжливо сказалъ Ансельмъ.

Человѣкъ разсмѣялся и отвѣтилъ, что въ такихъ мѣстахъ часовъ не крадутъ, и прежде чѣмъ Ансельмъ успѣлъ отвѣтить, онъ схватилъ его грязною рукою за горло. Бѣшенство ударило Ансельму въ голову; онъ яростно отбивался и дрался, но вдругъ онъ почувствовалъ какой-то толчокъ въ грудь, отъ котораго онъ пошатнулся и потерялъ сознаніе.

VI.

Когда онъ пришелъ въ себя, ему послышались словно издалека—два голоса: свѣтлый и темный. У Ансельма было такое ощущеніе, словно самъ онъ плаваетъ въ сіяніи; налѣво было открыто окно, и изъ него виднѣлся—весь въ цвѣту—громадный кустъ розъ. Затѣмъ снова все закружилось передъ нимъ, и лишь черезъ нѣкоторое время голоса опять достигли до его слуха.

— Такъ, значитъ, вы нашли его на мосту? Во-время вы поспѣли! Какимъ образомъ дотащили вы его сюда?

— Я принесла его.

— Чортъ побери! Не всѣ молодыя дамы на это способны. Если онъ выживетъ, то будетъ обязанъ этимъ вамъ.

— Значитъ, ударъ не смертеленъ?

— Надѣюсь, что нѣтъ. Бѣдняга нуждается въ уходѣ и спокойствіи.

Раненый зашевелился.

— Лежите смирно! — сказала высокая дѣвушка, стоявшая рядомъ съ бритымъ господиномъ.—Мы знаемъ: кто вы.

— Меня ударили ножемъ,—сказалъ онъ слабымъ голосомъ.

— Если у васъ есть родители, мы дадимъ имъ знать.

— Я—въ горахъ.

Врачъ и дѣвушка переглянулись.

— Мама думаетъ, что я въ горахъ. Не пишите ей.—И глаза Ансельма закрылись.

Черезъ нѣсколько времени въ комнату снова вошла стройная фигура и усѣлась у окна. Комната находилась въ нижнемъ этажѣ, дверь выходила въ садъ, стѣны были выкрашены бѣлою краскою, и отъ нихъ словно пахло сушеными розами.

— Гдѣ я?—спросилъ онъ наконецъ.

— Тамъ, гдѣ о васъ позаботятся, но вы не должны говорить,—отвѣтила она, взглянувъ въ его сторону.

Онъ замолчалъ, но принялся разсматривать ее. Она была высока и очень стройна, и масса чудныхъ бѣлокурыхъ, высокозачесанныхъ волосъ, казалось, отягощала собою ея наклоненную надъ шитьемъ голову. Черты лица были правильны, но словно застыли въ выраженіи какой-то странной суровости, и глаза глядѣли на Божій міръ почти мрачно; впрочемъ, при взглядѣ на раненаго, они смягчались. Черезъ нѣсколько времени она встала и поспѣшно прошла въ садъ, откуда онъ услышалъ ея звонкій голосъ, кого-то распекавшій.

На слѣдующій день ему прислуживала старая служанка, принесшая ему завтракъ. На робкій вопросъ его, гдѣ онъ находится, она вѣжливо отвѣтила:

— Гдѣ же, какъ не въ Розенгофѣ. Сейчасъ придетъ барышня.

Она, дѣйствительно, пришла, но лицо ея показалось Ансельму еще мрачнѣе, чѣмъ въ первый день.

„Хотѣлось бы мнѣ увидать ее смѣющейся!“ — сказалъ онъ себѣ, но вслухъ проговорилъ:

— Могу ли я узнать, какъ васъ зовутъ, фрейлейнъ?

— Зимберта Фанншу.

Она подозрительно глядѣла на него, ожидая, что губы его дрогнутъ насмѣшливою улыбкой, но онъ только повторилъ мысленно: „Я въ Розенгофѣ, и мою спасительницу зовутъ Зимбертой“. Его какъ-то поражала мысль, что онъ обязанъ этой строгой валкиріи своимъ спасеніемъ; но такъ какъ она не упомянула ни однимъ словомъ о нападеніи, которое ему самому казалось чѣмъ-то далекимъ, то и онъ молчалъ. Вслѣдствіе обильной потери крови, онъ ослабѣлъ, и мысль его работала вяло. Лишь о кузенѣ Гейнцѣ онъ вспоминалъ съ гнѣвомъ и презрѣніемъ.

— Если у васъ есть какія-нибудь порученія, баронъ, то, пожалуйста, скажите,—заговорила Зимберта, помолчавъ;—нашъ Адамъ идетъ въ городъ, и это избавитъ отъ лишняго конца.

— Я напишу, благодарю васъ.

Онъ написалъ карточку, по которой посыльный могъ получить его вещи отъ фрау Димифль, и короткое письмецо матери, умоляя ее не безпокоиться: онъ долженъ исчезнуть на нѣсколько недѣль, но ему такъ хорошо, какъ еще никогда не было.

На слѣдующій день къ нему явились изъ полиціи для составленія протокола; Ансельмъ сталъ убѣдительно просить полицейскаго офицера не оглашать его имени въ газетахъ, и тотъ обѣщалъ исполнить его желаніе.

На десятый день докторъ дозволилъ Ансельму посидѣть въ креслѣ у двери въ садъ, и тутъ молодой человѣкъ понялъ, почему это мѣсто носило названіе Розенгофа: въ англійскомъ саду виднѣлись со всѣхъ сторонъ цѣлыя плантаціи розъ всевозможныхъ оттѣнковъ, отъ свѣтло-желтыхъ до темно-пурпуровыхъ. Среди кустовъ распѣвали дрозды, а въ знойномъ лѣтнемъ воздухѣ стоялъ сильный запахъ розъ. Нѣсколько людей работало въ саду; они поливали растенія, подрѣзали вѣтви или, срѣзая розы, складывали ихъ въ плоскія корзины. Зимберта, въ сопровожденіи лысаго старичка въ полотняномъ костюмѣ, подходила то къ одному, то къ другому, отдавая приказанія, и голосъ ея звучалъ попрежнему жестко.

Эта странная суровость начинала удивлять Ансельма. Старичокъ ни разу не заходилъ къ нему, и даже Зимберта почти не показывалась у него.

Когда онъ въ первый разъ вышелъ въ садъ, онъ увидѣлъ въ глубинѣ его зданіе съ попорченною черепичною кровлею. Мѣстами еще сохранились слѣды старинныхъ фресковъ, представлявшихъ охотничьи сцены. Вѣроятно, въ прежнія времена, когда городъ былъ еще далеко, Розенгофъ служилъ охотничьимъ домикомъ какому-нибудь вельможѣ. Ансельмъ помѣщался во флигелѣ. Пока Ансельмъ бродилъ по незнакомому саду, ему пришло въ голову, что, въ сущности, ему уже пора поблагодарить за гостепріимство и откланяться, но онъ подумалъ, нельзя ли ему какъ-нибудь оттянуть свой отъѣздъ? Міръ за предѣлами Розенгофа пугалъ его.

Ему встрѣтилась Зимберта, несшая корзину; онъ остановился передъ нею и сказалъ:

— Я еще не поблагодарилъ васъ. Я знаю, что обязанъ вамъ жизнью.

Она сдѣлала движеніе рукою, словно отстраняя благодарность.

— Я знаю,—повторилъ онъ, глядя ей въ глаза.

Зимберта не отвѣчала; нѣжный розовый оттѣнокъ окрасилъ ея безстрастное лицо, не утратившее своего строгаго выраженія. Тогда, поддавшись внезапному порыву, Ансельмъ схватилъ ея правую руку, желая выразить однимъ крѣпкимъ пожатіемъ всѣ чувства, волновавшія его душу. Зимберта отступила, взоръ ея сверкнулъ, но, взглянувъ на пылавшее, глубоко взволнованное лицо молодого человѣка, она молча опустила глаза.

Ансельмъ продолжалъ:

— Мнѣ давно слѣдовало бы уѣхать. Мать моя тревожится,— вѣдь мы еще никогда не разлучались,—но если вы желаете мнѣ добра, позвольте мнѣ остаться здѣсь еще недѣлю—на положеніи жильца. Люди мнѣ противны.

— Если дядя ничего противъ этого не имѣетъ, останьтесь!— сказала Зимберта, направляясь къ дому, между тѣмъ какъ Ансельмъ подошелъ къ калиткѣ, отдѣлявшей его отъ другого міра—разряженныхъ дамъ и господъ, разгуливавшихъ по парку, къ которому прилегалъ ихъ садъ. Увидѣвъ продававшаго вишни итальянца, онъ купилъ у него корзину съ красными плодами и отнесъ ихъ Зимбертѣ, сортировавшей на каменномъ столѣ у входной двери свои розы.

Она приняла ихъ съ нѣкоторымъ колебаніемъ, проговоривъ:

— Мнѣ еще никто ничего не дарилъ!—и добавила:—Дядя ничего не имѣетъ противъ того, чтобы вы остались на недѣлю, баронъ. Съ будущаго года намъ, все равно, придется сдавать эту комнату.

— Благодарю васъ. Я никоимъ образомъ не буду вамъ въ тягость. Сколькимъ счастливымъ и сколькимъ несчастнымъ людямъ предназначаются ваши розы, хотѣлъ бы я знать?—добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія.

— Объ этомъ я не думаю,—отвѣтила она сумрачно;—я не могу даже радоваться цвѣтамъ: слишкомъ много заботъ съ ними связано. Жизнь тяжела.

Съ этихъ поръ Ансельму приносили кушанье изъ гостинницы. Зимберту онъ не видѣлъ; однажды въ воскресенье онъ замѣтилъ ее сидящею съ книгою на скамьѣ, но пока онъ дѣлалъ обходное движеніе, чтобы приблизиться къ ней, она уже исчезла. Она, очевидно, избѣгала его, и эта живая загадка начинала его мучить; онъ постоянно думалъ объ ея прекрасномъ безрадостномъ лицѣ. Что такое она была? Ея манеры, походка, разговоръ—обличали въ ней особу изъ общества, „барышню“; но загрубѣлыя, красныя руки, простое синее платье, которое она носила по буднямъ и праздникамъ,—не вязались съ понятіемъ о „барышнѣ“. Она про-

водила цѣлые дни въ саду, и рано поутру онъ слышалъ ея голосъ сквозь шумъ пронизанной солнцемъ водяной струи, орошавшей садъ. Она никуда не выходила и у нихъ никто не бывалъ,—однѣ розы каждое утро посылались въ городъ цѣлыми корзинами. Ансельму чуялась въ этомъ розовомъ уголкѣ печальная тайна неудавшейся жизни,—но была ли это несчастная любовь, или что̀ иное—онъ не могъ опредѣлить. Онъ обдумывалъ различные „наводящіе“ вопросы, которые собирался предложить Зимбертѣ, но ему не удавалось даже видѣть ее.

Наканунѣ отъѣзда, вернувшись изъ города, куда онъ ходилъ по дѣлу, онъ, къ удивленію своему, засталъ Зимберту задремавшею въ креслѣ въ его комнатѣ. Она прислонилась головою къ спинкѣ кресла, а въ ея сложенныхъ рукахъ, покоившихся на колѣняхъ, онъ замѣтилъ миніатюрный портретъ его матери, всегда стоявшій на его ночномъ столикѣ.

На лицѣ ея лежало выраженіе такой скорби, что онъ молча стоялъ передъ нею, охваченный чувствомъ сладостнаго сострадания. Вдругъ съ губъ Зимберты слетѣлъ тихій вздохъ; она смущенно открыла глаза и взглянула на него, потомъ на портретъ.

— Простите, что я взяла его... Такая чудная рамка!—тихо проговорила она, ставя портретъ на мѣсто.—Сегодня очень жарко, а у меня бываютъ часы, когда я хотѣла бы спать, и только спать, съ тѣмъ, чтобы никогда не просыпаться. Вы счастливы, баронъ, что у васъ есть мать. Моя давно уже умерла.

Глаза Ансельма остановились на ея рукахъ. Онѣ были красивой формы, но покраснѣли отъ работы. Зимберта продолжала:

— Я еще не сказала вамъ, кто мы. Мой прадѣдъ, Симонъ Фанншу изъ Аугсбурга, былъ извѣстнымъ географомъ; онъ соорудилъ тотъ знаменитый глобусъ, который находится въ Національномъ музеѣ. Съ моимъ отцомъ случилось несчастіе: его завлекли въ какія-то спекуляціи, и наше состояніе погибло. У насъ ничего не осталось, кромѣ этого, такъ называемаго, Розенгофа. Вы, можетъ быть, слышали о немъ? Онъ принадлежалъ отцу моей матери, и здѣсь собирались, въ тридцатыхъ годахъ, всѣ замѣчательные люди того времени: Шеллингъ, Каульбахъ, Роттманъ и другіе мюнхенцы. Никогда я не думала, что мнѣ придется сдѣлаться садовницей...

Онъ съ восторгомъ выслушалъ ее, радуясь ея довѣрію и восхищаясь мужествомъ, съ которымъ она вела свою безрадостную жизнь: подъ ея немногими словами онъ угадывалъ очень многое. Онъ сталъ участливо разспрашивать ее о цвѣтоводствѣ, и Зимберта съ оживленіемъ заговорила о разведеніи сортовъ рѣдкихъ розъ и ихъ культурѣ. Но едва она замолчала, какъ на лицо ея

набѣжала тѣнь, и, услышавъ лай собаки, разрывавшей куртину, она поспѣшно вышла, чтобы выгнать ее.

Ансельмъ кинулся въ кресло, на которомъ сидѣла Зимберта, переживая мысленно все происшедшее. Она стояла передъ нимъ, какъ живая. Какъ расцвѣло бы это существо, перенесенное въ атмосферу счастья! Онъ представлялъ ее себѣ то въ нарядномъ платьѣ, идущею съ нимъ рядомъ по аллеямъ парка, то въ видѣ хозяйки дома—со связкою ключей у пояса. Онъ старался вообразить ея просвѣтленное лицо, когда онъ скажетъ ей:—Я знаю тебя лучше, чѣмъ ты сама. И ты меня узнаешь,—дай мнѣ только поцѣловать тебя!

Въ радостномъ опьяненіи, съ возрастающею блаженною тревогою, онъ то шагалъ по комнатѣ, то выходилъ въ залитый солнцемъ садъ, покуда мало-по-малу имъ не овладѣло твердое рѣшеніе. Вечеромъ, войдя въ его комнату, старая служанка нашла въ ней, вмѣсто самого барона, записку отъ него, которую она отнесла своей госпожѣ. Зимберта прочла ее, не измѣнившись въ лицѣ, и твердымъ голосомъ стала отдавать приказанія на слѣдующее утро.

VII.

Тѣмъ временемъ баронесса мысленно сопровождала своего Ансельма въ его странствованіяхъ; она прислушивалась къ горному эху, любовалась на окруженныя гигантскими соснами синія озера, подобныя очамъ боговъ. Изъ сада въ своемъ имѣніи она по сту разъ въ день смотрѣла на повитыя туманомъ горы, вершины и кручи которыхъ осчастливилъ своимъ посѣщеніемъ ея единственный сынъ. Однако, черезъ четыре дня она начала тревожиться, не получая отъ него писемъ, хотя и приписывала это, не безъ тайной гордости, проснувшемуся въ немъ сознанію мужской самостоятельности.

Въ кузенѣ Гейнцѣ, неожиданно явившемся къ ней, она нашла сочувственнаго слушателя и знатока Альпъ, знакомыхъ ему какъ карманъ его собственныхъ панталонъ. Кузенъ не безъ тревоги освѣдомился насчетъ „Ансельмо“ и очень заинтересовался его поѣздкою въ горы. Прощаясь съ баронессою, онъ предложилъ ей поискать его, и она, восхищенная этимъ проявленіемъ родственной любви, даже предложила ему денегъ на поѣздку. Когда, въ концѣ длинной недѣли, получилось письмецо Ансельма съ извѣщеніемъ, что онъ долженъ на нѣкоторое время скрыться баронесса страшно испугалась. Что это означаетъ? Что могло

случиться? Все это такъ не походило на ея сына, никогда не выказывавшаго склонности къ подобнымъ путешествіямъ. Въ своей тревогѣ, возраставшей съ каждымъ днемъ, она обратилась за совѣтомъ къ дядѣ Ансельму изъ Нюрнберга, и вѣроятно въ тонѣ ея письма было что-то особое, такъ какъ баронъ, превратившійся въ страстнаго коллекціонера, отложилъ поѣздку въ Баварію, откуда его извѣщали о существованіи изумительнаго нюрнбергскаго кубка, на крышкѣ котораго была изображена пляшущая Фортуна. Кубокъ этотъ составлялъ частную собственность.

Баронесса съ облегченіемъ вздохнула при видѣ стараго барона, но дѣло отъ этого не подвинулось. Фантазія высокорожденнаго романиста витала въ кругу принцевъ и герцогинь, и онъ рѣшительно не могъ себѣ представить, къ какому таинственному берегу причалилъ свою ладью послѣдній изъ Гартгеймовъ? Что могъ затѣять этотъ образцовый молодой человѣкъ?

Тревога баронессы все росла; она начинала думать, что съ Ансельмомъ случилось несчастіе, какъ вдругъ, въ одинъ прекрасный вечеръ, когда баронъ разыскивалъ въ Мюнхенѣ свою Фортуну, блудный сынъ вернулся домой. Несмотря на безумную радость, мать встрѣтила его словами упрека, и въ восторгѣ своемъ она не замѣтила, что онъ поблѣднѣлъ и похудѣлъ.

Когда, послѣ ужина, она хотѣла поцѣловать его въ лобъ, онъ внезапно проговорилъ:

— Я помолвленъ, мама.

Баронесса подумала сначала, что онъ шутитъ, но тутъ онъ съ волненіемъ сталъ разсказывать ей все, имѣвшее отношеніе къ Зимбертѣ. Пораженная ужасомъ, баронесса повторяла только: „Но послушай! но послушай“... Ей какъ-то не приходило въ голову, что она обязана этой дѣвушкѣ тѣмъ, что сынъ ея остался въ живыхъ. Славный былъ бы порядокъ, нечего сказать, если бы каждая дѣвушка выходила за барона, котораго ей случайно удалось спасти отъ смерти! Она уже видѣла гримасы благородной родни при извѣстіи о такомъ „невозможномъ“ бракѣ, и представляла своего Ансельма изгнаннымъ изъ того мирнаго рая, въ которомъ онъ до сихъ поръ жилъ, какъ пѣтухъ—въ корзинѣ. По ея мнѣнію, слѣдовало подарить спасительницѣ дорогой уборъ, и—дѣло кончено.

У стараго барона—при словѣ: Розенгофъ, охотничій домикъ—мгновенно разыгралось воображеніе, и онъ началъ импровизировать романъ въ духѣ галантныхъ романовъ XVIII-го вѣка, не слушая увѣреній племянника, очень твердо отстаивавшаго цѣну пріобрѣтеннаго имъ сокровища. Но легкомысленныя слова вне-

запно замерли у него на губахъ, при взглядѣ на лицо юноши—сосредоточенное, съ влажнымъ блескомъ въ глазахъ; у барона явилось предчувствіе, которое, однако, онъ оставилъ при себѣ.

Оставшись вдвоемъ, старшіе держали совѣтъ, причемъ баронесса, все болѣе и болѣе волновавшаяся, приписывала всю вину неизвѣстному негодяю; она только вздыхала и жаловалась, что̀ подтвердило нелестное мнѣніе барона о женщинахъ вообще. Наконецъ, онъ рѣшилъ лично удостовѣриться въ истинѣ словъ Ансельма и повидаться съ дѣвицею. Послѣ нѣкотораго колебанія, баронесса согласилась и предоставила барону рѣшить этотъ важный вопросъ по его усмотрѣнію.

— Мы вмѣстѣ ѣдемъ завтра въ Мюнхенъ,—заявилъ онъ Ансельму, котораго засталъ въ саду передъ розовымъ кустомъ:—я хочу посмотрѣть, какъ живется людямъ въ розовомъ раю, гдѣ нѣтъ змѣевъ? Въ моемъ раю всегда водились змѣи. Enfin, nous verrons! Разъ въ жизни каждый порядочный человѣкъ непремѣнно сдѣлаетъ глупость.

Ансельмъ понялъ одно—что завтра онъ увидитъ Зимберту, и предоставилъ дядѣ свободу слова.

Когда оба барона явились на слѣдующій день въ Розенгофъ и спросили, могутъ ли они видѣть фрейлейнъ Зимберту Фанншу, ихъ провели въ охотничій домикъ.

— Ты останешься внизу,—заявилъ придирчивый старикъ племяннику.

Зимберта, въ своемъ обычномъ синемъ платьѣ, съ кусочкомъ замши въ рукѣ, стояла передъ стекляннымъ шкапомъ, когда баронъ вошелъ въ комнату, и при видѣ ея высокой фигуры онъ почувствовалъ, что не будетъ въ состояніи начать разговоръ въ шутливомъ тонѣ. Ее приходилось отнести къ категоріи какихъ-то другихъ существъ.

— Я—дядя того молодого человѣка, которому вы оказали дружеское гостепріимство,—проговорилъ онъ съ изысканною вѣжливостью.

Яркая краска залила ея строгія черты, но она молчала, вопросительно глядя на старика. Онъ собирался выразить ей свою признательность, какъ вдругъ глаза его остановились на шкапѣ съ фамильнымъ серебромъ. Среди боченковъ, поставцовъ, ковшей, передъ взоромъ знатока внезапно засіялъ кубокъ съ Фортуною на крышкѣ.

— Откуда это у васъ?—воскликнулъ онъ съ дрожью волненія, подбѣгая къ шкапу.

Зимберта, изумленная этимъ неожиданнымъ скачкомъ въ сто-

рону, объяснила, что это—старинное серебро, переходившее у нихъ изъ рода въ родъ. Часть вещей—аугсбургскаго происхожденія, другая—регенсбургскія издѣлія.

Баронъ былъ внѣ себя отъ восторга; онъ вынималъ одну драгоцѣнность за другою, ощупывая ихъ своими тонкими пальцами, разспрашивалъ о происхожденіи той или другой вещи, и такимъ образомъ невольно ознакомился съ исторіей обѣднѣвшей семьи.

Нѣкоторыя замѣчанія Зимберты по поводу стиля и работы привели знатока въ восхищеніе,—онъ подмигивалъ лѣвымъ глазомъ, загадочно посмѣивался про себя, оглядывалъ прищуренными глазами серьезную молодую дѣвушку и затѣмъ снова погружался въ созерцаніе серебряныхъ сокровищъ.

— Да вы—просто молодецъ!—воскликнулъ онъ, наконецъ, и, хлопнувъ себя ладонью по лбу, подбѣжалъ къ окну, крича:—Ансельмъ! Ансельмъ!

Зимберта смотрѣла на него, ничего не понимая, но тутъ раздались шаги, и въ комнату вошелъ Ансельмъ, въ глазахъ котораго читался вопросъ.

— Ну, хорошо, дѣлайте, что̀ хотите!—воскликнулъ баронъ, оглядѣвъ ихъ обоихъ, а затѣмъ снова обернулся къ шкапу, но такъ какъ они молчали, онъ обратился къ нимъ, не выпуская изъ рукъ бокала.

— Да, но вѣдь я еще ничего не говорилъ ей!—вырвалось у Ансельма, и старый баронъ, вдругъ понявъ, какъ обстоитъ дѣло, подошелъ къ Зимбертѣ и, наклонившись къ ней, проговорилъ съ рыцарскимъ достоинствомъ:

— Мой племянникъ пріѣхалъ сегодня съ тѣмъ, чтобы посвятить своей спасительницѣ ту жизнь, которою онъ ей обязанъ.

Ансельмъ молча наклонилъ голову, подтверждая высокопарную фразу барона.

Яркая краска залила лицо Зимберты; она, шатаясь, подошла къ столу и, закрывъ лицо руками, горько заплакала, словно подавленная чувствомъ глубокаго стыда.

— Я такъ бѣдна! — еле слышно вырвалось у нея среди рыданій.

Ансельмъ подошелъ къ ней, желая приласкать ее,—но она только шептала:

— Оставьте! оставьте!

Тогда старый баронъ, не отрываясь отъ шкапа, проговорилъ дѣловымъ тономъ:

— Онъ—такой же оселъ, какъ и его отецъ! Возьмите его,—вы сдѣлаете доброе дѣло.

Ансельмъ съ умоляющимъ видомъ взялъ ее за руку и вывелъ изъ комнаты; они прошли по лужайкѣ къ той комнатѣ, гдѣ онъ лежалъ больной, и гдѣ теперь благоухали въ плоскихъ корзинахъ послѣднія лѣтнія розы.

— Ты должна за меня выйти,—сказалъ онъ, нагибаясь, чтобы поцѣловать ея пальцы—одинъ за другимъ, и тутъ же принялся ей разсказывать, какъ онъ полюбилъ ее.

Зимберта все еще стояла, какъ во снѣ; но когда Ансельмъ съ нѣжной смѣлостью обвилъ ея станъ рукою, грудь ея высоко поднялась, и вмѣстѣ съ первымъ поцѣлуемъ изъ глазъ ея упала тихая слеза: она зажмурила глаза, словно счастье, неожиданно явившееся къ ней, ослѣпило ихъ своимъ сіяніемъ.

Когда они вернулись въ комнату, баронъ воскликнулъ:

— А кубокъ я возьму себѣ—въ качествѣ свадебнаго подарка! Вотъ скорчитъ рожу этотъ плутъ—мой поставщикъ, узнавъ, что я самъ нашелъ его! Вѣдь я уже давно напалъ на его слѣдъ... Можете пребывать покуда въ вашихъ розовыхъ эмпиреяхъ!

И онъ, бережно, почти благоговѣйно неся драгоцѣнный кубокъ, направился, въ сопровожденіи счастливой парочки, къ той калиткѣ, черезъ которую явилось къ Зимбертѣ ея счастье.

Съ нѣм. О. Ч.

„СКЕРЦО“

НА ГРАЖДАНСКІЕ МОТИВЫ [1]).

Все въ бѣдной отчизнѣ
Преступно, иль глупо!
Всѣ вѣянья жизни—
Какъ запахи трупа!..

Считаютъ потребнымъ
Сдавать,—не впервые,—
Машинамъ служебнымъ
Вопросы живые!..

Тѣ,—рады, не рады,—
Съ улыбкой безвѣрья,
Но, чая награды,
Берутся за перья.

[1]) Въ письмѣ поэта, отъ 7 сентября сего года, изъ г. Тамбова, онъ напоминаетъ намъ слѣдующее:

„Ровно десять лѣтъ тому назадъ, я написалъ стихотвореніе: „Скерцо на гражданскіе мотивы“. Я его читалъ у васъ въ одну изъ вашихъ субботъ, послѣ обѣда между прочими слушателями былъ и Владиміръ Сергѣевичъ (Соловьевъ). Оно было всѣми одобрено и передано вамъ на храненіе до благопріятнаго случая. Теперь я его просмотрѣлъ, много сократилъ и исправилъ. Прошу васъ то уничтожить; я не желаю, чтобы оно было когда-нибудь напечатано... Дѣло, какъ видите, касается такихъ сторонъ нашей жизни, о которыхъ прежде нельзя было говорить и осужденіе которыхъ теперь произнесено не только большинствомъ общества, но и самимъ правительствомъ. Мнѣ кажется, что мое стихотвореніе, съ подписанною подъ нимъ датою (1895 г.), можетъ представить интересъ; оно подверглось только той отдѣлкѣ, которая обыкновенно прилагается къ тому, что́ предназначается для печати“...—*Ред*

Не видятъ, не слышатъ,
Но, полны отваги,
Все пишутъ, все пишутъ
Бумаги, бумаги;

И въ пыльной ихъ грудѣ
Сгниваютъ вопросы,
Какъ въ грязной посудѣ
Съѣстные отбросы...

Хоть мы—патріоты,
Но фактъ не случаенъ,
Что наши заботы
Всѣ—ради окраинъ.

Мы тамъ какъ бы въ родѣ
Собаки на сѣнѣ:
Чуть рѣчь о свободѣ—
Кричимъ объ измѣнѣ.

— Ни духа не надо,
Ни внѣшняго глянца!..
Отсюда—досада
У насъ на финляндца.

Коль вправду не манитъ
Къ измѣнѣ Европа,
Пусть честно-молъ станетъ
Въ условья холопа!

Ходъ вольнаго роста,
Собранія сейма—
Для насъ это просто
Позорныя клейма!

Хоть приняты мѣры—
Все было бъ исправно,
Однако же вѣры
Не всѣ православной.

Поля́ковъ и полекъ
Насъ бѣситъ привычка:
Онъ—вѣчно католикъ,
Она—католичка.

Отъ Крыма до Колы,
Сославшись на Бога,
Мы наши расколы
Преслѣдуемъ строго.

Средь нравственной суши—
Ни чувства, ни мысли;
А честныя души
Разрыхли, раскисли.

Я знаю—есть лица,
Душа въ нихъ живая;
Но что̀ единицы
Для цѣлаго края!

Мнѣ скажутъ: „Что̀ жъ лиру
Ты держишь подъ мышкой?
Ну, гаркни сатиру
Съ гражданственной вспышкой!“

Сатира, сатира—
Великое дѣло!
Но сильныхъ бы міра
Моя не задѣла.

Такая ужъ доля
Указана русскимъ!
Велитъ мнѣ неволя
Быть мелкимъ и узкимъ,

Съ убогимъ багажемъ,
Съ притупленнымъ жаломъ,
Хоть былъ бы я—скажемъ—
Самимъ Ювеналомъ.

Въ пылу вдохновенья
Попробуй-ка, ухни—
Сейчасъ на съѣденье
Въ цензурныя кухни!

Иль трудъ нашъ (быть можетъ,
Одобривъ учтиво)
Бартеневъ положитъ
Въ портфели „Архива“.

Тамъ сысковъ цензурныхъ
Отравы кто нѐ пилъ,
Хранится, какъ въ урнахъ,
Покойниковъ пепелъ.

Вотъ будущность—въ мукахъ
Рождаемымъ пѣснямъ!
А впрочемъ, при внукахъ,
Быть можетъ, воскреснемъ!

При томъ же, признаться,
Сатирики—жалки
Въ странахъ, гдѣ боятся
Не слова, а палки.

При всей бы охотѣ—
Не вызвать стихами
Ни думъ въ идіотѣ,
Ни доблести въ хамѣ!

Быть можетъ, понятье
У васъ не такое;
Но все жъ меня, братья,
Оставьте въ покоѣ!

На рабскіе нравы,
На срамъ публициста,
На тѣхъ, кто неправы,
На то, что̀ нечисто,

Въ лѣтахъ уже хилыхъ,
Съ душою усталой,
Я гаркнуть не въ силахъ;
А плюнуть—пожалуй!

Вотъ—вмѣсто сатиры
Дарю вамъ отъ сердца
Въ созвучіяхъ лиры
Шумливое скерцо.

Алексѣй Жемчужниковъ.

Петербургъ.—*1895.*

НАРОДНОЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО

и

ПРАВОВОЙ ПОРЯДОКЪ.

Едва ли гдѣ народное представительство—хотя бы только совѣщательное — вводилось при такихъ исключительныхъ условіяхъ, какъ у насъ. Расширеніе и усиленіе административнаго воздѣйствія до небывалыхъ еще предѣловъ, введеніе военнаго положенія въ цѣломъ рядѣ губерній, безсиліе или бездѣйствіе самихъ военныхъ властей въ предупрежденіи и прекращеніи такихъ страшныхъ и продолжительныхъ погромовъ, какъ въ Баку, рядомъ съ суровыми расправами и крутыми мѣрами тамъ, гдѣ никакая серьезная опасность не угрожала общественному порядку; смертныя казни даже надъ несовершеннолѣтними, всѣ ужасы хроническаго междоусобія въ разныхъ областяхъ имперіи, откровенная проповѣдь избіеній и насилій въ газетахъ, издаваемыхъ, какъ говорятъ, не на свои деньги и пользующихся явнымъ покровительствомъ мѣстной администраціи,—все это создаетъ совершенно невозможную обстановку для какихъ бы то ни было внутреннихъ реформъ и исключаетъ всякую мысль о спасительномъ мирномъ поворотѣ въ ходѣ нашихъ государственныхъ и общественныхъ дѣлъ. Мы на всѣхъ парахъ идемъ какъ будто по наклонной плоскости внизъ, къ полному развалу, къ какому-то хаосу всеобщаго безправія, и тѣ самые дѣятели, которые съ непонятнымъ упорствомъ ведутъ насъ къ какой-то невѣдомой катастрофѣ, готовятся осуществить по-своему преобразовательные акты 6-го августа и руководить выборами въ первое россійское собраніе народныхъ представителей.

При обнародованіи „Учрежденія Государственной Думы“ оффиціально высказывалась мысль, что предпринятая реформа должна спо-

собствовать обновленію и возрожденію Россіи послѣ всѣхъ постигшихъ ее тяжкихъ испытаній. Торжественно возвѣщалось наступленіе новой эры, когда выборные люди отъ всей Русской земли, облеченные довѣріемъ всего населенія, будутъ призваны къ совмѣстной законодательной работѣ съ правительствомъ, которое, конечно, и съ своей стороны, должно, по своему личному составу, возбуждать общее довѣріе. Можно было думать, что самымъ фактомъ введенія народнаго представительства бюрократія признала несостоятельность своего многолѣтняго самовластнаго режима, что она отреклась отъ прошлыхъ ошибокъ и рѣшилась, наконецъ, предоставить общественнымъ и народнымъ силамъ ту долю свободы, безъ которой немыслимъ культурный и политическій ростъ государства. Между тѣмъ и послѣ изданія закона 6 августа система бюрократическаго самовластія сохраняетъ полную силу и доводится даже до крайняго напряженія, проявляясь въ невиданныхъ дотолѣ формахъ; она дѣйствуетъ такъ же безплодно, какъ и прежде, но еще съ бо́льшею самоувѣренностью и энергіею, причиняя странѣ тяжелыя, почти непоправимыя бѣдствія подъ тѣмъ же старымъ предлогомъ охранительной борьбы съ недовольными элементами населенія. Бюрократія хочетъ какъ будто показать, что она ничему не научилась и ничего не позабыла; она дѣлаетъ видъ, что уроки позорной войны прошли для нея безслѣдно и нисколько не коснулись ея притязаній на исключительное право распоряжаться судьбами Россійской имперіи. Она попрежнему исповѣдуетъ твердую вѣру въ цѣлебную силу принудительныхъ и устрашающихъ мѣръ, которыя примѣнялись уже десятки лѣтъ и приводили до сихъ поръ только къ катастрофамъ.

Среди этихъ рѣзкихъ проявленій бюрократическаго самомнѣнія и самовластія государственные акты 6 августа являются чѣмъ-то совершенно обособленнымъ, не связаннымъ съ общимъ ходомъ внутренней политики и даже прямо противорѣчащимъ ея кореннымъ особенностямъ и тенденціямъ. Неудивительно поэтому, что законъ о Государственной Думѣ не произвелъ на умы того успокоительнаго дѣйствія, какого можно было ожидать при другихъ условіяхъ, и вызвалъ въ значительной части общества недовѣрчивое, отрицательное отношеніе къ предстоящимъ выборамъ. Иные находятъ безполезнымъ или принципіально невозможнымъ участвовать въ новой организаціи, созданной и проводимой въ жизнь завѣдомыми противниками самостоятельнаго общественнаго и народнаго развитія; это добровольное сознательное самоустраненіе, обозначаемое иногда неподходящимъ именемъ „бойкота“, сдѣлалось уже отчасти предметомъ полемики въ печати и обнаружило существенныя разногласія въ пониманіи и оцѣнкѣ самой сущности возвѣщенной реформы.

Говорятъ, что учрежденіе Государственной Думы не можетъ удо-

влетворить прогрессивную часть общества уже по своимъ внутреннимъ недостаткамъ: оно не даетъ того представительства всего населенія, о которомъ говорилось въ Высочайшемъ указѣ 18 февраля, и чрезмѣрно умаляетъ роль и функціи выборнаго собранія, дѣлая его,— по выраженію В. А. Мякотина въ „Русскомъ Богатствѣ",—„лишь простымъ придаткомъ къ государственному совѣту", который, съ своей стороны, также имѣетъ только совѣщательное значеніе и даже въ этомъ качествѣ легко устраняется отъ участія въ законодательной работѣ по желанію государственной власти. Новое „законосовѣщательное установленіе" не вноситъ, будто бы, никакой перемѣны въ общій строй государства и оставляетъ неприкосновеннымъ всѣ его основы, какъ это прямо оговорено въ законѣ, и, слѣдовательно, не можетъ быть и рѣчи ни о новой эрѣ, ни о возрожденіи или обновленіи Россіи при помощи Государственной Думы.

Съ этимъ взглядомъ никакъ нельзя согласиться: недовѣріе вызывается и оправдывается вовсе не содержаніемъ закона 6 августа и не спеціальными его особенностями, а единственно лишь тою ненормальною обстановкою, при которой онъ появился въ свѣтъ и которая сопутствуетъ введенію его въ дѣйствіе. Какъ ни неудовлетворительно организовано наше первое народное представительство, оно все-таки будетъ народнымъ представительствомъ и можетъ фактически имѣть рѣшающій голосъ въ наиболѣе важныхъ вопросахъ государственнаго управленія и законодательства, благодаря своему обязательному участію въ разсмотрѣніи бюджета. Прусскій парламентъ, въ томъ видѣ, какъ онъ существуетъ въ силу конституціи 1850 года, устроенъ, можетъ быть, хуже нашей Государственной Думы, и классовая система выборовъ въ Пруссіи страдаетъ еще болѣе крупными недостатками, чѣмъ установленныя у насъ избирательныя нормы; и тѣмъ не менѣе, прусскій ландтагъ, или земскій сеймъ, есть все-таки парламентъ, и всѣ неправильности его состава и слабыя стороны его положенія при властномъ королевскомъ правительствѣ не мѣшали ему сыграть видную историческую роль и выдвинуть рядъ замѣчательныхъ парламентскихъ дѣятелей, вынесшихъ на своихъ плечахъ борьбу съ Бисмаркомъ въ трудные годы конфликта, въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. Въ Англіи палата общинъ только фактически и очень медленно пріобрѣтала значеніе полновластнаго законодательнаго собранія; до избирательной реформы 1832 года она отчасти имѣла видъ какого-то придатка къ палатѣ лордовъ, и до сихъ поръ еще она сохраняетъ весьма замѣтные и иногда крайне чувствительные слѣды своей подчиненности по отношенію къ верхней палатѣ. Парламентская сессія открывается въ палатѣ лордовъ, куда приглашаются члены палаты общинъ для выслушанія тронной рѣчи, и гдѣ они становятся скромно у барьера,

отдѣляющаго обыкновенныхъ смертныхъ отъ блестящаго собранія привилегированныхъ пэровъ; внѣшнія формы этой оффиціальной церемоніи должны считаться обидными для выборныхъ представителей общинъ, и, однако, это нисколько не смущаетъ членовъ нижней палаты, не уменьшаетъ ея реальнаго могущества и авторитета. Когда говорятъ объ англійскомъ парламентѣ, то обыкновенно имѣютъ въ виду палату общинъ, которая дѣйствительно сосредоточиваетъ въ себѣ всю силу государственной власти; но рѣшенія этой всемогущей палаты нерѣдко уничтожаются несогласіемъ и противодѣйствіемъ палаты лордовъ, какъ это было, напримѣръ, съ законопроектомъ объ ирландской автономіи, при послѣднемъ министерствѣ Гладстона. Между тѣмъ, что̀ можетъ быть нелогичнѣе и несправедливѣе существованія наслѣдственныхъ законодателей, которые, какъ лорды, по праву рожденія господствуютъ надъ политическою жизнью Англіи? Въ англійскомъ политическомъ языкѣ употребляются еще старинныя формулы и фикціи, приписывающія королю неограниченныя права единственнаго законнаго владѣтеля британской территоріи; объ англійскихъ земляхъ принято говорить, какъ о „владѣніяхъ его величества“; законы издаются и примѣняются отъ имени короля, и парламенту номинально придается только совѣщательное значеніе,—и никто не останавливается на этихъ безобидныхъ остаткахъ далекаго прошлаго, ибо они никому и ничему не причиняютъ ущерба, доставляя удовлетвореніе представителямъ и защитникамъ декоративной стороны государственнаго строя. Почему же мы должны быть болѣе требовательными, чѣмъ англичане или пруссаки, и обращать больше вниманія на отрицательныя, чѣмъ на положительныя стороны данной организаціи народнаго представительства? Прямолинейная послѣдовательность въ проведеніи и защитѣ опредѣленныхъ принциповъ становится безполезнымъ доктринерствомъ, когда она переходитъ въ отрицаніе доступныхъ практическихъ способовъ дѣйствія, и, безъ сомнѣнія, никакіе недостатки будущей Государственной Думы не препятствовали бы оппозиціоннымъ элементамъ пользоваться ея полномочіями для достиженія извѣстныхъ положительныхъ цѣлей. Бывали замѣчательныя представительныя собранія при плохой и устарѣлой системѣ выборовъ, и наоборотъ—очень неудачные парламенты при всеобщемъ, равномъ, прямомъ и тайномъ голосованіи; послѣдняя избирательная система, самая лучшая и справедливая въ теоріи, не гарантируетъ ни правильности выборовъ, ни разумности ихъ результата: всеобщіе и прямые народные выборы, не подготовленные предварительнымъ свободнымъ общественнымъ движеніемъ, могли бы на практикѣ привести къ весьма нежелательнымъ комбинаціямъ, которыя, пожалуй, доставили бы большинство всероссійской „черной сотнѣ“.

Все дѣло—не въ тѣхъ или иныхъ формахъ, въ какихъ осуществляется начало представительства, а въ условіяхъ окружающей политической атмосферы, въ степени правильности и обезпеченности спокойной общественной жизни, въ возможности широкой законной свободы дѣйствій не только самихъ избирателей, но и всего остального общества и населенія,—словомъ, въ существованіи того, что̀ называется „правовымъ порядкомъ“.

Народное представительство безъ элементарныхъ основъ правового порядка—столь же немыслимо, какъ растеніе безъ почвы, безъ воздуха и свѣта; оно было бы столь же эфемерно, какъ турецкая конституція Митхада-паши. Съ другой стороны, твердыя гарантіи правового порядка даются только народнымъ представительствомъ. Правовой порядокъ и народное представительство—это двѣ стороны одного и того же явленія, называемаго политическимъ строемъ въ современныхъ культурныхъ государствахъ. Разорвать естественную связь между этими необходимыми составными элементами культурнаго политическаго быта—значитъ разрушить основы порядка и обречь на безсиліе народное представительство. Ограниченіе бюрократическаго самовластія и произвола должно предшествовать или сопутствовать введенію представительныхъ учрежденій; несоблюденіе этого условія при изданіи закона 6-го августа является главною причиною продолжающагося внутренняго кризиса, который дѣлается все болѣе острымъ и тяжелымъ по мѣрѣ усиленія односторонникъ принудительныхъ пріемовъ обузданія.

„Правовой порядокъ“—это краткое и ясное обозначеніе того государственнаго строя, при которомъ въ основѣ порядка лежитъ не грубая сила, а признанное всѣми право. Порядокъ въ разумномъ смыслѣ этого слова представляетъ необходимое внѣшнее условіе мирнаго существованія и спокойнаго прогрессивнаго развитія страны; онъ обнимаетъ собою все то, что̀ служитъ къ обезпеченію личной и общественной безопасности, къ облегченію и усовершенствованію внѣшнихъ формъ общежитія, къ устраненію преградъ и посягательствъ, мѣшающихъ отдѣльнымъ лицамъ пользоваться своими правами и проявлять свободную дѣятельность въ предѣлахъ своихъ законныхъ интересовъ. Порядокъ совпадаетъ тогда съ организаціею права, или съ организаціей обстановки, необходимой для постояннаго и безпрепятственнаго осуществленія права. Но порядокъ можетъ имѣть и другое значеніе; онъ можетъ представлять собою организацію силы или организацію обстановки, соотвѣтствующей фактическому господству силы. Въ первомъ случаѣ сила является орудіемъ и опорою права; во второмъ—она становится самостоятельнымъ источникомъ и элементомъ власти.

Отсюда — два типа государственнаго управленія, рѣзко отличающіеся между собою по цѣлямъ и мотивамъ. Существенные признаки перваго типа — владычество права надъ силою, служебная роль правительства по отношенію къ государству. Главныя характерныя черты второго типа — господство силы надъ правомъ, подчиненіе интересовъ государства и народа интересамъ правительства и администраціи. Этотъ послѣдній типъ государственнаго устройства и управленія получилъ наибольшее развитіе въ восточныхъ монархіяхъ, гдѣ нашли себѣ полное осуществленіе тѣ „исконныя начала“ самовластія, которыя такъ настойчиво предлагались намъ въ руководство, въ видѣ незыблемыхъ основъ политическаго быта.

Къ несчастью, до послѣдняго времени правовое состояніе Россіи упорно и систематически приближалось гораздо болѣе къ восточно-азіатскому, чѣмъ къ западно-европейскому государственному типу. Отъ деспотическаго азіатскаго строя насъ отдѣляли только двѣ великія реформы шестидесятыхъ и семидесятыхъ годовъ, — правильная, хотя позднѣе значительно испорченная организаціи правосудія, и всеобщая воинская повинность, связанная съ признаніемъ того принципа, что армія существуетъ для защиты отечества, а не для подавленія народа и не для охраны административныхъ насилій и хищеній. Исключительный культъ власти и авторитета, безъ отношенія къ пользамъ и нуждамъ государства, облекался еще при Николаѣ I въ формы внѣшней законности и находилъ иногда противовѣсъ въ отдѣльныхъ суровыхъ мѣрахъ противъ правительственныхъ дѣятелей, виновныхъ въ явныхъ злоупотребленіяхъ. Строгій и послѣдовательный въ своихъ идеяхъ императоръ Николай Павловичъ въ одной изъ своихъ резолюцій по дѣламъ Комитета министровъ написалъ: „*мы всѣ* на службѣ не за тѣмъ, чтобы гулять, а чтобы дѣло дѣлать“, — причемъ слова „мы всѣ“ подчеркнуты имъ самимъ [1]). Императоръ все-таки считалъ себя состоящимъ на службѣ государству и могъ еще раздѣлять существовавшее тогда убѣжденіе, что господство законности и правильный ходъ государственныхъ дѣлъ обезпечиваются личною неусыпною заботливостью монарха. „Держаться закона и никогда сего не забывать“, — напоминалъ онъ своимъ сановникамъ, и незаконныя дѣйствія, доходившія до свѣдѣнія государя, не оставлялись безнаказанными. Встрѣчаются резолюціи такого рода: „послать фельдъегеря арестовать губернатора и привезти сюда, гдѣ и предать военному суду подъ арестомъ“; губернатору „генералъ-майору Бибикову сдѣлать строгій выговоръ черезъ министра внутреннихъ дѣлъ и уволить отъ должности“ [2]), и т. п. И эти крутыя карательныя распоряженія вызваны

[1]) Историческій обзоръ дѣятельности Комитета министровъ, т. II, ч. I, стр. 229.
[2]) Тамъ же, ч. II, стр. 59—62 и др.

такими проступками, которые въ наше время считались бы доказательствами похвальнаго патріотическаго усердія и не только не повлекли бы за собою никакой отвѣтственности, но, вѣроятно, удостоились бы награды и поощренія. Губернаторъ, котораго рѣшено было арестовать и привезти въ Петербургъ для преданія военному суду, провинился лишь въ томъ, что во время бывшихъ въ Костромѣ пожаровъ, при всеобщемъ смятеніи, наказалъ розгами нѣсколькихъ солдатъ польскаго происхожденія, заподозрѣнныхъ народною молвою въ поджогахъ, и отправилъ мѣстнаго врача-поляка въ острогъ подъ конвоемъ съ конными жандармами; подобными дѣйствіями и „арестомъ разныхъ лицъ по маловажнымъ причинамъ умы населенія были взволнованы, и утвердилось общее мнѣніе въ виновности поляковъ", тогда какъ въ дѣйствительности не было къ тому законныхъ основаній. Другой губернаторъ былъ уволенъ за то, что допустилъ образованіе частнаго комитета для борьбы съ поджигателями въ городѣ Кузнецкѣ и одобрилъ его незаконныя распоряженія: „комитетъ открыто, оффиціально объявилъ всюду, будто поджигаютъ евреи, подкупленные поляками, и что пожары готовятся и въ другихъ городахъ; евреевъ и другихъ людей, заподозрѣнныхъ въ поджигательствѣ, члены комитета сѣкли, били кулаками и нагайками и грозили имъ смертью въ присутственной комнатѣ полицейскаго управленія, гдѣ стояло зерцало; дѣлалось это съ цѣлью вынудить сознаніе въ преступленіи, въ чемъ отчасти члены комитета и успѣли". Кромѣ увольненія губернатора, постановлено было „лицъ, производившихъ розысканія съ пристрастіемъ, предать уголовному суду".

Какъ далеко ушли мы въ этомъ отношеніи даже отъ временъ императора Николая I! Современные устроители всевозможныхъ „патріотическихъ" погромовъ и избіеній, насколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, не подвергаются никакимъ взысканіямъ, а напротивъ, повышаются по службѣ; никто не привлекается къ отвѣтственности за открытое подстрекательство къ массовымъ убійствамъ, за возбужденіе вражды одной части населенія противъ другой, за явное бездѣйствіе власти при жестокихъ уличныхъ расправахъ и при опустошеніи цѣлыхъ промышленныхъ районовъ,—между тѣмъ какъ постоянно мы слышимъ объ арестахъ и о привлеченіи къ суду цѣлаго ряда уважаемыхъ лицъ, не обвиняемыхъ ни въ чемъ опредѣленномъ, а только почему-либо неугодныхъ администраціи. Безсмысленныя сказки о японскихъ милліонахъ, которыми подкуплены „либералы" и недовольные рабочіе, распространялись оффиціальными и оффиціозными органами, порождая волненія невѣжественной толпы въ разныхъ городахъ имперіи, и эта завѣдомо лживая пропаганда мстительной злобы противъ „интеллигенціи" никѣмъ не была остановлена и нигдѣ не обращала на себя вниманія

прокурорской власти. Издаются самые оригинальные военные приказы, въ родѣ одной оффиціальной прокламаціи, обѣщающей полякамъ убить въ нихъ зародышъ недовольства и неповиновенія безпощадными дѣйствіями войскъ противъ публики даже при отсутствіи прямыхъ безпорядковъ,—или въ родѣ объявленія какого-то полиціймейстера о стрѣльбѣ въ каждаго еврея, приближающагося на пятьдесятъ шаговъ къ его экипажу,—и никакая власть не кладетъ предѣла этому смѣлому глумленію надъ существующими законами.

Изъ этого видно, что даже то простое пониманіе законности, какое поддерживалось императоромъ Николаемъ I, исчезло, какъ будто, изъ нашего государственнаго обихода, и правосудіе, вопреки судебнымъ уставамъ императора Александра II, сдѣлалось послушнымъ исполнительнымъ орудіемъ административно-полицейскаго усмотрѣнія въ области такъ называемыхъ политическихъ дѣлъ. Законность,—которую самые крайніе консерваторы должны въ принципѣ признавать необходимымъ фундаментомъ правильной государственной жизни,—не имѣетъ почвы тамъ, гдѣ она зависитъ отъ личныхъ взглядовъ и случайныхъ впечатлѣній высшихъ представителей власти. Она пріобрѣтаетъ прочное значеніе и господство только съ утвержденіемъ общаго правового порядка, какъ одинъ изъ важнѣйшихъ его составныхъ элементовъ. Съ начала восьмидесятыхъ годовъ законность была въ загонѣ, все болѣе уступая мѣсто административному всемогуществу; въ отдѣльныхъ указахъ еще повторялись иногда хорошія слова о точномъ и повсемѣстномъ соблюденіи законовъ, но слѣдить за этимъ точнымъ соблюденіемъ законовъ и контролировать добросовѣстность исполнителей предоставлялось именно тѣмъ, для которыхъ никакіе законы въ сущности не обязательны и которые всегда имѣютъ возможность избавиться отъ неудобныхъ для нихъ законовъ при помощи соотвѣтственныхъ министерскихъ циркуляровъ. Органы мѣстной администраціи призывались иногда къ обузданію своего произвола, къ контролю надъ собственными дѣйствіями и къ сознательной критикѣ своихъ распоряженій. Въ извѣстномъ указѣ 12 декабря 1904 года „признано неотложнымъ принять дѣйствительныя мѣры къ охраненію полной силы закона“, но такихъ дѣйствительныхъ мѣръ еще не придумано и не могло быть придумано, пока сохраняется въ полной силѣ цѣлый рядъ учрежденій, стоящихъ внѣ и выше всякихъ законовъ. Тотъ же указъ полагаетъ задачу правленія „въ неусыпной заботливости о потребностяхъ страны“ и выражаетъ надежду на сочувствіе „благомыслящей части подданныхъ, которая истинное преуспѣяніе родины видитъ въ поддержаніи государственнаго спокойствія и непрерывномъ удовлетвореніи насущныхъ нуждъ народныхъ“. Конечно, еслибы данное правительство было дѣйствительно приспособлено къ неусыпной заботли-

вости о потребностяхъ страны и къ непрерывному удовлетворенію насущныхъ нуждъ народныхъ, то поддержаніе государственнаго спокойствія достигалось бы само собою, и не было бы повода дѣлить подданныхъ на благомыслящихъ и неблагомыслящихъ, такъ какъ народъ былъ бы доволенъ и общество было бы признательно правительству за хорошую и благотворную политику; не было бы тогда и японской войны съ ея тяжелыми послѣдствіями, разоблачившими наглядно для всѣхъ совершенную несовмѣстимость существующаго режима съ задачею „непрерывнаго удовлетворенія насущныхъ нуждъ народныхъ". Допуская неусыпную заботливость, нельзя было не задаться вопросомъ, какъ и почему насущныя нужды народныя усматривались въ подавленіи и приниженіи народной жизни, въ отрицаніи всякихъ личныхъ и общественныхъ правъ населенія, въ твердомъ и неусыпномъ противодѣйствіи народному образованію, въ разорительныхъ воинственныхъ предпріятіяхъ на Дальнемъ Востокѣ, и почему надо было ожидать, что всѣ благомыслящіе люди будутъ радоваться и сочувствовать такому направленію неусыпныхъ государственныхъ заботъ. Дѣйствительное и обязательное согласіе правительственной дѣятельности съ насущными нуждами народными можетъ быть достигнуто только при правильномъ народномъ представительствѣ, а послѣднее можетъ функціонировать правильно даже при неудачной организаціи, если оно окружено свободной атмосферой широкаго и прочнаго правового порядка, подъ охраною твердыхъ законовъ, примѣняемыхъ независимымъ судомъ.

Л. Словинскій.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905.

Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ оффиціальной „Коммиссіи о центрѣ“.

„За послѣднее время, въ общей и спеціальной экономической литературѣ, а также въ отдѣльныхъ сообщеніяхъ правительственныхъ органовъ и въ изслѣдованіяхъ земскихъ учрежденій, неоднократно указывалось на признаки нѣкотораго застоя въ экономическомъ развитіи и даже упадка хозяйства въ средней черноземной полосѣ Европейской Россіи“... Такими словами начинается предисловіе къ опубликованнымъ, два года тому назадъ, „Матеріаламъ Высочайше учрежденной 16 ноября 1901 года Коммиссіи по изслѣдованію вопроса о движеніи съ 1861 года по 1900 годъ благосостоянія сельскаго населенія среднеземледѣльческихъ губерній, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи“ (СПб., 1903 г.).

Коммиссія эта, или „Коммиссія о центрѣ“, какъ ее называли для краткости, учреждена въ 1901 году по иниціативѣ бывшаго въ то время министромъ финансовъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте, подъ предсѣдательствомъ сенатора (нынѣ министра финансовъ) В. Н. Коковцова. Въ составъ Коммиссіи вошли представители министерствъ финансовъ, земледѣлія, внутреннихъ дѣлъ, удѣльнаго вѣдомства и 18 человѣкъ земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ изъ 17 губерній [1]) различныхъ мѣстностей Европейской Россіи. Коммиссія была созвана въ октябрѣ 1903 года и имѣла четыре засѣданія.

[1]) Земскіе дѣятели, вошедшіе въ составъ Коммиссіи, были приглашены изъ слѣдующихъ губерній: воронежской, вятской, казанской, курской, нижегородской, новгородской, орловской, пензенской, полтавской, рязанской, самарской, саратовской (2 лица), симбирской, смоленской, тамбовской, тульской и харьковской.

Для того, чтобы Коммиссія при своихъ работахъ имѣла необходимыя для нея справочныя данныя, министромъ финансовъ еще въ 1901 году поручено было департаменту окладныхъ сборовъ разработать „обширный статистическій матеріалъ“, имѣющійся какъ въ учрежденіяхъ самого финансоваго вѣдомства, такъ и собранный другими правительственными учрежденіями и земствами. Вслѣдствіе обширности задачи, возложенной на департаментъ, работа его затянулась почти на два года. За это время, какъ извѣстно, въ началѣ 1902 года было учреждено Особое Совѣщаніе о нуждахъ сельской промышленности, съ цѣлью „выясненія“ этихъ нуждъ и „соображенія мѣръ, направленныхъ на пользу этой промышленности и связанныхъ съ нею отраслей народнаго труда“. Въ виду болѣе широкихъ полномочій, данныхъ Особому Совѣщанію, труды „Коммиссіи о центрѣ“ явились какъ бы подготовительнымъ матеріаломъ для самого Совѣщанія, о чемъ не разъ было заявлено и въ засѣданіяхъ Коммиссіи [1]).

Матеріалы, разработанные департаментомъ окладныхъ сборовъ, а также и обсужденіе ихъ въ Коммиссіи, по предложенію министра финансовъ, должны быть „строго ограничены“ явленіями „экономическаго свойства“, вслѣдствіе чего и мѣропріятія, выработанныя Коммиссіей, „должны быть исключительно экономическими, относящимися спеціально къ вѣдѣнію финансоваго вѣдомства (см. „Матеріалы“, т. III, стр. 3). Требованіе это было подтверждено предсѣдателемъ Коммиссіи въ вступительной его рѣчи на первомъ засѣданіи.

„Матеріалы“, разработанные департаментомъ, составляютъ три обширные тома, заключающіе въ себѣ цифровой матеріалъ (таблицы), діаграммы къ нему, пояснительный текстъ и небольшое „приложеніе“, состоящее изъ комбинаціонныхъ графикъ.

Критическая оцѣнка „Матеріаловъ“ съ методологической точки зрѣнія появилась уже въ печати [2]). Кромѣ того, сами составители „Матеріаловъ“ отнеслись къ своему труду съ большою строгостью, и въ предисловіи указываютъ на „несовершенства“ его, считаютъ, что къ нему „не могутъ быть предъявляемы строгія научныя требованія“. Эти „недочеты“ составители стараются объяснить исключительно практическою задачей, имъ поставленной, и „вообще спѣшностью организаціи и выполненія всего дѣла“; сознаются они и въ недоста-

---

[1]) Какъ извѣстно, Совѣщаніе это неожиданно для всѣхъ было упразднено съ учрежденіемъ (указъ правительствующему сенату 30 марта 1905 г.) новаго, тоже „Особаго Совѣщанія“, подъ предсѣдательствомъ члена государственнаго совѣта (бывшаго министра внутреннихъ дѣлъ) И. Л. Горемыкина; послѣднему переданъ и обширный матеріалъ, собранный прежнимъ Совѣщаніемъ.

[2]) См. „Новое статистическое изслѣдованіе“, статья В. В., въ „Вѣстникѣ Европы“, за 1904 г., въ кн. 10-й.

точной", въ нѣкоторыхъ случаяхъ, „обоснованности" своихъ выводовъ („Мат.", III, стр. IV).

Въ виду всего сказаннаго, въ настоящее время мы почти не касаемся критическаго разбора „Матеріаловъ", а познакомимся лишь съ главнѣйшими выводами, къ которымъ пришли какъ составители „Матеріаловъ", такъ и сама Коммиссія, насколько дѣятельность послѣдней извѣстна изъ отчета, опубликованнаго въ оффиціальномъ „Вѣстникѣ финансовъ и промышленности" (за 1903 г., №№ 43, 45, 46 и 47), а также изъ свѣдѣній, появившихся въ другихъ періодическихъ изданіяхъ.

Въ началѣ работы въ „Матеріалахъ" предполагалось выяснить экономическое положеніе русскаго сельскаго хозяйства вообще, какъ крестьянскаго, такъ и частно-владѣльческаго; но недостаточность статистическихъ данныхъ о хозяйствѣ частно-владѣльческомъ была причиною, почему составителямъ пришлось ограничиться опубликованіемъ лишь нѣкоторыхъ данныхъ о частно-владѣльческомъ хозяйствѣ, безъ попытки сдѣлать изъ этихъ данныхъ какое-либо заключеніе, подобное тому, что было ими сдѣлано относительно хозяйства крестьянскаго. Оставаясь въ рамкахъ, указанныхъ министромъ финансовъ, составители „Матеріаловъ" касаются лишь тѣхъ экономическихъ явленій, которыя они, очевидно, считали наиболѣе важными, такъ что многое, безусловно относящееся къ той же экономической жизни русской деревни, ими не затронуто, на что, какъ увидимъ ниже, было указано принимавшими участіе въ Коммиссіи земскими дѣятелями.

Первый вопросъ, затронутый въ „Матеріалахъ", это—движеніе численности сельскаго населенія.

Данныя о движеніи населенія, по мнѣнію составителей „Матеріаловъ", могутъ служить лишь „косвенными показателями" экономическаго положенія страны, а потому разсматриваются какъ „вспомогательныя" свѣдѣнія среди другихъ факторовъ. Несмотря на это, въ самыхъ „Матеріалахъ" встрѣчаются нѣкоторые опредѣленные выводы; такъ, наиболѣе сильный скачокъ въ цифрахъ смертности замѣчается въ пятилѣтіи 1891—95 годовъ, „что возможно объяснить неурожаями 1891—92 годовъ, вызвавшими голодъ и тифъ, къ которымъ еще присоединилась занесенная изъ Азіи холера". Въ это пятилѣтіе въ трехъ районахъ [1]) — восточномъ, юго-восточномъ и юго-восточной группѣ

[1]) Въ „Матеріалахъ" Европейская Россія раздѣлена на слѣдующіе районы: сѣверный, въ составъ котораго входятъ губерніи: архангельская, вологодская, олонецкая, с.-петербургская, новгородская и псковская; прибалтійскій — эстляндская, лифляндская и курляндская; сѣверо-западный — ковенская, виленская, витебская,

средняго земледѣльческаго района смертность поднялась на 5 человѣкъ на 1000 душъ населенія противъ предыдущаго пятилѣтія; въ сѣверо-западной группѣ средняго земледѣльческаго района—на 4 человѣка; въ среднемъ—приволжскомъ — на 3 человѣка; въ юго-западномъ—на два человѣка и въ сѣверо-западномъ—на одного человѣка. „Одновременно съ возрастаніемъ смертности", въ то же пятилѣтіе, въ районахъ восточномъ, среднемъ приволжскомъ, въ обѣихъ группахъ средняго земледѣльческаго и въ юго-западномъ „рождаемость упала отъ 2 до 4 человѣкъ на 1.000 душъ населенія по сравненію съ предыдущимъ пятилѣтіемъ". Далѣе—соотвѣтственно колебаніямъ смертности и рождаемости, въ первой половинѣ девятидесятыхъ годовъ минувшаго столѣтія, то-есть въ голодные и непосредственно слѣдующіе за ними годы, естественный приростъ населенія въ вышеуказанныхъ мѣстностяхъ упалъ, особенно въ районахъ—восточномъ, среднемъ приволжскомъ и среднемъ земледѣльческомъ (въ обѣихъ группахъ) — по 6—8 человѣкъ на 1000 душъ населенія. Одною изъ причинъ этого явленія можно считать отливъ сельскаго населенія въ города. Въ мѣстностяхъ промышленныхъ подобный отливъ вполнѣ понятенъ и обусловливается, во-первыхъ, промысловымъ характеромъ самого населенія, во-вторыхъ, сосредоточеніемъ большинства промышленныхъ предпріятій въ городахъ; въ мѣстностяхъ же чисто земледѣльческихъ, въ губерніяхъ центральныхъ земледѣльческихъ, среднихъ приволжскихъ и малороссійскихъ, отливъ населенія изъ деревни нельзя не поставить въ связь съ невполнѣ благопріятными условіями жизни сельскаго населенія — съ недостаткомъ земли и заработковъ, и другого объясненія этого явленія дать нельзя. Такимъ образомъ (говорится въ „Матеріалахъ"), „данныя таблицы о движеніи сельскаго населенія даютъ, повидимому, основаніе къ заключенію, что положеніе сельскаго населенія въ нѣкоторыхъ земледѣльческихъ мѣстностяхъ измѣняется къ худшему, сравнительно съ другими мѣстностями Европейской Россіи" („Матеріалы", III, стр. 128).

Къ подобному же заключенію приходятъ составители „Матеріаловъ", трактуя вопросъ о переселеніи крестьянъ изъ центра въ

могилевская, минская и гродненская; средній промышленный—московская, тверская, ярославская, костромская, владимірская, калужская и смоленская; средній земледѣльческій районъ съ подраздѣленіемъ на двѣ группы — сѣверо-западную — рязанская, тульская, орловская и курская и юго-восточную — харьковская, воронежская, тамбовская, пензенская и саратовская; средній приволжскій — нижегородская, казанская и симбирская; сѣверо-восточный—вятская и пермская; восточный — уфимская, оренбургская и самарская; юго-восточный — астраханская и донская обл.; новороссійскій — екатеринославская, таврическая, херсонская и бессарабская, малороссійскій — черниговская и полтавская; юго-западный — волынская, кіевская и подольская.

окраины и въ Сибирь, хотя при этомъ и оговариваются, что вполнѣ опредѣленныя заключенія по этому вопросу „были бы рискованны", но все-таки, по ихъ мнѣнію, слѣдуетъ считать, „что бо̀льшая или меньшая склонность населенія къ переселенію находится въ связи съ затруднительностью обезпеченнаго существованія на родинѣ, и что посему, чѣмъ шире распространено переселеніе изъ извѣстной мѣстности, тѣмъ жизнь въ этой мѣстности тяжелѣе. Само собою разумѣется, однако, что тѣ или иные размѣры переселенія зависятъ и отъ другихъ условій: степени предпріимчивости населенія, освѣдомленности его объ условіяхъ жизни въ Сибири, обычныхъ формъ землевладѣнія и наслѣдованія и т. д. Съ этими оговорками возможно признать, что средне-земледѣльческія и малороссійскія губерніи, судя по даннымъ о переселеніи, находятся въ худшихъ условіяхъ по благосостоянію населенія, чѣмъ прочія мѣстности Европейской Россіи" („Мат.", III, 130). Оговорки, приведенныя въ „Матеріалахъ", ничѣмъ не подтверждены, да, думается намъ, онѣ и не могутъ быть подтверждены фактами. Если жизнь крестьянина идетъ гладко, ему нечего проявлять своей „предпріимчивости" въ отысканіи новыхъ мѣстъ для приложенія своего труда, что̀ всегда сопряжено съ потерею времени и средствъ. Что касается до „освѣдомленности" крестьянъ объ условіяхъ жизни въ Сибири, если таковая и встрѣчается среди нихъ,—не думаю, чтобы условія эти были настолько привлекательными, чтобы ради нихъ люди бросали вѣками насиженныя мѣста на родинѣ и пускались въ даль. Обычныя формы землевладѣнія и наслѣдованія, правда, могутъ иногда стать побудительными причинами къ переселенію, но при подобныхъ случаяхъ само переселеніе не можетъ принять характера массового движенія, какимъ является переселеніе крестьянъ въ Сибирь изъ многихъ мѣстностей Европейской Россіи.

Опредѣленнѣе высказались по вопросу о причинахъ переселенія земскіе дѣятели. Въ своей „Запискѣ", поданной предсѣдателю Коммиссіи [1]), они прямо заявляютъ, что крестьяне, „не ограничиваясь покупкою земли на родинѣ, подъ вліяніемъ тяжелаго экономическаго положенія, обусловленнаго малоземельемъ, высокими арендными цѣнами и неурожаями, стали переселяться въ другія губерніи Россійской имперіи и въ Сибирь, несмотря на запретъ и карательныя мѣры правительства и на тѣ лишенія, которыя сопровождали переселенцевъ". Къ числу причинъ, тормозящихъ переселенческое дѣло, слѣдуетъ отнести рядъ законодательныхъ мѣръ и министерскихъ циркуляровъ, появив-

[1]) Знакомству съ содержаніемъ этой весьма важной „Записки" земскихъ дѣятелей, участвовавшихъ въ Коммиссіи, мы обязаны обстоятельному пересказу ея, помѣщенному въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ", въ статьѣ „Коммиссія о центрѣ" (1903 г., №№ 290 и 291), изъ которыхъ и сдѣланы нами извлеченія въ дальнѣйшемъ изложеніи.

шихся въ послѣднія 10—11 лѣтъ. Несмотря, однако, на всѣ эти распоряженія, на мѣстахъ прихода самовольныхъ переселенцевъ не только не возвращали обратно и не наказывали, но даже „оказывали имъ всевозможныя льготы. Слухи объ этомъ доходили на родину и усиливали переселенческое движеніе. Все это ставило переселенцевъ въ ненормальное положеніе, тѣмъ болѣе, что правильныхъ свѣдѣній объ отведенныхъ участкахъ и объ условіяхъ жизни въ Сибири они не могли получить на мѣстѣ“ („С.-Пб. В.“, 1903, № 291). О ростѣ переселенческаго движенія въ Сибирь имѣются данныя въ самыхъ „Матеріалахъ“. Такъ, за 15 лѣтъ (1886 — 1900 г.г.) въ Сибирь переселилось изъ Европейской Россіи около милліона двухсотъ тысячъ душъ, при этомъ въ первыя 5 лѣтъ — около 107 тысячъ, во второе пятилѣтіе (1891 — 95 гг.), когда во многихъ губерніяхъ разразился голодъ — свыше 353 тысячъ, и, наконецъ, въ послѣднее пятилѣтіе (1896 — 1900 гг.), тоже далеко не благополучное въ отношеніи къ обезпеченію населенія продовольствіемъ, — болѣе 738 тысячъ душъ, то-есть въ семь разъ болѣе перваго пятилѣтія. Особенно сильно было переселеніе изъ губерній полтавской (св. 156 тыс.), курской (142 т.) и черниговской (103 тыс.). Коммиссія, въ одномъ изъ своихъ засѣданій, разсмотрѣла вопросъ о переселеніи и согласилась съ мнѣніемъ земскихъ дѣятелей, что урегулированіе этого дѣла весьма важно; главное же „неустройство“ переселенческаго дѣла заключается, во-первыхъ, въ неблагопріятныхъ условіяхъ, въ которыя переселенцы попадаютъ на новыхъ мѣстахъ, такъ что предпочитаютъ даже вернуться на родину (за послѣднія семь лѣтъ возвратилось изъ Сибири около 150 тыс. или 17% всѣхъ переселившихся), и во-вторыхъ — въ томъ, что „въ большинствѣ случаевъ переселяются зажиточные крестьяне, а сельскіе пролетаріи остаются на мѣстѣ“ („Вѣстн. Фин.“ 1903, № 45).

Данныя, опредѣляющія процентное отношеніе числа лицъ, забракованныхъ при пріемѣ на военную службу и получившихъ отсрочку по невозмужалости, къ числу освидѣтельствованныхъ, по справедливому замѣчанію составителей „Матеріаловъ“, могли бы быть однимъ изъ показателей состоянія здоровья населенія, а слѣдовательно и его хозяйственной зажиточности, но, къ сожалѣнію, данныя эти имѣются за весьма ограниченное число лѣтъ, а потому пришлось ограничиться сопоставленіемъ количества забракованныхъ при пріемѣ на военную службу и получившихъ отсрочку по невозмужалости — съ числомъ всѣхъ лицъ призывного возраста, что̀ является менѣе точнымъ показателемъ физическаго состоянія населенія, такъ какъ требуемый ежегодно контингентъ лицъ для пополненія военныхъ силъ имперіи съ 1874 по

1901 годъ возросъ на 100%, тогда какъ за то же время населеніе увеличилось всего на 40%. Остается пожалѣть, что наша военная статистика такъ несовершенна, что не даетъ отвѣта на поставленный вопросъ, тѣмъ болѣе, что вопросъ этотъ весьма важенъ и для самого военнаго вѣдомства.

По мнѣнію составителей „Матеріаловъ", для освѣщенія интересующаго насъ вопроса мало даютъ и имѣющіяся въ литературѣ свѣдѣнія о крестьянскомъ бюджетѣ, вслѣдствіе ограниченнаго числа подобныхъ изслѣдованій сравнительно съ громадностью территоріи страны; кромѣ того, изслѣдованія о бюджетахъ относятся къ различнымъ годамъ, начиная съ 1877 и кончая 1901 годомъ. Несмотря на эти недочеты, составители „Матеріаловъ", на основаніи имѣющихся данныхъ, даютъ нѣкоторые, не лишенные интереса выводы, а именно: „центръ тяжести расходнаго бюджета лежитъ въ издержкахъ на пищу и хозяйство" (до 83% дохода), расходы же на повинности составляютъ, сравнительно, небольшую часть крестьянскаго бюджета; но, по совершенно вѣрному замѣчанію составителей „Матеріаловъ", „расходъ на повинности было бы правильнѣе сопоставить не со всею совокупностью расходнаго крестьянскаго бюджета, а только съ денежною его частью; это же сопоставленіе покажетъ, что повинности поглощаютъ приблизительно вдвое бо́льшую часть бюджета, чѣмъ указано выше" („Мат.", III, стр. 134). Какъ тяжело ложится податное бремя на массу крестьянскаго населенія, можно судить по высказанному земскими дѣятелями заявленію, что государственный бюджетъ (черпающій, замѣтимъ отъ себя въ скобкахъ, свои рессурсы изъ народа, или извнѣ, но подъ гарантіей народнаго достатка) возросъ за пореформенное время въ пять разъ,—между тѣмъ бюджетъ крестьянскаго хозяйства, за то же время, остался почти прежній („С.-Пб. В.", № 290). При подобныхъ условіяхъ финансоваго и экономическаго хозяйства страны, является понятнымъ и помѣщенный въ „Матеріалахъ" (ч. I, табл. IV) выводъ, по которому средній годовой крестьянскій бюджетъ въ настоящее время заключается дефицитомъ въ 5 рублей.

Потребленіе спирта, продукта, высоко обложеннаго акцизомъ, можетъ служить однимъ изъ показателей покупательной способности населенія, а слѣдовательно и показателемъ „степени его благосостоянія". По этому вопросу въ „Матеріалахъ" установленъ „основной" фактъ, что по 50-ти губерніямъ Европейской Россіи годовое потребленіе спирта постепенно сокращается. Такъ, за послѣднія 30 лѣтъ, общее количество потребляемаго въ странѣ спирта съ 24 милліоновъ ведеръ упало до 22 милліоновъ, или сократилось почти на 9%. На одну душу населенія потребленія спирта приходилось: въ десятилѣтіе 1870—79 годовъ—0,36 ведра, въ слѣдующее десятилѣтіе (1880—89)—

0,30 и въ послѣднее (1890—99)—всего 0,23 ведра, т.-е., за 30 лѣтъ потребленіе сократилось на 0,13 ведра на душу, или на 36% Фактъ сокращенія потребленія спирта въ странѣ свидѣтельствуетъ о пониженіи покупательной силы народныхъ массъ и представляется особенно знаменательнымъ уже по одному тому, что въ разсматриваемый періодъ въ Россіи сильно возросло городское населеніе, потребляющее, какъ извѣстно, значительно большее количество спирта, чѣмъ населеніе сельское. Сокращеніе душевого потребленія спирта за послѣднія 30 лѣтъ замѣчается во всѣхъ безъ исключенія районахъ Россіи. По свидѣтельству „Матеріаловъ", неурожаи 1891—92 годовъ сильно понизили размѣръ потребленія спирта въ пятилѣтіе 1890—94 годовъ почти повсемѣстно; при этомъ большее сокращеніе его наблюдается въ землевладѣльческомъ краѣ, въ нѣкоторыхъ губерніяхъ восточнаго района, особенно въ самарской (почти на 38%). Меньшіе размѣры потребленія спирта (читаемъ далѣе въ „Матеріалахъ") на душу обоего пола и значительныя колебанія этого потребленія по пятилѣтіямъ, указывающія „на неустойчивость покупательной силы населенія", давали бы основаніе заключить о менѣе благопріятномъ экономическомъ положеніи сѣверныхъ, восточныхъ, центральныхъ и малороссійскихъ губерній. Впрочемъ, въ сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ меньшая душевая норма потребленія спирта до извѣстной степени „объясняется меньшимъ въ этихъ мѣстностяхъ процентомъ городского населенія. Наиболѣе же устойчивымъ потребленіе спирта оказывается въ губерніяхъ промышленныхъ, а также въ мѣстностяхъ съ большими городскими центрами" („Мат.", III, стр. 137), хотя, какъ мы видѣли выше, въ общемъ и въ этихъ мѣстностяхъ замѣчается постепенное сокращеніе потребленія, а слѣдовательно и постепенное пониженіе покупательной силы народныхъ массъ. Яркимъ примѣромъ для послѣдняго вывода служитъ с.-петербургская губернія, въ которой потребленіе спирта сильно сократилось, несмотря на постоянный и весьма значительный ростъ городского населенія въ самой столицѣ.

Данныя о движеніи суммъ въ сберегательныхъ кассахъ, по свидѣтельству „Матеріаловъ", „не могутъ служить прочнымъ основаніемъ для заключеній о движеніи благосостоянія сельскаго населенія", такъ какъ кассы эти „служатъ не столько массѣ населенія сколько верхнимъ по достатку ея слоямъ" („Мат.", III, 265). Земскіе дѣятели въ своей „Запискѣ" заявили, что капиталы сберегательныхъ кассъ, доходящіе до милліарда рублей, собранные изъ сбереженій населенія, не обращаются на удовлетворенія нуждъ самого населенія, а „идутъ на поддержаніе государственнаго кредита". Да и вообще, по мнѣнію

земскихъ дѣятелей, внутренняя финансовая политика въ Россіи такова, что даже самое крупное правительственное кредитное учрежденіе—государственный банкъ—своими операціями поддерживаетъ крупную промышленность и „почти совершенно отказываетъ въ поддержкѣ мелкой и сельскому хозяйству". Замѣчанія земскихъ дѣятелей заслуживаютъ вниманія уже по тому, что, по даннымъ „Матеріаловъ", 40% всѣхъ вкладовъ въ сберегательныя кассы получено отъ земледѣльческаго класса; такой „громадный отливъ средствъ изъ деревни въ корнѣ уничтожалъ мѣстный деревенскій кредитъ", а „обостряющаяся съ каждымъ годомъ нужда въ деньгахъ породила въ деревняхъ самыя тяжелыя формы ростовщичества, обезцѣнила трудъ, вынудила къ убыточному для производителя сбыту продуктовъ сельскаго хозяйства и увеличила число безлошадныхъ дворовъ" („С.-Пб. В.", № 291). Затронутый земскими дѣятелями въ изложенномъ смыслѣ вопросъ о мелкомъ кредитѣ привелъ къ заявленію предсѣдателя Коммиссіи, что вопросъ этотъ уже разсматривался „Особымъ Совѣщаніемъ", и послѣднее „признало необходимымъ самое широкое воспособленіе мелкому кредиту" со стороны правительственныхъ учрежденій; желаніе же обращенія хотя бы части средствъ сберегательныхъ кассъ на нужды мелкаго кредита „Совѣщаніе" не считаетъ возможнымъ, такъ какъ, по мнѣнію его, средства этихъ кассъ „неприкосновенны" и „государство за нихъ отвѣтственно всѣмъ своимъ достояніемъ". На заявленіе, будто средства сберегательныхъ кассъ обращаются на поддержку государственнаго кредита, однимъ изъ представителей финансоваго вѣдомства въ Коммиссіи было указано какъ на неправильное, и какъ доказательство приведенъ фактъ, что „портфель сберегательныхъ кассъ наполненъ главнымъ образомъ свидѣтельствами крестьянскаго и дворянскаго банковъ" („В. Ф.", № 47).

Основаніемъ для обезпеченія крестьянскаго населенія въ Россіи служитъ надѣльная земля. Разсматривая степень обезпеченія крестьянъ надѣльною землею, составители „Матеріаловъ" приходятъ къ заключенію, что площадь ея, сравнительно съ численностью населенія, за пореформенное время уменьшилась—для всей Европейской Россіи на 44%; въ 1861 г. на душу приходилось по 4,8 десятины, а въ 1900 г.—по 2,6 десятины (въ юго-западномъ районѣ—всего по 1,4 десятины). „Результатомъ этого процесса, несмотря на общеизвѣстный фактъ увеличенія запашки, явилось сокращеніе посѣвной площади по отношенію къ крестьянскому населенію—на 33,7%. Во всѣхъ земледѣльческихъ районахъ, за исключеніемъ юго-западнаго края и южныхъ степныхъ областей, убыль посѣвной площади на 1.000 душъ крестьянскаго населенія выразилась гораздо сильнѣе (46,4—40,8%), чѣмъ въ мѣстностяхъ не-земледѣльческихъ (34,9—19,8%), причемъ

въ Малороссіи и въ среднеземледѣльческомъ районѣ убыль опредѣляется весьма внушительными размѣрами, достигающими почти половины душевого посѣва" („Мат.", III, 267—268).—Убыль эта станетъ еще болѣе ощутительною, если принять во вниманіе не одинъ средній размѣръ пахотной земли, а также и другія условія, среди которыхъ пашня находится, о чемъ нѣтъ свѣдѣній въ „Матеріалахъ", но на что̀ указали въ своей запискѣ земскіе дѣятели и нѣкоторые члены Коммиссіи въ самомъ засѣданіи послѣдней. Къ подобнымъ, часто неблагопріятнымъ условіямъ слѣдуетъ отнести формы владѣнія и пользованія землею, расположеніе участковъ относительно жилья владѣльцевъ, фигуру самого участка, чрезполосицу, наконецъ, причисленные земскими дѣятелями къ числу „вредителей сельскаго хозяйства"—изъ года въ годъ все болѣе и болѣе распространяющіеся овраги и пески. Эти, говоря словами нашего геолога, проф. А. А. Иностранцева, „бичи земледѣлія" особенно даютъ себя чувствовать въ нашей черноземной полосѣ. Являясь результатомъ безхозяйственной распашки, овраги и пески образуются главнымъ образомъ на пашнѣ и, по словамъ того же профессора „грозятъ превратить всю южную Россію въ безплодную пустыню" [1]). При такомъ положеніи вещей, по мнѣнію земскихъ дѣятелей, „только улучшенная культура на уменьшившихся участкахъ могла бы вознаградить хозяина за недостатокъ земли, но, при низкомъ уровнѣ знаній у крестьянскаго населенія, это становится „совершенно невозможнымъ".

При относительномъ сокращеніи площади пашни на надѣлѣ крестьянъ, обезпеченіе въ продовольственномъ смыслѣ тоже сокращается. Такъ, по выводамъ, помѣщеннымъ въ „Матеріалахъ", крестьяне, въ среднемъ по всей Россіи выводѣ, съ своего надѣла получаютъ продовольственныхъ хлѣбовъ по 16,6 пудовъ на душу, тогда какъ признанная составителями „Матеріаловъ" средняя норма равна 20 пудамъ; такимъ образомъ, является недоборъ хлѣбовъ въ 3,4 пуда на душу, или на 17%.—Изъ всѣхъ районовъ Европейской Россіи только въ трехъ (въ новороссійскомъ, восточномъ и юго-восточномъ) на душу приходится выше указанной нормы, во всѣхъ же остальныхъ чувствуется недостатокъ, особенно въ губерніяхъ земледѣльческихъ по преимуществу (центральныхъ, приволжскихъ, малороссійскихъ и юго-западныхъ), именно въ мѣстностяхъ, гдѣ промышленность слабо развита и гдѣ „хлѣбъ, собираемый населеніемъ, является главнѣйшимъ источникомъ для удовлетворенія всѣхъ его потребностей".

Еще въ менѣе выгодномъ положеніи—читаемъ далѣе въ „Мате-

---

[1]) Неймайръ, „Исторія земли", русск. переводъ подъ ред. А. А. Иностранцева (СПб. 97); т. I, 540; примѣч. переводчика.

ріалахъ",—находятся земледѣльческія мѣстности относительно количества овса, причитающагося при среднемъ урожаѣ на одну лошадь. Овса, въ среднемъ для всей Россіи, собирается по 23,6 пуда на одну лошадь, тогда какъ годовая норма исчислена въ 40 пудовъ; такимъ образомъ, недоборъ овса равенъ 41% нормы. Выше указанной нормы собирается овса въ одномъ сѣверо-восточномъ районѣ, во всѣхъ же остальныхъ—ниже.

Вопросъ о все-возрастающемъ крестьянскомъ „малоземельѣ" обсуждался подробно въ засѣданіяхъ коммиссіи, причемъ члены ея пришли къ заключенію, что низкій уровень сельско-хозяйственной культуры у насъ не подлежитъ никакому сомнѣнію; средняя урожайность всѣхъ хлѣбовъ на поляхъ крестьянскаго населенія Россіи значительно ниже урожайности всѣхъ европейскихъ государствъ; но „если бы удалось хотя на 25% поднять, путемъ улучшенной культуры, среднюю урожайность русскихъ полей, то Россія могла бы не только вполнѣ насытиться своимъ хлѣбомъ, но и стать житницей всей Европы, и, слѣдовательно, малоземелье, какъ обще-распространенное явленіе, перестало бы существовать". Однако, подъемъ сельско-хозяйственной культуры совершается крайне медленно, и потому „необходимо считаться съ малоземельемъ и въ прямомъ смыслѣ этого слова"; устранить же малоземелье, по мнѣнію Коммиссіи, можно „единственно количественнымъ увеличеніемъ той земли, которою располагаетъ крестьянское хозяйство" („В.•Ф.", 1903, № 45). Подобнымъ же образомъ рѣшало и рѣшаетъ вопросъ и само населеніе, и этимъ, по мнѣнію земскихъ членовъ Коммиссіи, можно уяснить стремленіе крестьянъ, въ особенности земледѣльческихъ губерній, къ пріобрѣтенію и арендованію земель, несмотря на высокія цѣны на послѣднія („С.-Пб. Вѣд.", 1903, № 290). Данныя по этому вопросу имѣются въ „Матеріалахъ" Коммиссіи. Такъ, между прочимъ, въ нихъ указано обще-извѣстное явленіе сильной убыли землевладѣнія дворянскаго, за счетъ котораго растетъ землевладѣніе другихъ сословій, особенно крестьянское, причемъ „масса собственно земледѣльческаго населенія не располагаетъ своими средствами для покупки земли и потому пріобрѣтаетъ ее почти исключительно съ помощью крестьянскаго поземельнаго банка". Размѣръ этихъ покупокъ составляетъ всего около 4½ милліоновъ десятинъ (данныя „Матеріаловъ" ограничиваются 1900 годомъ), тогда какъ все внѣнадѣльное крестьянское землевладѣніе увеличилось болѣе чѣмъ на 14½ милліоновъ десятинъ. „При такихъ условіяхъ весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что часть земли, купленной на собственныя средства, пріобрѣтена болѣе или менѣе значительными участками, крупными собственниками изъ крестьянъ и,

слѣдовательно, не должна быть принимаема въ разсчетъ при обсужденіи вопроса о степени обезпеченности собственною землею массы земледѣльческаго населенія". Что касается до роста крестьянскаго землевладѣнія, какъ показателя благосостоянія той или другой мѣстности, то, оказывается, въ „менѣе благопріятномъ въ этомъ отношеніи" стоятъ губерніи среднія земледѣльческія, средняго Поволжья, юго-западныя и малороссійскія („Мат.", III, 158).

Составители „Матеріаловъ" нѣсколько подробнѣе останавливаются на дѣятельности правительственнаго учрежденія, способствующаго расширенію крестьянскаго землевладѣнія—крестьянскаго банка, причемъ приходятъ къ выводу, что дѣятельность этого учрежденія далеко не удовлетворяетъ потребностямъ нуждающагося въ землѣ населенія. Такъ, по приведенному въ „Матеріалахъ" вычисленію, со времени открытія банка по 1900 годъ, купленныя при его посредствѣ земли увеличили площадь землевладѣнія крестьянъ менѣе чѣмъ на 4%, между тѣмъ какъ сельское мужское населеніе за то же время возросло на 37% [1]). Разбирая дѣятельность крестьянскаго банка по отдѣльнымъ мѣстностямъ—по группамъ губерній,—составители „Матеріаловъ" обращаютъ особое вниманіе на тѣ части Россіи, въ которыхъ крестьяне менѣе обезпечены надѣльною землею, а именно: на среднее Приволжье (съ надѣломъ по 2,4 дес. на одну душу мужского пола), среднюю земледѣльческую полосу (по 2,2 и 1,7 дес.), сѣверо-западный край (2,2 дес.), Малороссію (1,7 дес.) и на юго-западный край (1,4 дес.). Изъ перечисленныхъ мѣстностей крестьянами пріобрѣтено болѣе всего земли въ районѣ сѣверо-западномъ и въ юго-восточной группѣ губерній средней земледѣльческой полосы, „хотя и въ нихъ (по замѣчанію „Матеріаловъ") количество купленной земли значительно менѣе того, которое могло бы оказать существенное вліяніе на обезпеченность землею наличнаго крестьянскаго населенія. Остальныя же изъ означенныхъ выше губерній даже по абсолютному количеству десятинъ пріобрѣтенной земли принадлежатъ къ мѣстностямъ, гдѣ дѣятельность крестьянскаго банка получила меньшее развитіе. Это обстоятельство, а также меньшая, сравнительно съ другими мѣстностями, исправность во взносѣ платежей крестьянскому банку, по-

[1]) Дѣятельность крестьянскаго банка, со введеніемъ новаго устава 1895 г., какъ было заявлено и въ самой Коммиссіи, сильно возросла, особенно въ послѣдніе годы, начиная съ 1899-го. Такъ, за періодъ 1883—95 г.г. (съ основанія банка до введенія новаго устава), крестьянами при посредствѣ банка, въ среднемъ, пріобрѣталось по 190 тыс. дес., съ 1896 по 1898 г.г.—по 385 тыс., а съ 1899 по 1903 г.г.—почти по 750 тыс. дес. въ годъ. Такимъ образомъ, процентъ покупаемой при содѣйствіи банка земли въ настоящее время значительно выше указаннаго въ „Матеріалахъ".

стоянно обнаруживавшаяся въ среднихъ земледѣльческихъ и приволжскихъ губерніяхъ, повидимому, свидѣтельствуетъ о болѣе слабыхъ покупныхъ силахъ крестьянъ этихъ губерній. Впрочемъ, нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что покупная цѣна земли, пріобрѣтаемой при содѣйствіи крестьянскаго банка, въ этихъ же мѣстностяхъ держалась выше средняго уровня, вслѣдствіе чего мѣстные крестьяне поставлены были въ сравнительно неблагопріятныя условія въ отношеніи какъ пріобрѣтенія земли чрезъ банкъ, такъ и исполненія своихъ обязательствъ передъ банкомъ" („М.", III, 175). Въ засѣданіяхъ Коммиссіи указано было „на отсутствіе въ дѣятельности крестьянскаго банка планомѣрности"; такъ, въ однѣхъ мѣстностяхъ (напр., въ губерніяхъ саратовской и смоленской) „онъ помогалъ покупать землю малоземельнымъ, въ другихъ—и, въ об,щемъ въ большинствѣ губерній,—наоборотъ, услугами его пользовались исключительно обезпеченные землею крестьяне". Какъ на примѣръ послѣдняго явленія, однимъ членомъ Коммиссіи было указано на полтавскую губернію, въ которой крестьянскій банкъ „помогалъ пріобрѣтать землю только имущественно обезпеченнымъ казакамъ", такъ что мѣстное земство „рѣшило придти на помощь крестьянскому земельному пролетаріату" и образовало особый капиталъ имени императора Александра II (100 тысячъ рублей), на средства котораго земство покупало облюбованные нуждающимися въ землѣ крестьянами участки и сдавало ихъ этимъ крестьянамъ въ аренду съ правомъ постепеннаго выкупа; при этомъ соблюдалось правило, чтобы никто изъ крестьянъ-покупателей не доводилъ такимъ способомъ свой участокъ болѣе чѣмъ до 6-ти десятинъ на душу. Результатъ, достигнутый этимъ опытомъ полтавскаго земства, оказался вполнѣ удовлетворительнымъ: „обыкновенно лѣтъ черезъ пять земля оказывалась уже выкупленной", и, въ общемъ, операція оказалась далеко не „безубыточной", такъ что земство нашло цѣлесообразнымъ расширить ее и увеличило самый капиталъ болѣе чѣмъ вдвое. „Этимъ фактомъ доказывается, что малоземельные крестьяне могли бы сполна разсчитываться и съ крестьянскимъ банкомъ".—Земскіе дѣятели, присутствовавшіе въ коммиссіи, высказали мысль о желательности болѣе близкихъ отношеній банка къ земству, что, по ихъ мнѣнію, было бы особенно цѣнно въ дѣлѣ указанія участковъ для покупки и въ установленіи покупныхъ цѣнъ. Въ виду заявленія предсѣдателя Коммиссіи, что на вновь образованный комитетъ по дѣламъ земельнаго кредита, „по всей вѣроятности", будетъ возложено руководство всею аграрною политикою государства [1]), Коммиссія, согласившись съ высказанными мнѣніями, ограни-

[1]) Въ настоящее время миссія эта, очевидно, возложена на Особое Совѣщаніе, подъ предсѣдательствомъ И. Л. Горемыкина.

чилась „пожеланіями, чтобы дѣятельность крестьянскаго банка была въ будущемъ „планомѣрной, направленной къ снабженію землей преимущественно малоземельныхъ крестьянъ, и чтобы было допускаемо посредничество земства между крестьянами-покупателями, съ одной стороны, и банкомъ—съ другой“ („В. Ф.“, 1903 г., № 45).

Другой формой возмѣщенія недостатка въ угодьяхъ на надѣльныхъ земляхъ, практикуемой нашими крестьянами, является аренда. Изъ имѣющихся въ „Матеріалахъ“ данныхъ видно, что въ настоящее время (въ 1901 г.) крестьянами арендуется около 20 милліоновъ десятинъ, что составляетъ $^1/_6$ всей площади надѣльныхъ земель; при этомъ въ нѣкоторыхъ, преимущественно въ южныхъ и отчасти среднихъ земледѣльческихъ губерніяхъ, отношеніе это достигаетъ $^2/_3$; менѣе всего снимается крестьянами земли въ западныхъ губерніяхъ. Арендныя цѣны обыкновенно ниже при съемкѣ земель казенныхъ, затѣмъ удѣльныхъ; по болѣе же высокимъ цѣнамъ снимаются земли частно-владѣльческія. Краткосрочная аренда обходится дороже долгое срочной, что особенно тяжело въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ. Въ общемъ, въ Россіи преобладаетъ денежная форма аренды, болѣе выгодная для съемщиковъ, хотя въ земледѣльческихъ, черноземныхъ губерніяхъ сильно распространены и другія, менѣе выгодныя для нихъ формы, въ особенности—аренда изъ доли урожая. Наконецъ, въ „Матеріалахъ“ приведенъ еще весьма важный выводъ, что арендная плата, въ среднемъ для Россіи, болѣе чѣмъ вдвое превышаетъ всѣ лежащія на надѣльныхъ земляхъ повинности. Отрицательно отнеслись къ распространенному въ Россіи арендованію крестьянами земель и участвовавшіе въ Коммиссіи земскіе дѣятели. По ихъ мнѣнію, характерною чертою аренды въ Россіи является краткосрочность ея, выражающаяся преимущественно въ съемѣ земли отдѣльными домохозяевами подъ посѣвъ одного хлѣба—озимаго или ярового. Такой съемъ земли „исключаетъ вообще возможность хозяйственнаго отношенія къ ней“; если же принять во вниманіе отсутствіе у съемщиковъ свободныхъ капиталовъ и недостаточность надѣловъ, то при этой формѣ аренды „хозяйство принимаетъ хищническій характеръ“. Если же,—читаемъ далѣе въ запискѣ земскихъ дѣятелей,—„необходимымъ условіемъ интенсификаціи хозяйства и увеличенія производительности труда считается бо̀льшая продолжительность пользованія землею, то практикующійся способъ съема земли стоитъ въ явномъ противорѣчіи съ этимъ условіемъ. Крестьяне не только снимаютъ землю на годъ, но снимаютъ ее, въ большинствѣ случаевъ, передъ самымъ сѣвомъ, на спѣхъ, часто въ перебой другъ съ другомъ, причемъ главнымъ

вопросомъ для съемщика является достать сѣмена для посѣва и деньги для задатка владѣльцу земли. Въ это трудное, не только въ хозяйственномъ, но и просто въ житейскомъ отношеніи время, часто никакая изворотливость не спасаетъ отъ заподрядовъ на будущія работы, отъ съема земли за отработы и прочихъ видовъ крестьянской кабалы. Краткосрочный съемъ земли было бы правильнѣе назвать не арендой, а своеобразной торговлей землею въ розницу, налагающей особый отпечатокъ неустойчивости на весь строй хозяйства и заставляющей отнести такую аренду къ отрицательнымъ факторамъ развитія нашего земледѣлія" („В. Ф.", 1903 г., № 45; „С.-Пб. Вѣд.", 1903 г., № 291).

Выше было указано, что площадь запашки на надѣльныхъ земляхъ хотя, въ общемъ, и увеличилась (на 1.344 тысячи десятинъ, или на 3%), но, при сравненіи съ болѣе сильнымъ ростомъ населенія (на 30 милл. душъ, или на 50%), площадь эта сократилась съ $^5/_6$ до $^1/_2$ десятины на человѣка. Составители „Матеріаловъ", не настаивая на полной точности этого вывода въ цифровомъ отношеніи, считаютъ самый фактъ сокращенія душевого посѣва „безспорнымъ".

Вслѣдствіе недостатка въ землѣ, далеко не все крестьянское населеніе имѣетъ возможность приложить свой трудъ къ земледѣлію. По приведенному въ „Матеріалахъ" разсчету, въ Европейской Россіи для сельско-хозяйственной дѣятельности на надѣльной землѣ нужны только 20,7% рабочаго населенія, а „остальные 79,3% являются излишними" („Мат.", III, стр. 196). Этого „излишняго" рабочаго населенія для нуждъ сельскаго хозяйства особенно много (болѣе 85%) въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ по преимуществу, въ губерніяхъ: рязанской, тульской, орловской, тамбовской, харьковской, полтавской, кіевской (болѣе 90%), волынской, подольской, екатеринославской, херсонской и бессарабской.

Кромѣ посѣвной площади на надѣлѣ, крестьянамъ предоставляется возможность обрабатывать таковую же на земляхъ, владѣемыхъ ими на правахъ частной собственности, и на земляхъ другихъ владѣльцевъ, въ качествѣ арендаторовъ, съемщиковъ и, наконецъ, просто земледѣльческихъ рабочихъ. Площадь посѣвовъ на внѣнадѣльныхъ земляхъ тоже постепенно возрастаетъ, но не такъ быстро, какъ растетъ населеніе; вслѣдствіе этого, отношеніе общей (надѣльной и внѣнадѣльной) посѣвной площади къ крестьянскому населенію изъ года въ годъ уменьшается: въ десятилѣтіе 1881—90 годовъ на одну душу приходилось 1,06 десятины посѣвной площади, а въ слѣдующее (1891—1900 гг.)—всего 0,77 десятины, то-есть сократилась на 27%. Такимъ образомъ, и эти подсобныя для крестьянскаго населенія земледѣльческія работы не въ состояніи всецѣло занять его, что, по за-

мѣчанію составителей „Матеріаловъ“, ведетъ къ „избытку“ рабочей силы среди крестьянъ, и послѣдніе вынуждены искать занятія внѣ сельскаго хозяйства.

Въ „Матеріалахъ“ отмѣчается увеличеніе урожайности зерновыхъ хлѣбовъ на крестьянской надѣльной землѣ за послѣднее десятилѣтіе; но въ объяснительномъ текстѣ дѣлается слѣдующая оговорка: „если бы это было дѣйствительно такъ, то можно бы сказать, что сравнительное уменьшеніе посѣвовъ отчасти возмѣщается повышеніемъ урожайности. Однако, если даже принять на вѣру отмѣченное статистикою повышеніе урожаевъ, то и въ этомъ случаѣ оказывается, что оно шло гораздо медленнѣе, чѣмъ увеличивалось населеніе и сокращалась душевая пропорція посѣва“ („Мат.“, III, 269). Самое повышеніе урожайности составители „Матеріаловъ“ не считаютъ „несомнѣннымъ“ и приписываютъ его лишь улучшеніямъ при собираніи и разработкѣ статистическихъ данныхъ; это весьма вѣроятно, при наличности извѣстнаго, отмѣченнаго въ „Матеріалахъ“, явленія, что—„параллельно съ процессомъ относительнаго уменьшенія надѣловъ—не замѣчается, за рѣдкими исключеніями, ни улучшенія способовъ обработки земли, ни болѣе интенсивныхъ пріемовъ въ сельско-хозяйственной культурѣ“, и что урожайность крестьянскихъ земель въ настоящее время на 20,5% слабѣе урожайности земель частновладѣльческихъ.

Въ культурѣ продовольственныхъ растеній замѣчается слѣдующее измѣненіе: количество собираемыхъ зерновыхъ хлѣбовъ, сравнительно съ числомъ крестьянскаго населенія, въ Россіи уменьшается; такъ, въ среднемъ по странѣ, сборъ этихъ хлѣбовъ сократился съ надѣльныхъ земель болѣе чѣмъ на 12%, особенно же въ губерніяхъ среднихъ земледѣльческихъ (до 38%), восточныхъ и среднихъ приволжскихъ; къ мѣстностямъ, гдѣ этотъ относительный сборъ зерновыхъ хлѣбовъ увеличился, принадлежатъ новороссійскія губерніи. Убыль въ сборѣ зерновыхъ хлѣбовъ „отчасти возмѣщается“ возросшимъ (на 13,4%) сборомъ картофеля; но, не говоря уже о худшемъ качествѣ картофеля, какъ продовольственнаго продукта, сравнительно съ зерновыми хлѣбами, повышеніе сбора его возмѣщаетъ убыль въ сборѣ хлѣбовъ [1]) только въ сѣверныхъ и сѣверо-западныхъ частяхъ Европейской Россіи, въ остальныхъ же мѣстностяхъ общій сборъ всѣхъ продовольственныхъ продуктовъ (считая и картофель) сократился. Сокращеніе это особенно сильно въ губерніяхъ: среднихъ земледѣльческихъ—

---

[1]) Въ „Матеріалахъ“ при разсчетѣ питательности картофеля принимается три пуда его за одинъ пудъ зернового хлѣба.

болѣе чѣмъ на 28%, въ восточныхъ—на 27%, въ среднихъ приволжскихъ—почти на 20% и т. д.

Оставляя въ сторонѣ прибалтійскія губерніи, въ которыхъ средній урожай выше максимальныхъ урожаевъ другихъ губерній, по мнѣнію, высказанному въ „Матеріалахъ“, нельзя не обратить вниманія на „относительно меньшее повышеніе продуктивности земли“ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ, сравнительно съ неземледѣльческими. „Повсемѣстно отмѣчается повышеніе урожая, но въ среднихъ земледѣльческихъ, среднихъ приволжскихъ, среднихъ промышленныхъ, сѣверныхъ и восточныхъ губерніяхъ оно оказывается сравнительно невысокимъ“; это обстоятельство, читаемъ далѣе, „повидимому находится въ связи съ выпаханностью и истощенностью почвы среднихъ и восточныхъ земледѣльческихъ районовъ“. Затѣмъ, въ „Матеріалахъ“ отмѣчается, что урожай въ неземледѣльческихъ мѣстностяхъ, по сравненію съ земледѣльческими, отличается „несравненно большею устойчивостью“. Замѣчено, что въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, на ряду съ годами высокой урожайности, часто бываютъ годы неурожайные; послѣдніе въ губерніяхъ симбирской, орловской, тульской и рязанской въ теченіе послѣдняго десятилѣтія повторялись четыре раза, въ уфимской, нижегородской, казанской, пензенской, тамбовской, воронежской и курской — по три, въ оренбургской, самарской и саратовской — по два [1]) и въ одной только харьковской изъ десяти годовъ неурожайнымъ оказался одинъ. На юго-востокѣ и въ Новороссіи наряду съ годами высокой урожайности тоже преобладаютъ годы плохіе; въ западномъ же краѣ, на сѣверѣ и въ промышленной области „полные неурожаи чрезвычайно рѣдки: обыкновенно въ неурожайные годы тамъ собирается хлѣба въ количествѣ только ниже средней нормы; между тѣмъ въ земледѣльческихъ, степныхъ мѣстностяхъ, за послѣднее время, нерѣдко были годы, когда съ полей не собиралось даже и сѣмянъ“. Объясняется это явленіе большею культурностью и бо̀льшимъ „достаткомъ“ населенія промышленной полосы Россіи, сравнительно съ чисто земледѣльческими губерніями; въ послѣднихъ „всякія улучшенія хозяйства и землепользованія прививаются наиболѣе туго“ („Мат.“, III, 271 и 272).

[1]) Неурожай текущаго (1905) года, охватившій двадцать-двѣ губерніи, коснулся снова слѣдующихъ изъ перечисленныхъ губерній: орловской, тульской, рязанской, пензенской, тамбовской, воронежской, саратовской и самарской (въ этихъ губерніяхъ, по признанію междувѣдомственнаго совѣщанія подъ предсѣдательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Ватаци, „недородъ исключительный и вызываетъ необходимость въ немедленномъ принятіи рѣшительныхъ мѣръ для оказанія помощи населенію“), въ меньшей мѣрѣ—симбирской, казанской, нижегородской и отчасти харьковской и курской.

По приведенному въ „Матеріалахъ“ исчисленію, „съ надѣльныхъ земель (по сравненію съ урожайностью частно-владѣльческихъ) ежегодно не добирается около 400 милліононъ пудовъ хлѣба, реализаціей коихъ можно было бы свободно пополнить окладъ всѣхъ крестьянскихъ поземельныхъ сборовъ“ (тамъ же, 278). Какъ было замѣчено выше, данныя объ урожаѣ за прежнее время преуменьшены; но, несмотря на это, изъ приведенныхъ въ „Матеріалахъ“ цифровыхъ свѣдѣній видно, что въ шестидесятыхъ годахъ истекшаго столѣтія недоборъ хлѣбовъ съ надѣльныхъ земель, сравнительно съ урожаемъ на частно-владѣльческихъ земляхъ, при почти неувеличившейся съ того времени площади распашки надѣловъ, составлялъ всего 158 милліоновъ пуд.— почти втрое менѣе, чѣмъ въ настоящее время. Этотъ подсчетъ свидѣтельствуетъ о постепенномъ истощеніи почвенныхъ запасовъ при неподвижности сельско-хозяйственной культуры въ крестьянскомъ хозяйствѣ. „Недоборъ“ хлѣбовъ особенно ощутителенъ въ районахъ восточномъ и центральномъ земледѣльческомъ; въ послѣднемъ районѣ къ указаннымъ причинамъ недобора присоединяется сокращеніе площади пашни на надѣльныхъ земляхъ; такъ, въ юго-восточной части этого района площадь пашни за пореформенное время сократилась на 18%, при ростѣ крестьянскаго населенія болѣе чѣмъ на 4 милліона душъ, или на 35%.

Компенсаціей недостатка хлѣбовъ, собираемыхъ съ надѣльной земли, служитъ сборъ ихъ съ земель, принадлежащихъ крестьянамъ на правѣ частной собственности и съ арендуемыхъ ими у другихъ владѣльцевъ; но, по исчисленіямъ „Матеріаловъ“, количество продовольственныхъ хлѣбовъ, собираемыхъ крестьянами какъ съ земель надѣльныхъ и собственныхъ, такъ и съ арендуемыхъ, „въ большинствѣ мѣстностей Европейской Россіи, въ томъ числѣ и въ нѣкоторыхъ по преимуществу земледѣльческихъ районахъ, недостаточно даже для собственнаго продовольствія крестьянъ“, а потому имъ приходится прикупать его на деньги, получаемыя отъ заработковъ и промысловъ. Къ числу мѣстностей, наиболѣе нуждающихся въ прикупномъ хлѣбѣ, принадлежатъ районы: средній земледѣльческій, сѣверо-западный, юго-западный, средній промышленный и сѣверный. Слабѣе необходимость въ прикупномъ хлѣбѣ ощущается на сѣверо-востокѣ Европейской Россіи, въ среднемъ Приволжьѣ и въ Малороссіи („Мат.“, III, 272—273).

При такихъ условіяхъ для крестьянскаго хозяйства весьма важнымъ обстоятельствомъ являются цѣны на хлѣбъ. Разбирая вопросъ о хлѣбныхъ цѣнахъ, въ „Матеріалахъ“, между прочимъ, устанавливается общеизвѣстное явленіе нашей сельской жизни, а именно,

что „въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ широко распространены случаи, когда населеніе, продавая осенью хлѣбъ по дешевой цѣнѣ, весною пріобрѣтаетъ часть того же хлѣба по дорогой". Это вообще крайне невыгодное для крестьянъ явленіе особенно тяжело отзывается на ихъ хозяйствѣ, когда за годомъ урожайнымъ слѣдуетъ неурожайный, когда населеніе, продавая хлѣбъ „по чрезвычайно низкой цѣнѣ", обыкновенно сопровождающей урожайный годъ, „вынуждено пріобрѣтать его по непомѣрно высокой цѣнѣ", установленной вслѣдствіе неурожая, и притомъ съ тѣмъ, чтобы въ слѣдующій годъ „платить $6^1/_2$ пудами за пудъ. („Мат.", III, стр. 272). При подобныхъ условіяхъ населеніе земледѣльческихъ мѣстностей не можетъ справиться съ продовольственными долгами и вообще находится въ прямой зависимости отъ урожая, и самое крестьянское хозяйство этихъ мѣстностей оказывается настолько неустойчивымъ, что всякій сколько-нибудь крупный недородъ долго оказываетъ замѣтное вліяніе на цѣлый рядъ хозяйственныхъ явленій". Послѣ неурожаевъ 1891 и 1892 годовъ „цѣлый рядъ экономическихъ явленій первой половины девятидесятыхъ годовъ указывалъ на исключительный, повидимому, упадокъ центра", а отъ неурожаевъ послѣдняго времени „наиболѣе потерпѣли" восточныя губерніи", „и замѣчаются неблагопріятные признаки, какъ, напримѣръ, податная задолженность въ Новороссіи; наконецъ, если въ Малороссіи экономическое положеніе представляется „болѣе благопріятнымъ", чѣмъ въ центрѣ, то это въ „Матеріалахъ" объясняется отсутствіемъ въ этомъ краѣ „за послѣднее время крупныхъ недородовъ" („Мат.", III, 279).

При разсмотрѣніи движенія цѣнъ на хлѣбъ, въ „Матеріалахъ", между прочимъ, указывается на слѣдующее: „вслѣдствіе разнообразія почвенныхъ и экономическихъ условій, въ однихъ районахъ Европейской Россіи производство хлѣба не только покрываетъ мѣстное потребленіе, но даетъ еще излишки; въ другихъ же мѣстностяхъ потребленіе превышаетъ мѣстное производство и создаетъ спросъ на эти излишки" („Мат.", III, 202). Здѣсь, очевидно, идетъ рѣчь объ общемъ производствѣ хлѣба въ Россіи, какъ на крестьянскихъ, такъ и на частновладѣльческихъ земляхъ, такъ какъ собственно въ крестьянскомъ хозяйствѣ, разсмотрѣнію котораго посвящены труды Коммиссіи, какъ мы видѣли выше, „въ большинствѣ мѣстностей" объ „излишкахъ" въ хлѣбѣ не можетъ быть и рѣчи, напротивъ — повсюду чувствуется въ немъ недостатокъ. Общее количество въ Россіи этихъ „излишковъ" можно съ извѣстнымъ приближеніемъ вывести на основаніи данныхъ, помѣщенныхъ въ „Матеріалахъ (I, табл. XI и XV). По этимъ даннымъ, чистый сборъ (исключая необходимыхъ для посѣва сѣмянъ) хлѣбовъ и картофеля (выраженнаго въ хлѣбѣ) въ годъ средняго урожая

въ настоящее время со всѣхъ земель, какъ крестьянскихъ, такъ и владѣльческихъ, во всѣхъ 50 губерніяхъ Европейской Россіи составляетъ около 2.313 милліоновъ пудовъ, потребленіе же однимъ сельскимъ населеніемъ (91.400 тысячъ) и ихъ рабочимъ скотомъ (13.224 т. головъ) по установленнымъ въ „Матеріалахъ“ нормамъ равняется 2.357 милліонамъ пудовъ, — то-есть, чувствуется недостатокъ въ 44 слишкомъ милліона пудовъ. Если же принять въ расчетъ населеніе городовъ и рабочій скотъ въ городахъ, то послѣдняя цифра увеличится во много разъ. Между тѣмъ, Россія ежегодно отпускаетъ за свои предѣлы около 450 милліоновъ пудовъ хлѣба [1]). Если и допустить ошибку въ данныхъ „Матеріаловъ“, а слѣдовательно и въ сдѣланномъ нами на основаніи этихъ данныхъ подсчетѣ, то, во всякомъ случаѣ, ошибка эта не будетъ настолько велика, чтобы опровергнуть если не хроническое голоданье нашего крестьянства, то фактъ, установленный еще 11 лѣтъ тому назадъ покойнымъ профессоромъ К. А. Вернеромъ [2]) и другими экономистами,—что у насъ въ Россіи отпускъ хлѣба изъ страны сопровождается сокращеніемъ потребленія его народными массами; какъ мы видимъ изъ данныхъ „Матеріаловъ“ коммиссіи, въ настоящее время отпускъ этотъ сопровождается хроническимъ недоѣданіемъ. На „недоѣданіе и сопровождающія его „истощеніе и болѣзни“ среди народныхъ массъ Россіи указываютъ и земскіе дѣятели въ своей запискѣ („С.-Пб. Вѣд.“, № 290).

По даннымъ „Матеріаловъ“ въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ замѣчается „примѣненіе къ худшему со стороны такого важнаго показателя благосостоянія земледѣльческаго населенія, какъ скотоводство“. Достовѣрныя свѣдѣнія о скотоводствѣ имѣются только относительно лошадей и получаются путемъ періодически (начиная съ 1882 г.) производимыхъ конскихъ переписей.

На основаніи этихъ свѣдѣній замѣчается „неуклонное, хотя и медленное увеличеніе числа безлошадныхъ и однолошадныхъ хозяйствъ и уменьшеніе количества дворовъ, располагающихъ 2-мя, 3-мя и болѣе лошадьми“. Особенно быстро сокращается количество лошадей въ земледѣльческой полосѣ, такъ что въ настоящее время въ большинствѣ мѣстностей нашего чернозема число безлошадныхъ хозяйствъ среди крестьянъ достигло отъ 2 до 6%, что, по замѣчанію „Матеріаловъ“, является „болѣе важнымъ“ признакомъ экономическаго упадка, „чѣмъ въ промышленныхъ мѣстностяхъ, гдѣ многіе крестьяне, зани-

[1]) По даннымъ „Ежегодниковъ мин. финансовъ“ за 1898—1903 гг., за границу вывезено хлѣбовъ (въ милл. пудовъ): въ 1896 г.—507, въ 1897 г.—489, въ 1898 г.—459, въ 1899 г.—346, въ 1900—420, въ 1901—467 милл. пудовъ.

[2]) Статья К. А. Вернера: „Неурожаи и наше сельское хозяйство“; „Вѣстн. Европы“, 1893 г., кн. 1-я.

мающіеся всецѣло промыслами, иногда не имѣютъ даже нужды въ лошадяхъ“ („Мат.“, III, 274).

Разъ земледѣліе перестаетъ обезпечивать сельское населеніе,—мѣстные и сторонніе заработки и промыслы начинаютъ пріобрѣтать для него все большее и большее значеніе и начинаютъ привлекать „значительное количество свободныхъ рабочихъ рукъ“. Такъ, по даннымъ, помѣщеннымъ въ „Матеріалахъ“ и относящимся къ 1900 году, свыше 14 милліоновъ душъ обоего пола [1]), или 32% всего крестьянскаго населенія рабочаго возраста, занимаются промыслами, „частью не порывая связи съ землею, частью совершенно покинувъ ее и уйдя на фабрику или на иной заработокъ“. Большее количество рабочихъ рукъ поставляется среднимъ земледѣльческимъ райономъ, изъ населенія котораго навербовано свыше 21% общаго числа рабочихъ, занятыхъ промыслами, затѣмъ идетъ уже средній промышленный районъ (19%). При сопоставленіи же числа рабочихъ, занимающихся промыслами, съ общимъ числомъ лицъ, достигшихъ рабочаго возраста того или другого района, оказывается—болѣе всего взрослыхъ крестьянъ занято промыслами изъ промышленнаго района, въ которомъ число ихъ составляетъ 53% общаго по району числа душъ въ рабочемъ возрастѣ; земледѣльческія же мѣстности въ этомъ отношеніи занимаютъ среднее по Россіи мѣсто или даже нѣсколько ниже средняго („Мат.“, III, 216).—Громадное большинство (около 73%) лицъ, занимающихся промыслами, работаетъ на своей родинѣ, и только 27%—уходятъ на сторону.

Далѣе, въ „Матеріалахъ“ сдѣлана попытка „дать представленіе объ избыткѣ или недостаткѣ мѣстныхъ рабочихъ въ сельско-хозяйственной и другихъ видахъ промышленности“. Попытку эту составители „Матеріаловъ“ признаютъ „нѣсколько теоретичной“, но выводъ, къ которому они при этомъ пришли, очевидно, имъ самимъ показался настолько справедливымъ, что привести его они сочли необходимымъ. Выводъ этотъ выраженъ слѣдующими словами: „при существующихъ условіяхъ спроса на трудъ, трудовой рынокъ (во всей Россіи), повидимому, не въ состояніи удовлетворить всѣхъ крестьянъ, ищущихъ заработка (23 милліона изъ 44,7 милліоновъ наличнаго числа работниковъ обоего пола, или 52%). Наибольшее соотвѣтствіе между спросомъ и предложеніемъ труда наблюдается на сѣверѣ и въ промышлен-

[1]) В. В., въ своей статьѣ: „Новое статистическое изслѣдованіе“ (Вѣстн. Европы“, 1904, кн. 10, стр. 767—769), указываетъ на неточность этой цифры; не вдаваясь въ разборъ ея исчисленія, мы оставляемъ ее, такъ какъ конечный выводъ, хотя и грѣшитъ въ цифровомъ отношеніи, остается все-таки вѣрнымъ по существу.

ныхъ губерніяхъ, гдѣ большинство взрослаго крестьянскаго населенія можетъ найти для себя работу. Въ остальныхъ мѣстностяхъ, а въ особенности въ центральныхъ земледѣльческихъ (64% и 67%), юго-западныхъ (76%) и малороссійскихъ (68%) губерніяхъ, значительное число рабочаго населенія совершенно не обезпечено наемнымъ трудомъ или личнымъ промысловымъ заработкомъ. Главная масса такого вынужденно-праздная рабочаго люда падаетъ преимущественно на земледѣльческія мѣстности, съ мало развитою торгово-промышленной дѣятельностью" („Мат.", III, 273), что, по мнѣнію Коммиссіи, „самымъ пагубнымъ образомъ отражается на благосостояніи крестьянскаго населенія", такъ какъ крестьянинъ этой полосы Россіи, будучи занятъ своими сельско-хозяйственными работами, въ среднемъ, въ году лишь 90—95 дней, „прокармливается лишь съ большимъ трудомъ и не въ состояніи ничего удѣлить на уплату податей" („Вѣстн. Фин.", 1903 г., № 45). Далѣе, въ „Матеріалахъ" отмѣчается, что „большая часть занятыхъ промыслами и заработками крестьянъ получаетъ за нихъ, въ общемъ, далеко не достаточное вознагражденіе"; при этомъ наиболѣе низкое вознагражденіе за свой трудъ получаютъ крестьяне въ мѣстностяхъ земледѣльческихъ, а также по окраинамъ Россіи (исключая южной полосы); заработокъ нѣсколько повышается въ промышленной области и особенно возрастаетъ по мѣрѣ удаленія мѣстностей къ югу и западу.

При избыткѣ предложенія силъ крестьянскаго труда, какъ выяснилось на засѣданіяхъ Коммиссіи, въ Россіи господствуетъ „полное неустройство отхожихъ промысловъ". Каждый годъ происходятъ передвиженія народныхъ массъ изъ центра къ окраинамъ въ поискахъ за работой, и каждый годъ „значительная часть не находитъ себѣ заработковъ, тратя непроизводительно время и деньги на проѣздъ" („Вѣстн. Фин.", 1903, № 45).

Разсматривая податную задолженность населенія, какъ показателя большаго или меньшаго благосостоянія крестьянъ, составители „Матеріаловъ" указываютъ на возрастаніе за послѣднія 30 лѣтъ недоимокъ, падающихъ на надѣльную землю, въ среднемъ для всей Россіи, съ 37 коп. до 1 руб. 7 коп. на одну десятину. Это „возрастаніе недоимки произошло почти исключительно въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ"; такъ, въ среднихъ приволжскихъ губерніяхъ недоимка увеличилась съ 26 коп. до 4 руб. 37 коп. на 1 дес., въ восточныхъ—съ 72 коп. до 1 руб. 94 коп. и въ среднихъ земледѣльческихъ—съ 41 коп. до 2 руб. 96 коп.; уменьшеніе подесятинной задолженности наблюдается въ неземледѣльческихъ районахъ, изъ земледѣльческихъ же—только въ Малороссіи, на юго-востокѣ и юго-западѣ („Мат.", III, 275).

Стремясь уяснить причины возрастанія недоимочности, составители „Матеріаловъ“ устанавливаютъ связь между поступленіемъ сборовъ съ платежными силами населенія; связь эта особенно обнаружилась въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ. Изъ причинъ возрастанія недоимочности, между прочимъ, указываютъ на „ростъ потребностей безъ соотвѣтственнаго повышенія средствъ къ ихъ удовлетворенію“ („Мат.“, III, 276); при томъ, „надѣлъ измельчалъ и не только не удовлетворяетъ всѣмъ потребностямъ крестьянина, но, при низкомъ уровнѣ земледѣлія, часто не обезпечиваетъ даже одного продовольствія“ (ib., 277). При такихъ условіяхъ указывать на „ростъ потребностей“ массы населенія, конечно, является страннымъ; но и сами составители „Матеріаловъ“ доказать этого „роста“ не берутся и ссылаются лишь на нѣкоторыя косвенныя указанія“, напримѣръ, на сравнительную высоту крестьянскаго бюджета въ послѣднее время,—на то, что крестьянинъ, ранѣе удовлетворявшій многія изъ своихъ потребностей „натурою“, въ настоящее время долженъ пріобрѣтать многое за деньги, между тѣмъ какъ „полученіе денегъ въ послѣднее время для него не сдѣлалось болѣе легкимъ“. Среди частныхъ причинъ, порождающихъ недоимочность, указывается на „измельчаніе надѣловъ“, на „крупные недороды хлѣбовъ“ и другія. Признавая связь между поступленіями повинностей и платежными силами населенія, въ „Матеріалахъ“ не считаютъ возможнымъ „обойти молчаніемъ“ того обстоятельства, что „происшедшее за послѣднее тридцатилѣтіе пониженіе оклада казенныхъ сборовъ менѣе всего коснулось мѣстностей земледѣльческихъ, среди которыхъ наблюдается наивысшая задолженность“ („Мат.“, III, 277).

О косвенныхъ налогахъ, безспорно оказывающихъ вліяніе на благосостояніе населенія, въ „Матеріалахъ“ не говорится; но на нихъ сдѣланы были указанія въ самой Коммиссіи со стороны земскихъ дѣятелей. По мнѣнію послѣднихъ, среди косвенныхъ налоговъ имѣются такіе, которыми обложены предметы первой необходимости; налоги эти, „какъ бы ни были незамѣтны при ихъ взиманіи, въ общемъ являются замѣтной величиной въ бюджетѣ крестьянскаго хозяйства“ („Записка земск. дѣят.“, „С.-Пб. В.“, 1903, № 291). Это обстоятельство пріобрѣтаетъ особое значеніе потому уже, что, какъ мы видѣли выше, главная часть крестьянскаго расходнаго бюджета падаетъ именно на предметы первой необходимости. Постоянное же возрастаніе косвенныхъ налоговъ, замѣчаемое въ Россіи, по мнѣнію земскихъ дѣятелей, „не можетъ служить показателемъ роста благосостоянія населенія, наоборотъ—ростъ благосостоянія, какъ это можно заключить изъ изслѣдованія департа-

мента окладныхъ сборовъ (т.-е. „Матеріаловъ“), идетъ въ обратную сторону, и съ шестидесятыхъ годовъ наблюдается постепенный его упадокъ во всей странѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ крайне незначительныхъ мѣстностей Россіи“ (тамъ же). Затѣмъ, земскіе дѣятели указали и на другія явленія изъ области финансоваго хозяйства страны, которыя, по ихъ мнѣнію, „въ большей или меньшей степени тяжело ложатся на мѣстное сельское хозяйство“, а именно—на таможенный покровительственный тарифъ, облагающій высокою пошлиною нѣкоторые фабрикаты и продукты массоваго народнаго потребленія и въ то же время „вызывающій компенсаціонный высокій тарифъ на русскій хлѣбъ“, что̀ вынуждаетъ населеніе продавать этотъ главнѣйшій предметъ сельско-хозяйственной промышленности по пониженной цѣнѣ. Освобожденіе нѣкоторыхъ произведеній, вывозимыхъ за границу, отъ акциза переноситъ тяжесть послѣдняго на самое населеніе; такъ, нормировка сахара заставляетъ русскаго потребителя платить искусственно повышенную цѣну за сахаръ, сравнительно съ иностраннымъ.

Говоря вообще о внутренней финансовой политикѣ Россіи, земскіе дѣятели приходятъ къ выводу, что вся система государственнаго хозяйства направлена „къ развитію окраинъ за счетъ центра, дающаго наибольшія средства государственнаго бюджета, что̀ вліяетъ угнетающимъ образомъ на развитіе центральной полосы Россіи; почти полное отсутствіе производительныхъ затратъ государства въ земледѣльческой полосѣ Россіи приводитъ ее къ наибольшему упадку сравнительно съ другими частями имперіи“. Въ этомъ отношеніи Россія представляетъ собою совершенную противоположность государствамъ западно-европейскимъ, въ которыхъ „центръ живетъ за счетъ колоній“ (тамъ же).

Въ засѣданіяхъ Коммиссіи, при разсмотрѣніи вопроса о финансовыхъ мѣропріятіяхъ, указано было на многіе факты, подтверждающіе приведенные нами взгляды земскихъ дѣятелей. Особый интересъ представляютъ заявленія представителей административныхъ о̀ргановъ. Такъ, директоръ департамента окладныхъ сборовъ (нынѣ товарищъ министра финансовъ) Н. Н. Кутлеръ, въ своемъ краткомъ очеркѣ исторіи выкупного дѣла, между прочимъ, заявилъ, что „спеціальное пониженіе выкупныхъ платежей (согласно закону 1881 года) коснулось, главнымъ образомъ, промышленныхъ губерній и сѣверныхъ и менѣе всего—центральныхъ черноземныхъ, какъ считавшихся въ то время вполнѣ благополучными“; такимъ образомъ, „въ окончательномъ результатѣ всѣхъ мѣропріятій по облегченію выкупа получились самые тяжелые выкупные платежи въ земледѣльческихъ губерніяхъ, и, наоборотъ, сравнительно легкіе—въ промышленныхъ“. Это заявленіе особенно важно въ связи съ дальнѣйшимъ заявленіемъ того же лица—

что, „въ общемъ, выкупная операція въ отношеніи помѣщичьихъ крестьянъ дала до сего времени государству довольно крупный доходъ, несмотря на громадную недоимку выкупныхъ платежей". По вопросу о сложеніи недоимокъ казенныхъ платежей (выкупныхъ и друг.), являющемся, по мнѣнію земскихъ дѣятелей, весьма своевременнымъ, предсѣдатель коммиссіи, В. Н. Коковцовъ, заявилъ, что „изъ общей суммы всѣхъ числящихся на населеніи недоимокъ въ 122 милліона рублей, 115 милліоновъ рублей не подлежатъ взысканію ранѣе 1911 года; изъ остальныхъ же 7 милліоновъ половина не разсмотрѣна пока департаментомъ окладныхъ сборовъ, такъ что въ сущности лишь $3^1/_2$ милліона тяготѣютъ въ настоящее время надъ населеніемъ и могутъ быть обращены ко взысканію" („Вѣстн. Фин.", 1903 г., № 47) [1]).

Представитель министерства финансовъ, П. Х. Шванебахъ [2]), сообщаетъ, что, по его разсчету, государственные поземельные и мірскіе сборы „значительно выше въ центральномъ черноземномъ районѣ", и что разница между этимъ райономъ и, напр., сѣверо-западными губерніями особенно рѣзко выступаетъ при сравненіи отдѣльныхъ губерній между собою. Такъ, на одинъ крестьянскій дворъ приходится означенныхъ сборовъ въ тамбовской губерніи—22 руб. 90 коп., а въ гродненской—всего 13 руб. 5 коп. Эти цифры „краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о фактѣ необычайнаго напряженія податныхъ силъ населенія въ черноземномъ центрѣ". За послѣднія десять лѣтъ, казенные сборы составили въ центральныхъ черноземныхъ и восточныхъ губерніяхъ, приблизительно, 480 милліоновъ рублей, но въ дѣйствительности поступило ихъ на 15% меньше, чѣмъ слѣдовало, а именно 407 милліоновъ рублей. Крестьяне этихъ мѣстностей, очевидно, не въ силахъ были внести эти сборы полностью, „вслѣдствіе чрезмѣрной ихъ тяжести". Если же принять во вниманіе, что государству пришлось затратить на поддержаніе населенія той же мѣстности, въ теченіе тѣхъ же десяти лѣтъ, до 203 милліоновъ, то необходимо признать, что въ дѣйствительности поступило лишь 43% оклада казенныхъ сборовъ. Такимъ образомъ, выходитъ абсурдъ: государство, черпающее всѣ свои рессурсы изъ населенія и не могущее ихъ имѣть помимо его, собираетъ съ населенія—въ то время, когда само вынуждено помогать ему; а потому нельзя не согласиться съ заключеніемъ П. Х. Шванебаха, что „лучше было бы вовсе не брать этихъ 203 милліоновъ рублей у населенія; въ его рукахъ эти деньги навѣрное оказали бы серьезную поддержку благосостоянію крестьянскаго хозяйства" („Вѣстн. Фин.", 1903, № 47).

[1]) Эти недоимки, какъ извѣстно, въ силу манифеста 11 августа 1904 г., были сложены съ населенія.

[2]) Нынѣ стоящій во главѣ главнаго управленія по землеустройству и земледѣлію.

По подсчету П. Х. Шванебаха, на каждый взыскиваемый въ видѣ налога рубль населеніе получаетъ отъ государства обратно: въ сѣверо-западномъ краѣ—1 р. 31 к., въ прибалтійскомъ—1 р. 29 к., въ Царствѣ Польскомъ—1 р. 14 к., т.-е. больше, чѣмъ въ этихъ мѣстностяхъ взимается, и наоборотъ, населеніе получаетъ отъ государства обратно менѣе, чѣмъ взимается: въ Малороссіи—92 коп., въ южныхъ губерніяхъ—89 к., въ юго-западныхъ—82 к., въ сѣверныхъ—81 к., въ восточныхъ—80 к., въ среднихъ промышленныхъ — 72 к., и, наконецъ, въ среднихъ черноземныхъ—всего лишь 47 к. Представитель (нынѣ уже упраздненнаго) министерства земледѣлія, А. Д. Полѣновъ [1]), въ коммиссіи заявилъ, что, по его подсчету, на 100 рублей, получаемыхъ съ населенія въ видѣ прямыхъ и косвенныхъ налоговъ, расходуется государствомъ въ предѣлахъ той же мѣстности весьма неравномѣрно, а именно отъ 167 рублей—въ восточной Сибири, и 135 руб.—въ с.-петербургской губерніи, до 40 руб.—въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ.

Соглашаясь съ заявленіями земскихъ дѣятелей, подтвержденными разсчетами представителей министерствъ, Коммиссія признала „постоянный усиленный отливъ денежныхъ средствъ изъ центральныхъ черноземныхъ губерній однимъ изъ наиболѣе серьезныхъ факторовъ финансоваго неблагополучія этого района; но въ виду того обстоятельства, что подобный порядокъ вещей, зависящій прежде всего отъ необходимости содержать армію на границахъ государства, не можетъ быть вполнѣ устраненъ, а лишь смягченъ въ большей или меньшей степени такимъ направленіемъ правительственной дѣятельности, при которомъ забота государства по улучшенію различныхъ отраслей народнаго труда и поднятію общаго уровня благосостоянія получила бы свое осуществленіе прежде всего и преимущественно въ центральномъ районѣ, — Коммиссія ограничилась пожеланіемъ, чтобы государство все же, по мѣрѣ возможности, заботилось о большемъ соотвѣтствіи государственныхъ доходовъ съ государственными расходами въ центральныхъ черноземныхъ губерніяхъ, и чтобы при осуществленіи своихъ разнообразныхъ мѣропріятій обращало особенное вниманіе на эту обездоленную мѣстность“ („Вѣстн. Фин.“, 1903 г., № 47).

---

[1]) Авторъ трудовъ совѣщанія, созваннаго при министерствѣ финансовъ въ 1899 г., изданныхъ въ Москвѣ въ 1901 г., подъ названіемъ: „Изслѣдованіе экономическаго положенія центрально-черноземныхъ губерній“. — Объ этомъ совѣщаніи и о трудѣ г. Полѣнова было сказано въ статьѣ моей: „По вопросу объ обѣдненіи черноземнаго центра Россіи“ („Вѣстн. Европы“, 1902 г., кн. 3).

Общій выводъ, къ которому пришли составители „Матеріаловъ“ на основаніи ихъ обширнаго труда, выраженъ въ слѣдующихъ словахъ: „Основная причина не вполнѣ благопріятнаго положенія крестьянства въ земледѣльческихъ мѣстностяхъ кроется въ относительномъ малоземельѣ, т.-е. въ такомъ положеніи вещей, при которомъ все количество состоящихъ у крестьянъ земель, какъ собственныхъ, такъ и арендуемыхъ, можетъ доставить занятіе только меньшей части рабочаго крестьянскаго населенія, а добываемыя съ этихъ земель средства оказываются недостаточными для удовлетворенія всѣхъ крестьянскихъ нуждъ“ („Мат.“, III, 279). Изслѣдованіе экономическаго быта крестьянства, выполненное на основаніи имѣющагося въ Петербургѣ статистическаго матеріала, оканчивается 1900 годомъ, а къ этому времени, по словамъ авторовъ его, „нельзя уже отмѣтить слишкомъ существенныхъ чертъ различія въ экономическомъ положеніи центра, сравнительно съ другими земледѣльческими мѣстностями, хотя — какъ уже изложено — неблагопріятные признаки къ центру, такъ сказать, скучиваются. Правильнѣе, повидимому, было бы болѣе общее заключеніе о крайне неудовлетворительномъ состояніи земледѣльческаго промысла въ большинствѣ земледѣльческихъ районовъ, обнимающихъ весь центръ, весь востокъ и даже часть юга и въ зависимости отъ этого—о менѣе успѣшномъ развитіи или даже упадкѣ благосостоянія въ этой обширной области, сравнительно съ другими мѣстностями. Засимъ, какой или какіе именно районы изъ этой области находятся въ данный моментъ въ наименѣе благопріятныхъ условіяхъ—это въ значительной степени зависитъ отъ высоты урожаевъ послѣднихъ лѣтъ“ („Мат.“, III, 280).

Таково общее заключеніе въ „Матеріалахъ“, представленныхъ на обсужденіе Коммиссіи. Члены Коммиссіи, какъ мы видѣли выше, со своей стороны многое прибавили, многое освѣтили, внесли много новаго. Въ этомъ отношеніи особое значеніе представляетъ собою записка группы членовъ Коммиссіи, состоящей изъ земскихъ дѣятелей. Записка эта представляетъ громадный интересъ еще по слѣдующему обстоятельству. Въ „Матеріалахъ“, составленныхъ чинами департамента окладныхъ сборовъ, проведены и разработаны явленія экономической жизни населенія, подлежащія цифровому учёту. Этого, конечно, далеко не достаточно для правильнаго сужденія какъ о причинахъ оскудѣнія земледѣльческой Россіи, такъ и о томъ пути, который необходимо принять къ исправленію современнаго, въ высшей степени угнетеннаго положенія страны. Въ „Матеріалахъ“ совершенно отсутствуютъ свѣдѣнія, касающіяся духовной жизни народа и его правового порядка. На отсутствіе именно этихъ свѣдѣній и было обращено вниманіе земскихъ дѣятелей, приглашенныхъ къ участію въ

засѣданіяхъ Коммиссіи, такъ какъ, по ихъ мнѣнію, тѣсная связь этихъ явленій съ экономическимъ положеніемъ крестьянства „неоспорима“, и самое отсутствіе данныхъ по этимъ вопросамъ суживаетъ работу самой Коммиссіи, и рѣшенія послѣдней „неизбѣжно должны страдать односторонностью“.

Тѣсная связь духовной и правовой стороны жизни населенія съ экономическимъ его положеніемъ, повидимому, сознана была и самимъ правительствомъ. Какъ на доказательство, земскіе дѣятели сослались на всеподданнѣйшій докладъ бывшаго министра финансовъ, С. Ю. Витте, по росписи 1899 года; въ послѣднемъ народное просвѣщеніе представляется „существеннымъ“ факторомъ „экономическаго благосостоянія страны“; далѣе, въ томъ же докладѣ установлена и прямая зависимость обѣднѣнія населенія отъ неопредѣленности имущественныхъ правъ и общественныхъ отношеній крестьянъ, порождающихъ многообразныя затрудненія въ самомъ ихъ хозяйствѣ. По мнѣнію земскихъ дѣятелей, „наиболѣе надежными“ мѣропріятіями представляются тѣ, „которыя стремятся измѣнить внутреннее соотношеніе между крестьяниномъ и окружившими его тяжелыми условіями осложнившейся жизни,—не облегченіемъ этихъ внѣшнихъ условій, а усовершенствованіемъ самого крестьянина, какъ орудія борьбы въ общей экономіи государства“. Поэтому земскіе дѣятели полагаютъ, что „только просвѣщеніе, подъемъ личности, самодѣятельности, усиливая и умножая средства борьбы за существованіе, подымая жизненную энергію, даютъ надежду на лучшее будущее. Всѣ же прочія мѣры, облегчающія внѣшнія условія, являются неизбѣжными и необходимыми только въ виду крайней тяжести настоящей минуты, но не могутъ быть признаны радикальными и безъ общихъ мѣръ едва ли приведутъ крестьянское хозяйство въ лучшее состояніе“. Вотъ почему въ ряду мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе крестьянства, земскіе дѣятели ставятъ на первое мѣсто реформу въ деревенскомъ правопорядкѣ. „Положеніе о крестьянахъ 19 февраля 1861 года,—читаемъ далѣе въ ихъ „Запискѣ“,—было издано какъ временное, съ цѣлью установленія порядка въ переходную эпоху. Въ близкомъ будущемъ предполагалось тогда урегулировать правоотношенія милліоновъ освобожденныхъ опредѣленными нормами въ духѣ великаго акта 19 февраля, провозгласившаго свободу для крѣпостныхъ и равенство всѣхъ передъ закономъ“. Но, какъ извѣстно, предположенія эти не сбылись; реформы же позднѣйшаго времени не только не внесли въ деревню порядка, но „еще болѣе выдвинули всѣ недочеты въ правовомъ положеніи крестьянъ“. Между тѣмъ, „жизнь въ деревнѣ только тогда войдетъ въ свое русло, когда будетъ поднята личность крестьянина, когда падетъ дѣленіе деревенскихъ жителей на податныя и непо-

датныя сословія, когда равенство членовъ всѣхъ сословій въ ихъ правахъ предъ законами, провозглашенное реформами императора Александра II, будетъ проведено въ жизнь". Въ настоящее время, „по дѣйствующимъ законамъ" крестьяне являются какъ бы особымъ родомъ людей, отличныхъ отъ другихъ сословій. Не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что признаніе равенства ихъ передъ закономъ, наряду съ просвѣщеніемъ, дастъ сильный толчокъ къ развитію самодѣятельности, составляющей единственный вѣрный залогъ экономическаго преуспѣянія. Поэтому проведеніе началъ равенства крестьянъ и некрестьянъ — равенства какъ въ правахъ, такъ и въ обязанностяхъ—должно быть поставлено во главу угла не только реформы въ деревенскомъ правопорядкѣ, но всѣхъ мѣропріятій, имѣющихъ цѣлью поднять благосостояніе страны" („С.-Пб. Вѣд.", № 290).

Затѣмъ въ „Запискѣ" указаны нѣкоторые „недочеты" современной жизни крестьянства, основанные „цѣликомъ на ограниченіи личныхъ правъ" крестьянъ, которое до настоящаго времени осталось при законоположеніяхъ 1861 года, тогда какъ за сорокъ лѣтъ „жизнь ушла впередъ, народилась масса новыхъ потребностей и положеній, умножились общественныя и частныя отношенія крестьянъ между собою и къ другимъ сословіямъ, совершенно измѣнилось не только экономическое положеніе, но и направленіе всей экономической политики государства". Результатомъ этого застоя явились „спутанность и неопредѣленность крестьянскихъ законовъ", достигшихъ того, что въ настоящее время „для всѣхъ властей, начиная съ низшихъ и кончая высшими, не говоря уже о самихъ крестьянахъ, совершенно непонятно, какой законъ куда нужно примѣнять, что составляетъ вѣдомство суда, что — администраціи. Говоря о судопроизводствѣ, существующемъ исключительно для однихъ крестьянъ, въ „Запискѣ" высказано пожеланіе, въ силу котораго „наказуемость для крестьянъ должна опредѣлиться общими для всѣхъ уголовными законами, волостные же суды, какъ сословные, должны быть замѣнены судебными мѣстами, общими для всѣхъ классовъ населенія".

„Обособленное законодательство, шаткость имущественнаго права, полная безотвѣтственность въ обязательственныхъ отношеніяхъ, множество начальствъ, которыя далеко не всегда опекаютъ его въ предѣлахъ, указанныхъ закономъ, все это создаетъ обстановку, дѣйствующую на міросозерцаніе народа совершенно деморализующимъ образомъ, принижаетъ въ немъ чувство личности, подавляетъ иниціативу и самодѣятельность". Между тѣмъ, говорится въ „Запискѣ", „планомѣрная, спокойная и устойчивая работа въ области сельскаго хозяйства возможна лишь при полной увѣренности въ завтрашнемъ днѣ, при гарантіи отъ всевозможныхъ внѣшнихъ воздѣйствій,—а между тѣмъ

существующее законодательство слабо защищаетъ крестьянина отъ нихъ и, конечно, плохо воспитываетъ его самодѣятельность. И до тѣхъ поръ, пока не будетъ поднята личность крестьянина, всякія заботы объ улучшеніи его матеріальнаго благосостоянія и развитія русской сельско-хозяйственной промышленности останутся слабо дѣйствующими палліативами" („С.-Пб. Вѣд.", № 290). Затѣмъ, земскіе дѣятели выразили надежду, что возобновленная въ настоящее время министерствомъ внутреннихъ дѣлъ работа по пересмотру крестьянскаго положенія дѣйствительно, какъ указано въ манифестѣ, будетъ вестись „на почвѣ основныхъ началъ положенія 19 февраля 1861 г. и будетъ одухотворена лучшими побужденіями внести въ народную массу начала равенства всѣхъ передъ закономъ"; наконецъ, высказали еще надежду, что при обсужденіи предстоящихъ реформъ „будетъ выслушанъ голосъ земскихъ учрежденій, близко стоящихъ къ нуждамъ деревни" (тамъ же).

Говоря о мѣропріятіяхъ культурнаго характера, имѣющихъ цѣлью поднять экономическое положеніе населенія, земскіе дѣятели въ первую очередь отмѣчаютъ значеніе народнаго образованія, такъ какъ вопросъ этотъ, по ихъ мнѣнію, „безусловно назрѣвшій, требующій немедленнаго разрѣшенія", такъ какъ улучшеніе экономическаго положенія немыслимо „при той косности и невѣжествѣ, въ которомъ въ данное время находится многомилліонное крестьянское населеніе нашей родины". Въ подтвержденіе своихъ доводовъ земцы ссылаются на различные авторитеты, между прочимъ на К. Д. Кавелина, высказавшаго еще много лѣтъ тому назадъ по этому вопросу мысль, что современное „культурное состояніе нашихъ крестьянъ составляетъ самую существенную, самую непобѣдимую помѣху не только для улучшенія ихъ быта, но и вообще, для всего нашего развитія. Народное образованіе—вотъ къ чему, въ послѣднемъ выводѣ, теперь сводится все. Его успѣхами будутъ отнынѣ измѣрять всѣ наши успѣхи. Безъ образованія народныхъ массъ мы не можемъ ступить шагу, и всякія улучшенія будутъ мнимыми, кажущимися, а не настоящими, прочными, дѣйствительными" („С.-Пб. Вѣд.", № 290).

Разсматривая рядъ мѣропріятій, чисто экономическаго характера, земскіе дѣятели оговариваются, что всѣ подобныя мѣропріятія „только тогда дадутъ хорошіе результаты, а затраты на нихъ будутъ производительными, если, какъ было сказано выше, параллельно не будутъ упущены изъ вида и мѣры общаго характера, клонящіяся къ поднятію культурнаго уровня нашего крестьянства". Всѣ намѣченныя мѣропріятія должны быть „строго согласованы съ особенностями дан-

ной мѣстности", иначе цѣль будетъ недостигнута и затраты останутся непроизводительными. Само собою разумѣется, что мѣстнымъ людямъ лучше всего извѣстны собственныя нужды и тѣ условія, при которыхъ онѣ лучше всего удовлетворяются, а потому какъ организація на мѣстахъ упомянутыхъ мѣропріятій, такъ и средства къ ихъ осуществленію должны быть предоставлены земствамъ, какъ мѣстнымъ хозяйственнымъ органамъ, тѣмъ болѣе, что весьма многія изъ нихъ уже вступили на этотъ путь, имѣютъ нѣкоторый опытъ и не безъ успѣха работаютъ въ этой отрасли своего дѣла. Съ этимъ мнѣніемъ земцевъ согласилась и самая Коммиссія; такъ, читаемъ въ отчетѣ о засѣданіяхъ ея въ оффиціальномъ „Вѣстникѣ Финансовъ и Промышленности", — „всѣми членами Коммиссіи было признано, что лучшими проводниками въ жизнь мѣропріятій экономическаго характера, направленныхъ къ поднятію уровня сельскаго хозяйства, являются земства. Они близко стоятъ къ нуждамъ крестьянскаго хозяйства и только они одни знакомы съ разнообразными мѣстными особенностями. До сихъ поръ, на ряду съ земствами, подобныя мѣропріятія отчасти проводились въ жизнь и министерствомъ земледѣлія и государственныхъ имуществъ. Органы министерства земледѣлія стоятъ, конечно, дальше отъ мѣстной жизни, нежели земскія учрежденія, и потому ихъ дѣятельность въ этомъ отношеніи не можетъ быть столь же плодотворной, какъ дѣятельность земства. Правильнѣе было бы поэтому, какъ заявили нѣкоторые члены Коммиссіи, еслибы министерство земледѣлія оставило за собою, главнымъ образомъ, роль общаго руководителя разсматриваемыми (Коммиссіей) мѣропріятіями, а исполнительную работу по проведенію ихъ въ жизнь передало бы земствамъ" („Вѣстн. Фин.", 1903 г., № 45). Предоставляя земствамъ широкую роль въ дѣлѣ проведенія въ жизнь намѣченныхъ мѣропріятій, земскіе дѣятели сочли „необходимымъ" коснуться также „обстоятельствъ, тормозящихъ дѣятельность земства", при условіи устраненія которыхъ и возможно только ожидать отъ земства плодотворнаго участія въ дѣлѣ поднятія культурно-экономическаго положенія крестьянства. Изъ обстоятельствъ, тормозящихъ дѣятельность земства, въ „Запискѣ" указаны слѣдующія:

— Избраніе гласныхъ по положенію 1890 года, „когда въ земствѣ впервые была введена сословность", что является совершенно несообразнымъ, такъ какъ „подъ словомъ сословіе подразумѣвается понятія политическое, не имѣющее никакого отношенія къ хозяйственной дѣятельности земства".

— Высота избирательнаго ценза, установленнаго въ 60-хъ годахъ, когда землевладѣніе было не такъ дробно, какъ въ настоящее время, и когда цѣнность земли была значительно ниже современной.

— Отсутствіе болѣе мелкой, по территоріи, земской единицы, чѣмъ существующее уѣздное земство; такъ какъ вся успѣшность земской дѣятельности вообще зависитъ отъ степени близости ея къ населенію, отъ степени участія въ этой дѣятельности самого населенія, а потому „чѣмъ ближе будетъ земство къ населенію, чѣмъ больше представители послѣдняго активно въ немъ примутъ участіе, тѣмъ шире будутъ удовлетворены всѣ назрѣвающія на мѣстахъ потребности".

— Предѣльность земскаго обложенія, „дающая возможность лицамъ, чуждымъ земскаго дѣла, разсматривать по существу земскія смѣты, въ случаѣ превышенія 3%-ной нормы—измѣнить ихъ, несмотря на то, что необходимость всѣхъ указанныхъ въ смѣтѣ расходовъ признана земскимъ собраніемъ" („С.-Пб. Вѣд.", № 291).

Какъ на примѣръ несостоятельности предѣльности земскаго обложенія, въ одномъ изъ засѣданій Коммиссіи было указано на слѣдующее: при земскомъ бюджетѣ по пензенской губерніи на 1903 годъ въ 1.480 тысячъ рублей (губ. и уѣздѣ), на мѣропріятія по содѣйствію экономическому благосостоянію населенія земство могло ассигновать лишь $5^1/_2$ тысячъ рублей. Сначала предполагалось ассигновать на эти мѣропріятія 30 тысячъ рублей, но, вслѣдствіе закона о предѣльности земскаго обложенія, нельзя было привести это въ исполненіе. Между тѣмъ, въ пензенской губерніи процентъ безлошадныхъ дворовъ превышаетъ 29%, и „мѣропріятія по подъему экономическаго благосостоянія крайне необходимы" („Вѣстн. Фин.", № 45). Несостоятельность предѣльности земскаго обложенія, по заявленію земскихъ дѣятелей, „повидимому, признается и самимъ правительствомъ, подтвержденіемъ чего служитъ то обстоятельство, что въ послѣднее время правительство стало приходить на помощь земству ассигнованіемъ извѣстныхъ суммъ на веденіе земскаго хозяйства въ дополненіе къ суммамъ, ассигнованнымъ земскими собраніями". Какъ на примѣръ было указано на проектъ новаго закона о мѣстныхъ дорогахъ, по которому предполагается оказать земствамъ широкое и, притомъ, безвозвратное пособіе отъ государственнаго казначейства при условіи, что и со стороны земства будутъ на тотъ же предметъ ассигнованы нѣкоторыя суммы. „Крайне важно для развитія дѣятельности земства обезпеченіе ему необходимой самостоятельности, отсутствіе которой создаетъ неблагопріятную обстановку для работы" („С.-Пб. Вѣд.", № 291).

Наконецъ, въ виду того, что „задачи земствъ разныхъ губерній въ большинствѣ случаевъ одинаковы", земскіе дѣятели признаютъ необходимость обмѣна мнѣній земствъ разныхъ мѣстностей между собою, что, по ихъ словамъ, „признается и правительствомъ", доказательствомъ чего служитъ приглашеніе мѣстныхъ людей въ различныя засѣданія при министерствахъ; „крайне желательно предоставить зем-

ствамъ возможность созыва районныхъ съѣздовъ земскихъ дѣятелей по вопросамъ сельскаго хозяйства". Что же касается до приглашенія земскихъ дѣятелей на засѣданія при министерствахъ, то „для пользы дѣла крайне желательно, чтобы программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію, передавались предварительно на земскія собранія, чтобы представители земства, избранные земскими собраніями, являлись выразителями мнѣній этихъ послѣднихъ". Вообще, „принимая во вниманіе знакомство земствъ съ мѣстными условіями", является желательнымъ, „чтобы законопроекты, касающіеся мѣстной хозяйственной жизни, прежде внесенія ихъ въ Государственный Совѣтъ, передавались на заключеніе земскихъ собраній" („С.-Пб. Вѣд.", № 291). Этими пожеланіями земскіе дѣятели, участвовавшіе въ Коммиссіи объ оскудѣніи центра, и кончаютъ свою въ высшей степени содержательную записку.

Вопросы, касающіеся духовной, правовой и культурной сторонъ жизни населенія, затронутые въ земской запискѣ, требующіе мѣръ общегосударственнаго характера, не были подвергнуты разсмотрѣнію Коммиссіи, „какъ не относящіеся къ ея компетенціи". Что же касается до мѣропріятій, намѣченныхъ Коммиссіей, то большинство ихъ передано на дальнѣйшее обсужденіе нынѣ уже упраздненнаго Особаго Совѣщанія подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря С. Ю. Витте; такимъ образомъ, дѣятельность самой Коммиссіи сведена была, главнымъ образомъ, на уясненіе экономическаго положенія сельскаго населенія Россіи. Съ нѣкоторыми изъ мѣропріятій, намѣченными Коммиссіей, мы познакомились выше; перечислить ихъ всѣ въ настоящее время не представляетъ большого интереса, во-первыхъ, потому, что общество своевременно ознакомлено было съ ними путемъ періодической печати, и, во-вторыхъ, всѣ эти мѣропріятія, безъ проведенія въ жизнь мѣръ общегосударственнаго характера, по справедливому замѣчанію земскихъ дѣятелей, являются не болѣе какъ „палліативами", а слѣдовательно, если и могутъ оказать вліяніе при рѣшеніи поставленныхъ Коммиссіей вопросовъ, то только временно, и не устраняютъ основныхъ причинъ оскудѣнія русскаго крестьянства. Между тѣмъ, нарисованное трудами Коммиссіи положеніе страны таково, что для улучшенія его требуются не однѣ палліативныя, а рѣшительныя мѣры и притомъ общекультурнаго характера, обнимающія собою не одну технику сельскаго хозяйства, но и духовную, и правовую стороны народной жизни, такъ какъ только народъ, самостоятельно отвѣчающій за свои дѣйствія, способенъ къ дальнѣйшему развитію, способенъ сдѣлаться сильнымъ, а слѣдовательно, при случаѣ, и могущимъ выносить всякія невзгоды — внутреннія и внѣшнія, откуда бы таковыя ни появлялись; однимъ словомъ, можетъ стать, что называется, великой націей... Въ

противномъ случаѣ, жизнь народа теряетъ внутренній импульсъ, дѣлается пассивной, самый народъ ослабѣваетъ и идетъ къ гибели...

Со времени засѣданій „Коммиссіи о центрѣ“ прошли два года—срокъ значительный при современномъ нервномъ теченіи нашей жизни. За это время вниманіе общества, подъ вліяніемъ текущихъ событій, можетъ не разъ быть отвлечено отъ одного вопроса къ другому. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются послѣдніе два года, пережитые нами—русскими. Разразившаяся въ началѣ 1904 года кровавая драма на Дальнемъ Востокѣ на первое время какъ будто заслонила собою вопросы внутренней жизни страны. Но безпримѣрныя въ нашей исторіи пораженія русской арміи въ Манчжуріи, уничтоженіе русскаго флота въ водахъ Тихаго океана скоро и ясно обнаружили наше полнѣйшее внутреннее нестроеніе. Съ пробужденіемъ народнаго самосознанія, внутри страны рѣзче, чѣмъ въ обыкновенное время, проявился протестъ противъ современнаго строя, выразившійся въ рядѣ аграрныхъ движеній среди сельскаго населенія, стачекъ въ рабочихъ центрахъ, и, наконецъ, на нашихъ окраинахъ разразилась борьба, отчасти на почвѣ религіозныхъ и расовыхъ различій, отчасти—соціально-политическаго характера. Всѣмъ стало ясно, что далѣе жить попрежнему нельзя, что на смѣну старому, обветшалому строю идетъ новый, болѣе соотвѣтствующій времени, а слѣдовательно и болѣе жизнеспособный. Сознало это и само правительство: князь П. Д. Святополкъ-Мирскій, годъ тому назадъ, при вступленіи своемъ на постъ министра внутреннихъ дѣлъ, опредѣленно высказалъ, что правительство можетъ работать „плодотворно“ только при условіи „искренно-благожелательнаго и искренно-довѣрчиваго отношенія къ общественнымъ и сословнымъ учрежденіямъ и къ населенію вообще“, что лишь „при взаимномъ довѣріи“ возможно „ожидать прочнаго успѣха въ дѣлѣ устроенія государства“. Русское общество, въ лицѣ своей интеллигенціи, сплотившихся рабочихъ и отчасти народной массы, громко и откровенно заявило о своихъ правахъ на участіе въ рѣшеніи собственныхъ судебъ. Наконецъ, Верховная власть признала необходимость привлеченія „достойнѣйшихъ, довѣріемъ народа облеченныхъ, избранныхъ отъ населенія людей къ участію въ предварительной разработкѣ и обсужденіи законодательныхъ предположеній“, такъ какъ „знаніе мѣстныхъ потребностей, жизненный опытъ и разумное откровенное слово лучшихъ выборныхъ людей обезпечатъ плодотворность законодательныхъ работъ на истинную пользу народа,...“ (Рескриптъ на имя министра внутреннихъ дѣлъ, отъ 18-го февраля 1905 г.). Это единеніе общественныхъ силъ съ Верховной властью, какъ извѣстно, осуще-

ствлено закономъ 6-го августа 1905 года, въ силу котораго учреждена Государственная Дума. Новое учрежденіе, представляя, безспорно, значительную уступку новому теченію, далеко еще не удовлетворило ожиданій русскаго общества, и потому не подлежитъ никакому сомнѣнію, что оно далеко не въ состояніи умиротворить населеніе, и что предстоитъ еще долгая, упорная борьба, прежде чѣмъ намѣченныя самимъ обществомъ формы управленія будутъ осуществлены и самая жизнь страны войдетъ въ болѣе опредѣленное русло. Но во что бы ни вылилась эта борьба, вопросы, затронутые два года тому назадъ „Коммиссіей о центрѣ", выдвигаются въ одну изъ первыхъ очередей, а потому напомнить о собранномъ и касающемся ихъ матеріалѣ не будетъ излишнимъ и въ настоящее время.—Д. Рихтеръ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905.

Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею.—Общіе результаты мира.—Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте.—Старые грѣхи нашей международной политики.

Мало-по-малу начинаютъ выясняться обстоятельства, побудившія Японію отказаться отъ своихъ первоначальныхъ требованій и согласиться на мирныя условія въ томъ видѣ, какъ они были приняты Россіею. 30-го іюля подписанъ былъ англо-японскій союзный договоръ, обезпечившій на десять лѣтъ господствующее положеніе Японіи въ восточной Азіи и предоставившій, между прочимъ, Корею всецѣло въ японскія руки, вмѣстѣ съ фактическимъ преобладаніемъ надъ Китаемъ. Достигнувъ такимъ образомъ своей завѣтной цѣли—пріобрѣтенія Корейской „имперіи“ въ свое полное распоряженіе, съ устраненіемъ фикціи ея независимости, Японія не имѣла уже никакого разумнаго мотива къ продолженію жестокой, хотя и побѣдоносной для нея войны, и могла вполнѣ довольствоваться добытыми отъ Россіи пріобрѣтеніями, столь блистательно дополненными и упроченными при помощи дипломатіи. Англо-японскій договоръ явился прямымъ логическимъ результатомъ японскихъ успѣховъ въ законченной нынѣ войнѣ и значительно увеличилъ собою общій балансъ доставленныхъ послѣднею выгодъ, такъ что японцамъ легче было уже обнаружить уступчивость въ переговорахъ съ Россіею въ Портсмутѣ. Въ то же время, возобновленіе союза съ Англіею въ этихъ расширенныхъ рамкахъ усилило миролюбивыя вліянія въ Токіо, и хотя лондонскій кабинетъ избѣгалъ непосредственнаго воздѣйствія на союзную державу, но всѣмъ было извѣстно, что для англичанъ въ высшей степени желательно скорѣйшее заключеніе мира, въ виду интересовъ британской торговли. Поэтому, когда на мирной портсмутской конференціи насталъ психологическій моментъ окончательнаго рѣшенія въ ту или другую сторону, токійское правительство не могло дать другого отвѣта, кромѣ утвердительнаго. Для насъ удача заключалась уже въ томъ, что переговоры не были прерваны раньше и что русскіе уполномоченные благополучно дотянули ихъ до конца безъ излишнихъ уступокъ, предоставивъ послѣднее рѣшающее слово Японіи.

Само собою разумѣется, что всѣ преимущества, доставшіяся японцамъ по договору съ Англіею, имѣютъ значеніе ограничительныхъ и

отчасти непріязненныхъ мѣръ, направленныхъ противъ Россіи. Текстъ договора, обнародованный одновременно, 13 (26) сентября, въ Лондонѣ и Токіо, изложенъ въ восьми параграфахъ, которымъ предшествуетъ вступленіе, опредѣляющее цѣль и кругъ дѣйствія договора. Во вступленіи сказано: „Великобританское и японское правительства, желая замѣнить конвенцію, заключенную 30-го января 1902 года, новыми постановленіями, условились по взаимному соглашенію относительно слѣдующихъ пунктовъ: 1) поддержаніе общаго мира въ восточной Азіи и въ Индіи; 2) охраненіе общихъ интересовъ всѣхъ державъ въ Китаѣ путемъ обезпеченія независимости и неприкосновенности Китайской имперіи, а равно и принципа равноправности всѣхъ націй относительно торговли и промышленности въ Китаѣ; охраненіе территоріальныхъ правъ обѣихъ договаривающихся сторонъ въ восточной Азіи и Индіи и защита взаимныхъ спеціальныхъ интересовъ въ этихъ краяхъ“. Первый параграфъ постановляетъ, что „оба правительства, когда спеціальныя права и интересы ихъ окажутся въ опасности, должны сообщить объ этомъ другъ другу вполнѣ откровенно и соединиться для совмѣстнаго обсужденія мѣръ, необходимыхъ для ихъ огражденія“. Въ силу второй статьи, „если, вслѣдствіе не вызваннаго нападенія со стороны одной или нѣсколькихъ державъ, та или другая изъ договаривающихся сторонъ будетъ поставлена въ необходимость начать войну для огражденія своихъ правъ и интересовъ, то другая сторона должна немедленно явиться на помощь своему союзнику, вести сообща съ нимъ войну и заключить миръ не иначе какъ по взаимному съ нимъ соглашенію“. Третья статья рѣшаетъ судьбу Кореи: „Въ виду того, что Японія имѣетъ преобладающія политическія, военныя и экономическія права въ Кореѣ, Великобританія признаетъ за Японіею право принимать мѣры къ руководству, контролю и покровительству Кореѣ, какія она только признаетъ цѣлесообразными и нужными для огражденія своихъ интересовъ и содѣйствія имъ, съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы эти мѣры не противорѣчили принципу равноправности всѣхъ иностранныхъ націй въ дѣлахъ торговли и промышленности“. Въ статьѣ четвертой говорится объ Индіи и объ охранѣ ея отъ враждебныхъ посягательствъ: „Въ виду того, что Великобританія имѣетъ спеціальные интересы во всѣхъ вопросахъ, касающихся безопасности индійской границы, Японія признаетъ за нею право принимать въ пограничныхъ мѣстностяхъ Индіи всѣ мѣры, какія она найдетъ необходимыми для охраны этой границы“. Пятая статья устанавливаетъ, что ни одна изъ договаривающихся державъ безъ спроса другой не вступитъ въ спеціальныя соглашенія съ какою-либо другою державою въ ущербъ цѣлямъ, указаннымъ въ настоящей конвенціи. Въ шестой статьѣ упо-

минается о русско-японской войнѣ и говорится, что Великобританія обязывается держаться строгаго нейтралитета и явиться на помощь Японіи въ томъ случаѣ, если послѣдняя подвергнется нападенію со стороны другой державы. Седьмая статья опредѣляетъ военную сторону союза: „Условія, при которыхъ обѣ державы будутъ оказывать другъ другу помощь вооруженной силою, при вышеуказанныхъ обстоятельствахъ, и средства, которыя должны быть предоставлены для такого вооруженнаго содѣйствія, опредѣляются морскими и военными вѣдомствами обѣихъ договаривающихся сторонъ, и эти вѣдомства черезъ своихъ представителей будутъ отъ времени до времени совѣщаться между собою съ полною откровенностью относительно всѣхъ вопросовъ, касающихся взаимныхъ интересовъ". Въ послѣдней, восьмой статьѣ сказано, что настоящій договоръ заключается на десять лѣтъ и можетъ быть отмѣненъ путемъ предупрежденія за годъ до истеченія этого срока.

Текстъ договора сообщенъ оффиціально нашему правительству вмѣстѣ съ объяснительной нотой британскаго министра иностранныхъ дѣлъ, лорда Лэнсдоуна. Министръ объясняетъ въ этой нотѣ, что сообщеніе было бы сдѣлано немедленно по подписаніи договора (30 іюля), „но въ виду того, что переговоры между Японіей и Россіей въ то время были уже начаты, опубликованіе подобнаго дипломатическаго документа было бы неудобно и несвоевременно". Министръ выражаетъ надежду, что противъ состоявшагося международнаго акта „ни одна держава, заинтересованная въ дѣлахъ Дальняго Востока, не сочтетъ возможнымъ дѣлать возраженія", и, конечно, надежда эта равносильна полной увѣренности, потому что въ сущности некому возражать теперь союзнымъ державамъ, забравшимъ Дальній Востокъ въ свои руки. „Великобританское правительство полагаетъ,—говорится далѣе въ нотѣ маркиза Лэнсдоуна,—что можетъ разсчитывать на доброжелательство и поддержку всѣхъ державъ для обезпеченія мира на Дальнемъ Востокѣ, а также для охраны неприкосновенности и независимости Китайской имперіи, равно какъ и принциповъ равноправности въ торговлѣ и промышленности всѣхъ націй въ этихъ краяхъ. Съ другой стороны, спеціальные интересы обѣихъ договаривающихся державъ настолько значительны, что онѣ обязаны настаивать на полномъ ихъ соблюденіи, и заявленіе о томъ, что имъ должны быть предоставлены соотвѣтственныя права, не должно вызывать ни удивленія, ни безпокойства". Договоръ „въ самыхъ ясныхъ выраженіяхъ признаетъ преобладающее положеніе, которое Японія въ данный моментъ занимаетъ и отнынѣ должна занимать въ Кореѣ, равно какъ и право Японіи принимать всѣ необходимыя мѣры для обезпеченія своихъ политическихъ, военныхъ и экономическихъ правъ въ

этой странѣ, но съ спеціальною оговоркою о томъ, что подобныя мѣропріятія не должны противорѣчить принципу торговой и промышленной равноправности всѣхъ остальныхъ націй". Относительно Кореи, по словамъ министра, существуетъ значительное разногласіе между новымъ договоромъ и конвенціею 1902 года. „Но съ того времени выяснилось, что Корея, вслѣдствіе близости къ Японіи и своей неспособности къ самостоятельному существованію, должна была подпасть подъ контроль и покровительство Японіи. Британское правительство отмѣчаетъ съ удовольствіемъ, что Россія въ мирномъ договорѣ охотно согласилась на условія этого пункта, и она имѣетъ всѣ основанія предполагать, что и другія державы раздѣляютъ тѣ же самые взгляды по вопросу объ отношеніяхъ, установившихся между Японіею и Кореею. Британское правительство увѣрено, что заключенный союзъ будетъ преслѣдовать вполнѣ мирныя цѣли въ защиту неоспоримыхъ правъ обѣихъ державъ, и поэтому будетъ одобренъ русскимъ правительствомъ. Британское правительство считаетъ себя въ правѣ предполагать, что заключеніе англо-японскаго договора оказало вліяніе на успѣшное заключеніе соглашенія, положившаго счастливый конецъ войнѣ, и искренно надѣется, что англо-японскій договоръ будетъ способствовать обезпеченію всеобщаго долговѣчнаго мира на Дальнемъ Востокѣ".

Такимъ образомъ, само британское правительство оффиціально заявляетъ, что заключеніе новаго англо-японскаго союзнаго договора повліяло на благополучное окончаніе мирныхъ переговоровъ въ Портсмутѣ и, слѣдовательно, принесло намъ косвенно огромную пользу, избавивъ Россію отъ дальнѣйшихъ кровавыхъ жертвъ ради избѣжанія контрибуціи и потери всего Сахалина. Благодаря случайному сцѣпленію обстоятельствъ и событій, совершенно независимо отъ усилій и заслугъ русскихъ уполномоченныхъ, мы достигли сравнительно сноснаго мира въ то самое время, когда перерывъ мирныхъ переговоровъ и возобновленіе войны казались уже неизбѣжными. Оказалось, что Японія вполнѣ удовлетворена безъ дальнѣйшихъ уступокъ съ нашей стороны, и что это удовлетвореніе доставлено ей англійскимъ союзомъ помимо нашего участія. И въ самомъ дѣлѣ, японцы получили все, о чемъ только мечтали ихъ патріоты: они стали фактически не только господами и распорядителями всей восточной Азіи, но и участниками въ устройствѣ политическихъ дѣлъ всего азіатскаго материка. Въ сущности Англія и Японія подѣлили между собою Азію;—отнынѣ ни одна держава не можетъ тамъ предпринять что-либо безъ ихъ разрѣшенія и согласія. Господствующій на моряхъ британскій флотъ, въ соединеніи съ японскими сухопутными силами, исключаетъ теперь возможность какого бы то ни было посторонняго соперничества въ

области многосложныхъ азіатскихъ интересовъ; Германія и Франція сохранятъ свои колоніальныя владѣнія въ Азіи только до тѣхъ поръ, пока будутъ поддерживать дружественныя отношенія съ англичанами и японцами. Россія окончательно или, по крайней мѣрѣ, на многіе годы должна отказаться отъ всякой активной, предпріимчивой политики въ Средней Азіи и у Тихаго океана; воинственнымъ, честолюбивымъ планамъ нашихъ шовинистовъ положенъ конецъ. О скоромъ возстановленіи потеряннныхъ нами позицій и объ упроченіи ихъ „въ долготу вѣковъ“—не можетъ быть уже и рѣчи. Несмотря на заявленіе статсъ-секретаря Витте въ послѣдней оффиціальной депешѣ изъ Портсмута, Россія пока перестала быть великою державою Дальняго Востока; повсюду, гдѣ она пожелала бы выступить самостоятельно на сцену въ предѣлахъ восточной Азіи, она встрѣтитъ противъ себя сплоченныя силы Англіи и Японіи, готовыя всегда дѣйствовать совмѣстно. Тѣхъ же союзниковъ мы будемъ имѣть противъ себя и въ средне-азіатскихъ дѣлахъ, у границъ Индіи, въ Тибетѣ, у береговъ Персидскаго залива, — такъ-какъ защита безопасности британскихъ владѣній въ Остъ-Индіи и прилегающихъ къ нимъ земель лежитъ отнынѣ не только на англичанахъ, но и на японцахъ. Прогрессивное наступательное движеніе Россіи въ Средней Азіи, такъ долго поглощавшее наши силы и средства въ угоду газетныхъ патріотамъ и разнымъ военно-политическимъ предпринимателямъ, должно наконецъ прекратиться, и прежнія непроизводительныя затраты на отдаленныя фантастическія цѣли должны уступить мѣсто болѣе реальнымъ и плодотворнымъ стремленіямъ и усиліямъ на пользу нашего собственнаго народа и нашихъ собственныхъ запущенныхъ областей. Болѣе скромное и пассивное положеніе, въ какое мы поставлены теперь на Дальнемъ Востокѣ, соотвѣтствуетъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ и условіямъ нашей государственной жизни; оно избавитъ насъ отъ непосильныхъ тягостей, навязанныхъ намъ многолѣтнимъ военно-бюрократическимъ хозяйничаньемъ въ сферѣ международной политики, и поможетъ намъ направить эту политику на болѣе здравый и разумный путь. Можно сказать, что англо-японскій союзный договоръ, ускорившій заключеніе нами мира съ Японіею, довершилъ въ то же время наше политическое пораженіе на Дальнемъ Востокѣ; но вынужденный отказъ отъ широкихъ азіатскихъ замысловъ и предпріятій будетъ благодѣтеленъ для Россіи и во всякомъ случаѣ не можетъ быть причисленъ къ бѣдственнымъ результатамъ позорной войны.

На поляхъ Манчжуріи и въ Корейскомъ проливѣ утрачена нами репутація великаго военнаго могущества, и оффиціальная Россія является теперь предъ Европою въ совершенно другомъ видѣ, чѣмъ до войны. Случилось то, чего никто не ожидалъ ни у насъ, ни за-

границею: изъ долгаго и упорнаго состязанія съ Японіею мы вышли побѣжденными, какъ на морѣ, такъ и на сушѣ. Восемнадцать мѣсяцевъ боролись наши войска съ японцами и терпѣли однѣ неудачи даже въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣли на своей сторонѣ численный перевѣсъ; съ неимовѣрными усиліями была собрана нами колоссальная армія, но она была разбита при Мукденѣ; почти весь нашъ наличный военный флотъ отправленъ былъ въ японскія воды, но онъ былъ уничтоженъ при Цусимѣ. Какъ первоклассная военная держава, Россія пользовалась уваженіемъ и авторитетомъ въ мірѣ, благодаря своей предполагаемой военной силѣ; когда эта основа ея вліянія и авторитета рушилась, все международное положеніе Россіи должно было кореннымъ образомъ измѣниться. Изъ властнаго союзника и друга, могущаго служить опорой въ превратной судьбѣ, наше отечество превратилось въ предметъ снисходительнаго сожалѣнія и покровительства; русская дружба, недавно еще высоко цѣнимая на международномъ рынкѣ, настолько упала въ цѣнѣ, что о ней нигдѣ не говорятъ серьезно,—но зато всѣ расточаютъ намъ дружественное вниманіе и предлагаютъ свои дружескія услуги, надѣясь извлечь пользу изъ бѣдствій и неудачъ запутавшагося сосѣда. Никто не ищетъ нашей политической дружбы, и на нее нѣтъ никакого спроса; а между тѣмъ насъ осаждаютъ друзья, готовые давать намъ полезные совѣты и даже взять въ свои руки поправленіе нашихъ разстроенныхъ дѣлъ. Всѣ чувствуютъ къ намъ необыкновенное расположеніе съ тѣхъ поръ, какъ насъ одолѣли японцы; американцы прониклись вдругъ симпатіями къ Россіи и стали громко выражать ихъ нашему главному уполномоченному въ Портсмутѣ; англичане подняли вопросъ объ англо-русскомъ соглашеніи на почвѣ англо-японской конвенціи, направленной главнымъ образомъ противъ насъ же; французы и нѣмцы спорятъ между собою изъ-за сочувствія къ русскимъ финансамъ, и нашимъ патріотамъ кажется, что наконецъ западная Европа и Америка поняли и оцѣнили великія достоинства оффиціальной Россіи. Многіе, дѣйствительно, начинаютъ какъ будто забывать истинное положеніе вещей, и наша политическая роль послѣ портсмутскаго мира представляется имъ чрезвычайно лестною. Представители существующаго у насъ режима ужъ слишкомъ легко помирились съ крушеніемъ фундамента своего могущества, и они вновь заговорили тономъ побѣдителей.

Вообще, обстоятельства такъ запутались, что трудно теперь разобрать мотивы и свойства современныхъ политическихъ отношеній. Предъ нашими глазами происходятъ событія, которыя остаются для публики непонятными и даже загадочными. Главный дѣятель портсмутской конференціи, статсъ-секретарь С. Ю. Витте, возвращался въ Россію, по газетнымъ сообщеніямъ тріумфаторомъ: повсюду его

встрѣчали съ такимъ сочувственнымъ интересомъ и съ такими исключительными любезностями, какъ будто ему пришлось не подводить итоги нашихъ пораженій, а возвѣщать міру благосклонную волю побѣдоносной великой державы. Съ президентомъ Соединенныхъ-Штатовъ онъ находился въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ, и подъ вліяніемъ этой дружбы Рузевельтъ уступилъ Россіи почетную иниціативу въ дѣлѣ созыва новой международной конференціи въ Гаагѣ. Еще болѣе близкія отношенія установились съ президентомъ французской республики и съ главою французскаго кабинета, Рувье; статсъ-секретарь Витте дѣйствовалъ и говорилъ въ Парижѣ, какъ уполномоченный могущественной союзной имперіи, мнѣнія которой должны имѣть рѣшающую силу для Франціи; онъ давалъ понять французамъ, что они должны стремиться къ соглашенію съ Германіею, такъ какъ берлинскій кабинетъ относился крайне доброжелательно къ Россіи во все продолженіе японской войны; онъ дѣлалъ дружескіе упреки французскимъ журналистамъ за несочувственные отзывы и разсужденія о русскихъ дѣлахъ и за готовность пренебречь русскимъ союзомъ, столь спасительнымъ и драгоцѣннымъ для французской націи. Рѣзкія критическія статьи нѣкоторыхъ французскихъ газетъ о внутреннемъ и внѣшнемъ положеніи Россіи возбудили сильное удивленіе и неудовольствіе статсъ-секретаря Витте, которому достовѣрно извѣстно изъ первыхъ источниковъ, что наши отечественныя дѣла идутъ превосходно и не даютъ никакого матеріала для скептицизма и вражды иностранной печати. Нѣкоторые изъ французскихъ публицистовъ, заподозрѣнныхъ въ недостаткѣ руссофильской преданности, считали нужнымъ оправдываться въ своихъ газетахъ, и, быть можетъ, статсъ-секретарь Витте простилъ имъ допущенныя ими прегрѣшенія, тѣмъ болѣе, что, за отсутствіемъ главнаго управленія по дѣламъ печати во Франціи, нельзя было бы заставить правительство принять надлежащія мѣры противъ виновныхъ. Но настоящій тріумфъ начался для статсъ-секретаря Витте, когда онъ прибылъ въ предѣлы Пруссіи. Руководители берлинской дипломатіи были въ высшей степени тронуты и польщены высказаннымъ имъ въ Парижѣ мнѣніемъ, что прочная дружба съ Германіею служитъ обязательною основою русской внѣшней политики. Нѣмцы привѣтствовали нашего знаменитаго статсъ-секретаря, какъ истиннаго героя портсмутскаго мира и какъ перваго государственнаго человѣка великой имперіи, достигшей въ послѣднее время апогея своей славы и величія. Имперскій канцлеръ, князь Бюловъ, имѣлъ съ нимъ секретное совѣщаніе, которое, по точнымъ свѣдѣніямъ газетъ, продолжалось два часа и сорокъ-пять минутъ; говорятъ, что въ эти два часа, сверхъ прочихъ вопросовъ высшей европейской политики, улажено было

весьма важное недоразумѣніе съ Франціею по поводу Марокко, и не только нѣмецкія, но и французскія газеты превозносили поразительное дипломатическое искусство статсъ-секретаря Витте, который сразу распуталъ и разрѣшилъ вопросъ, причинявшій такъ много тревогъ и затрудненій обѣимъ державамъ. Пріемъ, котораго удостоился нашъ дипломатъ со стороны самого императора Вильгельма, превышаетъ пониманіе даже опытнѣйшихъ церемоніймейстеровъ. Какъ сообщали телеграммы, статсъ-секретарь Витте отправился къ германскому императору, по особому его приглашенію, въ охотничій замокъ Роминтенъ, недалеко отъ русской границы; на станціи желѣзной дороги его ожидалъ состоящій при императорѣ бывшій посолъ въ Вѣнѣ, графъ Эйленбургъ, который и отвезъ его на императорскомъ автомобилѣ въ замокъ. Около замка встрѣтилъ его самъ императоръ въ сопровожденіи министра двора; онъ лично проводилъ С. Ю. Витте въ отведенное для него помѣщеніе, затѣмъ повелъ его къ императрицѣ и представилъ ему свою свиту. „Въ этотъ день С. Ю. Витте завтракалъ и обѣдалъ у императора, въ теченіе дня провелъ нѣсколько часовъ въ бесѣдѣ съ его величествомъ и затѣмъ вечеръ провелъ съ императоромъ и императрицей въ кругу ихъ приближенныхъ". На слѣдующій день утромъ, въ среду 14 (27) сентября, послѣ ранняго завтрака, Вильгельмъ II лично проводилъ своего гостя въ автомобилѣ на вокзалъ, гдѣ и остался до отхода экстреннаго поѣзда, оживленно бесѣдуя все время съ нашимъ статсъ-секретаремъ. Спеціалисты по этикету утверждаютъ, что такъ не принимали даже знаменитѣйшихъ иностранныхъ министровъ или посланниковъ; и конечно, подобное обиліе необыкновенныхъ любезностей никогда не выпадало на долю покойнаго китайскаго сановника Лихунчана, во время его путешествія по Европѣ,—хотя за нимъ тоже сильно ухаживали въ періодъ надеждъ на свободную эксплоатацію Китая.

Нисколько не умаляя личныхъ заслугъ, достоинствъ и дарованій нашего бывшаго министра финансовъ, можно думать однако, что его чествовали на Западѣ не столько за прошлую и настоящую его дѣятельность, сколько за вѣроятную будущую его роль, за его положеніе единственнаго серьезнаго кандидата на постъ руководящаго министра Россійской имперіи. По господствующему заграницею убѣжденію, Россія переживаетъ теперь эпоху внутренней слабости и труднаго общенароднаго кризиса, и этимъ ея состояніемъ могутъ воспользоваться наиболѣе предпріимчивыя иностранныя государства; отсюда то дружеское вниманіе къ нашимъ интересамъ, которое выказывала намъ Германія во время нашей злосчастной войны, и которое кажется статсъ-секретарю Витте столь безкорыстнымъ и трогательнымъ, — хотя это безкорыстіе было съ избыткомъ возна-

граждено нашими широкими уступками при заключеніи русско-германскаго торговаго договора. Если Россія находится въ упадкѣ и не можетъ сама справиться съ своимъ разореннымъ колоссальнымъ хозяйствомъ, то иностранныя державы, и прежде всего Германія, охотно окажутъ ей помощь, подобно тому, какъ онѣ помогаютъ Турціи и какъ прежде помогали Китаю. Въ свое время Вильгельмъ II усиленно интересовался благополучіемъ турецкаго султана и его придворныхъ пашей и покупалъ ихъ расположеніе различными знаками своей дружбы; этимъ онъ имѣлъ въ виду открыть своему народу доступъ къ богатымъ землямъ Малой Азіи при помощи крупныхъ желѣзнодорожныхъ и иныхъ концессій,—что̀ и было имъ достигнуто. Германскій императоръ и его канцлеръ не признаютъ сентиментальности въ политикѣ, и реальный смыслъ ихъ настойчиваго и искуснаго ухаживанья за Россіею и за ея единственнымъ выдающимся бюрократическимъ дѣятелемъ вполнѣ понятенъ каждому, кто слѣдилъ за событіями послѣднихъ лѣтъ. Въ Германіи безусловно поощряли нашу предпріимчивость на Дальнемъ Востокѣ, и теперь, послѣ небывалаго еще разгрома нашихъ военныхъ силъ, насъ пробуютъ уже втянуть въ новыя международныя комбинаціи, направленныя противъ Англіи, подъ предлогомъ тѣсныхъ традиціонныхъ связей съ Германіею. Мы вообще не въ состояніи понять, какъ могутъ подниматься вопросы, предполагающіе активную внѣшнюю политику Россіи, при тяжелыхъ обстоятельствахъ нашей внутренней жизни, при полномъ ея неустройствѣ и разложеніи; и мы ни на минуту не допускаемъ мысли, что такой опытный и свѣдущій практикъ, какъ С. Ю. Витте, способенъ соблазниться политикою дальнѣйшихъ международныхъ приключеній, хотя бы на этотъ опасный путь увлекалъ его самъ императоръ Вильгельмъ II. Очевидно, иностранныя правительства не очень вѣрятъ въ серьезность возвѣщеннаго у насъ обновленія государственнаго строя; они мало вѣрятъ въ возрожденіе Россіи и, быть можетъ, пытаются убѣдить кого слѣдуетъ въ ненужности и опасности коренныхъ политическихъ реформъ, способныхъ обезпечить истинную самостоятельность и творческую энергію нашего національнаго развитія. Для дальновидныхъ иноземныхъ предпринимателей было бы чрезвычайно удобно имѣть около себя громадную разлагающуюся имперію, гдѣ власть поглощена хроническою безъисходною борьбою съ собственнымъ народомъ и обществомъ,—имперію, безконтрольно управляемую бюрократами, которыхъ нетрудно иногда привлечь на свою сторону; поэтому и перспектива благотворнаго государственнаго преобразованія Россіи встрѣчаетъ такъ мало поддержки въ оффиціальныхъ кругахъ западной Европы и вызываетъ критику и противодѣйствіе даже тамъ, гдѣ можно было бы разсчитывать на сочувствіе. Заграницею привыкли, и не безъ основанія,

сводить всѣ наши внутреннія реформы къ перемѣнѣ правящихъ лицъ, и повсемѣстное чествованіе личности статсъ-секретаря Витте показываетъ, что всѣ видятъ въ немъ неизбѣжнаго, въ ближайшемъ будущемъ, руководителя судебъ Россіи, въ качествѣ главы кабинета. А такъ какъ основы режима останутся прежнія, то можетъ открыться широкое поле для иностранной предпріимчивости въ русскихъ предѣлахъ, при установленіи внѣшняго порядка и спокойствія, согласно просвѣщеннымъ взглядамъ С. Ю. Витте.

Весьма возможно, что самъ виновникъ торжества иначе смотрѣлъ на причины своей популярности и общаго къ себѣ вниманія; по крайней мѣрѣ, если вѣрить газетнымъ репортерамъ, онъ лично приписывалъ общее сочувственное настроеніе тѣмъ симпатіямъ, которыми пользуется нынѣшняя оффиціальная Россія, и той великой роли, которую она играетъ и призвана еще играть въ культурномъ мірѣ, несмотря на испытанныя пораженія и неудачи. Этимъ объясняется, вѣроятно, и оптимистическій, рѣшительный тонъ его заявленій по общимъ политическимъ вопросамъ, напримѣръ о франко-русскомъ союзѣ,—тонъ, не совсѣмъ соотвѣтствующій положенію внѣшнихъ и внутреннихъ дѣлъ Россіи со времени Мукдена и Цусимы. Россія, и все относящееся къ Россіи, давно уже возбуждаетъ общій интересъ въ культурномъ мірѣ своими необыкновенными внутренними событіями и трагедіями, которымъ ежедневно отводятся цѣлые газетные столбцы въ иностранной печати; факты, которыхъ наши газеты не могутъ касаться, подробно излагаются въ заграничной прессѣ, и можно сказать, что ни одна страна не доставляетъ иностранной публикѣ такого глубоко-занимательнаго и разнообразнаго матеріала для живыхъ „эмоцій“, какъ Россія. Интересъ этотъ доходилъ до лихорадочнаго напряженія въ критическіе моменты японской войны, или во время исторіи съ „Княземъ Потемкинымъ“, при погромахъ въ Баку и другихъ мѣстахъ; вся русская жизнь превращалась для иностранцевъ какъ будто въ бульварный романъ съ страшными и крайне запутанными подробностями. Естественно, что этотъ особый интересъ переносился и на оффиціальныхъ представителей и дѣятелей Россіи, особенно на такихъ выдающихся, какъ С. Ю. Витте; эти представители, прямо или косвенно участвующіе въ созданіи фантастической русской современности, кажутся сами какими-то загадками, пришельцами изъ другой эпохи. Постоянно поддерживаемое любопытство толпы и спеціальные эгоистическіе разсчеты правительственныхъ и коммерческихъ сферъ, вызываемые печальнымъ состояніемъ Россіи, образовали въ совокупности ту странную картину, какую представляло собою политическое путешествіе статсъ-секретаря Витте по Европѣ.

Поразительная забывчивость по отношенію къ фактамъ и событіямъ вчерашняго дня сказывается у насъ на каждомъ шагу при оцѣнкѣ общаго хода нашей политической жизни. Одни и тѣ же дорого-стоющіе опыты, однѣ и тѣ же роковыя ошибки повторяются почти непрерывно, въ теченіе десятковъ лѣтъ, и никакого практическаго вывода изъ нихъ не дѣлается. Если спросить, напримѣръ, почему произошла русско-японская война, то обыкновенно получается двоякій отвѣтъ: съ одной стороны приводятся разныя соображенія о рѣзкой противоположности интересовъ между Россіею и Японіею на Дальнемъ Востокѣ, и о важности для насъ свободнаго доступа къ Тихому океану, а съ другой—указывается на виновность нѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, доведшихъ наши отношенія съ Японіею до разрыва ради своихъ частныхъ промышленныхъ цѣлей. Общія соображенія приводятся какъ готовые шаблоны, хотя они не имѣютъ никакого разумнаго смысла и опровергаются общеизвѣстными фактами. Противоположность интересовъ, дающая поводъ къ столкновеніямъ, именно и вызываетъ потребность въ компромиссахъ и соглашеніяхъ, которыми предупреждается война; въ частности, съ Японіею мы могли, при желаніи, заключить не только мирное соглашеніе, но и прочный союзъ, съ несомнѣнною пользою для нашего положенія въ Восточной Азіи. Каковы бы ни были спорные вопросы, раздѣлявшіе Россію и Японію, они вынуждали насъ къ сохраненію безусловнаго мира съ той минуты, когда стало извѣстно намъ существованіе союзнаго договора между Японіею и Англіею, а объ этомъ союзномъ договорѣ мы были оффиціально извѣщены еще въ февралѣ 1902 года. Довести конфликтъ съ Японіею до возможности разрыва, зная, что за спиною Японіи стоитъ союзная съ нею Англія,—было, по меньшей степени, неблагоразумно. Съ другой стороны, возлагать отвѣтственность на отдѣльныхъ сановниковъ, между которыми чаще другихъ назывались статсъ-секретарь Безобразовъ, адмиралъ Алексѣевъ, контръ-адмиралъ Абаза и егермейстеръ Балашевъ,—значило бы замазывать тотъ общій фактъ, что эти лица завѣдывали международными дѣлами на Дальнемъ Востокѣ не въ качествѣ самозванцевъ, а въ силу предоставленныхъ имъ оффиціальныхъ полномочій, которыми министерство иностранныхъ дѣлъ фактически устранялось отъ руководства нашей внѣшнею политикою въ данной области. Въ этомъ случаѣ проявлялась полная дезорганизація государственнаго управленія, причемъ жизненные интересы страны отдавались всецѣло въ руки случайныхъ лицъ, совершенно неподготовленныхъ къ пониманію и рѣшенію сложныхъ политическихъ задачъ.

Въ свое время были напечатаны документы, касающіеся участія Особаго комитета Дальняго Востока въ переговорахъ съ Японіею въ

1903—1904 годахъ. Въ этихъ бумагахъ ярко отразилось то отрицаніе всякихъ обязательныхъ нормъ, порядковъ, обычаевъ и спеціальныхъ знаній, которое характеризуетъ у насъ большинство представителей такъ называемаго высшаго общества. Военный или придворный мундиръ считается достаточнымъ доказательствомъ компетентности для всякой вообще государственной дѣятельности и для обсужденія самыхъ трудныхъ вопросовъ какъ внутренней, такъ и внѣшней политики. Нѣсколько высшихъ офицеровъ флота и арміи, назначенные членами Особаго комитета Дальняго Востока, безъ всякихъ церемоній замѣнили собою министерство иностранныхъ дѣлъ и только иногда считали нужнымъ сообщать о своихъ рѣшеніяхъ посланникамъ и дипломатическимъ агентамъ. Контръ-адмиралъ Абаза въ депешѣ къ статсъ-секретарю Безобразову, отъ 11-го іюня 1903 года, говоря о возможномъ допущеніи японцевъ къ занятію части Кореи, предоставляетъ „увѣдомить объ этомъ Лессара, Розена и Павлова, но въ строго-конфиденціальномъ порядкѣ“,—такъ что наши оффиціальные представители въ Китаѣ, Японіи и Кореѣ только съ большою предосторожностью посвящаются въ тайны закулисныхъ рѣшеній, прямо касающихся Японіи и Кореи. По поводу требованій Америки объ открытіи портовъ въ Манчжуріи для внѣшней торговли тотъ же контръ-адмиралъ Абаза, съ развязностью чисто-военнаго человѣка, рекомендуетъ „употребить всѣ усилія, чтобы выиграть время“, тянуть переговоры подъ разными предлогами и вмѣстѣ съ тѣмъ ускорить прибытіе въ Забайкалье предположенныхъ бригадъ. Статсъ-секретарь Безобразовъ предлагаетъ „изолировать Японію отъ другихъ державъ, кромѣ Англіи, которая одна помогать ей не будетъ“; въ отвѣтъ на миролюбивыя японскія предложенія Особый комитетъ рѣшаетъ, что окончательное дружественное соглашеніе возможно не иначе, какъ если Японія возстановитъ свою свободу дѣйствій (т.-е. откажется отъ заключеннаго въ 1902 году договора съ Англіею?), а пока нужно отклонить требованія о торговой равноправности всѣхъ націй въ Кореѣ и Китаѣ, принять военныя мѣры и т. д.. Адмиралъ Алексѣевъ въ сентябрѣ 1903 года телеграфируетъ изъ Портъ-Артура, что „оставить Манчжурію послѣ трехлѣтней оккупаціи представляется невозможнымъ безъ умаленія нашего политическаго положенія на Дальнемъ Востокѣ“,—и это говорится послѣ оффиціально опубликованнаго обязательства очистить Манчжурію въ октябрѣ того же 1903 года. Въ то же время этотъ адмиралъ признаетъ необходимымъ „дать понять японскому правительству, что права и интересы свои Россія намѣрена отстаивать, если потребуется, вооруженною рукою“. Вообще, онъ стоитъ за „непоколебимую рѣшительность“ дѣйствій, вплоть до нападенія открытою силою въ случаѣ высадки японскихъ войскъ въ

одномъ изъ прибрежныхъ пунктовъ Кореи; онъ отвергаетъ японскія предложенія, какъ „домогательства, превосходящія всякій благоразумный предѣлъ“. Въ торжественномъ засѣданіи Особаго комитета, въ декабрѣ 1903 года, министръ иностранныхъ дѣлъ графъ Ламздорфъ и военный министръ генералъ Куропаткинъ высказались категорически противъ войны; но контръ-адмиралъ Абаза, считая себя болѣе компетентнымъ въ этомъ вопросѣ, чѣмъ оба названные министра, потребовалъ, чтобы графъ Ламздорфъ представилъ „полную программу нашихъ дѣйствій“ въ Манчжуріи на обсужденіе особо назначенныхъ лицъ. Въ письмѣ отъ 16-го января 1904 года—за недѣлю до разрыва—контръ-адмиралъ Абаза сообщаетъ, что „на вчерашнемъ совѣщаніи у великаго князя генералъ-адмирала выяснилось, что министры военный и иностранныхъ дѣлъ толкуютъ наши предложенія Японіи въ томъ смыслѣ, что Россія допускаетъ экономическое водвореніе Японіи во всей Кореѣ“, а такое „толкованіе двухъ министровъ опасно“... Слѣдовательно, контръ-адмиралъ Абаза прямо и откровенно ставитъ себя выше министровъ въ кругѣ ихъ спеціальной компетенціи, и имѣлъ, повидимому, формальное основаніе ставить себя въ такое положеніе, потому что, напримѣръ, 20-го января графъ Ламздорфъ считаетъ нужнымъ посылать свои проекты дипломатическихъ нотъ контръ-адмиралу Абазѣ съ просьбою дать свое „заключеніе“. Контръ-адмиралъ Абаза даже непосредственно бралъ на себя исполненіе обязанностей, лежащихъ на министрѣ иностранныхъ дѣлъ; такъ, въ письмѣ отъ 18 января 1904 года, онъ пишетъ: „вчера утромъ я разъяснилъ японскому посланнику, до какихъ предѣловъ береговой полосы можетъ быть допущена высадка въ Кореѣ; сегодня въ теченіе дня посланникъ два раза присылалъ мнѣ своего секретаря съ очень длинною просьбой“... и т. д. Уже послѣ состоявшагося разрыва, предлагая послать извѣстную инструкцію адмиралу Алексѣеву, онъ замѣчаетъ: „Мнѣ совершенно неизвѣстны наши переговоры или соглашенія съ великими державами, и поэтому я не знаю, насколько Англія можетъ придраться къ нашимъ военнымъ дѣйствіямъ въ Кореѣ или въ территоріальныхъ водахъ“,—и однако, не имѣя по этому предмету необходимыхъ свѣдѣній и откровенно признаваясь въ этомъ незнаніи, онъ все-таки дѣлаетъ опредѣленныя указанія, вмѣсто того, чтобы по крайней мѣрѣ предварительно собрать нужныя справки въ компетентномъ вѣдомствѣ иностранныхъ дѣлъ.

Изъ всего этого видно, что вопросы первостепенной важности рѣшались почти безъ вѣдома и участія тѣхъ министровъ и вѣдомствъ, до которыхъ они относились,—безъ всякихъ серьезныхъ данныхъ, безъ необходимыхъ справокъ и свѣдѣній, на основаніи легкомысленныхъ и произвольныхъ умозаключеній, основы которыхъ даже не поддаются

никакому логическому разбору. Внѣшняя политика великой державы очутилась въ распоряженіи лицъ, не имѣющихъ ничего общаго ни съ дипломатіею, ни съ какою бы то ни было государственною дѣятельностью даже въ тѣхъ бюрократическихъ формахъ, какія у насъ установились; само министерство иностранныхъ дѣлъ отошло на задній планъ и не пыталось возстановить законный порядокъ разсмотрѣнія и рѣшенія дипломатическихъ дѣлъ, предоставивъ дѣйствовать и распоряжаться завѣдомо несвѣдущимъ закулиснымъ совѣтникамъ. Огромная опасность для государства заключалась именно въ томъ, что важнѣйшіе его интересы могли быть неожиданно изъяты изъ круга дѣйствій существующихъ учрежденій и предоставлены на произволъ судьбы, въ зависимости отъ небольшого случайнаго кружка заинтересованныхъ дилеттантовъ. Если по вопросу о войнѣ отзывы министровъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ устранялись, какъ лишенные всякаго значенія, а рѣшающій голосъ принадлежалъ контръ-адмиралу Абазѣ, не занимавшему никакой самостоятельной и отвѣтственной должности, то даже съ чисто бюрократической точки зрѣнія весь правительственный механизмъ представлялся совершенно разстроеннымъ и неспособенъ былъ дѣйствовать болѣе или менѣе правильно. Всѣ функціи перепутались, и неизвѣстно было, кто собственно отвѣчаетъ за направленіе и характеръ принимаемыхъ мѣръ; трудно было бы даже сказать, что существуетъ опредѣленное правительство, отъ имени котораго извѣстныя мѣры принимаются,—ибо правительство въ лицѣ министерства иностранныхъ дѣлъ бездѣйствовало, а за него распоряжался контръ-адмиралъ Абаза, съ его единомышленниками, адмираломъ Алексѣевымъ и статсъ-секретаремъ Безобразовымъ. Министерство иностранныхъ дѣлъ несомнѣнно являлось единственнымъ законнымъ органомъ правительства въ области иностранной политики, а между тѣмъ оффиціальная политика относительно Японіи велась и направлялась не этимъ дипломатическимъ вѣдомствомъ, а посторонними лицами. Такъ же точно военное министерство должно, безспорно, считаться единственнымъ компетентнымъ органомъ правительства по вопросу о томъ, можно ли въ данное время и при данныхъ условіяхъ предпринимать войну или нѣтъ, а между тѣмъ мнѣніе военнаго вѣдомства по этому вопросу должно было уступить мѣсто самоувѣреннымъ отзывамъ нѣсколькихъ моряковъ, которые смѣло направили дѣло въ сторону войны. Можно ли рѣшеніе этихъ моряковъ называть рѣшеніемъ правительства, когда оно прямо противорѣчило мнѣнію спеціальнаго правительственнаго органа по военной части? Наконецъ, кто представлялъ собою правительство въ критическій періодъ переговоровъ съ Японіею — министерство иностранныхъ дѣлъ или оттѣснившій его кружокъ контръ-адмирала Абазы съ компаніею? Ясно, что отвѣтственность отдѣльныхъ виновниковъ

войны нисколько не затрогиваетъ чрезвычайно важнаго принципіальнаго вопроса: какимъ образомъ отдѣльныя лица, не принадлежащія къ составу правительства въ точномъ смыслѣ этого слова, могли замѣнить собою правительство и сдѣлаться распорядителями интересовъ государства въ данной области? Здѣсь мы встрѣчаемся съ кореннымъ недостаткомъ политической организаціи — недостаткомъ, подвергающимъ опасности самое существованіе государства, и вопросъ о лицахъ, случайно воплощающихъ собою эту политическую аномалію, не играетъ при этомъ никакой роли. Тутъ дѣло идетъ уже не о бюрократическомъ строѣ, а объ извращеніи или вырожденіи самаго этого строя.

Само собою разумѣется, что никакая разумная политика невозможна при господствѣ тѣхъ непостижимыхъ и перемѣнчивыхъ случайностей, которыя устраняютъ правильное дѣйствіе какого бы то ни было опредѣленнаго правительства. Для обезпеченія хорошей внѣшней политики необходимо имѣть не только свѣдущую, опытную и отвѣтственную дипломатію, но и твердую увѣренность въ томъ, что эта дипломатія не будетъ внезапно замѣнена нѣсколькими офицерами или моряками, почувствовавшими въ себѣ призваніе къ международной предпріимчивости. Русско-японская война не могла бы возникнуть, если бы внѣшнею политикою заправляло даже то рутинное канцелярское вѣдомство иностранныхъ дѣлъ, какое у насъ существуетъ, и если бы у насъ вообще существовала и сохранялась какая бы то ни была опредѣленная правительственная организація; но твердая организація подобнаго рода предполагаетъ существенныя принципіальныя реформы, при которыхъ на первый планъ долженъ выступить вопросъ объ отвѣтственности правительственныхъ органовъ предъ организованнымъ общественнымъ мнѣніемъ страны. Печальныя особенности нашего политическаго режима наглядно характеризуются дѣятельностью тѣхъ закулисныхъ предпринимателей, которые подготовили и устроили войну вопреки желаніямъ министровъ иностранныхъ дѣлъ и военнаго, — и самая возможность повторенія такихъ несообразностей должна быть разъ навсегда устранена изъ нашей политической практики.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 октября 1905 г.

I.

— Бельтовъ. За двадцать лѣтъ. Сборникъ статей литературныхъ, экономическихъ и философско-историческихъ. Спб. 1905.

Авторъ начинаетъ свою книгу краткимъ предисловіемъ. „Вошедшія въ этотъ сборникъ статьи,—говоритъ онъ,—были напечатаны въ разное время въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ; но всѣ онѣ проникнуты одною основной идеей—и потому составляютъ одно цѣлое, несмотря на разнообразіе своего содержанія. Въ каждой изъ нихъ отразилось,—съ той или другой стороны,—одно и то же міросозерцаніе, въ правильности котораго мнѣ хотѣлось бы убѣдить читателя".

Единство и цѣлостность этого міросозерцанія служатъ внутренней связью и между статьями позднѣйшими, и болѣе ранними; вопросы, останавливавшіе на себѣ вниманіе автора, далеко еще не отошли въ разрядъ тѣхъ, что уже „взвѣшены судьбою",—напротивъ, ко многимъ изъ нихъ вниманіе общества приковано столь напряженно, какъ никогда прежде. Это въ особенности имѣетъ мѣсто тамъ, гдѣ дѣло касается той или другой стороны въ выработкѣ новаго государственнаго и общественнаго строя. Интересъ полемическій, сопоставленіе со взглядами и возраженіями противоположнаго характера блѣднѣетъ и стушевывается передъ политическимъ значеніемъ статей, собранныхъ въ этой книгѣ, и это вводитъ ее въ кругъ живѣйшихъ и въ нѣкоторыхъ случаяхъ знаменательныхъ вопросовъ, которыми живетъ наша современность.

Міросозерцаніе г. Бельтова—это прежде всего и главнѣйшимъ образомъ ортодоксальная „марксистская" теорія общественнаго раз-

витія. Выступивъ въ восьмидесятыхъ годахъ противъ господствовавшихъ народническихъ воззрѣній, г. Бельтовъ, почти безъ предшественниковъ, благодаря замѣчательной способности общественно-философскаго анализа, намѣтилъ и въ значительной степени совершилъ трудную работу переоцѣнки коренныхъ основъ русской жизни, съ точки зрѣнія развивающагося русскаго капитализма, объясненіе котораго, въ смыслѣ необходимой и временно-преходящей общественно-экономической формы, составляетъ большую и уже историческую заслугу автора; это объясненіе значенія надвигающагося капиталистическаго строя неминуемо сопровождалось отрицаніемъ старыхъ основъ, паденіемъ старыхъ устоевъ и логически приводило къ новому, матеріалистическому взгляду на общественное развитіе. Сторонники этого міросозерцанія могутъ, дѣйствительно, съ полнымъ правомъ утверждать, что г. Бельтовъ намѣтилъ основныя вѣхи теоретической работы девяностыхъ годовъ, что онъ давно предсказалъ многіе пережитые нами и переживаемые въ настоящее время моменты историческаго хода русской дѣйствительности, которыми онъ опредѣлялъ путь окончательнаго рѣшенія освободительной проблемы.

Первыя статьи сборника посвящены народникамъ — Каронину, Наумову, Успенскому. Онѣ могли бы считаться устарѣлыми лишь по недоразумѣнію, потому развѣ, что эти писатели (за исключеніемъ, можетъ быть, Успенскаго), утратили для читателя непосредственный интересъ, но въ данномъ случаѣ, въ статьяхъ г. Бельтова на первомъ планѣ стоитъ теоретическая сторона, составляющая необходимый вступительный матеріалъ къ развитію дальнѣйшихъ положеній автора; съ другой стороны, эти статьи полны глубокаго интереса съ историко-литературной точки зрѣнія, обиліемъ мѣткихъ и вѣрныхъ характеристикъ, а также талантливымъ примѣненіемъ „классоваго принципа“ къ литературнымъ оцѣнкамъ. Въ этомъ отношеніи особенно цѣнны статьи: „Бѣлинскій и разумная дѣйствительность“, „Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго“, „Къ вопросу о роли личности въ исторіи“; слабѣе, сравнительно съ другими, статья о Некрасовѣ (къ 25-лѣтію его смерти).

Сочиненія народниковъ-беллетристовъ даютъ автору обильный матеріалъ для доказательства основной его мысли о разложеніи общинно-земледѣльческаго строя и о переходѣ русской жизни въ новыя формы, подъ вліяніемъ все усиливающагося капитализма. Въ особенности любопытна въ этомъ отношеніи глава о Глѣбѣ Успенскомъ. По поводу неоднократно высказывавшейся Успенскимъ мысли, что какъ только крестьянинъ выходитъ изъ-подъ „власти земли“, онъ тотчасъ же развращается, г. Бельтовъ показываетъ, откуда возникаетъ ошибочность подобнаго представленія. Успенскій не обратилъ

должнаго вниманія на способность условій земледѣльческаго (и всякаго другого) труда къ измѣненію, и сталъ считать обусловленный этимъ трудомъ кодексъ нравственныхъ понятій единственно возможнымъ и необходимымъ. Онъ упустилъ изъ виду другой кодексъ, создаваемый трудомъ промышленнымъ, гдѣ люди, работающіе съ помощью машины, живутъ въ другихъ условіяхъ, чѣмъ крестьяне-земледѣльцы, и вырабатываютъ въ себѣ особыя понятія и привычки рабочаго человѣка; естественно при этомъ, что нравственность промышленнаго работника-пролетарія, создающаяся подъ вліяніемъ болѣе высокой степени экономическаго развитія, гораздо шире нравственнаго кодекса земледѣльца. Если бы Успенскій провидѣлъ положительную сторону крушенія старыхъ порядковъ подъ напоромъ капитализма, онъ не сталъ бы оплакивать пришествіе въ народъ „цивилизаціи“ и увидалъ бы въ совершающемся на его глазахъ процессѣ лишь неотвратимую логику вещей, противодѣйствовать которой прежде всего безполезно. Указывая, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, на доктрину Маркса, какъ на такое ученіе, которое должно помочь намъ распутать путаницу русской жизни, г. Бельтовъ отмѣчаетъ органическую связь этого ученія съ тѣмъ умственнымъ движеніемъ, которое въ свое время было создано Бѣлинскимъ, и весьма кстати, съ своей точки зрѣнія, цитируетъ мнѣніе проф. Менделѣева, высказанное имъ еще въ 1885 г., о томъ, что „Россія пришла уже въ состояніе, изъ котораго исходъ въ правильную сторону цивилизаціи только одинъ и есть, а именно, въ развитіи фабрично-заводской промышленности“. Подобный выводъ, совпадающій съ кореннымъ убѣжденіемъ автора, долженъ былъ принять естественное направленіе не только въ сторону потрясенія „устоевъ“ народной жизни, но и полнаго ихъ разрушенія и отрицанія, поскольку дѣло касалось общины. „Недостаточно одобрять общину въ принципѣ,—говоритъ г. Бельтовъ въ статьѣ о Каронинѣ:—нужно спросить себя, каково живется современнымъ русскимъ общинникамъ въ современной русской общинѣ, и не лучше ли было бы, если бы эта современная община—со всѣми ея современными, дѣйствительными, а не вымышленными условіями—перестала существовать?“ Какъ извѣстно, народники приняли вызовъ, и споръ ихъ съ марксистами сдѣлался уже до извѣстной степени достояніемъ исторіи,—но въ такой категорической формѣ онъ былъ впервые поставленъ г. Бельтовымъ еще, повторяемъ, въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ.

Попутно г. Бельтовъ затрогиваетъ различные другіе вопросы, философскіе, историко-литературные, историческіе.

Отмѣтимъ нѣкоторыя изъ частныхъ положеній автора. Разсматривая народниковъ, онъ констатируетъ у нихъ несомнѣнное пре-

обладаніе общественныхъ интересовъ надъ литературными. Дѣлу русскаго общественнаго развитія они послужили, изображая бытъ своего народа. „Никакія спеціальныя изслѣдованія не могутъ замѣнить нарисованной ими картины народной жизни, произведенія нашихъ народниковъ-беллетристовъ надо изучать такъ же внимательно, какъ изучаются статистическія изслѣдованія о русскомъ народномъ хозяйствѣ или сочиненія по обычному праву крестьянъ. Ни одинъ общественный дѣятель, къ какому бы направленію онъ ни принадлежалъ, не можетъ сказать, что для него необязательно такое изученіе."

По поводу нападковъ представителей эстетической критики на беллетристовъ-народниковъ г. Бельтовъ писалъ (въ 1888 г.), что, „эстетическіе критики" брались за дѣло не съ надлежащей стороны. Нелѣпо, казалось г. Бельтову, убѣждать народниковъ-беллетристовъ не интересоваться общественными вопросами. „Россія переживаетъ теперь такое время, когда передовые слои ея населенія не могутъ не интересоваться подобными вопросами. Поэтому, какъ бы ни распинались господа эстетическіе критики, интересъ къ общественнымъ вопросамъ необходимо будетъ отражаться и въ беллетристикѣ. Критика должна, по меньшей мѣрѣ, примириться съ этимъ обстоятельствомъ". Авторъ далекъ отъ мысли освобождать критику отъ обязанности указывать недостатки художественныхъ произведеній, но одной изъ основныхъ задачъ, по его мнѣнію, могло бы служить критическое изслѣдованіе того, насколько основательны усвоенные беллетристами извѣстнаго направленія взгляды на русскую жизнь, и не зависятъ ли наиболѣе существенные художественные недостатки ихъ произведеній, въ той или другой степени, отъ ошибочности или узости этихъ взглядовъ. Въ такомъ случаѣ указаніе другой, болѣе правильной точки зрѣнія могло бы повести и къ устраненію самихъ недостатковъ, свойственныхъ народной беллетристикѣ въ извѣстную эпоху. „Тамъ, гдѣ беллетристы становятся публицистами, даже художественному критику не остается ничего другого, какъ запастись оружіемъ публициста".

Вопросы литературной критики и теоріи искусства занимаютъ видное мѣсто среди сочиненій г. Бельтова. Особенно въ этомъ отношеніи любопытна статья о „Бѣлинскомъ и разумной дѣйствительности", гдѣ авторъ горячо протестуетъ противъ вульгарнаго пониманія того періода жизни Бѣлинскаго, который отмѣченъ „примиреніемъ съ дѣйствительностью", въ періодъ увлеченія Гегелемъ. Авторъ исходитъ изъ того убѣжденія, что Бѣлинскій могъ остановиться только на той философіи, которая давала бы ему простые и твердые отвѣты на мучившіе его вопросы, выраженіе которыхъ дано въ извѣстномъ стихотвореніи:

Отчего подъ ношей крестной
Изнываетъ вѣчно правый?
Отчего вездѣ богатый
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? Иль силѣ правды
На землѣ не все доступно?
Иль она играетъ нами?
Это подло и преступно!

Эти вопросы особенно мучили Бѣлинскаго въ такъ называемый „фихтеанскій періодъ“, который онъ самъ называлъ впослѣдствіи періодомъ распаденія. Конечно, онъ не могъ оставаться долго въ этомъ періодѣ, и философія Гегеля привлекла его главнымъ образомъ потому, что обѣщала дать „научное изученіе дѣйствительности, научное объясненіе историческаго развитія человѣчества въ соціальномъ, политическомъ и умственномъ отношеніяхъ, какъ необходимаго и потому законосообразнаго процесса“. Естественно, что такое пониманіе исторіи, ставившее передъ ней положительныя задачи взамѣнъ слѣпой случайности, не могло не увлечь молодые умы всюду, гдѣ была готовая почва для развитія общественныхъ запросовъ. Иное дѣло тѣ консервативные выводы, которые были сдѣланы вслѣдъ затѣмъ изъ признанія разумности всего, что̀ дѣйствительно. По этому поводу г. Бельтовъ дѣлаетъ такое замѣчаніе: „если ученіе Гегеля о разумности всего дѣйствительнаго многими понято было совершенно неправильно, то въ этомъ былъ виноватъ прежде всего онъ самъ, придавъ ему очень странное, совсѣмъ не діалектическое истолкованіе и провозгласивъ воплощеннымъ разумомъ тогдашній прусскій общественный порядокъ“. Основное значеніе Бѣлинскаго—въ томъ, что онъ, подобно Моисею, которому не суждено было узрѣть обѣтованной земли, всѣми силами старался избавить себя и своихъ ближнихъ по духу отъ египетскаго ига абстрактнаго идеала. Авторъ считаетъ это колоссальной, неоцѣненной заслугой. Эта заслуга недостаточно выяснена, и будущимъ изслѣдователямъ предстоитъ еще заняться этимъ вопросомъ и болѣе детально мотивировать одно изъ частныхъ положеній автора, что Бѣлинскій былъ самой замѣчательной философской организаціей, когда-либо выступавшей въ нашей литературѣ.

Въ высокой степени любопытна и статья г. Бельтова „Эстетическая теорія Н. Г. Чернышевскаго“. Авторъ защищаетъ Чернышевскаго отъ высказаннаго Писаревымъ упрека въ „коварномъ“ намѣреніи погубить эстетику. Г. Бельтовъ сопоставляетъ диссертацію Чернышевскаго съ его рецензіей о книгѣ Ордынскаго, писанной имъ одновременно съ работой надъ диссертаціей, и высказываетъ безусловно справедливое утвержденіе, что Чернышевскій не только не нападалъ на эстетику, но, напротивъ, горячо защищалъ ее отъ ея

„недоброжелателей, понимавшихъ эстетику въ качествѣ науки слишкомъ отвлеченной и потому неосновательной. Мѣтко и доказательно устанавливаетъ г. Бельтовъ связь взглядовъ Чернышевскаго на искусство со взглядами Бѣлинскаго, связь, въ которой знаменитая диссертація являлась — „дальнѣйшимъ развитіемъ тѣхъ взглядовъ на искусство, къ которымъ пришелъ Бѣлинскій въ послѣдніе годы своей литературной дѣятельности".

Наибольшій интересъ представляетъ та часть статьи г. Бельтова, гдѣ онъ въ высшей степени убѣдительно доказываетъ, что въ основѣ эстетическихъ воззрѣній Чернышевскаго лежитъ философская система Фейербаха. Разрѣшеніе этого вопроса имѣетъ особое значеніе въ томъ отношеніи, что по его поводу въ печати высказывались самыя разнообразныя и въ большинствѣ случаевъ невѣрныя утвержденія. Большинство мнѣній сводилось къ Гегелю, а это имя не могло не возбуждать недоразумѣній въ томъ отношеніи, что и самъ Фейербахъ былъ генетически послѣдователемъ діалектической философіи Гегеля. Но дѣло въ томъ, что Гегель былъ чистѣйшимъ идеалистомъ, а Фейербахъ—чистѣйшимъ матеріалистомъ, или, лучше сказать, противникомъ идеализма (оба эти термина имѣютъ, конечно, условное значеніе). Если Фейербахъ нигдѣ самъ не называетъ себя матеріалистомъ, то таковымъ считалъ его Чернышевскій, принимаясь за построеніе эстетики на основѣ „матеріалистической" философіи Фейербаха. Выясняя положеніе Фейрбаха, что „чувственность или дѣйствительность тождественна съ истиной", авторъ такъ формулируетъ основную мысль своего разсужденія: „Если сущность человѣка—„чувственность", дѣйствительность, а не вымыселъ и не абстракція, то всякое превознесеніе вымысла и абстракціи надъ дѣйствительностью не только ошибочно, а прямо вредно. И если задача науки вообще заключается въ реабилитаціи дѣйствительности, то въ этой же реабилитаціи заключается и задача эстетики, какъ отдѣльной научной отрасли. Этотъ выводъ, неизбѣжно слѣдующій изъ философскаго ученія Фейербаха, цѣликомъ легъ въ основу всѣхъ разсужденій Чернышевскаго объ искусствѣ".

Что же касается собственно Гегеля, то въ диссертаціи можно найти немало возраженій противъ его эстетическихъ воззрѣній. Въ этомъ отношеніи лицамъ, интересовавшимся біографіей Чернышевскаго, извѣстны моменты его философскаго развитія. Съ Гегелемъ впервые онъ познакомился въ половинѣ сороковыхъ годовъ еще въ провинціи по весьма неполнымъ русскимъ изложеніямъ его системы, и послѣдняя привлекла къ себѣ всѣ его симпатіи. Но вскорѣ затѣмъ, переселившись въ Петербургъ, Чернышевскій получилъ возможность познакомиться съ трактатами Гегеля въ подлинникѣ, и здѣсь отношеніе къ

нему значительно измѣнилось, особенно послѣ знакомства съ сочиненіями Фейербаха, за изученіе которыхъ онъ ревностно принялся. Не имѣя возможности, по условіямъ времени, назвать своего учителя, Чернышевскій считалъ полезнымъ распространить идеи Фейербаха и на тотъ кругъ предметовъ, который не былъ самъ по себѣ объектомъ изслѣдованія самого философа. Чернышевскій, можетъ быть, распространилъ бы извѣстный порядокъ идей и на самую „дѣйствительность", но для разсужденій о „дѣйствительности" пятидесятые годы были весьма неудобны, и потому, когда встрѣтилось требованіе ученой диссертаціи, онъ остановился на вопросѣ объ искусствѣ, гдѣ эта дѣйствительность могла бы получить наиболѣе широкое истолкованіе. Этимъ объясняются реалистическая заслуга и теоретическіе недочеты диссертаціи Чернышевскаго.

Кромѣ отмѣченныхъ, находимъ въ книгѣ г. Бельтова также статьи—„Чернышевскій и Мальтусъ", „Нѣсколько словъ въ защиту экономическаго матеріализма", „Экономическія теоріи Карла Родбертуса-Ягецова" и др. Къ сожалѣнію, въ эту книгу вошло далеко не все, что было бы желательно предложить русскому читателю. Будемъ надѣяться, что настоящій томъ только открываетъ собою полное собраніе сочиненій этого выдающагося писателя.

II.

— Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго. Т. II. Изд. журнала „Русское Богатство". Спб. 1905.

Въ этотъ томъ вошли сочиненія Михайловскаго, печатавшіяся имъ съ 1901 года до самой его кончины. Они показываютъ, какъ сильна была его отзывчивость ко всему, что совершалось вокругъ въ литературѣ и жизни, какъ дороги были ему тѣ завѣты, на которыхъ зиждилось достоинство литературы и которые были краеугольнымъ камнемъ его общественныхъ и политическихъ убѣжденій. Критическая мысль до послѣдняго момента работала свѣжо и бодро, стараясь отдѣлить пшеницу отъ плевелъ, предостерегая читателя отъ всего ненужнаго, искусственнаго, претенціознаго, что, въ области литературы, мѣшало проявленію ея истиннаго призванія—быть выразительницей духовныхъ потребностей и прогрессивно-освободительныхъ стремленій русскаго общества. И въ статьяхъ этого тома публицистическій элементъ значительно преобладаетъ надъ чисто критическимъ; создатель своеобразнаго жанра „литературы и жизни", Михайловскій интересовался не столько литературой, сколько жизнью, въ ней отраженной,—

поэтому такъ небезразличны были для него вопросы, кто пишетъ, о чемъ и съ какою цѣлью, поэтому отъ произведенія онъ такъ часто переходилъ къ автору, поэтому же и его критическіе очерки бывали иногда слишкомъ субъективны. Съ Михайловскимъ можно было во многихъ отношеніяхъ не соглашаться, но нельзя было не интересоваться его мнѣніемъ о томъ или иномъ литературномъ явленіи. Въ его отзывахъ о лицахъ было много желчи, раздраженія, подчасъ презрѣнія и пренебрежительной насмѣшки, но въ его отзывахъ о литературѣ было всегда много мѣткихъ штриховъ, вѣрныхъ замѣчаній и особой наблюдательности, что̀ не мѣшало ему впадать иногда въ ошибки (какъ это было при разборѣ пьесы Горькаго „На днѣ“) и возвеличивать писателей, едва выдѣляющихся надъ общимъ уровнемъ.

Въ настоящемъ томѣ находимъ статьи о г. Горькомъ и Чеховѣ, о г. Мережковскомъ и Львѣ Толстомъ, о г. Леонидѣ Андреевѣ и Александрѣ Бенуа и др.; по отношенію къ нѣкоторымъ писателямъ—Успенскому, Некрасову и другимъ—статьи Михайловскаго любопытны заключающимся въ нихъ біографическимъ и историко-литературнымъ матеріаломъ. Разсуждая по поводу пьесы Горькаго „На днѣ“, Михайловскій находитъ основной недостатокъ пьесы, между прочимъ, въ томъ, что на ней, при „энергическомъ публицистическомъ темпераментѣ“ и „незаурядномъ художественномъ дарованіи“, сказались „изъяны мыслительнаго багажа талантливаго писателя“. Неумѣстное, можетъ быть, въ данномъ случаѣ—замѣчаніе это чрезвычайно характерно для Михайловскаго. Онъ не довольствовался наличностью одного только таланта для писателя: послѣднему нужны еще знаніе, и общее, въ смыслѣ образованія, и еще болѣе спеціальное, въ смыслѣ изученія той среды, которую изображаетъ писатель. „У насъ принято думать,—говоритъ онъ,—что беллетристу и вообще художнику не нужно знаній, нуженъ только талантъ. Это замѣчательно невѣрное мнѣніе. Нѣтъ, разумѣется, надобности, чтобы романисту была, напримѣръ, „звѣздная книга ясна“, и мы охотно простимъ ему, если онъ при случаѣ какъ-нибудь смѣшаетъ одно созвѣздіе съ другимъ; но изображаемую эпоху и среду онъ долженъ знать, и знать превосходно. Подумать страшно, какая масса знанія вложена Толстымъ въ „Войну и миръ“ или сколько предварительнаго изученія потребовала „Капитанская дочка“ Пушкина. А сколько детальнѣйшаго знанія въ комедіяхъ Островскаго, въ сатирахъ Щедрина и т. п.“ Съ такими разсужденіями Михайловскій переходитъ вслѣдъ затѣмъ къ разбору разсказовъ г. Е. Чирикова. Другое требованіе, предъявлявшееся Михайловскимъ къ литературѣ, состояло въ томъ, чтобы произведеніе было органично, непосредственно-правдиво, выражало бы весь духовный и умственный складъ писателя, пріобрѣтающій въ немъ извѣстную этическую цѣнность. Выраже-

ніемъ этой органичности былъ для Михайловскаго Левъ Толстой, „шуйца“ и „десница“ котораго такъ занимали его. Останавливаясь на книгѣ г. Мережковскаго о Толстомъ и Достоевскомъ, Михайловскій такъ опредѣляетъ Толстого: „Толстой есть Толстой... Намъ все равно, графъ онъ или не графъ, были ли его предки исконные или случайные люди. Припоминая весь пятидесятилѣтній путь литературной дѣятельности „великаго писателя русской земли“, мы видимъ, что и въ своихъ великихъ произведеніяхъ, и въ своихъ ошибкахъ, часто очень крупныхъ, всегда, отъ первой до послѣдней писанной имъ строчки, онъ былъ и есть *самъ*, считающійся только съ собственной своею совѣстью, неподкупной ни для предразсудковъ своей среды, ни для предразсудковъ, такъ сказать, міровыхъ, не разъ мѣнявшій свои взгляды, но никогда не отступавшій отъ нихъ подъ какимъ бы то ни было внѣшнимъ давленіемъ. Въ этомъ смыслѣ онъ для насъ больше, чѣмъ великій писатель. Онъ—какъ бы живой, облеченный въ плоть и кровь символъ достоинства печатнаго слова“.

Въ этой характеристикѣ сочеталось все, наиболѣе дорогое и для самого Михайловскаго: высокое пониманіе значенія и цѣлей литературы и стойкая убѣжденность взглядовъ, слагающихъ глубокое и цѣльное міросозерцаніе.

Настоящая книга является необходимымъ завершеніемъ „полнаго собранія“ сочиненій Михайловскаго: она еще „современна“ въ примѣненіи ко многимъ, особенно литературнымъ интересамъ русскаго читателя и не скоро отойдетъ къ разряду книгъ историческаго значенія. Объ одномъ можно пожалѣть, что къ ней не приложено подробнаго указателя ни къ данному, ни къ остальнымъ томамъ сочиненій Михайловскаго. Такой указатель необходимъ.

III.

— І. Табурно. Правда о войнѣ. Изданіе второе. Спб. 1905.

Авторъ этой книги былъ, какъ извѣстно, корреспондентомъ „Новаго Времени“, и сочиненіе его представляетъ собою попытку разобраться во впечатлѣніяхъ всего видѣннаго и пережитого. Онъ отправился въ Манчжурію въ половинѣ декабря прошлаго года, и разыгравшіяся тамъ событія заставили его „быть свидѣтелемъ многихъ отрадныхъ и положительныхъ явленій, но, увы, еще больше отрицательныхъ, при воспоминаніи о которыхъ становится тяжело на сердцѣ“, какъ говоритъ авторъ въ своемъ предисловіи. „Моя моральная обязанность,—продолжаетъ онъ,—все, что я наблюдалъ и видѣлъ, пред-

ставить русскому обществу. Можетъ быть, я, какъ не военный, не спеціалистъ военнаго дѣла, буду грѣшить въ нѣкоторыхъ выводахъ, но одно могу сказать: фактическую сторону я представлю такъ, какъ она есть, такою, какою я ее видѣлъ". Эта фактическая сторона и составляетъ наиболѣе цѣнный элементъ въ книгѣ г. Табурно: сравнительно съ нею, его выводы, напр., о значеніи нашихъ пораженій, о необходимости, при извѣстныхъ условіяхъ, продолжать войну „до побѣдоноснаго конца", далеко не столь цѣнны... Съ заключеніемъ мира эти выводы теряютъ всякую почву и сами по себѣ, а моральная оцѣнка манчжурской авантюры болѣе чѣмъ достаточно опредѣлилась для русскаго общества, чтобы на ней стоило останавливаться лишній разъ по поводу частнаго литературнаго явленія. Поэтому, оставивъ въ сторонѣ разсужденія о причинахъ и слѣдствіяхъ болѣе или менѣе общаго свойства, позаимствуемъ изъ книги г. Табурно нѣсколько характерныхъ фактовъ, ярко иллюстрирующихъ тѣ общественныя и культурно-нравственныя условія, среди которыхъ они только и могли совершиться. Теперь наступаетъ время подведенія итоговъ всего пережитого русскими людьми и на войнѣ, и дома,—и факты, разсказанные г. Табурно, весьма своевременно отмѣтить „для памяти", чтобы они не затерялись, не исчезли въ пестромъ и мутномъ потокѣ быстро слѣдующихъ другъ за другомъ явленій. Во всякой странѣ съ нормально развитымъ политическимъ строемъ, съ господствомъ общественнаго мнѣнія, съ свободной печатью и независимымъ судомъ, подобные факты не рисковали бы пройти безнаказанно незамѣченными, не бывъ опровергнуты или не послуживъ поводомъ къ вмѣшательству суда. Но въ атмосферѣ произвола и насилія вещи понимаются иначе, и живыя, продолжающія дѣйствовать на разныхъ постахъ лица, которыхъ открыто обвиняютъ въ ужасныхъ преступленіяхъ передъ родиной, предпочитаютъ отмалчиваться за надежной охраной своихъ привилегій и грубой физической силы.

Повторяемъ, мы не будемъ останавливаться на такихъ уже общеизвѣстныхъ данныхъ, на которыхъ мѣстами останавливается и г. Табурно, какъ роль бюрократической системы и всего нашего режима въ дѣлѣ нашего пораженія. Стало извѣстно и переизвѣстно, что выше всѣхъ оказался солдатъ, ничѣмъ не обязанный государству, кромѣ своего невѣжества и необезпеченности; что офицерская среда, въ смыслѣ корпоративномъ, независимомъ отъ личной доблести, особенно тамъ, гдѣ отъ нея потребовалось знаніе и просвѣщенное руководительство, оказалась далеко не на высотѣ своего призванія; что генералы и адмиралы, наконецъ, далеко не явили тѣхъ качествъ, которыя оказались бы хотя бы въ нѣкоторомъ соотвѣтствіи съ ихъ высокими предназначеніями и рангами... Но далеко не извѣстно, какъ, отрѣ-

шась отъ схемы, на живыхъ примѣрахъ, дѣйствовалъ пресловутый бюрократическій режимъ на поляхъ Манчжуріи, гдѣ какъ въ фокусѣ были сосредоточены и величайшіе интересы, и честь, и національное достоинство Россіи. Этими живыми образцами и богата книга г. Табурно. Большинство передаваемыхъ имъ фактовъ такого рода, что мы, признаемся, не вездѣ рѣшаемся ихъ пересказывать, предпочитая, по возможности, передавать ихъ словами автора.

Наиболѣе разительныя сцены находятся въ описаніяхъ паники, охватывавшей войска послѣ пораженія. Здѣсь, если повѣрить автору, совершалось нѣчто невообразимое, благодаря отсутствію распорядительности и предусмотрительности со стороны начальства. Но вотъ что творилось въ обозѣ во время отступленія отъ Телина. Главнокомандующій приказалъ одному изъ ближайшихъ своихъ помощниковъ, утромъ 24 февраля, приступить къ отправкѣ обозовъ на сѣверъ. Но... „какъ только уѣхалъ главнокомандующій, къ этому помощнику явилась молодая жена, свиданія съ которой, благодаря приказу ген. Куропаткина, не допускающаго даже на короткое время пребыванія женъ подчиненныхъ офицеровъ ни въ своемъ поѣздѣ, ни въ поѣздѣ начальника штаба,—были весьма рѣдки. Извращенному человѣку двадцатаго вѣка,—продолжаетъ г. Табурно,—пріятно щекочутъ нервы ненормальныя, извращенныя ощущенія. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ свиданіе съ женою, подъ грохотъ орудій и стоны лучшихъ сыновъ родины, въ то время, когда рѣшается судьба всей войны, вызывало особенное ощущеніе, приводило въ исключительный экстазъ и заставляло забывать опасность“. Все это могло быть, но могло и не быть, а вотъ что разсказываетъ авторъ дальше, къ сожалѣнію умалчивая имя этого генерала. „По какой-то случайности, поѣздъ, въ которомъ онъ помѣщался, оказался въ такую критическую минуту несоединеннымъ телефономъ. Только, когда подъ вечеръ явилась вѣсть о прорывѣ нашего центра, грозящемъ съ минуты на минуту занятіемъ японцами станціи Мукденъ, онъ вспомнилъ о необходимости отступленія, и только въ 8 час. вечера былъ отданъ приказъ обозамъ отступать на сѣверъ по Мандаринской дорогѣ“. Обозы тронулись въ 11 ч. съ минутами ночи и, понятно, жестоко пострадали...

Въ то время, какъ солдаты, отступавшіе вразбродъ, прибывая къ пункту отступленія, не получали довольствія и обращались къ мародерству и разграбленію складовъ, господа главные начальники подавали примѣръ „начальнической роскоши“ и комфорта, возможнаго только въ самое благополучное время и, позволимъ добавить отъ себя, по возможности не на казенный счетъ. Авторъ многаго не договариваетъ, но и то, что онъ сообщаетъ „противъ своего желанія“, служитъ весьма убѣдительнымъ объясненіемъ того факта, почему при

нѣкоторыхъ частяхъ у господъ офицеровъ „обозъ имѣлъ видъ тѣхъ фуръ, которыя столичные жители созерцаютъ при переѣздѣ на дачи и обратно въ городъ“, почему наиболѣе расторопные и толковые солдаты въ огромномъ количествѣ брались изъ-подъ ружья, чтобы, въ качествѣ деньщиковъ, служить нянъками офицерскаго комфорта. Вотъ что̀ дословно разсказываетъ г. Табурно: „У адмирала Алексѣева, кромѣ роскошныхъ аппартаментовъ его дома въ Портъ-Артурѣ, въ Дальнемъ, а въ настоящее время и въ Мукденѣ, былъ еще роскошный поѣздъ изъ пульмановскихъ вагоновъ, съ громадными салонами и столовыми для него самого и всего его штаба. Онъ путешествовалъ, какъ царь. Передъ его поѣздомъ пускался пробный поѣздъ, который долженъ былъ констатировать исправность и безопасность пути. Адмиралъ Алексѣевъ не любилъ ночной ѣзды и останавливался на ночь на станціяхъ, но онъ не выносилъ паровозныхъ свистковъ, и ночью его безпокоило всякое движеніе на линіи. И вотъ, для того, чтобы не тревожить его высокопревосходительство во время стоянки, на станціи не допускался, дальше семафоровъ, ни одинъ поѣздъ, всякое движеніе по станціоннымъ путямъ прекращалось. Стояли войска и воинскіе грузы, какъ бы они ни были нужны, какъ бы лихорадочно ни ждали ихъ на полѣ сраженія...

„Слѣдуя примѣру адмирала Алексѣева, генералъ Куропаткинъ потребовалъ и себѣ такой же поѣздъ, отъ него не захотѣлъ отстать начальникъ его штаба,—и, въ концѣ концовъ, отдѣльные поѣзда, съ пульмановскими вагонами, появились у всѣхъ командующихъ арміями и даже у начальниковъ нѣкоторыхъ учрежденій. Въ результатѣ —почти всѣ большіе пассажирскіе вагоны Китайской дороги оказались занятыми подъ помѣщенія начальниковъ, а большую часть офицеровъ и пассажировъ приходилось перевозить въ товарныхъ вагонахъ. Такимъ образомъ, въ то время, какъ одни офицеры ѣздили въ товарныхъ, или, какъ ихъ называютъ, „скотскихъ“ вагонахъ, ихъ товарищи штабные жили и катались въ вагонъ-салонахъ... Кромѣ того, жилые поѣзда имѣли и другое вредное вліяніе: они приковывали наши штабы къ желѣзной дорогѣ, и, можетъ быть, отчасти въ силу этого, операціи создавались съ разсчетомъ не покидать желѣзной дороги, т.-е. великолѣпнаго жилища. Одинъ только генералъ Линевичъ бросилъ свой поѣздъ и жилъ въ фанзахъ. Генералъ Гриппенбергъ остался ужасно недоволенъ тѣмъ, что въ его поѣздѣ не было электрическаго освѣщенія, какъ въ другихъ поѣздахъ, и до тѣхъ поръ не успокоился, пока его не устроили... Одному генералу была прислана изъ Россіи дойная корова. Офицеръ не забудьте, генеральнаго штаба, распорядился поставить вагонъ съ этой коровой въ опредѣленное мѣсто поѣзда, для чего пришлось произвести сложный маневръ. Наконецъ, ко-

рова поставлена на назначенное мѣсто, но оно показалось неудобнымъ лакею генерала, и снова начались маневры для перестановки вагона, и такъ, кажется, они повторялись до трехъ разъ. А стоявшіе въ это время за семафоромъ поѣзда не могли войти на станцію, въ теченіе чуть ли не половины дня".

Факты, въ другое время, можетъ быть, мелкіе, безобидные съ русской „начальственной" точки зрѣнія, но здѣсь они пріобрѣтаютъ роковое, стихійное значеніе.

„Генералъ Гриппенбергъ,—продолжаетъ авторъ,—со своимъ поѣздомъ стоялъ на одной вѣткѣ, а главнокомандующій—на другой. По грунтовой дорогѣ между ними всего нѣсколько верстъ, которыя безъ всякаго затрудненія можно проѣхать въ колескѣ. Но генералъ Гриппенбергъ желалъ непремѣнно ѣздить въ своемъ поѣздѣ, и никакія увѣренія начальства дороги, что передвиженіе его поѣзда сначала на главную линію и обратно на вѣтку отнимаетъ много времени и задерживаетъ срочное движеніе—не помогали".

Къ той же категоріи свѣдѣній относится прямо невѣроятное утвержденіе автора, будто „чистка отбросовъ изъ этихъ жилыхъ поѣздовъ начальства обходится дорогѣ чуть ли не 50.000 въ мѣсяцъ".

Находитъ себѣ подтвержденіе въ книгѣ г. Табурно и то обстоятельство, ставшее, впрочемъ, общеизвѣстнымъ, что—„штабы главнокомандующаго и командующихъ арміями были мало освѣдомлены о силахъ, движеніи и намѣреніяхъ непріятеля, въ то время, какъ японцы знали о насъ, буквально, все. Они получали извѣстія о нашихъ диспозиціяхъ даже раньше, чѣмъ ихъ узнавали наши начальники отдѣльныхъ частей", но зато ни на кого не сыпалось столько наградъ, сколько на господъ штабныхъ, изъ которыхъ многіе даже „пороху и не нюхали" въ то время, какъ трудъ маленькихъ и дѣйствительныхъ работниковъ умалялся до неприличія. Такъ, громадный, нечеловѣческій трудъ, вынесенный желѣзнодорожными служащими послѣ пораженія при Шахе и при отступленіи отъ Мукдена, не удостоился ни одного слова признанія со стороны главнокомандующаго въ приказахъ, въ которыхъ онъ благодарилъ участниковъ дѣла. „Кто только ихъ не ругалъ",—восклицаетъ г. Табурно о телеграфистахъ,—а между тѣмъ „телеграфисты послѣдніе оставляли станціи: когда японцы доходили до одного семафора, они были у другого, унося на своихъ плечахъ телеграфные аппараты. Подъ пулями исправляли они телеграфъ. Подъ орудійные и ружейные выстрѣлы выводились поѣзда... а вѣдь это вольнонаемные служащіе, вовсе не обязанные рисковать своей жизнью... Все это дѣлалось по чувству долга, изъ желанія принести посильную пользу родинѣ. И за эту самоотверженную, мученическую работу они не получали ничего, кромѣ ругани,

ни слова благодарности, ни слова участія не приходилось имъ слышать отъ высшихъ начальниковъ".

Отправка громаднаго количества раненыхъ въ одну ночь изъ Мукдена могла совершиться только благодаря самоотверженному труду машинистовъ, которые вели поѣзда, въ сорокъ-пятьдесятъ вагоновъ, безъ огней, поѣздъ за поѣздомъ черезъ двѣ-три минуты.

Основная черта, которую можно уяснить себѣ на основаніи сообщеній г. Табурно, можетъ быть формулирована въ одномъ понятіи, какъ первопричинѣ нашихъ бѣдствій,—это произволъ, потерпѣвшій полнѣйшее крушеніе. Произволъ вырабатываетъ личности съ тѣмъ характеромъ, какой авторъ настоящей книги подмѣчаетъ у ген. Куропаткина: „его нерѣшительность, связанная въ то же время съ абсолютизмомъ и нежеланіемъ прислушиваться иногда къ разумнымъ совѣтамъ". Произволъ даетъ мѣсто ничтожествамъ и не цѣнитъ нравственныхъ достоинствъ и таланта. Произволъ болѣе всего противится голосу правды, создаетъ всевозможныя стѣсненія личности и слова (см., напр., главы о военной цензурѣ) и создаетъ ту непоправимую путаницу и смятеніе, которыя такъ образно удалось очертить автору въ области военной администраціи, въ отдѣлахъ и медицинскомъ, и продовольственномъ, и желѣзнодорожномъ. Но это лишь частные, конкретные примѣры того общаго режима, который все еще дѣйствуетъ въ нашей государственной и общественной жизни и продолжаетъ держать всю Россію въ (оффиціально) мирное время на военномъ положеніи.

IV.

— Танъ. Стихотворенія. 2-ое дополненное изданіе. (Спб. 1905?).

Есть произведенія, художественное достоинство которыхъ измѣряется, главнымъ образомъ, близкимъ отношеніемъ къ переживаемому моменту. Таковы именно стихотворенія г. Тана. Если—„есть рѣчи: значенье темно иль ничтожно,—но имъ безъ волненья внимать невозможно", то вдвойнѣ безъ волненья внимать невозможно въ наше бурное время стремительнымъ, горящимъ отвагой борьбы и протеста стихотвореніямъ г. Тана. Десять лѣтъ раньше или позже едва ли поставили бы автора въ ряду болѣе или менѣе замѣтныхъ поэтовъ, но въ наши дни онъ— типичнѣйшій, по чуткости и темпераменту, выразитель стремленій наиболѣе радикально настроенной части нашего общества, съ которымъ онъ вмѣстѣ страдаетъ, надѣется и ждетъ. Энтузіазмъ борца, выливающійся въ неровныхъ, неотшлифованныхъ строфахъ, восполняетъ недостатокъ собственно творческаго вообра-

женія, но онъ дѣйствуетъ на читателя, какъ призывный боевой кличъ, какъ лязгъ мечей, какъ свистъ пуль, какъ символъ близкаго торжества свободы и обновленія:

Пѣсни, летучія пѣсни мои,
Легкія, вольныя птицы,
Тонкія брызги бѣгущей струи,
Молніи дальней зарницы!
Не обуздать вамъ мятежный задоръ,
Не подавить васъ насильемъ.
Буря даруетъ широкій просторъ
Вашимъ растрепаннымъ крыльямъ...

Общественное credo поэта нашло характерное выраженіе, и съ внутренней, и съ внѣшней стороны, въ стихотвореніи: „Пора“:

Нѣтъ, дальше ждать нельзя! Довольно мы молчали.
Терпѣнью есть предѣлъ. Разрушимъ этотъ адъ.
Мы задыхаемся отъ гнѣва и печали,
Намъ душу стыдъ изъѣлъ и отравилъ, какъ ядъ.

Ужъ камни вопіютъ на улицахъ. И грозно
На нивахъ и поляхъ рождается отвѣтъ.
Спѣшите на призывъ, пока не слишкомъ поздно,
Возвысьте голосъ свой, сходитесь на совѣтъ.

Безъ памяти, въ бреду, подъ грубою охраной
Россія вся горитъ отъ боли и огня,
И на груди ея двойной зіяютъ раной
Кровавый Портъ-Артуръ, манчжурская рѣзня...

Земля колеблется отъ трепета и гула,
И небеса гремятъ раскатами вражды.
Въ комъ искра чести есть, въ комъ совѣсть не заснула,
Пусть выйдетъ онъ впередъ и станетъ къ намъ въ ряды!

Что нужно намъ сказать? Передъ лицомъ народа
Девизъ провозглашенъ. Онъ рвется на просторъ.
Долой безправіе! Да здравствуетъ свобода!
И учредительный да здравствуетъ соборъ!

Судя по темамъ стихотвореній, поэтъ пережилъ всѣ перипетіи политической борьбы. Его надежда на близкое освобожденіе непоколебима, но она далась ему цѣною тяжелыхъ испытаній, сомнѣній, отчаянія, ненависти къ „отравителямъ народнаго ума“, къ „растлителямъ“ толпы, къ „разбойникамъ пера“. Голосъ музы его—„то озлобленный вопль, то мучительный стонъ“, „ропотъ таинственныхъ, каменныхъ стѣнъ“, „откликъ далекихъ полярныхъ степей“. Въ стихотвореніи „Моя Муза“ г. Танъ говоритъ:

Не ласкающій шопотъ любовной мольбы,
Не восторженныхъ грезъ сладкозвучный напѣвъ,
Голосъ музы моей—это голосъ борьбы,
Это ненависть, злоба и гнѣвъ.

Это кованный мечъ, закаленнымъ клинкомъ
Разсѣкающій сталь непріятельскихъ бронь,
Это молотъ, скалу поразившій, какъ громъ,
Изъ холоднаго камня извлекшій огонь.

Надсоновскій мотивъ, звучащій здѣсь, даетъ настроеніе ногимъ стихотвореніямъ. Съ Надсономъ у г. Тана много общаго и въ мотивахъ, и въ отдѣльныхъ построеніяхъ: та же убѣжденность въ своемъ призваніи быть борцомъ, та же чуткость къ общественнымъ недугамъ, то же сочувствіе къ страдающимъ и угнетеннымъ, но Надсонъ разнообразнѣе, художественнѣе, мягче, зато г. Танъ сильнѣе и опредѣленнѣе въ своихъ политическихъ стремленіяхъ. По отношенію къ внѣшней формѣ душевные стоны Надсона сливаются съ чарующей мелодіей стиха; у г. Тана они вырываются стихійно, нерѣдко доходятъ до дикихъ воплей и криковъ, далекихъ отъ художественнаго эффекта. Можно думать, что поэтомъ борьбы, ненависти и злобы г. Танъ сталъ не по органическому влеченію: такимъ онъ сталъ подъ вліяніемъ „страданья“, которое его „рѣчи точило, какъ ножъ“, „безмолвная дрожь“ смертельной обиды въ его стихахъ „проклятья, какъ молотъ, ковала“. Въ одной изъ пьесъ поэтъ проситъ не вѣрить его безумнымъ напѣвамъ, больнымъ твореньямъ строптиваго сердца; въ то время, какъ пѣсни его звенятъ, „какъ яростный громъ, исполнены буйной угрозы“,—въ это время—„слезы готовы пролиться дождемъ, незримыя, тайныя слезы“:

Какъ свѣтлое солнце подъ саваномъ грозъ,
Какъ утро въ ненастной одеждѣ,
Сокровище юныхъ плѣнительныхъ грёзъ
Живетъ въ моемъ сердцѣ, какъ прежде.

Г. Танъ сдѣлался, стало быть, поэтомъ мести и гнѣва подъ вліяніемъ особыхъ внѣшнихъ обстоятельствъ, которыя не дали ему стать, въ мѣру его таланта, поэтомъ грёзъ и нѣжныхъ движеній души, и въ избранной имъ области онъ poeta болѣе factus, чѣмъ natus. Сосредоточивая свой политическій оптимизмъ на ближайшихъ судьбахъ родной страны, г. Танъ, обнаруживая опять-таки свое поэтическое сродство съ Надсономъ, останавливается мыслью на человѣчествѣ и обращается къ нему съ словами ободренія и вѣры:

Если вѣра твоя ослабѣла въ борьбѣ
И душа истомилась въ тревогѣ,
Въ эту темную ночь ты припомни себѣ
Тотъ разсказъ о родившемся Богѣ.

. . . . . .

Вѣрь! съ тѣхъ поръ, какъ воскресла святая любовь,
Побѣдивъ ядовитую злобу,
Ужъ не можетъ она такъ безропотно вновь
Покориться угрюмому гробу!..

Знай! унылая мгла тяготитъ ужъ не такъ,
Какъ въ минувшія, скорбныя лѣта.
Какъ бы ни былъ суровъ окружающій мракъ,
Въ немъ скрывается искра разсвѣта...

Нѣсколько стихотвореній посвящено людямъ труда, нищеты, голода; къ этимъ же темамъ относятся и переводы изъ Маріи Конопницкой и Ады Негри. Въ связи съ общимъ міросозерцаніемъ г. Тана находится и горячее сочувствіе его къ молодежи, въ рядахъ которой онъ видитъ беззавѣтныхъ и честныхъ работниковъ обновляющейся страны.

V.

— Оптимистъ. Въ ожиданіи. Фельетоны въ стихахъ. Спб. 1905.

Подъ этимъ заглавіемъ авторъ издалъ рядъ своихъ фельетоновъ, печатавшихся имъ въ теченіе послѣднихъ двухъ-трехъ лѣтъ въ различныхъ повременныхъ изданіяхъ—„Нашей Жизни“, „Сынѣ Отечества“, „Новостяхъ“, „Театральной Россіи“. Они посвящены животрепещущимъ темамъ дня и въ настоящее время полны интереса современности. Политическая сатира болѣе, чѣмъ какой-либо другой видъ литературы, встрѣчала затрудненія для своего развитія, и не удивительно, что ея настоящая, „дозволенная цензурой“ наличность такъ далека отъ истинной глубины и всесторонности сатирической мысли, волнующей общественные круги ниже роковой цензурной ватерлиніи. Поэтому, зная, черезъ какія кавдинскія ущелья можетъ пробиваться наша сатирическая мысль наружу, нельзя быть особенно требовательнымъ ни къ кругу трактуемыхъ вопросовъ во всемъ ихъ объемѣ, въ ихъ отношеніи къ наиболѣе тяжелымъ сторонамъ нашей дѣйствительности, ни къ глубинѣ и прямолинейности разрабатываемыхъ темъ: какъ и въ доброе старое время, многое продолжаетъ оставаться предметомъ спеціальной догадливости „проницательнаго читателя“, обо многомъ нельзя говорить иначе, чѣмъ намекомъ и далеко не всякому вразумительнымъ иносказаніемъ. Впрочемъ, было бы несправедливо не отмѣтить нѣкоторыхъ завоеваній, сдѣланныхъ нашей общественной мыслью: времена во многомъ измѣнились, обстоятельства стали складываться такимъ образомъ, что область запретнаго сократилась какъ-то сама собой, сгущая тѣни на предметахъ еще священнаго табу; дѣло дошло до того, что—чего не слыхано было прежде—появился даже

спеціальный и весьма дѣльный во многомъ сатирическій органъ на общественныя темы,—но въ общемъ запретительный Олимпъ не любитъ ни громовъ негодованія, ни разрушительнаго сарказма, и если и обнаруживаетъ нѣкоторую снисходительность, то лишь, по мѣрѣ силъ, при условіи „касаться до всего слегка“...

Въ этомъ отношеніи г. Оптимистъ обнаружилъ рѣдкій тактъ и большое чувство мѣры. Помнилъ ли онъ, что полуобнаженное гораздо болѣе обнажено, чѣмъ представленное во всей наготѣ, или это удалось ему похвальнымъ изученіемъ цензурнаго устава, но онъ сумѣлъ слегка коснуться до всего, что волнуетъ и мучитъ современнаго читателя. Не всѣ, конечно, раздѣлятъ „оптимизмъ“ автора, но и несогласные съ нимъ признаютъ, что онъ мѣтко и живо, въ чрезвычайно привлекательной формѣ, отмѣтилъ животрепещущіе вопросы дня, придалъ имъ надлежащее освѣщеніе и во многихъ случаяхъ могъ дать толчокъ къ работѣ мысли въ извѣстномъ направленіи. Среди разнообразныхъ сюжетовъ не всѣ достигаютъ значенія общественной цѣнности; за нѣкоторыми сохранится интересъ частный, особый, напримѣръ театральный, но, несомнѣнно, остановятъ на себѣ вниманіе тѣ изъ фельетоновъ, въ которыхъ авторъ выражаетъ общественныя чаянія движенія воды. Отмѣченъ моментъ ожиданія „прекрасной иностранки“, „жены Константина“, „чье имя пятисложно“. Знаменитая „весна“ окончилась „весеннихъ сновъ крушеньемъ“; въ pendant къ нему авторъ рисуетъ сценку „у бюрократической машины“, гдѣ „мастеръ-печатникъ“ докладываетъ „директору“, что машина пришла въ негодное состояніе, такъ какъ „всѣ части устарѣли“. Но директоръ слишкомъ увѣренъ въ „первосортности“ своей старинной машины и слышать не хочетъ объ ея замѣнѣ:

Заржавѣла?.. Скрипитъ?.. Подлить немного масла!
Раздуйте уголья, чтобъ пламя не погасло!
Бюрократическую нить
Намъ въ лабиринтѣ семъ потребно сохранить,
Съ разборкою—повременить,
(Печатника—угомонить),
Заказчикамъ—въ законъ терпѣніе вмѣнить.
Ну, а теперь—за дѣло дружно!
Со стороны звать никого не нужно...

Въ фельетонѣ „Исторія одного исчезновенія“, къ которому авторъ беретъ эпиграфомъ Чеховскія слова—„въ ней есть что-то такое... фантасмагорическое“, очень остроумно изображаются испугъ и недоумѣніе землевладѣльцевъ по поводу внезапнаго исчезновенія вѣдомства земледѣлія, которое „убрать начальство приказало“, но городовой, къ которому обратились обыватели съ вопросомъ, далъ имъ резонный и успокоительный отвѣтъ, что „все обстоитъ благополучно“:

Напрасно, господинъ, приходите въ разстройство:
Нѣтъ *земледѣлія*, но есть *землеустройство*.
Чѣмъ зря толпиться и галдѣть—
На вывѣску извольте поглядѣть.
Ну, а теперь—честь-честью проходите...

Мало вниманія, сравнительно, удѣлено провинціальной жизни, только дѣятельности уфимскихъ мракобѣсовъ посвященъ фельетонъ „Дѣло просвѣщенія“, гдѣ авторъ осмѣиваетъ ихъ ревность къ уничтоженію всѣхъ книгъ, до задачника Евтушевскаго включительно. Фельетонъ открывается хоромъ уфимскихъ гражданъ:

Обыватель безсонницей мается,
Обыватель съ одра подымается:
Не заря-ль надъ Уфой занимается?
Средь равнины—какъ будто бы мертвенной—
Словно пламень взвивается жертвенный.
На кострахъ, на огнѣ очищенія
Тамъ пылаютъ козлы отпущенія:
О „союзахъ“ газетъ сообщенія,
„Резолюцій“ статьи криминальныя,
Занесенныя въ книжки журнальныя...
Все пылаетъ! Указамъ правительства—
Здѣсь и тѣмъ не дано попустительства.

Далѣе идутъ голоса „сырныхъ“ и „сыскныхъ“ людей о томъ, что для спасенія отечества необходимо „слопать все, что̀ попадется подъ руку“, и фельетонъ оканчивается воплями г. Меньшикова о томъ хаосѣ, среди котораго очутился россійскій обыватель:

„Мы попались, мы попались,
Мы бѣжимъ, бѣжимъ, бѣжимъ“
(Но виною—не режимъ).
Мы зарвались, мы зарвались,
Въ направленьяхъ растерялись:
То, влѣзая на заборъ,
Мы частямъ трубили сборъ,
То вопимъ:—соборъ! соборъ!
Нашъ парламентъ такъ разсѣянъ:
То—набатъ, то—перезвонъ.
Тотъ же злакъ, что имъ посѣянъ—
Онъ съ корнями тащитъ вонъ.

Нѣкоторые фельетоны, благодаря своей мѣткости, могутъ впослѣдствіи пріобрѣсти въ извѣстной степени историческое значеніе; было бы полезно сопроводить ихъ въ концѣ книги хотя бы краткими примѣчаніями, которыя давали бы ключъ къ раскрытію ясныхъ лишь для современнаго читателя намековъ и избавляли бы отъ необходимости теряться въ догадкахъ, какъ это приходится дѣлать во мно-

гихъ случаяхъ при знакомствѣ съ сатирической литературой прежнихъ десятилѣтій.

Пожелаемъ талантливому автору расширить и углубить кругъ своихъ наблюденій и подняться на высоту столь необходимой нашему душному времени истинной общественной сатиры, которая оказалась бы сильнѣе всѣхъ „зависящихъ“ и „независящихъ“ обстоятельствъ, служащихъ преградой свободѣ слова.

VI.

— Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества. Томъ XIV-й. Изданъ подъ редакціей проф. Е. К. Рѣдина. Харьковъ. 1905.

Первый и второй отдѣлы Сборника посвящены характеристикѣ и матеріаламъ двадцатипяти-лѣтней дѣятельности Историко-филологическаго Общества при харьковскомъ университетѣ. Это Общество было основано въ 1877 году и ознаменовало себя многочисленными, разнообразными трудами въ различныхъ направленіяхъ историко-филологической науки: въ изданіяхъ Общества напечатанъ рядъ работъ по философіи, психологіи, логикѣ, исторіи всеобщей и русской, литературѣ всеобщей и русской, въ связи съ народной поэзіей, классической филологіи, археологіи и исторіи искусствъ. Въ засѣданіяхъ Общества, кромѣ докладовъ по указаннымъ отраслямъ знанія, получилъ развитіе интересъ къ изученію культурной исторіи мѣстнаго края въ широкомъ смыслѣ этого слова. По свидѣтельству Е. К. Рѣдина, наибольшее число рефератовъ, докладовъ, цѣлыхъ научныхъ монографій, докладывавшихся по частямъ,—было посвящено именно исторіи мѣстнаго края, его культурѣ: политической исторіи, исторіи права, литературѣ, народной поэзіи, этнографіи. На первыхъ порахъ своей дѣятельности Общество, по недостатку средствъ, не могло издавать ученыхъ трудовъ своихъ членовъ и годовые отчеты о своей дѣятельности принуждено было помѣщать въ харьковскомъ календарѣ; въ 1886 году вышелъ первый томъ Сборника, за которымъ послѣдовали и другіе съ почти правильными годовыми промежутками. Указавъ на то участіе, которое приняло Общество во время двѣнадцатаго археологическаго съѣзда въ Харьковѣ, проф. Рѣдинъ такъ характеризуетъ итоги дѣятельности Общества: „Исполняются мечты Общества: происходитъ изученіе края не только по архивнымъ документамъ, но и по вещественнымъ памятникамъ, археологическимъ, художественнымъ, этнографическимъ. Въ различныхъ мѣстахъ губерніи производятся раскопки кургановъ; изъ нѣдръ земли добываются матеріалы, которые

должны дать отвѣтъ на вопросы о культурѣ народа, населявшаго край въ доисторическую эпоху; изъ селъ, городовъ губерніи присылаются памятники искусства, быта, которые дадутъ отвѣтъ на вопросы о культурѣ края въ его историческую эпоху и въ настоящій моментъ. При Обществѣ будетъ устроенъ этнографическій музей, при музеѣ Изящныхъ Искусствъ—отдѣлъ мѣстныхъ древностей". Въ библіографическомъ отношеніи весьма полезными окажутся списки рефератовъ, читанныхъ на засѣданіяхъ историко-филологическаго Общества, а также изслѣдованій и матеріаловъ, помѣщенныхъ въ первыхъ двѣнадцати томахъ „Сборника". Кромѣ статей гг. Рѣдина и Сумцова, посвященныхъ обозрѣнію дѣятельности Историко-филологическаго Общества, съ внѣшней и внутренней, научной, стороны находимъ статьи: Е. М. Иванова—„Харьковскій Историческій Архивъ" и А. В. Ветухова „О дѣятельности педагогическаго отдѣла Х. И.-Ф. Общества въ первое десятилѣтіе 1892—1902 года".

Третій отдѣлъ посвященъ рѣчамъ и воспоминаніямъ гг. Левитскаго, Багалѣя, Гредескула, Шепелевича и другихъ о покойномъ проф. И. Н. Миклашевскомъ. Миклашевскій былъ, какъ извѣстно, профессоромъ полит. экономіи, и въ этомъ отношеніи одна изъ рѣчей рисуетъ его „вѣрнымъ сыномъ той науки, которую онъ преподавалъ и которая все видитъ въ народномъ трудѣ, для которой трудъ и работникъ, кто бы онъ ни былъ,—сила настоящаго и надежда будущаго". Четвертый отдѣлъ заключаетъ въ себѣ рядъ многочисленныхъ статей и замѣтокъ, посвященныхъ памяти А. И. Кирпичникова. Въ нихъ нашла себѣ разностороннюю и обстоятельную оцѣнку ученая, литературная и общественная дѣятельность Кирпичникова, его неизмѣнно гуманные и широко-просвѣтительные стремленія и взгляды. Изъ статей о Кирпичниковѣ отмѣтимъ: С. В. Соловьева, Л. Ю. Шепелевича, Н. Ѳ. Сумцова, г. Н. Шебуева, В. Ф. Лазурскаго и др. При статьяхъ помѣщены портреты Миклашевскаго и Кирпичникова.

Заканчивается „Сборникъ" двумя небольшими статьями. В. Е. Данилевичъ сообщилъ весьма любопытный памфлетъ изъ эпохи крѣпостного права, реально и мѣтко изображающій тотъ невыносимый кабальный гнетъ, которому подвергались крестьяне западнаго края въ дореформенную эпоху. Анонимный авторъ изъ народа такъ, между прочимъ, отзывался о помѣщикахъ:

Всѣ они были панами,
Начальниками надъ нами.
Они были и за судей,
Насъ не чтили за людей,
Крѣпостными насъ имѣли,
Сами смачно пили, ѣли,
Роскошничали, гуляли,

Насъ на скотину мѣняли:
Гонипровскій Булгаку
Три души далъ за собаку.
И всѣ мы въ большёй нуждѣ жили,
Панамъ пригонъ служили
По три дни въ недѣлю съ души,
Одни ѣли куляши,
А хлѣбъ ѣли съ одной мякины.
Мучили насъ хуже скотины:
Не было березки,
Съ которой бы не ломали розги,
На нашу-то грѣшну спину
Ломали лозу и осину.
Эконома, старосты и войта
Мы боялись хуже чёрта,—
Припомнить теперь, ажъ дивно!..

Другая статья посвящена біографическому очерку поэта Іоанна Вильгельма Людвига Глейма по поводу столѣтія со дня его смерти.—Евг. Л.

VII.

— Ремесла и промыслы Херсонской губерніи. Херсонъ, 1905.

Разсматриваемое изданіе явилось результатомъ предположеній херсонской губернской земской управы о содѣйствіи неземледѣльческимъ промысламъ крестьянъ. Оно заключаетъ результаты изслѣдованія, произведеннаго лѣтомъ 1904 г. и имѣвшаго ближайшей цѣлью дать матеріалъ „для сужденія о томъ, гдѣ и по какой спеціальности желательно открывать профессіонально-ремесленныя школы"; но попутно освѣщались и другія стороны положенія ремеслъ. Соотвѣтственно главной цѣли изслѣдованія, таковому подвергались почти исключительно промыслы, которые требуютъ спеціально подготовленнаго рабочаго, причемъ изслѣдованіемъ были обойдены мастера, хотя и живущіе въ селеніяхъ, но работающіе въ частныхъ экономіяхъ, и болѣе или менѣе крупныя промышленныя предпріятія. Изслѣдованіе не имѣло характера сплошного: земскіе регистраторы лично посѣщали лишь болѣе важные въ данномъ отношеніи пункты, а свѣдѣнія объ остальныхъ промышленникахъ получены отъ сельскихъ старостъ. Послѣднимъ способомъ, по мнѣнію издателя, учтены „всѣ мастера, считающіеся такими въ поселеніи". Спеціальные же регистраторы отмѣчали не только такихъ, общепризнанныхъ мастеровъ, но и другихъ лицъ, занимающихся промысломъ, хотя бы работали они не на рынокъ, а исключительно на свою семью. Этимъ изслѣдованіе промы-

словъ въ херсонской губерніи отличается отъ типическаго у насъ изслѣдованія сельской промышленности, охватывающаго, какъ извѣстно, ремесленниковъ и кустарей и оставляющаго въ сторонѣ тѣхъ, кто производитъ лишь продукты потребленія семей самихъ работающихъ. Поступить такимъ образомъ херсонскіе статистики вынуждены были вслѣдствіе трудности отдѣленія въ нѣкоторыхъ промыслахъ чисто домашней работы отъ занятій, разсчитанныхъ на посторонняго потребителя, и потому что промыслами въ херсонской губерніи „занята весьма незначительная часть населенія", и, при исключеніи домашнихъ промышленниковъ, нѣкоторые промыслы совсѣмъ бы, пожалуй, въ изслѣдованіи не были представлены. Слѣдуетъ, однако, замѣтить, что правило регистраціи всѣхъ лицъ, такъ или иначе прибѣгающихъ къ данному занятію, выдержано далеко не полно, и, по причинѣ этого обстоятельства, цифры промышленниковъ, приводимыя въ разсматриваемомъ изслѣдованіи, имѣютъ далеко не опредѣленное и для разныхъ промысловъ не одинаковое значеніе. Если, напр., въ кузнечномъ и гончарномъ промыслахъ, требующихъ для работы громоздкихъ приспособленій, зарегистрированное число промышленниковъ относится, вѣроятно, исключительно къ тѣмъ, которые работаютъ на посторонніхъ потребителей; если относительно столярно-плотничьяго промысла сами составители отчета заявляютъ, что „при изслѣдованіи обращалось вниманіе, чтобы въ число мастеровъ записать лицъ болѣе искусныхъ въ этомъ промыслѣ и занимающихся имъ болѣе постоянно", то мы лишены возможности сказать, въ какой мѣрѣ работа на посторонніхъ распространена среди 3.800 представителей портняжнаго дѣла, потому что шитье бѣлья не отдѣлено здѣсь отъ платья, а приготовленіе бѣлья „остается еще въ домашнемъ производствѣ каждой семьи". Производство для надобностей семей самихъ трудящихся всего больше распространено въ ткацкомъ промыслѣ. „Есть основаніе думать, что лѣтъ 50 тому назадъ ткачество, какъ домашній промыселъ, существовало въ каждой семьѣ" и въ то время „считалось неприличнымъ работать на продажу". Нынѣ обстоятельства измѣнились. Съ одной стороны, уменьшеніе сырья для переработки въ ткани въ хозяйствѣ крестьянъ, съ другой—конкурренція фабричныхъ издѣлій имѣли слѣдствіемъ сокращеніе домашней выдѣлки тканей. Паденіе же благосостоянія крестьянъ и обезцѣненіе земледѣльческаго труда побуждаютъ ткачиху изъ семьи даже средняго достатка стремиться къ работѣ на рынокъ; „но на тѣ издѣлія, которыя она только и умѣетъ дѣлать, нѣтъ покупателей". Несмотря на это, ткацкое дѣло развито въ губерніи довольно значительно. Изъ 56 тысячъ зарегистрированныхъ промышленниковъ, ткачей обоего пола насчитывается около 36 тысячъ; но и это число не выражаетъ всѣхъ ткачихъ, такъ

какъ лишь въ двухъ уѣздахъ губерніи отмѣчались всѣ, умѣющіе ткать; въ четырехъ же уѣздахъ въ списки заносились „только въ дѣйствительности занимающіеся этимъ болѣе или менѣе постоянно". Въ какой мѣрѣ этотъ промыселъ имѣетъ характеръ коммерческаго занятія—сказать трудно. На стр. 9 разсматриваемаго изданія ткачество признается промысломъ „всецѣло домашнимъ"; на страницѣ же 60-ой 25%, или 9—10 тыс. ткачей, признаны работающими на заказъ. Въ поясненіяхъ этой таблицы говорится, что въ двухъ уѣздахъ къ данной категоріи ткачихъ причислены только тѣ, которыя живутъ заказами; въ остальныхъ сюда отнесены всѣ „неотказывающіеся отъ такой работы, желающіе ея, но въ дѣйствительности, быть можетъ, и неимѣющіе заказовъ". Сказаннымъ выше достаточно обрисовываются неполнота, неопредѣленность и, такъ сказать, условность данныхъ разсматриваемаго изслѣдованія относительно числа промышленниковъ. На эту сторону изслѣдованія, впрочемъ, обращаютъ вниманіе и авторы даннаго труда. Кромѣ собственнаго изслѣдованія, разсматриваемое изданіе пользовалось и данными всероссійской переписи 1897 г. По этому предмету не можемъ не указать на противорѣчіе въ оцѣнкѣ значенія этихъ данныхъ. На стр. 59 „Ремеслъ и промысловъ" говорится, что всеобщая перепись отмѣчала только тѣхъ, „кто отъ даннаго занятія получаетъ средства къ существованію, сбывая издѣлія на сторону", а на стр. 74 значится, что всеобщая перепись „регистрировала знаніе ремесла".

Выше приведены были данныя, свидѣтельствующія о томъ, какъ мало распространены въ херсонской губерніи подобные неземледѣльческіе заработки. Между тѣмъ, населеніе этой, нѣкогда многоземельной, губерніи все болѣе и болѣе испытываетъ нужду въ такихъ заработкахъ. Нужда эта обусловливается сокращеніемъ земельныхъ участковъ, состоящихъ въ пользованіи мелкихъ хозяевъ. „Настало время, когда для добыванія насущнаго хлѣба необходимо или выселиться, или перемѣнить традиціонный способъ землепользованія и наряду съ этимъ искать заработка во внѣземледѣльческихъ промыслахъ, чтобы использовать то время, которое остается свободнымъ отъ сельскохозяйственныхъ работъ". Такое время, по разсчету даннаго изслѣдованія, составляетъ теперь около шести мѣсяцевъ въ году. Излишне говорить о томъ, какъ пагубно это отражается на благосостояніи земледѣльца. Ясно понимая это положеніе и необходимость для населенія заняться внѣземледѣльческими промыслами „хотя бы въ то время, постепенно увеличивающееся, которое остается свободнымъ отъ сельско-хозяйственныхъ работъ", авторы разсматриваемаго труда вмѣстѣ съ тѣмъ сознаютъ, что искусственное насажденіе кустарныхъ промысловъ въ губерніи и невозможно, и нецѣлесообразно (стр. 106).

Выхода изъ даннаго положенія земскіе люди, такимъ образомъ, не указываютъ, если не считать за таковой предположеніе, что растущее обѣднѣніе побудитъ крестьянокъ приняться опять „за приготовленіе *хотя бы для себя* всякаго рода тканей, необходимыхъ въ хозяйствѣ, такъ какъ покупать все въ лавкахъ не хватаетъ средствъ". Нѣчто вродѣ этого уже наблюдается, и интересно, что и еврейки, никогда не носившія домотканной одежды, начинаютъ учиться ткать и работать ткани для самихъ себя (стр. 64). Новѣйшее изслѣдованіе промысловъ въ полтавской губерніи констатируетъ также стремленіе крестьянъ къ изученію ремеслъ съ цѣлями домашняго, а не коммерческаго ихъ примѣненія. Но возвращеніе къ архаическому семейно-натуральному хозяйству врядъ ли возможно; а если такъ, то подмѣченная въ разныхъ районахъ тенденція крестьянъ обращаться къ промысламъ для удовлетворенія соотвѣтствующими продуктами собственныхъ нуждъ—требуетъ постановки вопроса о томъ, какимъ образомъ удовлетворить этой потребности населенія на почвѣ тѣхъ завоеваній техники, которыя такъ сильно подняли производительность человѣческаго труда. Разрѣшеніе этого вопроса дало бы средство возсоединить земледѣліе и промышленныя занятія и устранить, такимъ образомъ, главную причину слабаго развитія производительности нашей земледѣльческой страны.

VIII.

— А. А. Кауфманъ. Переселеніе и колонизація. Спб. 1905. Стр. 349+81.

Извѣстный изслѣдователь экономическаго быта сибирскихъ крестьянъ вообще и положенія сибирскихъ переселенцевъ въ частности, близко соприкасающійся вмѣстѣ съ тѣмъ съ переселенческимъ дѣломъ практически, по роду своей службы,—А. А. Кауфманъ,—издалъ недавно новый трудъ, посвященный переселенію и колонизаціи. Г. Кауфманъ неоднократно и ранѣе выступалъ въ печати съ работами по переселенческому вопросу; но теперь онъ почелъ своевременнымъ сконцентрировать и дать подробное развитіе своимъ взглядамъ и считаетъ даже себя нравственно обязаннымъ предостеречь общество „противъ того увлеченія широкими задачами переселенія, которое, повидимому, вновь смѣнило начинавшій-было преобладать болѣе холодный и осторожный взглядъ на его будущность и возможное значеніе". Увлеченіе это авторъ видитъ и въ правительственныхъ, и въ общественныхъ сферахъ. Правительство выразило свой новый взглядъ на переселенія изданіемъ закона 6-го іюня 1904 г.; общество, высказа-

лось по этому вопросу въ извѣстныхъ постановленіяхъ февральскаго съѣзда земскихъ дѣятелей. „На мѣсто того, сначала „сдержанно-недоброжелательнаго", позже сочувственнаго отношенія къ переселенію, но во всякомъ случаѣ—отношенія къ переселенію, единственно, *какъ къ факту*, которое лежало въ основѣ прежнихъ законовъ,—законъ 6-го іюня 1904 г. выдвигаетъ на первый планъ новую или, вѣрнѣе, очень старую, но основательно забытую точку зрѣнія на переселеніе, какъ на могущественное орудіе аграрной политики". Мы не будемъ разсматривать содержаніе этого закона, а замѣтимъ лишь, что основная его идея формулируется, оффиціально, какъ „улучшеніе, при помощи переселенія, условій землепользованія и хозяйства крестьянскаго населенія внутреннихъ губерній". Обратить переселенія въ средство воздѣйствія на экономическое положеніе крестьянъ побудили правительство аграрныя волненія лѣтомъ 1902 года. Такъ какъ въ основѣ этихъ волненій лежитъ неудовлетворительное положеніе крестьянскаго населенія, преимущественно безземельной и малоземельной его части, то уже осенью 1902 г. губернскимъ присутствіемъ полтавской губерніи—одного изъ центровъ крестьянскихъ волненій—былъ разработанъ и представленъ въ Петербургъ проектъ систематическаго выселенія полтавскихъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ. Правительство, согласившись съ основною мыслью проекта, не сочло, конечно, цѣлесообразнымъ ограничивать его примѣненіе райономъ одной губерніи; то положеніе, въ которомъ находится часть крестьянъ полтавской губерніи, встрѣчается и въ другихъ, преимущественно черноземныхъ районахъ. Въ правительственныхъ сферахъ предложенію полтавскаго губернскаго присутствія приданъ былъ, поэтому, общій характеръ, и хотя, при изданіи соотвѣтствующаго закона, рѣшено было сохранить дѣйствующее правило свободнаго переселенія въ Сибирь, но вспоможеніе со стороны власти будутъ получать лишь тѣ крестьяне, выселеніе которыхъ признано отвѣчающимъ основной цѣли закона.

Авторъ по многимъ причинамъ считаетъ нужнымъ предостеречь общество противъ увлеченія переселеніями, какъ средствомъ разрѣженія населенія въ метрополіи. Большая часть районовъ, высылающихъ переселенцевъ, по его мнѣнію, и не нуждается въ такомъ разрѣженіи, потому что имъ свойственно не абсолютное, а относительное малоземелье, происходящее отъ того, что настало время измѣненія господствующихъ системъ хозяйства въ другія, болѣе интенсивныя, а населеніе, въ силу его некультурности, не понимаетъ значенія испытываемыхъ имъ затрудненій. „Серьезнаго воздѣйствія на крестьянское хозяйство и благосостояніе можно и должно ожидать только отъ поднятія крестьянской культуры и культурности и въ

болѣе узкомъ, и въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова",—говоритъ авторъ. Составъ свободныхъ сибирскихъ земель, кромѣ того, совершенно не пригоденъ для поселенія крестьянъ изъ наиболѣе малоземельныхъ, черноземныхъ губерній. Степныя земли въ коренной Сибири почти всѣ уже заняты. Киргизскія и туркестанскія степи или оказываются пригодными лишь для скотоводства, или могутъ служить для земледѣлія лишь по предварительномъ ихъ орошеніи, для чего въ области не имѣется достаточнаго количества воды, или, наконецъ, нужны для туземнаго населенія, переходящаго отъ скотоводческаго хозяйства къ хлѣбопашеству. Необъятный источникъ земель для переселеній можно надѣяться имѣть въ сѣверной, лѣсистой части Сибири; но, во-первыхъ, эти земли не соотвѣтствуютъ привычкамъ и культурнымъ навыкамъ крестьянъ черноземныхъ районовъ, которые поэтому избѣгаютъ ихъ; во-вторыхъ, подготовка сибирской тайги и урмановъ къ пріему какихъ бы то ни было поселенцевъ стоитъ дорого и, по мѣрѣ проникновенія въ глубь страны, становится дороже и дороже. Орошеніе степныхъ мѣстностей Средней Азіи потребуетъ также огромныхъ суммъ, а въ виду ничтожныхъ отъ этого результатовъ въ смыслѣ облегченія мѣстностей, высылающихъ переселенцевъ, авторъ естественно задается вопросомъ,—на что выгоднѣе истратить требующіеся для этого сотни милліоновъ рублей: „на орошеніе въ колонизаціонныхъ цѣляхъ среднеазіатскихъ пустынь или на улучшеніе крестьянскаго хозяйства и подъемъ крестьянской культуры на мѣстахъ", и высказывается въ пользу второго рѣшенія вопроса.

Книга А. А. Кауфмана естественно распадается на нѣсколько частей. Начинается она историческимъ очеркомъ переселеній или, точнѣе, правительственныхъ мѣропріятій въ области переселенческаго дѣла, при чемъ болѣе подробно авторъ описываетъ переселенческую политику комитета сибирской желѣзной дороги, при которомъ переселенія собственно и получили сколько-нибудь значительные размѣры. Затѣмъ авторъ разсматриваетъ вопросъ о причинахъ переселеній, о государственномъ земельномъ фондѣ, могущемъ служить для потребностей переселенія, и о томъ, какъ устраиваются переселенцы на новыхъ мѣстахъ. Здѣсь авторомъ использованы сравнительно многочисленныя статистическія данныя регистраціи переселенцевъ въ Челябинскѣ и подворныхъ переписей переселенческихъ поселковъ и другіе оффиціальные матеріалы, почти неизвѣстные публикѣ. Въ приложеніи А. А. Кауфманъ даетъ нѣчто вродѣ сводки мнѣній о переселеніяхъ, высказанныхъ въ печати, въ земскихъ учрежденіяхъ и въ комитетахъ о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности. Авторъ обращаетъ здѣсь вниманіе на тотъ интересный фактъ, что выраженныя тѣмъ или другимъ способомъ мнѣнія о переселеніи представителей

общества и литературы „лишь весьма слабо вліяли на нашу переселенческую политику“,—что̀ однако, не препятствовало тому, чтобы эта политика сообразовалась со „взглядами, интересами, страхами и вожделѣніями привилегированныхъ слоевъ русскаго общества“. Но эти взгляды „были слабо представлены и въ литературѣ, и въ земствѣ, и не черезъ литературу или земство они въ теченіе тридцати лѣтъ вліяли на политику высшихъ правительственныхъ сферъ“. Относительно содержанія идей, обращавшихся въ литературѣ, авторъ отмѣчаетъ сравнительную неподвижность взглядовъ ея на значеніе переселеній и оцѣнки правительственной переселенческой политики, несмотря на то, что съ учрежденіемъ сибирскаго комитета послѣдняя рѣзко измѣнилась, и что опытъ широкой постановки переселенческаго дѣла въ теченіе послѣднихъ десяти лѣтъ доставилъ много новыхъ матеріаловъ для пересмотра вопроса. Но дѣло въ томъ, что „современная литература весьма мало воспользовалась тѣмъ матеріаломъ для фактической характеристики переселенческаго движенія и его результатовъ, который можно извлечь изъ переселенческой статистики и изъ оффиціальныхъ источниковъ“. Не лишне, однако, напомнить, что г. Кауфманъ сводилъ въ своемъ сочиненіи только мнѣнія, изложенныя въ книгахъ и журналахъ, и не касался газетной литературы, которая отличалась въ этомъ отношеніи нѣсколько большей подвижностью взглядовъ. Разработавъ вопросъ о переселеніяхъ на основаніи новѣйшихъ матеріаловъ, авторъ—нужно надѣяться—вновь обратитъ вниманіе литературы на этотъ предметъ и будетъ способствовать образованію болѣе правильныхъ взглядовъ на него общества. Это должно имѣть тѣмъ большее значеніе, что, съ преобразованіемъ нашего государственнаго строя, взгляды общества перестанутъ быть величиною, съ которою не считается политика. Мы не считаемъ правильнымъ взглядъ автора, что главное и чуть ли не единственное средство сдѣлать зажиточнымъ наше крестьянство, это—поднять производительность его земли. Безъ разрѣшенія вопроса о возсоединеніи земледѣлія и промышленности приближеніе Россіи, въ отношеніи національнаго богатства, къ Западной Европѣ кажется намъ невозможнымъ. Но мы не можемъ не раздѣлять тѣхъ взглядовъ г. Кауфмана, въ которыхъ онъ, въ качествѣ спеціалиста, наиболѣе компетентенъ,—взглядовъ на несоотвѣтствіе свободныхъ земель на окраинахъ русскаго государства той потребности въ переселеніи, которая, по тѣмъ или другимъ причинамъ, такъ ярко выразилась въ послѣдніе годы.

IX.

— Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. Т. I и II. Составилъ А. А. Кофодъ. Спб. 1905.

Годъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ была помѣщена замѣтка о книжкѣ г. Кофода, описывавшей возникшее въ западныхъ губерніяхъ стремленіе крестьянъ къ разселенію хуторами. Послѣ того предсѣдателемъ Особаго Совѣщанія о нуждахъ сельско-хозяйственной промышленности г. Кофоду было предложено подробнѣе изслѣдовать этотъ вопросъ на мѣстахъ; результаты изслѣдованій изданы Особымъ Совѣщаніемъ подъ заголовкомъ, указаннымъ выше. Трудъ А. А. Кофода состоитъ изъ текста и приложеній къ нему. Приложенія заключаютъ въ себѣ копіи общественныхъ приговоровъ о совершающемся преобразованіи, записки лицъ, наблюдавшихъ этотъ процессъ, планы разселившихся селеній и др. Въ текстѣ дается описаніе даннаго движенія по районамъ: причинъ и поводовъ его возникновенія, способовъ осуществленія задачи разселенія и послѣдствій—экономическихъ и моральныхъ,—къ которымъ оно привело. Наибольшей обстоятельностью отличается—какъ и слѣдовало ожидать—отдѣлъ, относящійся къ процессу выполненія задачи уничтоженія черезполосицы на крестьянскихъ земляхъ и созданія отрубныхъ участковъ. Почти весь матеріалъ и приложенія относятся къ этому предмету. Вопросъ о хозяйственныхъ послѣдствіяхъ преобразованія, не будучи изслѣдуемъ подворной описью, намѣченъ лишь въ самыхъ общихъ чертахъ; о моральныхъ послѣдствіяхъ реформы приводятся лишь мало выясняющіе вопросъ отзывы постороннихъ лицъ.

Предметъ, которому посвященъ трудъ г. Кофода, представляетъ большой интересъ въ виду живо всѣхъ интересующаго вопроса о поднятіи крестьянскаго земледѣлія и широко распространеннаго мнѣнія, что безъ уничтоженія черезполосицы на крестьянской землѣ, безъ освобожденія хозяина отъ обязательныхъ отношеній, вытекающихъ изъ такой черезполосицы, и безъ разселенія крестьянъ крупныхъ поселеній поближе къ ихъ участкамъ невозможны и значительные успѣхи сельскаго хозяйства. Въ воображеніи лицъ, видящихъ радикальный исходъ изъ матеріальныхъ затрудненій, переживаемыхъ нашей страной и ея крестьянскимъ населеніемъ, въ возвышеніи интенсивности крестьянскаго земледѣлія,—рисуется картина разсѣянныхъ по всему лицу земли русской мелкихъ крестьянскихъ хуторовъ съ прекрасно обработанными полями, многопольнымъ сѣвооборотомъ, стойловымъ содержаніемъ скота и т. д. Но всѣмъ этимъ картинамъ грозила опасность

остаться въ области одного воображенія, потому что совершенно не было извѣстно, насколько крестьяне пожелаютъ ея осуществленія и рѣшатся разстаться съ привычнымъ для нихъ поселеніемъ деревнями. И вотъ крестьяне какъ бы сами даютъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. „Осенью 1901 г.,—пишетъ А. А. Кофодъ,—мнѣ случилось побывать въ сѣверной части оршанскаго уѣзда могилевской губерніи. Обративъ вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестьянскіе дворы не собраны деревнями, а разбросаны по всему полю, я заинтересовался этимъ новымъ явленіемъ и сталъ справляться о немъ у крестьянъ. Узнавъ, что крестьяне по собственной иниціативѣ упразднили внутринадѣльную черезполосицу и раздѣлили надѣлъ на правильные хуторскіе участки, я убѣдился въ громадной важности реформы и, слѣдовательно, въ необходимости подробнаго изученія найденнаго района разселенія для пользы крестьянскаго хозяйства вообще". Трудъ г. Кофода можно считать только первою развѣдкою относительно даннаго явленія. Собранный имъ матеріалъ касается внѣшней, формальной стороны этого интереснаго процесса и относится къ цѣлымъ поселеніямъ; для надлежащей же его оцѣнки необходимо подворное изслѣдованіе, которое выяснило бы хозяйственное положеніе крестьянъ не только послѣ преобразованія, но, по возможности, и до него. Очень желательно, чтобы такое изслѣдованіе если не всѣхъ домохозяевъ, то типическихъ для разныхъ районовъ, было предпринято какимъ-либо изъ нашихъ учрежденій.

Описанное авторомъ явленіе наблюдается въ западной полосѣ Россіи, среди сравнительно многоземельныхъ селеній, по крайней мѣрѣ въ томъ смыслѣ, что раздѣлъ земли часто совершается не между всѣми наличными домохозяевами, а между тѣми, которые получили землю по основному документу; распредѣленіе же участка между раздѣлившимися членами семьи предоставляется ихъ усмотрѣнію. Разселявшіеся крестьяне принадлежатъ къ племени латышей, бѣлоруссовъ и малороссовъ. Ихъ землевладѣніе—искони подворное; передѣлы земли начали практиковаться въ немногихъ селеніяхъ лишь въ недавнее время. Въ нѣкоторыхъ районахъ отсутствуетъ даже раздѣлъ участковъ между наслѣдниками, и земля переходитъ цѣликомъ въ однѣ руки. За исключеніемъ одного, житомірскаго района,—поселенія принадлежатъ къ числу мелкихъ. Почва разселяющихся районовъ нечерноземная; подпочвенная вода въ большинствѣ случаевъ легко доступна. Таковы естественныя и бытовыя условія районовъ, переходящихъ къ новымъ формамъ пользованія землей. Насколько эта форма найдетъ себѣ примѣненіе въ условіяхъ коренныхъ общинныхъ районовъ, при значительномъ развитіи малоземелья и крайней неравномѣрности семейныхъ участковъ,—покажетъ будущее. Общій смыслъ

описываемаго процесса заключается въ уничтоженіи угодій общаго пользованія и въ отведеніи каждому хозяину его участка по возможности въ одномъ мѣстѣ, причемъ или этотъ участокъ примыкаетъ къ его старой усадьбѣ, или усадьба переносится на участокъ. Благодаря такому расположенію участка, хозяинъ имѣетъ всю землю около себя и получаетъ полную свободу распоряженія ею. Онъ пользуется этой свободой, прежде всего, чтобы увеличить пахотное угодье на счетъ неудобной и плохой сѣнокосной земли и увеличить посѣвы льна. Несмотря на это приращеніе работы, онъ не увеличиваетъ, а скорѣе уменьшаетъ число лошадей и не чувствуетъ себя обремененнымъ работой. Происходитъ это оттого, что у него нѣтъ теперь непроизводительной растраты труда для перехода съ полосы на полосу, какъ это имѣло мѣсто въ деревенскомъ быту. Освободившееся же время крестьянинъ затрачиваетъ на тщательную обработку земли; близость полей позволяетъ ровнѣе удобрять ихъ, и въ результатѣ являются лучшіе урожаи хлѣбовъ. Число коровъ, въ большинствѣ случаевъ, тоже не увеличивается, но вслѣдствіе того обстоятельства, что скотъ находится подъ постояннымъ надзоромъ и легко можетъ подкармливаться — коровы даютъ лучшіе удои; многіе крестьяне занимаютъ часть пара картофелемъ и другими растеніями, сѣютъ на отдѣльныхъ участкахъ клеверъ; но широкое стремленіе къ введенію правильныхъ многопольныхъ сѣвооборотовъ наблюдается лишь среди латышей мѣстностей, сосѣднихъ съ прибалтійскими губерніями, гдѣ такое хозяйство пользуется широкимъ распространеніемъ. Стремленіе къ подражанію этому хозяйству и служило здѣсь главнымъ стимуломъ къ разселенію. Описанныя выше перемѣны въ хозяйствѣ имѣютъ послѣдствіемъ подъемъ благосостоянія крестьянъ; но все сказанное относится, главнымъ образомъ, къ хозяевамъ, владѣющимъ достаточнымъ количествомъ земли. На малоземельныхъ же дворахъ разселеніе отражается неблагопріятно, и они стараются продать сосѣдямъ свои мелкіе учаски (цѣна земли, послѣ образованія отрубныхъ участковъ, очень увеличивается) и на вырученныя деньги пріобрѣсти на сторонѣ, при помощи крестьянскаго банка, площадь, могущую занять всю ихъ рабочую силу.

X.

— Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Спб. 1905.

— А. Ф. Волковъ. Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ. Спб. 1905.

Первая изъ двухъ названныхъ книгъ издана министерствомъ финансовъ, вѣроятно, въ виду предполагаемаго оживленія его дѣятельности въ области рабочаго законодательства. А если такъ, то главнымъ содержаніемъ изданій должно, казалось бы, быть изложеніе законовъ, относящихся къ данному предмету, отношеній къ рабочимъ организаціямъ правительства въ различныхъ государствахъ и описаніе тѣхъ рабочихъ организацій, свѣдѣнія о которыхъ мало распространены въ русскомъ обществѣ. Между тѣмъ, бо̀льшая часть книги посвящена исторіи и современному состоянію профессіональныхъ рабочихъ союзовъ—предмету, по которому у насъ существуетъ довольно богатая, хотя преимущественно переводная литература. Помѣщеніе, при такихъ условіяхъ, подробнаго очерка было бы умѣстно, если бы онъ отличался выдающимися достоинствами. Но этого далеко нельзя сказать о данномъ случаѣ, и статья „Организація и дѣятельность рабочихъ союзовъ на Западѣ“, образующая первую, большую половину разсматриваемой книги, составлена поспѣшно и возбуждаетъ во многихъ случаяхъ недоумѣніе. Такъ, приступая къ изложенію исторіи рабочихъ союзовъ въ Англіи и заявивъ, что таковую можно раздѣлить на пять періодовъ, авторъ подъ титуломъ перваго періода (1720—1794 г.) описываетъ второй, подъ именемъ второго (1794—1825) излагаетъ третій (1825—1875); пріурочиваетъ третій періодъ ко времени 1875—1889 г.г., описывая въ этой части временное „разложеніе“ рабочихъ организацій и послѣдующее ихъ возрожденіе подъ вліяніемъ новыхъ идей, принесенныхъ извѣстною книгою Джорджа и другими произведеніями печати, а послѣ того описываетъ, но уже подъ именемъ четвертаго, тотъ же періодъ, заканчивая его уже не 1889, а 1893-мъ годомъ, и вторично излагаетъ содержаніе освободительныхъ законовъ 1871 и 1875 годовъ. Пятымъ періодомъ развитія рабочихъ союзовъ авторъ считаетъ время съ 1889 года до нашихъ дней. Такая путаница изложенія объясняется, быть можетъ, тѣмъ, что въ составленіи книги участвовало, въ сущности, не одно, а два лица. По крайней мѣрѣ въ началѣ изданія отъ имени г. В. Святловскаго имѣется заявленіе, что книга составлена имъ, и что содѣйствіе ему въ работѣ „по внѣшней отдѣлкѣ и корректурѣ изданія оказалъ Г. Е. Калинъ“.

Вторую часть разсматриваемаго изданія составляетъ описаніе такихъ рабочихъ учрежденій, которыя меньше извѣстны русской публикѣ, и посвященіе имъ особаго труда было бы поэтому далеко не излишнимъ. Это — примирительныя камеры, промышленные суды, рабочій секретаріатъ и т. п. Но большей части этихъ учрежденій въ изданіи министерства финансовъ отведено очень мало мѣста; спѣшность работы замѣтна и въ этомъ отдѣлѣ, вслѣдствіе чего не о всѣхъ трактуемыхъ предметахъ читатель получаетъ достаточно опредѣленное понятіе. Такъ, рабочимъ секретаріатамъ посвящено менѣе пяти страницъ, отданныхъ почти цѣликомъ германскому учрежденію этого рода, а эти послѣднія учрежденія характеризованы несовсѣмъ точно. Авторъ считаетъ эти учрежденія организаціями для „подачи юридической помощи населенію“, и сравниваетъ ихъ даже съ консультаціями для рабочихъ петербургскихъ помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ, но не подчеркиваетъ того, что главной задачей секретаріатовъ является помощь рабочимъ по предметамъ, составляющимъ компетенцію такъ называемаго рабочаго законодательства. Уставы многихъ секретаріатовъ даже прямо заявляютъ, что подача совѣтовъ по дѣламъ общаго гражданскаго и уголовнаго права для секретарей необязательна. Въ этомъ слѣдуетъ, вѣроятно, искать объясненій того факта, что большинство секретарей, т.-е. лицъ, подающихъ юридическіе совѣты, вышли изъ среды рабочихъ, изучившихъ соціальное законодательство, дѣятельно участвуя въ работахъ профессіональныхъ союзовъ.

Вторая изъ указанныхъ въ заголовкѣ настоящей замѣтки книгъ, принадлежащая перу А. Ф. Волкова, посвящена нѣкоторымъ изъ вопросовъ, о которыхъ трактуетъ и разсмотрѣнное нами изданіе, а именно вопросамъ о рабочихъ учрежденіяхъ, имѣющихъ задачей заботу о возможно полномъ осуществленіи законовъ, изданныхъ въ защиту труда и учрежденій для законнаго представительства интересовъ труда. „Не претендуя на оригинальность труда“ и руководствуясь „единственной цѣлью дать заинтересованнымъ кругамъ матеріалъ для обмѣна мнѣній“ по соотвѣтствующимъ вопросамъ, г. Волковъ составилъ свою книжку по двумъ нѣмецкимъ работамъ, изъ коихъ трудъ Aug. Müller'a о нѣмецкихъ секретаріатахъ остался, повидимому, неизвѣстнымъ составителю главы о секретаріатахъ въ изданіи министерства финансовъ. Статья о нѣмецкихъ секретаріатахъ есть наиболѣе обстоятельная статья въ книжкѣ г. Волкова. Отдѣлъ о палатахъ труда изложенъ авторомъ по книгѣ Bern. Harms'a, служившаго, какъ видно по сходству изложенія, главнымъ источникомъ для соотвѣтствующихъ главъ и въ изданіи министерства финансовъ. Читателю, для ознако-

мленія съ данными вопросами, мы рекомендовали бы скорѣе книжку г. Волкова. Слѣдующій томъ изданія г. Волкова будетъ имѣть, нужно полагать, самостоятельный характеръ. Въ этомъ томѣ авторъ обѣщаетъ выяснить, „на какихъ основаніяхъ возможны у насъ законное представительство труда и широкая самозащита рабочихъ подъ сѣнью новыхъ соціально-политическихъ законовъ“.—В. В.

Въ сентябрѣ поступили въ Редакцію нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Абрамовъ, Иванъ. — Черниговскіе малороссы. Бытъ и пѣсни Глуховскаго уѣзда. Спб. 905. Ц. 25 к.

Андреевъ, М. Н.—Германія въ 1848-мъ году. По книгѣ Базарова и Степанова: „Очерки по исторіи Германіи въ XIX-мъ вѣкѣ“, т. I. М. 905. Цѣна 20 коп.

Ардашевъ, проф. П.—Администрація и общественное мнѣніе во Франціи передъ революціей. Кіевъ, 905. Ц. 75 к.

Бауминъ, А.—Отрывки. Спб. 905. Стр. 87.

Беджготъ, В. — Государственный строй Англіи. Перев. Е. Прейсъ, подъ ред. Н. Никольскаго. М. 905. Стр. 359. Ц. 1 р. 60 к.

Бекарюковъ, д-ръ Д. Д. — Основныя начала школьной гигіены. М. 905. Ц. 2 руб.

Беркли, Джоржъ.—Трактатъ о началахъ человѣческаго знанія. Подъ ред. Н. Г. Дебольскаго. (Образовательная библіотека. Серія VI, № 9). Изд. О. Поповой. Спб. 905. Стр. 183. Ц. 40 к.

Билоусенко, О.—Винокъ. Чытанка. Зъ малюнкамы. Спб. 905. Ц. 35 к.

Бобинъ, С. П.—Краткій курсъ географіи. Изд. 2-е, исправл. и дополн. Ч. I. Спб. 905. Стр. 126. Ц. 80 к.

Бобриковъ, Г. И.—Наброски изъ общественной жизни: Начатки нравственности — Государственность — Политическія задачи—Реформы—Общественные слои. Спб. 905. Ц. 1 р.

Богословскій, М. М. — Изъ исторіи верховной власти въ Россіи. М. 905. Цѣна 10 к.

Боровиковскій, А. — Законы 6 августа. Практическія замѣчанія судьи. Спб. 905.

Браунсъ, д-ръ Р. — Царство минераловъ. Описаніе главныхъ минераловъ, ихъ мѣсторожденіе и значеніе ихъ для промышленности. Драгоцѣнные камни. Перев. В. Лемана и П. Сущинскаго, п. р. проф. А. Иностранцева. Спб. 905. Вып. 7-й. Ц. 2 р. 75 к.

Брейтманъ, М. Я.—Эпидемическій цереброспинальный менингитъ. Спб. 905. Стр. 112.

Булгаковъ, Ѳ. И. — В. В. Верещагинъ и его произведенія. Спб. 905. Цѣна 2 р. 50 к.

Васильевъ, И.—Изображеніе и краткое описаніе главнѣйшихъ насѣкомыхъ, вредящихъ плодовымъ садамъ. Ч. I. Съ VII раскраш. табл. и 19 рис. въ текстѣ. Спб. 905. Стр. 52. Ц. 50 к.

Воиновъ, А.—Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. Ч. I. Цѣлыя числа. Павловскъ-на-Дону. 905. Стр. 122. Ц. 35 к.

Воларовичъ, П.—Современное состояніе и задачи картографіи по В. Стивенгагену. Спб. 905.

Геффдингъ, Г. — Александръ Гамильтонъ и сѣверо-американская конституція. Спб. 905. Стр. 47. Ц. 10 к. Изд. О. Поповой.

Гиппіусъ, А. И. — О причинахъ нашей войны съ Японіею. Съ приложеніями (документы). Спб. 905. Ц. 4 р.

——— То же, докладъ, читанный въ Николаевской Академіи Генеральнаго Штаба. Спб. 905. Ц. 50 к.

Гіероглифовъ, А., д-ръ.— О холерѣ, мѣрахъ ея предупрежденія и способахъ леченія. Общедоступное изложеніе. Спб. 905. Ц. 20 к.

Дрентельнъ, Н. С. — Начальная физика. Основныя свѣдѣнія изъ физики въ общедоступномъ изложеніи. Спб. 905. Ц. 80 к.

Гимназъ.—Подготовка къ жизни и свободная школа. Спб. 905. Ц. 30 к.

Златовратскій, Н. Н.—Деревенскій король. Изд. „Посредника“. М. 905. Стр. 63. Ц. 3 к.

Зѣлинскій, Ѳ.—Изъ жизни идей. Т. II. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Кантигоровъ.—Первый день службы. Томскъ, 905. Стр. 45.

Капелькинъ, В., и *Флеровъ*, А.—Учебникъ ботаники для среднихъ учебныхъ заведеній. Ч. II. Споровыя растенія. Съ 59 рисунками и 1 цвѣтной таблицей. М. 905. Стр. 58. Ц. 70 к.

Карѣевъ, Н.—Мысли объ основахъ нравственности. Пролегомены по этикѣ. Изд. 3-ье. Спб. 905. Ц. 40 к.

——— Учебная книга древней исторіи. Съ историч. картами. Изд. 4-ое. Стр. 309. Ц. 1 р. 35 к.

Каутскій, Карлъ.—Томасъ Моръ и его утопія. Съ нѣм. М. и А. Генкель. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Кей, Элленъ. — Вѣкъ ребенка. Съ нѣм. Е. Залога и В. Шихно, п. р. Ю. Айхенвальда. М. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Коркуновъ, Н. М.—Русское государственное право. Т. II: Часть особенная. Изд. 5-е. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.

Костомаровъ, Н. И. — Собраніе сочиненій. Историческія монографіи и изслѣдованія. Кн. VII: т.т. XVII и XVIII. Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой. Изд. Литерат. фонда. Спб. 905. Ц. 3 р. 50 к.

Кофодъ, А. А.—Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. Спб. 905. Т. I. Стр. 283. Т. II. Приложенія. Стр. 694.

Крыштофовичъ, Ѳ. Ѳ.—Американскія письма. Изд. журн. „Наука и жизнь“. Спб. 905. Стр. 103. Ц. 35 к.

Круловъ, А. В.—Царь Свѣтланъ и Царевичъ Златокудръ. М. 905. Ц. 20 к.

Кузоватовъ, А.—Законъ экономическаго равновѣсія.

Лагердефъ, Сельма.—Сѣверныя легенды и разсказы. Перев. А. Герцыкъ и С. Леріе. М. 905. Ц. 1 р.

Лафаргъ, П.—Профессіональное рабочее движеніе въ Германіи. Съ франц. А. Давильковскій. М. 905. Ц. 25 к.

Лебедевъ, Н. І., проф. — Пояснительная записка къ геологической картѣ Кавказскаго края. Спб. 905.

Лехно, В. Б. (Одинскій). Стихотворенія. Стр. 111.

Логиновъ, А. Ѳ. — Бесѣда съ крестьянами о трехпольной системѣ хозяйства въ связи съ мѣрами уничтоженія овсюга. Екатеринославъ, 905. Стр. 68.

Ломэнъ.—Наброски. Спб. 905. Ц. 1 р.

Лорентцъ, Г. А. — Видимыя и невидимыя движенія. Съ англ. Н. Кастеринъ. М. 905. Ц. 80 к.

Луговой, А.—„Цѣль вашей жизни?“ Повѣсти и разсказы. Спб. 905. Цѣна 1 р. 25 к.

Мазепинъ, Евг. — Что необходимо крестьянину. Очеркъ. Спб. 905. Цѣна 15 коп.

Масловъ, А. — Музыкально-этнографическіе очерки. I. Калики перехожіе на Руси и ихъ напѣвы. Спб. 905. Ц. 50 к.

Межеричеръ, П. И.—Учебникъ геометріи для ремесленныхъ, техническихъ и др. училищъ, курсовъ для мастеровыхъ и рабочихъ и для самоученія. Съ 237 фиг. и пр. Спб. 906. Ц. 1 р. 25 к.

Меликсъ-Саркисянъ, С. А.—Хлопковое дѣло по Ферганской области и мѣры къ его упорядоченію. М. 905. Стр. 79. Съ таблицами и діаграммами.

Михайлова, ж.-вр. Е. А.—Физическое воспитаніе женской молодежи. Съ приложеніемъ о правилахъ гимнастики, игръ и замѣчанія о костюмѣ женщины. М. 905. Ц. 1 р.

Михайловскій, І. В. — Основные принципы организаціи уголовнаго суда. Уголовно-политическое изслѣдованіе. Томскъ, 905. Ц. 2 р.

Моревъ, Д. Д.—Руководство политической экономіи. Спб. 906. Ц. 2 р.

——— Очеркъ политической экономіи и хозяйственной статистики Россіи, сравнительно съ другими государствами. Изд. 3-е. Вып. 1. Спб. 906. Ц. 1 р.

Новомберскій, Н.—Матеріалы по исторіи медицины въ Россіи. Спб. 905. Цѣна 2 руб.

Поворинскій, А. Ф. — Систематическій Указатель русской литературы по судоустройству и судопроизводству гражданскому и уголовному. Т. II: 1896—1904 г.г. Изд. посмертное. Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Покровскій, Н.—А. С. Пушкинъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. Изд. 2-е. М. 905. Ц. 75 к.

——— И. С. Тургеневъ въ его значеніи художественномъ, историческомъ и общественномъ. М. 905. Ц. 75 к.

Порчинскій, І.—Сѣрнистый углеродъ въ борьбѣ съ вредными животными. Сельскохозяйственная монографія. Ч. I. Изд. мин. земледѣлія и госуд. имуществъ. Спб. 905. Стр. 93. Съ 6 таблицами рисунковъ. Ц. 25 к.

Пѣшехоновъ, А. В.—Земельныя нужды деревни и основныя задачи аграрной реформы. Спб. 905.

Райскій, А.—Новые звуки. Стихотворенія. Батумъ, 905. Стр. 85. Ц. 50 к.

Ричардсъ, Л.—Ясная звѣздочка, пов. Съ англ. А. Рождественская. М. 906. Цѣна 20 к.

Россиковъ, К. — Озимая совка (озимый червь), ея жизнь, свойства и способы борьбы. Спб. 905. Ц. 50 к.

Рыбинскій, Н. Ф.—Собраніе сочиненій. Т. II: Стихотворенія разныхъ годовъ. Варш. 905. Ц. 1 р.

Сабинина, М.—Жизнь растеній. Съ 32 рис. Изд. Поповой. Спб. 905. Стр. 92. Ц. 20 к.

Смирновъ, Алексѣй.—Что сдѣлали сельско-хозяйственные союзы на Западѣ и что они могутъ сдѣлать у насъ. („Дерев. хозяйство и деревенская жизнь“, подъ ред. И. Горбунова-Посадова. Кн. 41). М. 905. Стр. 32. Ц. 15 к.

Соколовъ, Н. М. — Второй сборникъ стихотвореній. Спб. 905. Стр. 290. Ц. 1 р. 50 к.

Стоюнинъ, В. Я.—Пушкинъ. 2-е изд. Спб. 906. Ц. Ц. 1 р. 25 к.

Темномѣровъ, прот. Аполлоній.—Объ условіяхъ воспитательнаго вліянія на дѣтей уроковъ Закона Божія. Спб. 905.

Тумановъ, Г. М. — Характеристики и воспоминанія. Кн. 2-я. Тпфл. 905. Цѣна 50 к.

Успенскій, М. И.—Старообрядческое сочиненіе XVIII столѣтія объ одеждѣ. Спб. 905. Стр. 13.

Чалхушьянъ, Гр. — Армянскій вопросъ и армянскіе погромы въ Россіи (панисламизмъ). Посвящ. памяти Г. А. Джаншіева. Ростовъ-на-Дону. Стр. 96. Цѣна 20 к.

Челпановъ, Г., проф.—Введеніе въ философію. Кіевъ, 905. Ц. 2 р. 50 к.

Чемодановъ, А.—Въ поискахъ за истиной. М. 905. Ц. 35 к.

Членовъ, Е. В., д-ръ. — Сіонъ и Африка на шестомъ конгрессѣ. М. 905. Стр. 233. Ц. 40 к.

Шепелевичъ, Л.—Историко-литературные этюды. Серія II. Спб. 905. Стр. 181. Ц. 1 р. 70 к.

Шершеневичъ, Г. Ф.—Народные представители. Изд. Казанскаго юридич. общества. 2-ое изд. Казань, 905. Стр. 21. Ц. 5 к.

Шрейнеръ, Я. Ѳ.—Зимняя пяденица и способы ея уничтоженія. Съ 2 рис. Стр. 15. Ц. 3 к.

——— Древесница въѣдливая и древоточецъ пахучій. Съ 5 рис. Стр. 22. Изд. мин. земледѣлія. Спб. 905.

Эдельштейнъ, Я.—Сѣверный и Средній Сихота-Алинъ. Спб. 905.

Ѳедоровъ, К. М.—Жизнь русскихъ великихъ людей. Н. Г. Чернышевскій. 2-е изд., исправл. и дополн. Спб. 905.

De Wollant, Gregoire. — The land of the Rising Sun. New-York, 905. Стр. 401.

— L'Union entre La Suède et la Norvège. L'Adressee présentée au Roi par le Parlement suédois. Stockholm. Стр. 13.

— Адресъ-Календарь сельско-хозяйственныхъ обществъ, по даннымъ къ 1 января 1905 года. Ч. I. Спб. 905. Ц. 50 к.

— Библіотека Маріи Малыхъ: 1) Эм. Розеновъ, Томасъ Мюнцеръ, ц. 10 к. 2) Карлъ Марксъ, Кэри и Бастіа, ц. 10 к. 3) В. Пайеръ, Колесоножка и Быстроножка, сказка, ц. 10 к. 4) Пемберъ Ривсъ, Политическія права женщинъ въ Австраліи, ц. 10 к. 5) В. Водовозовъ, Пропорціональные выборы или представительство меньшинства, ц. 10 к. 6) М. М. Ковалевскій, Рабочій вопросъ во Франціи наканунѣ революціи, ц. 10 к. 7) К. Марксъ, Классовая борьба во Франціи, ц. 10 к. 8) К. Каутскій, Нашъ взглядъ на патріотизмъ и войну, ц. 10 к. 9) Буржуа и Метенъ, Основы государственнаго права Франціи. Декларація правъ человѣка и гражданина, ц. 10 к. М. 905.

— Восьмой отчетъ о дѣятельности православнаго братства св. Иннокентія, при церкви Спб. 1-го Реальнаго училища, за 1904 г. Съ приложен. Спб. 905. Стр. 45.

— Външната търговия на България прѣзъ годинитѣ 1897—1903. Commerce extérieur de la Bulgarie pendant les années 1897—1903. София, 905. Стр. XXXVIII+394. София, 905.

— Геологическая карта Енисейскаго золотоноснаго района. Описаніе листа К—9. А. К. Мейстеръ. Спб. 905. Стр. 51.

— Германскій государственный законъ о печати. Спб. 905. Стр. 16. Ц. 10 к.

— Государственная Дума. Узаконенія 6 авг. 1905 г. Съ предисл. проф. І. А. Малиновскаго и съ приложеніемъ статьи М. Б. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики". Кіевъ, 905. Стр. 120. Ц. 12 к.

— Женскія гимназіи и прогимназіи мин. нар. просв., 1858 — 1905. Изд. департ. нар. просвѣщенія. Спб. 905. Стр. 139.

— Записка Семипалатинскаго Подъотдѣла западно-сибирскаго Отдѣла Русскаго Географ. Общества. Вып. XI. Семипал. 905.

— Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи. Подъ редакціей В. В. Стасова. Съ факсимиле, портретами и снимками. Спб. 905. Ц. 5 р.

— Изданія „Посредника": Горбуновъ-Посадовъ, И.—Наброски въ стихахъ. Вып. І. Въ Христову ночь и другія стихотворенія. Стр. 32. Ц. 1 к.—Ѳ. Поступаевъ.—Не дошелъ. Разсказъ. Стр. 32. Ц. 1 к.

— Иностранное законодательство по рабочему вопросу. Голландія. Законъ о рабочихъ камерахъ 2 мая 1897 г. Стр. 15.—Англія. Стр. 42.—Германія. Стр. 91. Спб. 905. Изд. мин. финансовъ.

— Краткій обзоръ дѣятельности Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній за 1903 — 1904 г. Тридцать-четвертый обзоръ. Спб. 905. Стр. 176. Цѣна 40 к.

— Матеріалы для выработки программы текущей статистики. Годъ V. Съ прилож. Вятка, 905. Стр. 60.

— Матеріалы по изученію Пермскаго края. Вып. II. Пермь, 905.

— Матеріалы по торгово-промышленной статистикѣ. Сводъ товарныхъ цѣнъ на главныхъ русскихъ и иностранныхъ рынкахъ за 1904 г. Спб. 905. Стр. VII+89.

— Обзоръ иностранныхъ законодательствъ по регулированію рабочаго времени въ промышленныхъ предпріятіяхъ. Спб. 905. Стр. XXV+245

— Обзоръ хозяйства города Красноярска за окт.—дек. 1904 г. Стр. 119. За янв.—мартъ 1905 года. Стр. 72.

— Общедоступная библіотека Горбунова-Посадова. Вып. III. Путешествіе по Сахарѣ. По Брему. Сост. С. Порѣцкій. Съ рисунками. Стр. 39. Ц. 10 к.— Вып. IV. Дары моря. Сост. С. А. Порѣцкій. Съ рисунками. Стр. 34. Ц. 8 к.— Вып. V. Воздушные путешественники. Сост. С. А. Порѣцкій. Съ 11 рисунками. Стр. 53. Ц. 15 к. М. 905.

— Общій отчетъ елисаветградской уѣздной земской управы за 1904 годъ. Елисаветградъ, 905. Стр. 206.

— Озимая совка (озимый червь) и новый способъ борьбы съ ней, на основаніи изслѣдованій К. Н. Россикова. Спб. 905. Ц. 3 к.

— Открытое письмо гг. Членамъ отъ промышленности въ Коммиссіи В. Н. Коковцова, по рабочему вопросу. О „платѣ за забастовки". Спб. 905. Ц. 8 к.

— Отчетъ Главнаго управленія неокладныхъ сборовъ и казенной продажи питей. 1903 г. Вып. I. Спб. 905. 4°.

— Отчетъ комитета Краснаго Креста при Имп. Казанскомъ университетѣ, съ 29 янв. 1904 г. по 8 февр. 1905 г. Казань, 905. Стр. 49+54+11.

— Отчетъ о дѣятельности врачей санитарнаго надзора на рр. Волгѣ и Камѣ и Маріинской системѣ за 1904 г. Спб. 905. Стр. 112.

— Отчетъ о дѣятельности консультаціи помощниковъ присяжныхъ повѣренныхъ при Моск. мировомъ съѣздѣ за 1904 годъ. М. 905. Стр. 21.

— Отчетъ о состояніи елисаветградскаго земскаго реальнаго училища за 1904 годъ. Елисаветградъ, 905. Стр. 34.

— Отчетъ по выкупному долгу и выкупнымъ платежамъ всѣхъ разрядовъ крестьянъ за 1902 годъ. Спб. 905. Изд. мин. финансовъ. Тип. кн. В. Мещерскаго. Стр. 624+4. 4°.

— Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ. Изд. Отдѣла промышленности мин. финансовъ. Спб. 905. Стр. 238.

— Полтавское губ. земство. Чрезвычайное собраніе 30 — 31 мая 1905 г. Журналы и доклады. Полтава, 905. Стр. 76.

— Попечительства о народной трезвости въ 1902 году. Составилъ Д. А. Тушинскій. Спб. 905. Изд. мин. финансовъ. Стр. 50+80+44.

— Послѣднія 25 лѣтъ изъ жизни Главнаго Кадетскаго Корпуса въ Гроссъ-Лихтерфельдѣ. Спб. 905.

— Протоколы бердянскаго очередного уѣзднаго земскаго собранія 39-ой очередной сессіи созыва съ 26 сентября 1904 года, съ прилож. Бердянскъ, 905.

— Русскіе портреты XVIII-го и XIX-го столѣтій. Изд. Великаго Князя Николая Михаиловича. Т. I, вып. 3-й. Спб. 905.

— Сборникъ С.-Петербургскаго округа путей сообщенія. Статьи и матеріалы, относящіеся до сухопутныхъ и водныхъ сообщеній Спб. округа путей сообщенія и Труды служащихъ въ округѣ. Выпускъ VII, съ 28 чертежами. Спб. 905.

——— Альбомъ чертежей деревянныхъ рѣчныхъ судовъ, плавающихъ по Невѣ и Маріинской системѣ. Спб. 905.

— Сельскохозяйственный обзоръ Вятской губ. за 1904 — 5 г. Вып. I-й. Вятка, 905. Съ діаграммами. Стр. 22.

— Списокъ сельско-хозяйственныхъ обществъ, возникшихъ въ 1904 году. Спб. 905. Изд. мин. земледѣлія. Стр. 32.

— Статистическій ежегодникъ Тверской губерніи. За 1903 и 1904 годы. Вып. I. Сельско-хозяйственный отдѣлъ. Изд. Тверского губ. земства. Тверь, 905. Стр. 10+85+132. Ц. 50 к.

— Статистика по казенной продажѣ питей. 1903 г. Вып. II. Стр. 122+299. Спб. 905. 4°.

— Статистико-экономическій обзоръ Херсонской губ. за 1902 г. Изданіе Херсонской губерн. земской управы. Херсонъ, 905. Стр. IV+254+125.

— Тексты конституцій.—II. Испанская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Стр. 32. Ц. 5 к. — III. Германская конституція. Перев. М. С. Іоффе, подъ ред. и съ предисл. Н. П. Василенка. Стр. 42. Ц. 7 к. — IV. Португальская конституція. Перев. Н. И. Лучицкаго, подъ ред. и съ предисл. проф. И. В. Лучицкаго. Стр. 50. Ц. 8 к. Изд. газ. „Кіевскіе Отклики". Кіевъ, 905.

— Уставъ полевой службы и наставленіе для дѣйствія въ бою отрядовъ изъ всѣхъ родовъ оружія. Изд. В. Березовскаго. Спб. 905. Стр. 257. 16°. Ц. 40 коп.

— Уставъ союза для борьбы съ дѣтской смертностью въ Россіи. Спб. 905. Стр. 20. 16°.

— Утро. Букварь, составл. кружкомъ народныхъ учителей. Изд. 3-е. М. 905. Ц. 10 к.

——— Первая книга для чтенія послѣ Букваря. Годъ первый обученія. М. 905. Ц. 30 к.

——— Вторая книга для чтенія въ начальной школѣ. Годъ второй обученія. М. 905. Ц. 45 к.

— Щукинскій Сборникъ. Вып. 4-ый. Изданіе Отдѣленія Росс. Историч. Музея—музея П. И. Щукина. М. 905. (Напечатано 200 экз.).

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Robert Dreyfus. La Vie et les prophéties du comte de Gobineau. Стр. 355. Paris, 1905 (Cahiers de la Quinzaine).

„Гобинизмъ"—слово, которое въ послѣднее время довольно часто повторяется на столбцахъ французскихъ газетъ и журналовъ. Значеніе его, однако, не считается общеизвѣстнымъ, и оно сопровождается обыкновенно разъясненіями, а также изложеніемъ своеобразной исторіи гобинизма, прославившагося во Франціи только за послѣдніе два-три года.

Особенность исторіи гобинизма заключается въ томъ, что это ученіе французскаго писателя, графа Жозефа Артура де-Гобино, проникло во Францію изъ Германіи. Тамъ уже въ 1894 году основано было спеціальное общество—„Die Gobineau Vereinigung", и вышелъ цѣлый рядъ монографій, посвященныхъ Гобино, его біографіи и его трудамъ. Во Франціи же имя этого философа, ученаго, путешественника, беллетриста и дипломата было въ теченіе долгаго времени извѣстно лишь очень немногимъ, и только въ самые послѣдніе годы его стали изучать и комментировать различнымъ образомъ и на его родинѣ. Познакомившись съ его ученіемъ, нетрудно, однако, понять причины столь странной судьбы писателя, „открытаго" соотечественниками много спустя послѣ того какъ онъ нашелъ сочувствіе и даже поклоненіе за предѣлами своего отечества. Знакомство же съ чисто-литературными произведеніями графа Гобино уясняетъ также сдержанное отношеніе къ нимъ французскихъ критиковъ. Нѣмецкіе поклонники Гобино превозносятъ и его беллетристику, не вникая въ художественные недостатки писателя, близкаго имъ съ идейной стороны.

Весной текущаго года вышла книга молодого писателя, Роберта Дрейфюса, которая можетъ служить прекраснымъ руководствомъ для ознакомленія съ идеями Гобино и, главнымъ образомъ, съ его значеніемъ именно для нашего времени, также какъ съ исторіей его славы сначала въ Германіи и только въ самое послѣднее время во Франціи. Книга эта составлена изъ лекцій, читанныхъ Дрейфюсомъ въ Ecole des Hautes études sociales въ истекшемъ учебномъ году. Лекціи составлены очень живо и, давая объективное представленіе о Гобино,

главнымъ образомъ выясняютъ его связь съ идейной жизнью нашего времени. Дрейфюсъ опредѣляетъ дѣйствительную цѣнность историческихъ воззрѣній Гобино, также какъ его этическаго ученія, и старается отдѣлить Гобино отъ тѣхъ его мнимыхъ послѣдователей, которые пользуются его авторитетомъ, какъ опорой для своихъ реакціонныхъ идей. Дрейфюсъ относится вполнѣ объективно къ излагаемому имъ ученію, указываетъ на ненаучность и произвольность этнографическихъ гипотезъ Гобино, лежащихъ въ основѣ его философскихъ теорій. Вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, онъ находитъ много положительнаго въ міросозерцаніи Гобино и цѣнитъ его какъ предвозвѣстника современнаго индивидуализма.

Задача, которую Дрейфюсъ беретъ на себя въ своихъ лекціяхъ, очень трудная. Онъ знакомитъ свою аудиторію съ французскимъ писателемъ, ученіе котораго проникло во Францію превратно понятымъ и истолкованнымъ его иностранными приверженцами. Ему приходится такимъ образомъ, толкуя Гобино, разрушать легенды и лже-толкованія, образовавшіяся вокругъ имени „новооткрытаго“ философа и моралиста. Съ этой задачей Дрейфюсъ прекрасно справился, и его полемика противъ прежнихъ толкованій Гобино—вполнѣ убѣдительная. Что же касается его собственной оцѣнки Гобино, то Дрейфюсъ сходится съ нѣмецкими и немногими французскими „гобинистами“ въ признаніи значительности идей Гобино и того, что онъ предвосхитилъ этическіе идеалы нашего времени, но видитъ центръ тяжести его ученія не въ его этнографическихъ теоріяхъ, особенно восхищающихъ реакціонныхъ членовъ Gobineau Vereinigung, а въ его мечтахъ о могущественномъ и свободномъ человѣкѣ. Исканія Гобино, а не будто бы найденныя имъ научныя истины, не его историческія схемы связываютъ его съ нами—вотъ что̀ доказываетъ Дрейфюсъ въ своемъ документальномъ изложеніи обстоятельствъ жизни и произведеній Гобино.

Вниманіе Дрейфюса сосредоточено главнымъ образомъ на разборѣ основного труда Гобино, создавшаго ему громкую посмертную славу. Книга Гобино, „Очеркъ о неравенствѣ человѣческихъ расъ“ („Essai sur l'inégalité des races humaines“), появилась между 1853—1855 годомъ. „Черезъ полъ-вѣка послѣ того, цѣлый рядъ сложныхъ историческихъ обстоятельствъ вызвалъ совпаденіе нѣкоторыхъ воззрѣній автора „Essai“ со взглядами, установившимися въ наше время въ нѣкоторыхъ общественныхъ кругахъ—въ Германіи, Франціи, Англіи, Америкѣ и во всемъ мірѣ. Нашъ интересъ сосредоточивается поэтому на этомъ капитальномъ произведеніи Гобино, вліяніе котораго неожиданно сказалось послѣ такого большого промежутка времени“.

„Гобинисты“—нѣмецкіе и французскіе—видятъ въ теоріяхъ Го-

бино первоисточникъ ученія Ницше о сверхъ-человѣкѣ. Дрейфюсъ тоже устанавливаетъ аналогію между Гобино и Ницше, считая наиболѣе существенной общность ихъ этическихъ идеаловъ, т.-е. ту аристократическую мораль, которую Гобино исповѣдывалъ прежде чѣмъ Ницше силой своего таланта ввелъ ее въ сознаніе современнаго человѣчества. Дрейфюсъ прослѣживаетъ въ своихъ лекціяхъ эволюцію Гобино отъ его историческихъ теорій, далеко не имѣющихъ того рѣшающаго значенія, какое имъ приписываютъ его приверженцы, къ индивидуалистической морали, приближающей Гобино къ идеалистамъ нашего времени.

Теоріи Гобино связаны съ его жизнью и обусловлены отчасти семейными традиціями, въ которыхъ онъ выросъ. Исторія его семьи и молодости до появленія его главнаго сочиненія подробно изложена въ первыхъ лекціяхъ Дрейфюса. Графъ Жозефъ Артюръ Гобино родился въ 1816 году и происходилъ изъ семьи непреклонныхъ легитимистовъ. Графы Гобино занимали видныя мѣста въ высшей администраціи въ XVIII вѣкѣ; дѣдъ писателя былъ активнымъ врагомъ революціи, отецъ его эмигрировалъ во время ста дней, потомъ вернулся во Францію при Людовикѣ XVIII и сдѣлался капитаномъ королевской гвардіи. Сынъ его, Жозефъ Артюръ, выросъ въ вполнѣ роялистской и католической атмосферѣ,—отмѣченной, впрочемъ, свободомысліемъ, свойственнымъ той эпохѣ. По словамъ Гобино, отецъ его вѣрилъ въ Вольтера какъ въ дьявола, въ Карла X какъ въ святого, и одинаково преклонялся передъ ними обоими. У Жозефа Артюра былъ нѣмецкій воспитатель, а школьное образованіе онъ получилъ во французской Швейцаріи. Революція 1830 года была катастрофой для семьи Гобино, не имѣвшей никакой связи съ буржуазной монархіей. Молодой Жозефъ Артюръ не могъ разсчитывать на карьеру, храня вѣрность легитимистскимъ традиціямъ своего рода. Ему оставалось только поступить на военную службу, не противорѣчащую фамильнымъ принципамъ и при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ. Отецъ Жозефа Артюра хотѣлъ опредѣлить его въ Сенъ-Сирскую школу, но будущій писатель, увлекавшійся въ юности Востокомъ, убѣдилъ отца, что его призваніе—стать оріенталистомъ. Онъ отправился въ Парижъ (отецъ его жилъ уединенно въ Бретани), гдѣ поселился у своего стараго дяди, богатаго холостяка, озлобленнаго революціей. Въ этой обстановкѣ развивался пессимизмъ будущаго историка и выработалось его оппозиціонное настроеніе противъ нарождавшагося и крѣпнувшаго во Франціи демократизма. Всѣ свои умственныя силы и огромную энергію Гобино употребилъ на изученіе восточныхъ языковъ, подготовляя матеріалъ для разрѣшенія вопроса, занимавшаго его съ юности,—вопроса о коренномъ различіи человѣческихъ расъ.

Подобно всѣмъ своимъ политическимъ единомышленникамъ, Гобино былъ обреченъ на бездѣйствіе въ теченіе пятнадцати лѣтъ правленія Луи-Филиппа, но это время онъ чрезвычайно плодотворно употребилъ на пріобрѣтеніе глубокихъ филологическихъ знаній. Ученыя работы не превратили, однако, молодого Гобино въ отшельника. Напротивъ того, онъ обогащалъ свой жизненный опытъ сношеніями съ людьми, велъ свѣтскую жизнь. Къ числу его близкихъ знакомыхъ принадлежали, между прочимъ, художники Ари и Генри Шеферы, у которыхъ онъ познакомился съ молодымъ Ренаномъ. Сношенія ихъ продолжались и потомъ; Ренанъ былъ хорошо знакомъ съ трудами Гобино и, по мнѣнію „гобинистовъ", отразилъ его историческіе принципы въ своихъ работахъ объ іудаизмѣ, также какъ ихъ отразилъ отчасти Тэнъ въ своей теоріи о значеніи расы и среды въ литературѣ. Дрейфюсъ считаетъ, что до нѣкоторой степени Гобино—предшественникъ Ренана и Тэна (прямое воздѣйствіе на нихъ Гобино онъ, однако, отрицаетъ), также какъ онъ въ еще большей степени предшественникъ Ницше. Все значеніе Гобино—именно въ томъ, что онъ предшественникъ нашего времени, *предугадавшій* нѣкоторыя истины современныхъ мыслителей. Многаго онъ не умѣлъ доказать, для многихъ интуицій создавалъ ложныя научныя теоріи, которыми такъ недобросовѣстно пользуются въ реакціонныхъ націоналистическихъ кругахъ, и дѣло изслѣдователя—выдѣлить въ его ученіи то, что въ немъ связано съ дальнѣйшимъ развитіемъ европейской мысли. „Гобино,— говоритъ Дрейфюсъ — затронулъ задачи, которыя получили болѣе широкую разработку послѣ него, и повліялъ на будущее черезъ посредство нѣкоторыхъ выдающихся умовъ, знакомыхъ съ его ученіемъ; то, что намеками предугадано въ произведеніяхъ Гобино, перешло къ намъ уже претвореннымъ, выросшимъ и выясненнымъ въ идеяхъ позднѣйшихъ мыслителей и писателей, связанныхъ съ нимъ общностью исканій и идеаловъ". Въ этомъ смыслѣ Дрейфюсъ и изучаетъ вліяніе Гобино, указывая въ исторіи его жизни и на непосредственныя сношенія его съ выдающимися писателями, учеными и художниками, болѣе прославившимися при жизни, чѣмъ онъ самъ.

Среди своихъ ученыхъ работъ, молодой Гобино пробовалъ силы въ художественномъ творчествѣ, писалъ разсказы изъ восточной жизни, печаталъ рыцарскіе романы—впрочемъ, очень посредственные и написанные только ради заработка,—написалъ трагедію „Александръ Македонскій", постановка которой въ Théâtre Français не состоялась изъ-за революціи 1848 года. Послѣ революціи судьба Гобино измѣнилась. Когда Токвилль неожиданно сталъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, онъ привлекъ въ свои сотрудники молодого оріенталиста, статьи котораго обратили на себя его вниманіе. Съ укрѣпленіемъ бонапар-

тизма, Гобино лишился этого мѣста, но при посредствѣ друзей получилъ дипломатическое назначеніе перваго секретаря посольства въ Бернѣ. Это было началомъ его дипломатической карьеры. Онъ къ тому времени настолько углубилъ свои взгляды на исторію, что сталъ философски относиться ко всякимъ политическимъ партіямъ и, вопреки своимъ прежнимъ легитимистскимъ взглядамъ, продолжалъ свою дипломатическую дѣятельность при имперіи. Къ демократіи онъ относился съ презрѣніемъ, но интриги роялистовъ его тоже отталкивали, и, относясь съ равнодушіемъ ко всякой активной политикѣ, онъ видѣлъ въ своей государственной службѣ только удобныя условія для занимавшей его работы. Изъ Берна онъ былъ посланъ къ гановерскому двору, потомъ во Франкфуртъ, гдѣ находился одновременно съ Бисмаркомъ. Въ 1853 году появились два первыхъ тома его „Essai sur l'inégalité des races", въ 1855—послѣдовали два послѣднихъ. Книги эти не могли содѣйствовать карьерѣ молодого дипломата, такъ какъ его рѣзкіе во всѣхъ отношеніяхъ взгляды создали ему много враговъ. Но Гобино вовсе не стремился сдѣлать блестящую карьеру—и былъ счастливъ, когда, выпустивъ въ свѣтъ свой трудъ, получилъ назначеніе секретаря посольства въ Персію, куда его влекли симпатіи къ Востоку. Онъ поселился въ Тегеранѣ, гдѣ пробылъ нѣсколько лѣтъ, побывавъ въ промежуткѣ въ Европѣ—и его любовь къ Востоку, чуткость къ впечатлѣніямъ восточной природы и восточныхъ народовъ, также какъ его философское освѣщеніе восточныхъ расъ сказались въ двухъ книгахъ, изданныхъ въ промежуткѣ возвращенія Гобино на родину. Эти двѣ книги: „Trois ans en Asie" (1855—58) и „Voyage à Terre Neuve". Въ 1864 году Гобино окончательно вернулся изъ Персіи, и послѣ того еще много путешествовалъ, служа во французскихъ посольствахъ въ Аѳинахъ (тамъ написана его „Histoire des Perses"), въ Ріо-де-Жанейро, гдѣ онъ былъ большимъ другомъ императора донъ-Педро. Послѣ войны, въ 1872 году, Гобино назначенъ былъ Тьеромъ посломъ въ Швецію, гдѣ пробылъ пять лѣтъ. До отъѣзда въ Стокгольмъ, Гобино выпустилъ въ свѣтъ нѣсколько чисто литературныхъ произведеній. Его сборникъ стиховъ, „Aphroessa"—очень посредственный и пользуется успѣхомъ только у его нѣмецкихъ поклонниковъ, которые цѣнятъ серьезность внутренняго содержанія и не чувствуютъ слабость поэтической формы. Изъ беллетристическихъ сборниковъ наиболѣе интересные—два тома новеллъ, „Souvenirs de voyage" и „Nouvelles asiatiques", романъ „Pléïades" и драматическія сцены „La Renaissance". Въ Стокгольмѣ Гобино продолжалъ работать, и послѣднимъ его произведеніемъ была „Исторія Оттара Ярла, норвежскаго пирата", вышедшая въ свѣтъ въ 1879 году. Этой книгой Гобино завершаетъ свое ученіе, прикрѣпляя его къ

своей родословной, доведенной до фантастическихъ скандинавскихъ предковъ, составляющей „сагу рода Гобино". Послѣдніе годы Гобино были грустные. Онъ получилъ неожиданно отставку въ 1877 году и поселился въ Римѣ. Онъ игралъ видную роль въ римскомъ свѣтскомъ обществѣ; въ Римѣ онъ познакомился съ Рихардомъ Вагнеромъ, у котораго гостилъ потомъ въ Байрейтѣ. Настроеніе Гобино въ послѣдніе годы его жизни, проведенные въ Римѣ, было очень пессимистическое, озлобленное противъ Франціи и, главнымъ образомъ, омраченное личными неудачами и въ смыслѣ круто оборвавшейся служебной карьеры, и литературнаго одиночества. Кромѣ нѣсколькихъ личныхъ друзей, никто не зналъ Гобино какъ писателя и мыслителя, и литературная слава досталась ему лишь нескоро послѣ его смерти. При жизни его знали и высоко цѣнили, кромѣ Ренана и Тэна, Вагнеръ, Меримэ, а въ послѣдніе годы—Ницше. Начиная съ 1881 года, Гобино часто хворалъ, ѣздилъ лечиться въ нѣмецкіе курорты—и умеръ внезапно, 13 октября 1882 года, въ Туринѣ, остановившись проѣздомъ въ отелѣ.

Жизнь Гобино, съ его семейными традиціями, столкновеніями съ нарождающимся демократическимъ строемъ, идеалами утраченнаго могущества, объясняетъ въ значительной степени его теоретическія воззрѣнія. Онъ чувствовалъ себя въ оппозиціи съ современной ему дѣйствительностью, жаждалъ исхода и опоры въ построеніи идеала, удовлетворяющаго его. И страннымъ образомъ, направляя свои пессимистическія мечтанія въ прошлое, въ вѣка докультурной древности, онъ предвосхитилъ идеалы смѣнившей его эпохи, идеалы нашего времени. Сфера вліянія Гобино—очень обширная. Въ области морали Гобино предвосхитилъ Ницше, или, вѣрнѣе,—намѣтилъ направленіе, по которому пошла мысль Ницше. Въ искусствѣ онъ далъ теоретическія обоснованія эстетическимъ взглядамъ Рихарда Вагнера, высказаннымъ въ его послѣднихъ теоретическихъ книгахъ; въ исторіи, какъ мы уже говорили выше, онъ оказалъ вліяніе на Ренана и Тэна; въ этнологіи къ его взглядамъ примыкаютъ многіе изъ современныхъ антропологовъ; въ политикѣ ученіе Гобино содержитъ всю теорію современнаго національнизма, превзойденную къ тому же и опровергнутую самимъ Гобино въ дальнѣйшемъ развитіи его идей. И даже въ области религіи Гобино оставилъ изслѣдованія о персидскомъ „бабизмѣ", интересъ къ которому особенно возродился въ послѣднее время.

Наиболѣе существенной стороной ученія Гобино Дрейфюсъ считаетъ его этическіе взгляды, сводя все его значеніе къ построенію аристократической морали. „Этическія исканія, — говоритъ онъ,— составляютъ ключъ ко всѣмъ воззрѣніямъ Гобино. Цѣлью всѣхъ его

работъ и мыслей было научное и философское построеніе „морали избранниковъ“. Чтобы установить основы этой морали, нужно опредѣлить, кто составляетъ избранниковъ, „духовную аристократію“ съ ея высшей моралью,—и всю свою жизнь Гобино занятъ былъ исканіемъ аристократіи духа. Сначала онъ искалъ ее въ расѣ, потомъ въ личности и, наконецъ, въ семьѣ. Расовое избранничество составляетъ содержаніе его главнаго труда, „Essai sur l'inégalité des races“; остальныя его произведенія рѣшаютъ вопросъ о духовномъ первенствѣ въ смыслѣ прославленія сильной личности—„королевскихъ сыновей“ (fils du roi), предвозвѣстниковъ ницшевскаго сверхъ-человѣка; въ концѣ жизни онъ сталъ искать избранничества въ семьѣ, создавъ свою „семейную сагу“. Дрейфюсъ справедливо замѣчаетъ, что воплощенія своего аристократическаго идеала Гобино не нашелъ—ни въ расѣ, ни въ семьѣ, ни въ личности,—что онъ скорѣе созидалъ какъ мечтатель, чѣмъ находилъ какъ научный изслѣдователь свой типъ избранниковъ въ исторіи человѣчества. Но важны не его научныя теоріи, а направленіе его исканій, философское предвидѣніе высшей индивидуалистической морали, мечта о свободномъ и сильномъ человѣкѣ. Важны вопросы, поднятые Гобино, а не его рѣшенія. Напротивъ того, рѣшенія, къ которымъ онъ приходилъ на время,—оставляя за собой свободу дальнѣйшихъ, болѣе вѣрныхъ,—привели къ печальнымъ результатамъ, создали графу Гобино союзниковъ, отъ которыхъ бы онъ, вѣроятно, отказался, какъ свободолюбивый искатель высшей морали. Остановившись на теоріи неравенства расъ и на преимуществахъ чистыхъ арійцевъ передъ всѣми другими, Гобино создалъ очень удобное орудіе для національнизма въ политикѣ, и въ частности для антисемитизма. Въ своемъ обстоятельномъ разборѣ „Очерка о неравенствѣ расъ“ Дрейфюсъ доказываетъ, однако, что выводы націоналистовъ изъ книги Гобино дѣлаются недобросовѣстно, и что считать его дѣйствительнымъ основателемъ политическаго національнизма нельзя. Есть много ошибочнаго и ненаучнаго въ его этнографическихъ теоріяхъ, но на ряду съ этимъ есть и много глубокаго,—а также именно разбивающаго теоріи націоналистовъ. Въ „Очеркѣ о неравенствѣ расъ“ Гобино разсматриваетъ исторію человѣчества какъ результатъ смѣшенія различныхъ расъ,—и это смѣшеніе онъ называетъ вырожденіемъ. Исторія человѣчества представляется ему „тканью огромныхъ размѣровъ“. „Низшія разновидности человѣческаго рода“ (черная и желтая расы) составляютъ „ея грубую основу, нитяную и шерстяную“; „второстепенныя семьи бѣлой расы (т.-е. семитическія племена) смягчаютъ эту ткань, вплетая въ нее свой шолкъ“, и наконецъ, „арійская группа, вплетаясь въ облагороженную ткань, покрываетъ ея поверхность своими серебряными и

золотыми арабесками". Другими словами, онъ устанавливаетъ іерархію расъ, направляя всю силу своихъ научныхъ доводовъ на доказательства коренного неравенства племенъ, помимо всякихъ географическихъ и культурныхъ факторовъ. Убѣдительность доводовъ Гобино оставляетъ желать многаго, и научное значеніе его труда въ настоящее время опровергнуто. Въ идейномъ смыслѣ важна, однако, только руководящая мысль его исканій — стремленіе найти идеалъ высшаго человѣчества. Изъ теоріи о неравенствѣ непосредственно вытекаетъ историческій пессимизмъ Гобино. Разрывъ его съ современной ему дѣйствительностью сказался въ томъ, что идеалъ чистой расы, воплощающей для него высшее совершенство, онъ видитъ только въ легендарномъ прошломъ человѣчества. Всякая культура — результатъ племенныхъ сліяній, т.-е. вырожденія сильныхъ и свободныхъ расъ, причемъ воспріимчивостью къ культурѣ онъ называетъ способность сліянія съ другими расами. Такимъ образомъ, Гобино въ своихъ идеалистическихъ мечтахъ—врагъ культуры во имя исчезающихъ мистическихъ элементовъ „избранничества" отдѣльныхъ расъ. Тутъ можно усмотрѣть связь Гобино съ славянофилами (объ этомъ конечно, не говоритъ ни Дрейфюсъ, ни другіе толкователи Гобино, не знакомые съ русскими идейными движеніями), со взглядами Достоевскаго и другихъ. Трагизмъ исторіи заключается для Гобино въ томъ, что она являетъ взорамъ несомнѣнное поступательное движеніе культуры, но что оно,—будучи результатомъ смѣшенія расъ (metissage),—обозначаетъ вырожденіе, переходъ отъ аристократизма избранныхъ расъ къ демократизму, отъ морали высшаго человѣка къ морали толпы, отъ морали господъ къ морали рабовъ. Врагъ демократизма является, такимъ образомъ, его предвозвѣстникомъ — въ этомъ особенность его ученія, соединяющаго гордыя мечты идеалиста, врага исторической дѣйствительности, съ трезвымъ провидѣніемъ историка, предсказывающаго грядущую демократизацію человѣческихъ обществъ.

Аристократизмъ Ницше, его „морали господъ и рабовъ", весь намѣченъ въ теоріи расъ Гобино. Его приверженцы поэтому правы, видя въ немъ непосредственнаго предшественника ницшеанства. Въ послѣднее время выяснилось, благодаря воспоминаніямъ сестры Ницше, что ея братъ былъ хорошо знакомъ съ трудами Гобино (она сама читала ему вслухъ „Essai sur l'inégalité des races") и очень высоко его цѣнилъ. Есть основаніе предполагать, что они встрѣчались и бесѣдовали другъ съ другомъ,—но это еще не установлено. Общность основныхъ исканій въ области морали у Ницше и Гобино несомнѣнна, и на ней справедливо настаиваютъ и гобинисты, и такіе безпристрастные изслѣдователи Гобино, какъ Дрейфюсъ. Но всѣ они не указываютъ почему-то на основное различіе этихъ двухъ мыслителей—

а между тѣмъ оно объясняетъ, почему Ницше сталъ однимъ изъ „учителей“ современности, въ то время какъ Гобино остался одинокимъ мечтателемъ, который интересуетъ благородствомъ своихъ идеаловъ, но не обогащаетъ жизнь плодотворными идеями. Различіе это заключается въ томъ, что Ницше строитъ идеалы грядущаго, что его сверхъ-человѣкъ скрытъ въ мистическихъ туманахъ будущей исторіи человѣчества, или даже переступаетъ границы исторіи и возносится въ область идеаловъ внѣ времени, „по ту сторону времени“. Стремленіе къ идеалу „сверхъ-человѣка“ означаетъ, поэтому, поступательное движеніе, путь къ совершенствованію. Даже при отрицательномъ отношеніи къ современной общественности съ ея демократизмомъ, съ ея „моралью рабовъ“, ницшеанство открываетъ безконечные горизонты личности, воспитывая во внутреннемъ сознаніи жажду индивидуальнаго совершенствованія, служенія высшей новой морали. А Гобино, въ противоположность Ницше, убиваетъ всякое движеніе впередъ. Его идеалъ высшей избранной расы—не „по ту сторону времени“, а „до времени“. Начало исторіи и культуры обозначаетъ для него начало вырожденія, и онъ не зоветъ человѣчество впередъ, а съ гордостью отодвигаетъ отъ себя культуру, безнадежно печалясь о мистическомъ прошломъ, объ исчезнувшихъ свободныхъ и могущественныхъ арійцахъ. Что это въ сущности, какъ не безплодный романтизмъ? Гобино отрицаетъ всѣ факторы культуры, все, что создало смѣшеніе расъ. Въ его „Очеркѣ о неравенствѣ расъ“ проступаетъ очень рѣзко враждебное отношеніе, напримѣръ, къ христіанству, предпочитающему смиренныхъ и слабыхъ сильнымъ; это тоже любопытное совпаденіе съ Ницше. Все, что приноситъ жизнь общественныхъ группъ, созидающихся изъ разнородныхъ племенныхъ величинъ, ведетъ къ разложенію, къ уничтоженію чистыхъ расовыхъ элементовъ, обусловливающихъ совершенство, — т.-е. идеалъ свободнаго и сильнаго человѣка.

Вотъ историческое ученіе Гобино. По существу оно безплодно, и въ этомъ—его основной недостатокъ. На скорби о минувшемъ нельзя строить философію исторіи, потому что противъ него возстаетъ инстинктъ жизни, управляющій и движеніемъ общественныхъ интересовъ, и внутренними поступательными стремленіями отдѣльной личности. И все же отрицательное по выводамъ ученіе Гобино заключаетъ въ себѣ элементы жизни. Онъ создалъ новый этическій идеалъ—сталъ мечтать о свободномъ и сильномъ человѣкѣ и искалъ его воплощенія. Поскольку онъ искалъ его въ прошломъ, построивъ свою іерархію расъ и разсматривая исторію какъ непрерывное вырожденіе,—Гобино представляетъ собой лишь устарѣвшаго для насъ романтика. Но въ своихъ этическихъ идеалахъ онъ—предшественникъ

нашей современности, и это въ достаточной степени оправдываетъ возродившійся къ нему интересъ.

Дрейфюсъ опровергаетъ въ своей книгѣ тѣхъ гобинистовъ, которые „открыли“ забытаго моралиста и историка для подкрѣпленія своихъ націоналистическихъ тенденцій въ политикѣ. Гобино стали восхвалять главнымъ образомъ нѣмецкіе націоналисты и антисемиты, основываясь на его предпочтеніи чисто арійскаго типа семитскому. Но Дрейфюсъ доказываетъ словами автора „Essai sur l'inégalité des races“, что Гобино въ своей іерархіи расъ имѣетъ въ виду доисторическіе типы чистыхъ расъ, что, говоря о семитическомъ типѣ, онъ не имѣетъ въ виду евреевъ, тоже уже являющихся продуктомъ смѣшенія, какъ и другія племена. Для Гобино нѣтъ чистыхъ арійцевъ въ исторіи. Уже Гомеровскій Одиссей для него типъ „семитизированнаго арійца“,—такъ что считать Гобино теоретикомъ и предвозвѣстникомъ антисемитизма въ современномъ смыслѣ—тенденціозное извращеніе его идей. Въ этомъ Дрейфюсъ и обвиняетъ нѣмецкихъ гобинистовъ.

Указавъ на общій смыслъ и значеніе „Очерка о неравенствѣ расъ“, Дрейфюсъ обращаетъ вниманіе на нѣкоторыя частности, интересныя для оцѣнки историческаго чутья, умственной силы и писательскаго таланта Гобино. Эти качества—помимо указаннаго нами идейнаго замысла—придаютъ книгѣ Гобино выдающійся интересъ, несмотря на произвольность и романтичную фантастичность его теоріи расъ. Интересны, напримѣръ, его оцѣнки существующихъ племенныхъ типовъ. Онъ считатъ ихъ уже результатомъ безчисленныхъ смѣшеній и только эквивалентомъ исчезнувшихъ чистыхъ расъ. Но въ каждой изъ существующихъ основныхъ расъ (черной, желтой и бѣлой) онъ выясняетъ и отмѣчаетъ то, что она внесла благотворнаго въ культуру („идеалистически“ Гобино видитъ зло въ культурѣ, но, признавая ее какъ историческій законъ, цѣнитъ съ несомнѣнной чуткостью все, что способствуетъ культурному развитію человѣчества). Любопытна, напримѣръ слѣдующая его характеристика желтой расы: „Желтые практичны въ узкомъ смыслѣ этого слова. Они не мечтаютъ, не увлекаются теоріями, мало одарены творческой силой, но умѣютъ оцѣнивать и воспринимать то, что имъ можетъ оказать пользу. Это мелкобуржуазное племя, которое можетъ создать удобную почву для насажденія культуры. Но для жизненности общества его одного недостаточно. Оно не можетъ создать ни силы, ни истинной красоты и творческой активности“. Эта характеристика желтой расы, сдѣланная въ 1855 году, представляетъ во всякомъ случаѣ интересъ въ настоящее время. Въ высшей степени любопытны также характеристики черной расы, съ ея художественными инстинктами, и высшей

бѣлой расы, создавшей понятіе чести, какъ основного жизненнаго принципа.

Историческіе взгляды Гобино изложены въ его „Очеркѣ о неравенствѣ расъ". Судьба этого произведенія, возродившійся въ наше время интересъ къ нему объясняется, какъ мы видимъ, тѣмъ, что въ немъ увидѣли опору для себя націоналисты разныхъ странъ, въ особенности нѣмецкіе. Дрейфюсъ доказываетъ, что такъ же, какъ нельзя считать Гобино предшественникомъ антисемитизма, нельзя видѣть въ немъ и предвозвѣстника современнаго націонализма. Націоналисты считаютъ, какъ и Гобино, расу главнымъ историческимъ факторомъ, но для нихъ неизмѣнность расы съ ея традиціями и культурой является исторической необходимостью, которую они кладутъ въ основу своей проповѣди. Гобино же, напротивъ того, доказываетъ что въ основѣ культуры лежитъ вѣчное смѣшеніе расовыхъ элементовъ, что бурный потокъ культуры влечетъ человѣчество отъ первобытнаго неравенства, создавшаго высшіе племенные типы, къ этническому и соціальному равенству. По ученію Гобино нѣтъ ни равенства, ни братства, ни демократизма,—но они образуются. Націоналисты хотятъ опровергнуть законы исторіи и природы. Они проповѣдуютъ неизмѣнность національнаго „я", считая ее возможной. Гобино же, признавая прискорбность этихъ законовъ, покорствуетъ имъ и, при всемъ своемъ аристократизмѣ, предсказываетъ несомнѣнное торжество демократизма и принциповъ равенства. Этимъ онъ кореннымъ образомъ разнится отъ націоналистовъ, заявляющихъ себя его продолжателями.

Изъ историческихъ теорій Гобино выясняются его этическіе критеріи для опредѣленія высшаго типа. Онъ характеризуется для него красотой, силой, высшимъ духовнымъ совершенствомъ, энергіей, чувствомъ собственнаго достоинства. Всѣ эти качества, по его убѣжденію, вырождаются въ современномъ обществѣ, въ которомъ, по его выраженію, „энергія перешла отъ человѣка къ пару" и т. д. Какъ раса, высшій типъ исчезъ съ началомъ исторіи. Болѣе конкретно Гобино доказываетъ это на примѣрѣ персовъ, въ своей „Histoire des Perses", написанной очень интересно и художественно, съ великолѣпными описаніями восточной жизни.

Въ дальнѣйшихъ своихъ произведеніяхъ Гобино сильно измѣнилъ свою точку зрѣнія. Путешествія, знакомство съ жизнью разныхъ странъ побѣдили отчасти его пессимизмъ, направили его исканія аристократическаго идеала въ сторону избранныхъ личностей и сдѣлали его предвѣстникомъ индивидуалистической морали нашихъ дней. Кромѣ новеллъ, эти взгляды наиболѣе полно отразились въ романѣ „Les Pléïades" (1874), гдѣ онъ устанавливаетъ іерархію отдѣльныхъ типовъ въ современномъ обществѣ. Впереди всѣхъ стоятъ „сыны королей"

(fils du roi), а за ними идетъ толпа, которую онъ подраздѣляетъ на „глупцовъ“ (imbéciles), „негодяевъ“ (drôles) и „скотовъ“ (brutes). Рѣзкость этихъ формулировокъ достаточно характеризуетъ презрительное и враждебное отношеніе Гобино къ современному обществу. Но важно опредѣленіе первой категоріи, „fils du roi“, въ которой онъ видитъ качества, характеризующія избранныя натуры. Интересна главнымъ образомъ общность „fils du roi“ Гобино съ идеаломъ сверхъчеловѣка у Ницше. Тѣ же мысли составляютъ содержаніе драматическихъ сценъ Гобино „La Renaissance“ (1877)—и дальнѣйшее развитіе его идеаловъ представляетъ его семейная сага, „Исторія Оттара Ярла“, въ которой онъ устанавливаетъ связь своего рода съ потомками Одина. Этотъ „германизмъ“ тоже объясняетъ симпатіи къ Гобино въ Германіи.

Въ общемъ, Гобино, несомнѣнно, очень интересенъ какъ мыслитель и писатель, и заслуживаетъ возрожденія своей славы. Нужно только изучать его объективно, какъ предшественника современныхъ идей, а не строить политическія теоріи человѣконенавистничества на его историческихъ доказательствахъ, — т.-е. на томъ, что̀ въ немъ наименѣе интересно.—З. В.

ПО ПОВОДУ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ВЫБОРОВЪ.

Письмо въ Редакцію.

Государственные акты 6-го августа, помѣщенные въ сентябрьской книжкѣ вашего журнала, знаменуютъ собой окончательное торжество въ Россіи принциповъ европейскаго просвѣщенія и культуры. Если двѣсти лѣтъ тому назадъ Россія усвоила себѣ господствовавшій въ то время просвѣтительный абсолютизмъ, насадившій въ ней начала европейской гражданственности, то въ нынѣшнемъ году въ ней положено начало новой эрѣ либерализма въ государственной и общественной жизни.

Русское общество призвано къ участію въ устройствѣ собственной судьбы, въ опредѣленіи тѣхъ путей, которые должны повести его къ дальнѣйшему благоустройству и преуспѣянію. Начало самоуправленія, положенное сорокъ лѣтъ тому назадъ въ основу мѣстныхъ земскихъ и городскихъ учрежденій, навсегда обезпечено, и строй городскихъ думъ и земскихъ учрежденій увѣнчанъ Государственной Думою. Правительство сдѣлало свое дѣло; оно призвало общество къ соучастію въ законодательствѣ и къ контролю надъ управленіемъ. Успѣхъ этого дѣла, обезпеченіе политической свободы въ странѣ, зависитъ теперь уже отъ самого русскаго общества. Скоро наступитъ день, о которомъ мечтали два поколѣнія русскихъ людей, наступитъ день выборовъ въ Государственную Думу; пора каждому подумать о программѣ, которою будутъ руководствоваться избиратели и могущія образоваться среди нихъ партіи. Настроеніе, которое охватитъ общество во время выборовъ, будетъ имѣть громадное значеніе для Государственной Думы, а отъ первыхъ шаговъ этого учрежденія будетъ зависѣть успѣхъ его и упроченіе принципа свободы въ Россіи.

Издавна принято называть людей, сочувствующихъ политической свободѣ—либералами, а принципъ, которымъ они руководятся—либерализмомъ. Подъ вліяніемъ духа времени, теоретическихъ ученій или мѣстныхъ практическихъ потребностей, либерализмъ проявлялся въ разныхъ формахъ, но все же ему должна быть присуща существенная черта, отличающая его отъ другихъ направленій. Въ чемъ же заключается—примѣняя выраженіе Тэна—*господствующая* черта либерализма? Она хорошо формулирована однимъ изъ великихъ геніевъ XIX-го вѣка, пережившимъ революцію 1789 года съ ея благими и вредными послѣдствіями для Франціи: „Истинный либерализмъ старается всѣми находящимися въ его распоряженіи средствами достигнуть лучшаго, не вооружаясь огнемъ и мечомъ противъ недостатковъ настоящаго, — такъ какъ онъ, напротивъ, пользуется хорошимъ, чтобы достигнуть лучшаго“. Слова: „съ огнемъ и мечомъ“—нѣтъ, конечно, надобности понимать въ буквальномъ смыслѣ — бываетъ огонь и въ словахъ; и не даромъ сказалъ о своей рѣчи извѣстный ораторъ, что онъ бросилъ въ собраніе мечи для взаимнаго самоистребленія его членовъ.

Въ приведенной выше формулѣ, какъ она ни коротка, заключается цѣлая программа. Программа эта исключаетъ борьбу представительства съ правительствомъ изъ-за *власти* и налагаетъ на него обязанность ставить на первый планъ *дѣло* и заботу о реальныхъ интересахъ страны. Приверженцы либерализма не должны руководиться теоретическими соображеніями о несовершенствѣ совѣщательныхъ собраній и сѣтованіями о представительствѣ, не основанномъ на безусловномъ suffrage universel. Это значило бы придавать слишкомъ много значенія теоріямъ и формамъ и имѣть слишкомъ мало вѣры въ закономѣрность эволюціи, которой подлежатъ человѣческія общества.

Политика—въ смыслѣ государственнаго управленія—не есть догматика, а искусство распознавать и осуществлять возможное и полезное для государства. Героическое время политическаго краснорѣчія миновало; принципы, возвѣщавшіеся рѣчами 1792 и 1848 годовъ, стали общеизвѣстными. Прислушиваясь къ рѣчамъ въ избирательныхъ собраніяхъ и въ Государственной Думѣ, Европа будетъ искать въ нихъ политическаго благоразумія, а не увлеченія тѣми или другими политическими образцами. Слишкомъ звонкія рѣчи, выходящія за предѣлы либерализма, вызвали бы въ Европѣ, у друзей и у недруговъ Россіи, лишь сомнѣніе въ устойчивости новаго, достигнутаго ею, либеральнаго строя.

Но гораздо значительнѣе вредъ, который принесла бы борьба изъ-за власти внутри Россіи: политика завладѣла бы мѣстными учрежденіями, земскими собраніями и городскими думами; самое отдаленное земство и самый незначительный городокъ захотѣли бы принять участіе въ общемъ движеніи, и мѣстныя учрежденія забыли бы о мѣстныхъ интересахъ, ради которыхъ они существуютъ. Возбужденіе отъ нихъ перешло бы къ обществу; избиратели нашли бы, что ихъ роль не окончена у избирательнаго ящика, но что они призваны поддерживать, направлять или осуждать избранныхъ ими представителей.

Но нельзя было бы себѣ представить худшихъ условій для дѣятельности представительнаго собранія, какъ такое вмѣшательство мѣстныхъ учрежденій и всѣхъ и каждаго въ государственное дѣло.

Слѣдуетъ ли говорить о томъ гибельномъ вліяніи, которое такая анархія возъимѣла бы на народныя массы и ихъ благосостояніе,—но нельзя не упомянуть о роковомъ значеніи ея для той части русскаго общества, которая будетъ представлять его черезъ два, три десятилѣтія. Политическая экзальтація, за которой такъ часто слѣдуютъ равнодушіе и разочарованіе во всякихъ идеалахъ—плохая гражданская школа въ томъ возрастѣ, когда долженъ созрѣвать умъ въ усидчивомъ трудѣ и послѣдовательныхъ занятіяхъ наукой. Одинъ либерализмъ способенъ сохранить въ критическую минуту справедливость и гуманность и открыть для Россіи новую эру политической свободы безъ такого матеріальнаго и нравственнаго ущерба, которымъ поплатилась за свободу „старшая дочь“ ея на материкѣ Европы.

В. Герье.

Свинемюнде-бадъ, бл. Штеттина.
Сентябрь 1905 г.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 октября 1905.

Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.—Экономическая программа съѣзда.—Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію“ Россіи?—Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье.—Перемѣна въ положеніи нашей высшей школы.—Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей.—Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожая.—Постановленіе с.-петербургскаго дворянства.—Нѣсколько печальныхъ фактовъ.

Въ половинѣ истекшаго сентября мѣсяца, въ Москвѣ происходило частное совѣщаніе земскихъ и городскихъ дѣятелей. Заимствуемъ изъ газетъ текстъ обращенія его къ избирателямъ. „Въ теченіе послѣднихъ десяти мѣсяцевъ, съѣздъ выработалъ свою программу, какъ опредѣленной общественно-политической группы. Программа эта не партійная, а настолько общая, что она могла объединить около себя дѣятелей, которые на отдѣльные вопросы смотрятъ различно, но одинаково стремятся къ дѣйствительному устраненію главнаго зла русской жизни,—чиновничьяго всемогущества,—путемъ введенія правильнаго народнаго представительства и признанія государствомъ правъ человѣка и гражданина. Въ настоящее время, благодаря изданію закона 6-го августа, къ прежнимъ способамъ выраженія общественнаго мнѣнія прибавился новый: Россія стоитъ наканунѣ выборовъ въ Государственную Думу, и вопросъ о томъ, какъ воспользоваться этимъ средствомъ, становится самымъ насущнымъ и очереднымъ вопросомъ. По существу дѣла, законъ 6-го августа не далъ ничего, что̀ могло бы дѣйствительно устранить недостатки нашего теперешняго строя и вывести Россію изъ тяжелаго положенія, въ какомъ она находится. Онъ не сдѣлалъ ничего, что̀ могло бы успокоить страну и направить ея силы къ полезной, созидательной работѣ. Вмѣсто того, чтобы дать *всему* населенію выбрать своихъ представителей въ Государственную Думу, онъ призвалъ къ выборамъ, съ одной стороны, лицъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ и опредѣлилъ размѣры его очень высоко, съ другой стороны—по отношенію къ выборамъ отъ крестьянъ установилъ сложный порядокъ и собственно далъ право выборовъ не крестьянамъ, а волостному сходу. Вмѣсто того, чтобы привлечь избирателей къ общимъ выборамъ, законъ раздѣлилъ ихъ на разряды отчасти по интересамъ, отчасти по сословнымъ признакамъ. Вмѣсто того, наконецъ, чтобы поставить народнаго представителя въ воз-

можно близкія отношенія къ его избирателямъ, законъ опредѣлилъ для разныхъ разрядовъ избирателей выборы двухстепенные, трехстепенные и даже четырехстепенные. По всѣмъ этимъ причинамъ число избирателей будетъ считаться сотнями и тысячами въ такой странѣ, какъ Россія, гдѣ они должны считаться милліонами. Совершенно неправильно поставивъ выборы, законъ такъ же неправильно опредѣлилъ права и обязанности Государственной Думы. Онъ не предоставилъ ей рѣшающаго голоса въ законодательствѣ: Дума можетъ обсуждать переданный въ нее проектъ закона, можетъ внести въ него важныя измѣненія, можетъ совсѣмъ отвергнуть его, но проектъ все-таки пойдетъ дальше на разсмотрѣніе въ Государственномъ Совѣтѣ, и въ концѣ концовъ можетъ быть изданъ законъ, который Дума признала ненужнымъ или вреднымъ. Сама Дума можетъ предложить новый законъ, но разработка и движеніе ея предположеній зависятъ отъ усмотрѣнія министровъ. Такимъ образомъ и послѣ учрежденія Государственной Думы составленіе и проведеніе законовъ по прежнему останется въ рукахъ чиновниковъ, какъ это было и раньше. Дума разсматриваетъ проектъ государственной смѣты, но, какъ и относительно проектовъ законовъ, у нея нѣтъ рѣшающаго голоса, да къ тому же еще очень важные вопросы финансоваго характера могутъ вовсе миновать Думу. Дума не имѣетъ права контроля министровъ: ей предоставлено только на извѣстныхъ, очень ограничительныхъ условіяхъ просить министра о разъясненіяхъ, причемъ министръ можетъ отвѣтить очень нескоро, а можетъ и совсѣмъ не отвѣтить. Законъ о Государственной Думѣ совершенно обошелъ вопросы о свободѣ слова и печати, о свободѣ сходокъ, собраній, союзовъ, о правахъ личности а между тѣмъ безъ строгаго обезпеченія этихъ свободъ и правъ какіе возможны правильные выборы и возможна ли вполнѣ правильная и цѣлесообразная дѣятельность народнаго представительства? Не давъ никакихъ обезпеченій политической свободы, реформа 6-го августа не приняла также никакихъ мѣръ для возстановленія правъ лицъ, которыя пострадали за такъ-называемыя государственныя преступленія по суду или безъ суда,—мѣра, безусловно необходимая, хотя бы даже и при такомъ измѣненіи государственнаго строя, какое произведено учрежденіемъ Государственной Думы. При такомъ характерѣ Государственной Думы участіе въ предстоящихъ выборахъ является тяжелой обязанностью, и только сознаніе гражданскаго долга заставляетъ участвовать въ выборахъ съ цѣлью добиваться скорѣйшаго измѣненія всѣхъ указанныхъ неправильностей. Первая и главная задача Государственной Думы и должна, по мнѣнію съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей, состоять въ томъ, чтобы выставить и провести необходимость преобразованія самой Государственной Думы. Для до-

стиженія этой цѣли необходимо, чтобы избиратели высказались черезъ своихъ выборщиковъ за такихъ кандидатовъ въ члены Государственной Думы, которые бы имѣли прежде всего въ виду дальнѣйшее усовершенствованіе самой Думы и съумѣли бы отстаивать правильныя основанія для этого усовершенствованія. Конечно, велики и другія нужды и потребности Россіи, помимо только-что указанныхъ. Съѣздъ городскихъ и земскихъ дѣятелей старался выяснить осуществимыя мѣры для ихъ удовлетворенія. Прежде всего съѣздъ призналъ настоятельно необходимымъ увеличеніе площади землепользованія, основаннаго на началахъ личнаго труда, какъ безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, такъ и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными и кабинетскими землями, а въ случаѣ надобности—отчужденіе государствомъ части частновладѣльческихъ земель, съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой оцѣнкѣ. Далѣе съѣздъ стоитъ за отмѣну выкупныхъ платежей и за законодательное урегулированіе арендныхъ отношеній путемъ упроченія пользованія арендованной землей, обезпеченія правъ арендатора на произведенныя имъ, но не использованныя къ окончанію арендnаго срока затраты на улучшеніе, и путемъ противодѣйствія чрезмѣрному повышенію арендныхъ цѣнъ посредствомъ ихъ урегулированія. Съѣздъ признаетъ также необходимымъ улучшеніе условій жизни и работы трудящагося населенія во всѣхъ отрасляхъ народнаго хозяйства путемъ широкаго развитія рабочаго законодательства, сокращенія рабочаго дня и предоставленія рабочимъ всѣхъ необходимыхъ средствъ мирной защиты своихъ интересовъ (права стачекъ, свободы союзовъ и проч.). По отношенію къ финансамъ Россіи съѣздъ стоитъ за коренное измѣненіе существующей системы обложенія въ цѣляхъ справедливаго распредѣленія налоговой тягости. Затѣмъ съѣздъ признаетъ необходимымъ скорѣйшее и полное уравненіе крестьянъ въ правахъ съ другими гражданами; онъ рѣшительно стоитъ за уничтоженіе всякихъ ограниченій въ правахъ личности по религіознымъ или національнымъ основаніямъ. Съѣздъ выдвигаетъ также вопросъ о правильной постановкѣ независимаго суда, о преобразованіи и повсемѣстномъ распространеніи самоуправленія, такъ, чтобы мѣстныя дѣла рѣшались и выборными мѣстными людьми. Не менѣе важна, по мнѣнію съѣзда, самая широкая постановка вопроса о народномъ образованіи. Необходимо введеніе всеобщаго безплатнаго начальнаго обученія; начальная школа должна быть передана въ завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; мѣстное самоуправленіе и общество должны принять близкое участіе въ ихъ завѣдываніи. Университеты и другія высшія учебныя заве-

денія должны получить полное самоуправленіе и свободу преподаванія; женщины должны быть допущены въ нихъ наравнѣ съ мужчинами. Наконецъ, между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени до высшей. Но при всей важности и настоятельности всѣхъ перечисленныхъ задачъ съѣздъ убѣжденъ, что полнаго и цѣлесообразнаго разрѣшенія ихъ, какъ и удовлетворенія другихъ нуждъ страны, возможно добиться только тогда, когда создастся правильное народное представительство. А для того, чтобы добиться этой цѣли, нужно, чтобы какъ можно большее число представителей, посланныхъ въ Думу, безъ различія оттѣнковъ во взглядахъ на всѣ другіе вопросы, сошлись и согласились на одинаковомъ пониманіи первой и главной задачи—политической реформы Думы и обезпеченія основныхъ правъ гражданина. Такимъ образомъ, не отказываясь отъ преслѣдованія всѣхъ тѣхъ цѣлей, которыя намѣчены въ программныхъ постановленіяхъ съѣздовъ, на предстоящихъ выборахъ съѣздъ призываетъ всѣхъ избирателей объединиться около слѣдующей краткой и опредѣленной избирательной программы: 1) обезпеченіе правъ личности, свобода слова и печати, свобода сходокъ, собраній, союзовъ; 2) установленіе выборовъ на основѣ всеобщаго избирательнаго права; 3) рѣшающій голосъ Думы въ законодательствѣ и право дѣйствительнаго контроля надъ бюджетомъ и администраціей. Только скорѣйшимъ осуществленіемъ этихъ первыхъ насущныхъ задачъ можно успокоить страну, вывести ее изъ теперешняго ея тяжелаго положенія, направить всѣ ея силы къ дѣйствительному обновленію и широкому развитію нашей жизни, обезпечить правильное и цѣлесообразное удовлетвореніе нуждъ и потребностей народа. Мы призываемъ поэтому всѣхъ избирателей, сознающихъ исключительную важность настоящаго положенія, соединиться для достиженія ближайшей цѣли, откинувъ всѣ споры и разногласія по вопросамъ, рѣшать которые придется только впослѣдствіи".

На избирательной агитаціи, какъ на преддверіи выборовъ въ Государственную Думу, сосредоточивается все больше и больше вниманіе широкихъ своевъ русскаго общества и русскаго народа. Потеряла или, по меньшей мѣрѣ, теряетъ почву несчастная мысль о такъ называемомъ „бойкотѣ" Думы, т.-е. о непринятіи участія въ выборахъ. Она встрѣтила возраженія и со стороны такихъ органовъ печати, какъ „Русскія Вѣдомости", „Право", „Русь", и со стороны такихъ учрежденій, какъ академическій союзъ, и, наконецъ, со стороны съѣзда земскихъ и городскихъ дѣятелей. Въ іюльскомъ собраніи съѣзда за бойкотъ было произнесено не меньше рѣчей, чѣмъ противъ него;

трудно было предвидѣть, на чемъ остановится большинство. Два мѣсяца спустя, въ сентябрьскомъ собраніи, за бойкотъ былъ поданъ только *одинъ* голосъ. Особенно энергично возставали противъ него впервые явившіеся на съѣздъ представители западнаго края. И это совершенно понятно. Въ первый разъ послѣ долгаго молчанія—на окраинахъ еще болѣе глубокаго и полнаго, чѣмъ въ земской Россіи,—жители опальныхъ губерній почувствовали себя гражданами, призванными къ общему дѣлу; въ первый разъ они увидѣли передъ собою дорогу, ведущую, хотя и не прямо, къ лучшему будущему. Для нихъ было немыслимо отказаться отъ возможнаго движенія, пожертвовать дѣйствительностью изъ-за неопредѣленныхъ ожиданій. Они понимали—какъ понималъ и весь съѣздъ,—что участіе въ выборахъ и въ самой Думѣ вовсе не равносильно признанію новаго порядка чѣмъ-то окончательнымъ и прочнымъ. Внутри Думы мирное стремленіе впередъ можетъ имѣть больше шансовъ успѣха, чѣмъ внѣ ея или безъ нея. Черезъ Думу, по удачному выраженію одного изъ самыхъ убѣжденныхъ противниковъ бойкота [1]), „ведетъ путь къ конституціонно-демократической реформѣ“.

Въ той же статьѣ, откуда мы взяли только-что приведенныя слова, совершенно правильно указано и чувство, которымъ „продиктована тактика бойкота“. Это чувство—„недовѣріе къ либерализму“. Вопроса о томъ, справедливо ли такое недовѣріе, авторъ статьи не ставитъ: онъ ограничивается разборомъ тѣхъ практическихъ заключеній, къ которымъ оно приводитъ. Попробуемъ подойти поближе къ самой сущности дѣла. Въ періодъ коренныхъ преобразованій, о которыхъ русскіе передовые люди мечтали еще столѣтіе тому назадъ, которыя не разъ, но всегда нерѣшительно и мимолетно, ставились на очередь и въ правящихъ сферахъ, Россія вступаетъ поздно, очень поздно. Отсюда обширность и сложность, отсюда и затруднительность предстоящей ей задачи. Въ Западной Европѣ политическая реформа совершалась либо тогда, когда соціальные вопросы едва зарождались въ небольшихъ кружкахъ, не проникая въ народныя массы, либо тогда, когда они, нѣсколько болѣе выдвинувшись наружу, не успѣли еще создать ни опредѣленныхъ формулъ, ни твердой организаціи. Первую комбинацію условій представляла собою Франція въ 1789-мъ, Германія—въ 1848-мъ году, вторую—Франція 1848-го года. Съ тѣхъ поръ многое перемѣнилось: соціальныя требованія выступили на первый планъ уже потому, что требованія политическія получили почти вездѣ если не полное, то во всякомъ случаѣ весьма широкое удовлетвореніе. Россію, въ теченіе цѣлаго вѣка, тщательно старались отго-

[1]) В. М. Гессена, въ № 36 „Права“.

родить отъ „тлетворнаго“ Запада—но если идеи, по извѣстному нѣмецкому выраженію, не подлежатъ остановкѣ на таможнѣ, то столь же безсильны противъ нихъ и всякаго рода карантины. Къ умственному общенію, не прекращавшемуся даже въ эпохи наиболѣе строгой пограничной охраны, присоединилось, въ послѣднее время, и нѣкоторое сходство внѣшнихъ условій. Много способствовало послѣднему усиленное покровительство фабричной промышленности. Отдѣльныя *группы рабочихъ*, умножаясь и распространяясь, образовали отсутствовавшій у насъ еще недавно *рабочій классъ*. Когда разорвалась завѣса, за которой, мало замѣчаемыя или оптимистически толкуемыя, происходили всѣ эти явленія, число назрѣвшихъ задачъ оказалось неожиданно крупнымъ—тѣмъ болѣе крупнымъ, что между ними есть и самостоятельно выросшія на русской почвѣ: достаточно назвать вопросъ аграрный, у насъ далеко не укладывающійся въ тѣ рамки, какія сложились для него на Западѣ. Здѣсь-то и нужно искать объясненіе тому, что освободительное движеніе въ Россіи осложнилось элементомъ недовѣрія къ приверженцамъ освобожденія.

Изъ того, что недовѣріе объяснимо, еще не слѣдуетъ, конечно, чтобы оно было основательно и справедливо. Источникъ недоразумѣній заключается, отчасти, въ самомъ словѣ: *либерализмъ*. Взятое само по себѣ, оно означаетъ только стремленіе къ политической и гражданской свободѣ, во всѣхъ ея видахъ; понимаемое въ томъ специфическомъ смыслѣ, какой ему дала западно-европейская жизнь въ первой половинѣ XIX-го вѣка, оно обнимаетъ собою, сверхъ того, извѣстное экономическое ученіе. У насъ амальгама политическаго свободомыслія съ принципомъ государственнаго невмѣшательства, съ формулой laissez faire, laissez passer, никогда не находила значительнаго числа сторонниковъ и давно уже не имѣетъ ихъ почти вовсе. Въ Россіи нѣтъ такого общественнаго класса, въ символъ вѣры котораго входило бы безусловное сохраненіе экономическаго statu quo: слишкомъ мало точекъ опоры для такого квіетизма представляетъ міросозерцаніе русской народной массы. Нѣтъ, слѣдовательно, непримиримаго противорѣчія между русскимъ „либерализмомъ“ и другими, дальше идущими теченіями; нѣтъ причины опасаться, что, побѣдивъ, „либерализмъ“—какъ полагаетъ одинъ изъ его противниковъ—„займется укрѣпленіемъ іерихонскихъ стѣнъ за счетъ тѣхъ, кто остался за порогомъ“. Побѣда „либерализма“—необходимое условіе для дальнѣйшаго прогрессивнаго движенія, все равно, какимъ бы темпомъ оно ни пошло и какое бы направленіе ни получило. Подбрасыванье палокъ подъ колеса „либерализма“—занятіе, которое слѣдовало бы предоставить всецѣло разнымъ категоріямъ „истинно-русскихъ людей“. Подъ знаменемъ „либерализма“ организовался общеземскій съѣздъ, съигравшій столь выдаю-

щуюся роль въ событіяхъ послѣдняго времени; подъ тѣмъ же знаменемъ онъ остается и теперь, когда къ его политической платформѣ присоединилась экономическая, широко ставящая вопросы аграрный и рабочій и рѣшающая ихъ не въ интересахъ личнаго землевладѣнія и торгово-промышленной буржуазіи. Все предлагаемое съѣздомъ осуществимо—осуществимо безъ насилія, безъ катаклизма. Для намѣчаемой работы приготовлено если не все, то многое: она не требуетъ „скачка въ темноту", не влечетъ за собою потрясенія всего общественнаго строя.

Существуетъ точка зрѣнія, съ которой мирный характеръ общеземской программы представляется величайшимъ ея недостаткомъ. Мы видимъ въ немъ, наоборотъ, неоцѣнимое ея достоинство. Не будемъ говорить о всѣмъ извѣстныхъ историческихъ фактахъ, показывающихъ съ достаточною ясностью, что за рѣзкимъ уклоненіемъ въ одну сторону неизбѣжно слѣдуетъ столь же рѣзкое уклоненіе въ другую: остановимся лишь на особыхъ условіяхъ, въ которыхъ находится современная Россія. Громадная масса народа только теперь пробуждается къ сознательной жизни; ея умственный горизонтъ ограниченъ, ея политическое воспитаніе едва начато, она находится почти всецѣло подъ властью преданія и инстинктовъ. При свѣтѣ свободы темнота разсѣется скоро, и нѣтъ надобности ждать ея исчезновенія, чтобы призвать народъ къ правильному участію въ государственной жизни; но, сразу предоставленный самому себѣ, народный потокъ не нашелъ бы своего настоящаго русла и, ничего не оплодотворяя, произвелъ бы только безцѣльныя и трудно поправимыя опустошенія. Судить о томъ, что̀ принесъ бы съ собою для Россіи стихійный переворотъ, можно, отчасти, по тому, что мы видѣли въ теченіе послѣднихъ мѣсяцевъ. Убійствъ, поджоговъ, посягательствъ на личность и на имущество было много, слишкомъ много—а въ чемъ же выразились ихъ результаты? Приблизили ли они хоть на одинъ шагъ перемѣну къ лучшему въ судьбѣ народа?.. Къ горючимъ матеріаламъ, накопленнымъ вѣками безправія и нужды, присоединяется у насъ національная вражда, въ такихъ ужасныхъ формахъ разразившаяся на Кавказѣ, да отчасти и на другихъ окраинахъ Россіи. Чтобы смягчить эту вражду, чтобы превратить ее въ мирное соревнованіе, необходимы долгіе годы спокойной работы, объединяющей разрозненные элементы, облегчающей взаимное пониманіе и уваженіе. И въ этомъ направленіи большимъ шагомъ впередъ является программа общеземскаго съѣзда, провозгласившая право національностей на свободное культурное развитіе, признавшая, въ принципѣ, законность областной автономіи, гдѣ ея требуютъ историческія или другія мѣстныя условія. Областная автономія не только не разрушаетъ цѣлость государства, но, наоборотъ, даетъ ей болѣе прочную

и надежную основу. Въ вѣдѣніе областныхъ учрежденій должны перейти лишь нѣкоторыя отрасли законодательства и управленія, всего тѣснѣе связанныя съ мѣстными интересами; къ центру, и только къ центру, должно тяготѣть все то, что́ неразрывно соединено съ интересами цѣлаго. Нѣтъ никакой надобности—и это весьма ясно подчеркнуто въ одной изъ резолюцій съѣзда—въ раздѣленіи всей Россіи на автономныя области. Рѣчь идетъ не о систематическомъ обособленіи, не объ обособленіи во что бы то ни стало, хотя бы ничѣмъ не вызываемомъ и ни для кого не нужномъ: рѣчь идетъ только объ удовлетвореніи потребностей, давно назрѣвшихъ—и притомъ объ удовлетвореніи ихъ тогда, когда будутъ сдѣланы первые рѣшительные шаги по новой дорогѣ [1]). Слишкомъ долго продолжались попытки создать формальное единство, построить его исключительно на внѣшней силѣ; слишкомъ ярко обнаружилась, особенно въ послѣднее время, тщета подобныхъ попытокъ. Пора перейти къ другому образу дѣйствій, соединяющему, но не обезличивающему разнородные элементы.

Наше мнѣніе о либерализмѣ, какъ видно изъ сказаннаго выше, не вполнѣ совпадаетъ съ тѣмъ, которое выражено въ печатаемомъ нами (стр. 846) письмѣ В. И. Герье. Почтенный авторъ письма совершенно правъ, утверждая, что либерализмъ не долженъ прибѣгать къ употребленію огня и меча; но мы не думаемъ, чтобы „правительство сдѣлало свое дѣло, призвавъ общество къ соучастію въ законодательствѣ и къ контролю надъ управленіемъ“, и что „успѣхъ этого дѣла зависитъ теперь уже отъ русскаго общества“. Разбирая государственные акты 6-го августа, мы старались показать, что слишкомъ незначительно и мало обезпечено установленное ими участіе Думы въ законодательной дѣятельности, слишкомъ фиктивенъ ея контроль надъ управленіемъ, слишкомъ неудовлетворительна лежащая въ ея основѣ избирательная система. Чтобы „поставить на первый планъ заботу о реальныхъ интересахъ страны“, народное представительство должно обладать достаточными полномочіями и выражать собою взгляды всего народа, а не только нѣкоторыхъ общественныхъ классовъ. Стремиться къ осуществленію этихъ условій—не значитъ „придавать слишкомъ много значенія тео-

---

[1]) Въ окончательной своей редакціи резолюція съѣзда формулирована такъ: „имѣя въ виду, что образованіе мѣстныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, является потребностью нѣкоторыхъ частей имперіи, съѣздъ постановилъ, что послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всей имперіи, долженъ быть открытъ законный путь для установленія мѣстной автономіи“.

ріямъ и формамъ"; наоборотъ, это значитъ оставаться на почвѣ фактовъ, домогаться того, безъ чего немыслимо плодотворное служеніе „реальнымъ интересамъ". Безспорно, „принципы, возвѣщавшіеся рѣчами 1792-го и 1848-го г.г., стали общеизвѣстными": но вѣдь задача русскаго народнаго представительства будетъ заключаться не въ томъ, чтобы открыть ихъ и провозгласить во всеуслышаніе, а въ томъ, чтобы примѣнить ихъ, насколько это возможно и необходимо, къ русской жизни. Въ „слишкомъ звонкихъ рѣчахъ" и мы не видимъ никакой надобности; но за предѣлы либерализма, какъ его понимаетъ В. И. Герье, придется выйти не на словахъ, а на дѣлѣ. Опасеній В. И. Герье, что „борьба изъ-за власти" (правильнѣе было бы сказать: „борьба изъ-за правъ народнаго представительства") овладѣетъ земскими собраніями и городскими думами, мы не раздѣляемъ; мы думаемъ, что именно правильная постановка центральнаго представительства позволитъ мѣстнымъ учрежденіямъ сосредоточиться всецѣло на служеніи мѣстнымъ интересамъ. Нельзя утверждать наконецъ, что „роль избирателей оканчивается у избирательнаго ящика". Нѣчто подобное возможно, пожалуй, въ эпоху политическаго затишья, когда многое достигнуто, а новыя задачи еще не выступаютъ на сцену. Не таково настоящее положеніе дѣлъ въ Россіи: мы переживаемъ переходное время, мало благопріятное для инерціи и квіетизма. Нельзя ожидать, нельзя даже желать, чтобы избиратели пробуждались отъ сна только въ моментъ выборовъ. Чтобы подать голосъ сознательно, необходимо слѣдить за дѣятельностью народныхъ представителей,— а вниманіе, въ данномъ случаѣ, немыслимо безъ той или другой степени интереса, безъ сочувствія или несочувствія. *Активное* „вмѣшательство всѣхъ и каждаго въ государственное дѣло" и мы считаемъ вреднымъ и опаснымъ; но предупредить его можетъ только правильно организованное, истинно-народное представительство, и послѣ 6-го августа остающееся въ области желаемаго. „Одинъ либерализмъ"—говоритъ В. И. Герье—„способенъ сохранить въ критическую минуту справедливость и гуманность и открыть для Россіи, безъ матеріальнаго и нравственнаго ущерба, новую эру политической свободы". Да, открытіе новой эры невозможно безъ торжества либерализма—но либерализма не замыкающагося въ узкія рамки отжившей экономической доктрины, а соединяющаго стремленіе къ политической свободѣ съ стремленіемъ къ благосостоянію и культурному развитію народныхъ массъ.

Съ „бойкотомъ" Государственной Думы, отвергнутымъ, почти единогласно, съѣздомъ земскихъ и городскихъ дѣятелей, но все еще находящимъ поддержку въ нѣкоторыхъ союзахъ и нѣкоторыхъ органахъ

печати, очень сходенъ „бойкотъ“ университетской автономіи, попытки котораго мы видимъ и въ Петербургѣ, и въ Москвѣ, и въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ. Высочайшіе указы 27-го августа и 17-го сентября создали для нашей высшей школы то положеніе, къ которому она такъ давно и такъ энергично стремилась. Еще не зная о состоявшейся перемѣнѣ, второй делегатскій съѣздъ академическаго союза, засѣдавшій, въ концѣ августа, въ Москвѣ, высказался за возобновленіе учебныхъ занятій, подъ однимъ лишь условіемъ отсутствія принудительныхъ къ тому мѣръ со стороны администраціи. Получилось, на самомъ дѣлѣ, нѣчто гораздо бо̀льшее и лучшее. Выборы, происходившіе въ началѣ сентября, привели къ блестящимъ результатамъ: во главѣ университетовъ стали лица, популярныя среди студентовъ и заслужившія довѣріе общества. Все благопріятствовало, такимъ образомъ, умиротворенію высшей школы. Къ нему взывали и авторитетные учителя молодежи, и обновленные совѣты, и передовые органы печати. „Въ настоящее время“—писали, напримѣръ, „Русскія Вѣдомости“ наканунѣ открытія московскаго университета — „всякія прямыя и косвенныя попытки помѣшать правильному ходу академической жизни становятся уже безцѣльными, если не видѣть цѣли въ превращеніи высшей школы въ арену политическихъ митинговъ. Такая цѣль не можетъ быть допущена профессорской коллегіей, ибо ея цѣль и долгъ—поддержаніе и развитіе высшей школы, а не самоубійство, не принесеніе дѣла науки и преподаванія въ жертву какимъ-либо другимъ цѣлямъ, для которыхъ имѣются и другіе пути. Тѣ изъ учащихся, которые чувствуютъ себя призванными и подготовленными къ политической дѣятельности, имѣютъ возможность осуществлять ее помимо университета. Можетъ ли студенчество въ его массѣ раздѣлять мнѣніе, что главное призваніе слушателей высшей школы заключается теперь въ томъ, чтобы произносить въ аудиторіяхъ рѣчи и составлять радикальныя „резолюціи“, хотя бы это и мѣшало ходу учебныхъ занятій? Во всякомъ случаѣ нетрудно убѣдиться, что на такомъ пути долго и далеко идти нельзя. Путь этотъ, если бы онъ былъ избранъ, долженъ былъ бы неизбѣжно повести къ закрытію университета: но тогда и студенчество, какъ колколлективное цѣлое, вынуждено будетъ разсѣяться, а затѣмъ и самъ университетъ долженъ будетъ пасть“. „Университетъ“ — говорилъ нѣсколько позже профессоръ Тимирязевъ—„долженъ быть поставленъ подъ охрану студентовъ-гражданъ: они съумѣютъ, они должны съумѣть охранить спокойствіе въ стѣнахъ этой мастерской науки“. Оправдаются ли эти ожиданія и надежды? Опредѣленнаго отвѣта на этотъ вопросъ пока дать еще нельзя. „Резолюціи“, принимаемыя на сходкахъ въ университетахъ (не называемъ ихъ *студенческими* сходками, по-

тому что участвуютъ въ нихъ часто и не-студенты), далеко не всегда имѣютъ успокоительный характеръ. Въ Москвѣ, 16-го сентября, не могла состояться лекція одного изъ профессоровъ, потому что аудиторія, гдѣ она должна была быть прочитана, была занята подъ сходку. То же самое повторилось и 19-го сентября. Къ собравшимся студентамъ вышелъ помощникъ ректора, профессоръ А. А. Мануиловъ, котораго встрѣтили громомъ апплодисментовъ. Профессоръ остановилъ ихъ словами: „Не апплодируйте мнѣ, я не сочувствую такой сходкѣ. Вы уже второй разъ собираетесь въ этой аудиторіи и не даете вести занятій. Отчего бы вамъ не собраться хотя бы черезъ два часа? Мы требуемъ, чтобы вы не мѣшали занятіямъ, не допускаемъ посторонникъ лицъ. Говорятъ, что среди васъ есть группа, которая желаетъ, чтобы совѣтъ университета обратился къ полиціи съ просьбой закрыть университетъ, но этого группа не добьется отъ насъ, и въ крайнемъ случаѣ мы будемъ апеллировать къ общественному мнѣнію“. Сходка, тѣмъ не менѣе, продолжалась, но, судя по газетнымъ сообщеніямъ, не пришла къ окончательному заключенію; часть присутствовавшихъ студентовъ заявила передъ совѣтомъ протестъ противъ нарушенія правъ профессорской коллегіи. Одною изъ партій, на которыя раздѣлились студенты, внесено было на сходку предложеніе учредить два совѣта—коалиціонный и центральный. Совѣтъ коалиціонный предназначается для активной дѣятельности; въ составъ его входятъ и постороннія лица, и составъ его хранится въ тайнѣ. Центральный совѣтъ создается для нормированія внутренней академической жизни студенчества и представляетъ студентовъ въ сношеніяхъ съ другими корпораціями, такъ или иначе связанными съ академическимъ міромъ. Въ составъ совѣта входитъ 21 человѣкъ, по одному отъ каждаго курса; изъ этого числа членовъ два входятъ въ коалиціонный. Постановленія коалиціоннаго совѣта обязательны для центральнаго, который не можетъ распоряжаться помѣщеніемъ университета безъ разрѣшенія коалиціоннаго. Центральному совѣту принадлежитъ право требовать объясненія отъ каждаго члена студента, кромѣ членовъ коалиціоннаго совѣта... Нужно ли доказывать, что для такой организаціи не можетъ быть мѣста на студенческой почвѣ? Что это за тайный трибуналъ, ни передъ кѣмъ не отвѣтственный, только отчасти состоящій изъ студентовъ и, тѣмъ не менѣе, претендующій на распоряженіе судьбами университета? Если ему суждено образоваться, пускай онъ существуетъ гдѣ угодно, но только не въ стѣнахъ „научной мастерской“, имѣющей свои особыя, вполнѣ опредѣленныя задачи. Деспотизмъ всемогущаго комитета былъ бы зломъ еще худшимъ, чѣмъ тѣ, отъ которыхъ такъ долго страдала наша высшая школа. Мы вѣримъ, что его торжеству помѣшаетъ дружная дѣятельность освобожденнаго совѣта

и той части студенчества, которая не захочетъ стать игралищемъ въ чужихъ рукахъ, орудіемъ для достиженія невѣдомыхъ цѣлей.

Возставая противъ попытокъ нарушить мирное теченіе университетской жизни, мы не скрываемъ отъ себя, что правительствомъ сдѣлано еще далеко не все, необходимое для успокоенія молодежи. Совершенно правъ профессоръ Вернадскій, утверждая [1]), что сохраненіе въ цѣлости высшей школы возможно лишь при свободѣ собраній, союзовъ и печати. Право собраній „уничтожаетъ смыслъ студенческихъ сходокъ внутри академическихъ учрежденій, разъ только такія сходки будутъ выходить за предѣлы академическихъ вопросовъ. Студенческія политическія собранія или сходки, если въ нихъ будетъ надобность, должны происходить на общемъ основаніи, внѣ стѣнъ высшихъ школъ, въ частныхъ или общественныхъ помѣщеніяхъ. Студенты будутъ принимать въ нихъ участіе не въ качествѣ студентовъ, а на равномъ основаніи со всѣми остальными гражданами. Свобода печати во многихъ случаяхъ сдѣлаетъ излишними и эти сходки". Свобода собраній, общая для всѣхъ и возведенная на степень безспорнаго права, позволитъ университетамъ и другимъ высшимъ школамъ настаивать на точномъ исполненіи правила, въ силу котораго сходки въ стѣнахъ школы должны имѣть предметомъ только вопросы академическаго характера и происходить при участіи однихъ только учащихся въ данной школѣ... Къ тому же заключенію, какъ и В. И. Вернадскій, пришелъ совѣтъ с.-петербургскаго университета. „Пока жизнь русскаго общества"—читаемъ мы въ резолюціи, принятой совѣтомъ по поводу указа 27-го августа,—„не будетъ умиротворена осуществленіемъ и органическимъ развитіемъ возвѣщенныхъ общихъ реформъ, полное успокоеніе академической жизни не можетъ быть достигнуто ни властью, ни нравственнымъ вліяніемъ совѣта. Въ интересахъ академической жизни, по глубокому убѣжденію совѣта, особенно настоятельнымъ слѣдуетъ признать обезпеченіе свободы печатнаго и устнаго слова, свободы собраній и союзовъ и неприкосновенности личности. Только при такихъ условіяхъ, устраняющихъ возможность административнаго произвола и обезпечивающихъ всѣмъ и каждому право открыто выражать, какъ единолично, такъ и коллективно, свое убѣжденіе, взволнованное настроеніе студенчества найдетъ нормальные выходы и тѣмъ самымъ будетъ устранена коренная причина тѣхъ печальныхъ явленій, которая донынѣ тормозитъ нормальный ходъ научной и академической работы".

---

[1]) См. „Право", № 35.

Насколько нежелателенъ, особенно въ сферахъ, лишь косвенно соприкасающихся съ политикой, избытокъ прямолинейности и непримиримости—объ этомъ свидѣтельствуетъ конфликтъ, къ которому дала поводъ рѣшимость общеземской организаціи дѣйствовать, въ борьбѣ съ послѣдствіями неурожая, подъ флагомъ Краснаго Креста. Оффиціальный характеръ послѣдняго побудилъ делегатовъ союза врачей отказаться отъ соглашенія съ общеземской организаціей, т.-е. значительно уменьшить какъ ея, такъ и свою собственную силу: для земскихъ дѣятелей затруднено пріисканіе врачебной помощи, столь важной въ голодающихъ мѣстностяхъ, для союза врачей увеличены шансы столкновеній съ мѣстными властями. Такимъ столкновеніямъ, если они произойдутъ, союзъ врачей предполагаетъ противопоставить общую забастовку, которая сама по себѣ явится большимъ бѣдствіемъ для страны и нимало не улучшитъ положенія голодающихъ. Замѣтимъ, что соглашеніе съ Краснымъ Крестомъ ни въ чемъ не связываетъ свободу дѣйствій общеземской организаціи, а наоборотъ, гарантируетъ эту свободу: достаточнымъ ручательствомъ тому служитъ имя кн. Г. Е. Львова (предсѣдателя тульской губернской земской управы), ведшаго переговоры съ Краснымъ Крестомъ. Въ недавнемъ прошломъ можно, конечно, найти объясненіе недовѣрія, выразившагося въ постановленіи союза врачей; но обстоятельства, съ тѣхъ поръ, настолько измѣнились, что можно было бы и устоять противъ запоздалыхъ подозрѣній. Если бы они, паче чаянія, оправдались, ничто не помѣшало бы положить конецъ участію въ общей работѣ. Положеніе губерній, постигнутыхъ неурожаемъ, такъ тяжело, что меньше чѣмъ когда-либо желательны уклоненія отъ формулы: viribus unitis. Трагизмъ этого положенія прекрасно выставленъ на видъ въ письмѣ А. А. Стаховича (члена елецкой земской управы), напечатанномъ въ № 252 „Русскихъ Вѣдомостей“. Подъ вліяніемъ ужасовъ, совершающихся въ разныхъ концахъ Россіи, сердце русскаго обывателя, по справедливому замѣчанію г. Стаховича, „стало менѣе отзывчиво къ общественнымъ бѣдствіямъ. Разгорѣлись и обострились, притомъ, политическія страсти, раздѣлившія общество на много группъ, чуть ли не съ ненавистью, враждой и ожесточеніемъ другъ къ другу относящихся. Это ожесточеніе и политическая вражда не могутъ, къ несчастью, не отразиться на отношеніи общества къ надвигающемуся на Россію новому бѣдствію,—голодовкѣ“. „По совершенно понятнымъ причинамъ“—продолжаетъ авторъ письма,—„вся энергія мыслящей части русскаго общества поглощена сейчасъ идеей политическаго освобожденія Россіи. Вниманіе общества не сосредоточивается на явленіяхъ общественной жизни, хотя бы самыхъ серьезныхъ, если они не имѣютъ непосредственнаго отношенія къ освободительному движенію“. И все-таки А. А. Стаховичъ

вѣритъ, что общество не останется равнодушнымъ къ новой бѣдѣ, постигшей Россію. Мы раздѣляемъ эту вѣру, раздѣляемъ ее уже потому, что истощеніе народныхъ силъ — плохое условіе для успѣха освободительнаго движенія.

Какъ широко распространено пониманіе условій, необходимыхъ для обновленія нашего государственнаго строя—это видно, между прочимъ, изъ постановленія, принятаго на дняхъ с.-петербургскимъ губернскимъ дворянскимъ собраніемъ. Дворянство выражаетъ увѣренность, что будущіе члены Государственной Думы „направятъ всѣ свои силы на проведеніе въ жизнь мѣръ къ укрѣпленію законности въ населеніи и къ пресѣченію произвольныхъ и безотвѣтственныхъ нарушеній закона со стороны органовъ власти". Дворянство признаетъ, что „для правильнаго теченія государственной жизни должны быть разграничены органы власти законодательной, судебной и административной, а посему надлежитъ стремиться къ проведенію такихъ правилъ, кои установили бы однообразный порядокъ внесенія, обсужденія и изданія всякаго закона, однородный для всѣхъ состояній судъ съ независимымъ отъ администраціи персоналомъ и дѣйствительную отвѣтственность администраціи по суду". Оно признаетъ также, что „при существованіи Государственной Думы закономъ должна быть точно нормирована свобода собраній, союзовъ и печати, а посему надлежитъ стремиться къ устраненію мѣръ административнаго усмотрѣнія и установленію отвѣтственности по суду". Итакъ, петербургское дворянство—одно изъ наиболѣе сдержанныхъ и осторожныхъ — высказывается противъ дальнѣйшаго существованія института земскихъ начальниковъ и за осуществленіе тѣхъ видовъ свободы, безъ которыхъ невозможенъ переходъ къ новому государственному строю. Съ первымъ изъ этихъ заявленій любопытно сопоставить недавно изданный наказъ земскимъ начальникамъ, какъ свидѣтельство о томъ, что министерству внутреннихъ дѣлъ все еще чужда мысль объ отмѣнѣ учрежденія, противорѣчащаго основнымъ началамъ права. Что касается до второго заявленія, то фактовъ, подтверждающихъ его цѣлесообразность, текущая дѣйствительность представляетъ много, очень много. Ограничимся нѣсколькими примѣрами. Разборъ дѣла объ аграрныхъ безпорядкахъ въ глуховскомъ уѣздѣ обнаружилъ несомнѣнно, что надъ нѣкоторыми изъ обвиняемыхъ была произведена, нынѣшней весной, административная расправа, безусловно недопустимая вообще, а въ особенности послѣ изданія манифеста 11-го августа прошлаго года... 13-го сентября арестованъ въ Нижнемъ-Новгородѣ присяжный повѣренный Н. А. Жемчуговъ, для высылки *на три года* въ вологод-

скую губернію. По словамъ „Русскихъ Вѣдомостей“, „г. Жемчуговъ никогда не привлекался ни по одному политическому процессу и подвергся карѣ исключительно по представленію мѣстной администраціи. Причины высылки неизвѣстны. Г. Жемчуговъ за послѣднее время велъ цѣлый рядъ процессовъ, направленныхъ противъ неправильныхъ дѣйствій чиновъ мѣстной полиціи, и, между прочимъ, участвуетъ, въ качествѣ повѣреннаго всесословнаго клуба, въ производящемся въ нижегородскомъ окружномъ судѣ дѣлѣ объ исключеніи мѣстнаго помощника полицеймейстера изъ числа членовъ клуба“. Итакъ, не только продолжаютъ примѣняться всѣми осуждаемыя административныя кары, но обрушиваются даже на тѣхъ, кто не навлекаетъ на себя обвиненія въ политическомъ преступленіи или проступкѣ. Не прекращается, какъ видно изъ случая съ П. Н. Милюковымъ и другими лицами, и лишеніе свободы на довольно продолжительное время, безъ объясненія причинъ... Военнымъ судамъ предписывается не смягчать собственною властью наказанія, назначаемыя лицамъ, преданнымъ суду на основаніи положенія объ усиленной охранѣ... Если вѣрить „Праву“, ходатайство военно-морского суда о смягченіи наказанія четыремъ нижнимъ чинамъ, приговореннымъ къ смертной казни, отклоняется главнымъ командиромъ черноморскаго флота безъ представленія на Высочайшее воззрѣніе... Нужны ли дальнѣйшія доказательства тому, что пора перейти отъ провозглашенія законности къ дѣйствительному проведенію ея въ жизнь?

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНІЕ
ПЯТАГО ТОМА

СЕНТЯБРЬ—ОКТЯБРЬ, 1905.

Книга девятая. — Сентябрь.

стр.

Мой дневникъ на войнѣ 1877—78 г.г. — 1877-ой годъ.—VI: 21—31 декабря.—М. А. ГАЗЕНКАМПФА 5

„Вѣрный путь".—Разсказъ.—XIII-XXV.—Окончаніе.—М. Ѳ. ЛУБИНСКАГО . 45

Дворянство и землевладѣніе.—VII. Пріобрѣтеніе правъ потомственнаго дворянства. — VIII. Пересмотръ дворянскихъ учрежденій.—IX. Заключеніе.—Окончаніе.—Ѳ. Г. ТЕРНЕРА. 67

Встрѣчи.—Повѣсть.—I-V.—КС. ПУСТОВОЙТЕНКО 95

Габріэль Тардъ и его соціологическая и философская система.—V. Приспособленіе.—VI. Соціальная логика.— VII. Публичное мнѣніе.—Окончаніе.—Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО 124

„Одержимые".—Эскизъ.—По роману „Les Obsédés", par L. Frapié.—I-XIII.—Съ фран. З. В. 155

Совѣщательное народное представительство.—В. В. ИВАНОВСКАГО. . . . 207

Искатели клада. — Романъ.—Dialstone Lane, by W. Jacobs.—X-XIX.—Окончаніе.—Съ англ. О. Ч. 222

Народная бѣдность и ея причины.—НИКОЛАЯ КАТАЕВА 266

Русскій рабочій по отчетамъ фабричной инспекціи.—Д. П. НИКОЛЬСКАГО . 285

Хроника.—Бюрократія и народное представительство.—Л. З. СЛОНИМСКАГО. 310

Государственные акты 6-го августа 320

Внутреннее Обозрѣніе.—Государственные акты 6-го августа.—Главныя различія между учрежденіемъ Государственной Думы и первоначальнымъ его проектомъ.—Положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; недостаточное число выборщиковъ, обособленность выборщиковъ-крестьянъ.—Условія, безъ которыхъ невозможно правильное производство выборовъ.—Необходимость скорѣйшаго пополненія пробѣловъ, оставшихся въ положеніи о выборахъ.—Отмѣна указа, даннаго 18-го февраля правительствующему сенату. — Неурожай въ тульской губерніи. — Вопросъ о смертной казни несовершеннолѣтнихъ. 343

Иностранное Обозрѣніе. — Заключеніе мира съ Японіею. — Ходъ переговоровъ въ Портсмутѣ.— Спорные вопросы объ условіяхъ мира.—Правительственное сообщеніе. — Особенности японской дипломатіи и причины нашего успѣха.—Роль президента Рузевельта и заслуга статсъ-секретаря Витте.—Политическія перспективы на Дальнемъ Востокѣ. 365

Литературное Обозрѣніе.—I. Андреевичъ, Опытъ философіи русской литературы. — II. А. А. Корниловъ, Очерки по исторіи общественнаго движенія и крестьянскаго дѣла въ Россіи. — III. Л. Шепелевичъ, Историко-литературные этюды.—IV. Александръ Новиковъ, Записки городского головы.—V. М. Арцыбашевъ, Разсказы, томъ I.—ЕВГ. Л.—Новыя книги и брошюры. 378

Новости Иностранной Литературы.—Jakob Wassermann. Alexander in Babylon.—З. В. 400

Замѣтка.—По поводу статьи Поля Гиро „О римскомъ имперіализмѣ".—ИВ. ДУСИНСКАГО 411

Изъ Общественной Хроники. — Признаніе необходимости устраненія „излишнихъ стѣсненій" отечественной печати.—Работы Особаго Совѣщанія по проекту новаго закона о печати и одновременная съ ними старая практика въ печатномъ дѣлѣ.—Оригинальная характеристика работъ Совѣщанія однимъ изъ его членовъ.—Главнѣйшія общія начала, выработанныя Совѣщаніемъ, и обязательное для него направленіе въ его работахъ.—Мотивы къ повсемѣстной отмѣнѣ предварительной цензуры и административныхъ взысканій. — Установленіе явочнаго порядка для открытія газетъ и журналовъ.—Отмѣна 140-й статьи нынѣшняго устава о печати и предварительной цензуры для книгъ.—Спеціальныя цензуры.—Цензура иностранныхъ книгъ и духовная цензура. — Необходимость ускорить нынѣ выходъ новаго закона о печати 426

Библіографическій Листокъ. — П. А. Некрасовъ, Государство и Академія. — Конституціонное государство, сборникъ статей. — Н. Бельтовъ, Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію.

Объявленія.—I-IV; I-XII.

Книга десятая. — Октябрь. стр.

Изъ дружеской переписки гр. А. К. Толстого: I. Письма Ивана Аксакова.— II. Письма гр. Владиміра Соллогуба 441
„Записки“ о Сиріи и Палестинѣ.—В. ТЕПЛЯКОВА 448
Махровые лепестки.—Повѣсть.—I-VIII.—В. И. Б—НОЙ 480
Пасха на Капри.—Очерки изъ жизни современной Италіи.—I-IX.—Л. РУСКИНА. 517
Поля.—Изъ воспоминаній орловскаго помѣщика Михаила Ивановича Пущинскаго.—ГРАФИНИ А. А. ТОЛСТОЙ 559
Изъ поѣздки въ Саровъ.—Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.—I-IV.—Л. Е. ОБОЛЕНСКАГО 588
Черная змѣя.—Романъ.—Paul Adam, „Le Serpent noir“.—I-II.—Съ франц. З. В. 630
Творчество И. С. Тургенева, процессъ его и пріемы.—Н. ГУТЬЯРА 681
Въ розовомъ цвѣтѣ. — Разсказъ. — W. Weigand, Novellen: Anselm der Hartheimer.—I-VII. — Съ нѣм. О. Ч. 699
„Скерцо“ на гражданскіе мотивы.—А. М. ЖЕМЧУЖНИКОВА 731
Хроника.—Народное представительство и правовой порядокъ.—Л. С. СЛОНИМСКАГО 736
Внутреннее Обозрѣніе. — Положеніе русскаго крестьянства по даннымъ оффиціальной „Коммиссіи о центрѣ“.—Д. РИХТЕРА. 745
Иностранное Обозрѣніе.—Новый союзный договоръ между Англіею и Японіею.— Общіе результаты мира. — Дипломатическіе успѣхи статсъ-секретаря С. Ю. Витте.—Старые грѣхи нашей международной политики 780
Литературное Обозрѣніе.—I. Бельтовъ, За двадцать лѣтъ.—II. Послѣднія сочиненія Н. К. Михайловскаго, т. II.—III. I. Табурно, Правда о войнѣ.— IV. Танъ, Стихотворенія.—V. Оптимистъ, Въ ожиданіи.—VI. Сборникъ Харьковскаго Историко-Филологическаго Общества.—ЕВГ. Л.—VII. Ремесла и промыслы Херсонской губерніи.—VIII. А. А. Кауфманъ, Переселеніе и колонизація. — IX. А. Кофодъ, Крестьянскіе хутора на надѣльной землѣ. — X. Положеніе вопроса о рабочихъ организаціяхъ въ иностранныхъ государствахъ.—А. Ф. Волковъ, Секретаріаты рабочихъ и палаты труда въ Западной Европѣ.—В. В.—Новыя книги и брошюры. 795
Новости Иностранной Литературы.— Robert Dreyfus. La Vie et les prophéties du comte de Gobineau. — З. В. 834
По поводу государственныхъ выборовъ.—Письмо въ Редакцію —В. И. ГЕРЬЕ. 846
Изъ Общественной Хроники. — Сентябрьскій съѣздъ земскихъ и городскихъ дѣятелей.—Отношеніе его къ вопросу объ участіи въ избраніи Государственной Думы.—Экономическая программа съѣзда.—Автономія нѣкоторыхъ областей равносильна ли „расчлененію“ Россіи?—Нѣсколько словъ по поводу письма В. И. Герье.—Перемѣна въ положеніи нашей высшей школы. — Общеземская организація помощи голодающимъ, Красный Крестъ и союзъ врачей. — Письмо А. А. Стаховича о борьбѣ съ послѣдствіями неурожая.— Постановленіе с.-петербургскаго дворянства.— Нѣсколько печальныхъ фактовъ 848
Библіографическій Листокъ.—А. Ѳ. Кони, Судебныя рѣчи, изд. 4-ое.—Русскіе портреты XVIII и XIX столѣтій, изд. В. К. Николая Михаиловича.— Маркъ Матвѣевичъ Антокольскій, его жизнь, творенія, письма и статьи, изд. п. р. В. В. Стасова. — Собраніе сочиненій Н. И. Костомарова, книга 7-я: Послѣдніе годы Рѣчи Посполитой.—В. Я. Стоюнинъ, Пушкинъ, 2-е изданіе.
Объявленія.—I-IV; I-XII стр.

Московский Совет. Красно-Пресн. р. Библиотека имени П. З. Сурикова
Журнальный фонд Московской обл. библиотеки